

Археологические вести

— 41 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

41
(2023)

Saint Petersburg
2023

Археологические вести

41
(2023)

Санкт-Петербург
2023

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Ю. Вахтина (отв. ред.), В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — **Вып. 41** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2023. — 382 с.: ил.

ISSN 1817-6976

Очередной (41-й) выпуск «Археологических вестей» посвящен памяти известных ученых Е. И. Леви (1903–1996) и А. Н. Щеглова (1933–2009), работавших в ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН и внесших значительный вклад в изучение античной культуры Северного Причерноморья. В 2023 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Е. И. Леви и 90 лет со дня рождения А. Н. Щеглова. Круг их научных интересов был широк, оба они вели многолетние, масштабные и успешные исследования античных памятников, существенно расширившие наши представления о жизни древних греков в регионе, особенностях их хозяйства и духовной культуры. Е. И. Леви мы помним, прежде всего, как исследовательницу Ольвии и знатока античного искусства. А. Н. Щеглов, занимавшийся изучением памятников Западного Крыма и поселений хоры Херсонеса Таврического, в результате комплексных исследований реконструировал облик сельской округи древнего города, внося существенный вклад в изучение его экономического развития.

В выпуск вошли статьи, посвященные памятникам Северного Причерноморья, новым находкам и открытиям от эпохи поздней бронзы до средневекового времени, а также общим вопросам развития античной культуры в регионе. Представлены также работы по истории отечественной науки.

The current (41st) issue of the *Archaeological News* is devoted to the memory of the prominent scholars Elena I. Levi (1903–1996) and Aleksandr N. Shcheglov (1933–2009) who worked at the LOIA AS USSR / IHMC RAS and have largely contributed to the studies of the Classical culture of the Northern Black Sea Region. In 2023 we celebrate 120 years since the birth of E. I. Levi and 90 years since the birth of A. N. Shcheglov. The scope of their scientific interests was very wide. For many years they both have conducted large-scale and successful investigations of Classical sites having essentially enlarged our notions about the life of ancient Greeks in the region under study, the features of their economy and spiritual culture. We remember E. I. Levi firstly as a researcher of Olbia and a connoisseur of ancient art. A. N. Shcheglov who was occupied with investigations of archaeological sites of Western Crimea and settlements in the chora of Tauric Chersonesos has succeeded by interdisciplinary studies in a reconstruction of the character of the rural surroundings of this ancient city and contributed considerably to the knowledge about its economical development.

The present collection comprises articles concerned with sites of the Northern Black Sea littoral, new finds and discoveries related with the chronological range from the Late Bronze Age until the Mediaeval era as well as with general questions of the evolution of the Classical culture in the considered region. Also several studies on the history of the national science are presented.

Первая и четвертая страницы обложки — асс, Ольвия. © Государственный Эрмитаж
First and forth pages of cover — assarion, Olbia. © The State Hermitage Museum

© Институт истории материальной культуры РАН, 2023
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2023

Содержание

ВСПОМИНАЯ Е. И. ЛЕВИ (1903–1996) И А. Н. ЩЕГЛОВА (1933–2009)

Ю. А. Виноградов. Елена Ивановна Леви — выдающаяся исследовательница Ольвии	9
М. В. Медведева. Елена Ивановна Леви. Фотозарисовки научной жизни	12
Библиография работ Е. И. Леви (составитель Л. М. Всевиов)	25
М. Ю. Вахтина. К 90-летию со дня рождения Александра Николаевича Щеглова	27
Дополнения к опубликованной библиографии работ А. Н. Щеглова (составитель Л. М. Всевиов)	32

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. Е. Чистов. К оценке численности жителей архаического Березанского поселения	33
Ю. И. Ильина, А. В. Круглов. Ольвийский псевдокурор: полуфигура у колодца	40
Д. П. Алексинский, Ю. И. Ильина, М. Г. Боровикова. Два шлема из Ольвии (история находки, атрибуция, реставрация).....	55
Е. В. Четверкина. Местная кухонная керамика из Ольвии (по материалам раскопок Ольвийской экспедиции ЛОИА / ИИМК 1948–1991 гг.)	72
А. А. Гиблова, Е. В. Четверкина, М. Е. Клемешова, Е. Ю. Медникова. К вопросу о технологии изготовления лепной керамики Ольвии и ее хоры	87
А. В. Батасова, А. А. Гиблова. Районирование округа Тиры и Никония в доримское время	110
Т. В. Рябкова. Сосуд царя Арианта: мифологические параллели и археологические реалии	120
М. Ю. Вахтина. О композиции на серебряных нащечниках из кургана Огуз (1902 г.)	133
А. Г. Букина. Сцены и символы брака: аттические полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре	143
В. А. Горончаровский. Склеп Ульпиев и представители этого рода в эпиграфике Боспора	162
А. П. Бехтер, А. М. Бутягин. Надгробная стела Перяндра, сына Мирмека	175
П. В. Гурьева, Д. В. Журавлев, Е. С. Коваленко, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина. Фигурный сосуд в виде пантеры из Пантикапея — взгляд вовнутрь	180
М. Ю. Трейстер, Н. И. Винокуров. Серьги из драгоценных металлов из слоя пожара 46–47 гг. н. э. ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму	189
Т. В. Егорова, Н. И. Сударев. Расписная и чернолаковая керамика из трех комплексов кургана 1 Юго-Восточного некрополя Фанагории	196
Н. Ю. Лимберис. Комплекс чернолаковой керамики из Старотитаровского кургана на Таманском полуострове	208
А. Е. Терещенко, Д. Е. Чистов. Монеты из раскопок поселения Вестник-1	220

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Е. Петракова, Д. А. Топал.</i> Аттическая краснофигурная пелика из скифского кургана близ молдавского села Манта: проблемы атрибуции и интерпретации изображения	227
<i>И. Ю. Шауб.</i> К интерпретации одной разновидности херсонесских терракот (Эрот или Танатос?)	247
<i>Е. Е. Антонов.</i> Позднескифские «земляночные» горизонты в Керкинитиде и Калос Лимене	258
<i>С. В. Ушаков.</i> Штампы на позднеантичной краснолаковой керамике из Северо-Восточного района Херсонеса: новые и известные находки и их анализ	265

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>И. А. Снытко.</i> Территориальные владения Ольвийского полиса в архаическое, классическое и раннеэллинистическое время (современное состояние проблемы)	276
<i>Т. М. Кузнецова.</i> Генезис зеркал «ольвийского» типа и их трансформация на северных берегах Понта	286
<i>А. М. Бутягин, В. П. Колосов.</i> К проблеме датировки восточной части оборонительной системы Мирмекия	300
<i>А. Н. Коваленко.</i> К вопросу о характере и хронологии эллинского святилища IV — начала III в. до н. э. на Елизаветовском городище	309
<i>Т. В. Рябкова, М. В. Саблин, Н. А. Любимов.</i> Тарасова Балка, определение типа памятника по археологическим и фаунистическим данным	320

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>В. Н. Кузнецова.</i> «...и я всей душой хотел бы проводить раскопки именно там»: материалы В. Н. Ястребова по исследованиям в Херсонской губернии в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН	335
Протокол заседания Комиссии по чистке аппарата Государственного Эрмитажа 24 апреля 1931 г. (кадровая чистка М. И. Максимовой) (Вступительная заметка, подготовка текста и примечания А. В. Бочкова и М. В. Мандрик)	346
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Отто Оскарлович Крюгер. Эскиз к портрету ученого	361
<i>Ю. В. Кожуховская, С. Б. Ланцов, М. Т. Кашуба.</i> Изучение древних поселений возле Новофёдоровки в Западном Крыму (известные и «забытые» материалы)	373
Список сокращений	380

Contents

REMEMBERING E. I. LEVI (1903–1996) AND A. N. SHCHEGLOV (1933–2009)

<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Elena Ivanovna Levi — a prominent researcher of Olbia	9
<i>M. V. Medvedeva.</i> Elena Ivanovna Levi. Photosketches of the scientific life	12
Bibliography of works by E. I. Levi (compiled by L. M. Vsevirov)	25
<i>M. Yu. Vakhtina.</i> To the 90 th birthday anniversary of Aleksandr Nikolayevich Shcheglov	27
Supplements to the published bibliography of works by A. N. Shcheglov (compiled by L. M. Vsevirov)	32

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>D. E. Chistov.</i> Estimation of the population size at the archaic Berezan settlement	33
<i>Yu. I. Ilyina, A. V. Kruglov.</i> The Olbian Pseudo-Kouros — a Semi-Figure next to the Well	40
<i>D. P. Alexinskiy, Yu. I. Ilyina, M. G. Borovikova.</i> Two helmets from Olbia (history of the find, attribution, restoration)	55
<i>E. V. Chetverkina.</i> Local cooking ware from Olbia (materials from excavations of 1948–1991 by the Olbian Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology / IHMC RAS)	72
<i>A. A. Giblova, E. V. Chetverkina, M. E. Klemeshova, E. Yu. Mednikova.</i> To the problem of the technology of manufacture of handmade pottery at Olbia and its chora	87
<i>A. V. Batasova, A. A. Giblova.</i> Zoning of the surroundings of Tyras and Nikonion in the pre-Roman period	110
<i>T. V. Ryabkova.</i> The cauldron of the King Ariantas: mythological parallels and archaeological realities	120
<i>M. Yu. Vakhtina.</i> Depiction on the silver cheekpieces from the Oguz barrow (1902)	133
<i>A. G. Bukina.</i> Marriage scenes and symbols: Attic red-figure polychrome vases of the 4 th century BC in Cimmerian Bosphorus	143
<i>V. A. Goroncharovskiy.</i> Tomb of Ulpia and mentions of this family in the epigraphy of Bosphorus	162
<i>A. P. Bekhter, A. M. Butyagin.</i> Funeral stele of Periandros, son of Myrmex	175
<i>P. V. Guryeva, D. V. Zhuravlev, E. S. Kovalenko, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina.</i> Figure vessel in the form of a panther from Pantikapaion — view inside	180
<i>M. Yu. Treister, N. I. Vinokurov.</i> Earrings made of precious metals from the burnt layer of 46/47 AD of the early citadel of Artezian fortified site in Eastern Crimea	189
<i>T. V. Egorova, N. I. Sudarev.</i> Painted and black-figure ware from three complexes at kurgan 1 of the South-Eastern necropolis of Phanagoria	196
<i>N. Yu. Limberis.</i> An assemblage of black-glazed pottery from the Starotitarovskaya mound on the Taman Peninsula	208
<i>A. E. Tereshchenko, D. E. Chistov.</i> Coins from excavations at the settlement of “Vestnik-1”	220
<i>A. E. Petrakova, D. A. Topal.</i> Athenian red-figure pelike from Scythian kurgan near Moldavian village Manta: problems of attribution and interpretation of the vase-painting	227
<i>I. Yu. Schaub.</i> Interpretation of one group of Chersonesean terracottas (Eros or Thanatos?)	247

CONTENTS

<i>E. E. Antonov.</i> Late Scythian “pit-house” horizons at Kerkitis and Kalos Limen	258
<i>S. V. Ushakov.</i> Stamps on Late Classical red-slipped ware from the North-Eastern district of Chersonesos: new and unknown finds and new analysis	265

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>I. A. Snytko.</i> Territorial possessions of the Olbian polis in the Archaic, Classical and early Hellenistic period (current state of the problem).....	276
<i>T. M. Kuznetsova.</i> The genesis of mirrors of “Olbian” type and their transformation on the northern coasts of Pontus	286
<i>A. M. Butyagin, V. P. Kolosov.</i> To the problem of dating the eastern section of the defensive system of Myrmekion	300
<i>A. N. Kovalenko.</i> To the question about the character and chronology of the Hellenic sanctuary of the 4 th — early 3 rd centuries BC at the Elizavetovskoye fortified site	309
<i>T. V. Ryabkova, M. V. Sablin, N. A. Lyubimov.</i> Tarasova Balka, identification of the site type through archaeological and faunistic evidence	320

HISTORY OF SCIENCE

<i>V. N. Kuznetsova.</i> “...And with all my soul I would like to conduct excavations exactly there”: V. N. Yas- trebov’s materials on the investigations in Kherson Province kept at the Manuscript Department of the Scientific Archives of IHMC RAS	335
Transcript of the Meeting of the Commission for the Staff Purge of the State Hermitage of April 24, 1931 (Staff purging of M. I. Maksimova) (Introductory note, preparation of the text and comments by A. V. Bochkov and M. V. Mandrik)	346
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Otto Oskarovich Krüger. Sketch to the portrait of the scholar	361
<i>Iu. V. Kozhukhovskaia, S. B. Lantsov, M. T. Kashuba.</i> Study of ancient settlements in the vicinities of Novofedorovka in the Western Crimea (well-known and “forgotten” materials)	373
List of abbreviations	380

ВСПОМИНАЯ Е. И. ЛЕВИ (1903–1996) И А. Н. ЩЕГЛОВА (1933–2009)

Елена Ивановна Леви — выдающаяся исследовательница Ольвии

Ю. А. Виноградов¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-9-11

Вот уже 120 лет прошло со дня рождения Е. И. Леви, вклад которой в изучение античной культуры Северного Причерноморья невозможно переоценить. Полвека назад об этом определенно заявила М. И. Максимова (Максимова, 1964), и с этим мнением следует в полной мере согласиться (Виноградов, 2014; 2020; Головачева, 2014).

Елена Ивановна появилась на свет 21 мая (8-го по старому стилю) 1903 г. в г. Петрозаводске. Ее отец, Иван Иванович Леви, был евреем, принявшим православие. Он получил юридическое образование и служил адвокатом, присяжным поверенным. Мать, Любовь Ивановна Леви (Румянцева), занималась домашним хозяйством и воспитывала детей. Весной 1919 г. семья переехала в Петроград, и осенью того же года Елена Ивановна была принята в 101-ю Советскую школу (бывшую Стоюнинскую гимназию). Получив среднее образование, она осенью 1921 г. поступила в Петроградский университет на факультет общественных наук (бывшее литературно-художественное отделение). Студентка проходила обучение по музейному циклу, избрав предметом своей специализации античное искусство. Окончив обучение в 1924 г., Елена Ивановна была принята в ГАИМК в 1925 г., где стала работать в Разряде греко-римского искусства, который возглавлял Б. В. Фармаковский. Средств на жизнь явно не хватало, и Е. И. Леви в 1926–1927 гг. вынуждена была работать практиканткой в Музее Академии художеств, а в 1928 г., получив квалификацию библиотекаря, поступила на службу в Центральную библиотеку Политпросвета. Библиотека была оставлена лишь в декабре 1929 г., когда Елену Ивановну приняли в штат ГАИМК на должность

Рис. 1. Е. И. Леви (21 мая 1903 — 1 июня 1996)

Fig. 1. E. I. Levi (21 May 1903 — 1 June 1996)

научно-технического сотрудника (то есть лаборанта) Разряда колоний Северного Причерноморья. Несмотря на все сложности и материальные затруднения, Е. И. Леви стала регулярно выезжать в экспедиции ГАИМК, и первая ее экспедиция, естественно, была в Ольвию. Случилось это осенью 1926 г.

После смерти Б. В. Фармаковского (1928 г.), когда раскопки в Ольвии возглавил ученый совет из украинских и российских археологов, Е. И. Леви пришлось поработать под руководством будущего академика И. И. Мещанинова.

---

¹ Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

© Виноградов Ю. А., 2023.

В 1930–1931 гг. она приняла участие в исследованиях Таманской экспедиции ГАИМК во главе с А. А. Миллером. В 1932 г. Елена Ивановна была переведена в младшие научные сотрудники ГАИМК. В 1934 г. Боспорская (тогда Керченская) экспедиция провела масштабные раскопки Мирмекия. Е. И. Леви была их активной участницей, и большая статья трех авторов, вышедшая по результатам этих работ в 1941 г. (*Гайдукевич и др.*, 1941), стала фундаментом для будущего изучения городища. Справедливости ради надо отметить, что первая крупная печатная работа Елены Ивановны все-таки была посвящена ольвийским материалам — греческой привозной керамике из раскопок Ольвии (*Леви*, 1940).

В 1935 г. она вышла замуж, связав свою жизнь с человеком очень ярким и интересным — А. Н. Карасёвым (*Виноградов*, 2021). Этот семейный и научный тандем сделал невероятно много для античной археологии нашей страны. В том же 1935 г. Е. И. Леви приступила к написанию кандидатской диссертации, которая первоначально называлась «Античная колонизация Южного Причерноморья». Дальше была война...

Первую блокадную зиму семье Карасёвых пришлось провести в Ленинграде. Елена Ивановна, на руках у которой был маленький сын, сумела спасти и его, и Александра Николаевича, который умирал от голода. Эвакуация в Ташкент произошла только летом 1942 г. После победного завершения войны Е. И. Леви вернулась в Ленинград вместе с другими сотрудниками Института. В 1946 г. она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Показательно, что в том же 1946 г. исследовательница выехала в первую послевоенную Ольвийскую экспедицию, а перед этим (в январе) защитила кандидатскую диссертацию.

Как уже упоминалось, диссертация была задумана под названием «Античная колонизация Южного Причерноморья», но на защиту была вынесена работа «Гераклея Понтийская», то есть исследование всего одной из колоний Южного Понта. Защита состоялась 30 января 1946 г., официальными оппонентами Елены Ивановны были Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевич. Степень кандидата исторических наук была присуждена Е. И. Леви единогласно. Очень жаль, что эта работа до сих пор не опубликована. Свет увидела лишь статья, посвященная Присяге граждан Херсонеса (*Леви*, 1947).

С 1946 г. в центральной части Ольвии было начато изучение агоры, затем было выяснено, что

с севера к ней примыкает теменос с находившимися там храмами, алтарями и другими культовыми сооружениями. Замечательный семейный и научный тандем — Е. И. Леви и А. Н. Карасёв — развернул масштабные работы по изучению этого архитектурного комплекса. Здесь постепенно были раскрыты как культовые сооружения, так и общественные постройки — дикастерий, гимнасий, а также комплекс торговых и складских помещений. Обнаруженные тогда надписи раскрывали многие ранее неизвестные стороны гражданской и культовой жизни древнегреческого колониального полиса, его связей с другими греческими центрами Причерноморья и Средиземноморья. Стоит отметить, что с 1956 г. Елена Ивановна возглавила Ленинградский отряд Ольвийской археологической экспедиции.

Среди совместных научных творений Е. И. Леви и А. Н. Карасёва следует назвать их публикацию, посвященную домостроительству античных городов Северного Причерноморья (*Карасев, Леви*, 1955). Особого упоминания заслуживает сборник трудов «Ольвия. Теменос и агора» (Ольвия..., 1964), который вошел в золотой фонд отечественной античной археологии. Чрезвычайно ценным вкладом в изучение эпиграфики Северного Причерноморья стало издание тома «Надписи Ольвии (1917–1965)» (Надписи Ольвии..., 1968), увидевшего свет при активном участии и под редакцией Е. И. Леви (совместно с Т. Н. Книпович).

В июне 1972 г. из жизни ушел А. Н. Карасёв, но и после этого работы Ленинградского отряда на Ольвийском городище продолжались с прежним размахом. В немалой степени это было возможно благодаря усилиям целого коллектива исследователей, который сложился к тому времени. Назову лишь некоторые имена: Н. С. Белова, Л. В. Копейкина, Я. В. Доманский, Ю. Г. Виноградов, К. К. Марченко, Н. В. Шебалин, Н. В. Головачёва. В 1973 г. здесь появилась В. И. Денисова (Пругло), в 1974 г. она вновь трудилась в Ольвии, и этот год стал последним, когда во главе отряда стояла Елена Ивановна.

На следующий год начальником Ольвийской экспедиции ЛОИА стала В. И. Пругло. Чем было мотивировано это административное решение, сейчас сказать очень трудно. Понятно, что Елене Ивановне тогда было уже 72 года (возраст немалый!), но она была полна сил, энергии, идей. Ее отстранение от экспедиции произошло как-то несправедливо, неделикатно, некрасиво. Преемственность изучения Ольвии, которую ленинградские археологи осуществляли со времени Б. В. Фармаковского, была прервана. Сгорчением

надо признать, что все названные ранее лица с новым отрядом и его руководством никогда не сотрудничали. Замечательный исследовательский коллектив был разрушен.

Елена Ивановна продолжала приезжать в Парутино, но уже, скорее, как частное лицо. Небольшим утешением для исследовательницы стало то, что ей поручили подготовить очерк об Ольвии для многотомного издания «Археология СССР» (Леви, 1984), а также позволили

издать монографию об Ольвии эпохи эллинизма (Леви, 1985).

Е. И. Леви ушла из жизни 1 апреля 1996 г. Вместе с ней оборвалась и ниточка, которая связывала нас с почти былинными временами Б. В. Фармаковского, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и многих, многих других. Данью глубочайшего уважения к исследовательнице стала конференция, посвященная ее 120-летию юбилею, которая прошла в ИИМК РАН 1–2 июня 2023 г.

Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.

Виноградов, 2020 — Виноградов Ю. О. Олена Іванівна Леві (21.05.1903 — 01.04.1996) // Українські археологи крізь епохи. Дослідження степового Побужжя / Ред. В. Б. Гребенников. Миколаїв: Видавництво Яслав, 2020. С. 200–210.

Виноградов, 2021 — Виноградов Ю. А. А. Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения // АВ. 2021. Вып. 33. С. 236–244.

Гайдукевич и др., 1941 — Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки в западной части Мирмекии // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. С. А. Жебелев, В. Ф. Гайдукевич. М.: Изд-во АН СССР (МИА; № 4). С. 110–148.

Головачева, 2014 — Головачева Н. В. Такой она мне запомнилась (памяти Елены Ивановны Леви) // Записки ИИМК РАН. 2014. № 9. С. 197–199.

Карасев, Леви, 1955 — Карасев А. Н., Леви Е. И. Дома античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки

истории и культуры: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. С. 215–247.

Леви, 1940 — Леви Е. И. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1940. Т. I / Отв. ред. Н. И. Ячменев. С. 105–127.

Леви, 1947 — Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги // СА. 1947. Т. 9. С. 89–100.

Леви, 1984 — Леви Е. И. Ольвия // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко и др. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 34–40.

Леви, 1985 — Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 152 с.

Максимова, 1964 — Максимова М. И. К 60-летию Е. И. Леви // СА. 1964. № 1. С. 8–9.

Надписи Ольвии..., 1968 — Надписи Ольвии (1917–1965) / Введение Е. И. Леви. Л.: Наука, 1968. 133 с.

Ольвия..., 1964 — Ольвия. Теменос и агора / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1964. 382 с.

Елена Ивановна Леви. Фотозарисовки научной жизни¹

М. В. Медведева²

Аннотация. В статье публикуются фотографии из архивного собрания ИИМК РАН, отражающие научную деятельность известного специалиста по изучению античных памятников Северного Причерноморья Е. И. Леви. Серия снимков составляет своеобразную фотолетопись работы исследовательницы с момента прихода ее в ГАИМК и до 1980-х гг.

Ключевые слова: Е. И. Леви, археология, Ольвийская экспедиция, история науки, ГАИМК, фотографии, архивные документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-12-24

Институт истории материальной культуры РАН имеет насыщенную и длительную историю, здесь работало множество замечательных ученых. В стенах учреждения бережно хранится богатейшее документальное наследие ушедших из жизни сотрудников и память о них. Прекрасно зная наших предшественников как авторов значимых научных трудов, мы не всегда можем идентифицировать их на архивных фотографиях. В разделе «Персоналия» фотоотдела НА ИИМК РАН чаще всего есть указания только на официальные портреты исследователей, которые тиражируются годами в юбилейных публикациях. При этом целый ряд изображений хранится среди полевой съемки и фотохроники научной жизни. Ценность таких снимков заключается в том, что, в отличие от специальных постановочных кадров, они запечатлели повседневную жизнь ученых в экспедиционных условиях, во время поездок, на конференциях и в процессе научных заседаний.

Елена Ивановна Леви (рис. 1) много лет проработала в ГАИМК / ИИМК АН СССР / ЛОИА АН СССР и внесла значительный вклад в изучение

археологических памятников античной культуры на территории Северного Причерноморья³, между тем подробности ее биографии и научной деятельности все еще недостаточно хорошо освещены (Виноградов, 2014). В архивном собрании ИИМК РАН содержится внушительное количество фотоколлекций, связанных с ее именем. К 120-летию со дня рождения Е. И. Леви среди них удалось выявить комплекс неизвестных ранее фотографий, где она предстает в различных жизненных обстоятельствах. Серия снимков позволила выстроить своеобразную фотолетопись ее работы от момента прихода в ГАИМК до 1985 г. Фотодокументы оживляют воспоминания об исследовательнице, ее окружении, той обстановке, в которой она трудилась и формировалась как ученый.

Центральное место в полевой деятельности Е. И. Леви занимало археологическое изучение Ольвии, где она с успехом продолжила дело своего учителя Б. В. Фармаковского. Здесь она прошла путь от молодого специалиста до руководителя раскопок и, конечно, неоднократно попадала в объектив фотокамеры. Самые ранние ольвийские фотографии, на которых мы видим исследовательницу, относятся к сезону 1928 г.⁴

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marriyam@mail.ru.

© Медведева М. В., 2023.

³ См. статью Ю. А. Виноградова в настоящем издании (с. 9–11).

⁴ По свидетельствам коллег, она впервые побывала в Ольвии в 1926 г. (Головачева, 2014. С. 199), но, к сожалению, на фотографиях этого года Е. И. Леви отсутствует. Известно, что она приехала только к окончанию экспедиции, и, вероятно, снимки с сотрудниками делались до ее появления.

Рис. 1. Портрет Е. И. Леви. Декабрь 1940 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 28861)

Fig. 1. Portrait of E. I. Levi. December, 1940 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 28861)

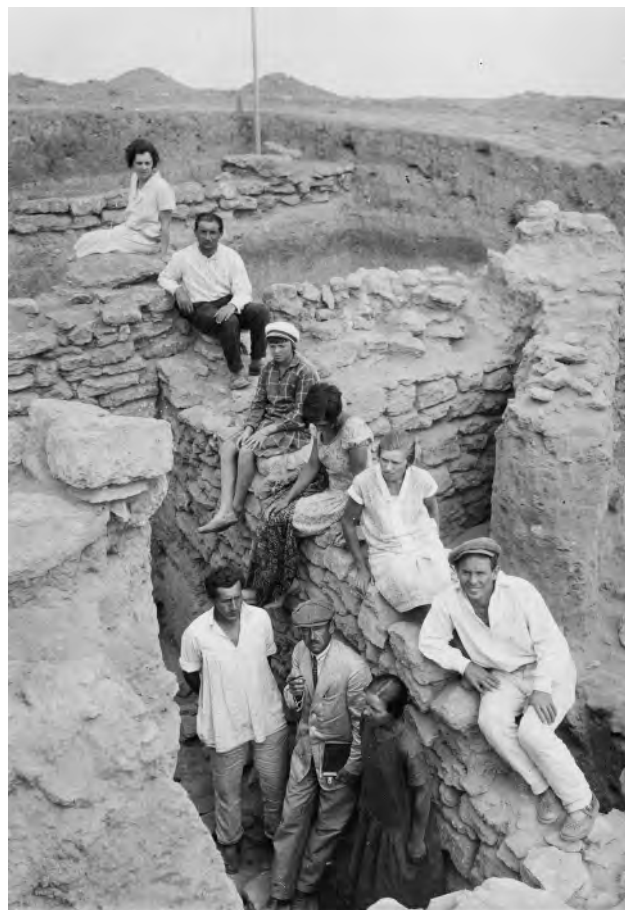

Рис. 2. Ольвийская экспедиция 1928 г. Участники работ на участках «З» и «И». Е. И. Леви сидит наверху. Фото И. Ф. Чистякова, 1928 г.

(НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.172/44)

Fig. 2. Olbian Expedition, 1928. Participants of the excavations at areas "3" and "I". E. I. Levi sitting above. Photo by I. F. Chistyakov, 1928

(SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.172/44)

На общем снимке участников экспедиции ее по какой-то причине нет, но, благодаря существующей еще с дореволюционных времен в Ольвийской экспедиции традиции многократного фотографирования сотрудников на разных объектах памятника, Е. И. Леви оказалась запечатлена в составе коллектива одного из участков раскопа (рис. 2), а также во время камеральной обработки находок и их регистрации (рис. 3, 1). В последующие годы ольвийских исследований, в довоенное время она неоднократно присутствует на экспедиционных фотографиях (рис. 3, 2; 4; 5; 6, 1). Кроме Ольвии, в 1930-е гг. Е. И. Леви сфотографирована на раскопках в Керчи 1935 г. (рис. 6, 2) и в процессе археологических изысканий Таманской экспедиции 1931 г. (рис. 6, 3).

Участие в ольвийских раскопках 1929 г. оказалось, видимо, в каком-то смысле решающим в судьбе исследовательницы. После окончания экспедиции в декабре того же года ее наконец-то принимают в штат Академии истории материальной культуры на должность научно-технического сотрудника. Там Е. И. Леви сразу же влилась в группу талантливых молодых археологов, ставших в будущем выдающимися учеными в разных областях археологической науки. Среди них были Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина, П. Н. Третьяков, П. Н. Шульц, А. Н. Карасёв. Видимо, молодежь ГАИМК связывали не только трудовые, но и дружеские отношения. Сохранились снимки их совместных прогулок в свободное время (Медведева, Кукина, 2022. Рис. 17, 18).

Рис. 3. Ольвийская экспедиция: 1 — 1928 г., сотрудники за регистрацией находок, Е. И. Леви стоит четвертая слева; 2 — 1929 г., участники экспедиции, Е. И. Леви стоит во втором ряду девятая справа. Фото И. Ф. Чистякова (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.19/60 (1), Отп. О.172/45 (2))

Fig. 3. Olbian Expedition: 1 — 1928, expedition participants recording the finds, E. I. Levi standing the fourth from the left; 2 — 1929, expedition participants, E. I. Levi standing in the second row, the ninth from right. Photo by I. F. Chistyakov (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.19/60 (1), Print O.172/45 (2))

Рис. 4. Ольвийская экспедиция: 1 — 1929 г., участники работ на участке «И», Е. И. Леви сидит во втором ряду третья слева; 2 — 1932 г., группа сотрудников в Очакове в ожидании автомобиля для поездки в Ольвию, Е. И. Леви — четвертая справа. Фото И. Ф. Чистякова (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.19/62 (1), Отп. 990/76 (2))

Fig. 4. Olbian Expedition: 1 — 1929, expedition participants at area “I”, E. I. Levi sitting in the second row, the third from the left; 2 — 1932, group of researchers in Ochakov waiting for an auto to Olbia, E. I. Levi — fourth from the right. Photo by I. F. Chistyakov (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.19/62 (1), Print 990/76 (2))

Рис. 5. Ольвийская экспедиция, 1932 г.: 1 — Е. И. Леви стоит третья справа в последнем ряду; 2 — группа рабочих с участка Е. И. Леви (первая справа во втором ряду). Фото И. Ф. Чистякова (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. 990/69 (1), Отп. 990/71 (2))

Fig. 5. Olbian Expedition, 1932: 1 — E. I. Levi standing the third from the right in the last row; 2 — group of workers from the excavation area supervised by E. I. Levi (first from the right in the second row). Photo by I. F. Chistyakov (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print 990/69 (1), Print 990/71 (2))

Рис. 6. 1 — Ольвийская экспедиция 1932 г., группа сотрудниц, Е. И. Леви сидит вторая справа; 2 — Керченская экспедиция, 1935 г., Мирмекий, слева направо А. Н. Карасёв, Е. И. Леви, М. А. Наливкина, В. Ф. Гайдукевич, начальник экспедиции О. О. Крюгер, Н. П. Кивокурцев; 3 — Таманская экспедиция, 21 сентября 1931 г. Зачистка берегового обрыва Таманского городища во время разведки по берегу моря. На переднем плане Е. И. Леви. Фото И. Ф. Чистякова (1, 2), Е. Н. Бузина (3) (ИА ИИМК РАН. ФО. Отп. 990/73 (1), Нег. I 16893 (2), Отп. О.198/41 (3))

Fig. 6. 1 — Olbian Expedition 1932, group of staff researchers; E. I. Levi sitting the second from the right; 2 — Kerch Expedition, 1935, Myrmekion, from left to right A. N. Karasyov, E. I. Levi, M. A. Nalivkina, V. F. Gaydukevich, the head of the expedition O. O. Krüger, N. P. Kivokurtsev; 3 — Taman Expedition, September 21, 1931. Clearing of the shore precipice area at the Taman fortified settlement during the surveys along the sea coast. E. I. Levi is at the foreground. Photo by I. F. Chistyakov (1, 2) and E. N. Buzin (3) (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print 990/73 (1), Neg. I 16893 (2), Print O.198/41 (3))

Рис. 7. Заседания кафедры Института истории рабовладельческого общества ГАИМК в Мраморном дворце: 1 — за столом С. А. Жебелев, М. А. Наливкина, Е. И. Леви, А. Н. Карасёв, С. И. Капошина, Л. М. Славин, В. Ф. Гайдукевич, С. И. Ковалёв; 2 — доклад научного сотрудника В. Ф. Гайдукевича о раскопках Керченской экспедиции в декабре 1935 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 19607 (1), Отп. О.1129/33 (2))

Fig. 7. Meetings of the Chair of the Institute of the History of Slaveholding Society in the Marble Palace at GAIMK: 1 — at the table S. A. Zhebelev, M. A. Nalivkina, E. I. Levi, A. N. Karasyov, S. I. Kaposhina, L. M. Slavin, V. F. Gaydukevich, S. I. Kovalyov; 2 — lecture of the staff researcher V. F. Gaydukevich on excavations of the Kerch Expedition of December, 1935 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 19607 (1), Print O.1129/33 (2))

Научная деятельность Е. И. Леви в 1930-е гг. в ГАИМК отражена не только на полевых фотографиях. Исследовательницу можно увидеть на снимках быденной жизни в Академии, сделанных во время научных заседаний Института истории рабовладельческого общества (рис. 7). Съемка выполнялась для иллюстрирования на-

учной активности подразделений Академии на Пленуме 1936 г., фотографии были показаны на тематической выставке в Мраморном дворце. Помимо Е. И. Леви, на них представлены состоявшиеся к тому моменту ученые С. А. Жебелев, С. И. Ковалёв, Б. Л. Богаевский, начинающие специалисты В. Ф. Гайдукевич, А. Н. Карасёв,

Рис. 8. Группа технических сотрудников ГАИМК, участвовавших в литературных читках, проводившихся научными сотрудниками Е. И. Леви (в последнем ряду третья справа) и Н. А. Береговой (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.929/67)

Fig. 8. Group of technical workers of GAIMK participating in literature readings held by staff researchers E. I. Levi (third from the right in the third row) and N. A. Beregovaya (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.929/67)

С. И. Капошина, М. А. Наливкина, Л. М. Славин и другие сотрудники ГАИМК.

В 1936 г. была сделана групповая фотография технических сотрудников ГАИМК, которая раскрывает характер Е. И. Леви с неожиданной стороны (рис. 8). На снимке — курьеры, швейцары, столяр, уборщицы и другой технический персонал, обслуживающий здание Мраморного дворца, где располагалась тогда Академия. Среди них стоит несколько научных сотрудников, в том числе и Е. И. Леви. Дело в том, что в 1930-е гг. в советских учреждениях широко была распространена практика литературных читок (массовое чтение вслух художественной литературы из общественных библиотек) с целью повышения уровня образованности простого населения и пропаганды русской литературы (Гордин, Гордина, 2011; Глазков,

2022). Как мы знаем, Е. И. Леви начинала свою трудовую деятельность в 1920-е гг. в Центральной городской библиотеке Ленинграда (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 181. Л. 3об.) и, видимо, оттуда перенесла в ГАИМК практику проведения подобных мероприятий. Во время одной из таких литературных читок и была выполнена эта фотография. По воспоминаниям коллег, любовь к чтению художественной литературы Е. И. Леви пронесла через всю жизнь, кроме того, она в течение многих лет заведовала на общественных началах передвижной библиотекой ЛОИА (Головачева, 2014. С. 198).

В 1937 г. Е. И. Леви вместе с другими сотрудниками античного подразделения ГАИМК оказалась запечатлена за разбором археологических находок (рис. 9). Снимок был сделан

Рис. 9. Научные сотрудницы Института древнего мира ГАИМК за обработкой археологического материала в 1937 г. Е. И. Леви — вторая справа (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q.625/5)

Fig. 9. Staff researchers of the Institute of the Ancient World of GAIMK treating archaeological finds, 1937. E. I. Levi is the second from the right (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print Q.625/5)

специально для демонстрации на выставке конференции «Женщина — научный сотрудник». В 1937 г. к Международному женскому дню состоялись слеты и конференции женщин-ученых в Харькове, Казани, Саратове, Ростове, Краснодаре, Ташкенте, Омске, Киеве, Москве, Ленинграде. Они были посвящены 20-летию установления советской власти, совпадавшему с 20-летием установления юридического равноправия женщин в России (Валькова, 2020; Рохлина, 1937). Творческая конференция ленинградских женщин-ученых проходила 5–7 марта 1937 г. На ней женщины — научные сотрудницы делились своими успехами в различных областях науки. Представительницы ГАИМК выступали в направлении «История». К этому событию и был приурочен постановочный кадр с участием Е. И. Леви.

В послевоенные годы начался новый этап изучения Ольвии, и Е. И. Леви активно включилась в этот процесс, а затем с 1955 г. возглавила ленинградский отряд экспедиции. В 1940-е гг. она присутствует и на общих снимках личного состава Ольвийской экспедиции, и на фотографиях, сделанных во время планового обхода начальником отдельных участков раскопок (рис. 10). Любопытно отметить, что в поле сотрудницы занимались не только практическими работами, но и проводили научные заседания. Сохранились снимки такого собрания 1947 г., где научный коллектив во главе с начальником экспедиции Л. М. Славиным внимательно слушает доклад С. И. Капшиной «О находке костяной пряжки с изображением раскрытой пасти льва из раскопок 1946 г.» (рис. 11, 1). К сожалению, в дальнейшем традиция

Рис. 10. Ольвийская экспедиция 1947 г.: 1 — участники, Е. И. Леви сидит во втором ряду третья справа, первый справа — А. Н. Карасёв; 2 — раскоп Д, обход участков сотрудниками, Е. И. Леви стоит седьмая слева (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. 1629/121 (1), Отп. 1624/64 (2))

Fig. 10. Olbian Expedition 1947: 1 — participants, E. I. Levi sitting in the second row, the third from the right; the first from the right is A. N. Karasyov; 2 — round by the participants at excavation Д; E. I. Levi standing, the seventh from the left (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print 1629/121 (1), Print 1624/64 (2))

Рис. 11. Ольвийская экспедиция: 1 — 1947 г., второе научное заседание, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, А. Н. Карасёв и Л. М. Славин слушают доклад С. И. Капошиной; 2 — 1958 г., участники экспедиции, Е. И. Леви — вторая справа в третьем ряду, перед ней сидит А. Н. Карасёв (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. 1628/76 (1), Отп. О.2140/113 (2))

Fig. 11. Olbian Expedition: 1 — 1947, the second scientific meeting, T. N. Knipovich, E. I. Levi, A. N. Karasyov and L. M. Slavin attending the lecture by S. I. Kaposhina; 2 — 1958, expedition participants, E. I. Levi is second from the right in the third row, sitting in front of her is A. N. Karasyov (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print 1628/76 (1), Print O.2140/113 (2))

Рис. 12. Ольвийская экспедиция: 1 — 1968 г., раскоп E₈, Е. И. Леви и А. Н. Карасёв у древнего водопровода; 2, 3 — Е. И. Леви среди участников (2 — 1973 г., 3 — 1974 г.) (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 19686 (1), Нег. I 83297 (2), Нег. II 19687 (3))

Fig. 12. Olbian Expedition: 1 — 1968, excavation E₈, E. I. Levi and A. N. Karasyov near an ancient water supply; 2, 3 — E. I. Levi among the expedition participants (2 — 1973, 3 — 1974) (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. II 19686 (1), Neg. I 83297 (2), Neg. II 19687 (3))

Рис. 13. Портрет Е. И. Леви. Фотолаборатория ЛОИА, 1985 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126835)

Fig. 13. Portrait of E. I. Levi. Photographic Laboratory of LOIA AS USSR, 1985 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126835)

Б. В. Фармаковского снимать сотрудников экспедиции на различных участках работ была утрачена, и в последующие годы фотографии участников полевых исследований, в том числе и Е. И. Леви, встречаются все реже и реже (рис. 11, 2; 12).

Последняя по хронологии фотография Е. И. Леви из хранения архива ИИМК РАН относится к 1985 г. (рис. 13). Съемка производилась в ЛОИА, фотографировали ветеранов к 40-летию победы во Второй мировой войне. Фотографу мастерски удалось поймать мудрый проникновенный взгляд пронизательных глаз Е. И. Леви, видевших многие радости и горести, научные взлеты и падения за долгие 56 лет работы сначала в Академии истории материальной культуры, а потом в Институте.

Кроме всех перечисленных снимков Е. И. Леви, нельзя забывать, что ее исследования нашли отражения в огромном количестве документов: полевых отчетах, дневниках, тысячах прекрасных фотографий. В обобщающую монографию по Ольвии (Леви, 1985) вошла лишь небольшая часть этих богатств. Рукописные материалы и фотоколлекции, сформировавшиеся в результате энергичной деятельности Е. И. Леви, несомненно, обладают огромным научным потенциалом и все еще ждут своих исследователей.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 181. Трудовой список. Елена Ивановна Леви. 5 л.

Валькова, 2020 — Валькова О. А. Советская женщина-ученый через двадцать лет после введения декретов о равноправии: первые итоги // Ленин... История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX — начале XXI в.: Материалы II Междунар. форума историков, философов и публицистов к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина. Ульяновск: «Центр стратегических исследований Ульяновской области», 2020. С. 213–215.

Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.

Глазков, 2022 — Глазков М. Н. Массовое чтение беллетристики в СССР 1930-х гг. как феномен культуры // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: Материалы XV Белорусс.-Росс. науч. семинара-конф. / Ред.-сост.

Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина. Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси; М.: Наука, 2022. С. 137–142.

Головачева, 2014 — Головачева Н. В. Такой она мне запомнилась (памяти Елены Ивановны Леви) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 197–199.

Гордин, Гордина, 2011 — Гордина Е. Д., Гордин А. А. Формы массовой работы с читателями библиотеки Горьковского автозавода в 1930-е годы // Библиотекосведение. 2011. № 4. С. 66–70.

Леви, 1985 — Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 151 с.

Медведева, Кукина, 2022 — Медведева М. В., Кукина Д. А. Страницы семейной хроники. Неизвестное фотографическое наследие Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Ворониной // АВ. 2022. Вып. 36. С. 272–290.

Рохлина, 1937 — Рохлина М. Л. Смотр работы советских женщин-ученых // Фронт науки и техники. 1937. № 6. С. 107–113.

Elena Ivanovna Levi. Photosketches of the scientific life

M. V. Medvedeva⁵

Keywords: E. I. Levi, archaeology, Olbian Expedition, history of science, GAIMK (State Academy of the History of Material Culture), photographs, archive documents.

⁵ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaia nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marriyam@mail.ru.

Библиография работ Е. И. Леви

Составитель Л. М. Всевиов¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-25-26

- 1940**
Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг // Ольвия / Ред. С. А. Жебелев. Киев: Изд-во АН УССР. С. 105–127: ил.
- 1941**
Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Под ред. С. А. Жебелева и Б. Ф. Гайдукевича. М.; Л. (МИА; № 4). С. 110–148: ил. (В соавторстве с В. Ф. Гайдукевичем, Е. О. Прушевской.)
Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии // СА. Вып. 7. С. 308–317: ил.
- 1947**
К вопросу о датировке Херсонесской присяги // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год (АН СССР. Отделение истории и философии). М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 69–70.
К вопросу о датировке Херсонесской присяги // СА. Вып. 9. С. 89–100.
- 1951**
Итоги Ольвийской экспедиции 1949 г. // КСИИМК. Вып. 37. С. 173–184: ил.
Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. // ВДИ. № 1. С. 142–149: ил.
- 1953**
Новая Ольвийская надпись из раскопок 1951 г. // ВДИ. № 1. С. 177–183: ил.
- 1954**
К вопросу об Ольвийской агоре // СА. Вып. 21. С. 319–342.
- 1955**
Дома античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. Т. 1 / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 215–247: ил. (В соавторстве с А. Н. Карасевым.)
Ольвийская агора // КСИА АН УССР. Вып. 4. С. 58–59.
- 1956**
Новые материалы Ольвийской агоры // Тез. докл. на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посв. итогам археологических исследований 1955 г. М.; Л. С. 54–55.
Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Наука (МИА; № 50). С. 35–118: ил.
- 1958**
К истории торговли Ольвии в IV–III вв. до н. э. (по эпиграфическим памятникам агоры) // СА. Вып. 27. С. 234–247: ил.
Ольвийская агора (по раскопкам 1946–1957 гг.) // СА. № 4. С. 127–143: ил. (В соавторстве с А. Н. Карасевым.)
Ольвийские винодельни // Археологічні пам'ятки УРСР. Киев. Т. VII. С. 29–39: ил.
- 1959**
Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИИМК. Вып. 74. С. 9–19.
- 1960**
Экспедиция Ленинградского отделения Института истории материальной культуры в 1957 году по античной археологии // КСИИМК. Вып. 78. С. 85–89: ил. (В соавторстве с В. Ф. Гайдукевичем, С. И. Капониной.)
- 1962**
Раскопки ольвийской агоры и теменоса // Тез. докл. на заседаниях, посв. итогам полевых исследований 1961 г. М.: Изд-во АН СССР. С. 33–36 (В соавторстве с А. Н. Карасевым.)
- 1963**
Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона // КСИА. Вып. 95. С. 7–12: ил.
- 1964**
Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951–1960 гг.) // Ольвия: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Наука. С. 5–26: ил.
Керамический комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры // Там же. С. 225–280: ил; 12 л. ил.
Материалы ольвийского теменоса // Там же. С. 131–174: ил.

¹ Библиотека Академии наук. Филиал в Институте истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия.

© Всевиов Л. М., 2023.

Раскопки ольвийской агоры и теменоса // Конференция по изучению проблем античности (9–14 апреля 1964 г., Ленинград): Тез. докл. М.: б. и. С. 60–63.

1965

Ольвийская надпись с посвящением Аполлону // ВДИ. № 9. С. 86–95: ил.

Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960–1962 гг. // КСИА. Вып. 103. С. 80–93: ил.

1966

К вопросу о культуре Аполлона Дельфийского в Ольвии // Культура античного мира: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Наука. С. 124–130: ил.

1967

Новая ольвийская проксения // КСИА. Вып. 109. С. 31–35.
Раскопки ольвийской агоры и теменоса // Античное общество: Труды конф. по изучению проблем античности / Редкол. Т. В. Блаватская и др. М.: Наука. С. 162–167.

1968

Надписи Ольвии (1917–1965). [Введение] // Надписи Ольвии (1917–1965) / Под ред. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви. Л.: Наука. С. 5–12. Надписи, подготовленные к печати Е. И. Леви: № 1, 3–6, 9, 11–13, 16, 17, 20–23, 35–38, 40, 55–61, 65, 72, 73, 106–108, 111, 116–121, 123–125, 127, 128, 133, 135, 151, 152, 155–157, 159–162.

Новый ольвийский декрет в честь синопийца // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Наука. С. 227–231: ил.

1970

Терракоты из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья: Сб. / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука (САИ; Вып. Г1-11). С. 33–49.

1971

Работы Ольвийской экспедиции // АО 1970 года. С. 255–256.

1972

Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры 1968–1969 гг // КСИА. Вып. 130. С. 45–52: ил.

1973

Раскопки Ольвийской агоры // АО 1972 года. С. 302–303. (В соавторстве с К. К. Марченко, Н. С. Беловой, И. Б. Брашинским, Ю. Г. Виноградовым, Я. В. Доманским, Л. В. Копейкиной.)

1974

Исследования центральной части Ольвийского городища // АО 1973 года. С. 299–300. (В соавторстве с К. К. Марченко, Ю. Г. Виноградовым, Н. В. Головачевой, Я. В. Доманским, Л. В. Копейкиной.)

1975

Исследования Ольвийского городища // АО 1974 года. С. 314. (В соавторстве с К. К. Марченко, М. П. Ваулиной, Ю. Г. Виноградовым, Я. В. Доманским, Л. В. Копейкиной, В. И. Пругло, К. К. Шилик.)

Основные результаты раскопок Ольвии (1970–1974 гг.) // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: ИА АН УССР. С. 71–74. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким.)

Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. // КСИА. Вып. 143. С. 11–20: ил.

1976

Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927–1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира: Сб. памяти Б. В. Фармаковского / Редкол. Н. И. Сокольский и др. М.: Наука. С. 22–45. (В соавторстве с А. Н. Карасевым.)

1977

Новые посвятельные надписи Аполлония Дельфийского из раскопок Ольвии // История и культура античного мира: Сб. ст. / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 96–100: ил.

1978

Раскопки ольвийской агоры и теменоса (1971–1974 гг.) // КСИА. Вып. 156. С. 36–45: ил.

1983

Ольвия // Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Выставка из собраний музеев Болгарии, Румынии и Советского Союза. Каталог выставки / Отв. за выпуск А. К. Коровина. М.: Советский художник. Пагинация отсутствует: ил.

1984

Ольвия // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко и др. М.: Наука (Археология СССР; [Т. 9]). С. 34–40.

1985

Ольвия. Город эпохи эллинизма / Отв. ред. К. К. Марченко. Л.: Наука. 152 с.: ил.

Литература о Е. И. Леви

Максимова М. И. К 60-летию Елены Ивановны Леви // СА. 1964. № 1. С. 8–9: портр.

Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви (1903–1996) // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.

Головачева Н. А. Такой она мне запомнилась // Там же. С. 197–199.

Горончаровский В. А., Кашаев С. В. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. И. Леви (1903–1996) // Там же. С. 185–186: портр.

К 90-летию со дня рождения Александра Николаевича Щеглова

М. Ю. Вахтина²

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-27-32

17 октября 2023 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Александра Николаевича Щеглова (рис. 1), известнейшего исследователя классических древностей Северного Причерноморья. В научной деятельности А. Н. Щеглова выделяют, достаточно условно, два основных вектора работы — направленные на изучение социально-экономического развития античного общества и греко-варварских взаимодействий (*Виноградов и др.*, 2010). Разработанные им термины и понятия прочно вошли в научный оборот. Еще в большей мере это касается приемов и методических установок, успешно применяемых в полевых исследованиях и давно ставших для нас привычными.

Его перу принадлежит более 200 работ. Первые его статьи увидели свет в 1960 г. (*Щеглов*, 1960а–в). Творческое наследие А. Н. Щеглова еще не в полной мере оценено и изучено. Мы знаем его, прежде всего, как исследователя памятников Западного Крыма. В предисловии к сборнику «Котел Арианта», изданному к его 70-летию, он назван «одним из пионеров в исследовании археологии и истории Западного Крыма, а также широко признанным и авторитетным специалистом в области изучения классических древностей Северного Причерноморья» (*Guldager Bilde et al.*, 2003. P. 7). В выпуске «Херсонесского сборника», посвященного этой дате, говорится, что уже к концу 1960-х гг. у него «в основном сложился собственный взгляд на развитие дальней хоры Херсонеса» (*Херсонесский сборник*, 2004. С. 3).

Жизненный путь Александра Николаевича, как и многих ученых его поколения, был непростым и нелегким. Вместе с тем его становление как ученого представляется сейчас очень гармоничным,

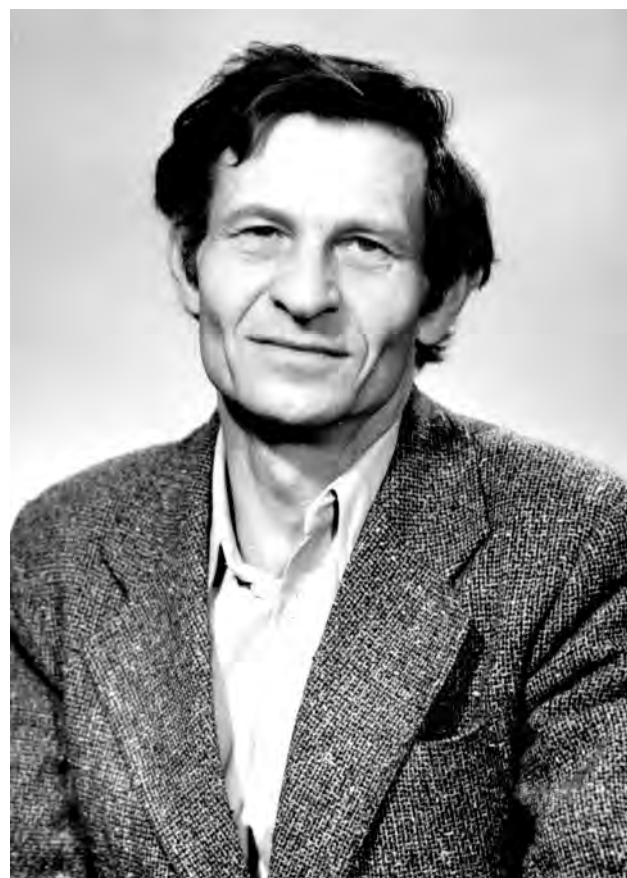

Рис. 1. А. Н. Щеглов (17 октября 1933 — 28 июня 2009)
Fig. 1. A. N. Shcheglov (October 17, 1933 — June 28, 2009)

говоря образно, как неуклонное движение к поставленной цели, что, несомненно, свидетельствовало о его незаурядном и сильном характере.

А. Н. Щеглов родился 17 октября 1933 г. в г. Великие Луки (тогда — Калининской, ныне Псковской обл.). Родители его были служащими. Мать работала на железной дороге, отец скончался еще до войны. В конце 1941 г. вместе с матерью Александр Николаевич был эвакуирован в Кустанайскую область, где они поселились на ст. Тогузлак.

¹ Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marina-vakhtina@mail.ru.

© Вахтина М. Ю., 2023.

По окончании войны семья вернулась в Великие Луки, позже переехала в Торопец, где в 1947 г. А. Н. Щеглов закончил школу-семилетку. В следующем году состоялся переезд в Херсон, где он поступил в 8-й класс. Однако школу вскоре пришлось оставить из-за трудного материального положения семьи. В «трудовой биографии» Александра Николаевича значатся работа в пригородных совхозах, руководство краеведческим кружком в детском доме... В 1950–1951 гг. он трудился в Буго-Днепровской археологической экспедиции АН УССР (в отряде И. Д. Ратнера), что, несомненно, сыграло решающую роль в выборе профессии (Виноградов, 2023. С. 23). В апреле 1954 г. А. Н. Щеглов был принят на должность лаборанта Симферопольской археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР, где под руководством П. Н. Шульца приобрел основные навыки исследовательской работы. В ноябре этого же года А. Н. Щеглов был призван в армию, где служил в воздушно-десантных войсках. В 1955 г., уже на службе в армии, он участвовал в работах Ялтинской экспедиции ИА АН УССР под руководством П. Н. Шульца. После демобилизации в 1957 г. А. Н. Щеглов был принят лаборантом в Тавро-скифскую археологическую экспедицию ИА АН УССР, а в 1958 г. зачислен в штат Херсонесского музея на должность научного сотрудника. В 1961 г. (в 28 лет!) он стал заведующим отделом раскопок. Уже работая в музее (рис. 2, 1)², закончил вечернюю среднюю школу и поступил на заочное отделение исторического факультета Харьковского университета, которое окончил в 1964 г.

Работа в музее, несомненно, была важнейшим периодом в творческом развитии молодого исследователя, в формировании его личности. Здесь он продолжал успешно заниматься археологическими раскопками (рис. 2, 2). В этот период сложился его союз с Анной Михайловной Гилевич (рис. 2, 3, 4), также работавшей в музее. Анна Михайловна была прекрасным специалистом в области античной нумизматики и замечательным человеком. Александр Николаевич мог всегда рассчитывать на ее всемерную поддержку не только в личном, но и в научном плане. Она была его верным спутником жизни, заботливой женой и преданным соратником в деле изучения памятников Крыма. В книгах А. Н. Щеглова можно найти много ссылок на ее работы; в коллективной

монографии, посвященной результатам раскопок усадьбы 6 поселения Панское 1, ею написан раздел «Монеты» (Hannestad et al., 2002. P. 245–251).

Важнейшим событием на жизненном и творческом пути ученого стало создание в 1959 г. Тарханкутской археологической экспедиции (Щеглов, 1985), которой он руководил более 30 лет (Херсонесский сборник, 2004. С. 4; Виноградов, Марченко, 2016. С. 260). Ее появлению предшествовали разведки, осмотр памятников и работы, предпринимаемые совместно с П. Н. Шульцем, которого А. Н. Щеглов считал своим учителем. О первоначальных и последующих задачах этих работ и основных достижениях он подробно писал в статье «25 лет работы Тарханкутской экспедиции»: «Основная цель первоначальных исследований определялась необходимостью выяснить, какова роль области Северо-Западного Крыма в экономической и политической истории двух соседних образований — Херсонеса и позднескифского царства. <...> Поставленная задача диктовала необходимость самого тщательного и одновременно широкомасштабного исследования памятников, с целью установить их границы, облик, хронологию и принадлежность к какому-либо из этих двух образований» (Щеглов, 1985. С. 3). На протяжении первых 10 лет были проведены масштабные обследования прибрежной зоны Западного Крыма протяженностью 250 км и до 10 км в глубину.

В результате А. Н. Щегловым была создана концепция развития Западного Крыма (Щеглов, 1978). В ней гармонично представлены исследования предшественников и собственные оригинальные выводы, которые разрабатывались и проверялись десятилетиями. Это была целостная и оригинальная картина развития большого и значимого региона. Она, прежде всего, базировалась на данных археологии, полученных в результате масштабных, многолетних и целенаправленных исследований, проведенных чрезвычайно тщательно и профессионально. Следует особо отметить, что в книге был проанализирован и привлечен широчайший круг данных естественнонаучных дисциплин: палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, сведения о почвенных структурах, климате, морских глубинах и т. п.

Глобальный проект исследования памятников Северо-Западного Крыма разворачивался на протяжении двух периодов жизни А. Н. Щеглова — севастопольского и ленинградского-петербургского. В 1968 г. он переехал из Севастополя в Ленинград, где был принят в группу античной археологии ЛОИА на должность младшего

² Выражаю глубочайшую признательность А. В. Гилевичу за предоставленные для этой заметки фотографии из семейного архива.

Рис. 1. Фотографии А. Н. Щеглова разных лет (1-3): 1 — 1963 г.; 2 — на раскопках некрополя у Песочной бухты, 1960-е гг., фото Л. Г. Колесниковой; 3 — вместе с А. М. Гилевич напротив домика «маячника», Херсонес, 1958 г.; 4 — А. М. Гилевич и В. Ф. Гайдукевич, Киев, сентябрь 1955 г. Из семейного архива А. В. Гилевича

Fig. 1. A. N. Shcheglov. Photos of different years (1-3): 1 — 1963; 2 — at excavations of the necropolis near Pesochnaya Bay, 1960s, photo by L. G. Kolesnikova; 3 — together with A. M. Gilevich opposite the “lighthouse keeper’s house”, Chersonesos, 1958; 4 — A. M. Gilevich and V. F. Gaydukevich, Kiev, September of 1955. A. V. Gilevich’s family archives

научного сотрудника. Здесь в 1971 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Северо-Западный Крым в античную эпоху», изданную в виде монографии (1978). В 1975 г. А. Н. Щеглов был избран на должность старшего научного сотрудника. В 1976 г. вышла его популярная книга «Полис и хора» (Щеглов, 1976). Он принимал активнейшее участие в жизни института — был членом ученого совета ЛОИА, возглавлял ленинградскую группу отдела полевых исследований ИА АН СССР, был членом новостроечной комиссии и библиотечного совета.

На наш взгляд, расцвет научного творчества А. Н. Щеглова пришелся именно на годы его работы в ЛОИА (Виноградов, 2023. С. 24). Он органично стал членом небольшой Группы античной археологии, имея за плечами огромный и успешный опыт полевых исследований, значительно усилив одно из важнейших направлений нашего коллектива — изучение Херсонеса Таврического и его окружи. Он продолжил изучение хоры Херсонеса, занимаясь разработкой проблемы «полис–хора». «По сути, он был первым в отечественной науке, кто поставил перед собой масштабную задачу разобраться с таким сложным вопросом, как пространственная организация древнегреческого полиса с глобальным картографированием всей системы поселений и некрополей античного времени в Северо-Западном Крыму» (Виноградов и др., 2010. С. 236).

Для решения этих вопросов в рамках проекта «Изучение хоры Херсонеса в Западном Крыму» Тарханкутской экспедицией с 1969 г. стали исследоваться поселение Панское I, его некрополь, поселение Панское III, укрепленная усадьба на Большом Кастеле, система земельных кадастров в Северо-Западном Крыму (Hannestad et al., 2002. P. 11–17). Как писал сам Александр Николаевич, «продолжались проверка, уточнение и детализация построенной схемы». Основной задачей этого периода стали «исследования всей системы в целом как модели греческого полиса»; для этого было развернуто «изучение наименее известной части системы — устройства хоры Херсонеса времени его политического и экономического возвышения в Северном Причерноморье в домитридатовский период, характер и динамика греко-варварских взаимодействий в этом регионе» (Щеглов, 1985. С. 5). На основе комплексных, широкомасштабных археологических исследований были получены фундаментальные результаты: реконструирована система землепользования на территории дальней хоры Херсонеса, разработана типология поселений, предложена новая

хронология освоения греками Северо-Западного Крыма. И, в целом, удалось «пролить свет на характер греческого города-государства в Северном Причерноморье и связи между античным городом и его сельской периферией, выявить систему землепользования» (Guldager Bilde et al., 2003. P. 7).

В рамках этого направления необходимо упомянуть и его «естественнонаучную» составляющую. А. Н. Щеглов первым в СССР начал широко использовать в работах своей экспедиции геофизические и дистанционные методы исследования (Гарипов, Смекалова, 2016; Смекалова и др., 2016. С. 464). Применение этих методов в масштабных исследованиях ландшафтов Северо-Западного Крыма позволило провести подробное изучение и картографирование археологически неисследованных территорий. Выдающийся археолог-полевик, «с огромным вниманием относившийся к любому археологическому факту» (Виноградов, 2013. С. 177), он ввел в практику полевых работ обязательные анализы естественно-научными методами всех полученных при раскопках материалов, которые можно было изучить подобным образом. Это в те времена практиковалось выборочно и далеко не во всех античных экспедициях.

А. Н. Щегловым было также много сделано в сфере изучения греко-варварских взаимодействий на периферии античного мира. Отметим его огромный вклад в исследование контактов между греками и скифами в Западном Крыму (Hannestad et al., 2002. P. 15–17). Занимался он и анализом греко-варварских связей, сложившихся в процессе греческой колонизации, построением моделей греко-варварских взаимодействий, разработкой терминов, их характеризующих, и пр. (Брашинский, Щеглов, 1979). Во многом благодаря ему этот круг вопросов успешно разрабатывался и продолжает разрабатываться в ИИМК РАН.

Трудные для отечественной науки 90-е гг. XX в. открыли новые возможности контактов с зарубежными учеными. В 1992 г. началось сотрудничество А. Н. Щеглова с Институтом классической археологии Университета Орхуса, затем с Датским национальным исследовательским центром северо-причерноморских исследований. В рамках совместного проекта была подготовлена и издана монография, посвященная усадьбе 6 поселения Панское I (Hannestad et al., 2002), которую можно назвать образцом подобных публикаций. А. Н. Щеглову принадлежат разделы, вошедшие в первую, основную, часть книги (*Ibid.* P. 11–100).

Нельзя не упомянуть и преподавательскую деятельность Александра Николаевича.

Она началась в 1970-х гг., когда он был приглашен вести занятия на историческом факультете ЛГУ и руководить «Греко-варварским семинаром». «Школой кадров», несомненно, была и Тарханкутская экспедиция, привлекавшая студентов-археологов и молодых специалистов.

В своих исследованиях А. Н. Щеглов также уделял внимание античному искусству и культурам, что нашло отражение уже в его первых публикациях (Щеглов, 1960а–в). Для второй части коллективной монографии, посвященной категориям археологического материала, обнаруженного при раскопках усадьбы 6 поселения Панское I, им был подготовлен раздел «Культурная скульптура, алтари, культовые сосуды и вотивы» (Hannestad et al., 2002. P. 213–227).

Александр Николаевич ушел из жизни после тяжелой болезни 28 июня 2009 г. в возрасте 75 лет. Вклад его в изучение античности Северного Причерноморья еще не в полной мере оценен (Вахтина, 2023), а творческое наследие заслуживает дальнейшего изучения. Труды его учеников

были изданы материалы некрополя Панского I (Рогов, 2011; Stolba, Rogov, 2012). Отчеты Тарханкутской экспедиции хранятся в научном архиве ИИМК; качество их таково, что они могут служить полноценным источником для дальнейших публикаций. Хочется надеяться, что в будущем изучение наследия А. Н. Щеглова будет продолжено. Недавно Государственным историко-археологическим музеем-заповедником «Херсонес Таврический» была организована конференция, посвященная 90-летию юбилею А. Н. Щеглова³, что стало выражением глубочайшего уважения к его трудам и его памяти. Те, кто учился у Александра Николаевича, работал с ним, всегда будут вспоминать этого яркого и талантливого человека с благодарностью и теплотой.

³ Конференция проходила 18–22 сентября 2023 г. См.: Конференция в «Херсонесе Таврическом» собрала ученых-антиковедов. URL: https://vk.com/wall-3073135_494047 (дата обращения: 22.10.2023).

Брашинский, Щеглов, 1979 — Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 4–7 мая 1977) / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 29–46.

Вахтина, 2023 — Вахтина М. Ю. О вкладе А. Н. Щеглова в изучение античности Северного Причерноморья // Архонт. Материалы науч. конф. (Севастополь, 18–22 сентября 2022 г.) / Ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев. М.: Буки Веди, 2023. С. 19–22.

Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Виноградов, 2023 — Виноградов Ю. А. Александр Николаевич Щеглов. Основные вехи биографии // Архонт. Материалы науч. конф. (Севастополь, 18–22 сентября 2022 г.) / Ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев. М.: Буки Веди, 2023. С. 23–25.

Виноградов, Марченко, 2016 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Памяти Александра Николаевича Щеглова (17.10.1933 — 28.06.2009) // Записки ИИМК РАН. 2016. № 4. С. 259–261.

Виноградов и др., 2010 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Монахов С. Ю. Памяти Александра Николаевича Щеглова (1933–2009) // ВДИ. 2010. № 3. С. 236–237.

Гарипов, Смекалова, 2016 — Гарипов А. С., Смекалова Т. Н. А. Н. Щеглов — инициатор внедрения естественнонаучных методов в археологию Северо-Западного Крыма // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: Материалы XVII Боспорских чтений / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского; БФ «Деметра», 2016. С. 127–133.

Рогов, 2011 — Рогов Е. Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины; БФ «Деметра», 2011 (МАИЭТ; Suppl. 10). 216 с.

Смекалова и др., 2016 — Смекалова Т. Н., Яцишина Е. Б., Лисецкий Ф. Н., Чудин А. В., Гарипов А. С., Пасуманский А. Е., Кецо Р. С. Высокие технологии в археологии на примере Крыма // БИ. 2016. Т. XXXIII. С. 445–486.

Херсонесский сборник, 2004 — Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. 314 с.

Щеглов, 1960а — Щеглов А. Н. Светильник с изображением Геракла // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. 1. С. 21–24.

Щеглов, 1960б — Щеглов А. Н. Скульптурное изображение Асклепия // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. 1. С. 9–16.

Щеглов, 1960в — Щеглов А. Н. Терракотовая статуэтка комического актера из Глубокой Пристанки // СА. 1960. № 1. С. 257–260.

- Щеглов, 1976 — Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь: Таврия, 1976. 176 с.
- Щеглов, 1978 — Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 158 с.
- Щеглов, 1985 — Щеглов А. Н. 25 лет работы Тарханкутской экспедиции // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 3–7.
- Guldager Bilde et al., 2003 — Guldager Bilde P., Højte J. M., Stolba V. Preface // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus: Aarhus University Press, 2003 (BSS; Vol. 1). P. 7–9.
- Hannestad et al., 2002 — Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N. (eds.). Panskoe I. Vol. I: The Monumental Building U6. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 368 p. + 191 pl.
- Stolba, Rogov, 2012 — Stolba V. F., Rogov E. Panskoye I. Aarhus: Aarhus University Press, 2012. Vol. 2: The Necropolis. 494 p.

Дополнения к опубликованной библиографии работ А. Н. Щеглова

Составитель Л. М. Всевиов

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-32

- Список печатных научных работ А. Н. Щеглова (1960–2002) // Херсонесский сборник. 2004. Вып. 13. С. 5–19.
- То же // Black Sea Studies. Aarhus, 2003. Vol. 1. P. 11–27.
- 2004**
Статуэтка из поселения Панское I — реплика херсонесской статуи Афины Сотейры Поликрата? // Изобразительные памятники: Стиль, эпоха, композиции / Ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ. С. 85–91: ил.
- 2005**
Виноградство и виноделие в древнем Крыму в античном периоде по данным археологии // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья / Ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ. С. 85–88.
- 2013**
Курганы скифской знати в Западном Крыму. Симферополь: Феникс (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. 11). 192 с.: ил., карт. (В соавторстве с В. И. Кацем, Т. Н. Смекаловой, Б. Беван.)
- Литература о А. Н. Щеглове**
Александр Николаевичу Щеглову семьдесят лет // ХС. 2004. Вып. 13.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Монахов С. Ю. Памяти Александра Николаевича Щеглова (1933–2009) // ВДИ. 2010. № 3. С. 236–237: портр.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Памяти Александра Николаевича Щеглова // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 258–260: портр.
- Гарипов А. С., Смекалова Т. Н. А. Н. Щеглов — инициатор внедрения естественно-научных методов в археологии Северо-Западного Крыма // Боспорские чтения. 2016. № 7. С. 27–134: ил.
- [К 70-летию А. Н. Щеглова] // АВ. 2004. Вып. 11. С. 11: портр.
- Bilde P. G., Højte J. M., Stolba V. F. [A. N. Ščeglov] // Black Sea Studies. 2003. Vol. 1. P. 7–9.
- Chouquer G., Favory F. [Alexandre Chtcheglov] // Chtcheglov A. N. Polis et Chora. Paris, 1992. С. 5–8.
- Wasowicz A. [Alexandre Chtcheglov] // Ibid. С. 9–15.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К оценке численности жителей архаического Березанского поселения

Д. Е. Чистов¹

Аннотация. Статья посвящена оценке плотности населения и численности жителей архаического Березанского поселения (Борисфена) на протяжении VI — первой половины V в. до н. э. Приблизительное число жителей урбанизированной апойкии вычисляется исходя из параметров, предложенных М. Хансеном для греческих городов небольшой площади. Существующие методы оценки количества жителей для «кустовой» пространственной организации поселений ольвийской хоры применительно к догородскому периоду Березани показывают более низкий уровень достоверности.

Ключевые слова: Березань, Борисфен, историческая демография, урбанизм, греческая колонизация Северного Причерноморья.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-33-39

К настоящему времени не появилось обобщающих работ, посвященных демографии населения Северного Причерноморья в античности, однако оценки численности населения отдельных городских центров, сельских территорий и регионов выполнялись многократно. Эти работы базировались на различных методических подходах — таких как изучение плотности городской застройки, размеров и продуктивности сельских территорий, вместимости общественных сооружений, статистических данных, полученных при изучении некрополей, или их различных сочетаниях (Блаватский, 1953. С. 161–180; Крыжицкий, 1985; Отрешко, 1985; 1991; 1997; Крыжицкий, Щеглов, 1991. С. 52–56; Масленников, 1995; Рогов, 1996; Смекалов, 2009; Буйских А., 2008. С. 132–138; Гречко, 2011; Прокопенко, 2015; Бруяко, Секерская, 2016. С. 127–134; и др.).

Приблизительная оценка численности жителей того или иного городского центра по данным археологии может базироваться на двух основных факторах — общей площади его застройки и плотности населения. Оценки последней могут сильно варьироваться в зависимости от принятой методики; в целом для античного греко-римского

мира они обычно колеблются от 100–120 до 400 или даже 500 человек на 1 га, хотя чаще находятся в нижней половине этого интервала².

Как отмечает М. Хансен в своей монографии о «методе дробовика» в оценке демографии древнегреческой городской культуры (Hansen, 2006. P. 35), реалистичность измерения численности жителей для определенного поселения зависит от того, можно ли в конкретном случае ответить на следующие вопросы: 1) какова площадь его жилой застройки; 2) каково среднее количество домовладений на единицу площади; 3) каково приблизительное количество обитателей каждого из них (учитывая общую площадь домовладения, количество жилых и хозяйственных помещений). Первые два из этих параметров для архаических памятников Северного Причерноморья могут оцениваться только очень приблизительно. Еще сложнее обстоит дело с такими показателями, как состав греческой семьи, имевший региональные особенности и колебавшийся в зависимости от эпохи, наличие и количество рабов в каждом отдельном домохозяйстве и т. п.

Ниже будет приведен примерный расчет таких показателей для Березанского поселения, где раскрыты наиболее значительные по площади

---

¹ Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, 190000, С.-Петербург, Россия; e-mail: d.chistov@gmail.com.
© Чистов Д. Е., 2023.

² См. обзор литературы по этой проблеме: Hanson, Ortman, 2017. P. 303–305.

участки городской застройки архаического периода. Даже и в этом случае он не слишком точен, учитывая то, что ни один квартал Борисфена пока не раскрыт полностью, а размеры индивидуальных домовладений сильно различались. Наиболее хорошо изученные кварталы А и В в северо-западной части памятника (рис. 1, 4, 5) имели площадь около 1900 и 2400 кв. м и, вероятно, состояли из 8 и 9–10 домов соответственно (Чистов, 2022. Табл. 9). На их примере примем за среднюю величину площади индивидуального надела 240 кв. м. Помимо площади домов в расчетах необходимо также учитывать территорию примыкающих к кварталу улиц. В целом и на Березани, и в этом районе поселения улицы чаще всего имели ширину 2,8–3,7 м (Чистов, 2021а. С. 97; 2022. Табл. 8), в нашем расчете мы возьмем за среднюю величину 3,2 м. С учетом предполагаемого периметра северо-западных кварталов к их территории, увеличенной на половину площади окружающих улиц указанной ширины, необходимо добавить около 30 % (27–34 %). Таким образом, на одно домовладение с учетом уличной сети приходится в среднем 312 кв. м городской территории, что составляет приблизительно 32 дома на 1 га. Эта величина выглядит очень близкой к показателям ряда греческих полисов, вычисленным М. Хансеном (Hansen, 2006. P. 51, tab. 23). Если принять обоснованное тем же исследователем усредненное количество жителей одного домохозяйства в 5–6 человек (Ibid. P. 52–60), плотность населения архаического Борисфена не превышала 190 человек на 1 га³. Площадь его квартальной застройки составляла не менее 10–11 га (рис. 1), но, скорее всего, с учетом береговой абразии городская территория достигала 15 га или более (Чистов, 2021а. С. 94–96, рис. 3). Это позволяет оценить общину, проживавшую в границах квартальной застройки во второй половине VI — первой трети V в. до н. э., в 2000–3000 человек.

Приведенные выше данные следует воспринимать, скорее, как верхний возможный предел вместимости указанной городской территории. Необходимо принимать во внимание, что застройка Борисфена в реальности не состояла из домов,

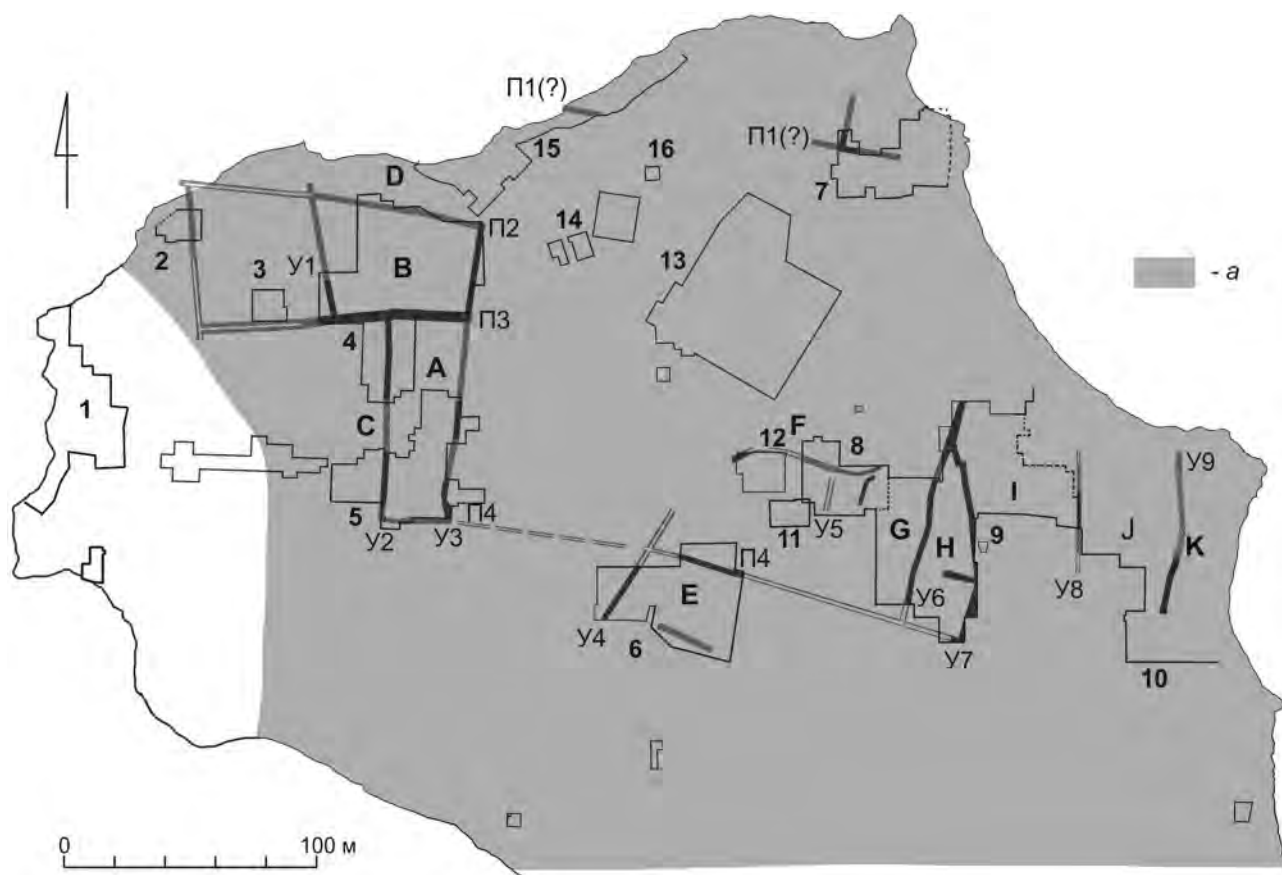
размеры которых стремились к единому стандарту, — даже в пределах одного квартала территории наделов могли значительно различаться. Минимально приемлемая площадь домохозяйства, очевидно, составляла порядка 150–180 кв. м, но встречаются дома и вдвое больших размеров (Чистов, 2022. Табл. 1). Сложности определения общего числа домовладений на Березани до некоторой степени схожи с проблемой соотношения домов малой и большой площади в Херсонесе. Расчеты А. В. Буйских показывают, что в пределах его укрепленной территории (около 40 га) могло проживать всего около 3200–4000 человек (Буйских А., 2008. С. 132–137).

Кроме того, представленные выше сведения не учитывают территорию городской застройки, занимаемую помимо улиц общественными пространствами и сооружениями. Однако необходимо принимать во внимание, что нет прямой зависимости между размером города и числом его жителей (Hanson, Ortman, 2017. P. 305, 306). Соотношение общей площади и нежилой территории урбанизированного центра также нелинейно, доля второй возрастает относительно первой по мере роста размеров города (Крыжицкий, 1985. С. 95, 96). В целом для укрепленных городов менее 10 га ее можно не учитывать как существенную величину. Дома на таких памятниках, по расчетам М. Хансена, в среднем занимают 2/3 территории (Hansen, 2006. P. 42–46, tab. II.1)⁴, что незначительно отличается от общей площади за вычетом улиц. Каждый из четырех раскрытых общественных комплексов Березанского поселения был включен в городской квартал и по своим размерам приблизительно сопоставим с жилым наделом (Назаров, 2001; Bujskikh, Chistov, 2018; Chistov, 2021), поэтому для Борисфена такая поправка несущественна. Однако наличие на неисследованной территории памятника более просторных теменосов или агоры нельзя исключать, поэтому в будущем доля нежилого пространства может быть скорректирована в меньшую сторону.

Урбанизированное поселение на Березани просуществовало приблизительно на протяжении трех поколений до того времени, когда оно было оставлено большей частью жителей одновременно с коллапсом хоры Ольвии. Этот срок

³ Схожий подход применялся ранее С. Д. Крыжицким для оценки численности населения Ольвии и Херсонеса в эллинистическое время. При очень близком нашему расчету средней площади домовладения (220 кв. м) число его обитателей оценивалось им в 8–10 человек, что дает и более высокую плотность населения на 1 га (Крыжицкий, 1985. С. 101, 102).

⁴ Исследование М. Хансена опирается на города, обнесенные крепостной стеной. Архаический Борисфен таковой не имел, но располагался на полуострове, естественные границы которого аналогичным образом лимитировали пространство квартальной застройки.

Рис. 1. Реконструкция сети улиц и кварталов в северной части о. Березань. Номера на плане: 1 — некрополь; 2–16 — участки (2 — «С-1»; 3 — «С-22»; 4 — Северо-Западный «А»; 5 — Северо-Западный «Б»; 6 — «Г»; 7 — «Г»; 8 — «Р-1В» (восточный); 9 — «О-Западный» (1991–2018); 10 — «О-Восточный» (1960–1980); 11 — участок «Р1» (западный); 12 — «ГШ»; 13 — А1; 14 — С4-6; 15 — В8; 16 — «Ж». *a* — установленная по данным археологических исследований минимальная зона распространения квартальной застройки архаического периода (ок. 10 га); латинскими буквами А–К обозначены городские кварталы

Fig. 1. Reconstruction of the network of streets and living blocks at the northern section of the Berezan Island. Numbers in the plan: 1 — necropolis; 2–16 — site areas (2 — “С-1”; 3 — “С-22”; 4 — North-Western “А”; 5 — North-Western “Б”; 6 — “Г”; 7 — “Г”; 8 — “Р-1В” (eastern); 9 — “О-Western” (1991–2018); 10 — “О-Eastern” (1960–1980); 11 — area “Р1” (western); 12 — “ГШ”; 13 — А1; 14 — С4-6; 15 — В8; 16 — “Ж”. *a* — minimum zone of the distribution of built-up blocks of the Archaic period established through the data of archaeological investigations (ca 10 ha); Latin letters А–К indicate city blocks

предполагает естественный рост населения апойкии, который, впрочем, может оцениваться очень по-разному.

В своей часто цитируемой работе Е. Я. Рогов полагал возможным трехкратный рост поселенцев через поколение до исчерпания демографической емкости занимаемой ими территории, что приводило бы к демографическому взрыву через 60–75 лет (Рогов, 1996. С. 80–84). Этим же Ю. А. Виноградов объяснял хронологический разрыв примерно такой же протяженности между основанием ряда северопонтийских апойкии и их урбанизацией (Виноградов, 1999. С. 108). Однако такая оценка выглядит завышен-

ной. В современных исследованиях исторической демографии Древней Греции используются модели, предполагающие 0,25–0,50 % годового прироста (Scheidel, 2003. P. 121–123; Hansen, 2006. P. 55, fn. 96; De Angelis, 2016. P. 145). Средний же годовой прирост в 0,5 % приводит к удвоению населения примерно за 140 лет. Реальное увеличение населения новой апойкии до достижения им пределов емкости среды могло, конечно, идти более высокими темпами, в том числе и за счет продолжающейся миграции. Так, предполагается, что население Мегары Гибели могло удвоиться примерно за 50 лет после ее основания (De Angelis, 2016. P. 142).

Ограниченная площадь древнего полуострова и сложности с водоснабжением, конечно, являлись факторами, жестко ограничивающими предельную нагрузку территории Борисфена. Маловероятно, чтобы его население росло экспоненциально на протяжении длительного времени. К настоящему времени на Березани не выявлены явные следы поэтапного расширения застроенной в третьей четверти VI в. до н. э. территории и прирезания к ней новых кварталов, хотя периферия городской застройки изучена для таких выводов совершенно недостаточно. Очень маленький свободный промежуток (около 50 м) между некрополем и жилыми кварталами, очевидно, указывает на стремление к максимальному освоению доступной территории, притом что хронологические рамки существования жилых домов, изученных на этом (северо-западном) краю поселения, ничем от домовладений на других его исследованных участках не отличаются.

Нет в Борисфене и примеров дробления первоначальных наделов на домовладения меньшей площади, хотя имеются отдельные случаи расширения домовладений за счет территории соседних⁵. Однако неодновременность и хаотичность в сооружении построек некоторых домов может свидетельствовать о том, что реальный демографический потенциал урбанизированной апойки в первые десятилетия заметно уступал гипотетическому, рассчитанному числу нарезанных под застройку наделов (Чистов, 2017б. С. 142, 143, 146, 147). Поэтому прирост населения через 1–2 поколения мог и не привести к кризису. На численности населения Борисфена также, возможно, негативно сказались неустановленные события, сопровождавшиеся массовыми разрушениями и пожарами в последних десятилетиях VI в. до н. э.

Было бы ценно сопоставить приведенные выше данные с аналогичной оценкой численности населения земляночного поселка на Березани в первой половине VI в. до н. э., однако здесь мы сталкиваемся с куда большими сложностями. Отсутствие выраженной уличной сети и явных границ домовладений не позволяет достоверно определять территорию индивидуальных хозяйств. Поскольку для Березани I строительного периода, как и для архаических поселений округа Ольвии,

характерна «кустовая» застройка, при которой полуземлянки и одновременные им хозяйственные ямы образуют очевидные скопления, предпринимались попытки применить для оценки численности их населения общую методику (Отрешико, 1985, 1991; Крыжицкий и др., 1989. С. 33–36), исходящую из представления о том, что группа расположенных рядом землянок представляет собой единое хозяйство (Буйских С., 1986; 1990; 2006).

Следует признать, что применительно к Березани эти подсчеты были основаны на очень ненадежных исходных данных. В отличие от сельских поселений ольвийской хоры, ни на одном исследованном участке Березанского поселения горизонт земляночного поселка I периода не был изучен значительной сплошной площадью, поскольку для этого пришлось бы полностью снести строительные остатки городских домов II периода (второй половины VI — первой трети V в. до н. э.). Уже одно это обстоятельство вносит неизбежные искажения в подсчеты общего количества землянок на определенной территории. Препятствует оно и определению границ скоплений, среднего числа группировавшихся вместе комплексов, подобно тому, как это делалось на сельских памятниках округа Ольвии (Крыжицкий и др., 1989. С. 29–31), хотя наличие «кустовой» пространственной организации Березанского поселения в первой половине VI в. до н. э. особых сомнений не вызывает (Solovyov, 1999. P. 41; Чистов, 2017а. С. 137, 138).

Кроме того, пока нет оснований считать, что вся территория древнего полуострова была равномерно занята скоплениями землянок и хозяйственных ям первой половины — середины VI в. до н. э. или что зона распространения земляночного поселка полностью соответствовала площади городской жилой застройки последующего периода. Напротив, можно наблюдать постепенное снижение их концентрации по мере удаления от современной береговой линии в районе древней бухты к центральной части острова. Одновременно с этим снижается (до 1–2) и количество полуземлянок в отдельных скоплениях, что, возможно, указывает на более короткий срок существования этих «хозяйств» (Чистов и др., 2020. С. 14, 19).

Исследованная территория раскопа «О-Западный» 1991–2018 гг., включая доследованную северо-западную часть раскопа «О» В. В. Лапина, составила около 4140 кв. м. Из них до материка не было доследовано 1236 кв. м⁶, то есть

⁵ Такие наблюдения были сделаны Я. В. Доманским и С. Л. Соловьевым применительно к некоторым домам квартала «В» на Северо-Западном участке. Подробнее см.: Чистов, 2022. С. 105, 106, 148, 149.

⁶ См. план с обозначением этих участков: Чистов, 2017а. Рис. 4; Чистов и др., 2020. Ил. 5.

ранние комплексы изучены на площади 2904 кв. м. На этой территории в общей сложности раскрыто 57 объектов, определенных как землянки и полуземлянки I строительного периода. В это число включены и определенно нежилые (ремесленные (металлургические)) комплексы, а также наиболее поздние сооружения фазы I-B (середины VI в. до н. э.). Таким образом, на один комплекс приходится примерно 51 кв. м территории поселения, а гипотетическая плотность застройки, вычисленная на основе этих данных, составила бы 196 землянок на 1 га.

В аналогичных расчетах для других раскопанных участков Березани сложнее учесть долю не исследованной до материка территории, но, если бы эти поправки удалось внести, данные оказались бы сопоставимы. Так, на раскопе «О» («О-Западный») В. В. Лапина 1962–1980 гг. на площади 3700 кв. м обнаружено около 70 землянок, что дает плотность в 189 объект на 1 га⁷. Опубликованный С. Л. Соловьевым сводный план полуземлянок (Solovyov, 1999. Fig. 10) отражает результаты исследований ранних комплексов на территории квартала «В» (раскоп Северо-Западный «Б»). Речь идет о площади около 2300 кв. м, на которой выявлены 39 полуземлянок различных типов (концентрация — 169 землянок на 1 га).

Поскольку динамика расширения освоенной территории памятника на протяжении VI — первой трети V в. до н. э. не поддается достоверной оценке, можно лишь заключить, что в северо-восточном и северо-западном районах Березанского поселения на территорию каждого домовладения и примыкающих к нему улиц урбанистического периода в среднем приходилось не менее 5–6 заглубленных в грунт жилых, хозяйственных или ремесленных комплексов I (догородского) периода.

Продолжительность этих периодов представляет собой сравнимые величины (не менее 70–80 и 50 лет соответственно), однако срок жизни каменно-сырцового дома и скопления землянок сопоставить нельзя. Городские домовладения

⁷ Площадь раскопа «О» измерена по наиболее полной реконструкции его сводного плана (Чистов, 2021б. Рис. 2). В. В. Лапин в рукописи неизданной монографии пишет о более чем 50 раскрытых землянках (Лапин, 1978. С. 105, 106), на схематичном сводном плане, подготовленном к этой публикации (позднее был издан: Мазарати, Отрешко, 1997), обозначено около 60 объектов, но нумерация доведена до 72. Неясно, все ли они в действительности являлись полуземлянками первой половины VI в. до н. э.

Березани во многих случаях существовали в почти неизменных границах на протяжении всего периода жизни урбанизированного поселения, и даже время функционирования отдельных построек в их составе определенно измерялось десятилетиями. Полуземлянки округлой в плане формы, составляющие абсолютное большинство среди ранних жилых и хозяйственных комплексов на раскопе «О-Западный», представляли собой быстровозводимые недолговечные постройки, конструктивными и объемными решениями сходные с легкими хижинами или юртообразными жилищами. Срок их службы оценивается по-разному — от одного сезона до 5–15 лет (Solovyov, 1999. P. 39–41; Крыжицкий и др., 1989. С. 32; Чистов, 2017а. С. 138). Со временем новые конструкции сооружались теми же хозяевами поблизости от пришедших в негодность: так, на участке «О-Западный» выявлено по меньшей мере восемь скоплений, в составе каждого из которых помимо хозяйственных ям находилось от 1 до 6–7 округлых землянок. Взаимные прорезания их котлованов указывают на то, что в каждом из «кустов» одновременно существовало не более 1–3 многократно перестраивавшихся сооружений⁸.

Некоторые из полуземлянок другого типа, так называемого дома колониста, конструктивно более схожие с каменно-сырцовыми домами греческой строительной традиции, могли иметь значительно более длительный срок функционирования, но не образуют подобных скоплений. Их расположение, возможно, соотносилось с квартальной сетью урбанизированной апойки (Чистов, 2017б. С. 136, 137), однако преемственность между такими комплексами и наделами определенных городских домов второй половины VI в. до н. э. неочевидна. Если на Северо-Западном участке две большие прямоугольные полуземлянки (Solovyov, 1999. Fig. 10, 42, 43) находились в границах наделов соседних жилых домов В-4 и В-6, то на участке «О-Западный» в границах надела одного «дома Пифея» (I-1) оказались три таких объекта — два жилых и один, вероятно, производственный (Павличенко, Чистов, 2020. С. 888, 889, рис. 2).

К сожалению, любые дальнейшие рассуждения в этом направлении переходят в область мало чем подкрепленных догадок, поскольку невозможно ответить на главный вопрос — о степени соответствия (по численности и половозрастному

⁸ Похожие наблюдения сделаны и для комплексов того же периода на Северо-Западном раскопе (Solovyov, 1999. P. 41).

составу) нуклеарной семьи, проживавшей в городском доме, и группы людей, оставивших после себя скопление следов заглубленных жилищ и хозяйственных ям.

Основываясь на предположениях В. М. Отрешко (1991), можно было бы заключить, что плотность населения в земляночном поселке первой половины VI в. до н. э. была примерно в три раза ниже этого показателя для городских квар-

талов второй половины того же столетия. Однако если мы возьмем за средний срок жизни землянки не 15, а куда более реалистичные 5–7 лет (Solovyov, 1999. P. 39), то соотношение меняется до 1:7–1:10.

Пожалуй, можно утверждать лишь то, что коллектив переселенцев первой волны, даже если и был постоянным, многократно уступал населению урбанизированной апойки и исчислялся не тысячами, а сотнями человек.

Блаватский, 1953 — Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 206 с.

Бруяко, Секерская, 2016 — Бруяко И. В., Секерская Е. П. Очерки экономики населения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Одесса: Ирбис, 2016. 238 с.

Буйских А., 2008 — Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: БФ «Деметра», 2008 (МАИЭТ; Suppl. 5). 421 с.

Буйских С., 1986 — Буйских С. Б. Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений Ольвийской хоры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1986. С. 26–28.

Буйских С., 1990 — Буйских С. Б. Деяки особливості планування структури пізньоархаїчних поселень Нижнього побужжя // Археологія. 1990. № 2. С. 24–32.

Буйских С., 2006 — Буйских С. Б. Ойкос греческой хоры в Нижнем Побужье VI–V вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир. Боспорские чтения VII / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2006. С. 29–31.

Виноградов, 1999 — Виноградов Ю. А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 101–115.

Гречко, 2011 — Гречко Д. С. К вопросу о численности населения Нижнего Побужья в преддверии исчезновения большой хоры Ольвии // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ООО «НТМТ», 2011. Т. 10. С. 117–129.

Крыжицкий, 1985 — Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, май 1982 г.) / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 94–103.

Крижицький, Щеглов, 1991 — Крижицький С. Д., Щеглов О. М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 46–56.

Крыжицкий и др., 1989 — Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Київ: Наукова думка, 1989. 238 с.

Лавин, 1978 — Лавин В. В. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации (рукопись монографии) // Научный архив Института археологии НАНУ. Ф. 24. № 58. 323 л.

Мазарати, Отрешко, 1997 — Мазарати С. Н., Отрешко В. М. Полуземлянки и землянки // Культура населения Ольвии и ее окрестностей в архаическое время / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1997. С. 8–17.

Масленников, 1995 — Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Боспора в VI–I вв. до н. э.). М.: ИА РАН, 1995 (Боспорский сборник; № 8). 124 с.

Назаров, 2001 — Назаров В. В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1. С. 156–160.

Отрешко, 1985 — Отрешко В. М. О плотности застройки населенных пунктов Нижнего Побужья в VI–V вв. до н. э. // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара (Парутино, сентябрь 1985 г.). Парутино: Изд-во АН УССР, 1985. С. 62, 63.

Отрешко, 1991 — Отрешко В. М. О численности населения архаической Березани и ее округи // Древнее Причерноморье. II Чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбилейной конф. (9–11 марта 1991 г.). Одесса: Ред.-изд. отдел обл. упр. по печати, 1991. С. 69.

Отрешко, 1997 — Отрешко В. М. О демографическом и военном потенциале Ольвийского полиса в конце архаического периода // Новые страницы древней истории Южной Украины: Тез. междунар. конф. (Николаев, 3–8 ноября 1997 г.). Николаев: б. и., 1997. С. 30–31.

Павличенко, Чистов, 2020 — Павличенко Н. А., Чистов Д. Е. Килики Пифея и Дейнона из раскопок Березани и их археологический контекст // МАИАСП. 2020. № 12. С. 887–913.

Прокопенко, 2015 — Прокопенко С. Н. Численность населения и построение палеоэкономических моделей развития хоры городов Боспора в VI — I-й трети III в. до н. э. // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород: НИУ Белгородского ГУ, 2015. Вып. IV: Сб. науч. трудов к 50-летию проф. Н. Н. Болгова. С. 50–54.

Рогов, 1996 — Рогов Е. Я. Экология Западного Крыма // ВДИ. 1996. № 1. С. 70–84.

- Смекалов, 2009 — Смекалов С. Л. Оценки численности населения Европейского Боспора (введение в тему) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 348–358.
- Чистов, 2017а — Чистов Д. Е. Землянки архаической Березани // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 127–144.
- Чистов, 2017б — Чистов Д. Е. Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI — первой половины V в. до н. э. // АВ. 2017. Вып. 23. С. 132–152.
- Чистов, 2021а — Чистов Д. Вулиці архаїчного Борисфена // Емінак: науковий щоквартальник. 2021. № 1 (33). С. 93–109.
- Чистов, 2021б — Чистов Д. Е. Двойное погребение — кремация на территории городских кварталов: героон архаического Борисфена? // КСИА. 2021. № 3. С. 165–178.
- Чистов, 2022 — Чистов Д. Е. Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. СПб., 2022. 576 с.
- Чистов и др., 2020 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2020 (Археология в Эрмитаже; Т. 1). Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов. 436 с.
- Bujskikh, Chistov, 2018 — Bujskikh A., Chistov D. Architectural Details and Monumental Buildings at Borysthene // Asociația ARA (Arhitectură. Restaurare. Arheologie) annual reports. Bucharest, 2018. Vol. 9. P. 5–22.
- Chistov, 2021 — Chistov D. New Data on the Late Archaic Civic Centre of the Berezan Settlement. Courtyard with Altar in the City Block “H” // An den Ufern des Bug. На берерах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen / Hrsg. J. Fornasier, A. V. Bujskikh. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021 (Frankfurter Archäologische Schriften). P. 115–136.
- De Angelis, 2016 — De Angelis F. Archaic and Classical Greek Sicily: A Social and Economic History. Oxford: Oxford University press, 2016. 437 p.
- Hansen, 2006 — Hansen M. H. The Shotgun Method: The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. Columbia: University of Missouri Press, 2006 (The Fordyce W. Mitchel Memorial Lecture Series). 140 p.
- Hanson, Ortman, 2017 — Hanson J., Ortman S. A systematic method for estimating the populations of Greek and Roman settlements // Journal of Roman Archaeology. 2017. Vol. 30. P. 301–324.
- Scheidel, 2003 — Scheidel W. The Greek Demographic Expansion: Models and Comparisons // The Journal of Hellenic Studies. 2003. Vol. 123. P. 120–140.
- Solovyov, 1999 — Solovyov S. L. Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. Leiden: Brill, 1999 (Colloquia Pontica; Vol. 4). 148 p.

Estimation of the population size at the archaic Berezan settlement

D. E. Chistov ⁹

Keywords: Berezan, Borysthene, historical demography, urbanism, Greek colonization of the Northern Black Sea region.

A calculation of the density of buildings at the urbanized Berezan settlement of the 6th — first third of the 5th cen. BC shows that per one housing estate, taking in account the street net, there were, on average, 312 sq. m of the urban territory that amounts to ca 32 houses per hectare. The density of population of the archaic Borysthene did not exceed 190 persons per hectare enabling us to estimate the community residing within the boundaries of the quarter buildings (Fig. 1) as 2,000–3,000 individuals in the second half of the 6th — first third of the 5th cen. BC. These numbers do not account for the territory of the urban houses occupying, along with the streets, the public spaces and installations. However this correction is of no significance where cities of a small area are concerned to which archaic Borysthene belonged; besides, all the known public buildings at that site are comparable with residential plots in terms of the area occupied by them. No traces have been so far recorded of an expansion of the built-up urban area as a consequence of the natural population increase during the life span of three generations of colonists at Berezan. At the same time, the expansion of some housing estates may indicate the growth of families there residing. A comparison of the population density of the urbanized apoike with the precedent pit-house settlement is complicated by the fact that no common method can be applied to consider construction at them. The calculations presented in this paper show that per territory of each housing estate and the adjoining streets of the urbanistic period, there were in the pre-urban period, on average, at least 5–6 residential, economic or manufacturing complexes dug in the earth. The term of functioning of the pit-houses, however, yielded in time to any city's house.

⁹ Dmitriy E. Chistov — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: d.chistov@gmail.com.

Ольвийский псевдокурор: полуфигура у колодца

Ю. И. Ильина, А. В. Круглов¹

Аннотация. В статье критически пересматривается прежняя атрибуция известняковой полуфигуры юноши из помещения с колодцем ольвийской агоры как изображение курора архаического периода и определяет ее как образ хтонического божества, связанный с элевсинской, дионисийско-орфической традицией, либо хтонического героя, легендарного местного прорицателя-целителя, в композиции анода; само помещение с нишей, скульптурой и источником воды характеризуется как сакральное, возможно, как место оракула и магии.

Ключевые слова: псевдокурор, полуфигура, скульптура из известняка, ольвийская агора, колодец, ниша, скульптура у источника, элевсинские боги, оракул, магия.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-40-54

Псевдокурор

В статье речь пойдет об известняковой полуфигуре юноши², обнаруженной в ходе археологических исследований агоры Ольвии в 1969 г. (Карасев, 1972. С. 43, 44; 1975. С. 3, 5; Карасев, Леви, 1976. С. 38, 42; Леви, 1985. С. 106, 107, 129, 130) (рис. 1). За произведением прочно укрепилось определение его как изображения курора местной работы, изначально полной статуи, датированной концом VI — началом V в. до н. э. (Чубова, Лесницкая, 1976), которое неоднократно воспроизводилось в различных изданиях по археологии и культуре Северного Причерноморья и Ольвии³. Однако такая атрибуция сталкивается с рядом проблем. Анализ этой уникальной полуфигуры, которая не имеет аналогий в скульптуре ни Северного Причерноморья, ни других регионов Эллады, переходит из категории рассмотрения ин-

дивидуального произведения древнего искусства в область совокупного изучения композиции, иконографии и функционирования в культовом помещении с колодцем, тогда как пониманию функции этого помещения в комплексе гимнасия, который в свое время не был исследован полностью, должна быть посвящена отдельная работа.

Действительно ли скульптура в виде свободно стоящей фигуры в натуральную величину, «выполненная из ольвийского известняка по традиционной схеме» (Русяева А., 2001. С. 147), которая находилась в священной роще на теменосе либо была изготовлена для гимнасия (как свидетельство почитания Аполлона эфебами) или другого общественного здания, бывшего на его месте ранее (Русяева А., 1992. С. 46; 2005. С. 246)⁴, была повреждена и вторично использована как полуфигура в другом месте? В основном куроры — это посвященные статуи священных участков, возможно, изображающие само божество. Известны случаи реставрации повреждений (восстановление отломанной руки) или ретуширования поверхности архаических куроров (Frel, 1994. P. 63, 64), однако разбитые статуи считались оскверненными и подлежали сакральному захоронению, они не могли использоваться вторично, что подтверждает так называемый персидский мусор афинского Акрополя.

¹ Ильина Ю. И. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: iouliailiyina@gmail.com. Круглов А. В. — независимый исследователь; Нью-Йорк, С.-Петербург; e-mail: alexvkruglov@gmail.com.

© Ильина Ю. И., Круглов А. В., 2023.

² Государственный Эрмитаж, инв. № Ол.18243. Высота 0,55 м. Поверхность камня значительно выветрена, с крупной выкрошкой и сколами. Экспонируется в фондохранилище музея в Старой Деревне.

³ Критика такой атрибуции уже была представлена (Круглов, 1996. С. 42, 43).

⁴ Существует мнение того же автора, что скульптура все время находилась в закрытом помещении, однако он ошибочно считает, что на скульптуре отсутствуют следы выветривания (Русяева А., 1987. С. 156, 157).

Рис. 1. Полуфигура юноши. Известняк. Местная работа, Ольвия. IV–III вв. до н. э. Государственный Эрмитаж
 Fig. 1. Semi-figure of a youth. Limestone. Local work, Olbia. 4th–3rd cen. BC. The State Hermitage Museum

Обращает на себя внимание и факт абсолютного отсутствия в архаическую эпоху в Элладе и Северном Причерноморье мужских обнаженных статуй в натуральную величину, выполненных из известняка. Этот материал не использовался для таких статуй из-за недостаточной пластичности для воплощения стоящей фигуры, у которой должны быть выделены руки и ноги, а также обозначены анатомические детали, и хрупкости (верхняя часть выходит тяжелее нижней, что может спровоцировать слом в самой тонкой части фигуры, у лодыжек). Крупные статуи из известняка известны для кипрской скульптуры рассматриваемого периода, но это задрапированные фигуры, массивные в нижней части, которая специально оставлена с непроработанным задником для устойчивости. Поэтому надгробие юношей Дермиса и Китила из Танагры (Национальный музей, Афины; Richter, 1988. P. 48, 49, no. 11, fig. 76, 77), приводимое публикаторами в качестве аналогии изображения из известняка архаического периода (Чубова, Лесницкая, 1976. С. 213), и не было сделано как круглая скульптура, а является плитой с рельефом. Что касается рельефов из известняка, найденных в Причерноморье, крайне редких для этого времени, основное производство таковых

приходится на IV в. до н. э. Хорошим образцом скульптуры из известняка значительного размера римского времени является герма с нерасчлененной нижней частью (на примере гермы Геркулеса из Пантикапея) (Waldhauer, 1928. P. 49, no. 33).

По сравнению с Боспором, где с возникновением различных скульптурных мастерских постепенно складывалась своя художественная традиция (Матковская, 2000), Ольвия и в позднее время почти не обнаруживает созданной в ней круглой скульптуры, которая была исключительно привозной. Если местное произведение статуарной пластики допускается для такого раннего периода, то оно должно быть выполнено скульптором-греком (и даже предполагается, что приезжим мастером: Русяева А., Русяева М., 2004. С. 54). Почему же оно столь резко отличается от известных находок в Ольвии и на Березани привозной мраморной скульптуры архаического периода (Waldhauer, 1931. P. 1, no. 84)? Местный/приезжий мастер не мог бы не знать эти произведения и вряд ли бы он отступил от узаконенных норм их формообразования и принципов композиции.

Инаковость ольвийской полуфигуры не прошла незамеченной специалистами (Росляков, 1992. С. 10; Давыдова, 2000. С. 143; Савостина,

Рис. 2. Полуфигура юноши. Деталь
Fig. 2. Semi-figure of a youth. Detail

2012. С. 337). Сами первые публикаторы отметили «прямолинейную примитивность трактовки» (Чубова, Лесницкая, 1976. С. 213). Однако, избегая эстетической оценки, работу следует рассматривать не в системе категорий классической скульптуры, а как скульптуру непрофессиональную. Поэтому трудно согласиться с преувеличенной характеристикой, данной Г. И. Соколовым: «Тип куроса в полном смысле ионический: мягки и плавны контуры фигуры, покаты плечи, сочны пластические формы тела» (Соколов, 1999. С. 47). Последнее просто не наблюдается — очевидно, что скульптор преодолевал косность материала (местный ракушечник с крупными включениями, подверженными выкрошиванию), чем объясняется упрощенность форм и полное отсутствие проработанных анатомических деталей (грудных мышц, грудной клетки, мышц пояса), что свойственно архаической скульптуре Древней Греции.

Авторы прежней атрибуции сопоставляют как близкие по исполнению черт лица голову юноши из Дипилона конца VII в. до н. э. (Национальный музей, Афины; Richter, 1988. P. 46, no. 6, fig. 50–53; Kaltsas, 2002. P. 38, no. 13) и ольвийскую. Такое сопоставление, уже страдающее неточностью, потому что между памятниками должна была бы быть хронологическая разница в сто лет, только отчетливее выявляет их различную исполнительскую природу: в аттическом произведении есть понимание общей структуры и умение определить анатомию лица с пластическими переходами между частями, которые, хотя и достаточно условно для данного раннего периода, соответствуют наблюдениям натуры, в ольвийском — только намек, адекватный графическому обозначению,

линейное высвобождение резцом форм, которые должны являть глаза, рот и нос. При виде в профиль особенно заметна чрезвычайная плоскостность форм лица. В композиции как лица, так и фигуры отсутствует представление о симметрии членов, устойчивое в греческой архаической пластике, поэтому левый глаз больше и расположен выше правого, а одна рука толще другой. Поражительным является факт, что на лице ольвийской скульптуры отсутствует даже намек на «просветленную» улыбку архаических куросов. Узкие глаза, тонкие губы, широкие скулы — не говорит ли все это если не об ином этническом типе изображенного, то об исполнителе, отстоящем от традиции греческого камнерезного искусства (вероятно, таковым мог оказаться эллинизированный варвар, выученный каменотесному делу)?

Другое немаловажное морфологическое отличие — полное отсутствие ушей, закрытых длинными волосами. Греческая вазопись позднеархаического времени показывает, что не только божества, но и смертные имели одинаковые прически — такую же, с открытыми ушами, имел бы и создатель нашей скульптуры, будь он греком-ольвиополитом рубежа VI–V вв. до н. э. Отсутствует и повязка на волосах, характерная для причесок куросов-Аполлонов. Мы имеем дело с памятником, во-первых, другой эпохи, во-вторых, изображающим не олимпийское божество, как будет показано далее.

Фигура представляет собой не обнаженного, а одетого юношу. Об этом свидетельствует полное отсутствие моделировки мышц груди и живота, поэтому единственная обозначенная треугольником деталь должна быть воспринята как трактовая ворот одежды (рис. 2). Авторы прежней атрибуции видят в ней изображение ключиц, ссылаясь на якобы схожие изображения у вазописца Бригоса, а также встречающиеся в мелкой бронзовой пластике (Чубова, Лесницкая, 1976. С. 211). Однако игнорируется, что в указанных образцах вазописи треугольник является только частью в целой системе линейных обозначений мышц, чего нет на ольвийском памятнике. Более того, врезанная линия уходит за шею и никак не может быть изображением ключицы. Стало быть, представлен одетый персонаж, но его одежда не соответствует греческому образцу предполагаемого времени. В архаической скульптуре существует несколько одетых куросов (Barletta, 1987), у которых изображен плащ, переброшенный через одно плечо и оставляющий грудь открытой, или тонкий хитон, дающий горизонтальную линию у ворота

(треугольный ворот нигде не встречается), или хитон, закрепленный фибулой только на одном плече. Но во всех подобных случаях всё же прослеживаются мышцы груди и живота.

При таком несоответствии нормам греческой скульптуры позднеархаического периода странным выглядит вывод публикаторов, что ольвийский памятник имеет «общие черты с произведениями беотийских, аттических и ионийских мастерских» (Чубова, Лесницкая, 1976. С. 216). Подобного эклектизма архаическая греческая скульптура не знала. Следовательно, ольвийская полуфигура не является работой позднеархаического периода.

Иконография и композиция скульптуры.

Датировка

Атрибуция памятника затрудняется тем, что ему невозможно подобрать прямую аналогию ни среди местной северопонтийской скульптуры, ни среди скульптуры Эллады. Иконографические детали, особенно схожие прически, а в некоторых случаях и черты лица, встречаются в изображениях скифов в произведениях так называемой греко-скифской торевтики IV в. до н. э. (Манцевич, 1975. С. 4, рис. 1д; 8, 9, рис. 4а–д; 14, рис. 5г–д; 15, рис. 6а; 18, рис. 7а; 22, рис. 8а–б; 29, рис. 14; Reeder, 1999. P. 256–261, no. 124). Можно уверенно утверждать, что абсолютное совпадение структуры прически — длинные волосы, зачесанные от макушки на лоб и на стороны без пробора, которые полностью прикрывают уши, подстрижены полукружьем надо лбом и на висках и таким же полукружием по плечам и спине, — отражает конкретный этнический тип мужской прически, а именно скифский. На большинстве памятников торевтики, в отличие от образцов аттической вазописи, скифы изображены без головных уборов. Тем более интересна фигура с остроконечным головным убором (обычно именуемым башлыком), которая натягивает тетиву на луке в композиции сосуда из кургана Куль-Оба (рис. 3), плавное закружье головного убора надо лбом и у висков точно вторит контуру описываемой прически, как будто волосы намеренно стригли коротко, чтобы при быстром движении, особенно в бою, они не выбивались из-под башлыка и не падали на глаза.

Такая прическа согласуется с определенным типом одежды — кафтаном с запахнутыми полами⁵, которые и образуют характерный острый удли-

⁵ Менее удачно называть скифскую верхнюю одежду курткой (Русяева М., 1999. С. 212), поскольку последняя имеет карманы и пуговицы.

Рис. 3. Скиф, натягивающий тетиву на луке. Сосуд из кургана Куль-Оба. Золото. Вторая половина IV в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Fig. 3. A Scythian drawing the bow-string. A vessel from the Kul-Oba barrow. Gold. Second half of the 4th cen. BC. The State Hermitage Museum

ненный треугольник на груди под шеей. Такой же треугольник ворота кафтана повторяется на многих изображениях скифов в аттической вазописи VI–V вв. до н. э., на редчайших образцах мраморной скульптуры — статуях скифов из Афин третьей четверти IV в. до н. э. (Национальный музей, Афины; Kaltsas, 2002. P. 196, no. 390), на стеле Заветнинского могильника более позднего периода (Богданова, 1965. С. 233, 234, рис. 1).

Кроме гипотетического портрета скифского царя Скила, мы вряд ли можем предполагать портретное изображение варвара для раннего периода Ольвии. Скил был заказчиком скульптуры, по сообщению Геродота (Hdt. IV, 78), его роскошный дворец украшали беломраморные статуи сфинксов и грифонов, возможно, там были и другие. Он мог заказать, скажем, приближенному мастеру свое собственное изображение для votивного подношения в святилище, которое, выстраивая дальнейшие предположения, не было завершено, а если и было, то оказалось сброшенным противниками Скила после его низвержения как акт *damnatio memoriae* (наподобие известного факта

осквернения декрета в честь Антестерия), но было спасено его ольвийскими сородичами/сторонниками и уже потом использовано в помещении при колодце. Ничего из вышесказанного подтвердить невозможно.

Следует констатировать амбивалентность иконографии памятника, что, впрочем, не представляет какого-либо драматического усилия. Известный фрагмент из «Боресфинитской речи» Диона Хрисостома о внешнем скифском обличье ольвиополита (Or. XXXVI, 7) позволяет думать, что оно было характерно не только для периода после гетского разгрома, но и для более раннего периода — по причине сурового климата (последнее неоднократно отмечалось: *Латышев*, 1887. С. 185; *Vinogradov, Kryžickij*, 1995. P. 99).

Предложенное ранее объяснение, что статуя Аполлона⁶, оказавшись разбитой, была использована как оберег колодца (*Леви*, 1985. С. 106, 107), неудовлетворительно. Аполлону не была присуща функция оберега источника (и даже знаменитый Кастальский ключ на горе Парнас охранял не Аполлон, а нимфа Касталия). Случаи вторичного использования фрагментов разбитых статуй в греческой практике неизвестны. Согласно трактовке открывателей археологического комплекса, устройство колодца претерпело последующие переделки, ниша со скульптурой появилась во второй половине IV (или конце IV — начале III в.) и просуществовала до конца III в. (или рубежа III–II вв. до н. э.; *Чубова, Лесницкая*, 1976. С. 210; *Леви*, 1985. С. 107, 129).

В нашем представлении данная скульптура является не частью разбитой статуи, а изначально изготовленной полуфигурой или незавершенной работой. Стоит обратить внимание, что в Ольвии скульптура была установлена в нише на прямоугольной формы плинт, который заметно выступает наружу, хотя, казалось бы, каменотесу не составило бы труда подрубить его вровень со стеной. Уровень расположения ниши со скульптурой не соответствует пропорциям полной статуи, он таков, как если бы выдвинутый плинт служил склонившемуся (или коленопреклоненному при совершении обряда) над ним подставкой/полкой, на которую можно поставить кроме светильника и сосуда с маслом для него предметы культа (или магического предсказания): сосуд для возлияния/омовения, фимиатерий и, возможно, копилку.

⁶ Даже точно определяемая, впрочем, без комментария, Аполлоном Дельфинием (*Русяева А., Русяева М.*, 2004. С. 55).

Стесанность камня по бокам торса, дающая резкие грани, и выступающая массивная передняя часть, которая не сужается к талии, указывают на стремление обеспечить монолитную устойчивость каменного «бюста» на плоскости, но не на пластическую моделировку полной человеческой фигуры. Разницы в технике резьбы фигуры, подставок под руки и плинта не замечено, поэтому не стоит и предполагать разновременность исполнения. Вероятно, мастер, работая над обработкой камня сверху вниз, не рассчитал центра тяжести блока и стесал слишком много в самом низу спины — скульптура стала заваливаться, поэтому и были подложены подпорки. Диагональные линии от зубила на передней стороне плинта такие же, как следы на волосах. Асимметрия фигуры с увеличением объема левого плеча была обусловлена устройством на нем прямоугольного углубления, не получившего однозначного разъяснения.

Скульптура и атрибут

Прямоугольная выемка сверху на левом плече фигуры (размерами приблизительно 5 × 5 см, глубиной 3 см) буквально не имеет ни одной аналогии среди греческой скульптуры. Предположение о вставленном в нее атрибуте (*Чубова, Лесницкая*, 1976. С. 211, 212) опровергается тем, что статуи и статуэтки курсов архаического времени не имеют вообще каких-либо атрибутов в руках, тем более вставленных в плечо. Предположить, что таковым был лук или лира Аполлона, или какой-либо другой атрибут олимпийского божества (жезл или орел Зевса, трезубец Посейдона, кадуцей Гермеса и т. д.), вряд ли возможно в силу неприятия греческим художественным мышлением частичного изображения — в круглой скульптуре атрибут моделировался полностью, не фрагментарно. Редко на бронзовых статуэтках встречается предмет, который держит рука: плод либо округлый сосуд, напоминающий плод (арибалл). В одном случае фигура держит предмет, похожий на толстый стебель и головку мака, который не получил адекватного объяснения (*Richter*, 1988. P. 135, 136, no. 158; 142, no. 173; 143, no. 175) — он может быть распознан как форма переднеазиатского фимиатерия, также знакомого и в греческом мире (*Rosen Stone*, 2004. P. 81).

Это наталкивает на мысль, что выемка в плече не связана с атрибутом как таковым, но использовалась в чисто практических целях для вставки факела или фимиатерия, в зависимости от времени и характера функционирования помещения как производственного или сакрального.

Обращает на себя внимание, что в вазописи элевсинские боги и участники мистерий (βακχοί) держат внушительного размера факелы в левой руке, прислонив наклонно к левому плечу (на примере кратера Пуртале; *Mylonas*, 1961. Fig. 81) — и именно на левом плече находится углубление у ольвийской скульптуры. В Аттике стволы факелов составлялись из пальмовых стеблей. Вполне возможно, что прутья факела в основании могли составлять прямоугольную форму, каковой является выемка плеча.

Концепция анода⁷ в надгробной и культовой скульптуре

Композиция полуфигуры как таковой в античном искусстве требует объяснения, поскольку для греческого художественного мышления нехарактерна фрагментарность изображаемой фигуры, за исключением узаконивания протомы в пластических искусствах и редкого появления полуфигуры в живописи, встречаемой только в многофигурных композициях, в которых, для экономии места, она размещена в верхнем ярусе изображения. Индивидуальные полуфигуры представляют иную историю. Существует ограниченный круг изображений, в первую очередь в вазописи и коропластике классического времени, называемых по-разному (*Исаева*, 1990. С. 164, 165), показывающих женскую или мужскую фигуру поплечно, погрудно, по пояс, поколенно. В коропластике изображения исключительным образом связаны с иконографией хтонических божеств, прежде всего элевсинских, — Деметры, Коры-Персефоны, Диониса-Плутона. Их культ был широко распространен в Ольвии (*Русяева А.*, 1979. С. 31–34, 42–44; 1992. С. 72–91, 96–100; *Русяева А.*, 1971а). Хотя святилище Деметры в Ольвии и не найдено, культ элевсинских богов засвидетельствован, в первую очередь, граффито на доньшке чернолакового килика V в. до н. э.: «Ксантип Деметре, Персефоне, Иакху в храм Деметры [посвятил]» (*Русяева А.*, 1992. С. 47, 48).

Специфичная композиция скульптуры в виде человеческой полуфигуры, расположенной фронтально, с руками, прилегающими к торсу, нередко встречается на надгробиях (варианты поплечного, погрудного или поколенного изображения), которые происходят из Эллады (в частности,

с Эгейских островов) (*Collignon*, 1911. P. 301–314; *Marcadé*, 1969. P. 141–145), но также из Боспора (*Савостина*, 2012. С. 156–169, № 3.14–3.18), особенно его азиатской части. Такая композиция воплощает концепцию анода, идею воскрешения, перерождения, так или иначе проявляемую в идейных представлениях народов Средиземноморья и Причерноморья. Памятники Азиатского Боспора были приписаны Н. И. Сокольским к синдским (*Сокольский*, 1965. С. 86–96; 1966. С. 243–258; 1967. С. 183–204; 1976. С. 187–198)⁸, подобные произведения римского периода Е. М. Алексеева определяет как сарматские (*Алексеева*, 2021. С. 48). Поплечные и погрудные фигуры встречаются в некрополе Херсонеса (*Колесникова*, 1977), значительно реже — в Ольвии (*Крыжицкий и др.*, 1999. С. 462, рис. 142; *Козуб*, 2002. С. 37; *Папанова*, 2006. С. 128). Вопреки мнениям, что полуфигура являлась всего лишь сокращенным изложением статуи (*Collignon*, 1911. P. 307) или что у подобного изображения отсутствовало ритуально-религиозное значение (*Сокольский*, 1976. С. 198, примеч. 2), надгробные полуфигуры связывают с представлением героизированных умерших, которые могли быть размещены в герооне (*Иванова*, 1961. С. 81–83), что свидетельствует о комплексности представлений, относящихся к данной иконографии. Исследователи также выделяют идею объединения человека и земли (понятие автохтонии; *Ходза*, 2001. С. 39), от которой он получает жизнь и которая укрывает покойных, и идею возрождения, когда, подобно переходам богов из одного мира в другой, человек получает уверенность в посмертном блаженном существовании при условии сопричастности к мистериальным культам этих богов или к религиозно-философским учениям, в частности пифагорийско-орфическим. В отдельных случаях изобразительный материал анода предлагает непосредственную картину подобного возрождения. На инталиях, которые, надо полагать, служили личными амулетами, видна появляющаяся из земли полуфигура человека, которую встречает хтоническое божество — Гермес Психопомп (LIMC V, s.v. *Hermes*, no. 644, 645).

Иконография анода многосложна. Мотив характерен для изображения истории рождения божества или героя (Афина из головы Зевса, Гея в сцене рождения Эректа) (*Исаева*, 1990. С. 169),

⁷ Анод (катод) — процесс подъема (спуска) того или иного персонажа в сценах рождения, перехода из царства мертвых к вечной жизни среди богов или возвращения из него на землю (*Исаева*, 1990. С. 169).

⁸ А. М. Новичихин отметил формальную схожесть синдских полуфигур и ольвийского «куроса» (*Новичихин*, 2014. С. 34).

Рис. 4. Сцена анада, сидящий Дионис и его спутники. Краснофигурный кратер (кратер Хоуп). Терракота. Атика, ок. 370 г. до н. э. Британский музей (из открытых источников)

Fig. 4. Scene of anodos, sitting Dionysus and his companions. Red-figure krater (Hope krater). Terracotta. Attica, ca 370 BC. British Museum (from open sources)

Рис. 5. Евбулей. Мрамор. Атика, ок. 330–320 гг. до н. э. Национальный музей, Афины (из открытых источников)

Fig. 5. Eubuleus. Marble. Attica, ca 330–320 BC. National Museum, Athens (from open sources)

а также для мифологических историй о переходе хтонических божеств (Деметры, Персефоны, Диониса, Гермеса) из подземного мира в мир земной, которые исторически приобрели символическое значение, связанное с представлениями о природных циклах умирания и возрождения. Мотив анада неоднократно встречается в изображениях хтонических богов, однако прямое толкование многих сцен затруднено в силу замены конкретной истории понятийным представлением (например, анад Афродиты Черной) (Ходза, 2001. С. 39, 40) либо ввиду нашего незнания конкретной истории. Показательным примером является анализ краснофигурного кратера Хоуп (ок. 370 г. до н. э.; Британский музей) (рис. 4), где возникающая в пещере полуфигура молодого бога определялась как Иакх или Аполлон, или вторично как Дионис (Дионис изображен сидящим рядом с пещерой) (Bérard, 1974. P. 103–115). Художественный ряд кратера Хоуп отличен тем, что изображение истории сопряжено с понятиями, связанными с учениями для посвящаемых в дионисийские мистерии, которые нам неизвестны.

Подобная композиция встречается гораздо реже в культовой скульптуре, а там, где она представлена, — это изображения хтонических богов. Павсаний упоминает погрудную скульптуру Деметры в беотийском храме Деметры Фесмофоры, а также статуи Диониса, Деметры и Коры, у которых видны только лица, в священной роще храма Деметры Простасии (Предстоящей) недалеко от Сикиона (Paus. IX, 16, 5; II, 11, 3). Поплечное мраморное изображение персонажа, связанного с культом Деметры, засвидетельствовано археологически — «бюст» Евбулея, найденный около храма Плутона в Элевсине (ок. 330–320 гг. до н. э.; Национальный музей, Афины) (рис. 5). Именуемое бюстом (Kaltsas, 2002. P. 265, no. 555; LIMC IV, s.v. *Eubouleus*, no. 3), это произведение таковым, в строгом смысле, не является, форма бюста формируется лишь в римское время. Вероятно, в изобразительном искусстве, воплощавшем хтонический образ, не придавалось специфического значения степени фрагментарности фигуры, важно было прежде всего обозначить мотив появления, буквально — подъема (анада), фигуры.

Иконография

юных мужских хтонических богов

«Бюст» Евбулея, помимо композиции, важен и тем, что представляет юношу с длинными волосами, полностью закрывающими уши. Вероятно, такая прическа определяет, с одной стороны,

ранний возраст персонажа, с другой — его негородской вид (согласно мифу, Евбулей, брат Триптолема, пас свиней в момент похищения Плутоном Кору), но иначе длинные волосы могли восприниматься как историческое обличье легендарного героя. С еще более длинными волосами (такими же, как на ольвийской скульптуре) Евбулей был изображен на фрагментированном рельефе Лакратиды (ок. 100 г. до н. э.; Музей, Элевсин; *Clinton*, 2007. Р. 347, 348). Помимо мифологической истории Евбулей почитался в орфической теогонии, где его матерью называлась Антея, которая была ипостасью Деметры, и где он был также ассоциирован с хтоническими Зевсом, Плутоном и Дионисом (сыном Зевса и Персефоны) (*Foucart*, 1914. Р. 105, 106; *Mylonas*, 1961. Р. 198, 199, 238, 292, 309) — уже Павсаний отмечал напластование местных и орфических преданий в его истории (*Paus.* I, 14, 2, 3). Евбулей почитался как божество, ему была отведена значительная роль в Больших элевсинских мистериях, вечером 21 Боэдромиона Евбулей сопровождал появление Кору из пещеры (*Clinton*, 1992. Р. 56–63, 71–73, 96; 1993. Р. 118; 2007. Р. 355).

Однако определить ольвийскую скульптуру как изображение Евбулея напрямую затруднительно, поскольку не существует единого мнения в атрибуции «бюста», изображение также называют Эвмолпом (царем Элевсина в гомеровском гимне Деметре; в орфической традиции установил посвящение в элевсинские мистерии, первый иерофант; *Clinton*, 1992. Р. 75–78, 96) или Триптолемом (*LIMC VIII, s.v. Triptolemos*, no. 159). Действительно, на Большом элевсинском рельефе у Триптолема длинные волосы, прикрывающие уши.

Подобная ситуация с разногласием в определении Евбулея, Эвмолпа, а также Иакха существует и в краснофигурной вазописи, характерные примеры — кратер Пуртале, Британский музей, и пелика Павловского кургана, Эрмитаж, исключением же является Царица ваз, Эрмитаж, на которой Евбулей, Иакх, Триптолем и Дионис представлены отдельно (*Mylonas*, 1961. Р. 210–212; *Clinton*, 1992. Р. 78–81; 1993. Р. 115, 116; 2007. Р. 348–350). Все рассмотренные произведения показывают, что длинные волосы, ложащиеся локонами на плечи, характерны для Евбулея, Эвмолпа и Иакха.

Иконография Иакха, называемого хтонической ипостасью Диониса, еще более сложна, его изображали с крыльями (*Русяева А.*, 1979. С. 66–70) и без них, а также в виде ребенка (*Круглов*, 2000). Иакх имел огромное значение в представлениях Больших элевсинских мистерий, где выступал предводителем мистов и где присутствовал

его жрец, Иакхогос, 19 Боэдромиона отмечался его собственный день (*Mylonas*, 1961. Р. 238, 252–258, 308–309; *Clinton*, 1992. Р. 64–71, 96; 1993. Р. 116). В Ольвии засвидетельствованы находки граффити V–IV вв. до н. э. с отдельным упоминанием имени Иакха в именительном падеже и в совместном посвящении Деметре, Персефоне и Иакху (*Русяева А.*, 1979. С. 47, 48, 66–70; 2010. С. 318, 337; *Яйленко*, 1980. С. 85, № 85).

Культ самого Диониса был тесно связан с культом элевсинских богов (ольвийское святилище Диониса не локализовано, но предполагается на юго-западном теменосе; *Русяева А.*, *Русяева М.*, 2022. С. 59). В религиозной практике существовала глубокая связь культов Деметры и Диониса, связанных с представлениями орфической теогонии и орфических учений, отголоски которых встречаются в текстах гимнов, а также на орфических пластинках. В Ольвии зафиксированы не только отдельные проявления этой связи, но и существование фиаса орфиков (*Жмудь*, 1992; *Русяева А.*, 1978; 1979. С. 73–80, 90, 91; *Robertson*, 2005. Р. 219).

Небесполезно отметить, что иконография Диониса переживает трансформацию в греческом искусстве V в. до н. э., вместо архаизированного облика старца с бородой он буквально перерождается в юношу с длинными локонами — не под влиянием ли этого орфико-элевсинского симбиоза, иначе как толковать выражение Пиндара «кудрявый сопрестольник Деметры» (*Pind. Istm. VII, 3–5; Mylonas*, 1961. Р. 277)? Таким образом, рассмотрение композиции и иконографии ольвийской полуфигуры демонстрирует ее непосредственную близость к юным мужским хтоническим богам элевсинского круга, которые имели весомое значение в орфической традиции.

Ниша, скульптура и источник воды

Археологическая ситуация ограниченного по размеру помещения (2,0 × 2,1 м) с колодезем, нишей и скульптурой уникальна и ставит перед исследователями задачу объяснения их соотношения, функционирования. Колодезь является единственным открытым в Верхнем городе (другой, указанный на плане развалин Ольвии И. П. Благрамберга 1822 г. под литерой «Е» (*Тункина*, 2002. Рис. 106), впоследствии не был обнаружен (*Vinogradov, Kryžickij*, 1995. Р. 45), что подчеркивает его важность как доступного источника свежей воды. Чистая вода была необходима любому жаждущему, но также и для общественных трапез, религиозных ритуалов, в практике оракула.

Но насколько и кому колодец был доступен, был ли у него статус священного источника и, в связи с этим, соответствующие регулирования и ограничения (Cole, 1988. Р. 161, 162; Ehrenhum et al., 2019. Р. 12)? На этот счет какой-либо ольвийский документ неизвестен. Даже если колодец и не был единственным в Верхнем городе, он все-таки оставался одним из немногих в районе агоры, и возможно, существовал негласный договор о его широком использовании, учитывая объем притока из водоносного слоя, наподобие мудрого решения Солоня о колодцах в Афинах: «Если на глубине десяти сажень в своем владении не находили воды, то разрешалось брать воду у соседа два раза в день по одному сосуду...» (Plut. Solon. XXIII, 6)⁹. По определению А. Н. Карасева и В. В. Лапина, «общественные» колодцы Нижнего города у прибрежной части были доступны спускавшимся жителям Верхнего (Карасев, 1941. С. 133; Лапин, 1960. С. 98).

А. Н. Карасев предполагал некую металлическую конструкцию для подъема воды на раннем этапе существования колодца на основе анализа 15 пазов на верхней горловине, из которых два больших предназначались для установки вертикальных опор (Карасев, 1972. С. 43; 1975. С. 3; Леви, 1985. С. 127, 128). Полностью металлических конструкций не существовало, Архимедов винт еще не был изобретен, и вряд ли тут было место для колесного механизма, приводимого в движение тягой животного. Античная техника V в. до н. э. располагала двумя механизмами для подъема воды, деревянными в основе: журавлем (κελώνειον) и лебедкой (блок; τροχίλια), которые зафиксированы в росписях на современных им аттических вазах (Stroszeck, 2017). Если предположение о назначении двух больших пазов верно, то резонно считать, что горловина была снабжена лебедкой, тогда как остальные пазы служили для крепления частей верхней обноски, возможно, специальных керамических черепиц, которые упомянуты в литературе (Lang, 1949. Р. 124), но, скорее всего, деревянных элементов (мягкое дерево обеспечивало «мягкую посадку» для уязвимых к удару керамических (kadai) или металлических сосудов, а также ведер из кожи (конической формы) или дерева, в которых поднимали воду). Предполагать же использование пазов для крепления каменного омфалоса над колодцем, по примеру недавно открытого в районе древнего

Керамика в Афинах при исследовании участка публичных бань V–III вв. до н. э., который закрывал колодец и относился к оракулу Аполлона (Stroszeck, 2015. Р. 5), вряд ли приходится ввиду редкости источника воды и насущной необходимости в нем в этом районе Ольвии.

Каменная горловина более позднего периода имеет следы трения веревки, тогда воду доставали вручную, тянув сосуд на веревке. По крайней мере два человека могли находиться для этого в очень маленьком помещении, там же временно могли быть и те, кто забирал наполненные сосуды. В тесноте и толкотне вода проливалась, и на полу был устроен желоб для ее отвода.

Изобразительные композиции на вазах показывают способы не только подъема воды, но и ее непосредственного использования на месте — рядом с горловиной колодца изображены нагие юноши-атлеты, моющиеся после атлетических упражнений. Детали не обозначают интерьер, и, надо думать, омовения происходили на открытом воздухе, где, как правило, и находились рядовые колодцы. Вряд ли подобные омовения совершались в помещении ольвийского колодца, тем более что рядом находились бани гимнасия. Но все жаждущие могли пить прохладную свежую воду из колодца. Известно также, что в колодцы опускали на веревках сосуды для их охлаждения. Показательно сообщение Плиния Старшего о том, что забор воды сохраняет ее подвижность в колодце и, таким образом, держит ее чистой и здоровой (Plin. Nat. Hist. 31, 23).

Наличие ниши со скульптурой свидетельствует о сакральном характере рассматриваемого ольвийского помещения. Ниши нередко встречаются в ольвийских домах, часто в подвальных помещениях, где они могли иметь чисто практическое назначение для размещения светильника. По предположению Л. М. Славина, которое не встретило поддержки (Крыжицкий, 2012. С. 248), в ниши складывалась одежда в банном помещении частного дома (Славин, 1962. С. 22). Часть помещений с нишами, в которых могли находиться терракотовые или бронзовые изображения богов, небольшие алтари, определена как святилища, домашние (Крапивина, 2012. С. 188) или связанные с культом хтонических богов, примером служит известный дом Агрота (Русяева, 2001. С. 45, 46). Ниши для алтарей и статуэток засвидетельствованы в мегароне Н южного дворца Неаполя Скифского (Зайцев, 2003. С. 24, рис. 28). Таким образом, ниша сама по себе являла маленькое святилище (ναῖσκος).

⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. С. И. Соболевского. М.: АН СССР, 1961. Т. 1. С. 119.

Ниши встречаются в архитектуре монументальных гробниц и героононов (*Herda*, 2013. Р. 102). Они характерны повсеместно для ландшафтных или подземных святилищ, где использовались для установки вотивных рельефов, глиняных статуэток или небольших скульптур. Нишами снаружи оформлялись здания греческих святилищ (например, проход святилища богини на Фасосе, ок. 500–480 гг. до н. э.; *Hornbostel-Hüttner*, 1997), реже они встречаются внутри храмов (ниша для золотого светильника, изготовленного Каллимахом в середине V в. до н. э., в здании Эрехтейона на афинском Акрополе; *Paus.* I, 26, 6, 7; *Palagia*, 1984), их также устраивали в стенах ворот или башен в качестве маленького святилища героя или божества (*Abramson*, 1978. Р. 108–110). Именно местом отправления культа предстает ниша для известнякового горельефа возлежащего Геракла в поясе башни усадьбы на Кульчукском городище (IV в. до н. э.; *Ланцов*, 2009. С. 423, рис. 2).

Колодцы в собственном архитектурном обрамлении представляют особую категорию сакральных колодцев при святилищах. Колодцы или источники внутри храма характерны для святилищ Асклепия (*Ginouvs*, 1962. Р. 349, 350; *Glaser*, 1983. Р. 7, 8, cat. 1; *Melfi*, 2016. Р. 92). Вода имела первостепенное значение в комплексе ритуалов: для очищения при входе в храм или святилище (с такой целью существовала специальная чаша на подставке или антропоморфная фигура-держатель чаши с водой, *περίρραυτήριον* (*Ginouvs*, 1962. Р. 138; *Fullerton*, 1986)); возлияний; оздоровительного омовения (при святилищах существовали банные помещения); ритуального омовения статуй; освящения даров, приносимых богу; мытья и чистки посуды во время общественных трапез (*Cole*, 1988; *Ehrenhum et al.*, 2019).

Ольвийский колодец в небольшом пространстве, окруженном стенами с двумя проемами, имеет известный исторический образец — Каллихорон, колодец Прекрасных хороводов в Элевсине, «где элевсинские женщины учредили первый хоровод и стали петь гимны в честь богини», как повествует Павсаний (*Paus.* I. 38.6)¹⁰. История связана с преданием, отраженным в гомеровском гимне Деметре (*Hom. Hymn.* V, 96–101), которое повествует о богине, присевшей в горе у колодца дома элевсинского царя Келея. Архаический Каллихорон приобрел в первой половине V в. до н. э.

гипетральное ограждение (каменный парапет со стенами, открытый небу) (*Mylonas*, 1961. Р. 97–99, 257; *Ginouvs*, 1962. Р. 377; *Longfellow*, 2012. Р. 136).

Мог ли колодец Верхнего города Ольвии быть напрямую использован в культе какого-то божества? С. Д. Крыжицкий связывает гидросистему агоры не с гимнасием, а с комплексом Асклепия (*Крыжицкий*, 1985. С. 82; *Vinogradov, Kryžickij*, 1995. Р. 37). Вода также имела огромное значение в обрядах Деметры и сложной практике очищений орфиков (*Ginouvs*, 1962. Р. 375–396). Как известно, в обрядах очищения перед посвящением в элевсинские мистерии участвовал особый служитель, *Hydranos*, совершавший окропление посвящаемого чистой водой, как это изображено на мраморном рельефе первой половины IV в. до н. э. из Элевсинского музея, где в качестве такого служителя предстает сама Персефона (*Mylonas*, 1961. Р. 194, 236, 237).

Следует отметить еще одну возможность использования источника воды в ритуальных целях. Неоднократно отмечено, что в Ольвии культы полисных богов были тесным образом связаны с народной религией, перемежаясь с практикой магических заклинаний и оракула (*Русяева А.*, 2010. С. 204), показательна дискуссия вокруг граффито с именем Фарнабаза и упоминанием прорицателя Гермеса (*Lebedev*, 1996; *Русяева А.*, 1979. С. 118–120; 2010. С. 70–72; *Белоусов*, 2020. С. 103–112, № 20). Магические прорицания характерны для орфизма. Культ героя, хорошо известный в Ольвии на примере или Ахилла, или Благоклонно внешнегероя, или менее известного героя Ангела (*Белецкий*, 1969; *Виноградов, Шауб*, 2021; *Русяева А.*, 1971б. С. 27; *Русяева А.*, 2015. С. 28–30), был также связан с магией. Ольвийское помещение с колодцем могло выполнять функцию каптированной пещеры и быть использовано как прорицалище или святилище оздоровительной магии. В прорицалище Кларосского Аполлона жрец спускался в пещеру и пил воду из таинственного источника, после чего излагал ответы стихами, как повествует Тацит (*Annales*, 2.54); легендарное место засвидетельствовано археологическими исследованиями (*Parke*, 1985. Р. 138, 139). Павсаний упоминает источник перед святилищем Деметры, где практиковался способ гадания по вопросам здоровья способом погружения зеркала в источник (*Paus.* VII. 21, 12), и статую Геракла в пещере у реки, где гадали при помощи таблички и игральных костей (*Paus.* VII. 25, 10). Особым предстает ночное гадание у гермы Гермеса Агорей: «Желаящий получить предсказание от бога приходит

¹⁰ Павсаний. Описание Эллады / Перевод и вводная статья С. П. Кондратьева. М.: Искусство, 1938. Т. 1. С. 207.

к вечеру, делает на жертвеннике воскурение ладаном; затем, наполнив светильники маслом и зажегши их, кладет на жертвенник направо от статуи местную монету...» (Paus. VII. 22, 3)¹¹.

Отдельную категорию предсказателей-целителей представляют обожествленные мифические предсказатели, личная история которых сопряжена с анодом из подземелья/пещеры и с идеей бессмертия — прежде всего, это Орфей, Салмоксис (Залмоксис), Амфиарай, Трофоний (*Ginouvès*, 1962. P. 344–349; *Ustinova*, 2009a. P. 266–275; 2009b. P. 89–109), к ним добавляются и имена скифских гадателей, целителей, мудрецов (*Ustinova*, 2009a. P. 275–278).

В местах почитания легендарных предсказателей-целителей и их оракула особую роль играл источник воды. В источник Амфиарая бросали монету, если человек излечивался по данному богом прорицанию (Paus. I. 34, 4). Оракул Трофония находился у реки Геркины в пещере со статуями Трофония и Геркины. Павсаний подробно описывает место и процедуру оракула, связанную с катодом и анодом вопрошающего, его «поглощением» в недра пещеры и благополучным возвращением (Paus. IX. 39, 2–14). Павсаний обращает внимание на то, что обряд, после начальных процедур омовения и умащения, включает испытание воды из источника Леты (Забвения) и источника Мнемосины (Памяти) — поразительным образом это совпадает с двумя источниками в описании обретения бессмертия в орфическом тексте: «И немедля испить подадут тебе влаги священной. / И тогда ты там воцаришься меж прочих героев»¹².

Заключение

На данном этапе исследования приходится с сожалением отметить полное отсутствие каких-либо зафиксированных эпиграфических или нумизматических памятников, связанных с рассматриваемым помещением с полуфигурой в нише у колодца, которое, как было показано,

имело сакральный характер; возможно, правда лежит на дне не доисследованного на всю глубину колодца. Дата «внедрения» в этот комплекс скульптуры в нише (вторая половина или конец IV в. до н. э.) совпадает со временем распространения изображений скифов в греко-скифской торевтике. Но насколько ольвийские греки выделяли этническую чужестранность, которую мы отмечаем в образе полуфигуры? Возможно, воспринимая работу как фольклорную, они принимали во внимание в первую очередь суть композиции анода, свойственной для представления хтонических богов/героев, включая какого-либо местного обожествленного героя, легендарного мудреца, предсказателя и целителя, каким, по примеру с фракийским Салмоксисом, мог оказаться и эллинизированный скиф (история может назвать скифского царевича Анархасиса или обожествленного афинянами, как сообщает Лукиан (*Luc. Scyth. 1*), скифского целителя Токсариса). Геродотов рассказ о пребывании в Ольвии скифского царя Скила показывает, насколько толерантным было отношение эллинов к посвящению чужого в дионисийские мистерии (и, надо думать, никаких этнических ограничений не было при посвящении в элевсинские или орфические мистерии, и, как свидетельствуют ольвийские граффити, скифы могли беспрепятственно помещать посвящения в местные храмы). В таком случае кем был заказчик скульптуры — одним из проживающих в городе эллинизированных варваров, успешных и добившихся положения (и, может, жреческого ранга в отправлении данного культа), или одним из эллинов, сочувственно относящимся к местным легендам и культам?

Анализ скульптуры, несомненно, служит поводом для возвращения к дискуссии, начатой в прошлые десятилетия (*Виноградов*, 1981. С. 139), об ассимиляции варварского компонента, наличии этнического формирования эллино-скифов, культурно-религиозного симбиоза, процесса культурной конвергенции скифского общества с эллинской Ольвией (используя терминологию участвовавших в ней авторов). Полуфигура молодого безбородого юноши — хтонического божества или героя — вероятно, обретет более точное определение в ходе последующих ревизий материалов, связанных с исследованием данного археологического комплекса.

¹¹ Павсаний. Описание Эллады / Перевод и вводная статья С. П. Кондратьева. М.; Л.: Искусство, 1940. Т. 2. С. 197.

¹² *Голосовкер Я. Э.* Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. вторая. Томск; М.: Водолей Publishers, 2006. С. 121. Пер. Згадай-Северского.

- Алексеева*, 2021 — *Алексеева Е. М.* Некрополь античного города Горгиппии. Комплекс гробниц рубежа II–III вв. н. э. М.; Вологда: Древности Севера, 2021. 357 с.
- Белецкий*, 1969 — *Белецкий А. А.* «Благосклонно внемлющий герой» в Ольвии // ВДИ. 1969. Вып. 1. С. 155–161.
- Белоусов*, 2020 — *Белоусов А. В.* Корпус заклятий Понтийской Ольвии // Труды исторического факультета МГУ. М.: Ист. ф-т МГУ, 2020 (Серия II. Исторические исследования; 103). Вып. 164. 160 с.
- Богданова*, 1965 — *Богданова Н. А.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника // СА. 1965. № 3. С. 233–237.
- Виноградов*, 1981 — *Виноградов Ю. Г.* Варвары в пропосографии Ольвии VI–V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979) / Ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1981. С. 131–148.
- Виноградов, Шауб*, 2021 — *Виноградов Ю. А., Шауб Ю. И.* Об одном забытом ольвийском рельефе // ВДИ. 2021. № 81 (2). С. 331–339.
- Давыдова*, 2000 — *Давыдова Л. И.* Архаический курор из раскопок на острове Березань 1986 г. // Античное Причерноморье: Сб. ст. по классической археологии / Ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 140–144.
- Жмудь*, 1992 — *Жмудь Л. Я.* Орфические граффити из Ольвии // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Глаголь, 1992. С. 94–110.
- Зайцев*, 2003 — *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Иванова*, 1961 — *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1961. 148 с.
- Исаева*, 1990 — *Исаева Н. Н.* К иконографии анода в греческой коропластике классического периода // Образ-смысл в античной культуре / Ред. Л. И. Акимова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. С. 164–173.
- Карасев*, 1941 — *Карасев А. Н.* К вопросу о водоснабжении Ольвии // СА. 1941. № 7. С. 129–139.
- Карасев*, 1972 — *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967–1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130: Античные памятники на территории СССР. С. 35–44.
- Карасев*, 1975 — *Карасев А. Н.* К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия // КСИА. 1975. Вып. 143: Античная археология. С. 3–10.
- Карасев, Леви*, 1976 — *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского // Художественная культура и археология античного мира / Ред. И. Б. Брашинский. М.: Наука, 1976. С. 22–45.
- Козуб*, 2002 — *Козуб Ю. И.* Надгробия некрополя Ольвии римского периода Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: ИИМК РАН, 2002. Т. 2. С. 37–41.
- Колесникова*, 1977 — *Колесникова Л. Г.* Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. Вып. 2. С. 87–99.
- Крапивина*, 2012 — *Крапивина В. В.* Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Симферополь: Керчь: Деметра, 2012. Вып. XXVI. С. 182–217.
- Круглов*, 1996 — *Круглов А. В.* О местной скульптуре Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского / Ред. Г. В. Вилинбахов, Н. П. Лаврова, М. Б. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 41–43.
- Круглов*, 2000 — *Круглов А. В.* Реконструкция и интерпретация мраморного алтаря из Ольвии // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней / Ред. А. Г. Кифишин, Л. И. Акимова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 278–286.
- Крыжицкий*, 1985 — *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка, 1985. 191 с.
- Крыжицкий*, 2012 — *Крыжицкий С. Д.* К вопросу о банях // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / Ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Деметра, 2012 (Боспорские чтения; Вып. 13). С. 245–255.
- Крыжицкий и др.*, 1999 — *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев: Изд-во ИА НАН Украины, 1999. 676 с.
- Ланцов*, 2009 — *Ланцов С. Б.* Новый горельеф Геракла с херсонесской хоры // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 422–425.
- Лалин*, 1960 — *Лалин В. В.* Эллинистические колодцы прибрежной части Ольвии // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 91–102.
- Латышев*, 1887 — *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. 314 с.
- Леви*, 1985 — *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 151 с.
- Манцевич*, 1975 — *Манцевич А. П.* Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // *Archaeologia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk*, 1975. № XXVI. P. 1–45.
- Матковская*, 2000 — *Матковская Т. А.* «...камень, изливающий немую скорбь». Керчь: Деметра, 2000. 96 с.

- Новичихин, 2014 — Новичихин А. М. К вопросу о «синдской» скульптуре // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2014. Вып. 6. С. 30–38.
- Папанова, 2006 — Папанова В. А. Урочище сто могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев: Знання України, 2006. 277 с.
- Росляков, 1992 — Росляков С. Н. Скульптура Ольвии: Автореферат дис. ... канд. искусствоведения / Академия художеств СССР. СПб.: Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 1992. 21 с.
- Русяева А., 1978 — Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // *ВДИ*. 1978. Вып. 1. С. 87–104.
- Русяева А., 1979 — Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наукова думка, 1979. 172 с.
- Русяева А., 1987 — Русяева А. С. Скульптура // *Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время* / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1987. 197 с.
- Русяева А., 1992 — Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. 256 с.
- Русяева А., 2001 — Русяева А. С. Скульптура как исторический источник в научных трудах Ю. Г. Виноградова // *Херсонесский сборник*. 2001. Вып. XI. С. 143–148.
- Русяева А., 2005 — Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Изд. дом «Стилос», 2005. 559 с.
- Русяева А., 2010 — Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2010. 288 с.
- Русяева А., 2015 — Русяева А. С. Граффити с южного теменоса Ольвии // *ВДИ*. 2015. Вып. 2. С. 22–40.
- Русяева А., 1971а — Русяева А. С. Культ Кори-Персефони в Ольвии // *Археологія*. 1971. Вып. 4. С. 28–40.
- Русяева А., 1971б — Русяева А. С. Культіві предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва березань // *Археологія*. 1971. Вып. 2. С. 22–29.
- Русяева, 2001 — Русяева А. С. Домашні святилища в античних містах Північного Причорномор'я VI–II ст. до н. е. // *Археологія*. 2001. Вып. 2. С. 41–51.
- Русяева А., Русяева М., 2004 — Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская. Город счастья и печали. Киев: Изд. дом «Стилос», 2004. 227 с.
- Русяева А., Русяева М., 2022 — Русяева А. С., Русяева М. В. Південно-Західний теменос в Ольвії Понтицькій // *Актуальні питання гуманітарних наук*. 2022. Вып. 58 (2). С. 46–72.
- Русяева М., 1999 — Русяева М. В. Золотой предмет ритуального культового назначения из кургана Передриева Могила // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира* / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999. Ч. 2. С. 208–215.
- Савостина, 2012 — Савостина Е. А. Элада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь: Изд. дом «АДЕФ-Украина», 2012. 390 с.
- Славин, 1962 — Славин Л. М. Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Київ: Вид-во АН Української РСР, 1962. Т. XI. С. 3–32.
- Соколов, 1999 — Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство). М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. 569 с.
- Сокольский, 1965 — Сокольский Н. И. Новые памятники синдской скульптуры // *КСИА*. 1965. Вып. 100: Важнейшие археологические открытия. С. 86–96.
- Сокольский, 1966 — Сокольский Н. И. К вопросу о синдской скульптуре // *Культура античного мира*. М.: Наука, 1966. С. 243–258.
- Сокольский, 1967 — Сокольский Н. И. Синдская скульптура // *Античное общество* / Ред. Т. В. Блаватская. М.: Наука, 1967. С. 183–204.
- Сокольский, 1976 — Сокольский Н. И. Вопросы синдской скульптуры // *Художественная культура и археология античного мира* / Ред. И. Б. Брашинский и др. М.: Наука, 1976. С. 187–198.
- Тункина, 2002 — Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Ходза, 2001 — Ходза Е. Н. Греческая терракотовая полуфигура V в. до н. э. из собрания Эрмитажа // *Сообщения Гос. Эрмитажа*. 2001. Вып. LIX. С. 37–40.
- Чубова, Лесницкая, 1976 — Чубова А. П., Лесницкая М. М. Ольвийский курор // *Художественная культура и археология античного мира* / Ред. И. Б. Брашинский и др. М.: Наука, 1976. С. 210–217.
- Яйленко, 1980 — Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // *ВДИ*. 1980. № 3. С. 75–116.
- Abramson, 1978 — Abramson H. Greek Hero-shrines. Berkeley: University of California, 1978. 304 p.
- Barletta, 1987 — Barletta B. A. The Draped Kouros Type and the Workshop of the Syracuse Youth // *American Journal of Archaeology*. August 1987. Vol. 91 (2). P. 233–246.
- Bérard, 1974 — Bérard C. Anodoi. Essai sur l'imagerie des passages chtoniens. Rome, Neuchâtel: Paul Attinger S. A., 1974 (Bibliotheca Helvetica Romana; Vol. XIII). 181 p.
- Clinton, 1992 — Clinton K. Myth and Cult. The Iconography of the Eleusinian Mysteries. The Martin P. Nilsson Lectures on Greek Religion, delivered 19–21 November 1990 at the Swedish Institute at Athens. Stockholm: Paul Åströms förlag, 1992 (Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae; Vol. XI). 209 p.

- Clinton*, 1993 — *Clinton K.* The Sanctuary of Demeter and Kore at Eleusis // *Greek Sanctuaries. New Approaches* / Eds. N. Marinatos, R. Hägg. London; New York: Routledge, 1993. P. 110–124.
- Clinton*, 2007 — *Clinton K.* Mysteries of Demeter and Kore // *A Companion to Greek Religion* / Ed. D. Ogden. Malden, Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2007. P. 342–356.
- Cole*, 1988 — *Cole S. G.* The Uses of Water in Greek Sanctuaries // *Early Greek Cult Practice: Proceedings of the Fifth International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 26–29 June, 1986* / Eds. R. Hägg, N. Marinatos, G. C. Nordquist. Stockholm: Paul Åströms Förlag, 1988 (*Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae*; Vol. XXXVIII). P. 161–165.
- Collignon*, 1911 — *Collignon M.* Les statues funéraires dans l'art grec. Paris: Ernest Leroux, Éditeur, 1911. 401 p.
- Ehrenhum et al.*, 2019 — *Ehrenhum H. von, Klingborg P., Frejman A.* Water at ancient Greek sanctuaries: medium of divine presence or commodity for mortal visitors? // *Journal of Archaeology and Ancient History*. 2019. Vol. 26. P. 3–31.
- Foucart*, 1914 — *Foucart P.* Les mystères d'Éleusis. Paris: Auguste Picard, éditeur, 1914. 508 p.
- Frel*, 1994 — *Frel J.* *Studia Varia*. Rome: "L'Erma" di Bretschneider, 1994. 212 p., 161 il.
- Fullerton*, 1986 — *Fullerton M. D.* The Archaistic Perirrhanteria of Attica // *Hesperia*. 1986. Vol. 55 (2). P. 207–217.
- Ginouvs*, 1962 — *Ginouvs R.* Balaneutiké. Recherches sur le bain dans l'antiquité grecque. Paris: E. de Boccard, 1962 (*Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome*; Vol. 200). 512 p.
- Glaser*, 1983 — *Glaser F.* Antike Brunnenbauten (KPHNAI) in Griechenland. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1983 (*Philosophisch-Historische Klasse Denkschriften*; Vol. 161). 203 p.
- Herda*, 2013 — *Herda A.* Burying a sage: the hero of Thales in the agora of Miletos: With remarks on some other excavated Heroa and on cults and graves of the mythical founders of the city // 2^{èmes Rencontres d'archéologie de l'IFEA: Le Mort dans la ville, Pratiques, contextes et impacts des inhumations intramuros en Anatolie, du début de l'Age du Bronze à l'époque romaine, Nov. 2011, Istanbul. P. 67–122 (URL: <https://shs.hal.science/hashs-00808217> (accessed: 05.04.2013)).}
- Hornbostel-Hüttner*, 1997 — *Hornbostel-Hüttner G.* Studien zur römischen Nischenarchitektur / Eds. J. G. P. Best, A. B. Breebaart, M. F. Jongkies-Vos. Leiden: E. J. Brill, 1997 (*Studies of the Dutch Archaeological and Historical Society*; Vol. IX). 227 p.
- Kaltsas*, 2002 — *Kaltsas N.* Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Athens, Los Angeles: Kapon Editions; The John P. Getty Museum, 2002. 376 p.
- Lang*, 1949 — *Lang M.* ΙΣΘΜΙΑ ΦΡΕΑΤΩΝ. Terracotta Well-heads from the Athenian Agora // *Hesperia*. January–March 1949. Vol. 18 (1). P. 114–127.
- Lebedev*, 1996 — *Lebedev A.* Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraka with Curse Letters from Olbia // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1996. Vol. 112. P. 268–278.
- Longfellow*, 2012 — *Longfellow B.* Roman Fountains in Greek Sanctuaries // *American Journal of Archaeology*. January 2012. Vol. 116 (1). P. 133–155.
- Marcadé*, 1969 — *Marcadé J.* Au Musée de Délos. Étude sur la sculpture hellénistique en ronde bosse découverte dans l'île. Paris: E. De Boccard, 1969 (*Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome*; Vol. 215). 556 p.
- Melfi*, 2016 — *Melfi M.* The Archaeology of the Asclepieum of Pergamum // *Praise of Asclepius: Aelius Aristides, Selected Prose, Hymns* / Eds. D. A. Russell, M. Trapp, H.-G. Nesselrath. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. P. 89–113.
- Mylonas*, 1961 — *Mylonas G. E.* Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton: Princeton University Press, 1961. 346 p.
- Palagia*, 1984 — *Palagia O.* A Niche for Kallimachos' Lamp? // *American Journal of Archaeology*. October 1984. Vol. 88 (4). P. 515–521.
- Parke*, 1985 — *Parke H. W.* The Oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover; New Hampshire: Creom Helm, 1985. 272 p.
- Reeder*, 1999 — *Reeder E. D., ed.* Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine. New York: Harry N. Abrams, Inc., 1999. 351 p.
- Richter*, 1988 — *Richter G. M. A.* Kouros, Archaic Greek youths. A study of the development of the Kouros type in Greek sculpture. New York: Hacker Art Books, 1988. 365 p.
- Robertson*, 2005 — *Robertson N.* Orphic Mysteries and Dionysiac Ritual // *Greek Mysteries. The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults* / Ed. M. B. Cosmopoulos. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2005. P. 218–240.
- Rosen Stone*, 2004 — *Rosen Stone E.* A Buddhist Incense Burner from Gandhara // *The Metropolitan Museum Journal*. 2004. Vol. 30. P. 69–99.
- Stroszeck*, 2015 — *Stroszeck J.* Ein Orakelheiligtum in Athen // *Antike Welt*. 2015. Vol. 6. P. 5.
- Stroszeck*, 2017 — *Stroszeck J.* Wells in Athens: The Contribution of the Kerameikos Wells // *Cura Aquarum in Greece: Proceedings of the 16th International Conference on the History of Water Management and Hydraulic Engineering in the Mediterranean Region (Athens, Greece, 28–30 March 2015)* / Ed. K. Wellbrock. Siegburg: Papierfliegerverlag, 2017. Pt I. P. 43–88.
- Ustinova*, 2009a — *Ustinova Yu.* Apollo Iatros: A Greek god of Pontic origin // *Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres. Beiträge des Internationalen archäologischen Kolloquiums, Münster 2001* / Eds. K. Stähler, G. Gudrian. Münster: Ugarit-Verlag, 2009 (*Eikon. Beiträge zur antiken Bildersprache*; Vol. 9). P. 245–298.

Ustinova, 2009b — *Ustinova Yu.* Caves and the Ancient Greek Mind: Decending Underground in the Search for Ultimate Truth // Oxford Scholarship Online: January 2009. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199548569.003.0003.

Vinogradov, Kryžickij, 1995 — *Vinogradov J. G., Kryžickij S. D.* Olbia: eine altgriechische Stadt im Nordwestlichen Schwartzmeerraum. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1995. 168 p.

Waldhauer, 1928 — *Waldhauer O.* Die antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co., 1928. Vol. 1. 85 p.

Waldhauer, 1931 — *Waldhauer O.* Die antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co., 1931. Vol. 2. 75 p.

The Olbian Pseudo-Kouros — a Semi-Figure next to the Well

Yu. I. Ilyina, A. V. Kruglov¹³

Keywords: pseudo-kouros, semi-figure, limestone sculpture, Olbian agora, well, niche, sculpture at the source, Eleusinian gods, oracle, magic.

This paper presents a critical revision of the previous attribution of the limestone semi-figure of a young man (Fig. 1) from the room with a well excavated in 1969 at the Olbian agora. This sculpture has been considered as a broken kouros statue of a Late Archaic date. Taking into account the absolute absence of life-size naked male statues executed from limestone in the Archaic epoch, as well as the contradiction with the iconography — the absence of the ears (concealed by long hair), the absence of a band in the hair and of the “enlightened” smile of the Archaic kouros, along with the fact that this sculpture represents a youth with his clothes on rather than a naked young man, the sculpture cannot be designated as a kouros. The headdress, facial features and the type of the clothes find parallels in depictions of Scythians on the works of the so-called Greco-Scythian toreutics of the 4th cen. BC corresponding to the date of installation of the semi-figure in the niche of the room with the well (second half or the end of the 4th cen. BC). The author of the sculpture under consideration might have been a hellenized barbarian trained to stone-dressing. Noteworthy is the ambivalence of the iconography of the monument (remembering the Dio Chrysostom’s mentioning the Scythian appearance of an Olbiopolite). The depiction of the semi-figure (as it was initially executed) is a scene of anodos encountered in representations of young male chthonic gods and heroes connected often with Eleusinian and Dionysian-Orphic worship — Eubouleos, Eumolpos, Iakchos and Dionysus. Perhaps, considering our sculpture in the context of folklore tradition, the Olbian Greeks focused their attention primarily on the essence of the depiction of anodos pertaining to the representation of chthonic gods/heroes including some local deified hero, a legendary sage, foreteller and healer, who might have turned out to be a hellenized Scythian. The room itself with the niche, the sculpture and a water source is characterised as a sacral area which may have been used as a place for an oracle and magic. The presented here analysis of the archaeological complex not only poses the question as to who was the customer of the sculpture but also returns us to a discussion raised in the past decades about the assimilation of the barbarian component, the presence of an ethnic formation of Helleno-Scythians and the culturo-religious symbiosis of the Scythian society with Hellenic Olbia.

¹³ Yuliya I. Ilyina — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: iouli-aiilyina@gmail.com. Alexander V. Kruglov — Independent researcher; New York, St. Petersburg; e-mail: alexvkruglov@gmail.com.

Два шлема из Ольвии (история находки, атрибуция, реставрация)

Д. П. Алексинский, Ю. И. Ильина, М. Г. Боровикова¹

Аннотация. Среди многочисленных находок, происходящих из раскопок в Ольвии, особое место занимают два шлема, которые не имеют археологического контекста, так как один был куплен в 1908 г., а происхождение другого неизвестно. Шлемы к 2011 г. представляли собой множество крупных и мелких фрагментов. В 2011–2019 гг. была проведена сложная реставрация. Эти шлемы датируются IV в. до н. э. и являются редкими предметами вооружения не только для Северного Причерноморья.

Ключевые слова: шлем, халкидский шлем, Ольвия, история покупки, реставрация.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-55-71

Среди многочисленных находок из раскопок в Ольвии с 1900 по 1915 г. — более 18 000 инвентарных номеров — значительный интерес представляют два бронзовых шлема (ГЭ. Инв. № Ол.-18325, Ол.-18326). Оба на многие годы выпали из поля зрения исследователей, так как по причине плохой сохранности не были внесены в инвентари Государственного Эрмитажа с шифром Ол., а при разборке вещей перед составлением инвентарей в 1930-е гг. оказались выделенными в отдельный блок материалов, не имеющих музейного значения, и получили шифр ВО. Спустя более полувека, в 2011 г., при фотографировании выделенного материала в трех коробках с шифрами ВО 543, ВО 599 и ВО 600 во множестве сильно минерализованных бронзовых обломков различного размера, преимущественно мелких, были опознаны фрагменты античных шлемов.

История находки

Как редчайшие для Ольвии образцы предметов вооружения они сразу привлекли внимание хранителя Отдела античного мира Эрмитажа Ю. И. Ильиной, которая постаралась прояснить их происхождение. Просмотр томов «Отчетов

Императорской археологической комиссии» позволил отождествить один из них со шлемом, купленным в 1908 г. и опубликованным без описания, но с тремя фотографиями И. Ф. Чистякова. Обращение к оригинальным документам из фондов Рукописного отдела НА ИИМК позволило дополнить имеющиеся сведения. Удалось установить, что шлем был куплен у Исаака (в расписке — Исаак) Шапиро (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 232. Л. 66)² (рис. 1). Для выяснения деталей плодотворным оказалось обращение к полевой документации Б. В. Фармаковского, копии которой имеются в Отделе античного мира. За номером 229 в соответствующем списке значится фрагментированный «медный шлем, один». Отмечено, что он куплен за 15 руб., без указания имени продавца. Всего на раскопки в 1908 г. было отпущено 4280 руб., часть денег была потрачена на приобретение находок у поселян с. Парутино (416 предметов согласно описи). В отчете за выделенные

¹ Алексинский Д. П., Ильина Ю. И., Боровикова М. Г. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: alexinsky@xlegio.ru, iouliailiyina@gmail.com, marig.porova@gmail.com.

© Алексинский Д. П., Ильина Ю. И., Боровикова М. Г., 2023.

² Авторы выражают благодарность сотрудникам Николаевского областного краеведческого музея И. А. Снытко и Н. М. Гаркуше за сведения о личности И. И. Шапиро, агента Нижне-Днепровского и Днестровского пароходства, проживавшего в Николаеве на съемных квартирах (в 1913 и 1915 гг.) и приторговывавшего древностями. При его содействии Николаевским музеем был куплен знаменитый бронзовый котел из укрепленного поселения «Дикий сад». Но, судя по открывшимся документам, это однофамилец продавца ольвийского шлема.

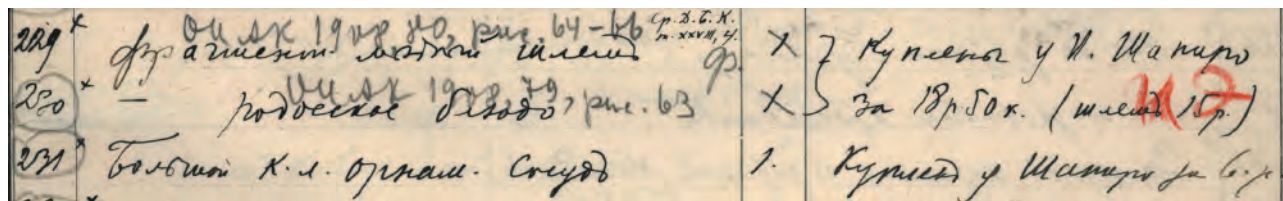

Рис. 1. Фрагмент листа описи поступлений ИАК 1908 г. с упоминанием покупки у И. Шапиро фрагментов шлема и родосского блюда (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 232. Л. 66)

Fig. 1. Fragment of a sheet of inventory of Imperial Archaeological Commission receipts of 1908 with mention of the purchase of fragments from I. Shapiro helmet and Rhodes dish (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1908. F. 232. Sh. 66)

средства указано, что 18 руб. 50 коп. уплачены Исаку (Исааку) Шапиро за купленные у него древности: шлем и родосское блюдо под номером 230, опубликованное в том же «Отчете Императорской археологической комиссии» (ОАК за 1908 г., 1912. С. 78, 79, рис. 63); за последнее уплачено 3 руб. 50 коп. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 232. Л. 66; Д. 2. Л. 176, 177). Приложенная к отчету расписка датирована 26 августа того же года. Как явствует из документов, мещанин Шапиро («Исак Шимоно») неоднократно продавал находки Б. В. Фармаковскому: в том же 1908 г. — краснолаковый сосуд за 6 руб. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 2. Л. 278), а в 1909 г. — терракотовую статуэтку за 9 руб. (Там же. 1909. Д. 4. Л. 257). Сведений о втором шлеме в отчетах не было.

Следующим этапом поисков стал просмотр описи материалов с шифром ВО на 614 номеров, которая озаглавлена «Список предметов..., выделенных из Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа, как не имеющих музейного значения. Ольвия». Она была составлена к 14 июня 1952 г. за подписями хранителя Капитолины Ивановны Зайцевой и заведующей отделом Анны Алексеевны Передольской (Архив ОАМ. Папка № 35. Л. 95). Под номером ВО 543 значатся 75 обломков предмета (шлема), 44301 по КП³ (Там же. Л. 22). Для номеров ВО 599 (обломки шлема с отверстиями по краю) и ВО 600 (63 обломка шлема) номера по КП не указаны, а номеру ВО 599 ошибочно присвоен номер 229 по списку покупок в Ольвии в 1908 г. (Там же. Л. 25). Таким образом, к 1952 г. шлем, купленный Б. В. Фармаковским у Шапиро, уже был во фрагментированном состоянии.

Ссылка на КП 44301 адресовала нас к сохранившимся спискам передачи материалов Ольвии из ГАИМК в Эрмитаж за 1933 (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 266) и 1934 годы (Там же. Д. 293). Однако и в них не нашлось указаний о годе и месте находки.

³ КП — книга поступлений.

Просмотр трех томов инвентаря ГАИМК за 1919, 1925 и 1928 гг. на 19 747 номеров не дал новой информации. Единственная запись, которую можно связать с ольвийскими шлемами, обнаружилась в описи вещей к акту от 23 февраля 1934 г., где приведен порядковый номер 1795 — «бронзовые обломки 75 штук (шлема)», без указания происхождения (Там же. Л. 139). Следует отметить, что означенные обломки, небольшие по размеру, погашены отдельным номером ВО 543 по списку вещей немусейного значения, тогда как номера ВО 599 и ВО 600 присвоены крупным фрагментам. Возможно, они были пропущены в актах, или имелся отдельный документ, утраченный или пока не найденный.

Таким образом, обстоятельства находки шлема Ол.-18325 уже на тот момент были неизвестны, а о происхождении второго, фрагментированного, шлема (правильнее — фрагмента шлема) мы не можем сказать ничего определенного. Косвенным подтверждением того, что ко времени передачи материалов из ГАИМК в Эрмитаж оба шлема уже были в обломках, служат их воспроизведения в статье Б. З. Рабиновича: первый, в двух проекциях, репродуцирован по тем же негативам, что в ОАК (Рабинович, 1941. Табл. XVIII, 1, 2), второй представлен в рисунке (Там же. Рис. 12, а, б) (рис. 2).

Была предпринята попытка выяснить, когда же шлемы поступили в Эрмитаж. Обычно лучшие вещи после раскопок непосредственно передавались в Эрмитаж из Императорской археологической комиссии. Ольвийские материалы из раскопок Б. В. Фармаковского были переданы в 1914 г. Просмотр соответствующих документов позволил установить, что шлем из покупок за 1908 г. в них не упомянут, хотя родосское блюдо, купленное у Шапиро вместе со шлемом, поступило именно тогда. В отношении Министерства Императорского двора (Копия отношения Археологической комиссии от 31 октября 1914 г. о передаче в Эрмитаж двух милетских блюд, найденных

в Ольвии в 1908 и 1913 гг., исх. № 2250; Архив ОАМ. «Синие описи». 1914 г. Л. 58) сообщается, что Комиссия передает в Императорский Эрмитаж два милетских блюда, одно из которых, инв. № 17654 (Ол.-4423), соответствует номеру 239 списка покупок за 1908 г. Подлинник письма подписан товарищем председателя Комиссии В. В. Латышевым, копия заверена и. о. помощника делопроизводителя Императорского Эрмитажа А. В. Донцовым. Таким образом, надо полагать, что шлемы были переданы в Эрмитаж уже из ГАИМК между 1924 и 1937 гг. Просмотр многочисленных актов выявил, что номер ВО 543 (ГАИМК. Инв. № 25669) был передан по акту от 23 февраля 1934 г. От ГАИМК сдали Л. М. Славин и Е. Г. Кастанаева (Кастанаян), в Эрмитаже приняли М. М. Худяк от Античного отдела и ученый секретарь музея М. Д. Философов (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 293. Л. 139).

Номера ВО 599 и ВО 600 должны были бы присутствовать в списках передачи бронзы (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 293. Л. 210–253; Акт от 23 февраля 1934 г. на 1744 номера), но их там нет. Зато есть номер ВО 598 («Зеркало маленькое фрагм. скрепленное из обломков», КП 32892; АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 293. Л. 241), есть ВО 406 (куски бронзы, 1908 г., номер 3635, КП 33354; АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 293. Л. 253). Возможно, были еще какие-то акты на небольшое количество вещей? Но, так или иначе, шлемы оказались в Эрмитаже.

Поскольку происхождение и история приобретения шлема Ол.-18326 пока до конца неясны, а его сохранность затрудняет атрибуцию и датировку, далее мы сосредоточимся на археологически целом и более представительном артефакте — шлеме из числа покупок, сделанных Ольвийской экспедицией в 1908 г.

Атрибуция

Впервые шлем Ол.-18325, как отмечалось выше, был опубликован в год его приобретения в «Отчете Археологической комиссии». Там же приведены его фотографические воспроизведения в трех ракурсах, в 1/3 натуральной величины (ОАК за 1908 г., 1912. С. 80, рис. 64–66). На снимках шлем показан надетым на деревянную болванку, специально изготовленную для отчетной выставки в помещениях Комиссии на антресолях Старого Эрмитажа. Болванка-манекен передает облик человеческой головы на вытянутой шее, с выдающимся подбородком и схематично обозначенным лицом, пластически не проработанным. При изготовлении этой условно антропоморфной подставки-

Рис. 2. Шлем Ол.-18326: рисунки из статьи Б. З. Рабиновича (Рабинович, 1941, рис. 12, а, б)

Fig. 2. The helmet Ол.-18326: pictures from the article B. Z. Rabinovich (Рабинович, 1941, рис. 12, а, б)

личины не были должным образом соблюдены пропорции и масштаб, так что шлем, будучи водруженным на нее, передним краем полностью перекрывает предполагаемый обзор, а вырезы для ушей оказываются на уровне углов нижней челюсти (рис. 3).

Б. В. Фармаковский характеризует шлем предельно лаконично наряду с другими антиками, никак специально не выделяя его: «Среди предметов ольвийского происхождения, приобретенных в отчетном году покупкою, особенно замечательны: ...бронзовый шлем...» (Там же. С. 78). Между тем он и в самом деле замечателен, хотя бы потому, что предметы греческого защитного снаряжения не были выявлены прежними раскопками в Ольвии, да и по сей день этот шлем наряду с фрагментированным и значительно менее репрезентативным Ол.-18326 остается уникальным в своем роде свидетельством присутствия в регионе эллинского доспеха. Тем не менее после публикации

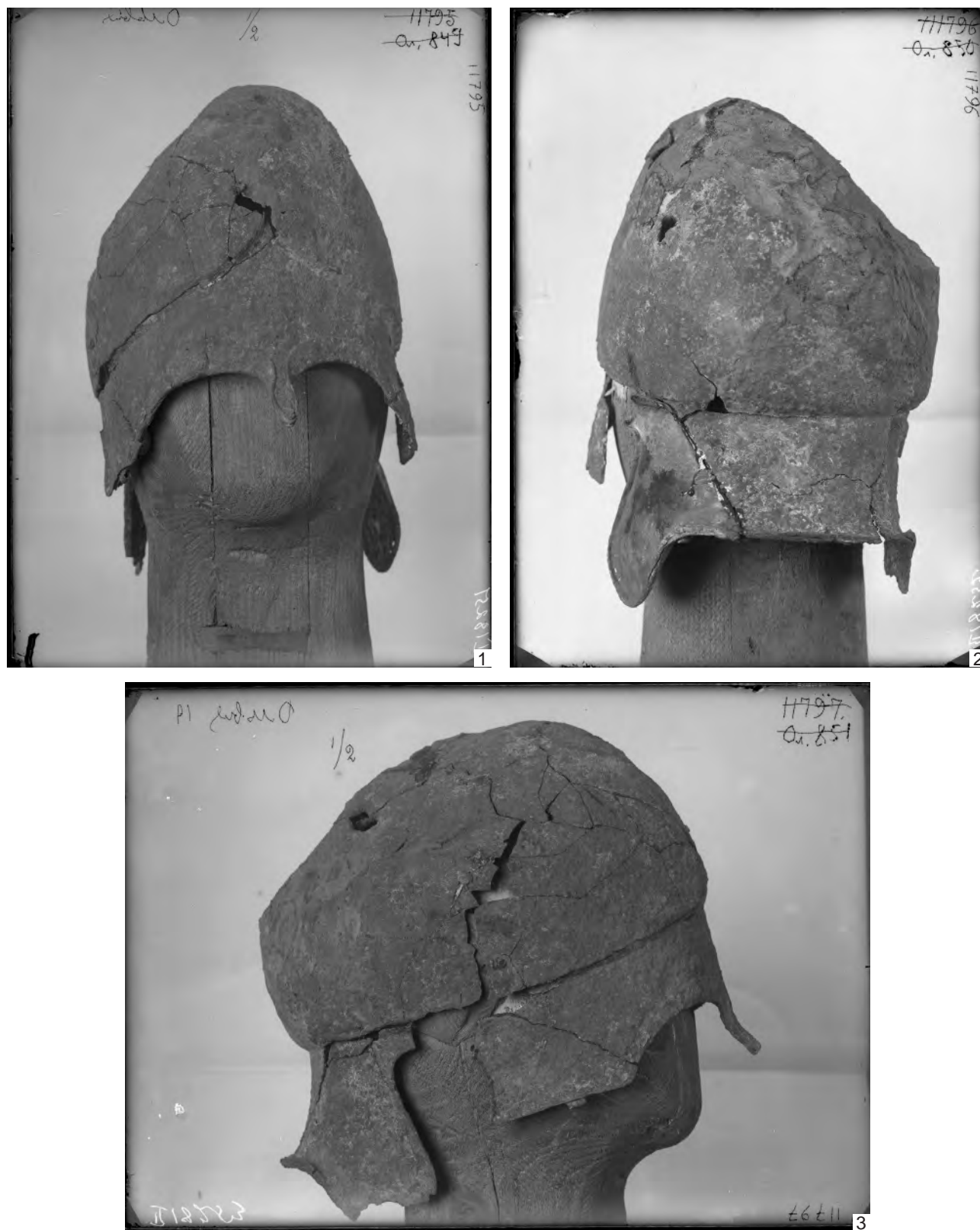

Рис. 3. Шлем Ол.-18325, фото 1908 г.: 1 — анфас; 2 — вид сзади; 3 — вид сбоку
(НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II № 18151 (1), II № 18152 (2), II № 18153 (3))

Fig. 3. The helmet Ол.-18325, photo, 1908: 1 — full face; 2 — rear view; 3 — side view
(SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. II № 18151 (1), II № 18152 (2), II № 18153 (3))

в «Отчете Императорской археологической комиссии» шлем единственный раз упоминается в статье Б. З. Рабиновича в ряду шлемов, «обстоятельства находки которых не установлены» (Рабинович, 1941. Табл. XVIII, 1, 2).

Вне археологического контекста невозможно доказательно представить обстоятельства, при которых шлем попал на территорию Ольвийского полиса, — мы не знаем, был ли он предметом целевого импорта (что едва ли), частным заказом, дипломатическим даром или трофеем. В пользу последнего варианта косвенно может свидетельствовать наличие аналогичного шлема в составе доспехов так называемого Олонештского клада (Молдавия; Сергеев, 1966. С. 138, рис. 9), мотивы сокрытия которого связывают с перипетиями неудачного похода на Ольвию Зопириона, полководца Александра Великого (331 г. до н. э.). Г. П. Сергеев отмечает: «Тот факт, что на всех шлемах [Олонештского клада. — Д. А.] имеются следы ударов, заставляет полагать, что их владельцев постигла военная катастрофа» (Там же. С. 141). Если согласиться с этой версией и допустить, что кому-то из отступающих от стен Ольвии македонян удалось утаить от преследователей свои доспехи и культовые предметы, то не покажется невероятным, что какой-то частью неприятельского вооружения могли завладеть торжествующие победители — ольвиополиты и их союзники. Может быть, шлем, приобретенный Археологической комиссией в 1908 г., принадлежал местечковым *spolia opima*, некогда поднесенным в святилище по случаю избавления от македонской напасти?

Воздерживаясь от гадательных спекуляций, следует, во всяком случае, заключить, что по морфологическим, таксономическим, конструктивным характеристикам шлем Ол.-18325 и упомянутый шлем Олонештского клада практически идентичны. Сходство настолько велико, что возникает соблазн отнести оба изделия к продукции одной мастерской или, по меньшей мере, к одной производственной традиции. Прежде всего, следует констатировать синхронность обоих артефактов. Несмотря на то что оба лишены надежного археологического контекста, можно привлечь аналогии, позволяющие уточнить датировку и поставить вопрос о генезисе рассматриваемой формы шлема (рис. 4).

Эталонный пример, демонстрирующий тот же тип (в узком понимании термина), — шлем из богатого погребения, открытого зимой 1839 г. А. Б. Ашиком под курганом на земле Аметча-мирзы Кекуватского в Керчи (ДБК. Т. I, LXVIII. С. 194,

табл. XXVIII, 4; *Baumeister*, 1889. Bd. III. S. 2035, 2211; Рабинович, 1941. С. 141, 142, табл. XIV; Мелюкова, 1964. С. 77, табл. 23, 1; Виноградов, 2004. С. 77, рис. 21, 3) (рис. 5). Это, по-видимому, самый первый экземпляр данного типа, попавший в поле зрения исследователей. Ф. Жиль аттестует его следующим образом: «Этот шлем, совершенно хорошо сохранившийся, за исключением правого наушника (φάλαρα), вполовину обломанного, имеет форму чисто-греческих шлемов, какую мы видим в памятниках искусства пятого и четвертого столетий» (ДБК. Т. I. С. 194). Как мы постараемся показать далее, Жиль существенно, не менее чем на столетие, удревает датировку артефакта, ссылаясь при этом на мнимые иконографические параллели, в частности — на «эгинские барельефы, ныне находящиеся в Мюнхене» (Там же). Однако неправильным было бы упрекать его в этом, поскольку в середине XIX в. попросту еще не были известны предметные аналогии, которые бы позволили выстроить репрезентативные типологические ряды. К тому же ссылки на «эгинетов» регулярно появляются и в новейшей литературе (некоторые — по существу: *Dintsis*, 1986. S. 138, not. 13, Taf. 63, 3; *Pflug*, 1988. S. 143–145, Abb. 11, 12; другие, напротив, совершенно некорректны: Рабинович, 1941. С. 123; *Dumler*, 1964. С. 318; *Frielinghaus*, 2011. S. 62). В заслугу ученому определенно следует поставить то обстоятельство, что он указывает массу шлема («Вес шлема 2 ф. 31¼ золотников» — Там же (у С. Рейнака — 953 г (*Reinach*, 1892. P. 77)), чем современные авторы, как правило, манкируют.

Как и ольвийский, керченский шлем выкован из литой заготовки. Толщина стенок на тулье в среднем не превышает 1 мм, вдвое толще по краю назатыльника (или нашейника, *καταυχένιον*: *Korpe*, 1970. Σ. 51) и достигает 6 мм на наноснике. Тулья, эллиптическая в сечении, имеет уплощенную с боков полусферическую форму с едва читающимся медиальным ребром. На всей поверхности различимы следы напильника (очевидно, результат грубой механической расчистки, произведенной реставраторами в XIX в.). Этот факт уже сам по себе исключает наличие позолоты, иногда упоминаемое в литературе (*Baumeister*, 1889. S. 2036; Рабинович, 1941. С. 142). Золотистый оттенок бронзы, как и у ольвийского шлема, обусловлен высоким качеством сплава со значительным содержанием олова (около 12 %; ср.: *Chandrasekaran*, 2012. P. 138, 139). Нижняя граница тульи по окружности выделена небольшим уступом. На лицевой стороне шлема уступ формирует

Рис. 4. Шлем Ол.-18325, современное состояние:
1 — вид анфас; 2 — вид сзади; 3, 4 — вид в профиль;
5 — гравированная надпись

Fig. 4. The helmet Ол.-18325, current state: 1 — full face;
2 — rear view; 3, 4 — side view; 5 — engraved inscription

верхнюю границу налобника («фронтон»), поднимаясь по центральной оси обращенным вверх углом («щипцом»). Лицевой вырез образован расходящимися чуть книзу по обе стороны от короткого, примерно до середины носа, стреловидного наносника дугообразными надглазными выкружками. Сверху они обрамлены утолщенными выступами схематично переданных надбровных дуг, внизу полого скошены внутрь и плавно переходят в боковые грани наносника. Сзади венечная часть образует пластично моделированное прикрытие шеи с четко отогнутым наружу краем, а по сторонам продолжается массивными закругленными выступами-«крыльями», огибающими снизу вырезы для ушей и плотно охватывавшими шею с боков. Шлем был оснащен подвижными нащечниками (сохранился только левый, высотой 123 мм), крепившимися посредством шарнира. В данном случае шарнир образован трубчатыми петлями (γυγυλμοί), через которые продевался тонкий железный стержень (περόνη), соединяющий шлем и нащечник (Andriomenou, 1976. S. 190). Соотношение верхних и нижних петель («зубчиков») обычно варьировалось от 4:3 до 3:2, другое — лишь в очень редких случаях. Важно отметить эти пропорции, так как они могут быть показательными для конкретной мастерской или мастера (Chandrasekaran, 2012. P. 111). Пластины с петлями, три через две (частично утраченными), приклепаны к венцу шлема и сохранившемуся нащечнику изнутри. Такие нащечники могли носиться поднятыми кверху, что наглядно иллюстрируют изображения на расписных сосудах, произведения скульптуры и малой пластики: «...вазовые изображения демонстрируют преимущества новых, навесных нащечников. Теперь их можно было перемещать вверх или вниз на петлях, позволяя воину свободу выбора способа ношения шлема — с опущенными для боя нащечниками, но сложенными во время мирной деятельности, как показано на чаше Мастера Сосия (сейчас в Берлине), изображающей Ахиллеса, перевязывающего раны своего друга Патрокла...⁴ Это был явно более удобный способ носить нащечники, который оставлял уши свободными и позволял воздуху циркулировать» (Ibid. P. 108).

Впрочем, кажется, здесь имелись в виду не только (и даже не столько) соображения комфорта, тем более что эти шлемы и так имели вырезы

⁴ Роспись в тондо аттического краснофигурного килика Мастера Сосия, ок. 500 до н. э. (ARV² 21.1), Berlin, Antikensammlung, Inv. F2278.

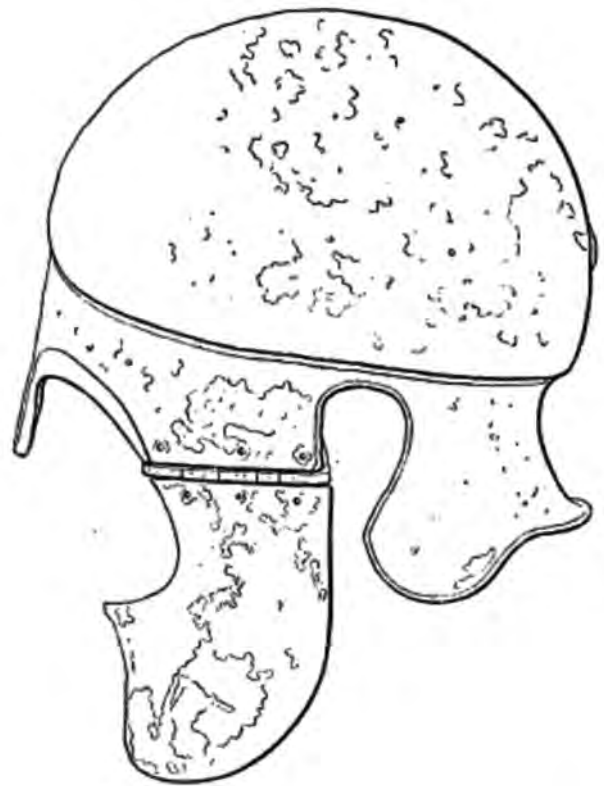

Рис. 5. Шлем из погребения на земле мирзы Кекуватского (ДБК, I. Табл. XXVIII, 4)

Fig. 5. Helmet from the burial on the land of Mirza Kekuvat (ДБК, I. Табл. XXVIII, 4)

под уши, но прежде всего подразумевался сугубо военно-технический аспект — возможность плотно сомкнуть нащечники и зафиксировать под подбородком.

По изяществу пропорций и мастерству исполнения этот шлем принадлежит к лучшим образцам продукции греческих оружейников рубежа поздней классики и раннего эллинизма. Что особенно важно, он является одной из немногих паспортизированных находок.

К числу последних принадлежат три шлема различной степени сохранности, найденные в 1895 и 1896 гг. при раскопках кургана близ станицы Курджипской в Закубанье (ОАК за 1896 г., 1898. С. 60–64, рис. 293, 1/3; I. Извлечение из отчета В. М. Сысоева о раскопках, произведенных им в 1896 г. в кургане близ Курджипской станицы, в Майкопском отделе Кубанской области. С. 149–156). В 1980 г. материалы этого курганного комплекса образцово были изданы Л. К. Галаниной (Галанина, 1980).

Ближайший к Ольвии по месту находки «бронзовый шлем греческой работы» был обнаружен

в Приднепровье, при раскопках третьего кургана в курганной группе, исследованной в 1898 г. В. В. Хвойко близ с. Пастырского Чигиринского уезда Киевской губернии (Ханенко, 1899. С. 11). Е. В. Черненко, впрочем, пишет о шлеме из кургана 4 в урочище Галушино близ с. Пастырского, отмечая, что «в литературе с ним связано много ошибок как в определении места находки, так и количества шлемов» (Черненко, 1968. С. 85).

Данный экземпляр отличается от ольвийского и керченского более выраженным медиальным ребром на куполе («Боковые стенки этого шлема сходятся более круто, образуя ребро»: Рабинович, 1941. С. 143), на котором припаяно крепежное приспособление: «...на вершине к тому же имеется накладка с двумя ушками, для прикрепления украшения» (Там же), или, как трогательно формулирует Б. И. Ханенко, «вверху ушки для плюмажа» (Ханенко, 1899. С. 23). Подобные «ушки» имеются на шлемах из Болгарии: из Тревненско (Велков, 1929. С. 43–45, ил. 60, 61) и из Маломирово-Златиницы (инв. НИМ 51371: Агре, 2011. С. 84–90, обр. III.20–III.24), на втором сохранилась укрепленная в петлях нашлемная фигура в виде трехголовой змеи (Там же. С. 86, 87, обр. III.23).

Заметным отличием шлема из Галушино является и то, что верхние петли шарнира не припаяны или приклепаны с изнанки, как у керченского образца, а вырублены из борта («Шарниры составляют продолжение края шлема»: Рабинович, 1941. С. 143). Речь идет только о различиях между «киевским» и керченским экземплярами, поскольку у ольвийского края венца срезаны, и мы не можем с уверенностью говорить, были ли петли приклепаны либо свернуты из края борта или же нащечники и вовсе были монолитными⁵.

Известен ряд случайных находок. Так, шлем, очень близкий ольвийскому, был найден в 1961 г. близ станции Темнолесской (Апшеронский район Краснодарского края) и передан в Майкопский краеведческий музей; однако П. А. Дитлер, обследовавший весной следующего года место находки, не смог обнаружить предполагаемое грунтовое захоронение (Дитлер, 1964. С. 315). В 1963 г.

в РОМК поступил беспаспортный шлем, найденный у пос. Совет-Квадже Краснодарского края.

Находки аналогичных шлемов в разное время были сделаны на территории древней Колхиды, в Абхазии. В Государственном Историческом музее в Москве хранится шлем, найденный без контекста близ Кутаиси в долине р. Риони (ГИМ. № 61071. Оп. Б-1418. № 1). Б. З. Рабинович со ссылкой на А. А. Иессена приводит графические воспроизведения четырех обломков шлема (в действительности — нескольких шлемов) из Государственного музея Абхазии в Сухуми (Рабинович, 1941. С. 145, 146, рис. 16). Три из них есть в сводке Ю. Н. Воронова (Воронов, 1969. Табл. XLVI, 7–9). В той же таблице (Табл. XLVI, 10) дан рисунок шлема неясной конструкции из разрушенного погребения на южном склоне холма Верещагина (Эшера, Абхазия), который в тексте атрибутирован как «верхняя часть бронзового аттического шлема» (Там же. С. 50). Это, однако, несомненная аберрация.

О фрагментах шлемов из Сухуми, приведенных у Б. З. Рабиновича, Ю. Н. Воронов пишет: «Обломки двух древнегреческих аттических шлемов, целиком выкованных с округлым оголовьем, с пластически моделированным загылочным шейным выступом, со стреловидным наносником и привесными на шарнирах нащечникам из раннеантичных погребений на правом берегу р. Келасури у устья» (Воронов, 1969. С. 57). Здесь он почти дословно пересказывает Б. А. Куфтина, не преминувшего «упомануть об одной ценной старой находке к югу от г. Сухуми в устье р. Келасури, у приморского участка Келасурской стены, двух древнегреческих, именно аттических, шлемов классической поры» (Куфтин, 1949. С. 129). На приведенных фотоснимках совершенно очевидно, что шлемов, действительно, минимум два (Там же. Табл. VIII, 1–3).

Наиболее полные и взвешенные компендии находок шлемов из Северного Причерноморья, Северо-Западного Кавказа и Закавказья, которые можно вполне обоснованно отнести к числу аналогий ольвийскому, представлены в диссертациях Суджаты Чандрасекаран (Chandrasekaran, 2012. Р. 108–120, 122, 123) и А. В. Дедюлькина (Дедюлькина, 2020. С. 37–42; рис. 1⁶).

⁵ Возможно, остатком срезанной в древности вровень с венцом петли является сохранившаяся примерно наполовину узкая бронзовая пластинка, приклепанная одной заклепкой к изнанке ольвийского шлема справа. Впрочем, с тем же успехом можно интерпретировать эту деталь как фрагментированную заплатку, след античной реставрации.

⁶ 1 — курган мирзы Кекуватского (X1); 2 — могильник Мезмай-1, погребение 3 (X9); 3 — Краснодарский край, собрание КГИАМЗ, поступления до 1917 г. (X7); 4 — курган Курджипис (X2); 5 — курган Курджипис (X4); 6 — курган Курджипис (X3); 7 — станица Темнолесская (X8); 8 — курган на р. Пхия (X6); 9 — курган у хут. Северный (X5).

География находок, однако, значительно шире — помимо Боспора, Северного Кавказа и Колхиды это Фракия, откуда происходит подавляющее большинство аналогичных или типологически близких шлемов, Приднестровье (Олонешты), Македония (Пидна), Иллирия (Охрид), Балканская Греция — Олимпия (*Furtwängler*, 1890. Taf. 63, no. 102; *Olympia*, В 7080 (*Frielinghaus*, 2011. G 50)) и Тифорея. При этом, вопреки встречающемуся в литературе мнению, достоверные находки шлемов того же типа, что и ольвийский, за пределами обозначенного ареала неизвестны. Не вызывает сомнения, что во всех названных регионах (может быть, кроме Фракии) шлемы рассматриваемого типа были предметами импорта. Это в какой-то степени позволяет гипотетически локализовать возможные производственные центры, где подобные шлемы могли изготавливаться.

Прежде всего надо упомянуть о развитых торгово-ремесленных центрах, существовавших на острове Эвбея (в Халкиде) и на Халкидике (в колониях Халкиды на полуострове). Свидетельства античной нарративной традиции позволяют заключить, что функционировавшие там мастерские специализировались, среди прочего, на производстве оружия (*Snodgrass*, 1964. P. 183, 261).

По мнению болгарских исследователей, находки шлемов рассматриваемого нами типа со следами квалифицированно выполненного ремонта «указывают на существование одной или нескольких мастерских, расположенных в районе границы... между Халкидикой и низовьями Месты (Нест) до Южной Фракии» (*Ognenova-Marinoва, Stoyanov*, 2005. P. 525).

Помимо того, не исключено, что рассматриваемая серия шлемов (а всё, кажется, позволяет говорить именно о серии) — продукция какого-то крупного эргастерия на материке, вероятнее всего, в Македонии, возможно, даже царского. Можно предположить, что разработанная там удачная форма впоследствии тиражировалась мастерскими близлежащих ремесленных центров в греческих колониях, например, в Месембрии (совр. Несебр), мегарской колонии на фракийском побережье Черного моря, испытывавшей сильное македонское воздействие. О том, что изготовление защитного снаряжения, а именно шлемов, было заметной статьей дохода в экономике этого полиса, может косвенно свидетельствовать регулярное воспроизведение на монетах Месембрии изображения шлема коринфского типа (450–350 гг. до н. э.) и, наряду с ним, с рубежа IV–III вв. до н. э. (300–250 гг.

до н. э.) — аттического с козырьком, согласно терминологии Г. Ваурика (*Waurick*, 1988. S. 169–177).

В пользу локализации места производства шлемов, аналогичных ольвийскому, в данном регионе в какой-то степени свидетельствует концентрация находок во Фракии и в самой Македонии (комплектный экземпляр из погребения T98 южного некрополя Пидны, Китрос). Только трижды — случайной находкой в предгорьях Парнаса (Тифорея) и двумя шлемами из перемещенного слоя в Олимпии — данная форма представлена в Балканской Греции и ни разу на греческом Западе.

Все контекстные находки шлемов, аналогичных ольвийскому, происходят с памятников, датируемых в пределах IV в. до н. э.: для Фракии — со второй половины IV до первой половины III в. до н. э., для Боспора и Северного Кавказа — с середины IV в. до н. э. (хотя некоторые памятники, например, курган на земле мирзы Кекуватского, датируют первой половиной столетия). Во всяком случае предполагать сложение этой формы ранее рубежа V–IV вв. до н. э. нет серьезных оснований. Ввиду этого датировки, предлагаемые для шлемов из коллекций Метрополитен-музея в Нью-Йорке (Accession number 2003.407.2), — V–IV вв. до н. э., и, тем более, Художественного музея Уолтерса в Балтиморе (Accession number 54.2468) — 500 г. до н. э., представляются неоправданно завышенными. Такую же явно завышенную датировку дает И. Маразов для шлема из Археологического музея в Софии (*Marazov*, 2006. P. 55). Датировку, предложенную Х. Фрилингхауз, — последняя четверть VI — первая половина V в. до н. э. (*Frielinghaus*, 2011. S. 430–432) — не стоит рассматривать всерьез ввиду ее очевидной несурзности.

Помимо контекстных находок, в основном попадающих в границы IV в. до н. э., для уточнения датировки представляется возможным привлечь иконографический и нумизматический источники. Так, из открытого в 1977–1978 гг. М. Андроникосом в Большом тумулусе в Вергине царского погребения (гробница II) происходит меч, навершие рукояти которого украшено золотым декоративным рельефом-накладкой с изображением шлема, практически идентичного ольвийскому (*Kottaridi*, 2013. P. 271) (рис. 6). Правда, нащечник шлема, представленного на накладке, производит впечатление монолитного — не обозначен шарнир. Но это может объясняться миниатюрными размерами рельефа и необходимостью поместить на нащечнике изображение сидящей собаки. Непринципиально, кому в итоге будет приписано захоронение — Филиппу II, как считал М. Андроникос, или его сыну,

Рис. 6. Миниатюрная рельефная накладка на навершии меча из Вергины (Kottaridi, 2013. P. 271)

Fig. 6. Miniature relief plate on the pommel of a sword from Vergina (Kottaridi, 2013. P. 271)

Филиппу Арридею, как предполагает Юджин Борза (Кузьмин, 2013а. С. 554–557; 2013б. С. 76), обе возможные даты — 336 или 316 г. до н. э. — укладываются в хронологические рамки бытования шлемов, аналогичных или близких ольвийскому.

Не менее важны для датировки монетные эмиссии Кассандра, царствовавшего в Македонии между 306 и 298 гг. до н. э. На его серебряных статерах чеканилось изображение шлема, практически неотличимого от ольвийского и керченского (SNG Munich / Sylloge Nummorum Graecorum: Deutschland: Staatliche Münzsammlung München 103).

Косвенным аргументом может служить находка шлема, почти идеально повторяющего геометрию купола и венца шлема из Ольвии, сделанная в царском погребении у с. Голяма Косматка близ Шипки. Если предложенная автором раскопок Г. Китовым интерпретация верна, то это могила Севта III, правившего в Одрисском царстве в 331–300 гг. до н. э.: «Идентификация царя стала возможной благодаря трем надписям, найденным на некоторых его

вещах, а также бронзовой голове статуи, стоящей перед могилой» (Dimitrova, 2015. P. 198).

Нельзя не упомянуть любопытную деталь, вскрывшуюся в процессе реставрации эрмитажного шлема из Ольвии, — надпись, нанесенная гравировкой на тыльной стенке налобника греческими буквами: HNO (рис. 4, 5). Сходные надписи на синхронных или близких по времени доспехах известны: АВ — слева на височной части венца и на тулье шлема из гробницы 2 в могиле 1 у Кралево, Тырговишко (Иванов, 2023. С. 385, табл. LXXII–LXXVI, кат. 22); AN — на левом ушке назатыльника шлема Олонештского клада (Сергеев, 1966. Рис. 13); МТ — на внутренней стороне наносника шлема из Тифореи (Andriomenou, 1976. S. 190, Abb. 1). Надпись на ольвийском шлеме, по видимому, является аббревиатурой, но для определенной ее интерпретации пока недостаточно сравнительных данных.

В заключение необходимо коснуться вопросов типологии и, соответственно, терминологии. Применительно к шлемам рассматриваемой группы эти вопросы тем более важны, что в историографии на протяжении многих десятилетий они были основательно запутаны, а полемика по этому поводу приобрела отчасти схоластический характер.

Еще на заре изучения античного оружия за эллинскими шлемами с полусферической тульей и выделенными нащечниками (необязательно подвижными) закрепилось наименование аттических. Ввиду отсутствия аутентичного термина (как, например, для коринфского или беотийского шлема) основаниями для этого искусственно сфабрикованного определения послужили античная иконография (главным образом аттическая вазопись) и нумизматика (афинские тетрадрахмы начала V в. до н. э. с профилем Афины в открытом шлеме): «der „attische“, mit dem der Athenekopf auf den attischen Münzen ausnahmslos bedeckt ist» (Droysen, 1889. S. 9). Суммируя накопленные к концу XIX в. наблюдения, А. Баумайстер в 1889 г. писал: «Напротив коринфского шлема стоит так называемый „аттический“, в котором... неподвижные нащечники превратились в подвижные щитки... ухо остается свободным, а шея надежно защищена» (Baumeister, 1889. S. 2036). Показательно, что в качестве примера приведен рассмотренный выше керченский шлем, аналог ольвийского (Ibid. Abb. 2211).

В итоге понятие «аттический тип» стало *opinio communis*, своего рода общим местом, и приобрело вполне, если можно так выразиться, легитимный статус. В действительности этот «тип»

объединяет зачастую совершенно разнородные, порой не сочетаемые в строгих формально-типологических границах образцы, мало уступая в этом фантомному «фракийскому типу», широко распространившемуся в литературе с легкой руки Б. Шрёдера, применившего его в том числе и к «халкидским» (chalkidischen) шлемам: «...если налобник с нащечниками выкраивают из единого куска, то это фракийская мода» (Schröder, 1912. S. 334, 335). Порочность подобной классификации проявляется в том, что под общим наименованием «аттический тип» искусственно и, как правило, бессистемно сводятся очень разные формы шлемов, принципиально не сопоставимые в одном ряду.

С введением в конце XIX в. понятия «халкидский тип» путаница усугубилась еще более. Порой терминологическая неопределенность приводит к парадоксальным выводам и умозаключениям. Так, К. Веббер пишет: «Халкидский шлем более позднего типа похож на аттический шлем и до 1980 г. упоминался в болгарской литературе как аттический тип. Это неудивительно, поскольку аттический шлем произошел от халкидского шлема» (Webber, 2011. P. 39). Последнее замечание требует неременной конкретизации, внесения ясности: что именно в том или ином конкретном случае понимается под «аттическим шлемом» и по каким параметрам к нему относится.

Забавно, что последовательное злоупотребление этой терминологией свойственно отечественной историографии. Уже Б. З. Рабинович описывает «греческий шлем — аттический, в первичной своей форме, известной по изображениям в вазовой живописи раннеаттического стиля <...> Дальнейшее изменение типа, состоящее в присоединении подвижных, закругленных снизу нащечников, уже видим в краснофигурной живописи строгого стиля и в современной ей скульптуре эгинских фронтонов» (Рабинович, 1941. С. 122, 123). Б. А. Куфтин, отметив, что упомянутые нами выше шлемы из Абхазского государственного музея «принадлежат к тому же типу, что и ольвийский шлем (покупка 1908 года)», а именно к аттическому (Куфтин, 1949. С. 129), отсылает к статье С. Рейнака (Darembert et Saglio, 1896. P. 1443, note 12), который, в свою очередь, ссылается все на тот же керченский шлем из погребения под курганом на земле мирзы Кекуватского (Reinach, 1892. Pl. XXVIII, 4). А. И. Мелюкова, следуя тому же устойчивому клише, утверждает, что «большое количество известных из Северного Причерноморья шлемов принадлежит аттическому типу»,

среди них — шлемы из «с. Галушино близ Пастырского», кургана «на земле Кекуватского» и рассматриваемый нами ольвийский (Мелюкова, 1964. С. 77). Г. П. Сергеев квалифицировал как аттические два шлема Олонештского клада (Сергеев, 1966. С. 137, 138), а Е. В. Черненко, констатируя, что «аттические шлемы обязательно имеют... висящие на шарнирах нащечники», в качестве примера, еще неизвестного Б. З. Рабиновичу, указывает шлем из Темнолесской (Черненко, 1968. С. 85). Наконец, Л. К. Галанина настойчиво называет аттическими три фрагментированных шлема из Курджипского кургана (Галанина, 1980. С. 50, 97, 98).

Своеобразной квинтэссенцией подобного подхода служит следующий пассаж из статьи П. А. Дитлера, почти дословно повторяющий формулировку Б. З. Рабиновича, который хочется привести целиком: «Наиболее ярко выраженный классический тип аттического шлема, найденного на территории нашей страны, воплотился в шлеме из гробницы Кекуватского [sic!]. Он может служить эталоном для определения развитых и установившихся форм шлемов аттического типа. В этом отношении примером классического типа аттического шлема являются хорошо известные изображения на краснофигурных вазах строгого стиля и современной им скульптуре эгинских фронтонов. Все основные признаки аттического шлема в строгом стиле краснофигурной живописи полностью совпадают с признаками шлема из гробницы Кекуватского» (Дитлер, 1964. С. 318).

Надо признать, что такая беспечность при-суца не только отечественной историографии. Справедливости ради процитирую статью С. Лазар, посвященную находкам халкидских шлемов в Нижнем Подунавье: «При внимательном рассмотрении всех предметов этого типа [халкидских шлемов. — Д. А.], найденных в Румынии, мы замечаем, что при публикации некоторые из них были ошибочно отнесены либо к аттическому типу <...>, либо к коринфскому <...>; и это произошло несмотря на то, что по форме их тульи, по тому, как выделялись их своды, налобник или нащечники, они явно принадлежали к халкидскому типу» (Lasär, 2009. P. 18).

В статье, посвященной распространению шлемов халкидского типа на территории древней Абхазии, авторы заявляют: «Есть разные версии происхождения названия этих шлемов» (Джонюа, Ньюшков, 2019. С. 93). Это утверждение выглядит, по меньшей мере, странно: хорошо известно, когда и почему появилось это название, и кто его впервые применил. Термин

Рис. 7. Рисунок на «халкидской» амфоре (Furtwängler, 1889. S. 91, Berlin Inv. 3153)

Fig. 7. Drawing on a "Chalcidian" amphora (Furtwängler, 1889. S. 91, Berlin Inv. 3153)

«халкидский шлем», предложенный А. Фуртвенглером еще в 1890 г. (Furtwängler, 1890. S. 170, 171), Дж. Бордман квалифицирует как введенный по ошибке (Бордман, 2007. С. 555), подразумевая пересмотр прежней атрибуции места изготовления расписных ваз одноименной группы. «Халкидскими» упомянутые вазы (найденные, кстати, в основном при раскопках на юге Италии) были в свое время признаны по той причине, что на некоторых имелись надписи, выполненные с применением специфического халкидского письма, в котором, в частности, «X» писалось как «Ψ». Дж. Бордман констатирует: «становится ясно, что вазы также были сделаны на западе, предположительно халкидскими, примерно с середины VI в. до его конца. <...> Халкидская колония в Регио (Реджио) кажется вероятным источником, и хотя анализ глины еще не доказал это, он, по крайней мере, показывает, что глина не эвбейская» (Boardman, 1998. P. 217).

Сам А. Фуртвенглер, для обоснования целесообразности введения нового термина, ссылается на опубликованную им же годом ранее в *Archäologische Anzeiger* чернофигурную амфору из собрания берлинского Антиквариума (Furtwängler, 1889. S. 91; Berlin Inv. 3153) (рис. 7). Изображение на этом сосуде наглядно демонстрирует отличия традиционного коринфского шлема от того, для которого ученый предложил особое наименование (ср.: Rumpf, 1927. Taf. CXXI, 110). А поскольку в конце позапрошлого столетия техника росписи, демонстрируемая берлинской амфорой, уверенно соотносилась с халкидской школой вазописи, рекомендуемое А. Фуртвенглером название типа вполне органично — по аналогии с аттическим или коринфским — выписывалось в оружейведческую номенклатуру своего времени.

Э. Кунце, руководивший раскопками Германского археологического института в Олимпии и предложивший первый опыт внутритиповой дифференциации халкидских шлемов, писал: «Насколько я понимаю, Фуртвенглер первым заговорил о форме халкидского шлема и сослался на изображения на халкидских вазах (Olympia. IV, 170). Однако он тесно связывает форму с так называемым „аттическим“ шлемом, и кажется, что он [«аттический тип». — Д. А.] действительно происходит от него. Очевидно, из-за этого и по сей день существует большая путаница в терминологии: хотя разделение двух типов на самом деле необходимо, оба обозначения обычно используются без разбора. Особенно при описании изображений шлемов на вазах или рельефах то одно, то другое название используется для принципиально разных форм. Эту неопределенность можно преодолеть, разделив и определив типы как можно четче и назвав их недвусмысленно» (Kunze, 1967. S. 135).

Неслучайно известный популяризатор античной культуры и истории Питер Коннолли оговаривается, что не будет в формате своей книги обсуждать вопрос о правомочности употребления термина «аттический тип»: «У меня нет намерения спорить о том, следует или не следует его так называть, — в этой книге под аттическим шлемом подразумевается похожий на халкидский, но без защиты носа» (Connolly, 1981. P. 63).

Как справедливо замечает С. Чандрасекаран, «этот термин не следует понимать неверно, как обозначающий место появления типа шлема на Халкидике или на о-ве Эвбея [то есть в Халкиде. — Д. А.], для чего нет археологических свидетельств. Каким бы вводящим в заблуждение ни был этот термин, он в меньшей степени [дезориентирует. — Д. А.], чем термин „аттический тип“, которым шлем чаще назывался учеными до самого недавнего времени, так как это был тип, наиболее часто изображаемый на аттических вазах» (Chandrasekaran, 2012. P. 105).

Вслед за исследованием Э. Кунце (Kunze, 1967) были опубликованы две новые общие классификации халкидских шлемов — П. Динциса (1986) и Г. Пфлюга (1988). Л. Огненова-Маринова и Т. Стоянов так отрекомендовали их: «На наш взгляд, классификация Пфлюга.., которая по своей сути является вариацией предложенной Кунце, в целом более приемлема [чем предложенная П. Динцисом. — Д. А.]» (Ogdenova-Marinova, Stoyanov, 2005. P. 521). Позднее Х. Фрилингхауз, принимая разработанную Э. Кунце типологию, вводит

инновацию в выделенный им тип VII, вычленив три подтипа (*Frielinghaus*, 2011. S. 60).

Классификационные принципы, положенные в основу всех этих конструкций, не вполне релевантны или, по меньшей мере, не описывают феномен во всей полноте. Даже принимая ту или иную схему, мы должны признать, что соотнести ольвийский шлем с какой-то конкретной позицией, например, с типом VII по Э. Кунце, типом V по Г. Пфлюгу, типами VII a или b по Х. Фрилингхаузу, не получится. Главным типобразующим признаком во всех трех схемах является способ соединения нащечников с венцом — шарнирный или монолитный. В более подробной типологии Хайде Фрилингхауз особо учитывается и форма нащечника, но для шлема из Ольвии этот показатель неактуален, поскольку, как уже было сказано, его нащечники утрачены.

П. Динцис, в свою очередь, различает шлемы с серповидными, в форме лопасти, фигурными (заостренными или закругленными) нащечниками и нащечниками в виде головы барана, но для каждой из четырех категорий выделяет по две подгруппы: а) неподвижные (*unbeweglich*); б) подвижные (*beweglich*) нащечники (*Dintsis*, 1986. S. 137, 138). Для ольвийского шлема это тоже неприменимо, так как его венечная часть, к которой крепились нащечники, была, по-видимому, преднамеренно редуцирована в древности. Строго говоря, мы не только не знаем, как было замечено выше, крепился ли шарнир к венцу посредством заклепок, как на керченском шлеме, или верхние петли формировались краем борта, как на экземпляре из киевского Исторического музея, — мы даже не знаем наверняка, были нащечники закреплены подвижно на шарнирах или же были монолитными, составляя единое целое с венцом.

Остается согласиться со здравым суждением болгарских археологов Л. Огненовой-Мариновой и Т. Стоянова, согласно которому «недопустимо, чтобы именно форма или функционирование нащечников были главным критерием типологии, без рассмотрения в целом комбинации тульи, назатыльника, налобника и надбровных дуг» (*Ognenova-Marinova, Stoyanov*, 2005. P. 521). Безусловно, должна приниматься во внимание вся совокупность формальных и конструктивных признаков, где форма и конструкция нащечников имеют отнюдь не приоритетное значение. Для иллюстрации этого тезиса достаточно сослаться на тот же ольвийский шлем и на целый ряд памятников из фракийских погребений, подвергшихся в древности переделке или ремонту, лишившись

«родных» нащечников (*Lasăr*, 2009. Fig. 2, 1 (Bahovica), 4 (Budești); 3, 6 (Făcău), 9 (Kralevo); 5, 16 (Rogozen); 6, 23 (Zavet), 24, b (Zimnicea); *Ognenova-Marinova, Stoyanov*, 2005. Tab. II, 4–6 (Sadovetz); III, 5, 6 (Razgrad); IV, 8 (Lavino), 9 (Kralevo); V, 1, 2 (Kalново), 3, 4 (Pastusha)), или, как упоминавшийся шлем из захоронения у с. Голяма Косматка, изначально оснащенных монолитными нащечниками, по всем прочим параметрам совпадая с ольвийским шлемом и его аналогиями, приведенными выше (*Rustoiu, Berecki*, 2012. Pl. 3, 5 (Shipka — Goliama Kosmatka); 4, 3 (Budești)).

Резюмируя, заметим, что представляется целесообразным сохранить в неприкосновенности традиционный и вполне конвенциональный термин «халкидский тип», в нашем случае, со всеми оговорками и поправками на условность и несовершенство, — халкидский тип V по Г. Пфлюгу. В IV — начале III в. до н. э. такие шлемы, насколько можно предполагать, производились греческими (греко-македонскими?) мастерскими на Халкидике, в собственно Македонии, на фракийском побережье Понта, обслуживавшими, в том числе, обширный рынок варварской периферии на Балканах (Фракия), в Северном Причерноморье и на Кавказе и удовлетворявшими спрос местной воинской элиты на предметы вооружения. Среди экспортируемых достпехов заметное место принадлежало шлемам, в том числе, очевидно, шлемам данного типа.

Реставрация

Фрагменты шлемов были переданы на реставрацию в Отдел научной реставрации и консервации, в лабораторию научной реставрации драгоценных и археологических металлов. Все работы были произведены Мариной Григорьевной Боровиковой, художником-реставратором I-й категории (рис. 8).

Перед началом реставрации в Отделе научно-технической экспертизы заместитель заведующего С. В. Хаврин провел исследование металла методом рентгенофлуоресцентного анализа поверхности (ArtTAX) и под микроскопом. Установлено, что шлемы изготовлены из оловянистой бронзы, применявшейся греками и дляковки, и длялитья, в том числе при изготовлении предметов защитного вооружения, в частности — шлемов.

Шлем. Инв. № Ол.-18325 (ВО 599)

Шлем был передан в обломках, трех крупных (1 — фрагмент лицевой части с дугообразными надглазными выкружками, плавно сходящимися к центру, образуя стрельчатый наносник;

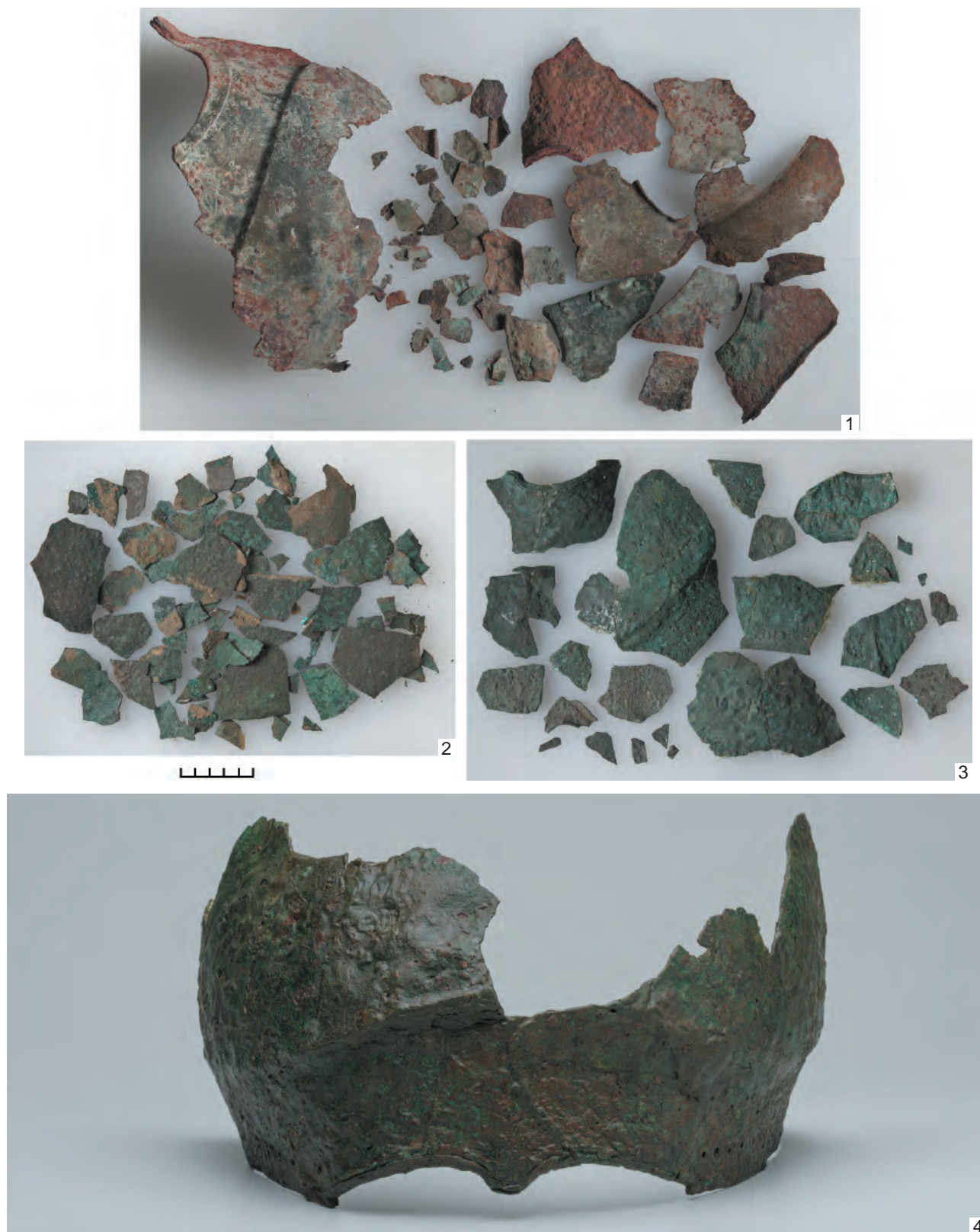

Рис. 8. Состояние шлемов перед реставрацией (1-3): 1, 2 — шлем Ол.-18325; 3 — шлем Ол.-18326. Шлем Ол.-18326: современное состояние, вид анфас (4). Фото М. Г. Боровиковой. Масштаб для 1-3

Fig. 8. State of helmets before restoration (1-3): 1, 2 — helmet Ол.-18325; 3 — helmet Ол.-18326. The helmet Ол.-18326: current state, front view (4). Photo by M. G. Borovikova. Scale for 1-3

2 — фрагмент затылочной части с вырезом для уха; 3 — несколько фрагментов стенок с переходом от тульи к куполу) и множестве мелких.

Процесс реставрации был длительным и сложным. На первом этапе все фрагменты были расчищены и укреплены консолидирующей пропиткой. В процессе расчистки на внутренней стороне налобной части была раскрыта процарапанная надпись греческими буквами: HNO. Затем производился подбор фрагментов для воссоздания формы шлема. Металл предмета минерализован неравномерно и имеет различие в цвете. Фрагмент лицевой части имеет большую толщину, так как шлем ковался из литой заготовки, остальные фрагменты тоньше. Купол шлема не сохранился, так как металл в этой части был очень тонким. Шлем склеен из более чем 70 фрагментов. Для создания жесткой конструкции был укреплен на каркас из отожженной латунной сетки, изолированной с помощью стеклоткани. Места склеек, трещины, края частично сдублированы с помощью стеклоткани и мастики. Реставрация позволила собрать почти целый шлем. При сравнении его с фотографиями в ОАК за 1908 г. видно, что металл частично разрушился, и восстановить купол шлема полностью не было возможности.

Фрагментированный шлем.

Инв. № Ол.-18326 (ВО 600) и (ВО 543)

Были переданы: крупный фрагмент лицевой части с дугообразными надглазными выкружками, плавно сходящимися к центру, образуя нанос-

ный выступ; несколько фрагментов с переходом от свода к венцу с мелкими сквозными отверстиями по нижнему краю.

На первом этапе была проведена расчистка поверхности предмета и консолидирующая пропитка. Металл предмета полностью минерализован. Затем производился подбор фрагментов для воссоздания формы шлема. Он был склеен из 42 фрагментов, места склеек и трещины частично укреплены с помощью стеклоткани и мастики. Отсутствуют свод шлема, затылочная часть, фрагмент лобной части. Реставрация позволила восстановить значительную часть шлема.

Кропотливая высокопрофессиональная работа М. Г. Боровиковой позволила не просто воссоздать два уникальных артефакта, благодаря чему они находятся теперь в основной экспозиции Отдела Античного мира (зал 119 Нового Эрмитажа), содержательно обогатив ее и предоставив посетителям музея возможность получить более наглядное представление об одном из аспектов античной культуры. В случае шлема Ол.-18325 реставратором был продемонстрирован серьезный научно-исследовательский поход к сложнейшей задаче — буквально из крупиц собрать такое сложное изделие. В результате памятник реконструирован буквально в первоначальном виде, учитывая утрату некоторых частей. Предметы, многие десятилетия известные только по фотографиям и рисункам, не дававшим возможности их полноценного изучения, возвращены археологической науке в материальном воплощении.

АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 266: Акты передачи из Академии истории материальной культуры коллекций находок из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии. 138 л.; Д. 293: Акты приема из Академии истории материальной культуры предметов из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии. 253 л.

Архив ОАМ. Папка № 35: Акты. 157 л.; «Синие описи». 1914 г.: Копии писем о передаче вещей. 101 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1.

1908. Д. 2: Счет. В употребление аванса, отпущенного члену ИАК Б. В. Фармаковскому в 1908 г. 278 л.

1909. Д. 4: Счет. В употребление аванса, отпущенного члену ИАК Б. В. Фармаковскому в 1909 г. 257 л.

1908. Д. 232: Описание предметам древности из раскопок Ольвии в 1908 г. 68 л.

Агре, 2011 — Агре Д. Голямата могила край Маломирово и Златиница. София: Авалон Пъблишинг, 2011. 240 с.

Бордман, 2007 — Бордман Дж. Материальная культура архаической Греции // Кембриджская история Древнего мира. Т. III, ч. 3 / Под ред. Дж. Бордмана, Н.-Дж.-Л. Хэммонда. М.: Ладомир, 2007. С. 538–562 (Пер. по изданию: The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. III, pt. 3 / Eds. J. Boardman, N. G.-L. Hammond. Cambridge University Press, 1982).

Велков, 1929 — Велков Ив. Нови могили находки // Известия на Археологически институт (София). София: Археологически институт, 1929. Т. V: 1928–1929. С. 13–55.

Виноградов, 2004 — Виноградов Ю. А. «Там заколосся Митридат...»: военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 196 с.

Воронов, 1969 — Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 93 с. (без таблиц).

Галанина, 1980 — Галанина Л. К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л.: Искусство, 1980. 128 с.

- ДБК — Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1854. Т. I. [17], CLIV, 280 с.
- Дедюлькин, 2020 — Дедюлькин А. В. Защитное снаряжение населения Крыма и Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 243 с.
- Джопуа, Ньюшков, 2019 — Джопуа А. И., Ньюшков В. А. О взаимосвязях населения Абхазии и Восточного Причерноморья в эпоху эллинизма на примере распространения халкидского типа бронзовых шлемов // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н. В. Анфимова: Материалы междунар. археол. конф. (г. Анапа, 29–30 мая 2019 г.) / Ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, 2019. С. 91–98.
- Дитлер, 1964 — Дитлер П. А. Аттический шлем из станции Темнолесской // СА. 1964. № 1. С. 315–320.
- Иванов, 2023 — Иванов Я. Защитно-взвешивание в древней Тракии на север от Хемус през V–III в. пр. Хр. София: Март, 2023. Кн. I–II. 828 с.
- Кузьмин, 2013а — Кузьмин Ю. Н. «В тени Олимпа»: послесловие // Борза Ю. Н. История античной Македонии (до Александра Великого). СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ; Нестор-История, 2013. С. 551–561.
- Кузьмин, 2013б — Кузьмин Ю. Н. Вергина после Андроникоса: археологические исследования первой столицы древней Македонии (1992–2012) // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Междунар. форума, посв. 100-летию со дня рожд. проф. А. С. Шофмана (Казань, 13–15 ноября 2013 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. С. 74–77.
- Куфтин, 1949 — Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. Т. I: Абхазская археологическая экспедиция 1934 года под руководством академика И. И. Мещанинова. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии. 260 с.
- Мелюкова, 1964 — Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. (без таблиц).
- ОАК за 1896 г., 1898 — Отчет Императорской археологической Комиссии за 1896 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. делов, 1898. 251 с.
- ОАК за 1908 г., 1912 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. делов, 1912. 226 с.
- Рабинович, 1941 — Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. 1941. Вып. 1. С. 99–171.
- Сергеев, 1966 — Сергеев Г. П. Олонештский античный клад // ВДИ. 1966. № 2. С. 132–142.
- Ханенко, 1899 — Ханенко Б. И. Древности Приднепровья. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1899. Вып. 2: Эпоха, предшествовавшая Великому переселению народов. 44 с., 37 табл.
- Черненко, 1968 — Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 190 с.
- Andriomenou, 1976 — Andriomenou A. Ein Chalkidischer Helm aus Tithorea // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1976. Bd. 91. S. 189–202, Taf. 68–70.
- ARV² — Beazley J. D. Attic Red-Figured Vase-Painters. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1963. Vol. I. 2036 p.
- Baumeister, 1889 — Baumeister A. Denkmäler des klassischen Altertums. Zur Erläuterung des Lebens der Griechen und Römer in Religion, Kunst und Sitte: 3 Bds. / Hrsg. von A. Baumeister. München; Leipzig: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1889. Bd. III. VII, 1289–2184 S.
- Boardman, 1998 — Boardman J. The early Greek vase painting. 11th — 6th centuries BC. London: Thames and Hudson, 1998. 287 p.
- Chandrasekaran, 2012 — Chandrasekaran S. The Western Caucasus — Imported Armour in the Hellenistic Period. Lincoln College, DPhil Archaeology, Hillary Term, 2012. 288 p.
- Connolly, 1981 — Connolly P. Greece and Rome at war. London: MC Donald Ltd, 1981. 320 p.
- Daremberg et Saglio, 1896 — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments sous la direction de mm. Ch. Daremberg et Edm. Saglio avec le concours de m. Edm. Pottier. Tome deuxième. Deuxième partie (F.–G). Paris: Librairie Hachette, 1896 (S. Reinach. Galea). P. 1429–1451.
- Dimitrova, 2015 — Dimitrova D. The tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus. Sofia: Aros, 2015. 378 p.
- Dintsis, 1986 — Dintsis P. Hellenistische Helme. Rome: Giorgio Bretschneider Editore, 1986. 336 p.
- Droysen, 1889 — Droysen H. Heerwesen und Kriegführung der Griechen. Freiburg I. B.: Akademische verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr, 1889. 324 S.
- Frielinghaus, 2011 — Frielinghaus H. Die Helme von Olympia: ein Beitrag zu Waffenweihungen in griechischen Heiligtümern. De Gruyter, 2011 (Olympische Forschungen; Bd. XXXIII). 614 S.
- Furtwängler, 1889 — Furtwängler A. Erwerbungen der Antikensammlungen in Deutschland. I. Berlin 1888 // Archäologischer Anzeiger. 1889. Bd. 3. S. 85–94.
- Furtwängler, 1890 — Furtwängler A. Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia. Text Band. Berlin: Verlag von A. Asher & Co, 1890. 220 S.
- Koppe, 1970 — Koppe Г. Σ. Τα μετα κεφαλων κριων κρανη. Ev Αθηναις: [s. n.], 1970. XXXIX, 324 σ.
- Kottaridi, 2013 — Kottaridi A. Aigai: The Royal Metropolis of Macedonians. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation, 2013. 367 p.

- Kunze*, 1967 — *Kunze E.* Chalkidische Helme // Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Berlin: de Gruyter, 1967. Bd. VIII. S. 135–183, Taf. 73–95.
- Lasăr*, 2009 — *Lasăr S.* Helmets of the Halcidian shape in the Lower Danube area // *Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne.* 2009 (Nouvelle série; T. LIII). P. 13–26.
- Marazov*, 2006 — *Marazov I.* Le Guerrier Thrace. Sofia: Hristo Botev, 2006. 183 s.
- Ogdenova-Marinova, Stoyanov*, 2005 — *Ogdenova-Marinova L., Stoyanov T.* The Chalkidian helmets and the origin of the North Thracian ceremonial armour // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. 4. Stephanos Arcaeologicos in honorem Professoris Ludmili Getov.* Sofia: Presses Universitaires “St. Kliment Ohridski”, 2005. P. 519–539.
- Pflug*, 1988 — *Pflug H.* Chalkidische Helme // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikensammlungs Berlin. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 1988 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum; Vol. 14). S. 137–150.
- Reinach*, 1892 — *Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854); réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus. Paris: Firmin-Didot, 1892. XVI, 213 p., 86 p. il.
- Rumpf*, 1927 — *Rumpf A.* Chalkidische Vasen. Berlin; Leipzig: de Gruyter, 1927. 222 S.
- Rustoiu, Berecki*, 2012 — *Rustoiu A., Berecki S.* “Tracian” Warriors in Transylvania at the Beginning of the Late Iron Age. The Grave with Chalcidian Helmet from Ocna Sibiului // *Iron Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin: Proceedings of the international colloquium from Târgu Mureş (7–9 October 2011)* / Ed. S. Berecki. Trgu Mureş: Editura MEGA Târgu Mureş, 2012. P. 161–182.
- Schröder*, 1912 — *Schröder B.* Thrakische Helme // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.* 1912. Bd. XXVII. S. 317–344.
- Snodgrass*, 1964 — *Snodgrass A. M.* Early Greek Armour and Weapons from the end of the Bronze Age to 600 b. c. Edinburgh, 1964. 280 p.
- Waurick*, 1988 — *Waurick G.* Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikensammlungs. Berlin; Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 1988 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum; Vol. 14). S. 151–180.
- Webber*, 2011 — *Webber C.* The Gods of Battle. The Thracians at War 1500 BC — AD 150. Pen & Sword Military, 2011. 256 S.

Two helmets from Olbia (history of the find, attribution, restoration)

D. P. Alexinskiy, Yu. I. Ilyina, M. G. Borovikova⁷

Keywords: Helmet, chalcidian helmet, Olbia, history of buying, repair.

Among the numerous finds from the excavations in Olbia, a special place is occupied by two helmets which miss the archaeological context: one was acquired by the Imperial Archaeological Commission in 1908 in the village of Parutino (it belonged to the tradesman I. Shapiro); the origin of the other one is not known. Since the 1930's, both helmets are kept in the collection of the Department of Greek and Roman Antiquities of the State Hermitage Museum.

The helmets are dated back to the 4th cen. BC; they are rarest examples of ancient Greek weaponry from the western regions of the Northern Black Sea region. For Olbia, where the imported Greek weapons are presented by single items, these finds should be considered unique. The Parutino helmet belongs to the group of helmets classified by the conventional term “The Chalcidian type V”; sometimes (according to a not entirely correct tradition that has developed in the historiography), it is designated as the “Attic type”. Throughout the 4th cen., such armor, the products of the Greek workshops, found a wide distribution on the Balkan Peninsula, Macedonia and Thrace. Only three times — a chance find in the foothills of Parnassus and two helmets from Olympia — this form was presented in the Balkan Greece, but never in the Greek West. In the Black Sea region, the finds are known in the Dnieper region, the Bosphorus, the Trans-Kuban region, in Colchis. In the North-Western Caucasus, the area of settlement of the Meotios population, these helmets inspired the practice of local imitations. It is hard to establish the typology of the second helmet due to its considerable losses; it should be surely considered as a Greek work.

By 2011, the helmets still consisted of many large and small fragments. In 2011–2019 a complex, filigree restoration was carried out, turning them, as far as possible, to their original appearance. During the restoration of the Parutino helmet, a previously undetected inscription was discovered, which was engraved on the back wall of the forehead: HNO. There is not yet enough comparative data for its confident interpretation.

⁷ Dmitry P. Alexinskiy, Yulia I. Ilyina, Marina G. Borovikova — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: alexinsky@xlegio.ru, iouliailiyina@gmail.com, marig.popova@gmail.com.

Местная кухонная керамика из Ольвии (по материалам раскопок Ольвийской экспедиции ЛОИА / ИИМК 1948–1991 гг.)¹

Е. В. Четверкина²

Аннотация. В статье рассматриваются находки гончарной кухонной керамики местного производства из раскопок античного городища Ольвия из коллекции ИИМК РАН. Автор статьи выделяет типы кухонной посуды и намечает тенденции их развития от архаического времени до римской эпохи. Представленные в приложении и иллюстрациях фрагменты кухонных сосудов публикуются впервые.

Ключевые слова: античные города Северного Причерноморья, Ольвия Понтийская, кухонная керамика.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-72-86

Эта работа продолжает публикацию античных гончарных кухонных сосудов из коллекции археологических предметов, найденных в ходе раскопок Ленинградского отряда ЛОИА / ИИМК РАН с 1948 по 1991 г. на городище Ольвия и находящихся на хранении в ИИМК РАН. Ранее была частично опубликована кухонная керамика из Ольвии, выделенная автором как предположительно импортная продукция (Четверкина, 2023), здесь будут рассмотрены кухонные ольвийские сосуды местного происхождения.

Впервые группу керамики ольвийского производства, среди которой были и кухонные сосуды, выделила Т. Н. Книпович. Многолетние наблюдения при работе с находками позволили отнести к продукции местных гончаров сосуды из красной глины, часто кирпично-красного оттенка, с примесью крупного кварца, реже — известняка и слюды, и из серой глины со сходными примесями (Книпович, 1940. С. 130, 131, 136). Исследование химического состава и петрографии таких сосудов и сравнение полученных пока-

зателей с характеристиками глин из вероятных источников сырья, проведенные О. А. Кульской, подтвердило этот вывод (Кульская, 1940. С. 183). В последующие годы исследователи упоминали о наличии массива местной простой нерасписной посуды, в том числе и кухонной, вполне уверенно (Капошина, 1956. С. 168, 169; Ветштейн, 1975. С. 166; Леви, 1985. С. 98; Крыжицкий и др., 1989. С. 130, 183). Более того, Е. И. Леви считала, что находки большого количества кухонных сосудов без следов использования в помещениях 1 и 3 Восточного торгового ряда агоры явно предназначались для торговли (Леви, 1985. С. 97, 98).

Позднее ольвийской кухонной керамике архаического времени посвятила несколько работ Н. А. Лейпунская (Лейпунская, 1987; 2010). Она выделила «сочетания горловины и форм тулова» кухонных кастрюль, позднее превращенные ею в типы. К сожалению, в данных работах вопросы происхождения сосудов и технологии изготовления не затрагивались. Находки гончарной кухонной керамики Ольвии из раскопок Центрального квартала Ольвии, Западного теменоса и раскопа НГС публиковались Н. А. Гаврилюк и В. В. Крапивиной (Крапивина, 2006; Gavriljuk, 2010; Гаврилюк, 2014), обе исследовательницы также внесли значимый вклад в разработку типологии ольвийской кухонной керамики.

Вплоть до настоящего времени не было никаких обстоятельных попыток обосновать наличие керамического производства путем изучения

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vilgelmina@mail.ru.

© Четверкина Е. В., 2023.

керамических печей, возможных источников сырья, предполагаемой керамической продукции и брака с применением естественнонаучных методов. Такая широкая программа комплексных исследований была начата молодыми киевскими специалистами совсем недавно (*Котенко та ін., 2022*).

Таким образом, при выделении местной продукции автору приходилось руководствоваться общими логическими соображениями и данными, полученными при визуальном анализе материала. Разумно предположить, что большая часть находок простой нерасписной керамики (в том числе кухонных сосудов) в крупном центре, скорее всего, относится к местному производству и будет составлять самую многочисленную группу в составе находок. Также среди такой группы должны встречаться в некотором количестве и бракованные экземпляры. Важным критерием является и наличие гончарных печей на памятнике, находки керамики в их заполнении, но, к сожалению, в данном случае нам приходится иметь дело только с продукцией. Обнаруженные в Ольвии гончарные мастерские, выпускавшие керамические сосуды, относятся к первым векам нашей эры; наряду со столовой керамикой, возможно, могла изготавливаться и кухонная. Кухонная керамика найдена только в одной печи на территории Нижнего города: наряду с грузилами в заполнении печи оказались два горшка и 21 крышка (*Ветштейн, 1958. С. 65*).

В результате анализа массива находок гончарной кухонной керамики Ольвии из коллекции ИИМК РАН была выделена большая группа сосудов из глины, соответствующей описанию Т. Н. Книпович и других исследователей и, вероятно, относящейся к местному производству. Сосуды выполнены из ярко-оранжевой глины с примесью песка, что придает их поверхности некоторую шероховатость, иногда встречаются включения известняка, очень редко — частицы слюды. Реже попадаются образцы из серой глины с такими же примесями. Единичными находками среди кухонной керамики представлены сосуды из светлой глины, такой состав также считается исследователями Ольвии местным.

Всего целых и фрагментированных кухонных сосудов в коллекции насчитывается около 400 экземпляров, из них 235 (59 % от общего числа) составляют образцы кухонной керамики, которая может быть отнесена к ольвийскому производству. Они происходят из слоев и строительных комплексов агоры и теменоса от позднеархаического времени вплоть до римской эпохи включи-

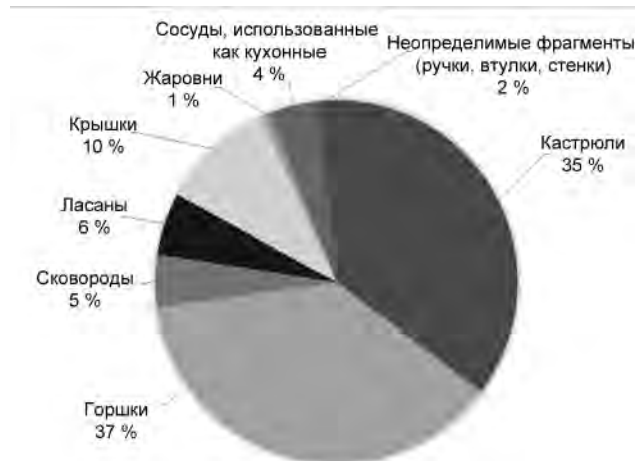

Рис. 1. Количественное соотношение категорий кухонной керамики в ольвийской коллекции ИИМК РАН

Fig. 1. Quantitative ratio between different categories of cooking ware in the Olbian collection of IIMC RAS

тельно. Среди них представлены такие категории сосудов, как горшки (88 экз.), кастрюли (83 экз.), сковороды (11 экз.), крышки (24 экз.), подставки-ласаны (13 экз.) и жаровня (1 экз.), также некоторые столовые сосуды были использованы как кухонные (10 экз.), всего четыре непрофильных фрагмента не поддаются определению (рис. 1).

Наибольшую долю среди категорий местной кухонной керамики составляют горшки, в основном они представлены «классическим типом», к которому относятся 44 экземпляра (рис. 2, 1, 2). Горшки «классического» типа имеют отогнутый венчик и широкое тулово, достигающее максимальной ширины в верхней части, с одной или двумя плоскими ручками. Они встречаются повсеместно в городах Северного Причерноморья: в Нимфее (ГЭ. НФ.48.442, НФ.49.750, НФ.52.91, НФ.54.309, НФ.62.173, НФ.64.81, НФ.64.82, НФ.64.84), Мирмекии, Порфмии³, Гермонассе (*Финогенова, 2005. Л. 109, № 9*). Также много их и на средиземноморских памятниках в комплексах архаического и классического времени (*Sparkes, Talcott, 1970. Fig. 40* (второй слева), 42, 62; *Haggis et al., 2011. Fig. 26, 1*; *Kleibinder-Gauss, 2012. Taf. 17, 139*). В Ольвии они встречены как в широко датированных слоях IV–III вв. и III–II вв. до н. э. на участках Е-3 и Е-8, так и в более узко датированных комплексах, относящихся ко второй половине VI — IV в. до н. э., — углублениях в материке,

³ Здесь и далее — по данным массового материала в отчете Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа и Порфмийской экспедиции ИИМК.

Рис. 2. Ольвийские кухонные горшки местного производства. Горшки «классического» типа: 1 — Ол.72/316; 2 — О.69/3178; 3 — Ол.74/570; 4 — Ол.73/196; 5 — Ол.72/472; 6 — О.68/3899. Горшки с прямым краем: 7 — Ол.72/1052; 8 — Ол.71/2746; 9 — О.56/2057; 10 — О.69/3045; 11 — О.69/2948; 12 — О.69/3062; 13 — О.70/1982. Горшки римского времени: 14 — О.63/4021; 15 — Ол.73/614. Горшки «с крышкой»: 16 — Ол.72/465; 17 — Ол.74/885; 18 — О.56/2056; 19 — без полевого шифра, ИИМК ВХ 250/1808/2022; 20 — О.90/134; 21 — О.68/5359. Горшок, подражающий «фокейскому» типу: 22 — О.69/3041. Масштаб: а — для 1–20; б — для 21, 22

Fig. 2. Olbian kitchen pots of local manufacture. Chytrai of the “classic” type: 1 — Ол.72/316; 2 — О.69/3178; 3 — Ол.74/570; 4 — Ол.73/196; 5 — Ол.72/472; 6 — О.68/3899. Chytrai with a straight rim: 7 — Ол.72/1052; 8 — Ол.71/2746; 9 — О.56/2057; 10 — О.69/3045; 11 — О.69/2948; 12 — О.69/3062; 13 — О.70/1982. Pots of the Roman date: 14 — О.63/4021; 15 — Ол.73/614. “Lidded pots”: 16 — Ол.72/465; 17 — Ол.74/885; 18 — О.56/2056; 19 — without a field code, ИИМК ВХ 250/1808/2022; 20 — О.90/134; 21 — О.68/5359. A chytra imitating the Phokaian type: 22 — О.69/3041. Scale: а — 1–20, б — 21, 22

яме 1985 г. на кв. 290, цистерне в помещении XIV Южного здания, а также в заполнении колодца III–II вв. до н. э. в помещении XI (с куросом) и «колодца 2» IV–III вв. до н. э. в помещении XII гимнасия (рис. 2, 2) и заполнении котлована IV в. до н. э., образованного при сооружении более раннего колодца в этом месте (рис. 2, 1)⁴. Хотя некоторое количество горшков и попало в эллинистические слои и комплексы, но в них фиксируется явная примесь более раннего материала, что видно по другим категориям находок. В соответствии с аналогиями со средиземноморских памятников нам все же представляется возможным датировать этот тип концом VI — IV в. до н. э. (рис. 3).

Сосуды данного типа встречаются и полно-размерные, и в виде маленьких горшочков диаметром от 6 до 10 см (рис. 2, 3–5). Они повторяют форму большого сосуда и имеют следы пребывания в огне. Хотя горшочки (в зарубежной литературе употребляется термин *chytridion*) часто встречаются в культовых и погребальных комплексах (Rotroff, 2013. P. 3; Четверкина, 2020а. Рис. 1, 1, 2), периодически их находят в городских слоях и жилых постройках, так что, вероятно, они могли использоваться и в повседневной жизни для приготовления пищи на огне. Отметим особо горшочек со следами вторичной обработки из подвала архаического здания II типа мегарона. В дне сосуда имеется широкое идеально круглое подработанное отверстие, что свидетельствует о его вторичном использовании в качестве очажной подставки (рис. 2, 3).

В небольшом количестве в коллекции присутствуют более редкие формы горшков, либо представляющие собой изобретения гончара,

не попавшие в массовое производство, либо, возможно, имитирующие формы кухонных сосудов других древнегреческих центров. Все они в основном относятся к эллинистической эпохе.

Из наиболее интересных экземпляров отметим семь горшков с прямым краем (рис. 2, 7–13), возможно, подражающих афинской Chytra Form 10 второй половины II — I в. до н. э. (Rotroff, 2006. Fig. 81, 628–632), также близких к импортной Chytra Form 11 220–180 гг. до н. э. (Ibid. Fig. 81, 634, 635). В Ольвии они найдены в углублении и канаве с мешаным материалом классического–эллинистического времени на участке Е-3 (рис. 2, 7, 8), слоях III–II вв. до н. э., в заполнении колодца III–II вв. до н. э. в помещении XI (с куросом) гимнасия (рис. 2, 10, 12) и сероглиняном слое I–II вв. н. э. (рис. 2, 11) на участке Е-8, цистерне со сбросом терракот (ботросе?) на участке Е-3 (рис. 2, 9). Для одного из горшков этого типа (рис. 2, 13) установить контекст по имеющимся архивным данным невозможно. Похожие сосуды были найдены на хоре Ольвии (Крыжицкий и др., 1989. Рис. 51, 23) и в Херсонесе (Белов и др., 1953. Табл. VI, 1).

Также в коллекции имеются два фрагмента горшков с вогнутым подквадратным краем, аналогичные сосудам «фокейского типа» (Rotroff, 2006. Fig. 74, 593; Amicone et al., 2014. Fig. 2, 4). Один фрагмент происходит из ямы 35 I в. н. э. с участка Е агоры (О.53/941), другой — из заполнения колодца III–II вв. до н. э. в помещении XI (с куросом) гимнасия (рис. 2, 22). Похожие горшки были найдены в другой части Ольвии — на раскопе НГС (Gavriljuk, 2010. Pl. 261, I-59–I-61, I-63, I-64), а также на памятниках Северного Причерноморья — в Пантикапее (Кругликова, 1957. С. 114, рис. 3, 5–7; Tolstikov, Zhuravlev, 2004. Пів. 98, 4), Мирмекии (Четверкина, 2019б. Рис. 2, образец 22), Горгиппии (Алексеева, 1997.

⁴ Здесь и далее контекст находки приводится полевой документации Ленинградского отряда ЛОИА / ИИМК, хранящейся в НА ИИМК РАН.

Табл. 82, 6, 7, 11), Парфении⁵, поселении у пос. За Родину (ГИМ. Рум-72 № 251).

К самым поздним находкам кухонной керамики в коллекции относятся фрагменты трех горшков. Первый из них представляет собой одноручный сосуд с длинным отогнутым венчиком, высоким расширяющимся книзу туловом, плоской широкой ручкой (рис. 2, 14). В целом такая форма типологически схожа с горшками эллинистического времени, которые, в свою очередь, отличаются от сосудов архаического и классического периодов более удлиненными и вытянутыми пропорциями, максимальным расширением тулова в нижней части. Горшок был найден в яме 49, относящейся к крупному производственному комплексу ям-зернохранилищ II–III вв. н. э. на территории участка Е-8. Второй горшок (рис. 2, 15) представлен небольшим фрагментом: слегка отогнутый прямой расширяющийся на конце венчик, ручка овальная, немного сплюснутая в сечении, в плане имеет форму узкой слегка изогнутой петли, тулово шаровидное (?), с ребристой поверхностью, свойственной большинству кухонных сосудов римского времени на территории всей античной ойкумены. Однако на данном экземпляре такой декор выполнен не «волнами», сформированными пальцами гончара при выделке сосуда, а широкими подрезками. Он был найден в мешаном сероглинистом слое на территории теменоса (участок Е-8). На-

более близки к горшку из Ольвии фрагменты сосудов из Патрея (ГИМ. Пат-68 № 6, Пат-68 № 211), за пределами Северного Причерноморья — сосуды из Кносса (*Sackett*, 1992. Pl. 177, 28a, 30e). Также в коллекции есть фрагмент третьего горшка с ребристым туловом и венчиком, оформленным в виде валика (О.63/4018), происходящий из ям-зернохранилищ II–III вв. н. э. на участке Е-8.

Небольшим числом экземпляров (13 шт.) в коллекции представлена переходная форма между горшком и кастрюлей — так называемые горшки «с крышкой» (в зарубежной литературе — *lidded chytra*). Находки таких сосудов ольвийского производства датируются концом VI — III в. до н. э. Наиболее раннюю форму представляют горшки «с крышкой», имеющие длинный вертикальный венчик с длинным выступом для крышки, широкое двухреберное тулово с округлым дном и петлевидные ручки, крепящиеся к верхнему ребру. В нашей выборке к таким сосудам относятся два фрагмента: из золистого слоя V — начала IV в. до н. э. на кв. 763 участка Е-3 (рис. 2, 17) и с неустановленным контекстом (рис. 2, 20). Такие горшки «с крышкой» периодически встречаются в слоях и комплексах архаического и классического времени как в Ольвии (*Лейпунская*, 1987. Рис. 29, 1, 2; *Крапивина*, 2006. Рис. 205, 10), так и в других древнегреческих центрах: на территории святилища Деметры в Нимфее (ГЭ. НФ.48.439, НФ.48.448, НФ.48.451, НФ.48.459; НФ.49.748, НФ.51.387), в Фанагории (*Кузнецов*, 2011. Л. 49), Приниатикос Пиргос на о-ве Крит (*Erickson*, 2010. Fig. 12, 5), в Колоннах на о-ве Эгина (*Kleibinder-Gauss*, 2012. Taf. 35, 369, 370), в Афинах (*Sparkes, Talcott*, 1970. Fig. 18, 1953).

⁵ По данным обработки массового материала автором в ходе охранно-спасательных работ Античной экспедиции ИИМК РАН в 2020 г.

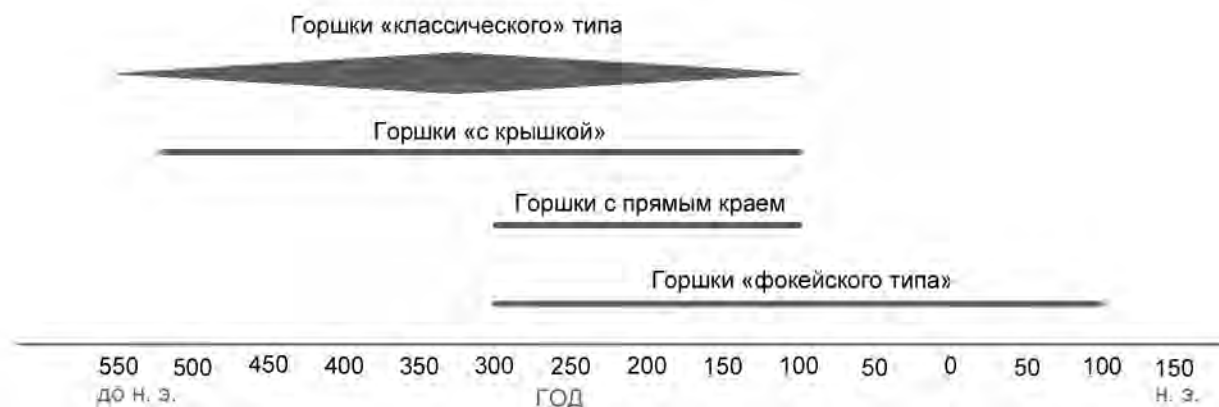

Рис. 3. Хронология типов кухонных горшков местного производства из Ольвии (по материалам коллекции ИИМК РАН)

Fig. 3. Chronology of the types of chytrai of local manufacture from Olbia (on the basis of the collection of IHMC RAS)

Остальные горшки «с крышкой» с высоким туловом, расширяющимся в средней части, относятся к эллинистическому времени: они были обнаружены в заполнении котлована IV в. до н. э. под помещением XII гимнасия (рис. 2, 16), в цистерне со сбросом терракот (ботросе?) на участке E-3 (рис. 2, 18), цистерне 1989 г. на кв. 151 конца IV — начала III в. до н. э. (рис. 2, 19). Аналогичные им сосуды были найдены в слоях и строительных комплексах IV–III вв. до н. э. на территории других районов Ольвии (*Книпович*, 1940. Табл. XXXI, 6; рис. 99, 1, 2; *Gavriljuk*, 2010. Pl. 259, I, 11), в Мирмекии (*Гайдукевич*, 1987. Рис. 97, в левом ряду, вторая сверху), Порфмии, на Южно-Чурубашском поселении (*Зинько*, 2002. Рис. 2, 20, 9), в Горгиипии (*Алексеева*, 1997. Табл. 82, 2, 9), в некрополе Фанагории (*Марченко*, 1956. Рис. 3, 6).

Ольвийские кастрюли позднеархаического и классического времени довольно оригинальны по сравнению с синхронными сосудами из средиземноморских центров. Они имеют вполне обычный для этого времени длинный вертикальный край и длинный выступ для крышки, но эти признаки дополнены прямым туловом с двумя ребрами. Такие кастрюли встречены в северной части полукв. 544 участка E-8 (рис. 4, 1), в заполнении землянки второй половины VI в. до н. э. на кв. 381 участка E-3 (рис. 4, 4). У одного из фрагментов не удалось установить контекст (рис. 4, 2). Аналогичные экземпляры происходят из раскопок Пантикапея, И. Т. Кругликова выделила их в тип 1, датируемый концом VI — V в. до н. э. (*Блаватский*, 1951. Рис. 72, 6; *Кругликова*, 1957. С. 108, рис. 1, 1).

При этом более стандартная для памятников архаического и классического времени форма кастрюли — сосуд с низким туловом и длинным краем с крупным выступом для крышки, сходный морфологически с кастрюлями Эгины (*Klebindler-Gauss*, 2012. Taf. 52), — представлена всего одним экземпляром (рис. 4, 3). Данный фрагмент кастрюли «классического» типа был найден в желтоглинистом слое V в. до н. э. под западной частью здания дикастерия (участок E-3). Сосуд выполнен из серой глины, с черным покрытием и залощенной поверхностью, имеет более короткий и широкий край по сравнению с другими находками этого типа из Северного Причерноморья (*Блаватский*, 1951. Рис. 72, 3; *Четверкина*, 2017. Рис. 2, 6).

Отметим также несколько кастрюль с утолщенным вертикальным краем и широким туловом с высокими плечами, найденных соответственно в заполнении ямы 57 VI–V вв. до н. э. на кв. 298

участка E-3 и ямы второй половины VI — начала V в. до н. э. на кв. 386 участка E-3 (рис. 4, 5, 12). Возможно, они являются ранним вариантом кастрюль с трапециевидным венчиком — одного из самых популярных типов кастрюль в Северном Причерноморье, несколько реже встречающимся в континентальной и островной Греции, на о-ве Крит (подробнее см.: *Четверкина*, 2018. С. 245, 246). Кастрюли с трапециевидным венчиком в большом количестве найдены и в Ольвии, в комплексах IV в. до н. э., реже IV — первой четверти III в. до н. э.: в котловане IV в. до н. э. под помещением XII гимнасия на участке E-8 (рис. 4, 6), в слое первой четверти III в. до н. э. (?) между слоевыми фундаментами VIII, V и IV (горизонтально) и между двух трамбовок (вертикально) на участке E-3 (рис. 4, 8, 13), в углублении VI–V вв. до н. э. в материке с включением материала IV–III вв. до н. э., обнаруженном на кв. 371 участка E-3 (рис. 4, 10). Также они встречались и ранее в других районах города — при исследовании участка «И» (*Книпович*, 1940. Табл. XXIX, 5).

На материале Ольвии можно проследить и дальнейшее развитие типа в III–II вв. до н. э. — у позднего варианта менее выраженный трапециевидный венчик отогнут наружу, ручка иногда выполнена как прилеп, сосуды меньшего размера, чем образцы IV в. до н. э. К этому варианту относятся два фрагмента из заполнения колодца с материалом III–II вв. до н. э. в помещении XI (с курором) гимнасия (рис. 4, 7, 9).

Еще один тип, широко распространенный в позднеклассическое–эллинистическое время и очень широко представленный как в Ольвии, так и на Боспоре, — кастрюли с диагональным венчиком и плавно расширяющимся книзу туловом. Широкое территориальное распространение позволяет выделить два варианта типа, получившие условные названия по памятнику/местности, на материале которых они были выделены.

«Мирмекийский» вариант, к которому относятся кастрюли с утолщенным к концу краем и плавным туловом, встречен в Ольвии и представлен фрагментами кастрюль из слоя предположительно III в. до н. э. на кв. 526 участка E-8 и из заполнения котлована эллинистического времени на кв. 746 участка E-3 (рис. 4, 20, 23).

«Таманский» вариант, к которому относим кастрюли с горизонтальной ручкой и высоким ярко выраженным плечом, представлен более широко. Из выборки ему принадлежат фрагменты кастрюль из заполнения колодца с материалом III–II вв. до н. э. в помещении XI (с курором)

Рис. 4. Ольвийская кухонная керамика местного производства. Кастрюли «классического» типа: 1 — О.71/2517; 2 — Ол.90/31; 3 — О.68/4503; 4 — О.69/2189. Кастрюли с трапециевидным краем: 5 — Ол.88/115; 6 — Ол.72/398; 7 — О.69/3227; 8 — Ол.75/1470; 9 — О.69/3228; 10 — О.68/4342; 12 — О.69/2331; 13 — Ол.75/1471. Кастрюли с диагональным краем: 11 — О.71/1790; 14 — Ол.75/1134; 15 — О.69/3226; 16 — О.71/1778; 17 — Ол.75/1090; 18 — О.64/2544; 19 — О.70/1864; 20 — О.63/3802; 21 — Ол.75-1133; 22 — О.69/2587; 23 — Ол.73/59; 24 — О.56/2051. Крышки: 25 — О.58/1074; 26 — Ол.73/297; 27 — О.69/3183; 28 — без полевого номера, ИИМК ВХ 250/667/2022; 29 — Ол.72/318; 30 — Ол.75/1324; 31 — О.69/2394; 32 — Ол.85/169; 35 — Ол.81/249; 36 — О.64/2628; 37 — Ол.75/1325; 40 — О.53/947; 41 — О.69/2090; 42 — Ол.77/124; 44 — О.71/2586; 45 — О.56/2064; 46 — Ол.91/118; 49 — Ол.81/511; 52 — Ол.76/406; 53 — Ол.72/742. Ласаны: 33 — Ол.81/1; 34 — О.59/3728; 38 — О.69/3156; 39 — Ол.73/401; 43 — без пол. ном., ИИМК ВХ 250/148/2022; 47 — О.69/3148; 48 — Ол.77/227; 54 — Ол.76/771; 55 — О.69/2220; 56 — Ол.73/400; 59 — О.56/1803. «Кастрюлевидные» миски (лопадионы): 50 — Ол.72/462; 51 — О.71/1876. Сковороды: 57 — Ол.72/710; 58 — Ол.73/18; 60 — Ол.76/283; 61 — Ол.76/488; 62 — Ол.72/710; 63 — О.69/3050

Fig. 4. Olbian cooking ware of local manufacture. Casseroles of the “classic” type: 1 — О.71/2517; 2 — Ол.90/31; 3 — О.68/4503; 4 — О.69/2189. Casseroles with a trapezoid rim: 5 — Ол.88/115; 6 — Ол.72/398; 7 — О.69/3227; 8 — Ол.75/1470; 9 — О.69/3228; 10 — О.68/4342; 12 — 0.69/2331; 13 — Ол.75/1471. Casseroles with a diagonal rim: 11 — О.71/1790; 14 — Ол.75/1134; 15 — О.69/3226; 16 — О.71/1778; 17 — Ол.75/1090; 18 — О.64/2544; 19 — О.70/1864; 20 — О.63/3802; 21 — Ол.75-1133; 22 — О.69/2587; 23 — Ол.73/59; 24 — О.56/2051. Lids: 25 — О.58/1074; 26 — Ол.73/297; 27 — О.69/3183; 28 — without a field code, ИИМК ВХ 250/667/2022; 29 — Ол.72/318; 30 — Ол.75/1324; 31 — О.69/2394; 32 — Ол.85/169; 35 — Ол.81/249; 36 — О.64/2628; 37 — Ол.75/1325; 40 — О.53/947; 41 — О.69/2090; 42 — Ол.77/124; 44 — О.71/2586; 45 — О.56/2064; 46 — Ол.91/118; 49 — Ол.81/511; 52 — Ол.76/406; 53 — Ол.72/742. Lasanai: 33 — Ол.81/1; 34 — О.59/3728; 38 — О.69/3156; 39 — Ол.73/401; 43 — without a field code, ИИМК ВХ 250/148/2022; 47 — О.69/3148; 48 — Ол.77/227; 54 — Ол.76/771; 55 — О.69/2220; 56 — Ол.73/400; 59 — О.56/1803. “Casserole-like” bowls (lopadians): 50 — Ол.72/462; 51 — О.71/1876. Frying pans: 57 — Ол.72/710; 58 — Ол.73/18; 60 — Ол.76/283; 61 — Ол.76/488; 62 — Ол.72/710; 63 — О.69/3050

гимназия (рис. 4, 15), из желтоглинистого слоя на кв. 588 и 589 участка Е-8 (рис. 4, 16), из сероглинистого позднеэллинистического слоя на полукв. 587 участка Е-8 (рис. 4, 18), из слоя III в. до н. э., перекрывающего северо-западный угол помещения XIV Южного здания на участке Е-3 (рис. 4, 19), из желтоглинистого мешаного слоя эллинистического времени в помещении Х на кв. 568 участка Е-3 (рис. 4, 22). Сосуды с диагональным венчиком «таманского» варианта найдены ранее на участке «И» (тип 11, по Т. Н. Книпович — Книпович, 1940. Табл. XXIX, 3, 4), но чаще встречаются на памятниках Азиатского Боспора (Марченко, 1956. Рис. 3, 5; Алексеева, 1997. Табл. 56, 42–44; 57, 44; 79, 9, 10; Жупанин и др., 2018. Рис. 9, 7), отдельные экземпляры найдены в Нимфее (Четверкина, 2019а. Рис. 1, 5), Мирмекии (ГЭ. Мир. 64.43), Пантикапее (Толстиков, 1995. Ч. 2. Л. 74), Порфмии, Херсонесе (Андреева, Рыжов, 2021. Рис. 34, 1, 2). Также аналогичные кастрюли были обнаружены на Крите в Кноссе (Sackett, 1992. Pl. 84, 51), Кастели Кисаму (Σκόρδου, 2000. Πίv.12. ΝΚ 4γ; Πίv.16, 42. 4γ).

В коллекции имеются отдельные экземпляры рассматриваемого типа, не вписывающиеся в перечисленные варианты. Среди них есть небольшая группа кастрюль с вогнутым длинным краем, которая, возможно, в дальнейшем составит

«ольвийский» вариант. К сожалению, почти для всех относящихся к нему сосудов невозможно выяснить контекст из-за отсутствия части полевой документации в НА ИИМК РАН (рис. 4, 14, 17, 21), за исключением экземпляра, найденного в цистерне со сбросом терракот (ботросе?) на участке Е-3 с материалом преимущественно III–II вв. до н. э., в небольшом количестве — IV в. до н. э. (рис. 4, 24).

Как среди горшками, и у кастрюль есть «атипичные» образцы. Среди них наиболее интересен фрагмент кастрюли с тонким вогнутым венчиком (Ол.73-714), найденный в сильно нарушенном сероглинистом слое эллинистического времени к югу от гимназия (участок Е-8). Он, вероятно, подражает афинской *Loras Form 3*, датированной 285–110 гг. до н. э. (Rotroff, 2006. P. 180, fig. 82–84). Аналогичные сосуды также зафиксированы в Мирмекии (Четверкина, 2019б. Рис. 1, образец 7), Нимфее (Соколова, 2004. Рис. 5, 2, 3; 6, 1), Пантикапее (Толстиков, 1995. Ч. 2. Л. 74. П1995, № 123).

Кастрюль местного производства римского времени на материале Ольвии, хранящемся в ИИМК РАН, не обнаружено, в комплексах первых веков нашей эры присутствуют только привозные сложнопрофилированные кастрюли, предположительно происходящие с территории

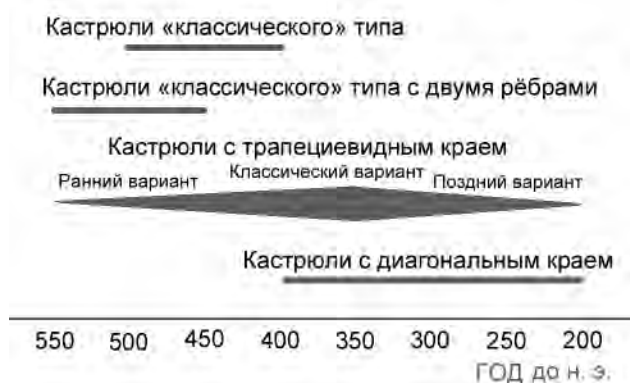

Рис. 5. Хронология типов кухонных кастрюль местного производства из Ольвии (по материалам коллекции ИИМК РАН)

Fig. 5. Chronology of the types of kitchen casseroles of local manufacture from Olbia (collection of IHMC RAS)

Малой Азии и широко распространенные как в центрах Северного Причерноморья, так и во всем Средиземноморском регионе (см., например: Четверкина, 2019б. Рис. 1, образцы 14–16, 20, 21).

Таким образом, кастрюли из ольвийской коллекции ИИМК представлены несколькими типами, сменяющимися друг друга и частично сосуществующими в течение архаического, классического и эллинистического времени (рис. 5).

Изучение крышек для кухонных сосудов связано с некоторыми сложностями. Прежде всего, довольно трудно надежно отделить их от крышек, предназначенных для столовой посуды (лекан, мисок), а для крышек с плоской ручкой римского времени — от крышек погребальных урн. В качестве критерия можно опираться на характеристики глиняного теста и наличие нагара от использования на огне, но вероятность ошибки сохраняется. Также крышки из Ольвии и в целом из Северного Причерноморья и остальной греческой ойкумены с трудом поддаются классификации из-за сильной вариативности ручек, не увязываемой ни с территорией, ни со временем, и мало изменяющимся туловом. Есть разные подходы к выделению типов. Сюзан Ротрофф выделяет типы крышек, найденных на Афинской агоре, по форме тулова (Rotroff, 2006. P. 196–199), но достоверно определить форму тулова можно лишь у целых форм, которые на памятниках Северного Причерноморья встречаются нечасто. Нам представляется перспективным обратить внимание на конфигурацию ручки-упора в качестве возможного типобразующего признака.

При первом рассмотрении бросается в глаза, что все ручки крышек либо сплошные, либо полые. Наибольшее количество ольвийских крышек полые, цилиндрической формы. Они происходят из глинистого слоя конца VI — V в. до н. э. на кв. 58 участка E-3 (рис. 4, 25), подвала второй половины VI в. до н. э. на полукв. 756–759 участка E-3 (рис. 4, 26), «колодца 2» IV–III вв. до н. э. II гимнасия (рис. 4, 27), глинистого слоя V–IV вв. до н. э. на кв. 319 участка E-3 (рис. 4, 28), слоя V в. до н. э. в южной части кв. 366 участка E-3 (рис. 4, 31), глинистого слоя предположительно V–IV вв. до н. э. участка E-3 (рис. 4, 32), зольно-глинистого слоя конца VI — V в. до н. э. на полукв. 587 участка E-8 (рис. 4, 36), золистого слоя IV–III вв. до н. э. на полукв. 371 участка E-3 (рис. 4, 41), цистерны со сбросом терракот (ботросе?) на участке E-3 с материалом преимущественно III–II вв. до н. э., в небольшом количестве — IV в. до н. э. (рис. 4, 45), коричневого грунта с золой на кв. 747 участка E-3 (рис. 4, 53); для некоторых экземпляров установить контекст невозможно (рис. 4, 30, 37, 42, 46). Как можно увидеть на схеме, крышки с полой ручкой широко распространены на памятниках с позднеархаического времени вплоть до начала римской эпохи (рис. 6). Но, возможно, в дальнейшем удастся разделить эту обширную группу на более узкие хронологические таксоны, исходя из ширины или высоты ручки или иных измерений с использованием статистических методов. Несколько выбивается из общего ряда крышка из заполнения котлована IV в. до н. э. на кв. 605а участка E-8, имеющая ручку более редкой формы — с тонким отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 52). Похожие встречаются в Нимфее (ГЭ. НФ.48.465; НФ.48.466), Гермонассе (Финогенова, 2010. Л. 112), также отдельные находки имеются на средиземноморских памятниках (Edwards, 1975. Pl. 31, 697; Rotroff, 2006. Fig. 90, 729; 91, 741; Klebinder-Gauss, 2012. Taf. 17, 135).

Сплошные ручки в некотором количестве встречаются в позднеархаическое, классическое и эллинистическое время, но в первые века нашей эры крышки со сплошными ручками, плоскими и широкими, становятся преобладающими, а с полыми — полностью пропадают. В нашей выборке к ним относятся пять экземпляров. Наиболее ранней, судя по аналогиям, является фрагментированная крышка с ручкой с полукруглым навершием, ее контекст установить не удалось (рис. 4, 49). Крышки с такими ручками были встречены в Пантикапее, Мирмекии, Горгиппии, Метапонте (Гайдукевич, 1952. С. 201, рис. 113; Алексеева, 1997.

Табл. 56, 25; *Голофаст*, 2013. Рис. 6, 8; *Cracolici*, 2003. Fig. 7, E3).

Остальные крышки относятся к римскому времени. Это две крышки с цилиндрической ручкой, одна была найдена в заполнении ямы 35 I в. н. э. на участке Е, другая — с утраченным контекстом (рис. 4, 40, 44), они наиболее сходны с находками из Горгиппии (*Алексеева*, 1997. Табл. 128, 6). Другие две крышки с плоской широкой ручкой (рис. 4, 29, 35) относятся к более широко распространенному типу, к ним близки по оформлению образцы из других районов Ольвии (*Книпович*, 1940. Рис. 98; *Karjaka*, 2010. Pl. 250, H-178), Пантикапея (*Голофаст*, 2013. Рис. 6, 11) и Батарейки-I (ГИМ. Бат-I-63 № 123). Одна из крышек (рис. 4, 35) происходит из мешаного глинистого слоя римского времени на кв. 287 участка Е-3, другая (рис. 4, 29) попала в заполнение котлована IV в. до н. э. под помещением XII гимнасия, однако аналогии указывают скорее на I–III вв. н. э. Интересно заметить, что почти все крышки местного производства в выборке небольшие — от 10 до 13 см в диаметре; возможно, они предназначались для горшков, за исключением нескольких более крупных экземпляров, вероятно, предназначенных для кастрюль (рис. 4, 42, 46). Контекст обоих фрагментов, к сожалению, не установлен.

Среди коллекции имеются находки сравнительно редкой формы кухонной керамики — кастрюлевидной миски — сосуда с полусферическим туловом и краем с выступом для крышки. Фрагмент края такой миски был найден в верхней части заполнения котлована IV в. до н. э. под помещением XII гимнасия, похожие находки были зафиксированы и на раскопе «И» (*Книпович*, 1940. Табл. XXX, 7). Они встречаются на Боспоре в синхронных слоях и комплексах — в Пантикапее (*Кругликова*, 1957. С. 117, рис. 5, 6), Горгиппии (*Алексеева*, 1997. Табл. 54, 7, 9), Мирмекии, Порфмии, на поселении Осовины I и в некрополе на ул. Генерала Петрова (*Зинько*, 1989. Рис. 158, 11; 2003. Рис. 26, 2). Они аналогичны аттической *covered bowl*, которая часто обнаруживается в ритуальных комплексах Афинской агоры (*Rotroff*, 2013. P. 3).

Довольно редок фрагмент кухонного сосуда, найденный в заполнении цистерны с материалом преимущественно III в. до н. э. в помещении XIV Южного здания, прилегающего к гимнасию с юго-восточной стороны (участок Е-8) (рис. 4, 51). Так как он представлен фрагментом венчика с началом плеча, то сложно судить о его

форме; возможно, сосуд можно отнести к кастрюлям. В качестве отдаленных аналогий можно привести фрагменты сосудов из слоя пожара третьей четверти III в. до н. э. в доме 29 в Горгиппии (*Алексеева*, 1997. Табл. 70, 22) и из массового материала Порфмия в слоях IV–III вв. до н. э.

Сковороды в коллекции представлены шестью экземплярами, типологически сходными между собой: они имеют край с наклоном около 45° и низкое тулово (3,5–4,0 см в высоту). Профили двух сковород были обнаружены в яме 1 1972 г. с материалом II в. до н. э. на участке Е-3 (рис. 4, 57, 62), еще одна — в котловане римского времени с некоторой примесью находок эллинистического времени (рис. 4, 58). В целом такие сковороды широко распространены и в Средиземноморском регионе (*Pan Form 1 — Rotroff*, 2006. Fig. 86, 679, 682), и на античных памятниках Северного Причерноморья (*Книпович*, 1940. Табл. XXIX, 1; *Гайдукевич*, 1952. Рис. 62; *Tolstikov, Zhuravlev*, 2004. Пив. 95, 9, 12; *Голофаст*, 2013. Рис. 5, 2, 5). Один из фрагментов сковород, найденный в заполнении колодца III–II вв. до н. э. в помещении XI (с курсом) гимнасия, несколько отличается от прочих более длинным краем (рис. 4, 63), среди гончарной кухонной керамики такие сосуды встречаются редко, отдаленно близки им некоторые находки с Афинской агоры (*Rotroff*, 2006. Fig. 87, 684, 686) и из Пантикапея (*Кругликова*, 1954. Табл. II, 41; *Голофаст*, 2013. Рис. 6, 7), но чаще в Северном Причерноморье длинный край имеют лепные сковороды, как в самой Ольвии (*Кастанаян, Арсеньева*, 1984. Табл. CXLIX, 45), так и на других памятниках. В качестве примера приведем фрагменты сковород с поселения Золотое (ГИМ. П.О. № 176), Мирмекия (*Кастанаян*, 1952. Табл. VIII, 7), Китея (*Гаврилюк*, 2013. Рис. 2, 27).

Что касается прочего кухонного оборудования — возможно, к местной продукции также можно отнести фрагмент жаровни или гриля IV в. до н. э., представляющий собой низкий широкий сосуд с многочисленными отверстиями в дне (*Четверкина*, 2022. Рис. 2, 2). Также с территории агоры и теменоса происходит некоторое количество ласан-подставок из наиболее ранних комплексов и слоев конца VI — V в. до н. э. (рис. 4, 33, 34, 38, 39, 43, 47, 48, 54–56, 59).

Фрагменты ласан периодически встречаются и на других памятниках в синхронных слоях и комплексах, наиболее многочисленны находки в Нимфее (в коллекции Гос. Эрмитажа, из них около двух десятков концентрируются

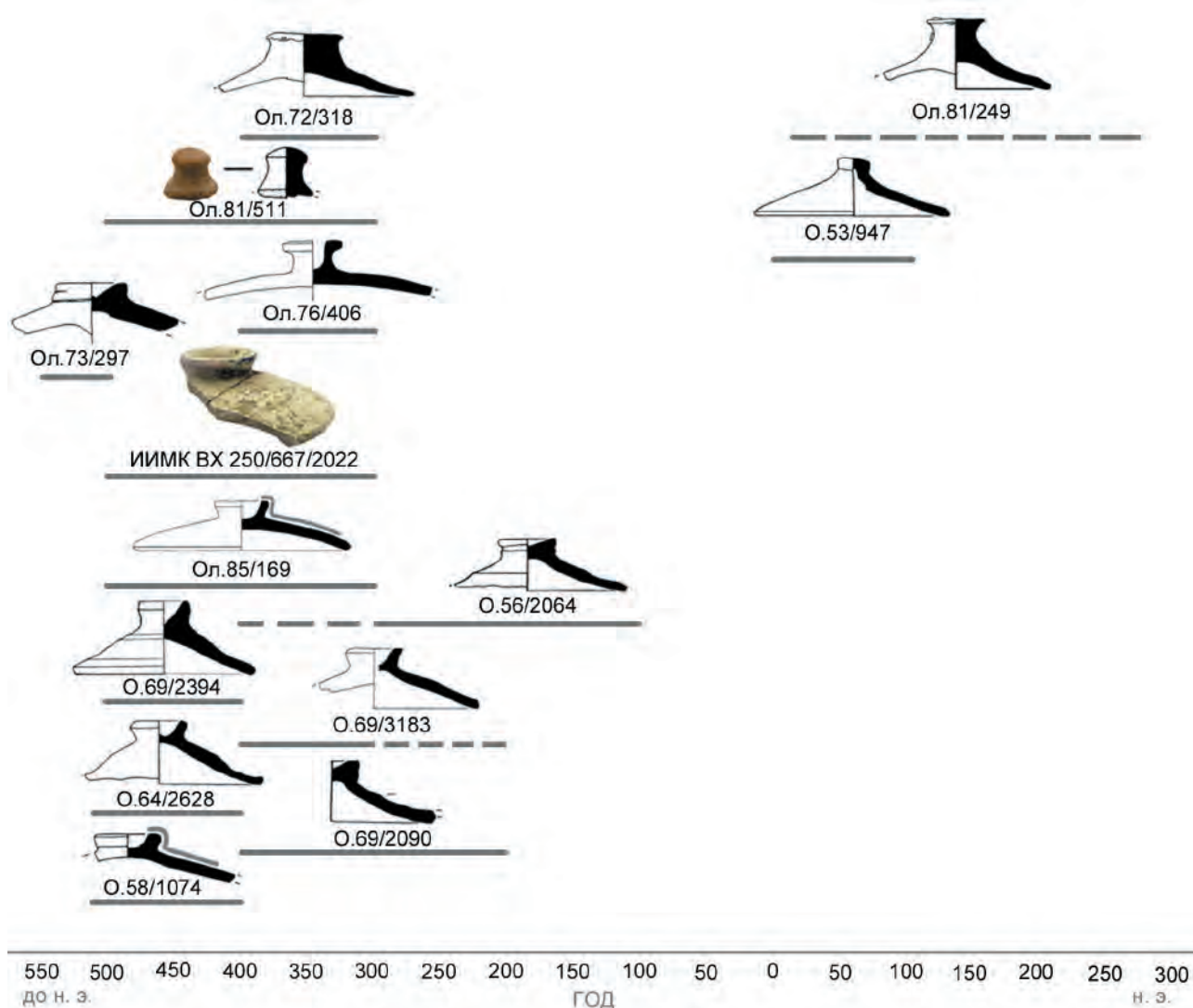

Рис. 6. Хронология типов крышек от кухонных сосудов местного производства из Ольвии (по материалам коллекции ИИМК РАН)

Fig. 6. Chronology of the types of lids for kitchen vessels of local manufacture from Olbia (collection of IHMC RAS)

на территории святилища Деметры) и Фанагории (Treister, Shelov-Kovedyayev, 1989. P. 292), отдельные экземпляры происходят из Гермонассы и Пантикапея (Ibid. Fig. 2–5), Мирмекия (Четверкина, 2020б. Рис. 1, 45), Горгиппии (Алексеева, 1997. Табл. 71, 15; рис. 54), Березанского поселения (Чистов и др., 2015. Рис. 6).

Хотя на территории Фанагории и Ольвии они были найдены в производственных комплексах (Treister, Shelov-Kovedyayev, 1989. P. 292; Ветштейн, 1975. С. 180), данные находки ласан из слоев агоры и теменоса Ольвии могли быть и частью кухонного инвентаря, в каковом качестве они встречались и в жилых постройках, в том числе *in situ* в помещении с другими предмета-

ми подобного назначения (Morris, 1985; Aydemir, 2005. S. 89, 90).

Подводя итоги, следует сказать, что хотя полученная выборка невелика и некоторые соображения, сделанные на ее основе, еще предстоит проверить в будущем, сделанные на ее основе заключения в целом сходны с тем набором типов и временем их распространения, что фиксируются и на памятниках Боспора. Следует отметить, что имеется некоторое местное своеобразие, которое проявляется в отдельных деталях оформления. Под ручками горшков довольно часто встречаются вдавления пальца. Изредка на ручках и тулове сосудов попадаются маленькие круглые налесты, которые ранее были зафиксированы на ручках

мисок и лутериев из Ольвии. На ольвийских кухонных сосудах очень часто имеется покрытие: красное — у ранних экземпляров, светло-коричневый ангоб — у эллинистических сосудов, причем порой не только на внешней, но и на внутренней поверхности.

Небезынтересно указать на особенность, которая, видимо, актуальна не только для Боспора и Херсонеса, но также и для Ольвии. В римское

время кухонная керамика производится в намного меньшем количестве, чем в эллинистический период, а в основном ввозится. Этот вопрос уже был ранее поставлен исследователями Херсонеса, и были высказаны предположения о возможных причинах такого явления (Дорошко, 2022). Была ли схожей ситуация в Ольвии — еще предстоит обстоятельно осмыслить на более широком материале.

- Алексеева, 1997 — Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 558 с.
- Андреева, Рыжов, 2021 — Андреева О. А., Рыжов С. Г. Позднеклассический комплекс находок из IX-A квартала Херсонеса // Херсонесский сборник. Севастополь, 2021. Вып. XXII. С. 7–95.
- Белов и др., 1953 — Белов Г. Д., Стржлецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 г.) // Археологические памятники Юго-Западного Крыма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 34). С. 160–236.
- Блаватский, 1951 — Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. 1951. Т. XXXVII. С. 212–227.
- Ветштейн, 1958 — Ветштейн Р. І. Керамічні випалювальні печі Ольвії перших століть н. е. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Наукова думка, 1958. Вып. VII. С. 61–76.
- Ветштейн, 1975 — Ветштейн Р. І. Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры / Ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1975. С. 164–191.
- Гаврилюк, 2013 — Гаврилюк Н. А. Лепная керамика причерноморских памятников Европейского Боспора I–IV вв. н. э. // Таврійські студії. Симферополь, 2013. Историчні науки, № 1(4). С. 43–50.
- Гаврилюк, 2014 — Гаврилюк Н. А. Кухонная керамика // Жилые дома Центрального квартала Ольвии / Ред. С. Д. Крыжицкий, Н. А. Лейпунская. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2014 (МАИЭТ; Suppl. 12). С. 435–485.
- Гайдукевич, 1952 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). Т. I: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. С. 135–222.
- Гайдукевич, 1987 — Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 180 с.
- Голофаст, 2013 — Голофаст Л. А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // Боспорские исследования. 2013. Вып. 28. С. 211–241.
- Дорошко, 2022 — Дорошко О. П. Производство кухонной гончарной посуды в Херсонесе I–III вв. н. э.: историографические мифы и археологические реалии // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Материалы Всерос. науч. конф. Симферополь: Антикава, 2022. С. 48–57.
- Жупанин и др., 2018 — Жупанин О. Ф., Иванов А. А., Куликова О. П. Постройка эллинистического времени на поселении «Усадьба Виноградник» // Древности Боспора. 2018. № 22. С. 40–53.
- Зинько, 1989 — Зинько В. Н. Отчет о работе Комплексной охранно-археологической экспедиции в 1989 г. // Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1032. 161 л.
- Зинько, 2002 — Зинько В. Н. Отчет о работе Тиритакской экспедиции в 2002 г. // Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1656. 200 л.
- Зинько, 2003 — Зинько В. Н. Некрополь сельского поселения близ Мирмекия // Боспорские исследования. 2003. Вып. 3. С. 168–197.
- Капошина, 1956 — Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 50). С. 154–189.
- Кастанаян, 1952 — Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1952. 175 с.
- Кастанаян, Арсеньева, 1984 — Кастанаян Е. Г., Арсеньева Т. М. Керамика // Античные города Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 229–232.
- Книпович, 1940 — Книпович Т. Н. Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. Т. I. С. 105–170.
- Котенко та ін., 2022 — Котенко В., Шейко І., Кушнір А. Гончарство античних Ольвії та Борисфена: джерельна база і методика досліджень // Збірник тез. конф. «Археологічні студії: здобутки та перспективи 2022». Національний університет «Кієво-Могилянська академія» / Гол. ред. О. Білинський. Київ: НАУКМА, 2022. С. 50–56.
- Крапивина, 2006 — Крапивина В. В. Хозяйственная и кухонная керамика. Лагиносы и лутерии // Древнейший теменос Ольвии Понтийской / Ред. А. И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Керченская городская

- типография, 2006 (МАИЭТ; Suppl. 2). С. 187–188, 475–478.
- Кругликова, 1954 — Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значение для изучения состава населения этого города // *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 33). Т. II. С. 78–113.
- Кругликова, 1957 — Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI–III вв. до н. э. // *Пантикапей*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (МИА; № 56). С. 96–138.
- Крыжицкий и др., 1989 — Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 240 с.
- Кузнецов, 2011 — Кузнецов В. Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 2011 г. // *НОА ИА РАН*. Ф-1. Д. 46676. 244 л.
- Кульская, 1940 — Кульская О. А. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий // *Ольвия*. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. Т. I. С. 171–185.
- Леви, 1985 — Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 151 с.
- Лейпунская, 1987 — Лейпунская Н. А. Кухонная керамика // *Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время* / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1987. С. 79–83.
- Лейпунская, 2010 — Лейпунская Н. А. Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии) // *Боспорские исследования*. 2010. Вып. 24. С. 131–151.
- Марченко, 1956 — Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории // *Фанагория*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 57). С. 100–127.
- Соколова, 2004 — Соколова О. Ю. Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 г.) // *Эллинистические штудии в Эрмитаже. К 60-летию М. Б. Пиотровского* / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 175–185.
- Толстиков, 1995 — Толстиков В. П. Отчет о работе Пантикапейской экспедиции в 1995 г. // *Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника*. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1405. Ч. 1. 250 л.; Ч. 2. 244 л.
- Финогенова, 2005 — Финогенова С. И. Отчет о работе Гермонасской экспедиции в 2005 г. // *НОА ИА РАН*. Ф-1. Д. 33566. 185 л.
- Финогенова, 2010 — Финогенова С. И. Отчет о работе Гермонасской экспедиции в 2010 г. // *НОА ИА РАН*. Ф-1. Д. 28889. 160 л.
- Четверкина, 2017 — Четверкина Е. В. О торговых связях Мирмекия позднеклассического и эллинистического времени по данным кухонной посуды // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля, пути, отношения*: Материалы XVIII Боспорских чтений / Ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 598–608.
- Четверкина, 2018 — Четверкина Е. В. Кухонная посуда Боспора: греческая традиция и местные особенности // *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира* / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: СПГУ технологии и дизайна, 2018. Ч. 2. С. 241–247.
- Четверкина, 2019а — Четверкина Е. В. Кухонная керамика Нимфея (по материалам коллекций Государственного Эрмитажа) // *АВ*. 2019. № 25. С. 113–128.
- Четверкина, 2019б — Четверкина Е. В. Петрографический и химический анализ античной кухонной керамики Мирмекия // *Вестник Танаиса*. Ростов н/Д.: Альтаир, 2019. Вып. 5, т. 2. С. 188–202.
- Четверкина, 2020а — Четверкина Е. В. Кухонная керамика в ритуальных и погребальных комплексах Боспора // *АВ*. 2020. № 29. С. 314–321.
- Четверкина, 2020б — Четверкина Е. В. Местные и привозные типы кухонной керамики из Мирмекия по данным естественнонаучных анализов // *Труды VI (XXII) Археологического съезда* / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 26–28.
- Четверкина, 2022 — Четверкина Е. В. Кухонная керамика Ольвии (по материалам ИИМК РАН) // *История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Материалы Всерос. науч. конф.* / Отв. ред. А. В. Зайков. Симферополь: Антикава, 2022. С. 222–226.
- Четверкина, 2023 — Четверкина Е. В. Импортная кухонная керамика в Ольвии (по материалам раскопок Ольвийской экспедиции ИИМК–ЛОИА 1948–1991 гг.) // *Международные отношения в бассейне Черного моря: Материалы XIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием (15–18 мая 2023 г., Ростов н/Д.)* / Отв. ред. А. В. Коваленко. Азов: Изд-во Южного фед. ун-та, 2023. С. 237–244.
- Чистов и др., 2015 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Щербакова О. Е. Кухонная керамика и кухонное оборудование Березанского поселения // *Клио*. 2015. № 11 (107). С. 13–25.
- Amicone et al., 2014 — Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G. Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times // *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde* [electronic resource]. 2014. N. 25. P. 1–27. URL: <http://www.fera-journal.eu> (accessed: 1.04.2019).
- Aydemir, 2005 — Aydemir A. Funde aus Milet. XX. Kochgeschirr und Küchengeräte aus dem archaischen Milet // *Archäologischer Anzeiger*. 2005. Bd. 2. S. 85–101.
- Cracolici, 2003 — Cracolici V. I sostegni di fornace dal kerameikos di Metaponto. Bari: Edipuglia, 2003. 137 p.

- Edwards*, 1975 — *Edwards G. R.* Corinthian Hellenistic pottery. Princeton, New Jersey, 1975 (Corinth; Vol. VII). 248 p.
- Erickson*, 2010 — *Erickson B. L.* Priniatikos Pyrgos and the Classical period in Eastern Crete: Feasting and Island Identities // *Hesperia*. 2010. Vol. 79, no. 3. P. 305–349.
- Gavriljuk*, 2010 — *Gavriljuk N. A.* Cookingware // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD / Eds. N. A. Lejpunskaja et al. Aarhus: Aarhus University Press, 2010 (Black Sea Studies; 13). Vol. 1 (Text); Vol. 2 (Illustrations). P. 325–334.
- Haggis et al.*, 2011 — *Haggis D., Mook M. S., Fitzsimons R. D., Scarry C. M., Snyder L. M., West III W. C.* Excavations in the Archaic Civic Buildings at Azoria in 2005–2006 // *Hesperia*. 2011. Vol. 80, no. 1. P. 1–70.
- Karjaka*, 2010 — *Karjaka A. V.* Redware pottery // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD / Eds. N. A. Lejpunskaja et al. Aarhus: Aarhus University Press, 2010 (Black Sea Studies; 13). Vol. 1 (Text); Vol. 2 (Illustrations). P. 305–324.
- Klebinder-Gauss*, 2012 — *Klebinder-Gauss G.* Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. 445 S.
- Morris*, 1985 — *Morris S. P.* ΛΑΣΑΝΑ: A Contribution to the Ancient Greek Kitchen // *Hesperia*. 1985. Vol. 54. P. 393–409.
- Rotroff*, 2006 — *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery: the plain wares. Princeton, New Jersey: Edward Brothers Inc., 2006 (The Athenian agora; Vol. XXXIII). 441 p.
- Rotroff*, 2013 — *Rotroff S. I.* Industrial Religion: The Saucer Pyres of the Athenian Agora. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens. Princeton, 2013 (*Hesperia* Suppl.; Vol. 47). 227 p.
- Sackett*, 1992 — *Sackett L. H.* Knossos from Greek city to Roman colony. Excavations at the Unexplored Mansion II. London: Thames & Hudson, 1992. 498 p., 353 pl.
- Σκόρδου*, 2000 — *Σκόρδου Μ.* Ελληνιστική κεραμική από το Καστέλι Κισιάμου // Πρακτικά Ε' Επιστημονικής Συνάντησης για την Ελληνιστική Κεραμική (Χανιά Απριλ. 1997). Αθήνα: Εκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πορών και Απαλλοτριώσεων, 2000. Σ. 25–35.
- Sparkes, Talcott*, 1970 — *Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey: J. J. Augustin, Glückstadt, 1970 (The Athenian agora; Vol. XII). Pt. 1 (Text) — 382 p.; Pt. 2 (Indexes and Illustrations) — 217 p.
- Tolstikov, Zhuravlev*, 2004 — *Tolstikov V., Zhuravlev D.* Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. Κλειστά Συνολα — Εργαστήρια. Αθήνα: Εκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πορών και Απαλλοτριώσεων, 2004. P. 269–276.
- Treister, Shelov-Kovedyayev*, 1989 — *Treister M., Shelov-Kovedyayev Th. V.* An Inscribed Conical Clay Object from Hermonassa // *Hesperia*. 1989. No. 58, is. 3. P. 289–296.

Local cooking ware from Olbia (materials from excavations of 1948–1991 by the Olbian Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology / IHMC RAS)

E. V. Chetverkina⁶

Keywords: ancient Greek cities in the Northern Black Sea Littoral, Olbia Pontica, cooking ware.

This paper is devoted to a consideration of cooking ware of local manufacture found in the ancient Greek city of Olbia Pontica. In the course of the investigation, 235 fragments of kitchen vessels have been examined among the collection of finds kept at the Institute of the History of Material Culture (IHMC) RAS (Saint Petersburg) (Fig. 1). Chronological schemes have been developed for the most common types of cooking ware (chytrai, lopades, lids) (Fig. 3; 5; 6).

The kitchen ware from Olbia of the Archaic and Classical periods, by contrast to other cities of the Northern Black Sea littoral, is peculiar in the presence of considerable mass of pottery of local production. The most popular forms in Olbia include pots of the “Classical” type (Fig. 2, 1, 2), casseroles with a two-ribbed body (Fig. 4, 1, 2, 4) as well as lopades with a trapezoid rim (Fig. 4, 5, 6, 8, 10, 12, 13); the latter continued to be used also during the Hellenistic period (Fig. 4, 7, 9). A rather small group is presented by lekanai (Fig. 4, 33, 34, 38, 39, 43, 47, 48, 54–56, 59).

⁶ Ekaterina V. Chetverkina — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vilgelmina@mail.ru.

Of note among the most widely distributed types of Hellenistic cooking ware are lopades with a diagonal edge; of this type three variants are distinguishable: those from Myrmekion (Fig. 4, 20, 23), from Taman (Fig. 4, 15, 16, 18, 19, 22) and from Olbia (?) (Fig. 4, 14, 17, 21, 24). Also there is a small group of pots of the 3rd-2nd cen. BC possibly imitating vessels of Chytra Form 10 or Chytra Form 11 distinguished by S. Rotroff (Fig. 2, 7-13) as well as ware of the Phokaian type (Fig. 2, 22). To the Hellenistic epoch also a considerable number of lids and frying pans from the collection under consideration are datable.

The cooking ware of the Roman time is represented mainly by imported manufactures; only three fragments of chytrai can be identified as pottery of local production of this period, of which one in terms of morphology continues the traditions of the Hellenistic period (Fig. 2, 14) while the other two belong to pots with a ribbed body and loop-shaped handles (Fig. 2, 15) widely distributed over the entire ancient Greek oecumene in the 1st-3rd cen. AD, and as well a fragment of a frying pan (Fig. 4, 58) and several lids (Fig. 4, 29, 35, 40, 44).

The set of the local cooking ware of Olbia comprises all the basic categories of vessels of this kind and, moreover, the local tradition of the manufacture of kitchen pottery manifests both the common trends and local features (the slip, decoration in the form of round appliqués). The majority of the types of cooking ware from Olbia have numerous parallels among the pottery from other Classical sites of the Northern Black Sea region.

К вопросу о технологии изготовления лепной керамики Ольвии и ее хоры¹

А. А. Гиблова, Е. В. Четверкина, М. Е. Клемешова, Е. Ю. Медникова²

Аннотация. В статье представлены результаты исследования технологии изготовления лепной керамики Ольвии из раскопок 1950–1960-х гг. и поселений ее сельской округи Козырка 2, Козырка 12 и Козырка 12-южная из работ 1980–1990-х гг. Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР. Выборка была изучена методами технико-технологического и поляризационного анализов. В ходе работы был исследован состав примесей к глинистому сырью сосудов, установлены рецепты формовочных масс, а также выявлены следы малоизученного и неизвестного ранее для Нижнего Побужья способа обработки внутренней и внешней поверхностей сосудов, предположительно, с помощью натирания их сухим измельченным навозом мелкого рогатого скота. Также в статье впервые приводятся результаты анализа технологии изготовления керамических пряслиц.

Ключевые слова: Ольвия, хора Ольвии, лепная керамика, керамические пряслица, технико-технологический анализ, поляризационный анализ.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-87-109

Историография вопроса

Интерес к изучению лепной керамики в Ольвии и на поселениях ее хоры был в первую очередь связан с развитием дискуссии о характере греко-варварских взаимоотношений в регионе. Так как вплоть до начала второй четверти XX столетия господствовала идея о мирных взаимоотношениях колонистов и автохтонного населения, сложившихся в ходе торговой экспансии греков, базирующаяся в основном на данных письменных источников, такой материал, как низкокачествен-

ная лепная керамика, практически не вызывал интереса исследователей (см., например: Уваров, 1851. С. 47, 48; Гошкевич, 1909. С. 176).

Ситуация кардинально изменилась с перемещением основного вектора в археологии Северного Причерноморья на изучение истории автохтонного населения. В 1930–1940-е гг. практически все памятники в округе Ольвии считались заселенными каллипидами (эллино-скифами). Данная точка зрения продолжала существовать и позднее, на протяжении 1950–1960-х гг. (Погребова, 1958; Граков, 1954. С. 79–88). В связи с возросшим интересом к культуре варварского населения региона было начато изучение лепной керамики. В это же время большее внимание начинает уделяться исследованию отдельных групп массового материала, полученного в ходе полевых работ. Так, в первом томе сборника «Ольвия» за 1940 г. выходят сразу же две статьи, Т. Н. Книпович и О. А. Кульской, посвященные керамике местного производства. Обе исследовательницы выделяют в отдельную категорию сосуды, сформованные без применения гончарного круга (Книпович, 1940. С. 130, 131; Кульская, 1940. С. 173). В качестве основного признака для определения данной посуды выступает технология их изготовления, в том числе отмечается большое количество

¹ Е. В. Четверкина и Е. Ю. Медникова работали над статьей в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Гиблова А. А. — Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 38, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: GiblovaAA@yandex.ru. Четверкина Е. В., Медникова Е. Ю. — ИИМК РАН; Дворцовая набережная, 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vilgelmina@mail.ru. Клемешова М. Е. — ИА РАН; ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: marinaklem@mail.ru.

© Гиблова А. А., Четверкина Е. В., Клемешова М. Е., Медникова Е. Ю., 2023.

примеси крупного кварца (3–5 мм) и низкое качество обработки внешней поверхности (Книпович, 1940. С. 130, 132). В ходе химико-технологического анализа также было установлено, что ольвийская керамика производилась из местных карбонатных и бескарбонатных пластичных глин (Кульская, 1940. С. 172, 173). Вместе с тем, как справедливо отметил впоследствии К. К. Марченко, выборка, на которой базировались данные выводы, была крайне ограничена (О. А. Кульской были проанализированы всего четыре образца) и не может считаться репрезентативной (Марченко, 1988. С. 8, 9).

Разработку вопроса продолжила С. И. Капошина в статье «О скифских элементах в культуре Ольвии» 1956 г. Исследовательница дополнила типологию, предложенную ранее Т. Н. Книпович, а также более подробно рассмотрела технологию изготовления лепной керамики. Впервые для ольвийского материала был описан ленточный способ лепки сосудов, а также различные техники обработки поверхности заглаживанием мокрой тряпкой, лощением, обтягиванием плетенкой (Капошина, 1956. С. 164–168). При изучении состава глиняного теста было отмечено, что «часто встречаются крупные зерна кварца, известняковая крошка, иногда измельченная ракушка, значительно реже шамот». Особенно стоит обратить внимание на то, что, в отличие от остальных исследователей, С. И. Капошина предполагала, что грубые примеси (кварц, известняк, ракушка), за исключением шамота, «не примешивались специально, а находились в той глине, которую брали для выделки сосудов» (Там же. С. 163). В отношении интерпретации наличия лепной керамики на городище и в его округе автор не пришла к однозначным выводам. С одной стороны, говорится о том, что большая часть форм имеет аналогии в Степной Скифии, следовательно, уже с раннего времени в Ольвии была прослойка местного населения. С другой стороны, бедный ассортимент типов исследовательница объясняла тем, что ольвиополиты использовали лепную керамику в очень ограниченном масштабе, и в основном ею пользовались бедные слои населения, то есть ее изготавливали греки (Там же. С. 171, 172).

Наибольший вклад в изучение лепной керамики Ольвии и ее округи, несомненно, внес К. К. Марченко. Результаты своих исследований он представил в кандидатской диссертации, позднее изданной в виде монографии «Варвары в составе населения Березани и Ольвии» (Марчен-

ко, 1988). Исследователь разработал типологию лепных сосудов на основе сочетания признаков формы, орнамента и способа обработки поверхности сосудов. Предварительно были выделены три технологические группы: сосуды с лощением на внутренней и внешней поверхностях; посуда с тусклым лощением по внешней поверхности в верхней трети сосуда; сосуды без лощения с поверхностью, более или менее заглаженной мокрой тряпкой или пучком травы, реже зубчатым шпателем (Там же. С. 61, 62). Также был проведен петрографический анализ выборки из 67 образцов. Его результаты подтвердили, что лепные сосуды изготавливались из жирной карбонатной и бескарбонатной серой глин, к которым в большинстве случаев в соотношении 1:4 примешивались кварц (0,2–2,5 мм) и шамот (до 3 мм). Реже в качестве отощителя использовали раковины и известняк (Там же. С. 59, 60). Важным результатом работы К. К. Марченко является сравнение отдельных типов сосудов Ольвии и Березани с типами посуды, создававшейся в рамках культурных традиций лесостепной зоны, Степной Скифии, гето-фракийского мира, с последующим наложением полученных групп на хронологию бытования этих форм. В итоге он пришел к выводу о том, что на первом этапе, в VI — начале V в. до н. э., на территории Ольвии и ее округи проживали носители фракийской культуры и земледельцы из лесостепных районов. На втором этапе, в V — первой половине IV в. до н. э., эти связи обрываются, и наблюдается полное превалирование посуды скифского облика. По мнению К. К. Марченко, это свидетельствует о присутствии в составе населения Ольвии и Березани выходцев из среды кочевников-номадов. Со второй половины IV в. до н. э., несмотря на то что преобладающим остается набор типов скифского облика, вновь появляется керамика, имеющая аналогии в кругу гето-дакийских памятников. В это же время возникает значительный набор форм, имитирующих гончарную греческую посуду (Там же. С. 107–130).

Иная точка зрения была сформулирована С. Б. Буйских, который полагал, что наличие лепной керамики в слоях ольвийского городища и поселений хоры не может однозначно свидетельствовать в пользу того, что здесь проживали носители негреческой культурной традиции. Исследователь привел ряд аргументов в пользу того, что подобную посуду могли производить сами греки или же она попадала на поселения региона вместе с торговыми караванами, подчеркивая, что

основной комплекс находок с поселений относится к греческой культурной традиции (*Буйских*, 2007. С. 116–119).

Напротив, Н. А. Гаврилюк на основе изучения лепной керамики из ряда поселений ольвийской хоры (*Гаврилюк, Островерхов*, 1978. С. 63, 64; *Гаврилюк, Отрешко*, 1982) и центральной части ольвийского городища (*Гаврилюк*, 2014. С. 435–478) пришла к выводу о том, что большую часть керамики производило местное греческое население (*Там же*. С. 440). Прежде всего это так называемые сосуды со «стоящим раструбом» горлом и с дуговидным в разрезе венчиком, которые К. К. Марченко отнес к посуде, производство которой связано с выходцами из Степной Скифии. Остальные группы, как полагает исследовательница, относились к лесостепной и фракийской культурным традициям (*Там же*. С. 441).

Таким образом, какого-либо единого мнения относительно места производства и культурной принадлежности лепной посуды Нижнего Побужья на настоящий момент так и не было выработано. Возможно, некоторую ясность сможет внести более тщательный анализ технологии изготовления данной категории материала, а также сравнение полученных данных с другими группами керамической продукции, изготовленные которых местным населением на памятниках не вызывает сомнений.

Цели, задачи, источники

Основной целью нашей работы является исследование технологических традиций в изготовлении лепных сосудов из Ольвии и ее хоры для уточнения полученных ранее данных. Также мы предполагаем, что изучение состава формовочных масс лепной керамики может позволить с высокой степенью вероятности судить о месте производства данной продукции. Для достижения цели были выделены следующие задачи:

1) изучение состава примесей к глинистой массе для изготовления лепных сосудов Ольвии при помощи поляризационного анализа;

2) технико-технологический анализ глиняного теста сосудов по методике, разработанной А. А. Бобринским;

3) сравнение полученных данных по технологии изготовления между разными памятниками, различными категориями керамики и сопоставление их с аналогичными данными, известными для других областей античного мира Северного Причерноморья.

В процессе работы были исследованы 49 образцов лепной керамики, хранящихся в отделе истории античной культуры ИИМК РАН (табл. 1). Из них 24 фрагмента были найдены при раскопках ольвийского городища в слоях и комплексах VI в. до н. э. — III в. н. э.³ 21 предмет обнаружен в зольной насыпи второй трети IV — первой трети III в. до н. э. на поселении Козырка 2. Один целый сосуд происходит из ямы классического времени с поселения Козырка 12-южная. Один образец относится к культурному слою поселения Старая Богдановка 2, датируемому последней третью VI — первой половиной V в. до н. э.⁴

В коллекцию вошли сосуды открытых и закрытых форм. Последние представлены исключительно горшками. Большая их часть имеет S-образный профиль с выраженным плечиком, переходящим в сужающееся ко дну тулово, и отогнутым наружу венчиком (тип 1, по К. К. Марченко) (рис. 1, 1–13). Подавляющая часть горшков в выборке орнаментирована. По характеру орнамента выделяются сосуды с пальцевыми или ногтевыми вдавлениями по краю (шесть образцов) (рис. 1, 2, 10, 12, 13), в одном случае ногтевые вдавления располагались ниже на шейке горшка (рис. 2, 8). У двух экземпляров из слоев конца VI — V в. до н. э. вдавления были дополнены защипами (рис. 1, 4, 6). Еще в двух случаях по краю сосудов были нанесены косые вдавления (рис. 1, 5, 11). Данные виды орнамента встречаются как на памятниках лесостепной зоны (*Гейко*, 2011. С. 86, 89), так и на Каменском городище на Днепре (*Граков*, 1954. Рис. 10, табл. II, 3).

В двух случаях вдавления были нанесены по краю горшков специальным инструментом, скорее всего палочкой округлой формы (рис. 1, 3, 13), а у одного экземпляра каплевидные вдавления были нанесены в месте перехода горла в плечо (рис. 1, 7). Н. А. Гаврилюк полагает, что данная форма сосудов, как и техника орнаментации, не связана со скифской традицией и производилась обитателями Нижнего Побужья (*Гаврилюк*, 2014. С. 440).

Другие типы горшков представлены единичными экземплярами. Пять фрагментов относились

³ Материалы были получены в ходе работ Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е. И. Леви в 1950–1960-х гг.

⁴ Материалы памятников ольвийской хоры происходят из раскопок Нижнебугтской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР, работавшей под руководством К. К. Марченко и Е. Я. Рогова в 1978–1992 гг.

Таблица 1. Результаты технико-технологического анализа фрагментов лепной керамики из раскопок Ольвии и ее хоры*
Table 1. Results of technical and technological analysis of fragments of handmade pottery from excavations at Olbia and its chora*

№ п.л.	№ обр.	Наименование фрагмента	Шифр	Контекст	Рецепт ФМ	Обжиг (В., О., П/в.)	Сырье	Обработка поверхности
Ольвия								
1	1	Венчик горшка со стоящим раструбом горлом с пальцевыми вдавлениями по внешнему краю венчика (тип 1)**	ИИМК ВХ 250/513/2022 О.62/3737	Контекст не установлен	Гл + Ш м + ОР Ш м 1:5	В.	Глина слабожелезненная, слабозапесоченная	Обработка (нагирание?) обеих поверхностей сухим измельченным навозом МРС
2	2	Фрагмент нижней части чаши на ножке (тип 17)	ИИМК ВХ 250/1519/2022 О.61/1357	Раскоп Е-8. Запад. полукв. 486. Сероглинистый слой. I-III вв. н. э.	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:4	В.	Глина слабожелезненная, слабозапесоченная	Заглаживание
3	3	Венчик горшка со стоящим раструбом горлом и выраженным плечиком в верхней трети сосуда. Орнаментирован ногтевыми вдавлениями по краю (тип 1)	ИИМК ВХ 250/411/2022 О.68/4623	Раскоп Е-8. Кв. 565. Сероглинистый крупинчатый слой под вымосткой I в. н. э.	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:4	В.	Глина слабожелезненная, слабозапесоченная	Обработка (нагирание?) обеих поверхностей сухим измельченным навозом МРС
4	4	Профиль лепной миски. Венчик слегка отогнут наружу, переходит в выраженное ребро, после чего стенка резко сужается к плоскому дну сосуда. (Имитация гончарной формы?)	ИИМК ВХ 250/300/2022 О.59/4716	Раскоп Е-2. Кв. 43ю-43а. Помещение 1 конца IV — II в. до н. э.	Гл + Ш м + ОР Ш м 1:4	О.	Глина слабожелезненная, среднезапесоченная	Заглаживание
5	5	Венчик горшка с коротким прямым горлом; орнаментирован налепным валиком, расположенным на 1 см ниже края (тип 2)	ИИМК ВХ 250/1908/2022 О.59/3648	Раскоп Е-3. Кв. 40а. Сероглинистый слой. I-III вв. н. э.	Гл + П м + Др (кварц) ср + ОР П м 1:2 Др (кварц) ср 1:6	В.	Глина слабожелезненная, слабозапесоченная	Заглаживание
6	6	Фрагмент крышки с V-образной фигурной ручкой (тип 33)	ИИМК ВХ 250/299/2022 О.63/3400	Раскоп Е-8. Кв. 506. Глинистый крупинчатый слой. III в. до н. э.	Ил. гл. + ОР	П/в.	Илистая глина с естественной примесью раковины, средне/сильнозапесоченная, слабожелезненная	Заглаживание

Таблица 1, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
7	7	Венчик чернolocенной миски. Выполнен в виде узкого валика с подрезкой (тип 16)	ИИМК ВХ 250/1739/2022 О.60/2981	Раскоп Е-2. Полукв. 37В. Помещение 5. Завал сырцовых стен и черепицы. III–II вв. до н. э.	Гл + Ш м + ОР Ш м 1:5	В.	Глина среднеожелезненная, среднезапесоченная	Лощение сплошное двустороннее
8	8	Венчик горшка с дуговидной в разрезе шейкой; орнаментирован по краю косыми ногтевыми вдавлениями (тип 1)	ИИМК ВХ 250/226/2022 О.63/2797	Раскоп Е-8. Кв. 483. Сероглинистый слой. I–III вв. н. э.	Гл + Ш кр + ОР Ш кр 1:3	О.	Глина слабоожелезненная, слабозапесоченная	Обработка (наги- рание?) обеих по- верхностей сухим измельченным на- возом МРС
9	9	Венчик горшка , прямой, плавно переходящий в расширяющееся тулово; орнаментирован на 1,2 см ниже края налешным валиком, с защитами, отогнутыми наружу (тип 2)	ИИМК ВХ 250/1658/2022 О.55/2295	Раскоп Е-3. Кв. 59, южная часть. Желтоглинистый слой к западу от кладки V–IV вв. до н. э.	Гл + Ш ср + Др (кварц) ср + ОР Ш ср 1:4 Др (кварц) ср 1:5	П/в.	Глина среднеожелезненная, среднезапесоченная	Заглаживание
10	10	Венчик горшка , почти прямой, короткий; орнаментирован по краю защитами и округлыми вдавлениями, формирующими волнообразный рельеф (тип 2)	ИИМК ВХ 250/1604/2022 О.59/4279	Раскоп Е-3. Кв. 150ю. Яма 109–109А. Конец VI — начало V в. до н. э.	Гл + П м + Ш ср + ОР П м 1:2 Ш ср 1:7	В.	Глина среднеожелезненная, слабозапесоченная	Заглаживание
11	12	Венчик горшка , S-образный, отогнут наружу, переходит в округлое тулово, имеющее слабо выраженное ребро (тип 4)	ИИМК ВХ 250/1380/2022 О.61/1611	Раскоп Е-2. Яма на границе кв. 444, 464, 445, 465. (Данные о датировке отсутствуют)	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:5	В.	Глина слабоожелезненная, среднезапесоченная	Заглаживание
12	13	Венчик горшка , отогнут наружу, плавно переходит в расширяющееся в верхней части сосуда тулово (тип 1)	О.61/1467	Раскоп Е-8. Кв. 446, 466. Яма 29. II–III вв. н. э.	Гл + Ш кр + ОР Ш 1:3	В.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Снаружи обработ- ка (нагираание?) поверхности су- хим измельченным навозом МРС, внутри заглажи- вание
13	14	Венчик горшка , почти прямой, вертикально поставленный, плавно переходящий в слабо расширяюще-ся тулово; орнаментирован округ-лыми вдавлениями по краю (тип 1)	О.53/688	Раскоп Е-с. Кв. 573. Сероглинистый слой. (Данные о датировке отсутствуют)	Гл + Ш ср + ОР Ш 1:4	В.	Глина среднезапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание пучком травы с двух сторон

Таблица 1, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
14	15	Венчик горшка , высокий, S-образный, слегка отогнут наружу; орнаментирован ногтевыми вдавлениями по краю с шагом примерно в 1,5 см (тип 1)	О.68/3902	Раскоп Е-3. Кв. 382. Желтоглинистый слой. V–IV вв. до н. э.	Гл.+ Ш ср + ОР Ш ср 1:9	В.	Глина сильнозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
15	16	Венчик горшка , слегка отогнут наружу, плавно переходит в расширяющееся тулово; орнаментирован косыми продолговатыми насечками по краю, выполненными с помощью специального инструмента, округлого в сечении (тип 1)	О.68/3901	Раскоп Е-3. Кв. 382. Желтоглинистый слой. V–IV вв. до н. э.	Гл. + Ш ср.+ ОР Ш 1:5	В.***	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
16	17	Венчик горшка , короткий, слегка отогнут наружу; орнаментирован округлыми вдавлениями и защитами по краю (тип 1)	О.55/2231	Раскоп Е-3. Кв. 64. Желтоглинистая прослойка. V в. до н. э.?	Гл + Ш м + ОР Ш 1:8	В.	Глина сильнозапесоченная, слабоожелезненная	Снаружи обработка (нагирание?) поверхности сухим измельченным навозом МРС, внутри заглаживание
17	18	Венчик горшка , массивный, высокий, отогнут наружу; орнаментирован округлыми пальцевыми вдавлениями по краю (тип 1)	О.59/4335	Раскоп Е-2. Кв. 42ю–42а. Выборка северной стены помещения 1. I в. н. э.	Гл + Ш кр + ОР Ш 1:4	В.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Обработка (нагирание?) обеих поверхностей сухим измельченным навозом МРС
18	19	Венчик горшка , слегка отогнут наружу; орнаментирован насечками по краю, выполненными специальным инструментом, округлым в сечении (тип 1)	О.59/3099	Раскоп Е-3. Южная половина и юго-восточная четверть кв. 293. Сероглинистый слой к западу от субструкции. Римское время?	Гл + Ш ср+ ОР Ш 1:3	В.***	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание пучком травы с двух сторон
19	20	Стенка горшка с орнаментом в виде ряда вертикальных насечек (тип 1?)	О.60/3048	Раскоп Е-2. Полуков. 37В. Зольно-мусорный слой	Гл + Ш ср + ОР Ш 1:4	О.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Снаружи обработка (нагирание?) поверхности сухим измельченным навозом МРС, внутри то же, в основном выше линии отгиба горла

Таблица 1, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
20	21	Дно горшка, плоское	О.68/4162	Раскоп Е-3. Кв. 376. Углубление (полуземлянка). 2-я пол. VI в. до н. э.	Гл. + Ш кр + ОР Ш 1:4	О.	Глина среднезапесоченная. среднеожелезненная	Снаружи обработ-ка (напирание?) поверхности сухим измельченным на-возом МРС, внутри заглаживание
21	22	Венчик горшка, высокий, подпрямоугольный в сечении, слегка отогнут наружу; сосуд имеет хорошо выраженное горло, резко переходящее в высокое плечо; в месте перехода горла в плечо нанесен орнамент в виде каплевидных вдавлений, выполненных специальным инструментом, округлым в сечении (тип 1)	О.60/3203	Раскоп Е-2. Яма на границе кв. 316 и 25. (Данные о датировке отсутствуют)	Гл + Ш ср + ОР Ш 1:5	О.	Глина сильнозапесоченная, среднеожелезненная	Заглаживание
22	23	Дно горшка, плоское	О.61/1327	Раскоп Е-8. Запад. полукв. 486. Яма 31. II-III вв. н. э.	Гл + Ш ср + выжимка Ш 1:4	О.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Снаружи обработ-ка (напирание?) поверхности су-хим измельченным навозом МРС, внутри заглаживание
23	24	Дно горшка со следами вгоричного использования (использовалось в качестве крышки?)	О.63/3399	Раскоп Е-8. Кв. 506. Глинистый крупинчатый слой. III в. до н. э.?	Ил. гл. + О	О.	Илистая глина сильнозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
24	25	Чаша на ножке. Тулово сосуда конической формы с плоской ручкой; ручка имеет в разрезе форму усеченного конуса (тип 17)	Ол.73/818	Раскоп Е-8. Кв. 607А. Яма римского времени	Гл. + Ш ср Ш 1:4	В.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
Старая Богдановка 2								
25	11	Венчик горшка, отогнут наружу, сформован в виде валика, подтреугольной формы в сечении; орнаментирован защитами по краю (тип 1)	Ст. Б. 78/34	Старая Богдановка 2. Слой конца VI – I-й трети V в. до н. э.	Гл + Др (кварц) ср + ОР Др ср 1:3	В.	Глина слабоожелезненная, слабозапесоченная	Заглаживание

Таблица 1, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Козырка 2								
26	1	Профиль лепной миски. Тулово округлое, венчик слегка скошен вовнутрь, дно плоское (тип 16)	КП 1992. Инв. № 16	Козырка 2. Зольник 2-й трети IV — 2-й трети III в. до н. э.	Гл + П ср + Ш ср + выжимка П ср 1:4 Ш ср 1:4	В.	Глина слабозапесоченная, слабожелезненная	Заглаживание
27	2	Фрагмент нижней части чаши на ножке со сквозным вертикальным отверстием (тип 17)	КП 1992. Инв. № 14	— » —	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:4	В.	Глина слабозапесоченная, слабожелезненная	Заглаживание
28	3	Венчик горшка с прямым туловом, слегка сужающимся к краю; орнаментирован ниже края налепным валиком, разделенным косыми насечками и ручкой-выступом (тип 3)	КП 1992. Инв. № 18	— » —	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:4	П/в.	Глина слабозапесоченная, среднежелезненная	Заглаживание
29	4	Фрагмент лепной цеделки (?) с одной вертикальной ручкой, округлой в сечении; в донце видны следы пяти вертикальных отверстий диаметром 3 мм	КП 1992. Инв. № 13	— » —	Гл + Ш ср + выжимка Ш ср 1:4	В.	Глина среднезапесоченная, слабожелезненная	Заглаживание
30	5	Венчик лепной миски со слегка скошенным вовнутрь краем (тип 16)	КП 1992. Инв. № 15	— » —	Гл + Ш м + выжимка Ш м 1:4	В.	Глина слабозапесоченная, слабожелезненная	Двустороннее сплошное лощение (почти до зеркального блеска)
31	6	Венчик лепного горшка, высокий, прямой, край отогнут наружу (тип 1 или 5)	Коз П-88/26. Инв. № 34	— » —	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:4	О.	Глина слабозапесоченная, среднежелезненная	Обработка (натирание?) обеих поверхностей сухим измельченным навозом МРС
32	7	Венчик лепной миски, слегка скошен вовнутрь, тулово округлое (тип 16)	КП 1992. Инв. № 17	— » —	Гл + П ср + Ш ср + ОР (выжимка?) П ср 1:4 Ш ср 1:5	О.	Глина слабозапесоченная, слабожелезненная	Обработка (натирание?) поверхностей сухим измельченным навозом МРС
33	8	Венчик лепного горшка, прямой, слегка сужается к краю; орнаментирован налепным валиком с защипами (тип 3)	Коз П-88/28. Инв. № 33	— » —	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:4	В.**	Глина слабозапесоченная, слабожелезненная	Заглаживание

Таблица 1, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
34	9	Венчик лепного горшка, слегка отогнут наружу; орнаментирован налепным волнообразным валиком по краю (тип 2)	Коз II-88/27. Инв. № 35	— » —	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:5	О.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Обработка (наги- рание?) обеих по- верхностей сухим измельченным на- возом МРС
35	11	Венчик горшка, стенки тулова сужаются к краю (тип 2 или 1?)	Коз II-88/29. Инв. № 36	— » —	Гл + Ш ср + выжимка Ш ср 1:4	О.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
36	12	Профиль лепной солонки/мисочки в форме усеченного конуса (тип 19?)	КП 1990. Инв. № 19	— » —	Гл + Ш м + ОР Ш м 1:4	В.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
37	13	Венчик лепной миски с округлым туловом и прямым краем, слегка оттянутым наружу; на 0,9 см ниже края сделана ручка-прилеп, расположенная вертикально относительно тулова (тип 16)	КП 1992. Инв. № 19	— » —	Гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:5	В.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
38	14	Венчик лепной миски с округлым туловом и плоским краем (тип 16)	КП 1992. Инв. № 21	— » —	Ил. гл + Ш ср + ОР Ш ср 1:5	О.	Илистая глина с естественной примесью раковины, слабоожелезненная, слабозапесоченная	Двустороннее сплошное лощение
39	15	Фрагмент глиняного вотивного хлеба	КП 1985. Инв. № 21	— » —	Гл. + П ср (?) П ср 1:4–1:5	О.	Глина слабозапесоченная, слабоожелезненная	Заглаживание
40	16	Половина пряслица, биконического	КП Неизв. происх. Инв. № 21	— » —	Гл + Н + Ш м Н (МРС?) менее 1:3 Ш м ок. 1:6	О.	Глина среднеожелезненная, среднезапесоченная	Лощение
41	17	Половина пряслица, пирамидального	КП Неизв. происх. Инв. № 24	— » —	Гл + Ш м + выжимка Ш м 1:5	В.	Глина слабоожелезненная, слабозапесоченная	Лощение
42	18	Фрагмент пряслица, биконического; на нижней грани орнамент из ряда вертикальных насечек	КП Неизв. происх. Инв. № 22	— » —	Гл + Ш м + выжимка Ш м 1:5	О.	Глина слабозапесоченная, среднеожелезненная	Заглаживание

Таблица 1, окончание

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
43	19	Фрагмент пряслица, биконического	КП 1990. Инв. № 23	Козырка 2. Зольник 2-й трети IV — 2-й трети III в. до н. э.	Ил. гл + Ш ср + выжимка Ш ср 1:4	О.	Илистая глина с естественной примесью раковины, среднезапесоченная, слабоожеженная	Лощение
44	20	Фрагмент пряслица, биконического	КП Неизв. происх. Инв. № 23	— » —	Гл + Ш кр + выжимка / мало навоза Ш кр 1:5	В.	Глина слабоожеженная, слабозапесоченная	Лощение
45	21	Пряслице, шаровидное	КП 1990. Инв. № 24	— » —	Гл + Ш ср + Н Ш ср 1:5 Н менее 1:3	В.	Глина слабоожеженная, среднезапесоченная	Лощение
46	22	Пряслице, биконическое	КП Неизв. происх. Инв. № 20	— » —	Гл + Ш ср + Н Ш ср 1:4 Н менее 1:3	В.	Глина слабоожеженная, слабозапесоченная	Лощение (?)
47	23	Пряслице, биконическое	КП 1985. Инв. № 12	— » —	Гл + Ш м + выжимка Ш м 1:5	В.	Глина слабоожеженная, слабозапесоченная	Лощение
48	24	Пряслице, шаровидное	КП 1990. Инв. № 25	— » —	Гл + Ш м + выжимка Ш м 1:6–1:7	О.	Глина среднезапесоченная среднеожеженная	Заглаживание
Козырка 12								
49	10	Мисочка миниатюрная в форме усеченного конуса (тип 19?)	Коз ХПю, 1992 Инв. № 9	Козырка 12. Хозяйственная яма 2-й пол. V в. до н. э.	Ил. гл + ОР	О.	Илистая глина среднеожеженная, сильнозапесоченная	Заглаживание

* ФМ — формовочная масса, В. — восстановительный, О. — окислительный, П/в. — полувосстановительный, Гл — глина, Ил. гл — илистая глина, Ш — шмот, П — песок (кварц), Др (кварц) — дресва из кварца, Н — навоз, выжимка — выжимка из навоза жвачных животных, ОР — органический раствор, м — мелкий, ср — средний, кр — крупный (размер частиц минеральных примесей к формовочным массам указан в соответствии со шкалой, разработанной А. А. Бобринским: мелкие (0,5–0,9 мм), средние (1,0–1,9 мм), крупные (2,0–2,9 мм), очень крупные (3 мм и больше).

** Типы по К. К. Марченко.

*** Восстановительный + предположительно, вторичный окислительный обжиг внутренней поверхности.

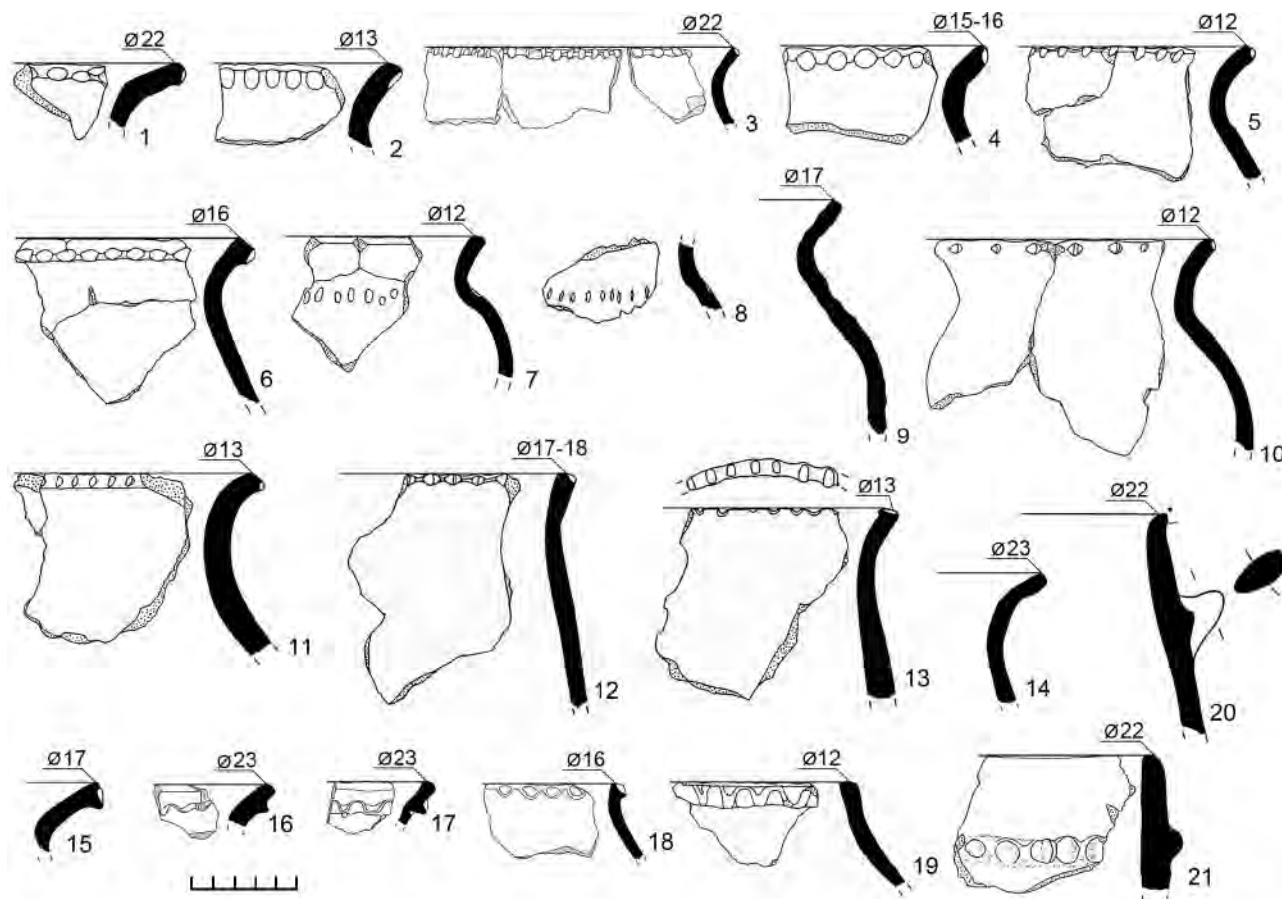

Рис. 1. Лепные горшки из раскопок Ольвии и поселений хоры: 1 — О.59/4335; 2 — О.62/3737; 3 — О.68/3901; 4 — О.55/2231; 5 — О.68/4623; 6 — Ст. Б. 78/34; 7 — О.60/3203; 8 — О.60/3048; 9 — О.61/1467; 10 — О.68/3902; 11 — О.63/2797; 12 — О.53/688; 13 — О.59/3099; 14 — Коз. II-88/26, инв. № 34; 15 — Коз. II-88/27, инв. № 35; 16 — О.55/2295; 17 — О.59/3648; 18 — О.59/4279; 19 — Коз. II-88/29, инв. № 36; 20 — Коз. II-92, инв. № 18; 21 — Коз. II-88/28, инв. № 33

Fig. 1. Handmade pots from excavations at Olbia and settlements at its chora: 1 — О.59/4335; 2 — О.62/3737; 3 — О.68/3901; 4 — О.55/2231; 5 — О.68/4623; 6 — Ст. Б. 78/34; 7 — О.60/3203; 8 — О.60/3048; 9 — О.61/1467; 10 — О.68/3902; 11 — О.63/2797; 12 — О.53/688; 13 — О.59/3099; 14 — Коз. II-88/26, инв. № 34; 15 — Коз. II-88/27, инв. № 35; 16 — О.55/2295; 17 — О.59/3648; 18 — О.59/4279; 19 — Коз. II-88/29, инв. № 36; 20 — Коз. II-92, инв. № 18; 21 — Коз. II-88/28, инв. № 33

к баночным формам со слегка выделенной шейкой и отогнутым или прямым венчиком (тип 2, по К. К. Марченко). Четыре из них были орнаментированы массивными валиками с оттянутыми наружу защипами, образующими подобие волны или складок на ленте (рис. 1, 15–17, 19), и еще один — округлыми вдавлениями с защипами (рис. 1, 18). При этом на одном из них под каждой «складкой» были сделаны проколы (рис. 1, 17), что позволяет достоверно связывать эти горшки с лесостепной традицией (Гейко, 2011. С. 92, 93). Два образца с поселения Козырка 2 можно отнести к типу 3, по К. К. Марченко (рис. 1, 20, 21). Это также баночные слабопрофилированные формы

гето-фракийского облика со скошенным внутрь или прямым краем, орнаментированные наlepным валиком с защипами. В одном случае к валику был добавлен наlep в виде ручки-упора. Один фрагмент венчика горшка из сильноожеlezненной глины без орнамента с высокой достаточно узкой шейкой и плавно отогнутым венчиком может быть отнесен к варианту В типа 5 или варианту С типа 1, по К. К. Марченко (рис. 1, 14).

Открытые сосуды представлены в основном мисками типа 16, по К. К. Марченко, с округлым туловом и прямым или слегка загнутым вовнутрь венчиком (шесть образцов) (рис. 2, 3–8). Среди них особенно стоит отметить один чернолощенный

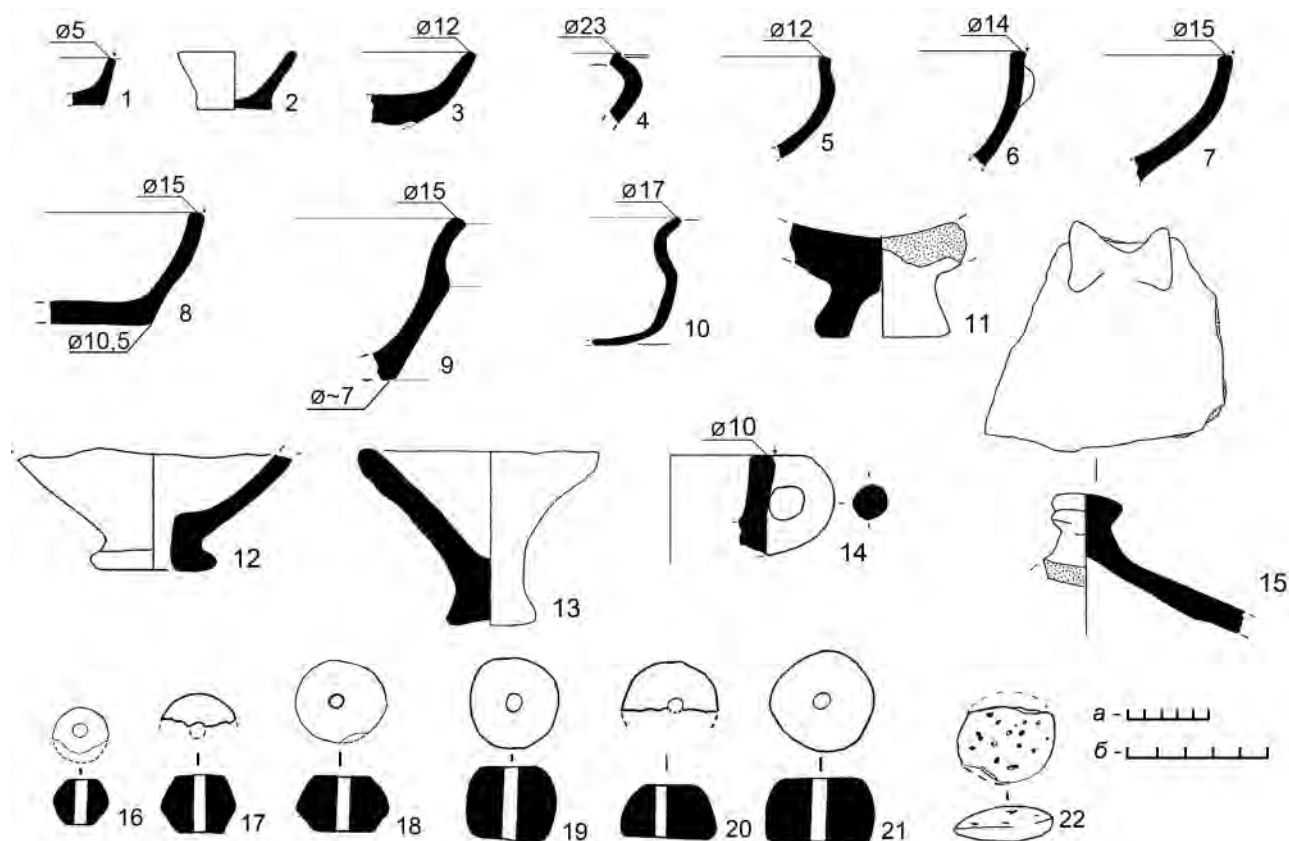

Рис. 2. Лепные миски, чаши на ножке и другие категории материала из раскопок Ольвии и поселений хоры: 1 — Коз. II-90, инв. № 19; 2 — Коз. XII-92, инв. № 9; 3 — Коз. II-92, инв. № 17; 4 — О.60/2981; 5 — Коз. II-92, инв. № 21; 6 — Коз. II-92, инв. № 19; 7 — Коз. II-92, инв. № 15; 8 — Коз. II-92, инв. № 16; 9 — О.59/4716; 10 — О.61/1611; 11 — О.61/1357; 12 — Коз. II-92, инв. № 14; 13 — О.73/818; 14 — Коз. II-92, инв. № 13; 15 — О.63/3400; 16 — Коз. II-НП, инв. № 23; 17 — Коз. II-НП, инв. № 21; 18 — Коз. II-НП, инв. № 20; 19 — Коз. II-90, инв. № 25; 20 — Коз. II-НП, инв. № 24; 21 — Коз. II-90, инв. № 24; 22 — КП 1985, инв. № 21. Масштаб: а — для 1-15, б — для 16-22

Fig. 2. Handmade bowls, cups on a foot and other categories of finds from excavations at Olbia and settlements at its chora: 1 — Коз. II-90, инв. № 19; 2 — Коз. XII-92, инв. № 9; 3 — Коз. II-92, инв. № 17; 4 — О.60/2981; 5 — Коз. II-92, инв. № 21; 6 — Коз. II-92, инв. № 19; 7 — Коз. II-92, инв. № 15; 8 — Коз. II-92, инв. № 16; 9 — О.59/4716; 10 — О.61/1611; 11 — О.61/1357; 12 — Коз. II-92, инв. № 14; 13 — О.73/818; 14 — Коз. II-92, инв. № 13; 15 — О.63/3400; 16 — Коз. II-НП, инв. № 23; 17 — Коз. II-НП, инв. № 21; 18 — Коз. II-НП, инв. № 20; 19 — Коз. II-90, инв. № 25; 20 — Коз. II-НП, инв. № 24; 21 — Коз. II-90, инв. № 24; 22 — КП 1985, инв. № 21. Scale: а — for 1-15, б — for 16-22

экземпляр с подрезкой под краем (рис. 2, 4). Большая часть сосудов данного типа обнаружена в слоях зольника IV–III вв. до н. э. на поселении Козырка 2.

Выделяются также две миниатюрные мисочки конической формы (рис. 2, 1, 2). В классификации К. К. Марченко данные сосуды морфологически могут быть отнесены к типу 19, однако их отличает крайне небольшой размер (Марченко, 1988. С. 100). Подобные миниатюрные формы встречаются на городищах лесостепи, где их интерпретируют в качестве светильников по следам

нагара на внутренней поверхности или относят к детским игрушкам (Гейко, 2011. С. 154, 157). Еще один экземпляр представляет собой миску с выраженным ребром в верхней трети сосуда и плавным отогнутым наружу венчиком, которая, видимо, является имитацией античного гончарного сосуда (рис. 2, 9). Также в выборку вошел один образец лепной кастрюли с неглубоким туловом, резко переходящим в плоское дно, типа б, по К. К. Марченко (рис. 2, 10).

Среди других типов открытых сосудов назовем чаши на ножке, представленные двумя

фрагментами и одним целым экземпляром (рис. 2, 11–13). Два из них обнаружены в культурных слоях и комплексах первых веков новой эры на ольвийском городище. Третий, найденный в зольнике эллинистического времени поселения Козырка 2, отличается наличием вертикального отверстия в ножке (рис. 2, 12). Аналогю ему нам удалось обнаружить только на одном экземпляре из Ольвии (Марченко, 1988. Рис. 29, 3). Данный тип сосуда был широко распространен во всем Северном Причерноморье в VII–I вв. до н. э. (Зайцева, 2001). Особого внимания также заслуживает фрагмент профиля лепной цеделки с округлой в сечении вертикальной ручкой с поселения Козырка 2 (рис. 2, 14). Сосуды со сквозными отверстиями в донцах и стенках хорошо известны как в античной традиции, так и на лесостепных поселениях Поднепровья скифского времени (Былко-ва, 2007. Рис. 60, 18, 21; Гейко, 2011. Рис. 66).

Другие формы представлены фрагментом крышки с V-образной ручкой (рис. 2, 15)⁵. Также были исследованы семь пряслиц (рис. 2, 16–21) и вотивный хлебец, оформленный в виде лепешки с наколами на выпуклой части (рис. 2, 22). Ввиду сильной стандартизации формы пряслиц для данной категории изделий нет необходимости в выделении типов, можно лишь условно разделить их на биконические (рис. 2, 16–18), шаровидные (рис. 2, 19) и трапециевидные (рис. 2, 20, 21), причем, как кажется, это разделение не указывает на конкретную территорию распространения или конкретное время их бытования. Отметим только, что с высокой долей вероятности они производились при необходимости на месте.

Результаты поляризационного и технико-технологического анализа по методике А. А. Бобринского

Для предварительного изучения органических и минеральных примесей в керамике Е. Ю. Медниковой было проведено исследование посредством поляризационного метода с помощью системы бесконтактного исследования минералов и органических структур (Куликов и др., 2017. С. 259, 260)⁶. Анализ показал наличие в ряде

⁵ Опубликована впервые К. К. Марченко (Марченко, 1988. Рис. 35, 2).

⁶ Куликов В. Е., Кидалов В. Н., Медникова Е. Ю., Носов Е. Н., Шумкин В. Я. Устройство для оптикоэлектронного бесконтактного исследования минералов и органических структур. Патент № 2402753 от 27 октября 2010 г., приоритет изобретения 7 апреля 2009 г.;

образцов частиц ракушек, песка, волокон растений, не до конца выгоревшего органического вещества неясного состава, минеральных включений (рис. 3). К сожалению, данный метод не позволяет уточнить характер примесей (естественный или искусственный).

На втором этапе 49 образцов лепной керамики были исследованы М. Е. Клемешовой в Институте археологии РАН с помощью технико-технологического анализа по методике, разработанной А. А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999). Технологическая информация по этим материалам очень важна, поскольку это первые данные такого рода, полученные по образцам лепных изделий античного времени Северо-Западного Причерноморья.

Изучение проводилось с помощью микроскопа МБС-10 с основным используемым рабочим увеличением $\times 4,8\text{--}\times 32$, по свежим изломам черепков и очищенным от известняковых наслоений поверхностям сосудов. Определялся вид исходного пластичного сырья (ИПС) (Бобринский, 1978. С. 17–20; Васильева, 1999. С. 191–202; 2002. С. 15–49; Клемешова, 2017. С. 228–234), степень его ожелезненности (Цетлин, 2006) и запесоченности (Лопатина, Каздым, 2010. С. 48–55), состояние для приготовления формовочной массы (увлажненное или в сухом дробленном виде) (Бобринский, 1978. С. 108; 1999. С. 33), состав формовочных масс (Бобринский, 1978. С. 84–113; 1999. С. 18–25, 31–41), способ обработки поверхностей сосуда (Бобринский, 1978. С. 213–241), режим обжига (Бобринский, 1999. С. 94, 95). Разделение некоторых видов естественных примесей к исходному пластичному сырью и искусственных добавок к формовочным массам осуществлялось по признакам, выделенным А. А. Бобринским (Бобринский, 1999. С. 22–25) и Н. П. Салугиной (Салугина, 2006). Концентрация примесей описана соотношением количества частей примеси с количеством частей использованной гончаром глины⁷. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Для изготовления лепной керамики из раскопок Ольвии использовались два вида исходного

Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., Носов Е. Н. Способ бесконтактного полиполяризационного исследования минералов и органических структур с различными коэффициентами пропускания. Патент № 2466379 от 10 ноября 2012 г., приоритет изобретения от 8 апреля 2011 г.

⁷ Запись «шамот 1:4» означает примесь шамота в соотношении одна часть шамота на четыре части глины.

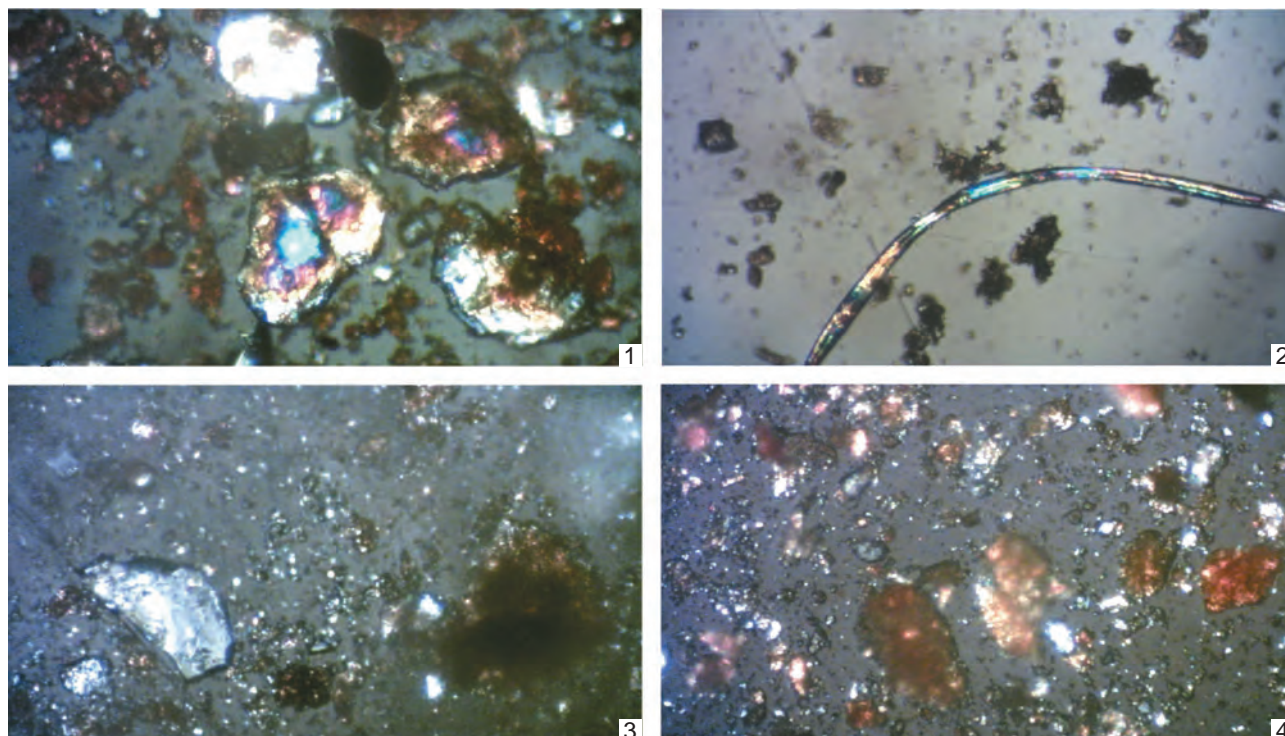

Рис. 3. Поляризационное изображение примесей в составе формовочной массы лепной керамики при увеличении в 500 раз: 1 — кварцевый песок (Коз. XIIю-92/24, инв. № 9); 2 — волокна растений (Коз. II-88/27, инв. № 35); 3, 4 — минеральные включения (Коз. II-92, инв. № 17; Коз. XIIю-92/24, инв. № 9)

Fig. 3. Polarization image of admixtures in the composition of the ceramic paste of handmade pottery at magnification of 500×: 1 — quartz sand (Коз. XIIю-92/24, инв. № 9); 2 — plant fibres (Коз. II-88/27, инв. № 35); 3, 4 — mineral inclusions (Коз. II-92, инв. № 17; Коз. XIIю-92/24, инв. № 9)

пластичного сырья — глина (22 образца) и илистая глина с естественной примесью раковины (Клемешова, 2017. С. 228–234) (два образца). Для всех этих изделий (как и происходящих с других памятников) сырье применялось во влажном состоянии.

Глина отбиралась: 1) слабожелезненная (17 образцов): слабозапесоченная (11 образцов), среднезапесоченная (три образца), сильнозапесоченная (три образца); 2) среднежелезненная (пять образцов): среднезапесоченная (три образца), сильнозапесоченная (два образца). Илистая глина использовалась слабожелезненная средне- или сильнозапесоченная.

Естественной примесью к глинам является кварцевый песок, как правило, пылевидный с величиной фракции 0,1 мм, с единичными включениями слегка окатанных зерен 0,2–0,3 мм. При этом в 22 % случаев (пять образцов) отмечается использование очень тощих сильнозапесоченных глин с естественной примесью песка 0,2–0,5 мм в концентрациях 1:2–1:3. Редко встречаются единичные сильно окатанные железистые включения 0,1–0,3 мм и обломочный известняк

0,2–0,8 мм. В двух случаях встречены единичные фрагменты раковины размерами 0,1–0,2 и 0,8–3,0 мм.

Естественными примесями к илистым глинам являются кварцевый пылевидный песок, в одном случае с небольшим количеством (1:7–1:8) сильно окатанных зерен 0,2–0,3 мм, и фрагменты раковины, в одном случае пылевидные, около 100 включений на 1 кв. см, в другом — слегка окатанные, 0,5–3,0 мм, 1:6.

В целом в данной выборке ольвийской керамики преобладает использование жирных слабозапесоченных глин с пылевидным песком (45,8 %).

Искусственными примесями к формовочным массам на основе глины является, прежде всего (100 % случаев), шамот: мелкий (до 1 мм) — пять образцов, средний (до 2 мм) — 13 образцов, крупный (более 3 мм) — четыре образца. Он присутствует в основном в концентрации 1:3–1:5, в трех случаях (13,6 %) встречены концентрации 1:7–1:9. Гораздо реже (два образца, 10 % случаев) и только в смешанных составах встречается дресва до 2 мм из кварца в концентрации 1:5–1:6. Во всех образцах составной частью формовочных масс

Таблица 2. Состав формовочных масс (ФМ) лепной керамики из Ольвии*
Table 2. Composition of ceramic pastes (ФМ) of handmade pottery from Olbia*

№ п.п.	Состав ФМ	Вид или часть сосуда				
		Горшок	Миска	Крышка	Чаша на ножке	Всего, экз. (доля, %)
1	Гл + Ш	-	-	-	1	1 (4,2)
2	Гл + Ш + ОР	15	2	-	1	18 (75,0)
3	Гл + Ш + выжимка	1	-	-	-	1 (4,2)
4	Гл + Ш + Др (кварц) + ОР	2	-	-	-	2 (8,3)
5	Ил. гл. + ОР	1	-	1	-	2 (8,3)
Всего, экз.		19	2	1	2	24 (100,0)

* Гл — глина, Ил. гл — илистая глина, Ш — шамот, Др (кварц) — дресва из кварца, выжимка — выжимка из навоза жвачных животных, ОР — органический раствор.

является органический раствор, который в одном случае может быть идентифицирован как выжимка из навоза жвачных животных (*Цетлин*, 2017. С. 163). В иных случаях его состав неясен, наличие фиксируется по наблюдаемому в свежих изломах блестящему темно-коричневому, черному (или, в светло-рыжих изломах, прозрачному) налету разной степени интенсивности с влажным жирным блеском.

В качестве искусственной примеси к формовочным массам из илестой глины отмечается только органический раствор, определяемый по прозрачному или светло-коричневому слабому блестящему налету в изломах черепка светло-рыжего цвета.

Рецепты составов формовочных масс ольвийской лепной посуды представлены в табл. 2.

На этой посуде встречаются три вида обработки поверхности: заглаживание, лощение и не вполне еще изученный способ, характеризующийся присутствием на внешней, иногда и внутренней, стенке сосудов многочисленных отпечатков выгоревших растительных остатков от сухого измельченного навоза жвачных животных (*Клемешова*, 2020. С. 212–214), в данном случае — мелкогорного рогатого скота. Двустороннее сплошное лощение среднего качества присутствует на одном венчике миски. Заглаживание с двух сторон встречается на 13 сосудах (миске, двух чашах на ножке, десяти горшках). Из них в двух случаях (горшки) поверхности заглажены пучком травы. На девяти сосудах (горшках) присутствуют следы обработки поверхности сухим измельченным навозом (рис. 1, 1, 2, 4, 8, 9, 11). У трех фрагментов горшков (рис. 4, 2а, 2б, 3а, 3б; 5, 2а, 2б) отпечатки имеющих растительных частиц присутствуют с внешней стороны и на внутренней в верхней части сосуда, до линии отгиба, у двух (рис. 4, 1а, 1б; 5, 1а, 1б) —

сплошь с внешней и внутренней сторон. У двух венчиков и двух донцев такие следы есть только с внешней стороны, внутренняя заглажена (рис. 5, 3; 6). Невооруженным глазом такие отпечатки видны слабо.

В настоящее время сосудов с подобной поверхностью, помимо описываемых в этой статье, известно всего девять. Основная их часть (главным образом горшков, в одном случае, возможно, речь идет о придонной части миски) относится, предположительно, к скифской культуре (*Клемешова*, 2020. С. 212–214, табл. 1), два — к сарматской (*Краева*, 2003. С. 338, 340, рис. 1, 1; 3, 4), один — к сабакинской культуре эпохи поздней бронзы (*Клемешова и др.*, 2022. С. 176, 177), один — к эпохе поздней или финала средней степной бронзы (Таманский полуостров, не опубликован). Отмечаемая особенность, на которую обратили внимание специалисты по изучению технологии изготовления керамики, во всех уже изученных случаях характеризуется присутствием на поверхностях сосудов (обеих или только внешней) большого количества отпечатков мелких фрагментов растительных волокон с перекрученными концами, присущим содержащимся в навозе жвачных животных, и очень небольшим количеством таких следов в формовочных массах самих этих сосудов, связанных с присутствием в них такого навоза или выжимки из него. Иными словами, в формовочных массах таких горшков наблюдалось гораздо меньшее количество навоза или производных от него, чем на их поверхности.

В составе формовочных масс данной группы ольвийских сосудов следов навоза или его производных не наблюдается вовсе. Само явление интерпретируется по-разному. Л. А. Краева предполагала, что оно связано с изготовлением изученных ею сосудов с помощью формы-емкости,

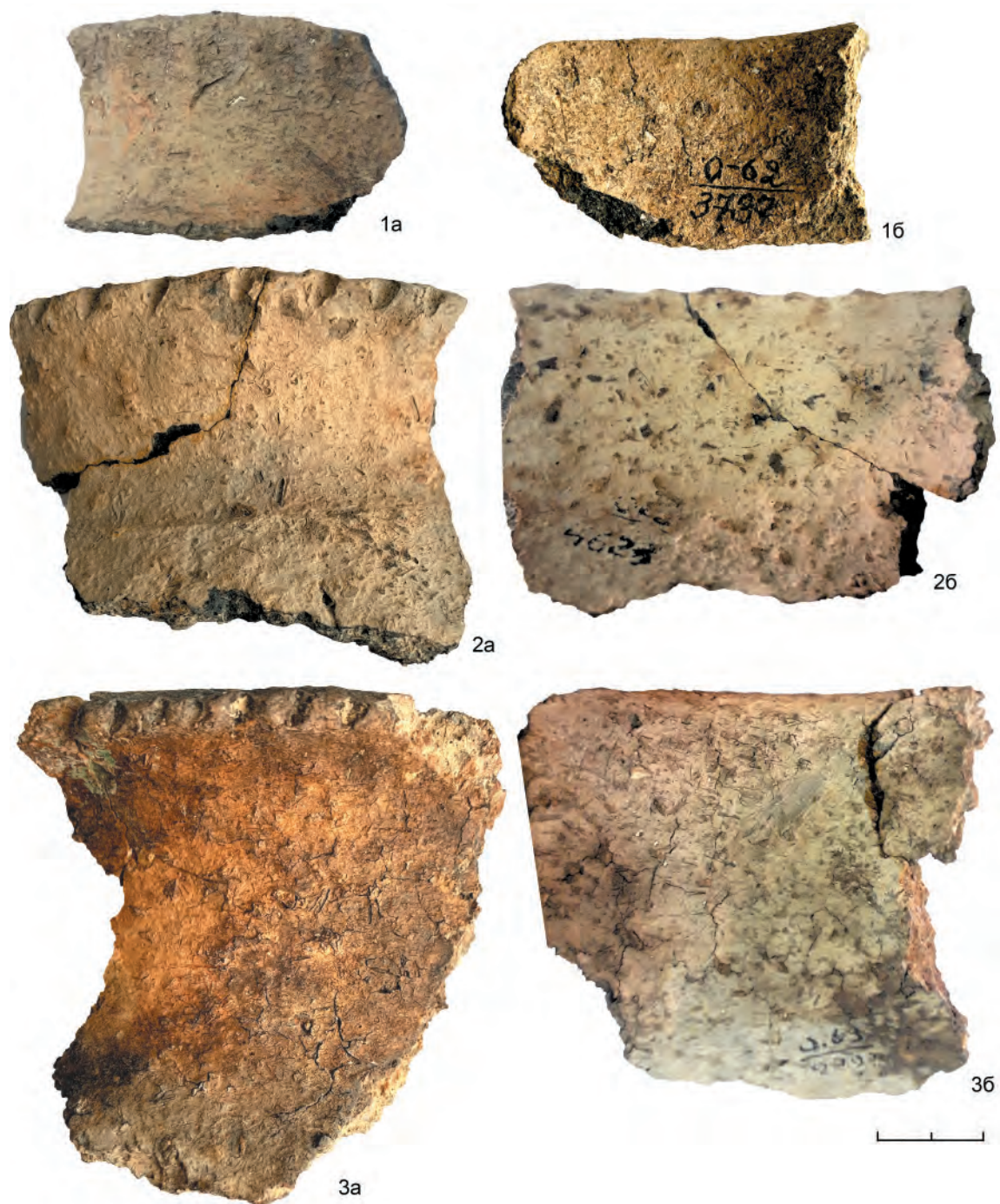

Рис. 4. Отпечатки сухого измельченного навоза на поверхностях лепных сосудов из Ольвии: 1а, 1б — О.62/3737; 2а, 2б — О.68/4623; 3а, 3б — О.63/2797 (литера а — внешняя поверхность, литера б — внутренняя поверхность)

Fig. 4. Imprints of dry pound dung on the surfaces of handmade vessels from Olbia: 1а, 1б — О.62/3737; 2а, 2б — О.68/4623; 3а, 3б — О.63/2797 (letter а — outer surface, letter б — inner surface)

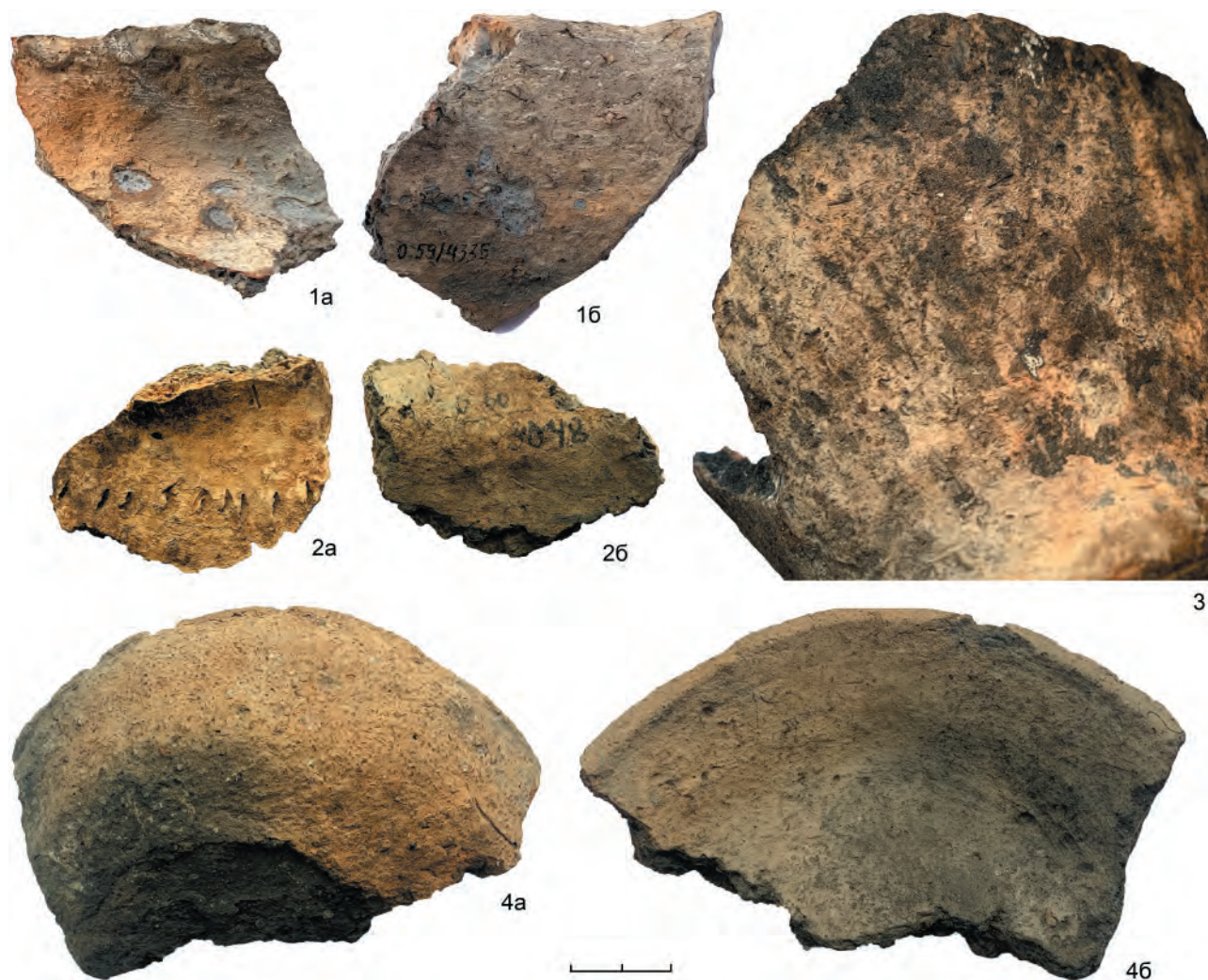

Рис. 5. Отпечатки сухого измельченного навоза на поверхностях лепных сосудов из Ольвии и поселения Козырка 2: 1а, 1б — О.59/4335; 2а, 2б — О.60/3048; 3 — О.61/1327 (внешняя поверхность); 4а, 4б — КИ 1992, инв. № 17 (литера а — внешняя поверхность, литера б — внутренняя поверхность)

Fig. 5. Imprints of dry pound dung on the surfaces of handmade vessels from Olbia and the settlement of Kozyrka 2: 1а, 1б — О.59/4335; 2а, 2б — О.60/3048; 3 — О.61/1327 (outer surface); 4а, 4б — КИ 1992, инв. № 17 (letter а — outer surface, letter б — inner surface)

которая обсыпалась сухим измельченным навозом для использования его в качестве прокладки для предотвращения прилипания к ней выделяемого сосуда (Краева, 2003. С. 338, 340). М. Е. Клемешова считает, что такие следы могут являться следствием умышленной обработки (натирания) внешней поверхности измельченным сухим навозом после лепки в каких-то практических целях, возможно, для предотвращения растрескивания при сушке, или же как проявление рудиментарности каких-то более ранних гончарных традиций, связанных с использованием навоза (Клемешова, 2020. С. 212–214).

Не исключено, что в разных случаях цели применения данной технологии могли быть различными, однако все подобные сосуды, относящиеся к РЖВ, кроме указанных сарматских, изготовлены не в форме емкости, а жгутовым налепом на плоскости.

Существенно, что и ольвийские образцы принадлежат, видимо, также к скифской культуре и относятся к типам горшков со стоящим растремом горлом, по Б. Н. Гракову (Граков, 1954. С. 70, 71, табл. II, 3, 4; IV, 1–3), и с дуговидной в разрезе шейкой (образец 8) (Там же. С. 70–71, табл. II, 1, 2; III, 1, 2; IV, 4). Фиксация подобных следов важна,

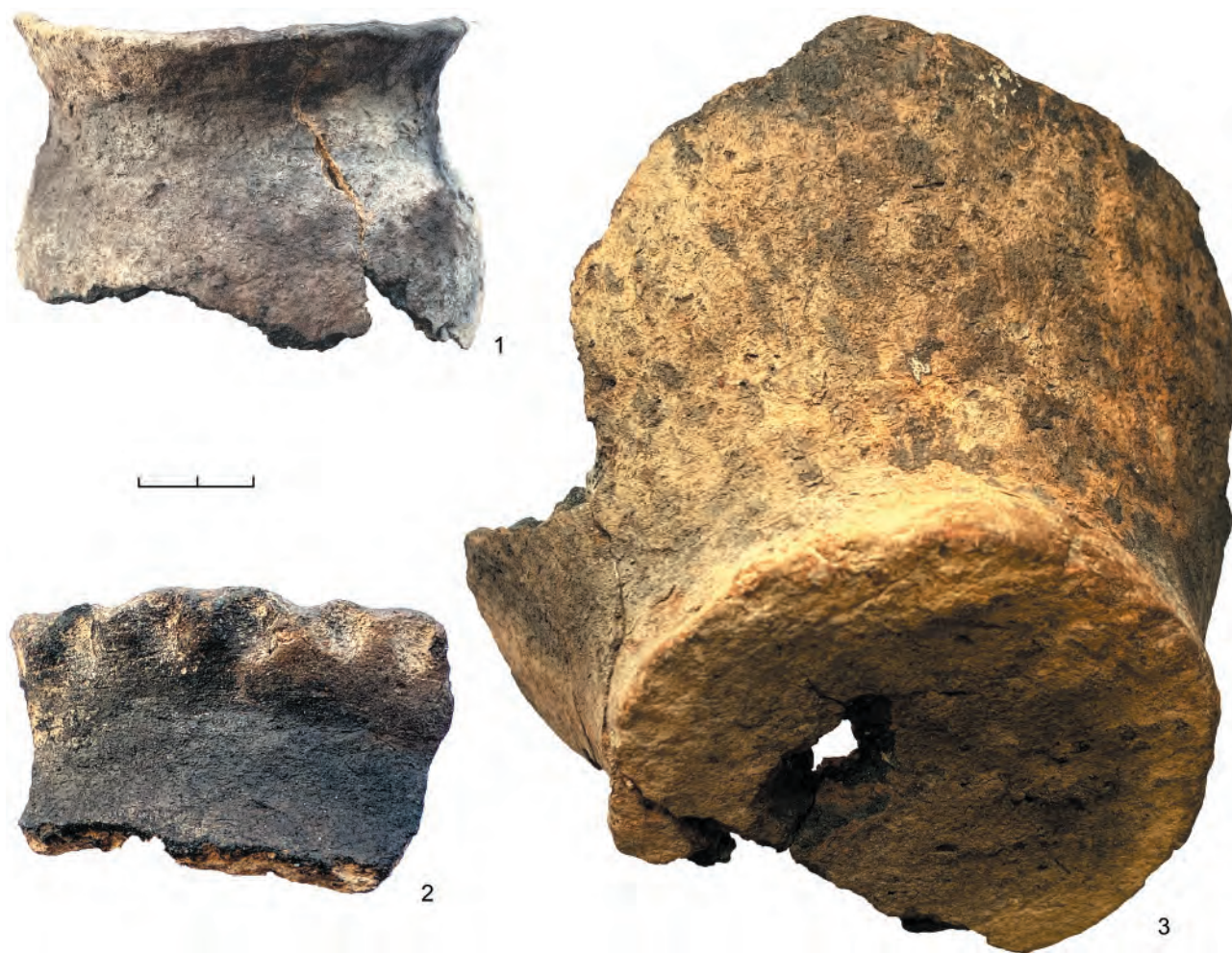

Рис. 6. Отпечатки сухого измельченного навоза на внешних поверхностях лепных сосудов из Ольвии: 1 — O.61/1467; 2 — O.55/2231; 3 — O.68/4162

Fig. 6. Imprints of dry pound dung on the outer surfaces of handmade vessels from Olbia: 1 — O.61/1467; 2 — O.55/2231; 3 — O.68/4162

поскольку имеющаяся на данный момент информация позволяет предполагать, что такой способ обработки поверхности сосудов является одной из характерных особенностей, присущих скифской гончарной традиции.

Большая часть исследуемых сосудов (15 образцов) обожжена в восстановительной атмосфере (черно-серый цвет поверхностей и изломов). Из них два носят следы, вероятно, отдельного дополнительного обжига внутренней поверхности в окислительной атмосфере (светло-рыжая внутренняя поверхность) (Волкова, 2022. С. 169-177). Семь сосудов обожжены в окислительной атмосфере (светло-рыжая внешняя или обе поверхности, иногда с темно-серыми пятнами, в двух случаях внутренние поверхности светло-бежевые, двух- или трехслойный излом

с внешним светло-рыжим слоем). Два сосуда обожжены в полувосстановительной атмосфере (серо-бежевая внешняя или обе поверхности, двух- или трехслойный излом с бежево-рыжим или серо-бежевым внешним слоем).

Для изготовления керамики из раскопок поселения Козырка 2 использовались те же два вида исходного пластичного сырья - глина (21 образец) и илистая глина с естественной примесью раковины (два образца).

Глина отбиралась: 1) слабожелезненная (16 образцов), слабозапесоченная (14 образцов), среднезапесоченная (два образца); 2) среднежелезненная (пять образцов), слабозапесоченная (три образца) и среднезапесоченная (два образца). Илистая глина использовалась слабожелезненная, слабо- или среднезапесоченная.

Рис. 7. Отпечатки сухого измельченного навоза на поверхностях лепных сосудов поселения Козырка 2: 1а, 1б — Коз. II-88/26, инв. № 34; 2а, 2б — Коз. II-88/27, инв. № 35 (литера а — внешняя поверхность, литера б — внутренняя поверхность)

Fig. 7. Imprints of dry ground dung on the surfaces of handmade vessels from Olbia and the settlement of Kozyrka 2: 1a, 1b — Koz. II-88/26, inv. № 34; 2a, 2b — Koz. II-88/27, inv. № 35 (letter a — outer surface, letter b — inner surface)

Естественные примеси к глине в целом аналогичны примесям к ольвийской керамике. Песок присутствует в основном пылевидный или с фракцией 0,1 мм, единичные частицы крупнее (0,3–1,0 мм) встречаются только в ИПС пряслиц (четыре образца). Раковина (пылевидная и с фракцией 0,8–3,0 мм) присутствует в трех образцах.

Естественными примесями к илистым глинам являются кварцевый пылевидный песок (в одном случае совместно со слегка окатанными зернами до 2 мм, 1:7–1:8) и слегка окатанная раковина, пылевидная (до 100 включений на 1 кв. см) и 0,3–2,0 мм, единично.

При отборе ИПС лепной керамики Козырки 2 преобладает использование жирных слабозапесоченных глин с пылевидным песком (73,9 % изделий).

Основной искусственной примесью к формовочным массам на основе глины является шамот (95 % керамики): мелкий (до 1 мм) — пять образцов, средний (до 2 мм) — 13 образцов, крупный (более 3 мм) — три образца. Он присутствует в основном в концентрации 1:4, в одном случае — 1:5 (в посуде). В формовочной массе пряслиц шамот содержится, как правило, в меньшей концентрации (1:5–1:6, в двух случаях — 1:4 и до 1:7). В трех случаях (14,3 %) встречена искусственная

Таблица 3. Состав формовочных масс лепной керамики поселения Козырка 2*
Table 3. Composition of ceramic pastes of handmade pottery from the settlement of Kozyrka 2*

№ п/п	Состав ФМ	Вид изделия						Всего, экз. (доля, %)
		Горшок	Миска	Цедилка	Чаша на ножке	Пряслице	Вотивный «хлебец»	
1	Гл + П	-	-	-	-	-	1	1 (4,4)
2	Гл + Ш + ОР	4	2	-	1	-	-	7 (30,4)
3	Гл + Ш + выжимка	1	1	1	-	4	-	7 (30,4)
4	Гл + Ш + выжимка (или мало Н)	-	-	-	-	1	-	1 (4,4)
5	Гл + Ш + Н	-	-	-	-	3	-	3 (13)
6	Гл + П + Ш + выжимка	-	1	-	-	-	-	1 (4,4)
7	Гл + П + Ш + ОР (выжимка?)	-	1	-	-	-	-	1 (4,4)
8	Ил. гл + Ш + ОР	-	1	-	-	-	-	1 (4,4)
9	Ил. гл + Ш + выжимка	-	-	-	-	1	-	1 (4,4)
Всего, экз.		5	6	1	1	9	1	23 (100)

* Гл — глина, Ил. гл — илестая глина, Ш — шамот, П — песок (кварц), Н — навоз, выжимка — выжимка из навоза жвачных животных, ОР — органический раствор.

примесь кварцевого песка (слегка окатанного, до 1 и до 2 мм, 1:4-1:5). В формовочной массе посуды он присутствует в составе смешанных рецептов, у пряслица — в несмешанном (табл. 3). В трех случаях (14,3 %) встречается примесь навоза в небольшом количестве (менее 1:3) и только в составе формовочных масс пряслиц. Органический раствор встречен в 17 образцах керамики (81 %), в 10 их них (47,6 %) он является выжимкой из навоза жвачных животных. В остальных случаях состав его неясен, по внешним характеристикам он аналогичен встречающемуся в ольвийской керамике.

В качестве искусственной примеси к формовочным массам из илестой глины отмечаются шамот до 2 мм в концентрации 1:4 и 1:5, выжимка из навоза животных и органический раствор, отмечающийся по прозрачному налету средней интенсивности с влажным жирным блеском.

Рецепты составов формовочных масс лепных изделий поселения Козырка 2 представлены в табл. 3.

На лепных изделиях из Козырки 2 присутствуют те же виды обработки поверхности, что и на ольвийских изделиях. На девяти изделиях имеется лощение, из которых два — миски (двустороннее сплошное лощение, в одном случае почти до зеркального блеска) и семь — полностью лощеные пряслица. Заглаживание встречается в 11 случаях (три горшка, три миски, донце чаши на ножке, цедилка, вотивный «хлебец», два пряслица). На двух горшках и одной миске присутствуют следы обработки поверхности, связанной с использованием сухого измельченного

навоза мелкого рогатого скота, аналогичные встреченным на ольвийской керамике (рис. 2, 15; 3, 3; 5, 4а, 4б; 7). Во всех этих случаях отпечатки фрагментов растительных волокон, относящихся к навозу, присутствуют на обеих поверхностях сосудов и они не связаны с веществами, входящими в состав формовочной массы этих изделий. В формовочной массе миски содержится выжимка из навоза животных с единичными включениями растительных волокон, но количество отпечатков таких частиц на поверхностях этого сосуда значительно превышает их число в изломах черепка. Большая часть этих сосудов по форме и орнаменту также может быть отнесена к скифской культурной традиции.

Одиннадцать изделий обожжены в восстановительной (четыре миски, чаша на ножке, цедилка, пять пряслиц), 11 — в окислительной (четыре горшка, две миски, вотивный «хлебец», четыре пряслица), один горшок — в полувосстановительной атмосфере.

Миниатюрная мисочка с поселения Козырка 12-южная (рис. 3, 2) изготовлена из среднежелезистой сильнозапесоченной илестой глины с естественной примесью раковины в основном 0,1-0,2 мм, единично — до 0,5-0,8 мм, в концентрации 1:4, слегка окатанного кварцевого песка 0,1-0,2 мм и единичных железистых включений до 0,2 мм. Состав ее формовочной массы — илестая глина и органический раствор, последний имеет следы в изломах черепка в виде слабого прозрачного налета с влажным жирноватым

блеском. Обработка поверхности — заглаживание, обжиг происходил в окислительной атмосфере (светло-рыжие поверхности с большими темно-серыми пятнами и трехслойный излом).

Венчик горшка с поселения Старая Богдановка 2 (рис. 1, б) сделан из слабожелезненной слабозапесоченной глины с естественной примесью пылевидного и единичными зернами 0,2 мм кварцевого песка. Состав его формовочной массы — глина, дресва (кварц), органический раствор. Дресва присутствует в виде частиц до 2 мм (встречается до 3 мм) в концентрации 1:3. Примесь органического раствора характеризуется следами в изломе в виде интенсивного черного жирного налета с влажным блеском. Обработка поверхностей — заглаживание, обжиг произведен в восстановительной атмосфере.

Обсуждение и выводы

При обобщении технологической информации, полученной при исследовании лепных изделий Ольвии и некоторых поселений ее хоры, нужно отметить несколько существенных деталей.

В целом гончарные традиции изготовления лепной керамики изученных памятников очень близки. В качестве исходного пластичного сырья практически на всех памятниках преобладает глина (89,8 % изделий), в основном — жирная слабозапесоченная, и только 10,2 % изделий изготовлены из илистой глины с естественной примесью раковины. Этот фактор отличает гончарные традиции изготовления лепных изделий Ольвии и ее хоры от гончарных традиций местного населения Боспора, как Азиатского, так и Европейского, где преобладает использование именно илистых глин.

Основой практически всех составов формовочных масс рассмотренной коллекции керамики является сочетание глины и шамота (93,9 % керамики). Это отмечено как для открытых форм посуды, так и для горшков. Для 82,6 % сосудов этот состав представлен в несмешанных рецептах, почти все прочие рецепты являются производными от него.

Еще одним важным фактором является использование навоза мелкого рогатого скота и его производной (выжимки) (30,6 % сосудов), а также сухого измельченного навоза при обработке поверхности — 24,5 % керамики. Использование этих материалов нужно отнести, видимо, не просто к определенным местным гончарным традициям, а к особенностям местной культурной среды в целом. Следует подчеркнуть, что в разных районах Северного Причерноморья эти особенности различны. Например, на Боспоре они со-

вершенно иные. На азиатской его стороне практически не встречается использование шамота и навоза при изготовлении сосудов (Клемешова, 2021. С. 102, табл. 1; 2022. С. 138, 139). Европейский Боспор в этом отношении изучен меньше, но и там уже можно отметить бóльшую распространенность использования илистых глин и дробленой раковины при изготовлении керамики и гораздо меньшую — глины с шамотом (Клемешова, 2018а. С. 39, 40; 2018б. С. 96-98; 2019. С. 103; 2020. С. 211). Применение навоза там почти не встречается.

К числу примечательных черт гончарного производства на территории ольвийской хоры нужно отнести использование искусственной примеси кварцевого песка. Здесь она обнаружена в трех случаях (6,1 % керамики), в двух из них — в составе смешанных рецептов формовочных масс при изготовлении ординарной посуды, в одном — в несмешанном рецепте при изготовлении вотивного предмета (глиняного «хлебца»). На Боспоре применение этой примеси практически отсутствует.

Важным наблюдением являются выявленные отличия при изготовлении лепной посуды и пряслиц. Формовочные массы для них в целом похожи, но у всех девяти пряслиц в их составе присутствует или навоз, или выжимка из него, что в гораздо меньшем числе случаев отмечается при изготовлении сосудов. Пока невозможно судить о причинах этого явления, но его изучение, несомненно, надо продолжать, расширяя количество исследуемого материала, особенно учитывая, что составы формовочных масс пряслиц ранее нигде специально не изучались и данных для сравнения сейчас просто нет. Существенно здесь то, что для лепных изделий разного назначения четко прослеживается разница в составлении формовочных масс.

Еще одна значимая черта гончарной технологии связана с выделением 12 сосудов (11 горшков и одной миски, что составляет 30,8 % всей исследованной посуды), стенки которых с двух сторон или только с внешней несут следы специальной обработки (возможно, натирания) сухим измельченным навозом мелкого рогатого скота по сырой поверхности. Судя по морфологическим признакам, большая часть, если не все из них, может быть отнесена к скифской посуде. Такое количество изделий не позволяет говорить о единичности присутствия сосудов с такими признаками в скифской керамике. Это явление нуждается в дальнейшем изучении, но уже сейчас можно предполагать, что оно имело распространение в гончарной традиции Степной Скифии.

- Бобринский*, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский*, 1999 — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // *Бобринский А. А. и др.* Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.
- Буйских*, 2007 — *Буйских С. Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму* / Ред. П. П. Толочко. Запоріжжя: Запорозький ГУ; Запорозький обл. краєведческий музей, 2007. Т. XIV. С. 110–125.
- Былкова*, 2007 — *Былкова В. П.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Изд-во Херсонского ГУ, 2007. 244 с.
- Васильева*, 1999 — *Васильева И. Н.* Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // *Археологические памятники Оренбуржья*. 1999. Вып. 3. С. 191–216.
- Васильева*, 2002 — *Васильева И. Н.* О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // *Вопросы археологии Поволжья*. Самара, 2002. Вып. 2. С. 15–49.
- Волкова*, 2022 — *Волкова Е. В.* Первые шаги древнего человека к целенаправленному обжигу глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // *КСИА*. 2022. Вып. 266. С. 168–181.
- Гаврилюк*, 2014 — *Гаврилюк Н. А.* Кухонная керамика / Жилые дома Центрального квартала Ольвии // *МАИЭТ. Supplementum*. 2014. Сер. 13. С. 435–485.
- Гаврилюк, Островерхов*, 1978 — *Гаврилюк Н. А., Островерхов А. С.* Керамический комплекс Ягорлыцкого поселения // *Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.*: Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР (Ужгород, апрель 1978 г.). Ужгород: б. и., 1982. С. 63–64.
- Гаврилюк, Отрешко*, 1982 — *Гаврилюк Н. А., Отрешко В. М.* Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка 2 // *Древности Степной Скифии* / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 75–90.
- Гейко*, 2011 — *Гейко А.* Гончарство населения скифского часу Дніпровського Лісостепового Лівобережжя. Полтава: АСМІ, 2011. 248 с.
- Гошкевич*, 1909 — *Гошкевич В. И.* Записка об археологических исследованиях в Херсонской губернии // *Древности. Труды Московского археологического об-ва*. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1909. Т. 22, вып. 1. С. 176–189.
- Граков*, 1954 — *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 36). 240 с.
- Зайцева*, 2001 — *Зайцева К. И.* Лепные чашки на ножках конца VII — I в. до н. э. из Северного Причерноморья. Ч. 2 // *АВ*. 2001. Вып. 8. С. 160–171.
- Капошина*, 1956 — *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // *Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху*. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 50). С. 154–189.
- Клемешова*, 2017 — *Клемешова М. Е.* О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 21. С. 228–240.
- Клемешова*, 2018а — *Клемешова М. Е.* Гончарные традиции изготовления лепной керамики населения поселения Золотое Восточное (Сююрташ) в Восточном Крыму // *Классическая и византийская традиция*. 2018: Сб. материалов XII науч. конф. / Отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2018. С. 37–41.
- Клемешова*, 2018б — *Клемешова М. Е.* Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ) // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 22. С. 86–103.
- Клемешова*, 2019 — *Клемешова М. Е.* Лепная керамика поселения Полянка в Крымском Приазовье по данным технико-технологического анализа // *ПИФК*. 2019. № 4. С. 93–111.
- Клемешова*, 2020 — *Клемешова М. Е.* Лепная керамика поселения Чокракский мыс из раскопок 2019 г. // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2020. Вып. 25. С. 209–219.
- Клемешова*, 2021 — *Клемешова М. Е.* Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора VI в. до н. э. — III в. н. э. // *Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. М.: ИА РАН, 2021. Вып. 3. С. 97–110.
- Клемешова*, 2022 — *Клемешова М. Е.* Лепная керамика поселения Шука-1 в Краснодарском крае // *Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 4. С. 123–140.
- Клемешова и др.*, 2022 — *Клемешова М. Е., Горошников А. А., Горошникова З. В.* Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия-1 (предварительные результаты) // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 27. С. 170–180.
- Книпович*, 1940 — *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа «И» // *Ольвия. Т. 1* / Отв. ред. Н. И. Ячменев. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. С. 129–170.
- Куликов и др.*, 2017 — *Куликов В. Е., Миняев С. С., Медникова Е. Ю.* Применение поляризационного метода исследований в археологии // *В камне и бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой* / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная Типография, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 259–263.

- Кульская*, 1940 — *Кульская О. А.* Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий // *Ольвия*. Т. 1: Отчеты и материалы за 1935–1936 гг. и исследования / Отв. ред. Н. И. Ячменев. Киев: Институт археологии АН УССР, 1940. С. 171–185.
- Лопатина, Каздым*, 2010 — *Лопатина О. А., Каздым А. А.* О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // *Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения*: Сб. ст. / Ред. Ю. Б. Цетлин, Н. П. Салугина. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–57.
- Марченко*, 1988 — *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. Л.: Наука, 1988. 144 с.
- Погребова*, 1958 — *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на нижнем Днепре. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 64). С. 103–247.
- Салугина*, 2006 — *Салугина Н. П.* К методике определения раковины в составе древней керамики // *Материалы Всероссийского археологического съезда*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 379–381.
- Уваров*, 1851 — *Уваров А. С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.: Тип. Экспедиции загот. гос. бумаг, 1851. Т. 1. 138 с.
- Цетлин*, 2006 — *Цетлин Ю. Б.* Об определении степени железненности исходного сырья для производства глиняной посуды // *Вопросы археологии Поволжья*. Самара: Научно-технический центр, 2006. Вып. 4. С. 421–425.
- Цетлин*, 2017 — *Цетлин Ю. Б.* Керамика. Понятия и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 345 с.

To the problem of the technology of manufacture of handmade pottery at Olbia and its chora

A. A. Giblova, E. V. Chetverkina, M. E. Klemeshova, E. Yu. Mednikova⁸

Keywords: Olbia, Olbia chora, molded ceramics, ceramic spindle whorls, technical and technological analysis, polarization analysis.

In this work, using the technical and technological analysis by the A. A. Bobrinskiy's method (Tables 1–3) and polarization analysis (Fig. 3), there were studied 49 samples of handmade pottery from excavations at Olbia and settlements at its chora (Kozyrka 2, Kozyrka 12-Southern and Staraya Bogdanovka 2). These samples include pots, bowls, cups on a foot, a strainer and lids, seven spindle-whorls and a votive loaf of bread (Fig. 1–3).

The object of the investigation included the raw plastic material and the composition of the modelling pastes. Handmade ware was manufactured mainly from fat clays containing little sand and naturally tempered with quartz dust-like sand. Silt clays with natural admixture of shells were rarely used.

Practically all the compositions of ceramic pastes are based on the mixture “clay + ground potsherd” (93.9 %) while almost all other formulae derive from this base. In the ceramic paste of 30.6 percent of ware there is an admixture of sheep and goat dung or its squeezes. Artificial tempers of quartz sand also have been recorded (6.1 % of the pottery). During investigations of methods of treatment of the surface of the ceramic objects, along with the standard techniques of smoothing and polishing, in 24.5 percent of cases, traces of its little studied variants have been revealed, i. e. numerous imprints of dry ground dung of sheep and goats on the internal and external surface of the vessels with its lack in the composition of the ceramic pastes (Fig. 4–7). Presumably, this technique consisted in rubbing of wet surfaces of the vessels with dry pound dung before their drying. The majority of such samples belonged to pots close morphologically to manufactures from steppe Scythia. The ceramic pastes of spindle-whorls differ from those of pots. In the clay of whorls always admixtures of dung or its squeezes are found. The technology of wheelmade pottery differs from that observed at Bosporos. There, pottery manufactured from silty clays with natural admixtures of shells is predominating while the cases of the use of ground potsherd and dung are considerably less frequent. This fact allows us to state peculiarities of the local cultural environment in the Olbian region.

⁸ Anastasia A. Giblova — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: GiblovaAA.@yandex.ru. Ekaterina V. Chetverkina, Elena Yu. Mednikova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vilgelmina_@mail.ru. Marina E. Klemeshova — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow, 117292, Russia; e-mail: marinaklem@mail.ru.

Районирование округа Тиры и Никония в доримское время¹

А. В. Батасова, А. А. Гиблова²

Аннотация. В работе представлена попытка районирования округа Тиры и Никония в конце VI — первой половине III вв. до н. э. На основании оценки плотности размещения памятников выявлены особенности заселения берегов Днестровского лимана в доримское время. Также установлено, что основы районирования территории были заложены уже на первом этапе колонизации низовьев Днестра. Важным является вывод о высокой роли контактов местного греческого населения с варварской средой при формировании сети поселений по обоим берегам Днестровского лимана.

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, Тира, Никоний, сельские поселения, система расселения, доримское время.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-110-119

Поселения округа полисов Нижнего Поднестровья неоднократно становилась предметом научного интереса. Сведения о городищах и местонахождениях античной керамики в районе Днестровского лимана начали поступать уже в XIX в., а к началу следующего столетия они были обобщены В. И. Гошкевичем. В широкий научный оборот они вошли лишь с публикацией в 1951 г. И. В. Фабрициус «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» (Фабрициус, 1951). Исследовательница существенно дополнила и переработала наследие В. И. Гошкевича. Первый выпуск «Археологической карты» И. В. Фабрициус охватывал обширное пространство между речья Днестра и Южного Буга, куда, помимо прочего, вошли памятники левобережья Днестра и Днестровского лимана. В ходе археологических разведок и раскопок, развернувшихся во второй половине XX в., были получены новые

результаты, которые существенно дополнили картину заселения обоих берегов Днестровского лимана. Вся эта информация была обобщена в справочнике «Археологические памятники Одесской области» (Гудкова и др., 1991). Накопленные к концу XX в. сведения стали основой для обобщающих работ, в которых исследовались периодизация и динамика заселения греческими колонистами Нижнего Поднестровья, материальный облик поселений сельскохозяйственной округа Тиры и Никония, вопросы греко-варварского взаимодействия в этом регионе греческой колонизации (Охотников, 1980; 1984; 1990; 1995; Ohotnikov, 2006 и др.).

Одной из ключевых особенностей системы расселения в Нижнем Поднестровье является неравномерность заселения правого и левого берегов Днестровского лимана и отсутствие сельских поселений в округе Тиры в позднеархаическое время. И. В. Бруяко была предпринята попытка структурирования округа нижнеднестровских полисов в IV — первой половине III в. до н. э. (Бруяко, 2005а). В работе исследователя акцент делался на крупные поселения, которые гипотетически могли быть центрами сельскохозяйственных районов. В нашей работе мы попытаемся вновь подойти к решению вопроса районирования округа нижнеднестровских полисов, но уже с позиции рассмотрения всей совокупности поселений и в более широких хронологических рамках всего доримского времени.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² Батасова А. В. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: batasova.angela@gmail.com. Гиблова А. А. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: Giblova A. A.@yandex.ru.
© Батасова А. В., Гиблова А. А., 2023.

К округе античных полисов Нижнего Поднепровья — Тиры и Никония — относят целый ряд памятников, открытых вдоль берегов Днестровского лимана и в низовьях Днестра (*Охотников*, 1983а; *Ochotnikov*, 2006). К настоящему времени таковых насчитывается более сотни, и сведения о них периодически дополняются и обновляются. Часть этих поселений раскапывалась, однако большинство обследовано только в ходе археологических разведок. Учитывая, что основной массив памятников располагается по берегам Днестровского лимана, именно эта область и станет предметом нашего исследования.

Прежде чем перейти непосредственно к обзору памятников, необходимо остановиться на основных этапах освоения греческими колонистами интересующего нас региона. На сегодняшний день общепринятым считается, что начало колонизации Нижнего Поднепровья было положено не позднее конца VI в. до н. э. с основанием Никония. Анализ расписной керамики позволил сузить эту дату до последней трети/четверти столетия (*Секерская*, *Буйских*, 2019. С. 210). Время основания Тиры (Офиуссы?) предположительно относят к концу VI в. до н. э. (*Самойлова*, 2004. С. 109). Верхней хронологической границей первого этапа освоения региона можно считать конец первой трети V в. до н. э., когда исчезают поселения на левом берегу Днестровского лимана.

Признаки возрождения активных процессов жизнедеятельности на городских и сельских памятниках начинают проявляться во второй половине — конце V в. до н. э. В это время на Никонии ведется наземное сырцово-каменное домостроительство (*Секерская*, 1989. С. 49), строятся крепостные стены (*Загинайло*, 1984. С. 78, 79), а в Тире, практически одновременно с возведением системы фортификации (*Самойлова*, 2011. С. 481), вновь появляются поселения на окружающей городища территории.

На протяжении IV — первой половины III в. до н. э. стремительно растет количество сельских поселений, которые теперь распространяются уже на оба берега Днестровского лимана. Этот второй этап освоения региона заканчивается в середине III в. до н. э. очередным коллапсом хоры³. Прекращается жизнь не только на сельских поселениях, но и в Никонии, который возродится уже только в первые века новой эры (*Секерская*, 1989. С. 5). Разрушения и пожары фиксируются в Тире и на поселениях ее округи (*Сальников*,

1966). После катастрофических событий середины III в. до н. э. Тира, в отличие от Никония, не погибла, однако следующий этап освоения ее хоры начался уже в римское время⁴.

Таким образом, в доримское время выделяются два этапа заселения Нижнего Поднепровья: вторая половина — конец VI — конец первой трети V в. до н. э. и с конца V — начала IV до середины III в. до н. э.⁵ Рассмотрим особенности пространственного размещения поселений на каждом из этих этапов.

Как уже отмечалось, в конце VI — первой трети V в. до н. э. сельские поселения располагались на левом берегу Днестровского лимана (рис. 1, I), причем размещены они неравномерно. Здесь можно выделить две группы памятников. Первая — рядом с устьем Днестровского лимана. Это сам Никоний, а также три поселения в районе современного поселка Каролино-Бугаз. Все сельские поселения, однако, относятся к первому этапу освоения исключительно на основании находок отдельных фрагментов керамики, собранных в ходе разведок.

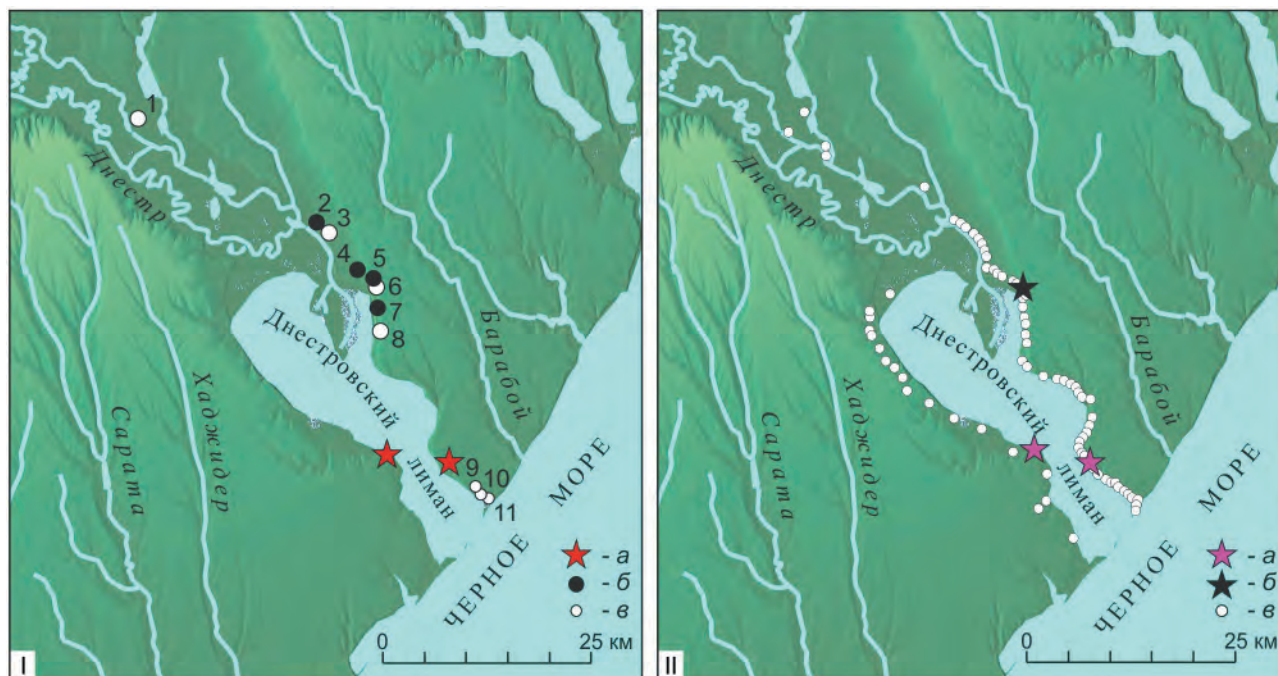
Вторая группа памятников находится довольно далеко от Никония, в северо-восточной части Днестровского лимана, близ места впадения в него Днестра. Поселения расположены цепочкой между современными селами Беляевка и Николаевка. Большей частью они известны лишь по материалам археологических разведок. Шурфовки и стационарные раскопки были произведены на памятниках Беляевка I, Надлиманское III и Надлиманское VI, Надлиманское XI, Маяки IV, довольно схожих по своей материальной культуре. На поселениях Беляевка I и Надлиманское III открыты полуземлянки округлой или подпрямоугольной формы (*Охотников*, 1980. С. 87, 88; *Мелюкова*, 1980. С. 5–8). В ходе исследования памятника Надлиманское VI помимо заглубленных в землю построек были обнаружены остатки стен наземного здания, представленные однорядной иррегулярной кладкой и фрагментами глиняной обмазки (*Охотников*, 1983б). Для всех памятников

⁴ Отметим, однако, что имеются признаки некоторого возрождения жизни на сельской округе Тиры уже во второй половине III — первой половине II в. до н. э. (*Бруяко*, *Малюкевич*, 2009. С. 199).

⁵ Н. М. Секерская выделяет всего три этапа в истории полисов Нижнего Поднепровья в доримское время, однако второй этап (вторая половина V — первая четверть IV в. до н. э.) прослеживается лишь на материалах городищ (*Секерская*, 1989. С. 3–5).

³ Подробнее см.: *Бруяко*, 1999.

Рис. 1. Памятники освоения Нижнего Поднепровья: *I* — первого этапа (*a* — городские памятники; *b* — памятники с культурным слоем конца VI — первой трети V вв. до н. э.; *в* — памятники с находками керамики VI–V вв. до н. э.): 1 — Граденицы III; 2 — Беляевка I; 3 — Маяки IV; 4 — Надлиманское III; 5 — Надлиманское городище; 6 — Надлиманское V; 7 — Надлиманское VI; 8 — Николаевка II; 9 — Роксоланы I; 10 — Бугаз VI; 11 — Бугаз IV; *II* — второго этапа (*a* — городские памятники; *b* — укрепленные поселения; *в* — неукрепленные сельские поселения)

Fig. 1. Sites of colonization of the Lower Dniester region: *I* — of the first stage (*a* — urban sites; *b* — sites with cultural layers of the late 6th — first third of the 5th cen. BC; *в* — sites with finds of pottery of the 6th–5th cen. BC): 1 — Gradenitsy III; 2 — Belyayevka I; 3 — Mayaki IV; 4 — Nadlimanskoye III; 5 — Nadlimanskoye fortified site; 6 — Nadlimanskoye V; 7 — Nadlimanskoye VI; 8 — Nikolayevka II; 9 — Roksolany I; 10 — Bugaz VI; 11 — Bugaz IV; *II* — of the second stage (*a* — urban sites; *b* — fortified sites; *в* — unfortified rural settlements)

характерно наличие большого количества хозяйственных ям, в том числе предназначенных для хранения зерна (Мелюкова, 1980. С. 11; Охотников, 1978. С. 367; 1980. С. 89, 90; 1983б. С. 171; Савельев и др., 2019. С. 233, 234). На поселении Надлиманское III был исследован зольник, материал из которого не отличался от обнаруженного в заполнении хозяйственных ям (Мелюкова, 1980. С. 12).

Среди керамического материала, полученного в ходе исследования памятников, преобладают фрагменты амфорной тары. Довольно многочисленны находки гончарной, а также лепной керамики. До 80 % последней представлено сосудами (преимущественно горшками) скифского облика, 20 % — относятся к традициям гето-фракийского региона (Охотников, 1980. С. 91, 92; Мелюкова, 1980. С. 18). Импортная парадная посуда встречается редко.

Характерной особенностью памятника Надлиманское VI, отличающей его от рассмотренных

выше, является то обстоятельство, что лепная керамика количественно в три раза преобладает над гончарной (без учета амфор, которые составляют самую массовую категорию находок)⁶. Прочие категории находок с поселений этой группы свидетельствуют об активной хозяйственной деятельности населения, основой которой, видимо, было земледелие. На памятниках встречаются грузила, пряслица, зернотерки, сельскохозяйственные орудия, фрагменты терракотовых статуэток, монеты, наконечники стрел и пр.

⁶ Соотношение 772 фрагмента и несколько целых лепных сосудов к 232 фрагментам и одному археологически целому гончарному сосуду позволило трактовать Надлиманское VI как скифское поселение (Охотников, 1983б. С. 172). Отметим однако, что в среде специалистов вопрос о соотношении лепной керамики на поселениях и присутствия там же конкретных этнических групп (скифских, гето-фракийских) остается дискуссионным (см.: Бруяко, 1993; Гаврилюк, 2014).

(Мелюкова, 1980. С. 18, 19; Охотников, 1980. С. 93; Савельев и др., 2019. С. 237).

Таким образом, античные поселения в Нижнем Приднестровье появляются в конце VI в. до н. э. Их возникновение хронологически совпадает с освоением основной сельскохозяйственной территории в границах ольвийского полиса (Крыжицкий и др., 1989. С. 20–22; 1990. С. 10–12), а также появлением сети поселений на побережье Одесского залива (Иванова и др., 2011. С. 204; Редина, 2013. С. 571–583), связь которых с полисами Нижнего Поднестровья остается дискуссионной⁷. Расстояние от Никония до близлежащего памятника Черноморка 1 составляет 25 км, что немногим более пути до северной группы памятников. Исследованные поселения Жевахова гора и Приморский бульвар по материальной культуре практически не отличаются от рядовых поселений округа Никония или Ольвии (Добролюбский, Красножон, 2005. С. 174; Редина, 2013. С. 577).

Характерной чертой первого этапа освоения Нижнего Поднестровья (главным образом, берегов Днестровского лимана) является наличие двух удаленных друг от друга групп поселений, что уже отмечалось исследователями (Мелюкова, 1980. С. 21; Охотников, 1990. С. 6). Интересно, что на первом этапе освоения сельскохозяйственных территорий в Нижнем Побужье также формируются два основных центра, характеризующихся повышенной плотностью заселения, — в устье Березанского лимана и на близлежащей к Ольвии территории, расстояние между которыми составляет более 20 км (Буйских С., Буйских А., 2010. С. 27–29), что сопоставимо с расстоянием между двумя группами поселений на левобережье Днестровского лимана. С другой стороны, в отличие от ближней хоры Никония, поселения к северу и югу от ольвийского городища изначально основывались как крупные поселенческие структуры (Широкая балка, Закисова балка), связанные с выделением клеров для колонистов. Стоит также отметить, что ко второй половине VI в. до н. э. относится компактная группа памятников в верховьях Бугского лимана на территории современного г. Николаева, маркирующая северную границу ольвийской хоры (Крыжицкий и др., 1990. С. 11, рис. 4).

⁷ Например, авторы коллективной монографии «Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья» полагают, что на побережье Одесского залива мог находиться независимый центр греческой колонизации (Иванова и др., 2011. С. 204, 210, 212).

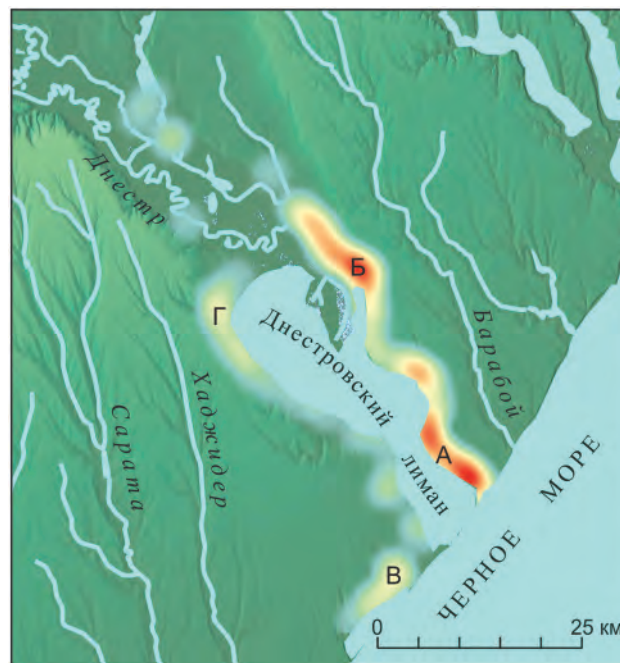

Рис. 2. Плотность расселения в Нижнем Поднестровье в IV — первой половине III в. до н. э. (теплокарта)

Fig. 2. Settlement density in the Lower Dniester region in the 4th — first half of the 3rd cen. BC (heat map)

Видимо, расположение поселений на первом этапе освоения Нижнего Поднестровья было продиктовано направлением торговых маршрутов, ориентированных на варварскую периферию. На этом пути в устье Днестровского лимана были основаны два городских поселения — Никоний и Тира. Ведущую роль на этом этапе, вероятно, играл Никоний. Однако его собственная ближняя хора не получила в это время существенного развития. На ее наличие указывают лишь неявные свидетельства из района Бугаза. В стратегическом месте выхода из Днестровского лимана в Днестр была организована вторая (северная) группа поселений, которая, судя по характеру находок, была связана с сельскохозяйственным освоением территории. По мнению С. Б. Охотникова, опорным пунктом в этой зоне могло являться поселение Надлиманское III, материалы которого демонстрируют преобладание греческого элемента в составе населения (Охотников, 1984. С. 57). В экономике этих поселений немалую роль могли играть торговые отношения с варварской периферией (по крайней мере, в периоды относительно спокойного развития региона). Направление греко-варварских контактов прослеживается на материалах поселения Граденицы III, где встречается античная керамика рубежа VI–V вв. до н. э.,

а также лепная керамика скифского и гетского облика (Мелюкова, 1963. С. 70), и скифского стойбища в районе Слободзеи, где были найдены фрагменты амфор конца VI — начала V в. до н. э. (Мелюкова, 1961. С. 6).

После кризиса конца первой трети V в. до н. э. такие пункты, как Беляевка I, Надлиманское III, Надлиманское VI и Надлиманское XI прекращают свое существование. На следующем этапе освоения Нижнего Поднестровья (IV — первая половина III в. до н. э.) поселения распространяются по обоим берегам Днестровского лимана. Местами они располагаются цепочкой, вплотную друг к другу. В то же время, концентрация памятников вдоль берегов лимана неоднородна, что заметно даже невооруженным взглядом (рис. 1, II). Более наглядно выделение отдельных районов с высокой степенью заселенности визуализирует тепловая карта, оценивающая плотность распределения точек на поверхности (рис. 2). На ней можно видеть, что картина расселения на левом и правом берегу лимана существенно различается.

На левобережье Днестровского лимана можно выделить две группы поселений. Первая (южная) расположена в приморской части, в непосредственной близости от Никония (область А). Это около 30 населенных пунктов к югу от села Калаглия (Николаевка I) в районе Овидиополя, Роксолан и Каролино-Бугаза. Среди памятников этой группы стационарные раскопки проводились на поселениях Овидиополь I и II⁸. В ходе исследования были открыты землянки и полуземлянки IV в. до н. э., где основу керамического комплекса составляли фрагменты амфорной тары IV–III вв. до н. э. и гончарной керамики (Загинайло, 1985). Помимо этого встречалось значительное количество лепной керамики, преимущественно (до 82 % от всего комплекса) скифского облика (Бруйко, Суничук, 1987. С. 130). Остальные памятники исследованы только в ходе разведок.

Судя по расположению, характеру памятников и их окружения, можно предположить, что здесь мы имеем дело с классическим примером хоры, сформировавшейся в результате сельскохозяйственного освоения полисом (Никонием) прилегающей территории. Как и в случае с памятниками сельской округи Ольвии, основной хозяйственной единицей этого времени могли быть усадьбы и поселения, формирующие агломерации, объединенные общим некрополем, на что указывает концен-

трация памятников в отдельные скопления (Крыжицкий и др., 1989. С. 102, 103).

Вторая (северная) группа памятников сконцентрирована между селами Беляевка и Николаевка, в месте впадения Днестра (область Б), то есть в том же районе, где располагалась северная группа поселений на первом этапе освоения региона. К IV–III вв. до н. э. относятся 25 поселений, вытянутых цепочкой вдоль берега Днестровского лимана и русла Днестра. Стационарные раскопки производились на Надлиманском городище и поселении Николаевка.

Надлиманское городище — один из самых примечательных памятников округи нижнеднестровских полисов. Его характерной чертой является наличие оборонительной системы, от которой сохранились ров и основания крепостных стен, возводимых на участках, лишенных естественной защиты (Синицын, 1960; Дзис-Райко и др., 2012. С. 27–33). На памятнике также были открыты остатки жилых построек, представленные различными домостроительными традициями: наземные сырцовые сооружения на каменных цоколях и без фундамента, легкие каркасные строения, землянки и остатки округлых заглубленных в землю конструкций, которые были интерпретированы авторами работ как шалаши (Дзис-Райко и др., 2012. С. 64). Стоит отметить и большое количество обнаруженных зерновых ям (Там же. С. 54–58). В керамическом комплексе преобладают фрагменты амфорной тары (до 90 %), на втором месте идет лепная керамика, до 80 % которой составляют фрагменты сосудов скифского облика (Там же. С. 65, 92). Гончарная посуда и чернолаковая импортная керамика представлены в гораздо меньшем количестве (Там же. С. 65). Индивидуальные находки отражают широкий спектр сфер жизнедеятельности: это костяные изделия, грузила, пряслица, сельскохозяйственные орудия, зеркала, наконечники стрел, терракотовые статуэтки (Там же. С. 120–128). Памятник оценивается исследователями как поселение второго уровня, основанное Никонием с целью укрепления системы сельских поселений (Там же. С. 22).

Интересно, что в это же время активная жизнедеятельность ведется на городище Кошары, которое, вероятно, выполняло функцию укрепленного транзитного пункта, игравшего важную роль в контроле водных артерий района. Как и в случае с Надлиманским городищем, здесь были выявлены существовавшие одновременно традиции земляночного и наземного каменно-сырцового домостроительства. При этом авторы

⁸ Эти памятники являются частью одного поселения (см.: Дзис-Райко и др., 2012. С. 17).

раскопок отмечали преобладание лепной керамики в вещественном комплексе памятника (без учета амфорной тары) (Редина, 2013. С. 583–594).

Материальный облик Николаевского поселения в целом схож с Надлиманским городищем. Здесь также открыты землянки и остатки наземных конструкций, основания которых сложены из необработанного камня разных размеров, хозяйственные ямы (Мелюкова, 1967). Среди находок доминирующее место занимают фрагменты амфор, которые на основании клейм датируются в пределах второй половины IV — начала III в. до н. э. (Там же. С. 58). На втором месте лепная посуда, превосходящая по количеству фрагментов гончарную керамику (Там же). Фрагменты сосудов скифского облика составляют до 75 % от всей лепной керамики, еще 20 % принадлежат керамике гетского облика (Там же. С. 61, 62). Среди индивидуальных находок можно отметить пряслица, изделия из кости, фрагменты бронзовых украшений, бронзовые наконечники стрел (Там же. С. 63).

Также небольшие раскопки были произведены в разрушенном карьере, находившемся на месте памятника Беляевка II, где исследованы четыре хозяйственные ямы, содержавшие фрагменты амфор IV в. до н. э., обломки гончарной и лепной посуды, сероглиняного скифоса и точильного камня (Бруяко, 2005а. С. 306, 307).

Материальная культура исследованных поселений в общих чертах наследует признаки, характерные для памятников левобережья Днестровского лимана предшествующего периода. Наиболее ярким отличием от предыдущего этапа является основание здесь укрепленного пункта (Надлиманского городища), что подтверждает несомненную важность данной области, вероятно, связанной с контролем торговых путей. Стоит также отметить, что превышение доли лепной керамики над гончарной (без учета амфорной тары) в вещественном комплексе поселений может свидетельствовать о возрастании в эллинистический период греко-варварских контактов в этой зоне. Еще одним подтверждением предыдущего тезиса является появление в непосредственной близости от поселений отдельных скифских погребальных комплексов (Охотников, Субботин, 1981. С. 106; Алексеева, 1971. С. 151, 152) и скифского могильника IV–III вв. до н. э. у с. Николаевка (Мелюкова, 1975; 1984).

Выше по течению Днестра также имеются свидетельства греко-варварских контактов. Характерный античный материал и лепная посуда

IV–III вв. до н. э. присутствуют на поселениях Граденицы I и III (Мелюкова, 1963. С. 70; Охотников, 1983а. С. 108) и памятниках, открытых недалеко от с. Тудорово (Мелюкова, 1961. С. 115, 116). В большей степени варварский компонент выражен на памятниках близ с. Троицкого (Троицкое II и III). Находки здесь представлены преимущественно лепной керамикой гетского и в особенности скифского облика, а из античного материала встречаются лишь фрагменты амфорной тары (Кравченко, Кузьменко, 1959. С. 123, 124). В районе сёл Чобручи, Слободзея, Суклея варварское присутствие уже не вызывает никакого сомнения (Мелюкова, 1961). Очевидно, все эти поселения выполняли роль посредника, задействованного в торговых отношениях между городами близ устья Днестровского лимана и варварским хинтерландом.

Заселение правого берега Днестровского лимана было менее интенсивным. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что территория, непосредственно прилегающая к Тире, была населена весьма слабо. Две области концентрации памятников (В и Г) расположены на границах предполагаемой хоры Тире. В непосредственной близости к ней находятся несколько поселений, равномерно расположенных по берегу Днестровского лимана на расстоянии 3–5 км друг от друга. На памятнике Переможное обнаружены остатки помещений с керамическими печами IV–III вв. до н. э. (Сальников, 1966). Интересен состав комплекса керамики с этого поселения. Большую долю его составляют фрагменты амфорной тары, на втором месте — лепная керамика гетского и скифского типов, причем доминируют именно гетские образцы (Там же. С. 193). В немалом количестве встречена и чернолаковая керамика (Там же. С. 197–199). На памятнике Затока I зафиксированы остатки башни, многокамерных каменно-сырцовых наземных построек, большое количество античного керамического материала, рыболовные грузила, монеты. Лепная керамика скифского и гето-фракийского облика составляет лишь небольшую часть в общем составе керамических находок (Бруяко, Малюкевич, 2009. С. 196). Полученные при исследовании памятника материалы позволили предположительно соотнести его с Гермонактовой деревней (Малюкевич, 1991; Малюкевич, Бруяко, 1994).

В районе Будакского лимана расположена относительно компактная группа памятников в районе сёл Чабанское, Беленькое, Косовка и Сергеевка. Поселения исследованы слабо,

преимущественно в ходе археологических разведок. На поверхности собраны фрагменты амфор и лепной керамики. Шурфовка производилась на памятнике Беленькое II. Полученный в результате работ археологический материал включал в себя фрагменты амфорной тары второй половины IV — первой половины III в. до н. э., чернолаковой керамики и лепных сосудов преимущественно гетского облика, а также наконечник стрелы (Бруяко, 2005а. С. 304–306).

Еще одна группа поселений (около 10) на правобережье Днестровского лимана сосредоточена между селами Пивденное и Удобное. Находки с памятников представлены фрагментами амфорной тары, чернолаковой, сероглиняной и лепной керамикой, а также предметами быта и орудиями труда. В ходе исследования поселения Веселое III была открыта землянка и хозяйственные ямы (Малюкевич, 1993). Среди керамики привычно доминируют фрагменты амфорной тары, довольно много лепных сосудов скифского и гетского облика (Там же). Отметим, что в этой области, между селами Семёновка и Староказачье, имеется крупный курганный могильник, при исследовании которого обнаружено 19 скифских погребальных комплексов, самые ранние из которых датируются третьей четвертью V в. до н. э. а самые поздние относятся к последней трети/четверти III в. до н. э. (Субботин, 2017. С. 159).

Таким образом, картина расселения на правом и левом берегах Днестровского лимана существенно различается. На левобережье в IV–III вв. до н. э. сохраняется зональность в расположении поселений, тяготеющих, с одной стороны, к приморской части и Никонию, а с другой — к устью Днестра. По мнению С. Б. Охотникова, хиатус между этими группами является следствием изменчивости древних русел Днестра (Охотников, 2002. С. 251). Это, однако, не объясняет причины, по которым на первом этапе освоения берегов Днестровского лимана вместо интенсивного освоения ближайшей округи Никония колонистами были основаны удаленные поселения северной группы.

Правобережье Днестровского лимана в IV–III вв. до н. э. тоже обладает значительным своеобразием. Здесь прослеживается относительно низкая интенсивность заселения непо-

средственно в округе Тиры с формированием неярко выраженных кластеров поселений в отдаленных концах хоры, что значительно отличает данный район от других центров Северо-Западного Причерноморья. Так, например, в то же время на территории Нижнего Побужья прослеживаются несколько зон с высокой плотностью заселения, основой которой остаются близлежащие к центральному городищу сельскохозяйственные угодья (Крыжицкий и др., 1990. С. 44 и далее).

Подводя итог, отметим, что в системе расселения в Нижнем Поднепровье в доримское время можно выделить несколько зон, обладающих своей спецификой. Так, заселение левого и правого берегов Днестровского лимана различалось не только в хронологическом аспекте, но и по структуре расселения. Если относительно правого берега есть основания говорить о том, что все выявленные пункты тяготели к единому центру (Тире), но на левом уже как минимум в начале V в. до н. э. сформировались две точки притяжения. Первая из них связана с Никонием. Эта область получила активное развитие в IV — первой половине III в. до н. э., превратившись, видимо, в полисную хору. Вторая область связана с местом впадения Днестра в Днестровский лиман и, возможно, изначально содержала признаки контактной зоны. На данный момент сложно сказать, как эта область была связана с Никонием. Возможно, основание этих поселений явилось следствием активной колонизаций жителями Никония ключевого пункта на речном пути, соединявшем греческий и варварский миры⁹. Основы этой структуры расселения были заложены уже на первом этапе греческого освоения региона, а в дальнейшем получили развитие, которое было прервано драматическими событиями III в. до н. э.

⁹ Отметим, что в восточном направлении, напротив, контактные зоны отмечены в приморских зонах (Кошары, поселения Одесского залива). Несмотря на то что общий облик материальной культуры в этих районах типично греческий, исследователи отмечают значительный процент лепной керамики в вещественном комплексе поселений (Редина, 2013. С. 573–578; Редина, Пауци-Владыко, 2003. С. 240–242).

- Алексеева*, 1971 — *Алексеева И. Л.* Скифские погребения в курганах Одесской области // Археологические исследования на Украине в 1968 году. 1971. Вып. III. С. 150–152.
- Бруяко*, 1993 — *Бруяко И. В.* Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей / Отв. ред. В. П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 58–71.
- Бруяко*, 1999 — *Бруяко И. В.* О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье (четыре концепции кризиса) // ВДИ. 1999. № 3. С. 76–91.
- Бруяко*, 2005а — *Бруяко И. В.* Структура сельской округи античных городов Северного Причерноморья (на примере Нижнего Поднестровья) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 15–18 ноября 2005 г.) / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 164–172.
- Бруяко*, 2005б — *Бруяко И. В.* Материалы к археологической карте Нижнего Поднестровья (античный, доримский период) // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2005. Вып. XII. С. 304–313.
- Бруяко, Малюкевич*, 2009 — *Бруяко И. В., Малюкевич А. Е.* Поселение Затока I («Гермонактова деревня») в Нижнем Поднестровье (характеристика материалов) // МАСП. 2009. Вып. 9. С. 180–201.
- Бруяко, Суничук*, 1987 — *Бруяко И. В., Суничук Е. Ф.* Лепная керамика из поселения Овидиополь I // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. Т. Л. Самойлова. Киев: Наукова думка, 1987. С. 129–134.
- Буйских С., Буйских А.*, 2010 — *Буйских С. Б., Буйских А. В.* К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // БИ. 2010. Вып. 24. С. 3–64.
- Гаврилюк*, 2014 — *Гаврилюк Н. А.* Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья // Таврические студии. Серия: Исторические науки. 2014. № 6. С. 31–34.
- Гудкова и др.*, 1991 — *Гудкова А. В., Охотников С. Б., Субботин Л. В., Черняков И. Т.* Археологические памятники Одесской области. Справочник. Одесса: Одесский археологический музей АН УССР, 1991. 183 с.
- Дзис-Райко и др.*, 2012 — *Дзис-Райко Г. А., Охотников С. Б., Редина Е. Ф.* Городище Надлиманское IV–III вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье. Одесса: б. и., 2012 (Материалы по археологии Северного Причерноморья: монографическая серия; № 3). 263 с.
- Добролюбский, Красножон*, 2005 — *Добролюбский А. О., Красножон А. В.* Топография, стратиграфия и периодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 15–18 ноября 2005 г.) / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 172–178.
- Загинайло*, 1984 — *Загинайло А. Г.* Открытие оборонительной стены в Никонии // Новые археологические исследования на Одессине / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 74–79.
- Загинайло*, 1985 — *Загинайло А. Г.* Охранные раскопки античного поселения Овидиополь II // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 45–50.
- Иванова и др.*, 2011 — *Иванова С. В., Островецких А. С., Савельев О. К., Остапенко П. В.* Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья. Киев: КНТ, 2011. 300 с.
- Кравченко, Кузьменко*, 1959 — *Кравченко А. А., Кузьменко В. И.* Розвідки археологічних пам'ятоків по Кучерганській річній долині // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. 1959. № 2. С. 122–125.
- Крыжицкий и др.*, 1989 — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 240 с.
- Крыжицкий и др.*, 1990 — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. 130 с.
- Малюкевич*, 1991 — *Малюкевич А. Е.* Открытие башни Неоптолема // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбилейной конф. 9–11 марта 1991 г. / Отв. ред. А. Г. Загинайло. Одесса: Ред.-изд. отдел областного управления печати, 1991. С. 117–119.
- Малюкевич*, 1993 — *Малюкевич А. Е.* Эллинистический комплекс поселения Веселое III // Древнее Причерноморье: Сб. материалов конф. Одесса, 1993 (Краткие сообщения Одесского археологического общества). С. 75–78.
- Малюкевич, Бруяко*, 1994 — *Малюкевич А. Е., Бруяко И. В.* Предварительные итоги раскопок поселения Затока I // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): Материалы международного археол. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 1994. С. 234–236.
- Мелюкова*, 1961 — *Мелюкова А. И.* Работы в Поднестровье в 1958 году // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 113–122.
- Мелюкова*, 1963 — *Мелюкова А. И.* Исследование гетских памятников в степном Поднестровье // КСИА. 1963. Вып. 94: Памятники раннего железного века. С. 64–72.

- Мелюкова*, 1967 — *Мелюкова А. И.* Поселение IV–III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской области // КСИА. 1967. Вып. 109: Античные памятники на территории СССР. С. 54–64.
- Мелюкова*, 1975 — *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975. 259 с.
- Мелюкова*, 1980 — *Мелюкова А. И.* Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П. О. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1980. С. 5–23.
- Мелюкова*, 1984 — *Мелюкова А. И.* Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. И. Т. Черняков. Киев: Наукова думка, 1984. С. 90–103.
- Охотников*, 1978 — *Охотников С. Б.* Исследования античных поселений в Нижнем Поднестровье // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 367–368.
- Охотников*, 1980 — *Охотников С. Б.* Поселения VI–V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П. О. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1980. С. 84–96.
- Охотников*, 1983а — *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI–III вв. до н. э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1983. С. 101–122.
- Охотников*, 1983б — *Охотников С. Б.* Поселение Надлиманское-VI в Нижнем Поднестровье // СА. 1983. № 1. С. 167–177.
- Охотников*, 1984 — *Охотников С. Б.* О характере греко-варварских взаимоотношений в Нижнем Поднестровье в VI–V вв. до н. э. // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. И. Т. Черняков. Киев: Наукова думка, 1984. С. 49–62.
- Охотников*, 1990 — *Охотников С. Б.* Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1990. 86 с.
- Охотников*, 1995 — *Охотников С. Б.* Пространственное развитие и контакты полисов Нижнего Поднестровья (VI–III вв. до н. э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья: Материалы конф. / Ред.-сост. М. И. Золотарев. Севастополь: б. и., 1995. С. 120–124.
- Охотников*, 2002 — *Охотников С. Б.* Гидрогеографические условия Нижнего Поднестровья в античную эпоху // Северное Причерноморье: от энеолита к античности: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2002. С. 246–253.
- Охотников*, *Субботин*, 1981 — *Охотников С. Б., Субботин Л. В.* Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. Г. Мезенцева. Киев: Наукова думка, 1981. С. 102–116.
- Редина*, 2013 — *Редина Е. Ф.* Поселения Одесского залива // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова. Одесса: СМЛ, 2013. С. 571–583.
- Редина*, *Папуци-Владыко*, 2003 — *Редина Е. Ф., Папуци-Владыко Е.* Исследования археологического комплекса античного времени у с. Кошары // Археологічні відкриття в Україні в 2001–2002 рр. / Ред.-сост. Н. О. Гаврилюк. Київ: ІА НАН, 2003. С. 240–242.
- Савельев и др.*, 2019 — *Савельев О. К., Савельева К. С., Сінельніков О. С.* Археологічні розвідки на античному поселенні Надлиманське XI // МАСП. Одесса: Ирбис, 2019. Вып. 14. С. 233–241.
- Сальников*, 1966 — *Сальников А. Г.* Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960–1962 гг.) // МАСП. Одесса: Одесский гос. археол. музей, 1966. Вып. 5. С. 176–225.
- Самойлова*, 2004 — *Самойлова Т. Л.* К вопросу о времени основания и гибели античной Тире // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 01–31 марта 2004 г.). СПб.: Гос. Эрмитаж; Нестор-История, 2004. Т. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. С. 108–114.
- Самойлова*, 2011 — *Самойлова Т. Л.* Несколько замечаний об эллинах и варварах Нижнего Поднестровья в доримскую эпоху (контакты и конфликты) // Боспорский феномен: население, языки, контакты: Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Редкол. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 478–481.
- Секерская*, 1989 — *Секерская Н. М.* Античный Никокий и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1989. 127 с.
- Секерская*, *Буйских*, 2019 — *Секерская Н. М., Буйских А. В.* Ранняя расписная керамика из Никония // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Ирбис, 2019. Вып. 14. С. 203–212.
- Синицын*, 1960 — *Синицын М. С.* Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957–1968 гг. // Записки Одесского археологического общества. Одесса, 1960. Т. I (34). С. 189–196.
- Субботин*, 2017 — *Субботин Л. В.* Семёновские курганы. Тирасполь: Stratum plus, 2017 (Археологические памятники Приднестровья; Вып. IV). 180 с.
- Фабрициус*, 1951 — *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 131 с.
- Ochotnikov*, 2006 — *Ochotnikov S. B.* Ancient Greek choras in the lower Dniester Basin // Black Sea Studies. Aarhus: Aarhus University Press, 2006. Vol. 4. P. 81–98.

Zoning of the surroundings of Tyras and Nikonion in the pre-Roman period

A. V. Batasova, A. A. Giblova¹⁰

Keywords: Lower Dniester region, Tyras, Nikonion, rural settlements, settlement system, pre-Roman period.

Settlement of the Lower Dniester region by Ancient Greek colonists has been for a long time a subject of scientific researches. In this paper, an attempt is presented at revising the problem of the zoning of surroundings of Tyras and Nikonion within the chronological frame of the pre-Roman period. It is generally known that during the Late Archaic period, the rural settlements were founded only on the left bank of the Dnieper Liman (estuary) (Fig. 1, *I*). However it is of no small importance that among these settlements, two groups are distinguishable: in the immediate vicinity of Nikonion (southern group) and in the place of the Dniester flowing in the liman (northern group). The surroundings of Tyras were not settled in these times. In the 4th–3rd cen. BC the rural settlements propagate already over the both banks of the Dniester Liman (Fig. 1, *II*). Simultaneously, differences are observed not only in the numbers of the settlements but also in the settlement pattern (Fig. 2). Thus on the left bank of the Dniester Liman, two groups of settlements are again recordable. The southern one is represented by the chora of Nikonion while the northern group was apparently more closely linked with the barbarian periphery. In the surroundings of Tyras, a feature non-typical of the classical chora is in the absence of large agricultural settlements in the immediate closeness to the polis and the increase of the population density at the boundaries of the rural surroundings, i.e. in their maritime part near the estuary of the Dniester. All these facts indicate that trade connections with the barbarians were of great importance in the process of colonization and subsequent restoration of the chora of the Lower Dniester poleis. The basis of the settlement pattern had been laid already at the first stage of the colonization of the region by the Greeks.

---

¹⁰ Angela V. Batasova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: batasova.angela@gmail.com; Anastasiya A. Giblova — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: Giblova A. A.@yandex.ru.

Сосуд царя Арианта: мифологические параллели и археологические реалии

Т. В. Рябкова¹

Аннотация. Анализ сообщения Геродота о сосуде скифского царя Арианта (Hdt. IV. 81) демонстрирует легендарность сообщаемых сведений, которые основаны на общей для индоиранских народов мифологеме о первопродке и праведном царе Йиме-Яме, его необыкновенной стреле, расширяющей пространство и вносящей гармонию в мироздание, и связи с волшебным источником/сосудом. Связь с гигантским сосудом/котлом и/или источником ставит Арианта в ряд обожествленных первопродков и владык загробного мира. Эти представления нашли отражение в фольклоре, зафиксированном Геродотом, в изобразительной традиции, а также в археологическом материале. В западной и восточной частях скифского мира отмечается использование «особой стрелы». Это может быть или выделенная из контекста, или более древняя, или единичная стрела.

Ключевые слова: Ариант, сосуд, Геродот, «особая стрела», скифские памятники.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-120-132

Пассаж Геродота о необыкновенном сосуде скифского царя Арианта неоднократно привлекал внимание исследователей: «Численность населения у скифов я не могу определить точно, так как получил об этом весьма различные сведения. Действительно, согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов, собственно говоря, очень мало. Местные жители, однако, показывали мне вот что: между реками Борисфеном и Гипанисом существует местность под названием Эксампей. О ней я уже упоминал несколько раньше, говоря, что там есть источник горькой воды: вода его течет в Гипанис и делает воду этой реки негодной для питья. В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешивания вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев. Один скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести

по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников этот медный сосуд и выставить в Эксампее. Вот сведения, которые я получил о численности скифов» (Hdt. IV. 81)².

Б. Н. Граков считал Арианта историческим персонажем и занимался поисками места священного источника Эксампей на карте древней Скифии (Граков, 1968. С. 102, 103). Д. С. Раевский интерпретировал рассказ Геродота как отражение представлений о четырехугольной Скифии как организованной вселенной, где центр мира — Эксампей — обладает наивысшей сакральностью, так как именно там совершился акт творения, приведший к созданию упорядоченного космоса. Исследователь полагал, что именно урочище Эксампей было местом проведения праздника, воспроизводившего в ритуале события «начала мира», хотя и считал, что данные Геродота о местоположении этого урочища условны и не соотносятся с реальной географией (Раевский, 2006. С. 142, 143). А. Ю. Алексеев предположил,

¹ Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 199191, Россия; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru.

© Рябкова Т. В., 2023.

² Здесь и далее используется перевод Г. А. Стратоновского по изданию: Геродот, 1993.

что котел, помещенный в Эксампее, мог символизировать ось скифского мира, а сумма всех наконечников стрел является вещественным эквивалентом представления обо всей Скифии (Алексеев, 1991. С. 31). По мнению М. В. Скржинской, нет оснований сомневаться в существовании котла Арианта в Эксампее, подобно тому, как «нет оснований для сомнений относительно большого (но не состоящего из 600 кораблей) флота, взятого Дарием в скифский поход» (Скржинская, 1989. С. 86).

В 2000-е гг., во время работы над кандидатской диссертацией (Рябкова, 2002; 2003), мне представлялось, что рассматриваемый отрывок из Геродота может объяснить специфический элемент погребального обряда ранних кочевников междуречья Дона и Кубани — использование более древнего в сравнении с остальными наконечника стрелы или выделения его в контексте погребения. Александр Николаевич Щеглов — один из рецензентов диссертации — обратил мое внимание на то, что параметры сосуда Арианта уже высчитаны более точно (Марченко, Щеглов, 1989). Нынешнее обращение к этому сюжету вызвано появлением новых данных, необходимостью учесть высказанные тогда замечания и переосмыслением материала.

Эта статья — благодарность и дань памяти А. Н. Щеглову и К. К. Марченко, посвятивших отдельное исследование данному вопросу. Поставив своей целью критически проанализировать пассаж Геродота, они впервые обратили внимание на то, что ни один из комментаторов не подвергал сомнению реальное существование скифского котла в Эксампее, хотя обычай посвящать сосуды в святилища был распространен в греческом мире и неизвестен у скифов (Там же. С. 117). Предположив, что это типичный скифский котел (хотя Геродот и не описывает форму сосуда), с помощью специальной компьютерной программы ученые установили, что существует 72 возможных варианта параметров так называемого сосуда Арианта и количества наконечников стрел, используемых для его изготовления, в зависимости от того, объемом амфор каких античных центров измерялась вместимость котла. В результате получилось, что на создание котла, соответствующего приведенным Геродотом данным и существующим археологическим реалиям, должно было пойти от 3 до 13 млн наконечников стрел, при весе 7–46 т, объеме 12 000–20 000 л, высоте 4,0–9,5 м. Если принять во внимание потери металла при переплавке стрел, которые в зависимости от технологии могли составлять до 1/5 массы исходного материала, то количество наконечни-

ков стрел (и количество принесших их скифов) возрастает до 3,4–15,6 млн. Подобные данные неправдоподобны и вряд ли могут реально отражать демографическую ситуацию в Северном Причерноморье в VI–V вв. до н. э. — ни лесостепные районы, ни тем более степь не могли бы прокормить такое количество людей, не говоря уже о том, что не было технических возможностей для отливки такого котла (Там же. С. 120, 121).

Всё же правомерен вопрос: существовал ли необыкновенный медный сосуд/котел царя Арианта хоть в каком-либо виде или Геродот пересказал местную легенду, переложенную греками Ольвии на свой лад? Необходимо отметить, что в разных переводах предмет назван неодинаково: «медным сосудом» (Геродот, 1993. С. 208) или «медным котлом» (Доватур и др., 1982. С. 132). Если принять первое название, то странно, что внимательный к деталям Геродот не указывает функциональное назначение сосуда, хотя котлы местного изготовления и ритуалы, в которых они использовались, ему известны (Hdt. IV. 60, 61). Однако сравнение с кратером Павсания сближает «медный сосуд Арианта» с сосудом для смешивания вина, который каждый скифский номарх в своем округе ежегодно готовил для пиршества: «из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда и должны сидеть в стороне, как опозоренные» (Hdt. IV. 66). Таким образом, сосуд номарха как символ воинской доблести стоит в одном ряду со знаменитой Нартамонгой, назначение которой — выявлять героев и свидетельствовать о доблести (Дюмезиль, 1990. С. 174, 175). Перечень возможных археологических параллелей медному сосуду значителен: от ситул³ и бронзовых одноручных и двуручных «тазов» из Келермесского и Нартанского могильников до тазов и двуручных блюд из наборов погребальной посуды в курганах Солоха, Курджипис, Чертомлык (см.: Галанина, 1997. С. 150).

Значительно чаще сосуд Арианта называют котлом и в таком качестве связывают его с обычаями варки жертвенного мяса, описанным Геродотом (Боковенко, 1990. С. 167; Галанина, 1997. С. 152; и др.). Исследователи практически единодушно считают этот котел прообразом целого

³ Клепанные сосуды из меди и бронзы, традиционно называемые ситулами, хорошо известны в предскифских и раннескифских памятниках Северного Кавказа и Правобережного Приднепровья (Ильинская, 1975. С. 114; Галанина, 1997. С. 150; Петренко, 2006. С. 83–86; и др.).

ряда скифских котлов VII–III вв. до н. э. как из могильников, так и из числа случайных находок, имевших не только утилитарное, но и символическое значение. Котлы можно считать воплощением идеи о единстве коллектива, символом родового очага и атрибутом власти, своеобразным индикатором, указывающим на личность, связанную с обрядовыми церемониями (Боковенко, 1990. С. 169; Галанина, 1997. С. 152; Кузнецова, 2007. С. 239; и др.).

Убедительность рассказу придает ссылка на местных жителей, фраза «кто не видел, тому я его опишу...», сравнение с известным в античном мире кратером Павсания и весьма подробное описание. Выражение ἀλεφαίρον εἶς οὖνι понимается обычно в том смысле, что Геродоту предмет был показан. Это считают доказательством того, что Геродот был в Эксампее и видел сосуд, хотя история его может быть легендой. Возможно также, что ему только описали его размеры (Доватур и др., 1982. С. 321).

Невероятность размеров подчеркивается постоянным употреблением цифры 6 применительно к его характеристикам (600 амфор, 6 пальцев толщиной, в 6 раз больше). Характерно, что и серебряный кратер — дар легендарного Креза Дельфам — также вмещал 600 амфор (Hdt. I. 51). В таком случае число 600 имеет не фактическое, а чисто умозрительное значение и является показателем значительной величины (Марченко, Щеглов, 1989. С. 121). Числа, кратные шести, часто использовались в греческой системе мер и весов, в которой многое заимствовано с Востока (например, талант состоял из 60 мин). 600 же при шестидесятеричной системе счисления было крупным круглым числом, что и объясняет его использование Геродотом (Скржинская, 1989. С. 85).

Перечисленное может служить доказательством, что гигантский сосуд, описанный Геродотом в таком виде, не существовал, и отец истории передал местную легенду. Если сравнить пассаж о медном сосуде Арианта с описанием, например, скифского жертвоприношения (Hdt. IV. 60, 62), становится заметным отсутствие бытовых деталей и подробностей: похоже, Геродоту о них не сообщили. Но как мифологический прототип реально существовавших скифских сосудов, котлов и даже, вероятно, сакских жертвенников, сосуд Арианта должен иметь параллели в эпических сказаниях индоиранских народов. Вероятно, именно в них следует искать ответы на вопросы, возникающие при чтении этого отрывка из Геродота.

Кто такой Ариант? Почему сосуд/котел связан с источником с горькой водой? Почему он изготовлен именно из наконечников стрел? Каким символическим смыслом наделялась стрела у скифов? Можно ли найти свидетельства какого-то особого, не связанного с их прямой функцией, использования стрел в археологических материалах скифского периода?

Легенда приписывает царю Арианту такие признаки, как *царское достоинство*; связь с *сосудом огромных размеров*, находящимся у источника Эксампей на *границе* земель скифов и ализонов (Hdt. IV. 52); *возможность распоряжаться жизнью и смертью* подвластных людей. Кроме этого, важно упоминание о *наконечнике стрелы*. Вероятно, мифологические аналоги Арианта должны наделяться если не всеми, то хотя бы частью подобных признаков.

Имя Ариант переводится с древнеиранского как ариец (Абаев, 1979. С. 280). В осетинском эпосе упоминается единственный царь — Барастыр, владыка загробного мира, имя которого переводится как «наделенный властью». Без его разрешения никто не может попасть в загробный мир и уйти оттуда (Мифологический словарь, 1991. С. 87). Функции его сходны с таковыми индийского Варуны (Дюмезиль, 1990. С. 188).

Варуну в Ведах называют царем над миром, богами и людьми (РВ. II, 27.10; V, 85.3 и т. д.), основная черта которого — связь с космическими водами. В Махабхарате устанавливается более тесная связь Варуны с нижним царством и смертью, у него появляются функции, первоначально свойственные Яме. Яма считался первым умершим. Хотя его имя фигурирует в перечнях богов, сам он назван не богом, а только «собирателем людей и царем» (РВ. X, 14.1). Согласно «Ригведе» он был «первым, кто нашел для нас выход, куда (некогда) прошли наши древние отцы, туда все рожденные последуют по своим путям». Умерший должен будет увидеть Яму и Варуну — «обоих царей, радующихся поминальной жертве». Яма дарует ему «место упокоения, украшенное днями, водами, ночами» (РВ. X, 14.2–9).

В иранской мифологии царским достоинством обладает Йима: владыка мира в эпоху золотого века, первый умерший, проложивший путь в загробный мир и ставший его владыкой (Авеста..., 1998. С. 75). Одним из атрибутов Йимы является стрела⁴, которую он получил от Ахура-Мазды

⁴ О вариантах перевода слова и толкованиях названий этого предмета разными исследователями см.: Чугунов, 2018. С. 29.

наряду с плетью и при помощи которой раздвигал границы земли (*Видевдат*. II. 6)⁵. Небесная стрела упомянута в гимне звезде Тиштрии (*Яшт*. 8. 6, 37)⁶. Ее выпустил Эрекса, «стрелок из арьев лучший», ее стремительный полет направлял Ахура-Мазда, Митра прокладывал ей путь, а следовали «божественная Аши» и «богатство на колеснице быстрой», пока не опустилась стрела на гору Хванаван. Название горы Хванаван переводится как «солнечный» — стрела летит в сторону света и распространяет «Аши» — гармонию и правду. Более отчетливая связь Эрекса-Араша со стрелой, границами и смертью прослеживается в иранском сказании об Араше-лучнике, который стал символом доблести и жертвенности. Граница между Ираном и пришлыми кочевниками (Тураном) была определена стрелой, пущенной Арашем и пролетевшей тысячи километров до Амударьи за счет того, что стрелок вложил в этот выстрел всю свою силу и умер (*Мифологический словарь*, 1991. С. 55).

Итак, мы видим, что в древнейших мифологических системах важная для Арианта связь с сосудом/котлом отсутствует, однако очевидна связь его аналогов с мировыми водами и стрелами.

Котел и источник — важные составляющие кельтской мифологической традиции. Владелец чудесного котла изобилия, от которого люди не уходили голодными, — ирландский Дагда — имеет второе, говорящее, имя Эохайд Олатайр (Эохайд Отец Всех), его власть над жизнью и смертью символизирует палица, одним концом поражающая девятых воинов, а другим — возвращающая их к жизни. В сказании «Битва при Маг Туиред» упоминается источник Слане, в который погружались сраженные насмерть воины, а выходили из него невредимыми» (*Предания и мифы...*, 1991. С. 44). Валлийский Бендигейд Вран (Благословенный Вран) — владелец котла оживления, мудрый и могучий правитель Британии (*Мабиногион...*, 1995. С. 26). Котел оживления, который часто ассоциируется с глубоким озером Лин-Тегид (озеро Дивное), родственен другим чудесным котлам и чашам с неиссякаемым содержимым, из которых питаются души умерших в загробном мире (*Там же*. С. 186–189). Представления о котле оживления нашли отражение и в изобразительной кельтской традиции: на одной из пластин культового котла из местечка Гундеструп в Дании, датируемого I в. до н. э., изображена гигантская фигура, опускающая в котел

вниз головой маленького человечка. Очевидно, что котел, озеро и источник — явления одного порядка и назначения, потому что в соответствии с ирландской легендой воины оживали в источнике, а с валлийской — в котле Бендигейда Врана.

В осетинском эпосе тоже есть замечательный сосуд с неиссякаемым содержимым, способный выявить ложь и правду и определять достоинства нартов — Нартамонга (Уацамонга) (*Дюмезиль*, 1990. С. 175–178). В абхазском варианте сказания о нартах повествуется о нартских кувшинах, «самый большой, великий из которых Вадзамакят вмещал 600 обычных нартских кувшинов, его изготовили особым способом, как и кто — неизвестно... Вино обладало особой силой: выпив его, воины становились более могучими, и сколько не черпай из него — оно не убывало. Говорят, что клали в этот кувшин разрубленную красную змею. Но где она водится — никому не ведомо» (*Там же*. С. 179).

Очевидно, что связь с гигантским сосудом/котлом и/или источником ставит Арианта в ряд обожествленных первопредков и владык загробного мира. В таком случае и котел, и источник с горькой водой и выразительным названием Эксампей — Священные Пути (Hdt. IV. 52) — могут существовать только в пространстве мифа. Эксампей стоит в одном смысловом ряду с котлом оживления и отражает связь ведического Варуны — прототипа Арианта — с мировыми водами.

Сама локализация Эксампея на границе земель скифов и ализонов неслучайна. Обряды и жертвоприношения древние предпочитали совершать в лиминальных (пограничных) ситуациях (*Мабиногион...*, 1995. С. 184, прим. 15). Однако это не исключает того, что любой котел мог воплощать идею, лежавшую в основе изготовления легендарного котла (*Алексеев*, 1991. С. 32), и надеяться функциями «сосуда царя Арианта».

Итак, если мифический сосуд/котел Арианта находится в центре организованной вселенной и занимает важное место в праздничном ритуале, воспроизводящем события «начала мира» (*Раевский*, 2006. С. 143), то упомянутые выше сказания об Йиме, Эрексе и Араше-лучнике содержат намек на объяснение, почему он сделан из наконечников стрел. При помощи стрелы раздвигаются границы, гармонизируется мироздание, восстанавливается справедливость, но она — только оружие в руках безупречного человека.

Принесение стрелы Арианту для изготовления общего сосуда символически обозначает, что каждый, участвующий в ритуале, действует

⁵ *Видевдат*, II, 6. См. в книге: *Авеста...*, 1998. С. 77.

⁶ *Яшт* 8. См. в книге: *Авеста...*, 1998. С. 260.

заодно с Йимой и Эрехшей, он достоин принимать в нем участие. Периодичность совершения ритуала подразумевает многократность воспроизводства определенных действий, и значит, стрелы должны были приноситься Арианту постоянно (и неважно, как именно они использовались).

О значительной символической нагрузке понятия «стрела» свидетельствует множество синонимов для него в Авесте. Некоторые воспринимаются как стандартная характеристика наконечника стрелы — «острый», «парящий», другие загадочны — «сияющая змея», «змея для сражения», «путь». По данным А. В. Вертиенко, этимология слова «стрела» в авестийском языке подтверждает существование семантической линии, отождествляющей стрелы со змеями (Вертиенко, 2015. С. 90–95). Возможно, это и объясняет странное упоминание о красной змее, которую клали в кувшин Вадзамякат — мифологический аналог Нартамонги и сосуда Арианта.

Безусловно, в символическом поле скифской культуры понятие «стрела» имело дополнительную семантическую составляющую. Стрела упомянута в тексте IV книги «Истории» Геродота семь раз, но никогда это не связано с обыкновением рядовым событием:

1) гиперборей Абарис странствовал по земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался⁷ (Hdt. IV. 36);

2) во время клятвы скифы погружают в чашу стрелы, меч, секиру, копье (Hdt. IV. 70);

3) во время совершения царского погребального обряда скифы прокалывали левую руку стрелами (Hdt. IV. 71);

4) царь Скифии Савлий убил стрелой из лука своего брата Анахарсиса, когда убедился, что тот совершал эллинский обряд поклонения Матери Богов (Hdt. IV. 76);

5) из наконечников стрел сделан котел царя Арианта (Hdt. IV. 81);

6) фракийские племена, поклоняющиеся Салмоксису, во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как не признают иного бога, кроме своего (Hdt. IV. 94);

7) скифские цари отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышшь, лягушку, пять стрел, что было истолковано Гобрием как обещание смерти (Hdt. IV. 131, 132).

Все эти пассажи вызывают ассоциации с праведным Йимой и небесной стрелой Эрехши, сле-

дованием справедливости, возмездием, клятвой, обрядом перехода в мир предков. Поскольку круг этих представлений отразился в устной фольклорной традиции, то он должен был зафиксироваться и в изобразительной традиции, а также в археологическом материале.

Видимо, изображение сидящего перса со стрелой на щитке золотого перстня из гробницы на горе Митридат в Керчи (рис. 1, 1) следует трактовать в контексте сюжетов об Йиме и Эрехше, а не как «одетого в экзотический для грека костюм персидского воина, сидящего в естественной позе за будничным занятием» (Калашиник, 2014. С. 76). Сакральный смысл сцены на перстне доказывает изображение на аверсе статера из Тарса: над стрелой в руках сидящего перса парит крылатый солнечный диск — символ божественного покровительства (рис. 1, 2) (Горнчаровский, Терещенко, 2023. С. 45).

Сейчас невозможно однозначно определить, какой именно смысл вкладывали в ритуалы с использованием стрел в скифское время. Стрела могла восприниматься как дар — плата — пропуск в мир Арианта или же символизировать переход «коренного скифа» под власть царя-первопредка. Становится понятным огромный размер его сосуда, возможно, он сделан из наконечников стрел всех когда-либо живших скифов, так же как огромный корабль царства мертвых Нагльфар сделан из ногтей всех умерших (Младшая Эдда, 1994. С. 89). Вопрос о ритуальном и символическом значении стрел поднимался неоднократно. В. Г. Петренко обратила внимание на то, что в колчаных наборах скифских погребений в целом ряде случаев отмечается наличие одной-двух более древних по отношению к большинству стрел колчана и предположила их ритуальное значение (Петренко, 1990. С. 61). Б. Н. Граков отметил, что двухлопастные втульчатые наконечники стрел из бронзы служили денежным эквивалентом наподобие ольвийских дельфинчиков (Граков, 1968. С. 104–106). Отмечено, что стрелы, являющиеся зачастую основанием для датирования комплекса, могут быть более архаичного облика, чем прочий инвентарь, и не являются основанием для ранних дат. Возможно, древние стрелы как наиболее близкие ко времени первопредка и царя Арианта могли быть предпочтительнее в качестве жертвы (Алексеев, 1991. С. 31).

И хотя все предположения остаются только предположениями, можно утверждать, что в археологических памятниках скифского времени есть примеры необычного использования

⁷ О гиперборейях, Рипейских горах и скифских темах в Авесте и Ригведе см.: Бонгард-Левин, Грантовский, 1974.

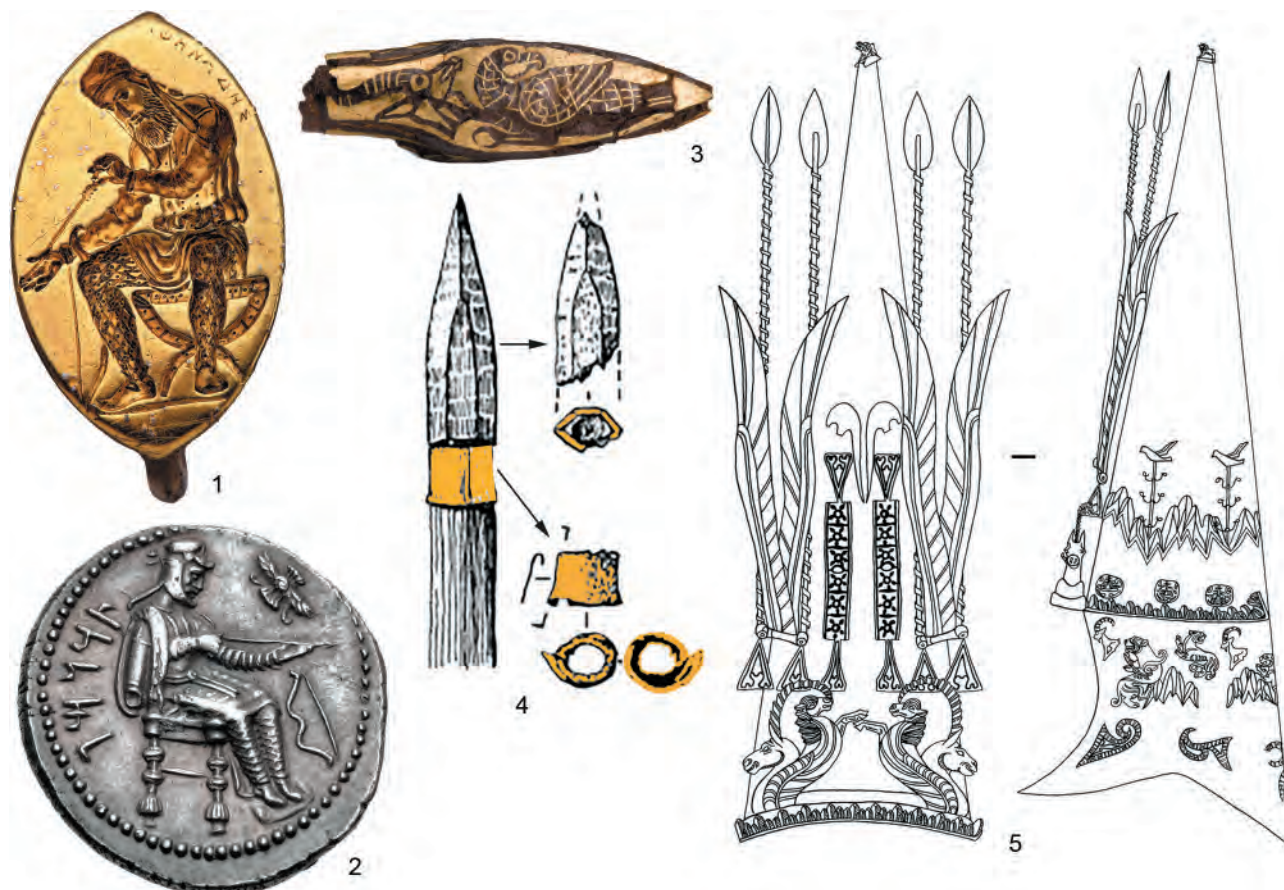

Рис. 1. Находки, подтверждающие значение стрелы как символа власти в традиции скифских народов: 1, 2 — стрела — символ власти (1 — перстень-печать с изображением сидящего перса, некрополь Пантикапея (Калашиник, 2014. С. 76); 2 — статер из Тарса, аверс (Горончаровский, Терещенко, 2023. Рис. 4)); 3–5 — «стрелы Ыимы» в царских курганах Тувы, Алтая, Казахстана (3 — железный наконечник стрелы с золотой аппликацией, курган Аржан-2 (Чугунов, 2018. Рис. 4); 4 — реконструкция наконечника стрелы, могильник Локоть 4а, курган 9, могила 1 (Шульга, 2003. Рис. 38, 2–4); 5 — реконструкция головного убора, курган Иссык (Акишев, 1978. Рис. 62, 63))

Fig. 1. Findings confirming the significance of the stele as a symbol of power in the tradition of the Scythian peoples: 1, 2 — Arrow — symbol of power (1 — signet-ring with a representation of a sitting Persian, necropolis of Pantikapaion (Калашиник, 2014. С. 76); 2 — stater from Tarsus, obverse (Горончаровский, Терещенко, 2023. Рис. 4)); 3–5 — “Arrows of Yima” from royal kurgans in Tuva, Altay and Kazakhstan (3 — iron arrowhead with a gold application, Arzhan-2 barrow (Чугунов, 2018. Рис. 4); 4 — reconstruction of an arrowhead, cemetery of Lokot 4a, barrow 9, grave 1 (Шульга, 2003. Рис. 38, 2–4); 5 — reconstruction of a headwear, Issyk barrow (Акишев, 1978. Рис. 62, 63))

наконечников стрел, которые могут быть связаны с легендой об Арианте-Йиме.

На востоке Евразии подобный обычай существовал на протяжении VII–III вв. до н. э. Так, в колчанном наборе царского погребения в кургане Аржан-2 в Туве из 84 наконечников один железный выделялся почти вдвое превышающими прочие наконечники размерами и необычным декором. На каждой его грани — аппликация из золота с изображением копытного и хищной птицы (рис. 1, 3). Такой наконечник может быть соотнесен со стрелой, при помощи которой Ыима расширял землю. Интересно, что обычай ис-

пользования «особой», отличающейся от прочих наконечников декором или сравнительной архаичностью стрелы зафиксирован как в аристократических, так и в рядовых погребениях (Чугунов, 2018. С. 29, 30). Единственный наконечник стрелы с золотой фольгой (рис. 1, 4) был обнаружен в погребении 1 кургана 9 могильника Локоть 4а на Алтае. Наряду с огромным количеством нашивных блях, украшавших костюм и головной убор, вдоль правой ноги погребенного были прослежены остатки обращенного к пяткам деревянного древка стрелы длиной 50–51 см с плохо сохранившимся втульчатый роговым наконечником

и лежащий неподалеку оконечник древка стрелы из золотой фольги (Шульга, 2003. С. 25). Головной убор «золотого человека» из кургана Иссык украшали четыре украшения в виде стрел, состоявших из древков, обвитых золотыми лентами, верхние концы которых завершались золотыми плоскими наконечниками листовидной формы (рис. 1, 5). По мнению К. А. Акишева, наконечники явно имитируют форму архаических наконечников стрел (Акишев, 1978. С. 26).

В памятниках западной части скифского мира также отмечены следы обычая использования «особой стрелы». Как правило, наиболее древние в сравнении с прочими наконечники стрел находят не вместе с остальными, а в насыпи, ровике, заполнении могилы, ими может быть убито жертвенное животное и т. д. Иногда наконечник стрелы вообще является единственным в погребении. Например, в Подонье в центральной части кургана 5 могильника Красногоровка найден бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник с шипом, не затачивавшийся после отливки и не использовавшийся по назначению (Беспалый, Парусимов, 1991. С. 190). В погребении 8 кургана 7 могильника Новоалександровка вместе с воином был обнаружен колчан со стрелами, но один бронзовый двухлопастной наконечник был в заполнении над погребением (Кореняко, Лукьяшко, 1982. С. 153). В Приднепровье в кургане у с. Глеваха единственный наконечник трехлопастной стрелы с обломанным шипом найден в насыпи над погребальной камерой (Тереножкін, 1954. С. 94). Бронзовый наконечник стрелы обнаружен в северо-восточной части каменного кромлеха, окружавшего курган с раннескифским изваянием у с. Гладкого Васильевского района Запорожской области (Самар, 1999. С. 228). Единственный в погребении двухлопастной наконечник с отломанным шипом найден в канавке, окружавшей яму кургана 472 у с. Макеевка в Приднепровье (Галанина, 1977. С. 32).

Вариантом традиции «выделенной из контекста» и «особой» стрелы является и помещение более древних по сравнению с остальными стрел в колчан. Достаточно стандартна ситуация, когда в колчанном наборе несколько стрел относится к более раннему периоду. Так, наконечник новочеркасского облика, хронологически выпадающий из набора стрел, найден в колчанном наборе кургана 2 у с. Долиняны (Черновицкая область, Украина) (Смирнова, 1993. С. 112), наконечник приземистой формы с широко расставленными лопастями из колчана кургана 2 у с. Перебыковцы

(Черновицкая область, Украина) морфологически близок к стрелам из кургана у с. Глинище (Керчь) и кургана 20 Нартанского могильника (Чегемский район, Кабардино-Балкария) (Там же. С. 116). В наборе самого древнего в могильнике Нартан кургана 20 подобный наконечник — тоже анахронизм: он близок прототипам эпохи бронзы (Батчаев, 1985. Табл. 48, 35).

Обычай помещать в колчан такую особую древнюю стрелу сохраняется в скифском мире и позднее. Например, все разновидности наконечников стрел из колчаных наборов кургана Чертомлык (Днепропетровская область, Украина) находят соответствия в колчаных наборах IV в. до н. э., и лишь один экземпляр, обнаруженный во входном колодце, датируется VII–VI вв. до н. э. Авторы публикации отмечают, что подобные находки ранних наконечников в поздних комплексах зафиксированы также в курганах Огуз (Херсонская область, Украина) и Первом Семибратнем (Краснодарский край) (Алексеев и др., 1991. С. 96). В насыпи Краснокутского кургана (Днепропетровская область, Украина) четыре наиболее ранних наконечника обнаружено в насыпи. Обратив внимание на их древность, автор публикации предположила случайность их попадания в насыпь (Мелюкова, 1981. С. 63, 64). Все они относятся к разным типам (Там же. С. 64, рис. 18, И–Л), что подразумевает сознательный отбор, но никак не случайность.

В Закубанье подобная традиция появляется с приходом нового населения в начале — первой половине VII в. до н. э. В кургане Уашхиту (Адыгея) единственный наконечник стрелы обнаружен в насыпи (рис. 2, 1) (Эрлих, 1994. С. 25). Двухлопастной бронзовый наконечник стрелы найден в верхней части заполнения ямы погребения 2 кургана 3 могильника Дыш IV (Адыгея) (рис. 2, 2) (Маслов и др., 2020. С. 299, рис. 5, 13). В кургане 24 могильника Келермес (Адыгея) основное скопление из 47 наконечников различных типов зафиксировано к западу от бронзового сосуда на дне могильной ямы (Галанина, Алексеев, 1990. С. 36). Отличающийся от прочих архаичный двухлопастной асимметрично-ромбический наконечник (рис. 2, 3) обнаружен в насыпи; трехлопастной с обломанным шипом — на выкиде из могильной ямы⁸. Под невысокой насыпью кургана 23 Келермеса в северо-западной поле на уровне древнего горизонта наряду с остатками кострищ обнаружен

⁸ Выражаю искреннюю благодарность автору раскопок А. Ю. Алексееву, сообщившему мне об этом.

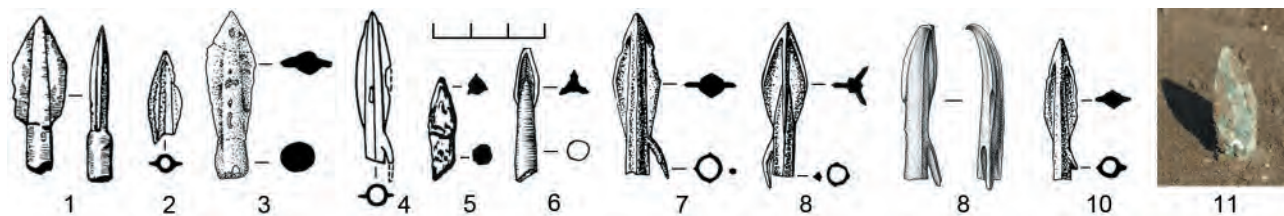

Рис. 2. Наконечники стрел: 1–5 — из курганов Закубанья (1 — курган Уашкхиту (Эрлих, 1994. Рис. 82, 3); 2 — могильник Дыш IV, курган 3, погребение 2 (Маслов и др., 2020. Рис. 5, 13); 3–5 — Келермес, курганы 24, 23, 29 (Галанина, 1997. Табл. 12, кат. 393, 394)); 6–11 — из Разменных курганов (6–9, 11 — Первый (Костромской) курган; 10 — Десятый курган)

Fig. 2. Arrowheads: 1–5 — from barrows of the Trans-Kuban region (1 — Uashkhitu barrow (Эрлих, 1994. Рис. 82, 3); 2 — cemetery of Dysh IV, barrow 3, burial 2 (Маслов и др., 2020. Рис. 5, 13); 3–5 — Kelermes, barrows 24, 23 and 29 (Галанина, 1997. Табл. 12, кат. 393, 394)); 6–11 — from Razmennye barrows (6–9, 11 — First (Kostromskoy) barrow; 10 — Tenth barrow)

единственный двухлопастной наконечник с шипом (рис. 2, 4). В таком же небольшом кургане 29 единственный трехгранный наконечник стрелы (рис. 2, 5) обнаружен среди погребений лошадей на уровне древнего горизонта (Галанина, 1997. С. 46). Л. К. Галанина отнесла эти курганы ко второму типу келермесских погребальных памятников и сравнила их с курганами могильника Уйгарак (Казахстан) (Там же. С. 72). По мнению В. Р. Эрлиха, курганы 23 и 29 можно считать культовыми сооружениями — святилищами (Канторович, Эрлих, 2006. С. 20).

Многолетние работы Южно-Кубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в Мостовском районе Краснодарского края позволили обнаружить новые свидетельства существования ритуалов с использованием стрел. При повторном исследовании Первого Разменного (Костромского) кургана было установлено, что сначала с применением травы и мокрого грунта была сооружена подкурганная площадка для погребальной конструкции и жертвенных ям. В западной части этой площадки были обнаружены железный (рис. 2, 6) и бронзовый (рис. 2, 7) наконечники стрел. Необычное положение бронзового двухлопастного наконечника в толще площадки (рис. 2, 11) можно объяснить тем, что он попал на влажную площадку и «утонул». насыпь возводилась в несколько этапов после проведения погребальных ритуалов и сожжения конструкции. Вероятно, между первоначальной засыпкой и окончательным возведением насыпи прошло какое-то время. На поверхности первоначальной насыпи обнаружен трехлопастной бронзовый наконечник стрелы (рис. 2, 8). Еще один наконечник стрелы из Первого Разменного (Костромского) кургана

происходит из раскопок Н. И. Веселовского в 1897 г. и ныне хранится в Государственном Историческом музее⁹. Странно, что в колчан (если он там был) попал непригодный к использованию наконечник с искривленным от удара бойком (рис. 2, 9). Такие наконечники в погребальном контексте практически неизвестны. Не находит объяснения и тот факт, что он единственный, хотя в отчете сообщается о двух кожаных колчанах и стрелах во множественном числе (ОАК за 1897 г. 1900. С. 13).

Небольшой по размеру Десятый Разменный курган конструктивно схож с курганами 23 и 29 Келермеса. насыпь была возведена над погребением человека, которое находилось на уровне древнего горизонта. Над ним была установлена стела. С запада вокруг этого погребения правильным полукольцом были уложены взнузданные лошади, а с востока на уровне древнего горизонта был обнаружен единственный в кургане бронзовый двухлопастной наконечник стрелы (рис. 2, 10).

Тарасова Балка, изначально принятая за поселенческий памятник, расположена в 400 м к северо-востоку от Первого и Десятого Разменных курганов. Здесь в центральной и самой высокой части холма находилось скопление артефактов площадью свыше 500 кв. м, которое, по сути, является зольником. В нем преобладают фрагменты лепной и античной керамики, расколотые гальки и каменные орудия, куски обмазки от очагов и кости животных. Наряду с этим обнаружены намеренно разбитые и фрагментированные предметы конской упряжи, панцирные чешуйки,

⁹ Выражаю искреннюю благодарность хранителю коллекции К. Б. Фирсову за возможность работать с материалом.

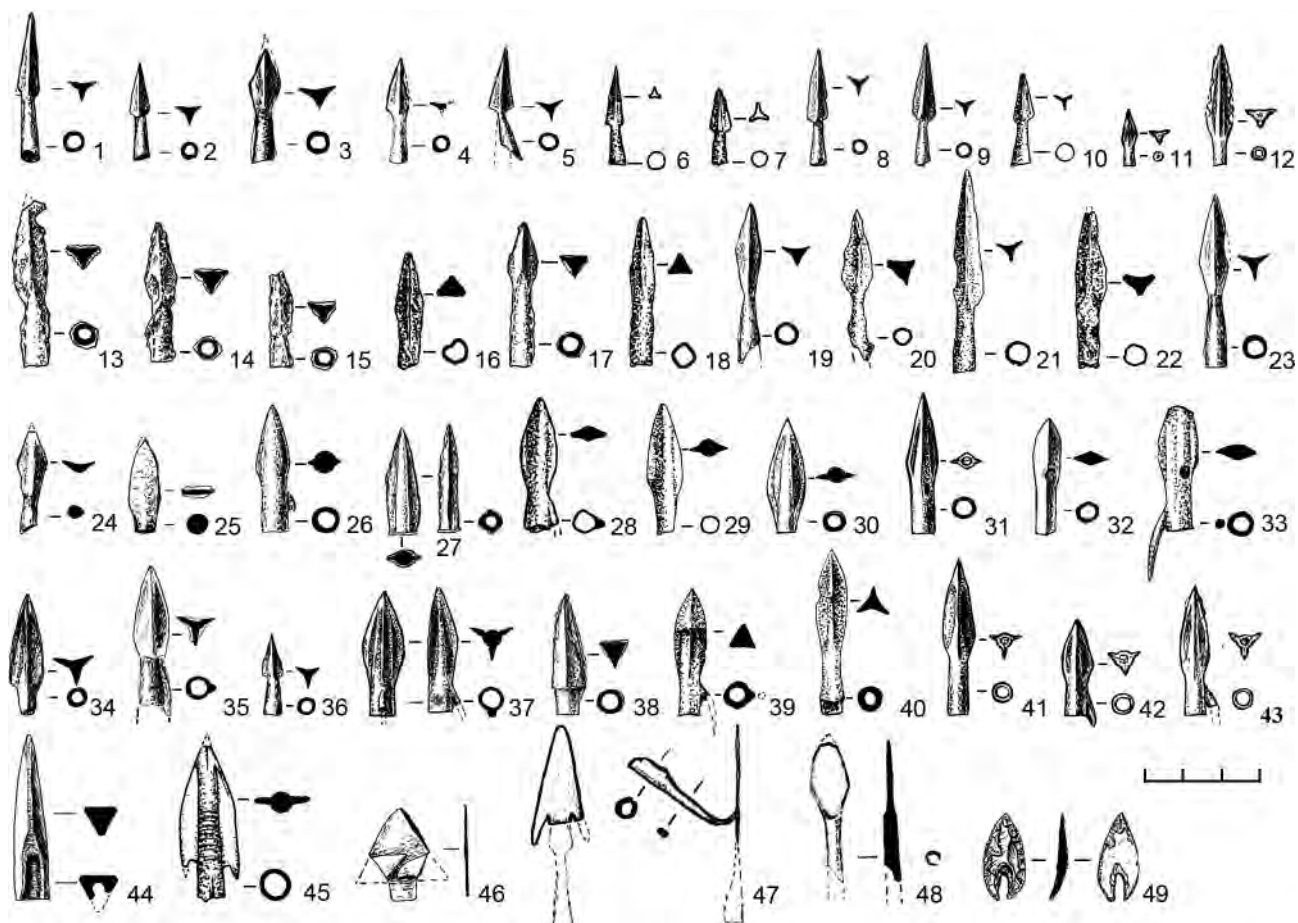

Рис. 3. Наконечники стрел, Тарасова Балка. 1–25, 47, 48 — железо; 26–43, 45, 46 — бронза; 44 — кость; 49 — кремнь

Fig. 3. Arrowheads, Tarasova Balka. 1–25, 47, 48 — iron; 26–43, 45, 46 — bronze; 44 — bone; 49 — flint

портупейные крюки, пряслица, ножи, оселки и наконечники стрел. В ходе исследования данного объекта найдено раннемеотское погребение. По находкам ойнохой милетского производства его датируют в границах второй половины VII — начала VI в. до н. э. Никаких следов жилищ или мастерских не обнаружено. По периметру от зольника в местах, где были отмечены геомагнитные аномалии, зафиксированы площадки с глиняными промазками на уровне древнего горизонта, многочисленные куски грубых лепных конструкций, иногда однослойные выкладки из галечника, мелкие фрагменты лепной и античной керамики, каменных орудий. Примечательно, что до сих пор в подобных местах не обнаружено фрагментов упряжи и панцирей, хотя оселки, ножи, перекрестье акинака, наконечники стрел встречаются. Интерпретация всех площадок стала возможной после исследования комплекса 3 раскопа 5 в 2019–2021 гг., когда

выяснилось, что куски грубых лепных конструкций — на самом деле части разбитого округлого сооружения, возможно очага. находка слива позволила предположить, что это не просто очаг, а жертвенник. Вероятно, что для совершения неких обрядов из глины и донных отложений¹⁰ соорудилась округлая площадка-очаг с бортиком и сливом, на которой разводился огонь. После совершения обряда конструкцию разбивали или разбрасывали, а остатки тризны и разбитые предметы ссыпали в центр, над которым вырастал холм (Рябкова, 2022).

Основная часть наконечников стрел Тарасовой Балки обнаружена в слоях зольника, некоторые происходят из комплексов на площадках.

¹⁰ Согласно данным петрографического анализа, очаги-жертвенники изготовлены из торфо-сапропелевых отложений либо из глины с добавлением торфа в качестве отощителя.

В зольнике наконечники стрел зафиксированы в разных местах, на различных глубинах и без какого-либо порядка. Единственной закономерностью можно считать их разнообразие: среди более 50 наконечников с трудом можно найти пару похожих, хотя большинство из них, безусловно, относятся к разным этапам периода скифской архаики. В их числе стрелы из бронзы и железа, двух- и трехлопастные, отличающиеся друг от друга по размерам, форме пера, длине втулки и составу металла (рис. 3, 1–43). Встречаются и уникальные для этих мест и времени «раритеты», среди них килевидный двухлопастной наконечник предскифского периода (рис. 3, 45), кобанский плоский (рис. 3, 46), железный плоский наконечник с двумя свисающими жалъцами и свернутой из плоского листа втулкой¹¹ (рис. 3, 47), железный плоский листовидный с такой же втулкой (рис. 3, 48) и даже кремневый наконечник эпохи бронзы (рис. 3, 49). Важно отметить, что часто наконечники повреждены, и в некоторых случаях это явно намеренные сломы (рис. 3, 13, 33, 46–48). Находки наконечников стрел на ритуальных площадках, как правило, единичны. Иногда они древнее прочего материала, дата которого определяется по фрагментам расписных милетских сосудов и амфорной тары. Например, из комплекса 2017 г. происходит кремневый наконечник стрелы (рис. 3, 49), из комплекса 2015 г. — двухлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 3, 30).

Разнообразие наконечников стрел Тарасовой Балки можно объяснить тем, что для обрядов на площадках использовались один-два наконечника, которые потом вместе с прочими остатками ритуала ссыпались в центр холма. Эта практика напоминает о целом ряде скифских погребений, в инвентаре которых обнаружено лишь одна-две стрелы. Это курганы 454 и 461 у с. Макеевка в Приднепровье (Галанина, 1977. С. 22); центральная и южная могилы кургана 1 у хут. Красное Знамя в Старополье; курган 1953 г. у г. Ставрополя (Петренко, 1990. С. 79, 80); погребение 8 кургана 4 у с. Полковая Никитовка (Харьковская область,

Украина) (Моруженко, 1986. С. 115); погребение 2 могильника Индустрия-1 (Ставропольский край); погребение у Кабан-горы (Ставропольский край) (Афанасьев, Козенкова, 1981. С. 162, 175) и др. Очевидно, что такие стрелы нельзя считать колчаным набором, поэтому назначение их могло быть иным. Обычай класть в могилу одну-две стрелы можно интерпретировать по-разному: стрелы являлись безусловной ценностью, и в таком случае одна стрела символизировала целый колчан; возможно, стрелы клали в могилу с ритуальной целью как жертву Арианту.

Археологические материалы свидетельствуют о существовании идеи об «особой стреле» как на востоке, так и на западе скифского мира. Это могла быть либо выделенная из контекста, либо единичная, либо древняя стрела. Очевидно, что подобные находки — явление достаточно обычное, хотя и не получившее приемлемого объяснения. Учитывая легенду о сосуде царя Арианта, можно считать, что стрелы в погребениях и жертвенных местах скифского периода, безусловно, являлись частью ритуалов, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку (Ольховский, 1999. С. 115). Использование древних стрел можно соотнести с наблюдением Геродота об использовании древнего акинака (Hdt. IV. 62). Может быть, в могилу опускались и оказывались в насыпи те самые стрелы, которыми расцарапывали свою левую руку оплакивающие покойного (Hdt. IV. 71). Древняя стрела была символом смерти «коренного скифа» и сопровождала его в царство Арианта. Бронзовые котлы и сосуды символизировали в погребениях сосуд царя Арианта. Распространенность и отраженная в археологических источниках долговременность бытования подобных обычаев демонстрирует, что в основе их лежит мифологема, восходящая к временам индоиранского единства. Представления о праведном первопредке и царе Йиме-Арианте и его удивительной стреле, вносившей гармонию в мироздание, а также связь его с мировыми водами, источником и чудесным сосудом существовали на протяжении тысячелетий и дошли практически до наших дней в виде сказаний о нартах.

¹¹ Аналогии этому наконечнику найти пока не удалось.

- Абаев, 1979 — Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. В 5 кн. Кн. 1: Древнеиранские языки / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. С. 272–364.
- Авеста..., 1998 — Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. СПб.: Журнал «Нева» — РХГИ, 1998. 480 с.
- Акишев, 1978 — Акишев К. А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Алексеев, 1991 — Алексеев А. Ю. Котел из кургана Раскопана Могила как реплика легендарного котла скифского царя Арианта // Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1991. Вып. LV. С. 31–33.
- Алексеев и др., 1991 — Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
- Афанасьев, Козенкова, 1981 — Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 2. С. 161–177.
- Батчаев, 1985 — Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. — II в. н. э.) / Ред. М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985 (Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.; Т. 2). С. 7–116.
- Беспалый, Парусимов, 1991 — Беспалый Е. И., Парусимов И. Н. Комплексы переходного и раннескифского времени на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3. С. 179–195.
- Боковенко, 1990 — Боковенко Н. А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // Древние памятники Кубани. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 1990. С. 166–174.
- Бонгард-Левин, Грантовский, 1974 — Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М.: Мысль, 1974. 124 с.
- Вертиенко, 2015 — Вертиенко А. В. Стрела: этимология термина и археология // Труды Гос. Эрмитажа. 2015. Вып. LXXVII. С. 88–96.
- Галанина, 1977 — Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М.: Наука, 1977 (САИ; Вып. Д 1-33). 68 с.
- Галанина, 1997 — Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
- Галанина, Алексеев, 1990 — Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 35–54.
- Геродот, 1993 — Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1993. 600 с.
- Горончаровский, Терещенко, 2023 — Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. О культе Феба Аполлона в Лабрисе // Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время: Материалы XIII Всерос. науч. конф. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2023. С. 43–46.
- Граков, 1968 — Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология, этнография Средней Азии: Сб. ст. / Редкол.: А. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1968. С. 101–115.
- Доватур и др., 1982 — Доватур А. А., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 456 с.
- Дюмезиль, 1990 — Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 232 с.
- Ильинская, 1975 — Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1975. 221 с.
- Калашник, 2014 — Калашник Ю. П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 280 с.
- Канторович, Эрлих, 2006 — Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М.: Гос. Музей Востока, 2006. 232 с.
- Кореняко, Лукьяшко, 1982 — Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3. С. 149–164.
- Кузнецова, 2007 — Кузнецова Т. М. Скифские котлы (сакральный маркер социума) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 239–243.
- Мабиногион..., 1995 — Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса / Пер., вступ. статья и примеч. В. В. Эрлихмана. М.: Ладомир, 1995. 214 с.
- Марченко, Щеглов, 1989 — Марченко К. К., Щеглов А. Н. До Геродота IV 81 // Археология. 1989. № 3. С. 117–121.
- Маслов и др., 2020 — Маслов В. Е., Гей А. Н., Андреева М. В. Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV) // Stratum plus. 2020. № 3: Рожденные в пути. С. 293–330.
- Мелюкова, 1981 — Мелюкова А. И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.
- Мифологический словарь, 1991 — Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1991. 709 с.
- Младшая Эдда, 1994 — Стурлусон С. Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой; отв. ред. и авт. примеч. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Ладомир, 1994. 254 с.
- Моруженко, 1986 — Моруженко А. А. Скифские погребения в бассейне Ворсклы // Проблемы

- археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 1986. С. 111–119.
- ОАК за 1897 г. 1900 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 192 с.
- Ольховский, 1999 — Ольховский В. С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 114–136.
- Петренко, 1990 — Петренко В. Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 60–81.
- Петренко, 2006 — Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, 2006. 309 с.
- Предания и мифы..., 1991 — Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. ст. и комм. С. В. Шкунаева. М.: Изд-во МГУ, 1991. 284 с.
- Раевский, 2006 — Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
- РВ — Ригведа. Мандалы I–IV / Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. 767 с.; Ригведа. Мандалы IX–X / Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 559 с.
- Рябкова, 2002 — Рябкова Т. В. Скифская легенда о сосуде царя Арианта в передаче Геродота и ее отражение в археологическом материале // Этническое единство и специфика культур: Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений: Тез. конф. / Отв. ред. А. В. Коновалов. СПб.: Российский этнографический музей, 2002. С. 9–13.
- Рябкова, 2003 — Рябкова Т. В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология. СПб., 2003. 392 с.
- Рябкова, 2022 — Рябкова Т. В. Обрядовые практики населения Закубанья в период скифской архаики (по материалам Тарасовой Балки) // Евразия в энеолите — раннем средневековье: Материалы международного науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 161–164.
- Самар, 1999 — Самар В. А. Раннескифское погребение со скульптурой с Нижнего Днепра // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. Запорожье: Запорожский ГУ, 1999. С. 228–233.
- Скржинская, 1989 — Скржинская М. В. О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота // ВДИ. 1989. № 4. С. 79–91.
- Смирнова, 1993 — Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. № 2. С. 101–118.
- Тереножкін, 1954 — Тереножкін О. І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. 1954. Т. 9. С. 80–97.
- Чугунов, 2018 — Чугунов К. В. Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археологія і давня історія України. Київ: НАН України, 2018. Вип. 2. С. 25–34.
- Шульга, 2003 — Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть 4а. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2003. 204 с.
- Эрлих, 1994 — Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М.: Гос. Музей Востока, 1994. 196 с.

The cauldron of the King Ariantas: mythological parallels and archaeological realities

T. V. Ryabkova ¹²

Keywords: Ariant, vessel, Herodotus, “special arrow”, Scythian monuments.

The critical analysis of Herodotus' story about the bronze vessel of the King Ariantas proposed by A. N. Shcheglov and K. K. Marchenko showed that a cauldron of the specified dimensions cannot have existed and, consequently, we are dealing here rather with a local legend. The latter endows the King Ariantas with such attributes as *the royal dignity*, association with *a vessel of enormous dimensions* found in the vicinity of the *Eksampeos fountain* at the *boundary* of the lands of the Scythians and Alizonoi (Hdt. IV. 52), the *right to dispose of the life and death of the people* within his power. Of importance is also the mention about a certain *arrowhead*. Mythological parallels of Ariantas include the Ossetian Barastyr, Vedic Varunu-Yama, Avestan Yima and the archer Erekhsha, as well as the Celtic Dagdu and Bendigeida Vrana. The cauldron of Ariantas and the Eksampeos fountain have parallels

¹² Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru.

in the miraculous cauldrons of abundance and reviving and also in the Nartamong beaker. The mythical vessel of Ariantas is in the centre of the organized Universe and occupies an important place in the festive ritual, reconstructing events of the “beginning of the World” and thus representing a prototype of an impressive series of Scythian kettles possessing not only a utilitarian but also a symbolic significance. The kettles were an embodiment of the idea of the collective’s unity, symbols of the family hearth and an attribute of the power. The arrows, from which, according to the legend, the vessel of Ariantas was made, symbolize each Scythian’s part in the common cause and his dignity. This mythologem found its reflection both in folklore and in the figurative tradition: the image of a sitting Persian with an arrow on the bezel of a gold fingering from the tomb on the Mt Mithridates in Kerch (Fig. 1, 1) must be treated within the context of the stories about Yima and Erekhsha, while the representation on the obverse of a stater from Tarsus proves that the arrow in a person’s hands is a symbol of power (Fig. 1, 2). Archaeological confirmations of the popularity of the mythologem involving a “miraculous” arrow have been noted both in the East (Fig. 2) and in the West of the Scythian world (Fig. 3). This may indicate an arrow specially distinguished in the context, or some single or ancient arrow. The wide distribution and lasting practice of these traditions demonstrate that they are based on a mythologem rooted in the times of the Indo-Iranian unity. The notions about the righteous pra-ancestor and king Yima-Ariantas and his marvellous arrow introducing harmony into the universe, as well as his connection with universal waters, their source and a miraculous vessel, have existed for millennia and survived until present days in the form of sagas about the Narts.

О композиции на серебряных нащечниках из кургана Огуз (1902 г.)¹

М. Ю. Вахтина²

Аннотация. Статья посвящена композиции на серебряных нащечниках, поступивших в Императорскую археологическую комиссию в 1902 г. из кургана Огуз, доследованного В. Н. Ротом. На нащечниках представлена сцена из трех персонажей. Рассматриваются аналогии элементам композиции и возможные варианты ее трактовки.

Ключевые слова: курган Огуз, серебряные нащечники, композиция, фракийское искусство.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-133-142

Курган Огуз, расположенный в 4–5 км к востоку от с. Нижние Серогозы³ (бывш. Мелитопольского уезда Таврической губернии), принадлежал к грандиознейшим «царским» усыпальницам Скифии. Высота его насыпи превышала 20 м, а ее окружность — 100 м (Boltrik, Fialko, 2007. S. 269). Основное погребение датируется 330–325 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 269). Раскопки кургана начались в конце XIX в.; в 1979–1981 гг. курган был полностью доследован Ю. В. Болтриком (Болтрик, 1983).

В XIX — начале XX в. памятник, находившийся на крестьянских землях, неоднократно привлекал внимание искателей сокровищ. Поэтому при первых раскопках Огуза ставилась цель не только раскрыть и изучить его гробницу, но и воспрепятствовать расхищению древностей. К сожалению, осуществить последнее в полной мере не удалось. В 1891–1894 гг. курган исследовал Н. И. Веселовский (Веселовский, 1896), которому Археологическая комиссия поручила провести раскопки, так как курган систематически подвер-

гался разграблению, а в 1902 г., после сообщений об участвовавших самовольных раскопках насыпи крестьянами (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1902. Д. 26. Л. 1–7), его доследовал В. Н. Рот (Рот, 1906). Во время своего пребывания в Нижних Серогозах В. Н. Рот также скупал и изымал у местных жителей добытые ими вещи (Там же. Л. 16). Все они, наряду с материалами раскопок, были переданы в Археологическую комиссию. Некоторые исследователи считают, что бляхи от уздечного набора, о которых пойдет речь, происходят из раскопок (Манцевич, 1980. С. 268; Фиалко, 1995. С. 133), хотя А. А. Спицын полагал, что они были среди предметов, которые грабители вынесли из центрального захоронения кургана и оставили в грабительском ходу, расчищенном во время раскопок 1902 г. (Спицын, 1906. С. 157). Вероятнее всего, набор, к которому принадлежали нащечники, действительно относился к комплексу центральной гробницы, хотя по отчету В. Н. Рота об этом можно судить лишь предположительно⁴.

Фрагментированные серебряные нащечники, покрытые золотой фольгой, относящиеся

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marina-vakhtina@mail.ru.

© Вахтина М. Ю., 2023.

³ Сейчас — пгт Нижние Серогозы Генического района Херсонской области, Украина.

⁴ В рукописном отчете эти вещи не упомянуты в числе находок, которые извлекались из земли. В описях же, составленных В. Н. Ротом, украшения конской упряжи, описанные достаточно обще и кратко, указаны как в списке вещей, изъятых у крестьян (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1902. Д. 26. Л. 10–10об.), так и в «Перечневой описи предметов древности» из собственно раскопок (Там же. Л. 76–76об.). Согласно последней, всего В. Н. Рот передал в комиссию 326 предметов из кургана Огуз.

Рис. 1. Серебряный нащечник из кургана Огуз, фрагмент (©Государственный Эрмитаж. Инв. № Дн 1902 1/95)

Fig. 1. Silver helmet cheekpiece from the Oguz barrow, fragment (©State Hermitage Museum. Inv. № Дн 1902 1/95)

к украшениям конской упряжи фракийского типа, хранятся в Эрмитаже⁵. На них представлены три антропоморфных персонажа. Близкие аналогии этой сцене неизвестны. И хотя изображения людей встречаются на украшениях конской упряжи фракийского типа, многофигурные антропоморфные композиции, такие как на бляхах из Огуза, в декоре этой категории вещей достаточно необычны, что побуждает исследователей к их изучению.

Один из нащечников, лучшей сохранности (рис. 1), имеет размеры 12,4 × 8,3 см; от другого остались лишь мелкие фрагменты. Наиболее пол-

⁵ Инв. № Дн 1902-1/95; Дн 1902-1/96. Благодарю хранителя коллекции, заведующего Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа А. Ю. Алексеева за возможность ознакомиться с этими находками.

ное представление о первоначальном виде изделий можно получить по снимкам из материалов научного архива ИИМК РАН (рис. 2; 3).

На нащечниках представлена композиция из трех антропоморфных фигур: центральная показана в фас, боковые — в профиль. Боковые фигуры почти симметричны — у них одинаково повернуты головы, одна рука согнута в локте. Лучше всего сохранилась правая фигура — изображение женщины в профиль. У нее пышная прическа, миндалевидный глаз окружен валиком с косыми насечками. Левая рука согнута в локте, грудь обозначена концентрическими кружками с точкой в центре. Она одета в платье с треугольным вырезом, короткими рукавами и юбкой, закрывающей колени. Юбка передана рельефными вертикальными полосами: широкие, орнаментированные косыми насечками, чередуются с более узкими и гладкими. Ноги у фигуры босые, широкие ступни обращены влево. От персонажа, помещенного в центре, сохранилась лишь голова: лицо подтреугольной формы, сужающееся в нижней части, обрамлено волосами, доходящими почти до подбородка, правая рука поднята вверх, крупная ладонь открыта. У персонажа слева, показанного в профиль, сохранились лишь голова и верхняя часть корпуса, на которой можно различить небольшой кружок, вероятно, обозначающий правую грудь. Правая рука согнута в локте; по наблюдению А. П. Манцевич, «другой рукой она поддерживает правую руку средней фигуры» (Манцевич, 1980. С. 275). Нижняя часть фигуры, которую можно увидеть на старых фотографиях, напоминает заднюю конскую ногу. Также на фотографиях у ног персонажа можно различить растительный побег (?).

У всех фигур, представленных на нащечниках, овальные лица с округлыми массивными подбородками, крупные носы, миндалевидные глаза, окруженные рельефными валиками с насечками. Насечками же подчеркнуты волосы, детали одежды: этот прием характерен для искусства Фракии классического времени. Подобную трактовку лиц можно часто видеть на памятниках фракийского искусства (см.: Манцевич, 1980. С. 276, 277). Приведем здесь в качестве аналогий изображения на поножах из Аджигиола и Маломирово-Златницы (Маразов, 2014. С. 207, 281, 294) (рис. 4).

Изображения на нащечниках из Огуза сопоставимы с другими образами в круге малоэллинизированных изображений фракийской торевтики, и хотя целостной аналогии всей сцене обнаружить не удастся, отдельным элементам легко

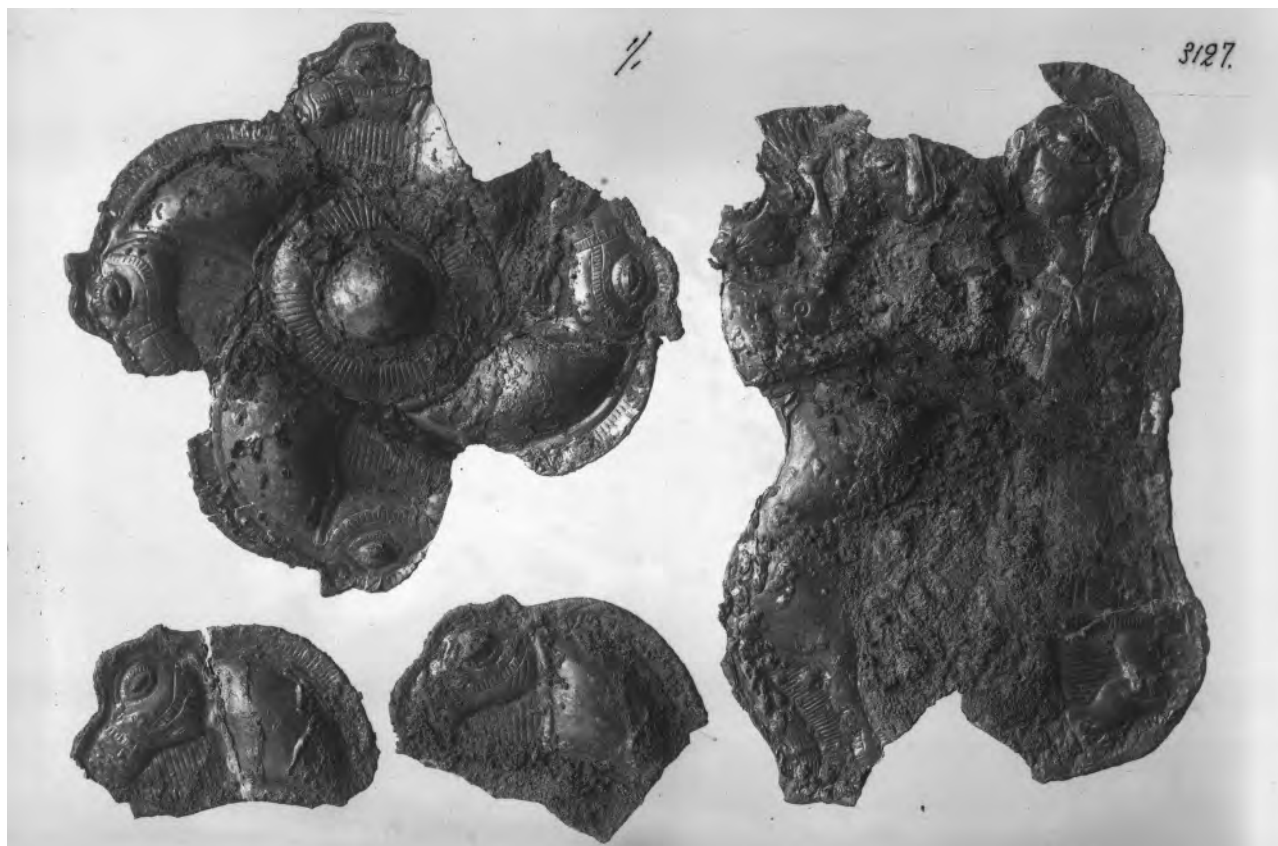

Рис. 2. Фрагменты серебряных украшений конской узды из кургана Огуз (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7975)

Fig. 2. Fragments of silver horse bridle ornaments from the Oguz barrow (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 7975)

Рис. 3. Фрагментированный серебряный нащечник из кургана Огуз (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 9842)

Fig. 3. Fragmentary silver cheekpiece from the Oguz barrow (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 9842)

Рис. 4. Антропоморфные образы на поножах из Фракии: 1 — Аджигиол; 2 — Маломирово-Златница (Маразов, 2014. С. 207, 281)

Fig. 4. Anthropomorphic images depicted on greaves from Thracia: 1 — Adjigöl; 2 — Malomirovo-Zlatinitza (Маразов, 2014. С. 207, 281)

можно найти стилистические параллели. Однако жест центрального персонажа — рука, поднятая ладонью вверх, — встречается редко. Вероятно, судя по гипертрофированно крупной ладони героя, этот жест был достаточно значимым.

На памятниках фракийского искусства в поднятых вверх руках фигур обычно изображены какие-либо предметы, очень часто это ритуальные сосуды для питья (см., например: *Venedikov, Gerassimov, 1976. Kat. 208, 209; Фракийское золото, 2013. С. 23, рис. 3, 4; 2014. С. 123, 135, 207, 279; Léropée des rois Thraces, 2016. P. 206, fig. 1, 2*) или же оружие (Фракийское золото, 2013. С. 23, рис. 5). У богини, восседающей на колеснице в композиции на одном из серебряных кувшинов Рогозенского клада, датированного второй четвертью IV в. до н. э., из ладони, поднятой вверх, «вырастает» растительный побег (*Fol et al., 1988. Cat. no. 157; Léropée des rois Thraces, 2016. P. 352, cat. 311*).

Изображения же пустой ладони, поднятой кверху, чрезвычайно редки. Среди памятников

искусства древней Фракии мы можем найти лишь несколько аналогий.

На металлическом поясе из Ловеча один из всадников в сцене охоты показан с воздетой вверх рукой (*Venedikov, Gerassimov, 1976. Kat. 250*); однако, вероятнее всего, этот жест показывает, что герой только что удачно метнул копье, вонзившееся в спину вепря, изображенного слева (рис. 5).

Гораздо более интересна сцена, представленная на позолоченном серебряном левом нащечнике шлема второй половины IV в. до н. э. из коллекции В. Божкова (*Маразов, 2011. Кат. 136*). Молодой безбородый герой показан сидящим в профиль, за его спиной — два дерева, большое и поменьше, под ними — свернувшаяся в кольцо змея (рис. 6). Правая рука героя поднята вверх, в левой он держит «некий позолоченный предмет» (Фракийское золото, 2013. С. 100, 101, кат. 21). Поднятая рука трактуется либо как «жест адорации», либо «он тянется к драгоценной царской инсигнии». Сопоставив это изображение со сценой

Рис. 5. Фрагмент композиции на поясе из Ловеча (Venedikov, Gerassimov, 1976. Kat. 250)

Fig. 5. Fragment of the depiction on a belt from Lovech (Venedikov, Gerassimov, 1976. Kat. 250)

Рис. 6. Нащечник шлема, коллекция В. Божкова (Фракийское золото, 2013. С. 101)

Fig. 6. Helmet cheekpiece, V. Bozhkov's collection (Фракийское золото, 2013. С. 101)

на правом нащечнике, И. Маразов предположил, «...что на нащечниках изображен заключительный эпизод эпической биографии героя — инвеститура», то есть наделение властью, которая исходит от божества (Там же. С. 101).

Подобный жест можно видеть в верхней части серебряного позолоченного ритона в форме рога из Поройны, заканчивающегося головой быка (Маразов, 1978. Рис. 56, 57; *L'éporée des rois Thraces*, 2016. P. 210, fig. 4; 5). На этом сосуде изображены четыре босые женщины в длинных одеждах — боги-

ни или жрицы (рис. 7). Две женщины сидят и держат в руках ритуальные сосуды; две другие стоят, подняв вверх правую руку с раскрытой ладонью. Левые руки персонажей согнуты в локте, у сидящих женщин, обладающих, вероятно, более высоким статусом, они прижаты к корпусу, напоминая согнутые в локте руки боковых фигур на нащечниках из Огуза. Несомненно, на ритоне из Поройны представлено культовое, а не бытовое действие; содержание этой сцены неоднократно обсуждалось в археологической литературе. Исследователи

Рис. 7. Ритон из Поройны: 1 — прорисовка верхней части изображения; 2 — фото (Léropée des rois Thraces, 2016. Fig. 4; 5)

Fig. 7. Rhyton from Poroina: 1 — redrawing of the upper part of the representation; 2 — photo (Léropée des rois Thraces, 2016. Fig. 4; 5)

Рис. 8. Сосуд из Новой Загоры (Rabadjiev, 2022. Fig. 5)
Fig. 8. Vase from Nova Zagora (Rabadjiev, 2022. Fig. 5)

единодушно соотносят ее с культом Великой Богини, возможно, здесь представлен «акт приобщения» к божеству (обзор мнений см.: Маразов, 1978. С. 62). По мнению И. Маразова, мы видим здесь тип Великой Богини, более характерный для Греции и Малой Азии, где она изображалась стоящей или сидящей в окружении поклоняющихся ей женщин. Ее служители часто приобретают женские черты — облачаются в женские одежды, носят длинные волосы и пр. Следовательно, по мнению исследователя, стоящие рядом с сидящими женскими персонажами фигуры с поднятой ладонью кверху рукой могут быть как женщинами, так и переодетыми молодыми мужчинами.

Следует заметить, что изображения фигур с поднятыми вверх руками с раскрытыми ладонями известны во Фракии с глубокой древности. Приведем в качестве примера сосуд из телля в Новой Загоре с процарапанными антропоморфными изображениями (рис. 8), который датируется первой половиной XI в. до н. э. (Rabadjiev, 2022. P. 288, fig. 5)⁶. Болгарский исследователь К. Рабаджиев полагает, что здесь, возможно, представлена сцена адорации.

Не лишним будет упомянуть, что антропоморфные персонажи с поднятыми вверх руками и раскрытыми ладонями известны и в искусстве Скифии второй половины IV в. до н. э., например, на золотых подвесках из погребений у с. Любимовка, в Толстой Могиле и Мастюгинском кургане. С. С. Бессонова полагает, что на них представлена Владычица зверей в позе оранты (Бессонова, 1983. Рис. 16).

Гораздо больший интерес в связи с выбранной нами темой представляет композиция на большом ритоне из мужского погребения в кургане Карагодеуашх в Прикубанье (Латто-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 10; Артамонов, 1966. Рис. XXII), на главном фризе которого представлены два всадника, обращенные друг к другу. У левого всадника в правой руке изображен ритон, в левой — копьё или скипетр, правый всадник поднял правую руку вверх в жесте адорации; под ногами лошадей изображены поверженные воины. М. И. Ростовцев полагал, что здесь представлена сцена инвеституры (Ростовцев, 1913. С. 5, 6). С. С. Бессонова видит здесь сцену «приобщения» героя богине (Бессонова, 1983. С. 106). На наш взгляд, самое логичное и целостное прочтение композиции на ритоне предложил Ю. А. Виноградов, который

⁶ См. подобные изображения на фрагментированном кратере из Душанцы (Rabadjiev, 2022. P. 288, fig. 6).

считает, что «...левый всадник изображен здесь в тот момент, когда совершил славные подвиги (тела обезглавленных врагов), этим заслужил достойные его почести (жест адорации правого всадника) и теперь намерен исполнить главную цель — вступить в священный брак с богиней» (Виноградов, 1993. С. 70).

В научной литературе высказывались разные соображения по поводу сюжета, представленного на нащечниках из Огуза. Первым, кто обратил на него внимание, был А. А. Спицын. В статье «Серогозские курганы» он дает такое описание: «Женская молодая фигура в короткой одежде (короткие рукава, прямые складки юбки), босоногая; левая рука согнута, правая, вероятно, поддерживает младенца. У младенца сохранилась лишь верхняя половина; голова большая, с пышными короткими волосами, одежды, по-видимому, нет, левая рука согнута, правая протянута вверх. Кентавриха, стоящая на задних ногах; груди, левая рука держит младенца за руку, правая согнута. Поле между фигурами покрыто растительными разводами и штриховкой» (Спицын, 1906. С. 160). Иными словами, он считал, что здесь представлены следующие персонажи: слева — «кентавриха», справа — женщина, а между ними — младенец, которого они обе поддерживают. Отметим, что хотя во фракийском искусстве были весьма популярны синкретические персонажи, сочетающие в своем облике признаки человека и лошади (Фракийское золото, 2013. С. 242–247), женские ипостаси кентавров неизвестны, как и подобные изображения младенцев. Однако чрезвычайно важным представляется наблюдение ученого о «растительных разводах», то есть о наличии растительного орнамента.

Композицию, украшавшую пару нащечников, проанализировала А. П. Манцевич в работе «Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз» (Манцевич, 1980. С. 273–277). Она отнесла их к уздечному набору № 3, куда входили налобник, два нащечника и четыре фалара (Там же. Рис. 3). Исследовательница полагала, что все фигуры на пластинах — женские. Она высказала соображение, кажущееся нам вполне обоснованным, что лошадиная нога у левого персонажа — следствие ошибки, то есть на сохранившихся фотографиях к фигуре слева «приставлен» фрагмент от другого изделия. Изначально же здесь была помещена фигура, аналогичная той, что справа. Исследовательница считала, что в руке, воздетой кверху, центральный персонаж держал какой-то предмет, сославшись на то, что это явствует из изображе-

ния в публикации А. А. Спицына (воспроизведенного фото из хранящихся в ИАК, а ныне — в НА ИИМК РАН). Однако никакого предмета в воздетой кверху руке центрального персонажа на фотографиях увидеть не удастся.

На серебряные нащечники обратила внимание и Е. Е. Фиалко в работе «Фракийская узда из кургана Огуз» (Фиалко, 1995). Исследовательница отнесла их к уздечному набору № 5 и предложила свою интерпретацию сцены. По ее мнению, в центре композиции помещен младенец Ахилл, слева от него — кентавр Хирон, а справа — жена кентавра Харикло (Там же. С. 143, 144, рис. 9). Согласно греческой традиции, Хирон не был злобным существом, подобно большинству кентавров. Он был мудрым и добрым и считался наставником древних героев — Геракла, Ахилла и, возможно, Орфея. И. Маразов полагал, что кентавры во фракийском искусстве — не только «пороговые существа», находящиеся в переходном состоянии между человеком и животным, обитатели «окраин культурного пространства и физического мира», склонные к «антиповедению», они также «представляют собой мифологическое отражение юношей в период их воинской инициации». Согласно его мнению, кентавры Хирон и Фол, олицетворяющие дружбу, изображены на поножах из Маломирово-Златницы (Фракийское золото, 2013. С. 243, кат. 51). Трактовка сцены, предложенная Е. Е. Фиалко, — очень интересная и остроумная и заслуживает самого пристального внимания. Однако вселяет сомнение не только спорный вопрос о принадлежности конской ноги левому персонажу, но и явственное обозначение у этого персонажа женской груди. Вспомним здесь мнение А. А. Спицына, считавшего левый персонаж композиции «кентаврихой».

Конечно, очень трудно судить о деталях сцены на основе сохранившихся фрагментов и старых фотографий. Хочется лишь заметить, что не исключены и другие варианты ее трактовки, и можно хотя бы наметить возможный круг поисков и ассоциаций. Как нам представляется, в композиции на нащечниках из Огуза представлен один мужской персонаж (в центре) и два женских (по сторонам). Мы, вслед за А. П. Манцевич, полагаем маловероятной принадлежность фрагмента лошадиной ноги левому персонажу. Скорее всего, слева была помещена женская фигура, подобная правой. Возможно, приближаться к пониманию сцены было бы перспективнее всего в рамках представлений о «священном браке»

героя или же «подготовке» к нему. Как справедливо отметил известный исследователь фракийской мифологии и искусства И. Маразов, «...огромная часть сюжетного фонда иконографии занята образом, подвигами и апофеозом героя-прародителя. Чаще всего герой безбородый, т. е. молодой. Это тот возраст, когда он должен перейти через серию инициационных/консекрационных испытаний, решить множество „трудных задач“» (Спасенные сокровища, 2009. С. 15, 16).

На налобниках из Огуза представлена сцена, в которой участвуют три персонажа, объединенные каким-то действием ритуального характера (о чем свидетельствует и поднятая в жесте адорации правая рука центрального, мужского, персонажа). Если мы будем искать сюжетные аналогии этой сцене в круге памятников фракийского искусства, то неизбежно возникнет ассоциация с композицией на одной из аппликаций знаменитого клада из Летницы, датированного серединой IV в. до н. э. (Венедиков, 1974; Маразов, 1976; *Ancient Gold*, 1998. P. 160–171), где также представлены три персонажа: в правой части изобразительного поля помещена эротическая сцена (*Ibid.* P. 163, cat. 92), в которой участвуют молодой безбородый мужчина и женщина. Слева можно видеть обращенную к ним стоящую женщину, в руке она держит сосуд. От ее фигуры в сторону пары тянется растительный побег в виде лозы или ветви. При прочтении «изобразительно текста» на серии аппликаций из Летницы бляшку с изображением «священного брака» обычно рассматривают как завершающую сюжет. На других аппликациях представлен герой (возможно, «царь-жрец» или божественный предок), запечатленный в момент совершения подвигов или же обладающий «трофеями», свидетельствующими об успешности его действий. Он поражает диких зверей (медведя и волка), участвует в обрядах, вероятно, связанных с жертвоприношениями лошади, а возможно, и человеческими. Завершает его путь (и, может быть, земное существование) «священный брак» с женским божеством (Маразов, 1976; *Marazov*, 2005. P. 10–12, 27). В женщине слева обычно видят «чудесного помощника». А. Фол называет ее Великой Матерью-Богиней (*Ancient Gold*, 1998. P. 88, 89). На наш взгляд, сцена на бляшке из Летницы — ближайшая сюжетная аналогия сцене на нащечниках из Огуза, где могло быть изображено подобное: священный брак героя и «чудесный помощник / помощница».

В свете такой трактовки вполне можно допустить, что подвиги героя, предшествующие заключению «священного брака», могли быть представлены на других уздечных наборах во фракийском стиле из Огуза (и, шире, на вещах из комплекса кургана). Основанием для этого предположения могут служить изображения на бляхах, входивших в состав уздечного набора № 2, где изображен всадник на коне, поражающий кошачьего хищника (Фиалко, 1995. Рис. 3), а также на нащечниках из набора № 1, где представлен крылатый герой, побеждающий чудовище (Фиалко, 1995. Рис. 1; *Chernenko*, 1994. P. 49, fig. 3; *Boltrik, Fialko*, 2007. S. 274, fig. 9) (рис. 9). Оба набора происходят из входной ямы Северной могилы (раскопки Ю. В. Болтрика; Фиалко, 1995. С. 133). Очень близки сюжетно и стилистически композиции на бляхах из уздечного набора № 1 Огуза, на паре серебряных нащечников, входящих в состав конского убора из частной коллекции (Спасенные сокровища, 2009. С. 162). Воин с копьем и щитом, изображенный на одном из них, трактуется как герой, который «уже прошел инициационные испытания и выполнил все требования, необходимые для превращения в мужчину-воина» (*Там же*. С. 161–163).

Поэтому допустимо предположение, что декор конской гарнитуры из Огуза мог повествовать о подвигах героя, завершившихся священным браком или же обрядами, ему предшествовавшими либо сопутствовавшими. Этот круг представлений не был чужд искусству и идеологии аристократического погребального обряда как Фракии, так и Скифии классического времени (Бессонова, 1983. С. 112–116; *Виноградов*, 1993). Таким образом, как мы полагаем, сцену на паре серебряных фрагментированных нащечников из кургана Огуз было бы весьма перспективно соотносить с кругом представлений об адорации, инициации, священном браке героя («царя-жреца») и, шире, с идеей перехода к иному социальному статусу, состоянию и, в конечном итоге, к «жизни-после-жизни».

Разумеется, это только одно из возможных направлений в попытках понять смысл сцены, представленной на серебряных нащечниках из кургана Огуз. Эти поиски были бы гораздо успешнее, если бы вещи дошли до нас в менее фрагментированном состоянии и, главное, если бы курган в конце XIX — начале XX в. исследовался на более высоком уровне и мы имели бы более полное и надежное представление о его вещевых комплексах.

Рис. 9. Серебряный нащечник из кургана Огуз (раскопки Ю. В. Болтрика); 1 — нащечник (Chernenko, 1994. Fig. 3); 2 — реконструкция уздечного набора (Boltrik, Fialko, 2007. Fig. 9)

Fig. 9. Silver cheekpiece from the Oguz barrow (excavations by Yu. V. Boltrik); 1 — cheekpiece (Chernenko, 1994. Fig. 3); 2 — reconstruction of a bridle set (Boltrik, Fialko, 2007. Fig. 9)

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1902. Д. 26: О хищнических раскопках крестьянами с. Нижн. Серогозы, Мелитопольского у., Таврической губ. 283 л.

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия; Советский художник, 1966. 120 с.

Бессонова, 1983 — Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.

Болтрик, 1983 — Болтрик Ю. В. Завершение исследований кургана Огуз // АО за 1981 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: ИА АН СССР, 1983. С. 245.

Венедиков, 1974 — Венедиков И. Съкровището от Летница. София: Български художник, 1974. 82 с.

Веселовский, 1896 — Веселовский Н. И. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской археологической комиссии Н. И. Веселовским. Село Нижние Серогозы Мелитопольского у., курган Огуз // Отчет ИАК за 1894 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896. С. 77–87.

Виноградов, 1993 — Виноградов Ю. А. О ритонах кургана Карагодеуашх // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 6. С. 66–71.

Ланно-Данилевский, Мальмберг, 1894 — Ланно-Данилевский А. С., Мальмберг В. К. Древности Южной России. Курганы Карагодеуашх. СПб.: ИАК, 1894. (МАР; Вып. 13). 120 с.

- Манцевич, 1980 — Манцевич А. П. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // Actes de IIe Congrès international de Thracologie. Histoire et Archeologie (Bucarest, 4–10 Septembre 1976) / Ed. R. Vulpe. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1980. Vol. 1. P. 267–293.
- Маразов, 1976 — Маразов И. Хиерогамията от Летница // Археология. 1976. № 4. С. 1–13.
- Маразов, 1978 — Маразов И. Ритоните в древна Тракия. София: Български художник, 1978. 178 с.
- Маразов, 2011 — Маразов И. Тракия и древният Свят XV–I в. пр. Хр. Коллекция Васил Божков. София: Фондация «Тракия», 2011. 260 с.
- Маразов, 2014 — Маразов И. Вино фракийцев. Миф, ритуал и искусство. София: Academic Book Market Publishers, 2014. 386 с.
- Ростовцев, 1913 — Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62, 132–137.
- Рот, 1906 — Рот В. Н. Раскопки у с. Нижние Серогозы // Отчет ИАК за 1904 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1906. С. 65–67.
- Спасенные сокровища, 2009 — Спасенные сокровища Древней Фракии из «Коллекции Васи́ла Божкова» / Авт.-сост. В. Божков, И. Маразов, Г. Кабакчиева, Т. Шалганова. София: Фонд «Тракия», 2009. 226 с.
- Спицын, 1906 — Спицын А. А. Серогозские курганы // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. Вып. 19. С. 157–174.
- Фиалко, 1995 — Фиалко Е. Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1. С. 133–147.
- Фракийское золото, 2013 — Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды / Ред. Д. И. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.
- Ancient Gold, 1998 — Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures the Republic of Bulgaria / Eds. A. Fol et al. New York: Harry N. Abrams, 1998. 256 p.
- Boltrik, Fialko, 2007 — Boltrik J. V., Fialko E. E. Der Fürstengurgan von Oguz // Im Zeichen des Goldenen Ggreifen. Königsgräber der Scythen / Ed. H. Parzinger. München; Berlin; London; New York: Prestel, 2007. S. 268–275.
- Chernenko, 1994 — Chernenko E. V. Investigations of the Scythian tumuli in the Northern Pontic steppe // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden: E. J. Brill, 1994. Vol. 1.1. P. 45–53.
- Fol et al., 1988 — Fol A., Nikolov B., Mashov S., Ivanov P. The Thracian treasure from Rogozen, Bulgaria. Sofia: Publishing House of the Bulgaria Academy of Sciences, 1988. 11 p. + 80 pl.
- L'épopée des rois Thraces, 2016 — L'épopée des rois Thraces, des guerres médiques aux invasions Celts (479–278 av. J.-C.). Découvertes archéologiques en Bulgarie / Eds. A. Baralis, J.-L. Martinez, N. Mathieux, M. Tonkova. Paris: Somogy Art Publishers, 2016. 320 p.
- Marazov, 2005 — Marazov I. Thracisan varrior. Sofia: Publishing House "Hristo Botev", 2005. 183 p.
- Rabadjiev, 2022 — Rabadjiev K. The Thracian gods: the puzzle of anthropomorphism // Ancient Thrace: Myth and Reality: The Proceedings of the Thirteenth. International Congress of Thracology. Kazanlak, September 3–7, 2017 / Eds. P. Delev, T. Stoyanov, S. Yanakieva et al. Sofia: St. Kliment Orhidski Universitiy Press, 2022. Vol. 2. P. 238–296.
- Venedikov, Gerassimov, 1976 — Venedikov I, Gerassimov T. Thrakische kunst. Leipzig: Veb E. A. Seemann Verlag, 1976. 366 s.

Depiction on the silver cheekpieces from the Oguz barrow (1902)

M. Yu. Vakhtina⁷

Keywords: Oguz barrow, silver cheekpieces, composition, Thracian art.

This paper is dedicated to the scene represented on the gilt silver cheekpieces of the Thracian type provenient from the Oguz barrow (Fig. 1–3). This depiction having no integral parallels is differently interpreted in literature. The present author has examined analogues of separate elements of such representations (Fig. 4–9) and current interpretations of the entire scene as a whole. Most probably, the representations on the cheekpieces must be related with the notions of adoration, initiation, sacred marriage of the hero and, more widely, with the idea of a “transition” to a different social status.

⁷ Marina Yu. Vakhtina — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marina-vakhtina@mail.ru.

Сцены и символы брака: аттические полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре

А. Г. Букина

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы иконографии и семантики изображений на темы мифологических и реальных браков (супружеские пары, свадебные обряды), характерных для аттических краснофигурных ваз IV в. до н. э. (так называемых «керченских») с полихромными дополнениями из находок на Боспоре Киммерийском.

Ключевые слова: краснофигурные вазы, полихромные аттические вазы IV в. до н. э., боспорский контекст, хронология и система атрибуции аттических краснофигурных ваз IV в. до н. э., «керченские вазы», свадебная иконография, семантика свадебных изображений.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-143-161

Краснофигурные вазы с дополнительным полихромным декором, который наносили при помощи техник станковой живописи, производили в некоторых гончарных мастерских Афин в IV в. до н. э. Такие предметы из раскопок на Боспоре (раньше всего — в Керчи) стали известны почти двести лет назад. К ним (как и к другим аттическим краснофигурным вазам IV в. до н. э.) все еще применяют термин «керченские», и это почти что последний научный реликт того времени (конца XVIII — первой половины XIX в.), когда считали, что определенные вазы производились там, где впервые были обнаружены в большом количестве. Или (как стали думать к середине XIX в.) там, по крайней мере, жили люди, для которых такие вазы производили эксклюзивно. Сейчас уже понятно, что аттические полихромные краснофигурные вазы никогда не производили ни на Боспоре, ни специально для Боспора. Боспор даже не был, как это недавно вновь было неудачно сформулировано, «главным заморским аутлетом керченского стиля» (*Dupont et al.*, 2019). Скорее нужно говорить об одной из культурных параллелей, связывавших Боспор с другими регионами варварской периферии греческого мира (ср.: *Поваляев*, 2018; *Виноградов*, 2019).

Сейчас известно около 60 подобных ваз и фрагментов, которые считаются найденными на Боспоре (подробнее см.: *Букина*, 2023). Только некоторые из них сохранили цветные детали, и выявить эту особенность росписи позволяют резервированные под накладные краски участки поверхности. Все образцы, для которых известны обстоятельства находки (около 90 %), происходят из погребений. Достаточная целостность остальных свидетельствует, что и они, скорее всего, сохранились в могилах.

С позиции семантики не менее 60 % росписей на этих сосудах транслируют идею ритуальной трансформации (*Букина*, 2023). Это изображения на темы инициаций (элевсинских, в рамках Анфестерий) и бракосочетаний. Очевидно, что в ходе инициаций и свадеб, с точки зрения древних греков, в равной степени радикально изменялся социальный и религиозный статус участников. Поскольку то же самое происходило и в процессе похорон, то и предметы с такими изображениями естественно вписывались в погребальный контекст (*Шауб*, 2014. С. 672, 673; *Reitzammer*, 2016, с библиографией).

На долю реальных и мифологических сцен брачных отношений и свадеб приходится более 40 % рассматриваемого материала. Это много, хотя в целом частота таких изображений в аттической вазописи VI–IV вв. до н. э. делает бракосочетание самым документированным

¹ Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: bukina@genuinpearl.spb.ru.

© Букина А. Г., 2023.

из местных ритуалов (*Oakley, Sinos, 1993. P. 3*).

Ряд сюжетов отражает отношения супругов, известные из мифов, в том числе принадлежащие к категории «священного брака» (греч. ἱερός γάμος, ἱερογάμια; то же, что греч. θεογάμια, «брак богов, божественный брак»). Ритуал священного брака известен в религиозной практике классических Афин, например, в форме обряда, который совершался во второй день праздника Анфестерий (Ἀνθεστήρια) (*Аристотель*, Афинская политика, II.3.5). В этот день жрица (греч. βασίλινα, βασίλισσα, «царица»), супруга архонта-базилевса (греч. ἄρχων βασιλεύς), представляя Ариадну, вступала в брак с Дионисом (*ThesCRA, 2011. Vol. VI. P. 86*). «Подробности обряда неизвестны, а значение его объясняется различно; проще и естественнее всего принять, что „царица“ как представительница страны соединялась брачными узам с богом возрождающейся весной растительности в знак того, что страна вполне предана его служению и надеется на его защиту и помощь; или, быть может, эта церемония совершалась в воспоминание брака Диониса с Ариадной» (*Латышев, 1889. С. 135*).

Часть изображения Диониса с женщиной, сидящей на его коленях (Ариадной), можно различить на обломке большой пелики, найденном в 1867 г. (инв. № П.1867.149) (рис. 1, 2). Известно, что в тот сезон А. Е. Люценко был занят в Керчи на раскопках «сплошных [могильных] насыпей, прилегающих со всех сторон к <...> Митридатовой горе» (ОАК за 1867 г., 1868. С. III), а также доследовал в районе деревни Эльтиген курганы, раскопанные местными крестьянами (*Там же. С. XVI*). По качеству и стилистике росписи утраченную пелику с Дионисом и Ариадной можно сопоставить с выдающимися экземплярами из Павловского кургана (ГЭ. Инв. № Пав.8; ВАРД 230431) и кургана на земле Мирзы Кекуватского (ГЭ. Инв. № Кек.8; ВАРД 230421) (рис. 1, 3, 4). Благодаря определенной недавно датировке фрагментов тарных амфор из насыпи Павловского кургана (*Бутягин, 2022*), такие сосуды следует отнести ко времени не позднее начала 350-х гг. до н. э.

Та же пара изображена на маленьком хоусе (греч. χοῦς, χοῦς) (ГЭ. Инв. № П.1841/42.22; ВАРД 7893) (рис. 1, 1), предназначенном для второго дня Анфестерий. В этот день разными способами отмечали детей определенного возраста, что делает такие хоусы символами одного из ритуалов трансформации (см. обзор теорий об этом в работе: *Seifert, 2008. S. 86–88*). Хоус с Дионисом и

Ариадной был обнаружен А. Б. Ашиком, очевидно, к северо-востоку от Керчи, «близ загородного дома Князя Херхеулидзева» (*Gilles, 1854. С. 52*) или «по дороге к каменоломне, близ дачи Херхеулидзева, каменная гробница в одном из курганов» (Инвентарь ОАМ ГЭ. Рег. № 2574 от 04.02.1950. Разв. 19). А. Б. Ашик описал курган, «невдалеке от сахарного завода князя Херхеулидзева» и в нем «глубоко в материке <...> саркофаг из простого камня, закрытый тремя плитами» с «остовом мужчины» (*Ашик, 1848. С. 49, 51*). Инвентарь включал золотой лавровый венок с горгонейном, меч, нож, «серебряные украшения от узды и глиняную вазу» (*Там же. С. 51*) — очевидно, этот хоус.

В росписи на вазе представлена полуобнаженная Ариадна (см. о ее наготы в аттической вазописи работу: *Петракова, Топал, 2023*, с библиографией). Тело написано белой краской, но фон вокруг оставлен в цвете глины так, что образуется силуэт хитона, который, вероятно, был исполнен нестойкой полупрозрачной розовой краской, перекрывавшей и белое тело (ср.: *Sutton, 1997/1998. P. 43, 48*). Ариадна активно устремляется к супругу, наклоняется вперед, обнимает за шею, а Дионис ожидает, сидя, и подносит ладонь к груди жены. При публикации сосуда в «Древностях Боспора Киммерийского» чувственная во всех отношениях обстановка происходящего описана так: «Юный бог вина удалился с любовницей в тенистую беседку из виноградных ветвей. Утолив жажду возбуждающим напитком, он хочет предаться наслаждениям любви» (*Gilles, 1854. С. 52*). Чтобы подчеркнуть «неустоявшийся» вроде бы статус Ариадны, далее приведена аналогия изображения, имеющая отношение «к богослужению, существовавшему на острове Наксосе», — там, где Ариадна познакомилась с будущим мужем.

С идеей иерогамии также можно связать изображение на гидрии, найденной в обломках за Глинищем в Керчи (ГЭ. Инв. № П.1837.3; ВАРД 46588) (рис. 2, 1–3). Согласно описанию в «Древностях Боспора Киммерийского», представленный на тулове вазы «молодой человек, сидящий на ложе, держит на коленях молодую девицу, которая, опрокинувшись назад, старается приблизить свои нежные губки к губам своего возлюбленного и хочет его поцеловать. <...> Другая женщина, стоящая у ног ложа, и третья, сидящая выше, с любопытством или завистью смотрят на эту сцену; между тем четвертая черпает из большого кратира вино, чтобы <...>

Рис. 1. Краснофигурные полихромные вазы, Афины, IV в. до н. э.: 1 — хоус, Дионис и Ариадна (инв. № П.1841/42.22); 2 — фрагмент пелики, Дионис и Ариадна (инв. № П.1867.149); 3, 4 — пелика, омовение невесты, победа Аполлона над Марсием (инв. № Кек.8) © Государственный Эрмитаж. Масштаб: а — для 2, б — для 1, 3, 4

Fig. 1. Red-figure polychrome vases, Athens, 4th cen. BC: 1 — chous, Dionysus and Ariadne (П.1841/42.22); 2 — fragment of a pelike, Dionysus and Ariadne (П.1867.149); 3, 4 — pelike, ablution of the bride, victory of Apollo over Marsyas (Кек.8) © State Hermitage Museum. Scale: a — for 2, б — for 1, 3, 4

предложить его счастливой чете для усугубления любви. <...> Кажется, что предмет сего рисунка не чисто мифологический, а просто заимствован из частной жизни» (Gilles, 1854. Т. II. С. 58). В путеводителе по Императорскому Эрмитажу того времени сказано еще короче и категоричнее: «Сюжет представляет сцену любви» (Gille, 1860. Р. 219). Нашедший вазу Ашик, напротив, полагал, что сцена «имеет непосредственное отношение к браку Либера и Либеры, или Вакха и Коры (Ариадны)» и что изображение «имеет значение эротическо-религиозное» (Ашик, 1849. С. 13).

Так или иначе, эта гидрия в древности была использована в качестве урны для праха и обнаружена «в одной из насыпей <...> в маленькой черепичной гробнице» (Ашик, 1848. С. 41, 42), то есть, вероятно, в цисте, сложенной из черепиц. По форме и стилистике полихромной росписи она имеет много общего с целыми полихромными гидриями из Капуи (ВАРД 10935) (рис. 2, 4) и из Македонии (происхождением предположительно из погребения) (McPhee, 2018; ВАРД 10107). В обоих случаях изображены элевсинские божества. Фрагмент еще одной подобной вазы с изображением женских фигур найден в палестре в Амфиполе (ВАРД 44474).

С другой стороны, не по форме, но по сочетанию тематики и стиля исполнения полихромных изображений большое сходство с эрмитажной вазой имеют небольшие гидрии из Киренаики, Кум и Эретрии, которые Дж. Бизли объединил в так называемую Группу Лувр СА 928 (Group of Louvre SA 928) (Beazley, 1963. Р. 1483). На них изображены женские ритуалы на праздник Адоний (ВАРД 230507), дионисийский фиас с эротом (ВАРД 230506), Афродита на лебеде (ВАРД 230505) и Афродита на козле (ВАРД 230504). Все это — примеры сюжетов, не имеющих отношения к повседневной жизни, но имеющих отчетливую связь со сферой Афродиты, покровительницы любовных и брачных отношений.

Если можно поместить в этот семантический контекст сюжет росписи гидрии в Эрмитаже, то нужно напомнить, что с Афродитой была связана собственная история священного брака — с Адонисом. Хотя именно аттических свидетельств IV в. до н. э. на этот счет неизвестно (Reed, 1995. С. 320), в греческой традиции можно проследить представление о том, что Адонис и Афродита Киприда — супруги. После смерти Адониса Афродита стала вдовой (χήρα) (Бион. Плач об Адонисе. 59). По собственному выражению богини, «ей убили мужа» (μεν τὸν ἄνδρ' ἔτιψας) (Неизвестный

буколический поэт. Смерть Адониса. 20). Возможно, брак Адониса и Афродиты можно было бы уподобить браку Диониса и Ариадны: «Адонис же, как полагают, не кто иной, как Дионис, и это подтверждается многим в обрядности, связанной с посвященными им праздниками» (Плутарх. Застольные беседы. 4.5, 3)². С другой стороны, в союзе Афродиты и Адониса более выражена чувственная сторона (Detienne, 1972; Reed, 1995. С. 320–322; Reitzammer, 2016. Р. 32), а также кратковременность отношений. Адонис умер в том возрасте, когда реальные афинские юноши только вступали в пору мужества (Reed, 1995. С. 337).

На гидрии, найденной в Керчи, в центральной группе тоже представлен очень молодой человек. Общую композицию можно сравнить с композицией на гидрии конца V в. до н. э. из Популонии (ВАРД 220493), где как раз изображен Адонис (надпись: Αδωνίος), который полулежит на коленях Афродиты (Αφροδίτη), сидящей на ложе. Их окружают служанки, эроты и такие постоянные спутники богини, как Паннихис ([Πα] ννυ[χίς], персонификация праздника, длящегося всю ночь, LIMC, 1994. Vol. VII. Р. 171, 172), Евтихия (Ευτιχία, «счастливая»), Евдаймония (Ε[υ] δα[μονία], «благополучная»), Гигиея (Υγιεία, «здоровье»), Пайдия (Παΐδια, «игривая», *Ibid.* Р. 141–143). Возможно, что кто-то из них (без подписей) изображен и на гидрии из Керчи.

Для Боспора это был бы не единственный пример сосуда с изображением Афродиты и Адониса, обнаруженного в погребальном контексте: полихромный рельефный хоус с подписанными фигурами происходит из тризны Змеинового кургана в некрополе Юз-Оба близ Пантикапея (ГЭ. Инв. № Зм.4; ВАРД 9976; Lezzi-Hafter, 2012, с библиографией).

В случае с этими двумя вазами предположений о личностях погребенных нет. Напротив, при исследовании Пятого кургана в некрополе Юз-Оба (Виноградов и др., 2012. С. 54–61) А. Е. Люценко счел, что оба открытые склепа принадлежали мужчинам (ОАК за 1860 г., 1862. С. V, VI), хотя в одном случае оговорился: «Ибо при нем не было ни серег, ни ожерелья» (цит. по: Виноградов и др., 2012. С. 55). Тем не менее найденные здесь же зеркало и веретено, скорее, идентифицируют погребение как женское (Там же. С. 60, 61), а значит, вероятнее всего, курган был насыпан для супружеской пары.

² Цит. по: Плутарх. Застольные беседы / Пер. Л. Б. Сумм. Л.: Наука, 1990. С. 77.

Рис. 2. Краснофигурные полихромные гидрии, Афины, IV в. до н. э.: 1-3 — Афродита и Адонис (?) (инв. № П.1837.3) © Государственный Эрмитаж; 4 — из Капуи, Элевсинские божества © Лион, Музей изящных искусств
Fig. 2. Red-figure polychrome hydriai, Athens, 4th cen. BC: 1-3 — Aphrodite and Adonis (?) (П.1837.3) © State Hermitage Museum; 4 — from Capua, Eleusinian deities © Lyon, Museum of Fine Arts

В насыпи были собраны обломки трех красно-фигурных ваз: «Одна из них формы кратера (ГЭ. Инв. № ЮО.28; BADB 215695) <...> Прекрасный рисунок ее состоит из двух групп, относящихся к мифу о суде Париса. На двух других вазах <...> содержание рисунков заимствовано, кажется, из мифов о Парисе и Елене» (ОАК за 1860 г., 1862. С. VI). Эти две другие вазы — гидрия (ГЭ. Инв. № ЮО.26; BAPD 6546, 9044981) и арибаллический лекиф (ГЭ. Инв. № ЮО.27; BAPD 6554) (рис. 3, 1). Может быть, «определенную роль в появлении Париса на Боспоре сыграла его иконография варвара» (Шайб, 2014. С. 675), но такая концентрация изображений может отражать и семантическую программу (ср.: Язги, 2017. С. 90, 91). Сюжеты росписей с Парисом возводят к утраченной поэме эпического цикла «Киприи» (Κύπρια, «Кипрские сказания») (LIMC, 1988. Vol. IV. P. 498, 499). На кратере представлен момент, когда судьба повернула к тому, что Елена покинет мужа и выйдет за другого. На гидрии — сцена своеобразного «сватовства» Париса (ср.: Овидий. Парные послания. XVI. 163, 164); она напоминает существующие в афинской вазовой иконографии сцены помолвки с одариванием невесты (Smith, 2005. P. 4). В самом деле, уже у Гомера Парис — супруг (λόσις) Елены (Илиада. XXIV.762–764). Другие говорят о браке (γάμος) Елены и Париса (Еврипид. Андромаха. 105; Плутарх. Наставление супругам. 141a–b), хотя известно, что это слово отражало не столько законность союза, сколько осуществление его плотской составляющей (Redfield, 1982. P. 188; Smith, 2011. P. 88).

На лекифе из насыпи Пятого кургана Юз-Обы (рис. 3, 1) изображено так называемое «похищение» Елены, когда она стоит на колеснице, на которую поднимается и Парис. В Афинах такая сцена вызывала «отчетливые брачные ассоциации» с переездом реальной невесты в дом мужа на повозке (Dodson-Robinson, 2010. P. 13, 14). Здесь отличие заключается, в основном, в явной эротичности изображения (Sutton, 1997/1998. P. 43). Этому способствуют и сюжет, и положение рук Париса, словно обнимающего невесту, и предполагаемое одеяние Елены — оно, вероятно, могло быть исполнено нестойкой полупрозрачной розовой краской, так что белое тело героини просвечивало (Ibid. P. 43, 48; ср. выше о хосе, рис. 1, 1).

Если три вазы в Юз-Обе были объединены мотивом свадьбы Париса и Елены, то символика, которую несет каждая из них, — это ритуальная трансформация в иное качество (жениха и невесты, как и погребенных). Если же речь идет

о погребении супружеской пары, то к этому добавляется также мысль об их семейных узак (в вечности, как в жизни).

Кроме рассмотренных ваз с богами и героями из боспорских раскопок известно большое количество таких, которые, при наличии всех нужных мифологических символов, связаны с реальными брачными ритуалами афинян, предназначены для них и украшены соответствующими изображениями.

Продолжительность свадебных торжеств, их набор и последовательность в Афинах IV в. до н. э., по-видимому, варьировались так значительно, что современные исследователи не составили об этом единого представления (ср.: Латышев, 1889. С. 225, 226; Oakley, Sinos, 1993; Smith, 2005; 2011). Неясно, длилась ли средняя афинская свадьба два или три дня, хотя известны названия для трех: проаулия (προαυλία, «перед двором», «преддверие»), гамос (γάμος, главный день или процесс «консумации брака» (Smith, 2011. P. 84) в следующую ночь), а также эпаулия (επαυλία, «на дворе», день после брачной ночи). Нет единства во взглядах на время совершения даже обряда публичного снятия покрывала с головы невесты (ἀνακαλυπτήριον, от «открыть, обнаружить»), который именно и означал, что невесту окончательно выдали из бывшей семьи (Toutain, 1940; Llewellyn-Jones, 2003. P. 228; Smith, 2011. P. 93, 94). Возможно, такое положение вещей связано с отсутствием у афинян «юридических требований для церемонии брака [γάμος]; помолвка [ἐγγύη, письменный договор между отцом и женихом до всех торжеств (Ibid. P. 84)] <...> и есть бракосочетание в том смысле, что никакие дополнительные церемонии не требовались для узаконивания детей» (Redfield, 1982. P. 188, с библиографией).

Тем не менее ясно, что свадебные торжества начинались в день проаулии в доме, где жила невеста, а брачная ночь и поднесение подарков на утро происходили в доме, где предстояло жить новой семье. Сначала совершали «предварительные религиозные обряды, <...> состоявшие в молитвах и жертвоприношениях тем богам, благословение которых считалось особенно важным для счастья брачной жизни и которые поэтому носили название „брачных богов“. <...> К их числу принадлежали: Гера, Зевс, Афродита, Артемида, Пифо <...>, затем Эрот, Нимфы, Мойры (Парки) и др. В Афинах невеста в сопровождении родителей ходила на Акрополь в храм Афины Полиады, где приносила жертву и испрашивала благословение богини. Свой девичий пояс, куклы и игрушки, а также волосы невеста посвящала какой-либо

Рис. 3. Краснофигурные полихромные вазы, Афины, IV в. до н. э.: 1 — арибаллический лекиф (фрагмент), Елена и Парис на колеснице (инв. № ЮО.27); 2, 3 — лекана (крышка), проаулия (инв. № ЮО.32) © Государственный Эрмитаж
Fig. 3. Red-figure polychrome vases, Athens, 4th cen. BC: 1 — aryballic lekythos (fragment), Helen and Paris in a chariot (ЮО.27); 2, 3 — lekane (lid), proaulia (ЮО.32) © State Hermitage Museum

богине» (*Латышев*, 1889. С. 225, 226). Иконографию свадебных жертвоприношений среди подобных ритуалов по другому поводу в афинской вазописи выделить сложно (*Smith*, 2005. Р. 4).

Определена иконография омовений в день проаулии и в главный день (*Ibid.* Р. 4, 5; *ThesCRA*, 2004. Vol. II. Р. 233). В полихромных росписях известны только сцены с невестой, хотя на краснофигурных вазах IV в. до н. э. собрана иконография и жениха. В сценах омовения часто изображен специальный высокий сосуд лутрофор (*λουτροφόρος*, «несущий воду»; *ThesCRA*, 2005. Vol. V. Р. 176–178); он бывает с одной ручкой (лутрофор-гидрия) или с двумя (лутрофор-амфора). Иногда также можно видеть ребенка-водоноса. Для невесты характерна поза на корточках, она придерживает руками перекинутые вперед струящиеся распущенные волосы. Этот тип появился в краснофигурной вазописи последней трети V в. до н. э. и, вероятно, является парафразом изящнейшей фигуры с утраченной картины великого живописца Зевксиса «Елена» (*Sutton*, 2009) — невеста изображается как идеальная красавица.

На крышке леканы из каменного склепа в Шестом кургане Юз-Обы (ГЭ. Инв. № ЮО.32; BAPD 230425) (рис. 3, 2, 3) изображены эпизоды проаулии. Это шедевр выдающегося афинского вазописца второй четверти IV в. до н. э., так называемого Мастера Марсия (*The Marsyas Painter*) (*Jaeggi, Petrakova*, 2019; *Петракова, Ягги*, 2019, с библиографией). Среди прочих в росписи есть группа с молящейся коленопреклоненной невестой перед Афродитой. Белое тело стоящей богини выделяется на участке в цвете глины, который имеет очертания хитона (ср. хоус, рис. 1, 1, и лекиф, рис. 3, 1). Невеста касается одежд богини, а ладонь Афродиты покоится на голове девушки. Правее — группа омовения (позади невесты — девочка, очевидно, лутрофора). Еще правее изображена сидящая невеста, верхняя часть тела которой обнажена; служанка убирает ее волосы, — это обряд украшения, в завершение которого одетая невеста появлялась перед гостями в венке и покрывале. Полуобнаженная в этих обстоятельствах «невеста, определенно, сравнивается с Афродитой», в сферу которой вступает (*Oakley, Sinos*, 1993. Р. 46). Брачный характер всех ритуалов подчеркивают фигуры маленьких эрот, изображенных между женскими. Наконец, внимание привлекает женщина, очень плотно закутанная в покрывало (рис. 3, 2); ткань скрывает все ее тело, включая кисти рук и нижнюю половину лица. Это, очевидно, образец замужней

женщины — родственница, мать или сама невеста в будущем образе скромной на людях жены (*Петракова*, 2023).

Судя по другим предметам, обнаруженным в склепе Шестого кургана Юз-Обы (ОАК за 1860 г., 1862. С. III, IV), эта лекана составляла часть инвентаря мужского погребения (*Виноградов и др.*, 2012. С. 66). Аналогичное сочетание свадебного сюжета с контекстом погребения дает пелика из кургана на землях Мирзы Кекуватского (ГЭ. Инв. № Кек.8; BAPD 230421) (рис. 1, 3, 4). Этот курган — «типичный погребальный памятник высшего слоя боспорской аристократии IV в. до н. э.» с чертами варварского влияния, сказавшегося в необычном обилии оружия (*Виноградов*, 2017. С. 87). Между тем туда была помещена и пелика, на одной стороне которой в центре изображена омывающаяся невеста. Справа полуобнаженная она же обувается; выше — другая такая же украшается (вдевает в ухо сережку); справа вверху можно видеть и закутанную жену, а слева — словно ожидающий своего часа брачный венок. Очень интересно сочетание всего этого с деталями росписи на второй стороне вазы. Там изображен триумф Аполлона в музыкальном состязании против Марсия (это ваза, давшая условное имя автору росписи — Мастеру Марсия). Аполлон изображен в центре (как и невеста); сверху, чуть левее (почти как венок на другой стороне), нарисована гирлянда — символ прославления победителя. Благодаря совпадением в устройстве двух композиций нам сообщается мысль о параллелизме сюжетов. Это два момента торжества в том, в чем триумфатору нет равных. Аполлон — прообраз всех музыкантов, а греческая «невеста — звезда свадьбы» — эмблема процветания и благочестия родного дома и сокровище (*ἀγαλμα*), передаваемое от отца к мужу, от очага к очагу (*Redfield*, 1982. С. 187–191). Оба сюжета, каждый по-своему, говорят о славе, о неоспоримом достоинстве и высшем торжестве — в случае с курганом на земле Мирзы Кекуватского это, очевидно, относится к отходящему в вечность воину.

Сцену омовения невесты, той же руки и с теми же фигурами, можно найти и на гидрии, найденной в Керчи во время земляных работ при прокладывании водопровода на ул. Фурманова (ВКИКМЗ, инв. № КМАК 501; BAPD 9044998). «По сведениям С. И. Березиной, руководившей в 1960 г. раскопками на ул. Фурманова, фрагменты лежали вместе с золой и останками женщины. Очевидно, гидрия использовалась в качестве урны в могиле вблизи дороги между Пантикапеем

и Мирмекием» (Ягги, Лазенкова, 2012. С. 135). По средней оси двухъярусной композиции на тулове изображены невеста, над нею — маленький эрот, выше — Афродита с зеркалом. Примечательно, что рядом с богиней вазописец показал Гермеса практически в соответствии с мыслью Плутарха: «Недаром древние рядом со статуями Афродиты воздвигали изваяния Гермеса, намекая на то, что наслаждения, связанные с браком, прежде всего нуждаются в здоровом размышлении, воздвигали также статуи Пито и Харит, дабы всего, что желают, супруги добивались друг от друга не ссорами и перебранками, но убеждением» (Плутарх. Наставление супругам. 138c–d)³.

Сопоставляя три последних примера, а также припоминая контекст находки трех сосудов из Пятого кургана Юз-Обы, мы обнаруживаем, что, по-видимому, на Боспоре в IV в. до н. э. выбор ваз с изображением на тему свадьбы для погребального инвентаря считался универсальным. Он был обусловлен не личностью погребенного (ср. о сложностях персональной идентификации: Langner, 2005. S. 55), а семантикой свадьбы как ритуала трансформации. Это равно подходило супругам и свободным от семейных уз обоим пола. При этом тем обстоятельством, что во всех случаях главным персонажем росписи выступала девушка-невеста, нужно было пренебречь. Афинская иконография свадьбы организована вокруг эмблематической фигуры невесты (Oakley, Sinos, 1993. P. 43–46). Желая поместить в погребение красивую полихромную вазу с росписью на тему свадьбы, покупатели поневоле должны были приобретать у афинских гончаров изделия с фигурами девушек.

Конечно, при погребении принадлежности с росписями на темы свадьбы, подобали и молодым женщинам, умершим до брака, невестам Аида, чьи могилы — невестины покои и чьи похороны заменяли брачный праздник (Reitzammer, 2016. P. 36, 37; см. также: Oakley, Sinos, 1993. P. 43). Для них, по-видимому, выбирали и сосуды определенных форм, предназначенные для невест, — такие, например, как свадебные лебесы (Λέβης γαμικός; ThesCRA, 2005. Vol. V. P. 173, 174). Примечательно, что в афинской традиции эти лебесы, очевидно, не жертвовали по завершении торжеств в храм (Sabetai, 2014. P. 54), как поступали с другими сосудами невесты (Smith, 2011.

P. 94). Их определенно хранили в семейных домах, может быть, как символы благополучия, которое приносит брак (Sabetai, 2014. P. 54).

Обломки полихромного свадебного лебеса (ГЭ. Инв. № ГЭ ЮО.47; Schefold, 1934. Kat. 281) (рис. 4, 3) были собраны при раскопках погребения 28 в Двенадцатом кургане Юз-Обы. По словам А. Е. Люценко, он был сооружен «для одних жженных гробниц», которые принадлежали, вероятно, одной семье (Виноградов и др., 2012. С. 84, 85). На обломках сохранилась часть изображения полуобнаженной женской фигуры. Возможно, это невеста, которую уже украсили серьгами и ожерельем, и ей подносят свадебный венок.

На фрагментах другого свадебного лебеса из Юз-Обы, одна сторона которого украшена полихромными деталями (ГЭ. Инв. № ЮО.55; ВАРД 230420) (рис. 4, 1, 2, детали полихромной стороны), видны части изображения увенчания невесты. Очевидно, его нашли при «расследовании оградной стены <...> с южной стороны одного из курганов <...> при изучении позади этой стены обширного костра, от которого остался слой угля с черепками битой посуды <...>, в том числе от сосудов, украшенных желобками и рисунками, на которых уцелели следы белой, красной и голубой красок...» (ОАК за 1862 г., 1863. С. VI). По-видимому, это имеет отношение и к другим небольшим обломкам — двух арибаллических лекифов (ГЭ. Инв. № ЮО.52, 53; Stephani, 1869. Nr 1914, 1913; Schefold, 1934. Kat. 293) и гидрии (ГЭ. Инв. № ЮО.54; Schefold, 1934. Kat. 158), которые были украшены полихромными росписями на сюжеты омовения и украшения невесты.

После того как убранство невесты было готово, ее отец «устраивал свадебный обед <...>, в котором, по крайней мере в некоторых местностях, принимали участие и женщины <...>; они сидели за особым столом вокруг невесты, закрытой фатой» (Латышев, 1889. С. 226; см. также: ThesCRA, 2004. Vol. II. P. 233).

Возможно, сцена праздника по случаю свадьбы изображена на крышке леканы (ГЭ. Инв. № Т.1885.3; ВАРД 230499) (рис. 5, 1), найденной Ф. И. Гроссом при раскопках «небольшого кургана в шести верстах к западу от Тамани по дороге на Тузлу» (ОАК за 1885 г., 1891. С. LXXXV). Вазу обнаружили во фрагментах в сожжении, обложенном сырцовым кирпичом, «под слоем угля» (Там же). Там же были собраны обломки чернолаковой реберчатой ойнохой (ГЭ. Инв. № Т.1885.2) и пиксиды с росписью в стиле Западного склона (ГЭ. Инв. № Т.1885.1), которые можно отнести

³ Цит. по: Плутарх. Наставление супругам // Сочинения / Пер. Э. Г. Юнца. М.: Художественная литература, 1983. С. 348–349.

Рис. 4. Краснофигурные полихромные вазы, Афины, IV в. до н. э.: 1, 2 — часть фрагментов свадебного лебеса, увенчание невесты (инв. № ЮО.55); 3 — фрагмент гидрии, увенчание невесты (инв. № ЮО.47); 4 — свадебный лебес, невеста с мальчиком-эротом (инв. № П.1906.175) © Государственный Эрмитаж

Fig. 4. Red-figure polychromic vases, Athens, 4th cen. BC: 1, 2 — fragment of a hydria, crowning of the bride (ЮО.55); 3 — several fragments of a lebes gamikos, crowning of the bride (ЮО.47); 4 — lebes gamikos, bride with a child Eros (П.1906.175) © State Hermitage Museum

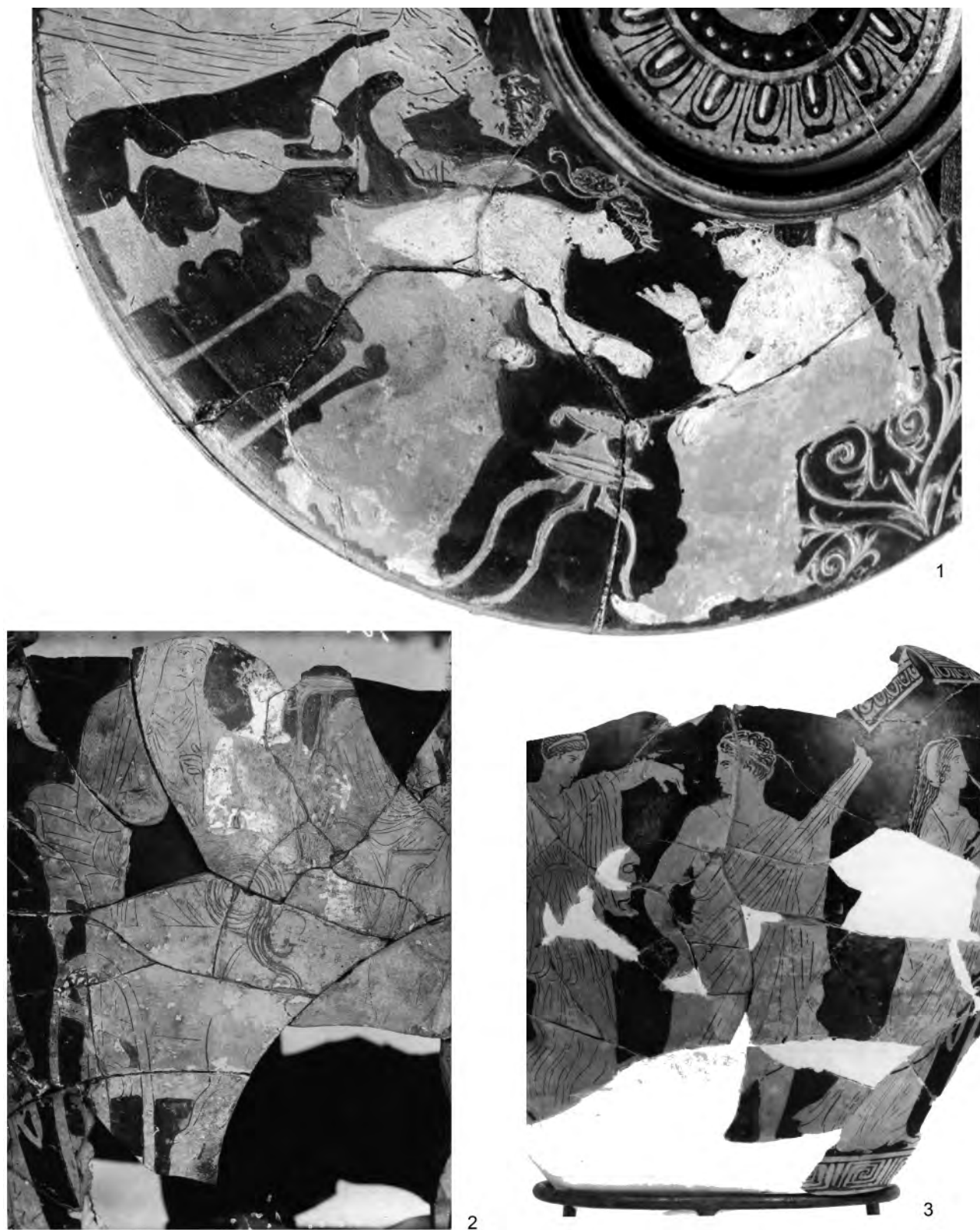

Рис. 5. Краснофигурные полихромные вазы, Афины, IV в. до н. э., фрагменты: 1 — крышка леканы, свадебный пир (?) (инв. № Т.1885.3); 2, 3 — свадебный лебес, свадебное шествие (инв. № Гп.1881.168) © Государственный Эрмитаж
Fig. 5. Red-figure polychromic vases, Athens, 4th cen. BC, fragments: 1 — lid of a lekanis (fragment), nuptial feast (?) (T.1885.3); 2, 3 — lebes gamikos, nuptial procession (Гп.1881.168) © State Hermitage Museum

к последней четверти IV — III в. до н. э. (ср.: *Sparkes, Talcott*, 1970. No. 130; *Rotroff*, 1997. No. 473, 1234). Изображенное на крышке леканы — эпизод свадьбы, о чем свидетельствуют фигуры служанки с лутрофором и девушки, у ног которой стоит открытая корзина-канун (κανον, κάνηον) для даров богам, которую следовало нести во главе свадебного шествия, как и других ритуальных процессий (*ThesCRA*, 2005. Vol. V. P. 269–271). Также там представлены полуобнаженная женщина с венком в руках, эроты и девушка, которая, присев, прикасается к одежде стоящей замужней женщины, закутанной в покрывало. Только эти две из всех присутствующих не имеют на голове венков. Все остальные (полуобнаженные и одетые женщины) празднично увенчаны цветами или цветами с лентами. Две из них сидят по сторонам от столика с гнутыми ножками и протягивают руки к стоящему на нем сосуду наподобие леканы — вероятно, в нем лежит угощение.

Невеста с покрытой головой среди женщин изображена на крышке леканы в ГМИИ (инв. № I.1.6 229; BAPD 26189). Как уже отмечалось, сейчас нет представления о времени для обряда снятия покрывала невесты. Возможно, это делали и неоднократно — на пиру перед отъездом в другой дом, перед брачной ночью, а также и на утро после (*Llewellyn-Jones*, 2003. P. 229).

Невеста в покрывале изображена и на лекане из Третьего кургана на мысе Ак-Бурун (Курган 1875 г.) (ГЭ. Инв. № Ак.Б.20; BAPD 26174) (рис. 6, 2). Курган «содержал два погребения, наиболее известным из которых стала кремация знатного воина» (*Смекалова, Белик*, 2017. С. 48). Фрагменты леканы были собраны не в нем, а «у подошвы кургана, с юго-западной его стороны», в «устроенной в материке черепичной гробнице <...> с сожженным на костре и потом уже схороненным трупом» (ОАК за 1875 г., 1878. С. XXXII). Это погребение считается женским, и его, может быть, следует датировать в пределах 300-х гг. до н. э. (*Петин*, 2022). В целом же это наиболее поздний курган в некрополе Юз-Оба, который возвели не ранее конца IV в. до н. э. (*Виноградов*, 2017. С. 86). Роспись на крышке леканы отличается не лучшим стилем исполнения, однако сопоставление ее с такими же посредственными краснофигурными росписями разных периодов IV в. до н. э. показывает, что этого недостаточно для того, чтобы датировать ее так же поздно, как и погребение. Скорее, можно предполагать, что в могилу поместили вазу, которую хранили в доме в символическом смысле, подобно свадебным

лебесам, или, просто в качестве сувенира замужней женщины, напоминающего о главных днях ее жизни (*Oakley, Sinos*, 1993. P. 47).

На свадебном лебесе, обнаруженном в Керчи, — еще одном шедевре Мастера Марсия (ГЭ. Инв. № П.1906.175; BAPD 230419) (рис. 4, 4) — невеста также представлена со все еще покрытой головой и в венке. Согласно рапорту В. В. Шкорпила, лебес был найден «наполненным одними жжеными костями <...> в каменном ящике, сложенном из тщательно отесанных плит из здешнего известняка <...> на Глинище на углу Продольной и Новой улиц» (*Лукьянов, Гриневич*, 1915. С. 1). Стенки вазы опоясывает фриз с фигурами женщин; в руках многих из них вещи, которые, очевидно, переносят в дом жениха (ларцы и пиксиды, большой узел с вещами, канун, свадебный лебес на подставке, лекана с угощением). Невеста сидит, с нежностью держа в руках совсем маленького эрота. Стоящая рядом женщина приглядывает за этой сценой и протягивает ладонь, словно на расстоянии поддерживая малыша, как могла бы делать мать, давшая кому-то поддержать своего младенчика. В этом изображении принято видеть отражение того момента афинской свадьбы, когда невеста (по разным современным представлениям, еще в доме отца или уже в доме жениха) накануне главного дня спала в охраняемом покое, где также ночевал маленький мальчик. Это был счастливый ребенок, оба родителя которого живы (греч. παις αμφιθαλής, «мальчик, цветущий с обеих сторон») (*Smith*, 2011. P. 88) и который участвовал в свадебном ритуале с элементами симпатической магии.

В идеальном случае (*Ibid.* P. 92) невеста «торжественно приезжала в дом жениха на свадебной колеснице, запряженной мулами или быками, сидя на скамейке» (*Латышев*, 1889. С. 226). В большинстве случаев реальные афинские невесты, очевидно, отправлялись в супружеский дом пешком (*Smith*, 2011. P. 92); иконография свадебного шествия в краснофигурной вазописии содержит значительно больше примеров пешей процессии (*Oakley, Sinos*, 1993. P. 30–32). Тем не менее на крупном полихромном свадебном лебесе, обнаруженном в некрополе Горгииппии (ГЭ. Инв. № П.1881.168; BAPD 21460) (рис. 5, 2, 3), изображен именно наиболее пышный вариант с колесницей.

Фрагменты этого лебеса были собраны «в восточной поле» кургана, исследованного к востоку от Анапы, в насыпи («у изголовья, то есть с восточной стороны за каменной оградой могилы» —

Рис. 6. Краснофигурные полихромные леканы, Афины, IV в. до н. э.: 1 — эпaulия (инв. № П.1841.37); 2 — проaulия или гамос (инв. № Ак.Б.20) © Государственный Эрмитаж

Fig. 6. Red-figure polychrome lekanai, Athens, 4th cen. BC: 1 — epaulia (П.1841.37); 2 — proaulia or gamos (Ак.Б.20) © State Hermitage Museum

ОАК за 1881 г., 1883. С. VI, VII). По описанию В. Г. Тизенгаузена это была «богатая, обложенная и покрытая каменными плитами, могила женщины, сожженной на костре», в которой обнаружили многочисленные золотые и серебряные изделия. Среди украшений имеется стленгида (στλεγγίς) — диадема, по форме напоминающая скребок-стригиль (античное словоупотребление см. LSJ). Стленгида изображает пряди волос над лбом, разложенные на пробор. Этот предмет считается атрибутом жриц (Шауб, 2017. С. 321), однако отмечено, что, в отличие от двух подобных диадем из Большой Близницы и одной из Павловского кургана, это украшение, очевидно, не использовалось при жизни погребенной, а было изготовлено специально для похорон (Kalashnik, 2014. Р. 111). Стленгида украшена подвесками с биконическими бусами, которые датируются в пределах последней четверти IV в. до н. э. (Трейстер, 2015а. С. 122; 2015б. С. 370).

Среди других обломков «за каменной оградой», где обнаружили фрагменты лебеса, также были собраны отдельные черепки краснофигурной полихромной леканы (ГЭ. Инв. № Гп.1881.167). На них можно разглядеть части женских фигур и детали обстановки женской половины дома (как и в описанных раньше росписях лекан), но точно определить сюжет нельзя. Стилистика росписей, а возможно, и датировка леканы и лебеса различаются. Лекана грубее и напоминает изделия такого рода второй-третьей четвертей IV в. до н. э. (ср.: VAPD 230879, 230880, 9003753). Лебес, напротив, отличается высоким качеством работы вазописца, а также необычно крупным для этой формы размером. В свое время К. Шефолд, изучая этот предмет, выдвинул условное имя так называемого Мастера свадебного шествия (Der Maler des Hochzeitszug) (Schefold, 1934. S. 132–134), который, по его мнению, расписал лебес из Горгиппии. Позже этого условного вазописца подробнее изучал П. Валаванис (Βαλαβανῆς, 1991. Σ. 260–312). Деятельность мастера, по разным оценкам, могла продолжаться от середины IV в. до 310-х гг. до н. э. (McPhee, 2018. P. 78, 79).

В настоящее время каталог ваз, приписанных Мастеру свадебного шествия, пересматривается, и как раз лебес из Горгиппии, давший ему имя, больше с этим художником не ассоциируется (Ibid. P. 78). Это справедливо, поскольку стилистически в росписи лебеса больше общего с изделиями так называемой Группы Аполлонии (Der Apolloniamaler; The Apollonia Group) (Beazley, 1963. P. 1482, 1695). Шефолд считал Группу Аполлонии одной из наиболее ранних в истории афинских

полихромных ваз и датировал ее изделия в пределах 350-х гг. до н. э. (Schefold, 1934. S. 97). С другой стороны, деятельность этой мастерской также часто относят и к третьей четверти IV в. до н. э. (до 320 г. включительно) (Zervoudaki, 1968. S. 53, 54, 58). Впрочем, на лебесе из Горгиппии есть также детали, характерные для афинской вазописи значительно более раннего времени. Так, отделка основания ручек аналогична той, что можно видеть на полихромном рельефном лекифе с подписью гончара Ксенофанта (ГЭ. Инв. № П.1837.2; VAPD 217907) и на краснофигурных пеликах, расписанных в разных манерах (VAPD 31967, 217512). Все эти сосуды сейчас датируют концом V — первой четвертью IV в. до н. э. (см. подробнее: Пемракова, Топал, 2023). Иными словами, возможно, что при погребении в кургане вблизи Анапы в последней четверти или в конце IV в. до н. э. были разбиты и помещены в насыпи более ранние и разновременные полихромные вазы производства разных мастерских, объединенные темой свадебных обрядов, — лекана и лебес, которые, возможно, принадлежали до этого семье погребенной.

Изображенная на лебесе идеальная свадебная колесница вмещала троих сидящих на скамье (ThesCRA, 2004. P. 287, 288). Невеста ехала «между женихом и шафером <...>. Если последний был вдовец, то обычай не позволял ему самому привозить невесту, и ее провожал только шафер <...>» (Латышев, 1889. С. 226; ср.: Oakley, Sinos, 1993. P. 27). На лебесе из Горгиппии (рис. 5, 2, 3) в повозке изображены трое: на скамье сидит женщина в покрывале, слева от нее, в середине, — невеста в венке, без покрывала и с лутрофором-гидрией в руках, третья фигура сильно повреждена (виден только подол длинной одежды). «Упряжку, везущую женщину <то есть невесту>, обязательно сопровождали погонщик мулов и поводырь» и мужчины-охранники (Гунерид. Первая речь в защиту Ликофрона. IVb.5; пер. Л. М. Глускиной⁴). Эти фигуры есть на лебесе, как и люди с факелами, которые готовили матери новобрачных (Oakley, Sinos, 1993. P. 27), и те, кто по пути пели и танцевали (ThesCRA, 2004. Vol. II. P. 312–314) и вообще шумели, обеспечивая невесте магическую защиту от зла (Oakley, Sinos, 1993. P. 26). Возглавляет шествие девушка с кануном, а ближе к концу видна закутанная до глаз образцовая жена.

После главного дня и брачной ночи отмечали эпаулию: «Родственники и друзья делали молодым

⁴ Исократ. Речи. Письма / Подгот. Э. Д. Фролов. М., Ладомир, 2013 (Малые аттические ораторы). С. 463.

подарки; между прочим, тесть посылал зятю домашнюю утварь и условленное приданое в виде процессии под управлением мальчика, одетого в белое платье, и девочки-канефоры... Новобрачные также обменивались подарками...» (*Латышев*, 1889. С. 226). В этот день невеста посвящала свое свадебное покрывало Гере и больше уже не надевала его. Поэтому возможно, что изображения женщин с ларцами, леканами и всем другим, что дарили невесте, если среди них нет ни одной с покрытой головой, относятся именно к эпаулии.

Такие сцены на краснофигурных вазах с полихромными дополнениями из боспорских находок известны только на крышках лекан. Среди них есть росписи лучшего качества (ср.: ГИМ. Инв. № ГИМ 4300, Оп. Б 25/96) и самого посредственного (ГЭ. Инв. № Гп.1881.20, Гп.1882.9; *Schefold*, 1934. Kat. 22; VAPD 26175). Последние два экземпляра происходят из раскопок, которые В. Г. Тизенгаузен вел в городской черте Анапы и в ближайших окрестностях (ОАК за 1882 г., 1891. С. XIX). Одна из этих лекан (ГЭ. Инв. № Гп.1881.20), судя по другим предметам инвентаря, была найдена в женском погребении.

Напротив, лекана с изображением на сюжет эпаулии из склепа в кургане «близ Карантинной слободки» в окрестностях Керчи, которую обнаружил А. Б. Ашик (ГЭ. Инв. № П.1841.37; VAPD 26170) (рис. 6, 1), лежала в погребении мужчины (*Ашик*, 1848. С. 48) вместе с бронзовым стригилем. Там также была найдена чернолаковая пелика, которая может быть датирована самым концом IV в. до н. э. (ср. пропорции краснофигурных сосудов — *Langner*, 2013. Abb. 24b). Помогает ли это в определении датировки полихромной леканы, сказать трудно, однако в данном случае периоды производства разных предметов в инвентаре были наверняка более близкими, чем в следующем.

Речь идет о погребении в некрополе Горгиппии, где также была найдена полихромная лекана (ГЭ. Инв. № Гп.1882.62; *Лукьянов, Гриневич*, 1915. Табл. 10,4; VAPD 26173). На крышке сохранилось не очень совершенное графически, но очень живое изображение женщины, заглядывающей в шкатулку, внутри которой видно ожерелье (сохранилась позолота на крупных бусинах). Фрагменты этой вазы собрали при исследовании каменного склепа в «кургане на земле Благовещенской станицы» (курган 23), где они «валялись по земляному полу» вокруг деревянного саркофага женщины, убранной «множеством золотых и стеклянных <...> бус» и другими «золотыми пронизями и привесками, а на голове оказалась золо-

тая фракийская монета Лизимаха» (ОАК за 1882 г., 1891. С. XIX–XXI). Этот статер, по-видимому, может свидетельствовать о времени погребения — не ранее конца второй четверти III в. до н. э. (ср.: MANTIS 1944.100.81617). Сходным образом можно датировать найденную в склепе фрагментированную чернолаковую «реверсивную» крышкучашу (ГЭ. Инв. № Гп.1882.61) с росписью в стиле Западного склона (ср. узор: *Rotroff*, 1997. No 136, no 315; чашечки других форм датируются между 275 и 265 гг. до н. э.).

С другой стороны, «на правой руке [погребенной были] отысканы золотая дужка с вертящимся на оси халцедоновым цилиндром, на котором вырезано вглубь прекрасно исполненное изображение молодой женщины, стоящей среди солнечных лучей на спине льва, идущего на встречу царю [ГЭ. Инв. № Гп.1882.55], и другая золотая дужка [ГЭ. Инв. № Гп.1882. 56] с вертящимся на оси четырехгранным резанным вглубь сердоликом <...>» (ОАК за 1882 г., 1891. С. XXI). Это две греко-персидские геммы. По поводу сердоликовой призмы Дж. Бордман отметил, что в ней преобладают греческие элементы и что это изделие около 400 г. до н. э. (*Boardman*, 1970. P. 310, 432). Халцедоновый цилиндр он оценил как образец с более выраженной персидской стилистикой и более ранний, «все еще определено V века» (*Ibid.* P. 314, 433), и это — один из «разительных примеров долгой жизни восточных гемм в Северном Причерноморье» (*Неверов*, 1984. С. 48).

В связи с этим можно только еще раз отметить, что и краснофигурная полихромная лекана с изображением свадебного дня эпаулии — насколько это можно оценить при современном уровне знания — попала в погребение в некрополе Горгиппии самое меньшее через полвека после того, как была произведена в Афинах. Подобное наблюдение (вместе с приведенными ранее) возвращает к необходимости принимать во внимание, что такие вазы могли храниться в домах жителей Боспора долго — десятилетиями. В определенных случаях они, вероятно, имели сентиментальную ценность для своих первых владелиц, достойных пожилых матрон, или, что более вероятно, напоминали о старших родственницах (матерях, тетюшках, бабушках), которым некогда принадлежали. Однако это делает очевидной и насущной проблему, связанную с неустоявшейся хронологией аттических краснофигурных полихромных ваз IV в. до н. э. и, как правило, недостаточным количеством сопутствующего датирующего материала для них (см. также: *Букина*, 2023).

- Ашик*, 1848 — *Ашик А.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Тип. Т. Неймана и К., 1848. Ч. II. 89 с.
- Ашик*, 1849 — *Ашик А.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Тип. Т. Неймана и К., 1849. Ч. III. XVIII, 97 с.
- Букина*, 2023 — *Букина А. Г.* Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика // Боспорский феномен: *Quarta pars saeculi*: Итоги, вопросы, дискуссии: Материалы Междунар. науч. конф / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 334–336.
- Бутягин*, 2022 — *Бутягин А. М.* Фрагменты тарных амфор из раскопок Павловского кургана // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху: Сб. науч. тр. к 70-летию проф. С. Ю. Монахова / Гл. ред. А. П. Медведев. Саратов: Амирит, 2022. С. 59–71.
- Виноградов*, 2017 — *Виноградов Ю. А.* Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: От неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017 (Крым в истории, культуре и экономике России). С. 67–110.
- Виноградов*, 2019 — *Виноградов Ю. А.* Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип., 2019. Вып. XXXVIII. С. 3–16.
- Виноградов и др.*, 2012 — *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь; Керчь: Мастер книг, 2012 (Боспорские исследования; Suppl. 9). Т. I: История изучения и топография. 286 с.
- Латышев*, 1889 — *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: Пособие для гимназистов ст. классов и для начинающих филологов. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1889. Ч. 2: Богослужбные и сценические древности. 2-е изд., испр. 328 с.
- Лукьянов, Гриневич*, 1915 — *Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П.* Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. Вып. 35: Керченская кальпида 1906 года. Поздняя краснофигурная живопись. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1915. 144 с.
- Неверов*, 1984 — *Неверов О. Я.* Фрагмент ахеменидского цилиндра из Херсонеса // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1984. Вып. 49. С. 47–49.
- ОАК за 1860 г., 1862 — Отчет ИАК за 1860 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1862. XVI, 110 с.
- ОАК за 1862 г., 1863 — Отчет ИАК за 1862 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1863. XXII, 179 с.
- ОАК за 1867 г., 1868 — Отчет ИАК за 1867 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. XXXII, 224 с.
- ОАК за 1875 г., 1878 — Отчет ИАК за 1875 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. XXXVI, 224 с.
- ОАК за 1881 г., 1883 — Отчет ИАК за 1881 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1883. XX, 151 с.
- ОАК за 1882 г., 1891 — Отчет ИАК за 1882–1888. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. CCCXXXIV, 133 с.
- ОАК за 1885 г., 1891 — Отчет ИАК за 1882–1888. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1891. CCCXXXIV, 133 с.
- Петин*, 2022 — *Петин А. А.* О погребениях из Третьего кургана на мысе Ак-Бурун (попытка идентификации) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип., 2022. Вып. 44. С. 155–161.
- Петракова*, 2023 — *Петракова А. Е.* Женщина с закрытым лицом: Редкий мотив на афинских вазах из Боспорских находок // Боспорский феномен: *Quarta pars saeculi*: Итоги, вопросы, дискуссии: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2023. (В печати.)
- Петракова, Топал*, 2023 — *Петракова А. Е., Топал Д. А.* Аттическая краснофигурная пелика из скифского кургана близ молдавского села Манта: Проблемы атрибуции и интерпретации изображения // АВ. 2023. Вып. 41. С. 227–246.
- Петракова, Ягги*, 2019 — *Петракова А. Е., Ягги О.* Эроты с позолоченными крыльями: рецепция краснофигурных vaz из мастерской Мастера Марсия в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип., 2019. Вып. XXXIX. С. 89–116.
- Поваляев*, 2018 — *Поваляев Н. Л.* Греческая «аристократическая» традиция и «варварские» курганы Боспора: «Социальный» взгляд на проблему // XIX Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Традиции и инновации: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 382–394.
- Смекалова, Белик*, 2017 — *Смекалова Т. Н., Белик Ю. Л.* Курганы на мысе Ак-Бурун. Историческая топография и современное состояние // История и археология Крыма. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017. № 6. С. 47–53.
- Трейстер*, 2015а — *Трейстер М. Ю.* Золото Фанагории: Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015 (Фанагория. Результаты археологических исследований; Т. 2). С. 77–181.
- Трейстер*, 2015б — *Трейстер М. Ю.* Каталог: ГМИИ // Фанагория: Результаты археологических исследований // Золото Фанагории / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА

- РАН, 2015 (Фанагория. Результаты археологических исследований; Т. 2). С. 340–390.
- Шауб, 2014 — Шауб И. Ю. Боспорские курганы и захоронения // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2014. Вып. 30. С. 639–694.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2017. Вып. 34. С. 288–324.
- Ягги, 2017 — Ягги О. Аттическая краснофигурная керамика в Северном Причерноморье: особенности распространения, восприятия, использования // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2017. Вып. 35. С. 89–98.
- Ягги, Лазенкова, 2012 — Ягги О., Лазенкова Л. Аттические краснофигурные вазы IV в. до н. э. Киев: Мистецтво, 2012 (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция керамики; Т. IV). 343 с.
- Βαλαβανησ, 1991 — Βαλαβανησ Π. Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π.Χ. αι. Αθήνα: Αρχαιολογική Εταιρεία, 1991 (Βιβλιοθήκη της εν Αθηναις αρχαιολογικής εταιρείας; αρ. 122). 354 с.
- ВАРД — База данных расписных ваз Архива Бизли [Электронный ресурс]. Classical Art Research Center, University of Oxford. URL: <https://www.cvaonline.org/XD/ASP/default.asp>.
- Beazley, 1963 — Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1963. 3 vls.
- Boardman, 1970 — Boardman J. Greek gems and finger rings: Early Bronze Age to Late Classical / Photographs by L. Wilkins. New York (NY): Harry N. Abrams Publishers, 1970. 458 p.
- Detienne, 1972 — Detienne M. Les jardins d'Adonis: La mythologie des parfums et des aromates en Grèce / Préface de J.-P. Vernant. Paris: Gallimard, 1972. 248 p.
- Dodson-Robinson, 2010 — Dodson-Robinson E. Helen's "Judgment of Paris" and Greek marriage ritual in Sappho 16 // *Arethusa*. 2010. Vol. 43. P. 1–20.
- Dupont et al., 2019 — Dupont P., Baralis A., Nedev D., Panayotova K., Bogdanova T. Kerch Style: Towards a Local Branch Evidenced At Apollonia Pontica? // *Materiale i cercetări arheologice*. 2020 (Serie nouă). Fasc. XVI. P. 135–138.
- Gilles, 1854 — Gilles F. Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Impérial de l'Ermitage: Ouvrage publié par ordre de S. M. L'Empereur = Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа: Изданы по высочайшему повелению. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1854. В 3 т.
- Gille, 1860 — Gille F. Musée de l'Ermitage Impérial: Notice sur la formation de ce musée et description des diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. St. Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1860. 375 p.
- Jaeggi, Petrakova, 2019 — Jaeggi O., Petrakova A. The Marsyas Painter and his Workshop in the Northern Black Sea Area // Η κεραμική της Κλασικής Εποχής στο Βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (480–323/300 π.Χ.): Πρακτικά του Διεθνούς Αρχαιολογικού Συνεδρίου, (Θεσσαλονίκη, 17–20 Μαΐου, 2017) = Classical Pottery of the Northern Aegean and Its Periphery (480–323/300 BC): Proceedings of the International Archaeological Conference (Thessaloniki, May 17–20, 2017) / Eds. E. Manakidou, A. Avramidou. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2019. P. 637–649.
- Kalashnik, 2014 — Kalashnik Y. Greek gold in the Hermitage collection: Antique jewellery from the Northern Black Sea coast: [Album] / The State Hermitage Museum. St. Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2014. 279 p.
- Langner, 2005 — Langner M. Barbaren griechischer Sprache? — Die Bildwelt des Bosporanischen Reiches und das Selbstverständnis seiner Bewohner // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: Kolloquium in Zschortau/Sachsen / Hrsg. F. von Fless, M. Treister. Rahden (Westf.): M. Leidorf, 2005 (Internationale Archäologie. Arbeitsgemeinschaft, Symposium, Tagung, Kongress; Bd. 6). S. 53–67.
- Langner, 2013 — Langner M. Grundlagen der Chronologie spätrotfiguriger Vasen aus Athen // Bulletin antieke beschaving. 2013. Vol. 88. B. S. 127–170.
- Lezzi-Hafter, 2012 — Lezzi-Hafter A. The Xenophantos Chous from Kerch with Cypriot Themes // Red-figure pottery in its ancient setting: Acts of the International Colloquium / Eds. St. Schierup, B. Bundgaard Rasmussen; National Museum of Denmark, Copenhagen. Aarhus: Aarhus University Press, 2012 (Gosta Enbom Monographs). P. 33–42.
- Llewellyn-Jones, 2003 — Llewellyn-Jones L. Aphrodite's tortoise: the veiled woman of ancient Greece. Swansea (Wales), Oakville (CT): Classical Press of Wales; The David Brown Book, 2003. 358 p.
- LIMC, 1988 — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis Verlag, 1988. Vol. IV: Eros (in Etruria) — Herakles. 716 S.
- LIMC, 1994 — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis Verlag, 1994. Vol. VII: Oidipous — Theseus. 1065 S.
- LSJ — Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon / Revised and augmented throughout by Jones H. S.; with

- the assistance of McKenzie R. Oxford (UK): Clarendon Press, 1940. 725 p.
- MANTIS — База данных нумизматического собрания Американского нумизматического общества. New York (NY). [Электронный ресурс]. URL: <http://numismatics.org/collection>.
- McPhee, 2018 — *McPhee I.* An Attic Red-Figured Pelike in the Abegg-Stiftung // STUDI MISCELLANEI DI CERAMOGRAFIA GRECA. Vol. IV / A cura E. di Giudice, G. Giudice; dir. resp. F. Giudice; Archivio Ceramografico — Università di Catania. Catania: Edi-arch, 2018. P. 71–92.
- Oakley, Sinos, 1993 — *Oakley J. H., Sinos R. H.* The wedding in ancient Athens. Madison (WI): The University of Wisconsin Press, 1993 (Wisconsin studies in classics). 153 p.
- Redfield, 1982 — *Redfield J.* Notes on the Greek wedding // *Arethusa*. 1982. Vol. 15. P. 181–201.
- Reed, 1995 — *Reed J. D.* The Sexuality of Adonis // *Classical Antiquity*. 1995. Vol. 14. P. 317–347.
- Reitzammer, 2016 — *Reitzammer L.* The Athenian Adonia in context: The Adonis festival as cultural practice. Madison (WI): The University of Wisconsin Press, 2016 (Wisconsin studies in classics). 261 p.
- Rotroff, 1997 — *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery: Athenian and Imported wheelmade, table ware and Related Material. Princeton (NJ): The American School of Classical Studies at Athens, 1997 (The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens; Vol. 29). 612 p.
- Sabetai, 2014 — *Sabetai V.* The wedding vases of the Athenians: A view from sanctuaries and houses // *Mètis*. 2014. Vol. 12. P. 51–79.
- Schefold, 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: de Gruyter & Co., 1934 (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; Bd. IV). 161 S.
- Seifert, 2008 — *Seifert M.* Choes, Anthesteria und die Sozialisationsstufen der Phratrie // *Komplexe Bilder / Hrsg. M. von Seifert*. Berlin; Basel: Leonhard-Thuneyser Verlag, 2008 (Hefte des Archäologischen Seminars der Universität Bern; Bt. 5). S. 85–100.
- Smith, 2005 — *Smith A. C.* The politics of weddings at Athens: An iconographic assessment // *Leeds International Classical Studies*. 2005. Vol. 4. P. 1–32.
- Smith, 2011 — *Smith A. C.* Marriage in the Greek world // *ThesCRA*. 2011. Vol. VI. P. 83–94.
- Sparkes, Talcott, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton (NJ), 1970. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. 2 vols.
- Stephani, 1869 — *Stephani L.* Die Vasen: Sammlung der Kaiserlichen Ermitage. St. Petersburg: Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie, 1869. 432 s.
- Sutton, 1997/1998 — *Sutton R. F., Jr.* Nuptial Eros: The Visual discourse of marriage in Classical Athens // *The Journal of the Walters Art Gallery*. 1997/1998. Vol. 55/56. P. 27–48.
- Sutton, 2009 — *Sutton R. F., Jr.* Female bathers and the emergence of the female nude in Greek art // *The nature and function of water, baths, bathing, and hygiene from Antiquity through the Renaissance / Eds. C. Kosso, A. Scott*. Leiden, Boston: Brill, 2009 (Technology and change in history; Vol. 11). P. 61–86.
- ThesCRA, 2004 — *Thesaurus Cultus Et Rituum Antiquorum*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum; Basel: Fondation pour le lexicon iconographicum mythologiae classicae, 2004. Vol. II: Purification; Consecration; Initiation; Heroization, apotheosis; Banquet; Dance; Music; Rites and acts related to cult images. 646 p.
- ThesCRA, 2005 — *Thesaurus Cultus Et Rituum Antiquorum*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum; Basel: Fondation pour le lexicon iconographicum mythologiae classicae, 2005. Vol. V: Personnel of Cult Instruments. 502 p.
- ThesCRA, 2011 — *Thesaurus Cultus Et Rituum Antiquorum*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum; Basel: Fondation pour le lexicon iconographicum mythologiae classicae, 2011. Vol. VI: Stages and Circumstances of Life work, hunting, travel. 704 p.
- Toutain, 1940 — *Toutain J.-F.* Le rite nuptial de l'Anakalypterion // *Mélanges d'études anciennes offerts à Georges Radet, directeur de la Revue des études anciennes par les collaborateurs de la Revue / Ed. par F. Chapouthier, W. Seston, P. Boyancé = Revue des Études Anciennes*. 1940. T. 42. P. 345–353.
- Zervoudaki, 1968 — *Zervoudaki E.* Attische polychrome Reliefkeramik des späten 5. und des 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung*. 1968. Bd. 83. S. 1–88.

Marriage scenes and symbols: Attic red-figure polychrome vases of the 4th century BC in Cimmerian Bosphorus

A. G. Bukina⁵

Keywords: red-figure vases, Attic polychrome red-figure vases of the 4th cen. BC in Bosphoran contexts, attribution of the Attic polychrome red-figure vases of the 4th cen. BC, chronology of the Attic polychrome red-figure vases of the 4th cen. BC, so-called Kerch vases, iconography of marriage, semantics of the marriage depictions.

The paper deals with the questions of iconography and semantic of the depictions of mythological and non-mythological weddings, i.e., divine and heroic spouses (fig. 1, 1, 2; 2; 3, 1) and wedding ceremonies (fig. 1, 3, 4; 3) typical of the Athenian red-figure vases of the 4th cen. BC (so-called Kerch vases) with polychrome additional paintings, deriving from the excavations on the territory of Bosphorus Cimmerian. All of them have been found in burials, serving not only as just grave goods (fig. 1, 1, 3, 4; 3; 4, 1–3; 5; 6), but also as urns for ash or bones (fig. 1, 4; 2, 1–3). In comparison with the whole range of subjects possible in the Athenian red-figure vases of the period, the thematic circle of these vase-paintings is rather limited to several subjects. About 40 percent of the paintings on the specimens are connected to variable marriage subjects or wedding ceremonies. Apparently, the reason should be found in the symbolic parallelism of the funeral and the wedding as the ritual of transformation or rite de passage (at least from the point of view of the Bosphoran inhabitants). This fact used to make these vases optimal items for becoming grave goods for men (even for brave warriors — cf. fig. 1, 3, 4), women both married or virgin (cf. fig. 6, 1, 2) and spouse couples (cf. fig. 3, 1). One more interesting fact is that in some of the archaeological complexes, excavated on Bosphorus, we can witness significant difference in dating of these Athenian vases and other items placed into the grave as grave goods: from half a century or more (cf. fig. 5, 2–3; 6, 1). This fact claims for socio-cultural interpretation and sharpens the problem of not yet totally established chronological system of the Athenian red-figure vases of the 4th cen. BC with polychrome decoration.

---

⁵ Anastasiya G. Bukina — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru.

Склеп Ульпиев и представители этого рода в эпитафийке Боспора¹

В. А. Горончаровский²

Аннотация. В статье публикуются архивные данные об открытии в 1860–1861 гг. близ Керчи семейного склепа Ульпиев и связанных с ним эпитафийских находках. Эти сведения позволяют рассмотреть вопрос о роли представителей этого рода в политической истории Боспора.

Ключевые слова: Боспорское царство, некрополь Пантикапея, склеп Ульпиев, эпитафийка.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-162-174

Среди захоронений в некрополе Пантикапея римского времени важное место занимает склеп Ульпиев, исследованный А. Е. Люценко в 1860–1861 гг. в кургане близ Арестантской казармы на берегу пролива «по направлению шоссе, ведущего к Новому карантину» (Люценко, 1860а. Л. 25об.), недалеко от дороги в селение Аджимушкай³ (Там же. Л. 30) (рис. 1). Как справедливо отметил М. И. Ростовцев, здесь «мы имеем усыпальницу одного из самых видных родов» Боспора первых веков новой эры, и вслед за ним остается только «пожалеть, что для расследования кургана было сделано так мало и раскопка его не была доведена до конца» (Ростовцев, 1914. С. 399). Этим обстоятельством объясняются весьма скудные данные о склепе, приведенные самим М. И. Ростовцевым, и малое внимание, которое ему уделяли позднее (см., например: Цветаева, 1968. С. 118), вплоть до игнорирования при описании курганного

некрополя Пантикапея (Виноградов, 2017. С. 67 сл.). Интерес вызывали только связанные с ним эпитафийские находки, о которых пойдет речь далее. Учитывая значение данного погребального комплекса для изучения боспорской элиты римского времени, представляется необходимым обратиться к рассмотрению всех касающихся его материалов из научного архива ИИМК РАН, а также вопроса о роли представителей рода Ульпиев в политической истории Боспорского царства.

Открытие склепа состоялось в ходе работ, производившихся в период с 27 сентября по 1 октября 1860 г. в уцелевшей части «глинистого» кургана на участке площадью 4 кв. сажени (= 18,2 кв. м) (Люценко, 1860а. Л. 87), что с учетом отсутствия плана и обмеров дает хотя бы приблизительное представление о размерах этого сооружения, которое А. Е. Люценко назвал «большим» (Люценко, 1860б. Л. 5). Оно было устроено в насыпи, первоначально возведенной над центральной давно разграбленной уступчатой гробницей IV в. до н. э., и также оказалось разоренным.

Остатки склепа, которому присвоили № 45, были выявлены на глубине 5¼ аршин (= 3,73 м). Его свод и стены в верхней части не сохранились. По описанию А. Е. Люценко, местами наблюдались остатки «внутренней штукатурки и окраски» (Люценко, 1860а. Л. 87), но ничего о характере этой росписи сказать нельзя. Близ основания одной из стен с внешней стороны нашли крупный фрагмент беломраморной плиты с надписью, в тщательно вырезанных буквах которой сохранились следы красной краски. В ней упоминались некий сын Мастуса, Ульпия Каллисфения

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

© Горончаровский В. А., 2023.

³ Судя по всему, эта казарма располагалась на расстоянии около 1 км к северо-востоку от центра Керчи близ 11-го кордона пограничной стражи, где, согласно указаниям на карте Керчь-Еникальского карантинного округа 1841 г., постоянно находились четыре стражника.

и дата 403 г. б. э. (= 106/107 г.⁴) (КБН 697)⁵, а рядом «несколько кусков от большой мраморной вазы» (Там же). В таких случаях А. Е. Люценко записывал в своем журнале археологических разысканий: «... бывшая тут гробница разорена в давнее время, почему дальнейшее расследование оной признано бесполезным» (Там же. Л. 24об.).

Раскопки, сначала представлявшиеся бесперспективными, были продолжены в конце 1860 г. только по настоянию председателя Императорской археологической комиссии графа С. Г. Строганова, который в своем предписании от 30 ноября 1860 г. потребовал поискать «в разоренном склепе под № 45... другой половины мраморной плиты с греческой надписью» (Люценко, 1860б. Л. 2, 3). И, действительно, вскоре удалось сделать новые эпиграфические находки. Очищая склеп от обвалов курганной насыпи, рабочие обнаружили два фрагмента небольшой плиты из белого мрамора толщиной 0,06 м (рис. 2)⁶, видимо, когда-то размещенной над входом в этот погребальный комплекс. На них сохранилась надпись следующего содержания: «Ульп[ий, сын тако-то,] Парфе[нокл, наместник] царской [резиденции себе и своим] потомкам [соорудил этот памятник] в... году» (КБН 628), из чего стало понятно, что именно этот видный представитель боспорской администрации устроил здесь семейную усыпальницу. Позднее В. В. Латышев отметил сходный характер письма двух найденных в склепе надписей на мраморных плитах, очевидно, обусловленный их изготовлением в одной мастерской примерно в одно и то же время (IOSPE. II. 26).

В ходе продолжения работ в дальнем конце склепа Ульпиев 30 декабря 1860 г. рабочие наткнулись на стоявший поперек погребальной камеры массивный саркофаг из белого мрамора «без карнизов и скульптурных украшений», с одними полукруглыми акротериями по углам двускатной крышки высотой 0,76 м (Люценко, 1860б. Л. 3об.) (рис. 3). Внутри, «кроме человеческих костей, лежавших в беспорядке, ничего не оказалось» (Там же. Л. 9). В центре одной из продольных стенок саркофага в виде прямоугольного ящика размерами 2,12 × 1,10 × 0,93 м, с толщиной стенок и дна до 0,16 м, находилась частично поврежденная грубо пробитым отверстием надпись:

⁴ Здесь и далее все даты — новая эра.

⁵ В лемме к КБН 697 допущена ошибка в дате находки этого фрагмента: вместо 1860 г. указан 1850 г.

⁶ Мелкий фрагмент правого края плиты впоследствии был утерян.

Рис. 1. Окрестности Керчи на карте полковника Бетева, снятой в 1837 г. (Виноградов, 2017. С. 68, рис. 1)

Fig. 1. Surroundings of Kerch in Colonel Betev's map of 1837 (Виноградов, 2017. С. 68, рис. 1)

Рис. 2. Надпись Ульпия Парфенокла о сооружении семейной усыпальницы (КБН-альбом. № 628)

Fig. 2. Inscription of Ulpus Parthenokles reporting the construction of a familial tomb (CIRB-Album. № 628)

Рис. 3. Мраморный саркофаг Антимаха. Фотография М. Эдельштейна. 1861 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1861. Д. 15. Л. 30)

Fig. 3. Marble sarcophagus of Antimachos. Photo by M. Edelstein. 1861 (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1861. F. 15. Sh. 30)

Рис. 4. Львиный курган. Подъем статуи льва из ямы. 1894 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 158. Л. 150)

Fig. 4. Lion Barrow. Lifting of the lion statue from the pit. 1894 (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1894. F. 158. Sh. 150)

«Антима[х]... (скончался), прожив... лет, [месяца Л]оя, 30-го числа» (КБН 725). С двух сторон ее были вырезаны листки плюща. К сожалению, патронимик в данном случае не сохранился. По характеру письма надпись можно датировать концом II — началом III в. (ср.: Болтунова, Книпович, 1962. С. 11, табл. IV), хотя высказывалось мнение о том, что она относится ко времени «едва ли ранее начала III в. н. э.» (КБН. С. 418). Логично предположить, что в данном случае мы сталкиваемся со стремлением сохранить имя Антимах путем передачи его потомкам, ведь несмотря на отсутствие каких-либо определенных правил довольно часто первый мальчик в семье получал имя деда. Таким образом, можно сделать вывод, что в роду Ульпиев явно сохранялся ограниченный традиционный набор имен.

В рапорте от 13 января 1861 г., отправленном в Петербург графу С. Г. Строганову, А. Е. Люценко писал о саркофаге Антимаха: так как он «оказался совершенно целым, то предположено поднять его и перевезти в Музей на медведке (так называлась телега с низкими колесами для перевозки больших тяжестей. — В. Г.), разрыв предварительно часть кургана и сделав в гробнице удобный спуск» (Люценко, 1861. Л. 9). Вскоре Императорская археологическая комиссия одобрила эту идею, и в период с 20 февраля по 25 марта работы продолжились⁷. Для безопасного извлечения саркофага ближе к центру кургана была сделана прирезка площадью 6 кв. саженей (= 27,3 кв. м) и глубиной около 3 саженей (= 6,4 м). При этом в курганной насыпи обнаружались остатки «обвалившихся круглых сводов», то есть свод склепа был полуцилиндрическим, а стены его оказались частично впущенными в материк (Там же. Л. 60б.). Для очистки внутреннего помещения от грунта и каменных завалов с западной стороны кургана рабочие устроили спуск в виде траншеи длиной 6 саженей (= 12,8 м), шириной — $1\frac{1}{2}$ (= 3,56 м) и глубиной $\frac{1}{2}$ сажени (= 1,07 м). Его использовали для того, чтобы вытащить саркофаг из склепа на катках с помощью специального шпиля со шкивами. Как выглядело такое приспособление, показывает сделанная более тридцати лет спустя фотография, где с его помощью поднимают из ямы мраморного льва, служившего украшением Львиного кургана (рис. 4). Затем крышку весом около 1,9 т и собственно саркофаг весом около 2,9 т перевезли в музей в два приема

⁷ В Отчете о разысканиях близ Керчи в 1861 г. курган фигурирует под № 3.

на медведке, запряженной тремя парами волов. За саркофагом, прикрепленным к стене залитыми свинцом железными скобами, находился образовавшийся при строительстве данного погребального комплекса пролом в соседний, более ранний, уступчатый склеп. Таким образом, усыпальница Ульпиев относилась к монументальным сооружениям, встроенным в старые курганы на территории пантикапейского некрополя (Ростовцев, 1925. С. 217; Виноградов, 2017. С. 102).

При извлечении саркофага рядом с ним нашли «золотое кольцо с гранатом без резьбы, вероятно, потерянное грабителями» (Люценко, 1861. Л. 6 об.). Дополнительная информация о нем содержится в «Описи древним вещам, найденным в 1861 г. при производстве археологических разысканий возле Керчи», где под № 558 значится «золотой восьмигранный перстень с гладким гранатом» (Люценко, 1861. Л. 73об.). Перстни такой формы были популярны в Римской империи в конце II — III в. (Арсентьева, Горская, 2019. С. 135, 136, № 147, 148), что соответствует датировке надписи.

В дальнейшем на линии спуска была произведена выборка грунта на участке площадью 9,60 × 2,13 м, и на глубине 1,42 м удалось обнаружить вымощенный камнем дромос, ведущий в склеп. Находки на уровне его пола, согласно описи, были немногочисленны: «однофитильная лампочка из красной глины, украшенная бордюром» (№ 559); небольшая «обыкновенная глиняная амфора с остроконечным дном» (№ 560)⁸; несколько обломков мраморной вазы с рельефным декором в виде арок и левая часть ранее упомянутой датированной надписи из раскопок 1860 г. (№ 561) (Люценко, 1861. Л. 73об.). Таким образом, она сохранилась практически целиком (рис. 5, 1)⁹ и гласила: «Ульп[и]й Ант[и]мах, сын Мастуса, начальник острова (поставил) Ульпии Каллисфении, супруге своей, памятник в 403 году» (КБН 697). Если принять во внимание датировку надписи на саркофаге, можно сделать вывод, что склеп использовался для захоронений представителей одного рода на протяжении по крайней мере целого столетия.

Уже Л. Э. Стефани высказался в пользу принадлежности Парфенокла и Антимаха к семье, выходцы из которой не раз занимали важные государственные должности (ОАК за 1861 г., 1863.

С. 167). Это предположение подтвердилось уже в 1861 г., когда между Предтеченской площадью и Таманской пристанью Керчи при рытье ям для погребов был найден постамент из серого мрамора размерами 1,00 × 0,81 × 0,61 м (рис. 5, 2) с надписью на лицевой стороне: «[В добрый час]. Происходящего от Геракла и сына Посейдона Эвмолпа и от предков царей, сына великого царя Савромата, царя Тиберия Юлия Рескупорида (его статую), друга цезаря и друга римлян, благочестивого, пожизненного первосвященника августов, Ульпий Антисфен, сын Антимаха, хилярх (поставил) своего спасителя и владыку в знак почета в 512 году и месяце Лое, 20-го числа» (то есть 216 г., КБН 53). Несомненно, и этот знатный боспорянин принадлежал к тому же семейству.

Новая эпиграфическая находка, связанная с представителями рода Ульпиев появилась в 1862 г., когда у какого-то крестьянина в Керчи был приобретен обломок плиты из белого мрамора¹⁰ с надписью (рис. 5, 3), где упоминались уже известные нам персонажи: «За победу [над ски]фами потомка царей [---- (великого)] царя Б[оспора...], друга цезаря [и друга римлян], благочестивого, Парфенок[л... (и)] Антимах, начальники [-----] богам, дарующим победу, (посвятили) [в... году, месяца] Горп[иея]» (КБН 32). Отметим, что братья здесь упоминаются без родового имени Ульпий, и надпись, скорее всего, относится к последним годам правления боспорского царя Рескупорида I (67/68–92/93 гг.) или к началу царствования Савромата I (93/94–123/124 гг.).

Исходя из того, что единственный, кроме Парфенокла и Антимаха, современный им носитель родового имени Ульпий — это известный по КБН 43 Марк Ульпий Прим, Л. Э. Стефани предложил восстановление в несохранившейся части текста имени Прим в качестве имени третьего члена семьи (ОАК за 1863 г., 1864. С. 208).

Данное мнение, поддержанное другими исследователями, впоследствии справедливо было подвергнуто сомнению (КБН 32. С. 36, лемма). Как убедительно показал не так давно В. Н. Парфенов, датировка этой надписи 394 г. б. э. (97–98 г.) свидетельствует о том, что Прим мог быть только вольноотпущенником императора Траяна, а не знатным боспорцем (Парфенов, 2009. С. 352). Впрочем, возможно, в несохранившейся части надписи действительно было еще одно имя.

⁸ Видимо, А. Е. Люценко таким образом описал узкогорлую светлоглиняную позднегераклеюскую амфору типа CIV C или CIV D (Внуков, 2006. С. 14, рис. 1, 9, 10).

⁹ Ее полный размер 0,62 × 0,31 × 0,05–0,07 м.

¹⁰ Незначительная толщина плиты (0,03 м) наводит на мысль о том, что она была вделана в стену какого-то сооружения или постамент статуи.

Рис. 5. 1 — посвятельная надпись Ульпия Антимаха своей жене Ульпии Каллиспении. 106/107 г. (КБН-альбом. № 697); 2 — посвящение Ульпия Антисфена, сына Антимаха, царю Тиберию Юлию Рескупориду. 216 г. (НА ИИМК РАН. РО. Р I. Оп. 1. Д. 691. Л. 28); 3 — посвящение Парфенокла и Антимаха за победу над скифами (КБН-альбом. № 32)

Fig. 5. 1 — votive inscription by Ulpius Antimachos to his wife Ulpia Kallisphenia. 106/107 AD (CIRB-Album. № 697); 2 — dedication by Ulpius Antisthenos, son of Antimachos, to King Tiberius Julius Rhescuporis. 216 AD (Scientific Archives of IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. F. 691. Sh. 28); 3 — dedication by Parthenocles and Antimachus in honour of a victory over the Scythians (CIRB-Album. № 32)

В данном случае на роль третьего брата вполне может претендовать Мастус, сын Мастуса, изображенный в виде воина на двух массивных известняковых стелах высотой 2,13 и 2,17 м (рис. 6)¹¹. Они были поставлены в память о нем

¹¹ Стелы были вторично использованы для сооружения в поле кургана на северном склоне горы Митридат каменной гробницы, которая была полностью ограблена (ОАК за 1875 г., 1878. С. XXVII). Они происходят из одной мастерской, получившей условное название мастерской «схематичных фигур» (Матковская, 1992. С. 402–406). Для оформления ее продукции характерен фронтон с тремя большими круглыми акротериями. По сторонам центрального акротерия

двумя пантикапейскими синодами около рубежа I–II вв. (КБН 80, 81). Других примеров подобного рода нет, что говорит о высоком социальном статусе этого человека.

Итак, имеющиеся эпиграфические данные позволяют утверждать, что семейство Ульпиев в течение многих лет занимало прочные позиции в окружении боспорских царей. Вряд ли оно появилось там как *deus ex machina*. В этом отношении

обычно размещаются две розетки, еще три находятся под фронтоном. Фигуры воинов на стелах лишены объемности, предельно графичны и, судя по другим изображениям (Матковская, 1992. С. 404, табл. 5, 2, 3), носят стереотипный характер.

Рис. 6. Стелы пантикапейских синодов, поставленные в память о Мастусе, сыне Мастуса: 1 — КБН-альбом. № 80; 2 — КБН-альбом. № 81

Fig. 6. Steles of Pantikapaion Synods installed in honour of Mastous, son of Mastous: 1 — CIRB-Album. № 80; 2 — CIRB-Album. № 81

Рис. 7. Надгробие Мастуса и его матери Хрисиарии (Федосеев и др., 2013. С. 41)

Fig. 7. Gravestone of Mastous and his mother Chrysiaria (Федосеев и др., 2013. С. 41)

интересно попытаться проследить его историю более детально. Прежде всего отметим, что имя отца Парфенокла и Антимаха — Мастус — имеет ярко выраженное иранское происхождение¹². Оно засвидетельствовано только на территории Боспора и появляется в местной ономастике лишь к рубежу новой эры (КБН 282). Более всего роли родоначальника будущих Ульпиев соответствует Мастус, на могиле которого в некрополе Пантикапея около середины I в. была установлена известняковая стела с рельефом, где стоящие рядом мужчина и женщина пожимают друг другу руки¹³, а слева от них присутствует фигурка слуги (рис. 7). Помещенная ниже надпись (КБН 138), последние две строки которой начертаны в виде элегического дистиха, демонстрирует, что ее адресат занимал достаточно высокое положение

¹² Mastas — «гневный», «ярый» прошедшее причастие от *mad* — «возбуждаться» (Абаев, 1949. С. 173).

¹³ Такая сцена присутствует и на других боспорских надгробиях, где упоминаются вместе мать и сын (КБН 276, 375).

в боспорском обществе: «Мастус и мать Хриси[а]рия, прощайте. / Почесть стяжавший царей и сограждан, обычаем добрый / Маст по кончине своей в славной гробнице лежит».

Это общее надгробие, скорее всего, свидетельствует о том, что погребения Мастуса и его матери состоялись достаточно близко по времени, то есть на тот момент он был далеко не старым человеком. Обращает на себя внимание отсутствие патронимика у Мастуса, видимо, недавнего выходца из сарматской среды, и более нигде не встречающееся имя его матери (LGPN, s.v.), скорее всего, представленное в грецизированной форме. Весьма вероятно, что как раз его сыновьями были военачальники Парфенокл и Антимах. Первый из них, несомненно, был старшим и более близким к царскому двору, поскольку именно он получил возможность выстроить семейную усыпальницу в древней курганной насыпи. Судя по наличию в КБН 628 родового имени Ульпий, это произошло не ранее весны 98 г., когда на Боспор с особой дипломатической миссией прибыл известный по КБН 43 Марк Ульпий Прим (Парфенов, 2009. С. 353, 354). Вероятно, этот посланник императора Траяна предоставил от его имени права римского гражданства только двум представителям местной элиты — Парфеноклу и его брату — как наиболее влиятельным на тот момент людям в окружении царя Савромата I. Другие случаи получения боспорцами римского гражданства в период правления Траяна неизвестны.

Отметим, что Парфенокл занимал в это время нигде ранее не засвидетельствованную должность *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας*, которую можно трактовать как «наместник царства». Вполне вероятно, что она была создана Рескупоридом I в конце его правления специально для этого крупного военачальника, чтобы тот руководил государством от имени юного наследника до времени, когда тому придет срок занять царский трон¹⁴. Показательно, что в посвяtitельной надписи КБН 42 390 г. б. э. (= 93–94 г.) об установке в Пантикапее статуи Рескупорида I будущий царь Тиберий Юлий Савромат нарочито подчеркивает свое право на власть упоминанием не только отца, но и предков-царей: своего деда Котиса I и прадеда Аспурга. Поскольку эта надпись, где Савромат еще не имеет царского титула, и первые отчеканенные от его имени стaterы датируются 390 г. б. э.,

¹⁴ Еще М. И. Ростовцев отметил, что эта высшая должность в боспорской иерархии появляется в местной эпиграфике только со времени правления Савромата I (Ростовцев, 1990. С. 176).

Рескупорид I скончался, скорее всего, в конце 93 г.¹⁵

О сложной военно-политической обстановке и финансовых проблемах в данный период свидетельствует тот факт, что после ограниченного выпуска статеров Савромата I в 93–94 гг. последовал перерыв в их чеканке на три года (Фролова, 1999. С. 132, 136). Первая серия меди тех лет отчеканена одновременно всего четырьмя штемпелями, использовавшимися для монет всех типов, и демонстрирует на аверсе повернутый влево бюст царя¹⁶, что довольно необычно (рис. 8, 1–3). Как считает М. М. Чореф, такая ориентация портрета правителя должна была привлечь внимание населения Боспора (Чореф, 2019б. С. 583), и в этом с ним можно согласиться. Действительно, монеты всегда служили доступным средством политической пропаганды, и помещенные на реверсе такие сюжеты, как бюст Афродиты Апатуры, Ника с пальмовой ветвью и венком, городские ворота с башнями и фигурой пленницы (Фролова, 1999. С. 134, 135; Чореф, 2019б. С. 585, 588), должны были продемонстрировать, что, с одной стороны, молодой царь пользуется высоким божественным покровительством, с другой — что, несмотря на возраст, при нем государство не только успешно отражает натиск врагов, но и одерживает крупные победы. Впоследствии наглядным отражением для подданных совершеннолетия Савромата I, формально уже не нуждавшегося в серьезной опеке, видимо, стало помещение в 97–98 гг. (Фролова, 1999. С. 142, 144) на лицевой стороне боспорских сестерциев погрудных бюстов царя и царицы, обращенных друг к другу (рис. 8, 4), что должно было обозначить заключение брачного союза.

Очевидно, Парфенокл в роли регента сыграл на данном этапе довольно значительную роль в истории Боспора и, вероятно, является тем самым крупным политическим деятелем, который чествовался как воспитатель царя, а также победитель аланов, скифов и тавров¹⁷, в известном эн-

¹⁵ Последний датированный статер Рескупорида I относится к 389 г. б. э. = 92–93 г. (Чореф, 2019а).

¹⁶ По мнению Н. А. Фроловой, он отличается «грубым, схематично выполненным воспроизведением черт лица» (Фролова, 1999. С. 135), и это говорит о том, что соответствующие штемпели вырезались в спешном порядке.

¹⁷ Возможно, в сферу деятельности Парфенокла или его брата попал Танаис, так как некий Марк Ульпий упомянут первым после датировочной формулы с титулатурой правящего царя в реконструированной

комии из Пантикапея (рис. 9), датирующемся первой четвертью II в. (Виноградов, Шестаков, 2005; Сапрыкин, 2005. С. 45–80). По поводу такой датировки энкомия после его публикации Ю. Г. Виноградовым и С. Ю. Сапрыкиным возникла дискуссия. В частности, Г. Бауэрсок и К. Джоунс, считая, что неназванный в надписи император — это Коммод, предложили отнести ее к концу II в. (Сапрыкин, Парфенов, 2012. С. 175), а А. И. Иванчик — даже к началу следующего столетия (Иванчик, 2013. С. 63). Более обоснованной выглядит точка зрения С. Ю. Сапрыкина и В. Н. Парфенова относительно того, что император, вызвавший к себе боспорского военачальника для личного доклада о военно-политической обстановке в Северо-Восточном Причерноморье, — это Домициан (Сапрыкин, Парфенов, 2012. С. 179, 180). Как известно, в 91–92 гг. он вел военные действия на Дунае против свевов и сарматов и возвратился в Рим только в январе 93 г. (Suet. Dom. 6; Tacit. Agric. 4; см. также: Колосовская, 2000. С. 52).

Мысль о том, что чествуемое в энкомии лицо — это Парфенокл, правда, без развернутого обоснования, уже высказывалась ранее (Грингоф, 2011), и она более приемлема, чем сделанное С. Ю. Сапрыкиным предположение относительно того, что адресатом энкомия являлся некий пантикапеец, сын Диофанта, согласно КБН 1048 воздвигнувший в Гермонассе статую своего благодетеля царя Савромата I и более ничем не известный (Сапрыкин, 2005. С. 72).

Текст энкомия, судя по наличию пазов, частично сохранился на средней из трех мраморных плит¹⁸, когда-то вставленных в большой погребальный монумент, который могла увенчивать портретная статуя. Подобные почести по отношению к частному лицу на Боспоре носят настолько уникальный характер, что могли быть санкционированы только царем за особые заслуги. Возможно, он сам воздал должное своему воспитателю, произнеся хвалебную речь в память о нем. Если монумент действительно связан с Ульпием Парфеноклом, которого, как считал М. И. Ростовцев, можно отождествить с боспорцем Марком Ульпием Парфеноклом¹⁹, погибшим на чужбине и

А. И. Иванчиком и С. Р. Тохтасьевым надписи фиаса из Танаиса (Иванчик, Тохтасьев, 2019. С. 998, 999).

¹⁸ Ее сохранившиеся размеры: высота — 0,82 м, ширина — 0,72 м, толщина — 0,14 м (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42).

¹⁹ Его прозвище Мастун, видимо, было образовано от имени отца. Латышев в лемме IOSPE. I². 203 отмечает,

Рис. 8. Боспорские сестерции начала правления Савромата I: 1-3 — 93-94 гг.; 4 — 97-98 гг. (https://bosporan-kingdom.com/coins_catalog)

Fig. 8. Bosphoran sestertii of the beginning of Sauramates I rule: 1-3 — 93-94 AD; 4 — 97-98 AD (https://bosporan-kingdom.com/coins_catalog)

Рис. 9. Энкомий из Пантикапея (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42, рис. 1 вклейка)

Fig. 9. Enkomion from Pantikapaion (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42, рис. 1 вклейка)

похороненным в Ольвии в первой четверти II в. (IOSPE. I². 203)²⁰, то в память о нем в Пантикапее был воздвигнут отдельно стоящий кенотаф или героон.

Судя по всему, потомства Парфенокла не оставил. В отличие от брата, Ульпий Антимах, занимавший весьма значимую должность *ο ἐλί τῆς νῆσου* (начальника острова), позволявшую контролировать Азиатский Боспор, был женат. Его супруга, ставшая Ульпией после замужества, имела редкое для Боспора имя — Каллисфения²¹, явно образованное от имени отца, входившего в состав столичной элиты. В этой связи можно вспомнить имевшего римское гражданство Юлия Каллисфена, погребенного на территории пантикапейского некрополя в тщательно отделанном каменном склепе. Найденные в нем шесть стеклянных сосудов позволяют датировать это захоронение второй половиной I в. (Шаров, 2011. С. 446)²². Особый статус этого человека подчеркивал найденный

что хотя Ростовцев и предполагает восстановление «сыну Маса», но это необычно, и он предпочел бы оставить «Марку Ульпию Парфеноклу, он же Мاستун (?)».

²⁰ Этот эпизод М. И. Ростовцев относил к периоду правления Траяна, который, как он предположил, поручил защиту Ольвии от нападений варваров боспорскому царю (Ростовцев, 1915. С. 12, 13). Мраморное надгробие Марка Ульпия Парфенокла высотой 1,53 м и шириной 0,54 м, как и надгробные стелы двух других боспорцев того же времени: мраморная — Тита Флавия Ахемена, известняковая — Адоста, сына Арсака (IOSPE. I². 202–204), были установлены представителями социальной верхушки Ольвии, один из которых занимал должность архонта в первые годы пребывания у власти императора Адриана (Зубарь, 1998. С. 72). К группе надгробий боспорцев можно отнести и массивную мраморную стелу Стратона, сына Протомаха, высотой 2,1 м, которая по стилю изображения героизированного умершего имеет близкие аналогии среди погребальных памятников некрополя Пантикапея (Зубарь, 1994. С. 149).

²¹ Кроме этой известна лишь еще одна Каллисфения из пантикапейской эпитафии на известняковом надгробии не ранее середины I в. (КБН 437), и это имя восстанавливается в манумиссии из Горгиппии 59 г. (КБН 1124).

²² Попытка О. В. Шарова отнести умбон щита из склепа Каллисфена к середине — второй половине II в., объясняя расхождение с датировкой комплекса стеклянной посуды произведенным здесь вторичным захоронением, представляется неубедительной (см.: Масякин, 2018. С. 299–308).

в его погребении золотой перстень с аметистовой инталией, изображающей императора Клавдия в образе Зевса (Неверов, 1976. С. 38, 109, ил. 131). На ней сохранилась подпись ведущего придворного резчика того времени — мастера Скилакса. Здесь нельзя не упомянуть, что согласно Плинию Старшему во время принципата Клавдия существовало «необычное отличие для тех, кому его вольноотпущенники разрешили доступ к нему, — право носить на пальце изображение принцепса» (Plin. Nat. Hist. XXXIII. 12, 41). Возможно, Юлий Каллисфен принадлежал к боковой ветви династии Тибериев Юлиев (Мацулевич, 1941. С. 72), и брак с его дочерью еще больше возвысил род потомков Мастуса.

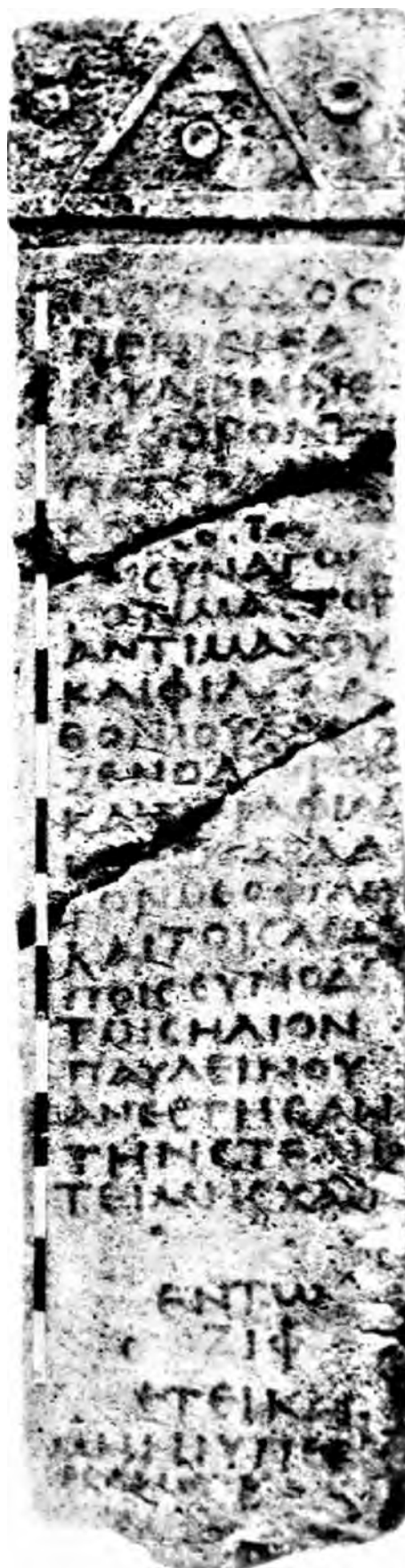
Не исключено, что Ульпия Каллисфения была не первой женой Антимаха, поскольку на мраморной надгробной стеле, судя по шрифту конца I в. (рис. 10, 1), как супруга Антимаха упоминается некая Хедра (КБН 541). Причем это женское имя в античном мире засвидетельствовано только в Пантикапее и только в данный период (см. дополнительно КБН 542, 644, 645, 690). Можно отметить также, что это лучшее по технике исполнения рельефа и надписи надгробие среди мраморных погребальных стел I — первой половины II в., найденных в некрополе Пантикапея, где они составляют всего 2,2 %²³.

К сожалению, в дальнейшей истории рода Ульпиев имеется лакуна, поскольку Антимах, упокоившийся в саркофаге из семейного склепа, мог быть только внуком своего тезки, начальника острова. Возможно, его отцом был некий Антисфен, поскольку последним известным представителем этой фамилии является уже упоминавшийся ранее сын Антимаха, хилиарх Ульпий Антисфен, близкий к царю Рескупориду II (211/212–228/229 гг.), статую которого он воздвиг в столице в 216 г. Возможно, его братом был синогог одного из пантикапейских синодов Мастус, сын Антимаха, который с другими членами этого сообщества упомянут в надписи 220 г. (рис. 10, 2) на известняковой стеле высотой 2,05 м «в честь Гелия, сына Паулина» (КБН 99). Отсутствие родового имени Ульпий в данном случае может объясняться тем, что в перечислении имен фиаситов всегда приводилось либо римское родовое и личное имя, либо личное имя и имя отца (ср.: КБН 96, 98).

²³ Такой вывод сделан на основе выборки данных за соответствующий период по КБН.

1

2

Рис. 10. 1 — надгробие Хедры, жены Антимаха (КБН-альбом. № 541); 2 — стела пантикапейского синода в честь Гелия, сына Паулина. 220 г. (КБН-альбом. № 99)

Fig. 10. 1 — gravestone of Haidra, wife of Antimachos (CIRB-Album. № 541); 2 — stele of synodos of Pantikapaion in the memory of Helios, son of Paulinos. 220 AD (CIRB-Album. № 99)

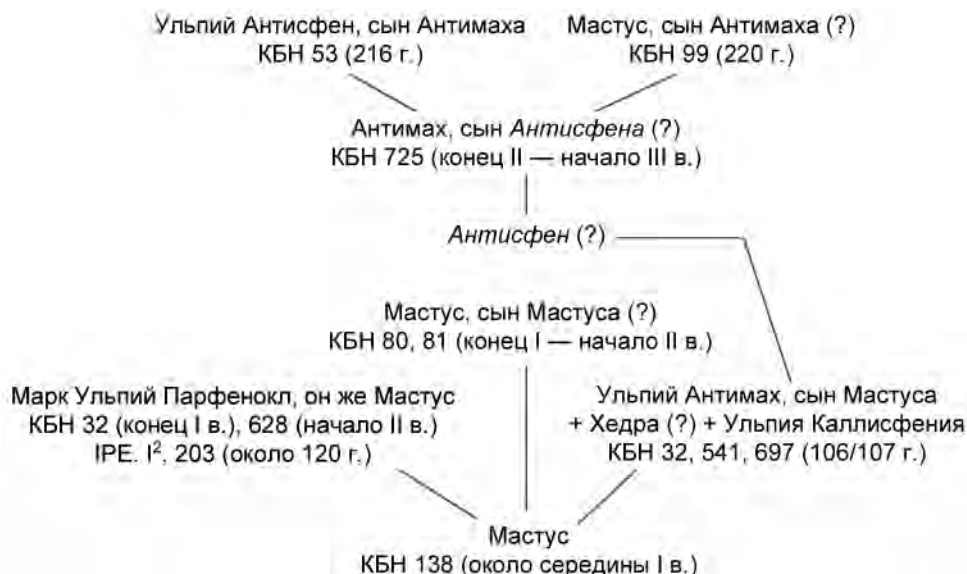

Рис. 11. Родословная потомков Мастуса

Fig. 11. Pedigree of the descendants of Mastous

Надо полагать, что реконструированная история выходца из сарматской среды и его потомков (рис. 11), вошедших в состав высшей

аристократии, достаточно типична для формирования боспорской элиты первых веков новой эры.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1861. Д. 15: Об открытии в Керчи частными лицами разных предметов древности. 32 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 158: О находке в Керчи на усадьбе полковника Волошкевича мраморной статуи льва. 235 л.

НА ИИМК РАН. РО. Р. I. Оп. 1. Д. 691: Альбом «Чертежи, планы и рисунки к археологическим раскопкам 1859–1862 гг.». 42 л.

Абаев, 1949 — Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. I. 603 с

Арсентьева, Горская, 2019 — Арсентьева Е. И., Горская О. В. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 196 с.

Болтунова, Книпович, 1962 — Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. III. С. 3–31.

Виноградов, 2017 — Виноградов Ю. А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 67–110.

Виноградов, Шестаков, 2005 — Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.

Внуков, 2006 — Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. СПб.: Алетейя, 2006. Ч. II. 320 с.

Грингоф, 2011 — Грингоф С. А. Еще раз о должности наместника царства на Боспоре римского времени // Научные ведомости Белгородского ГУ. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 32–36.

Зубар, 1994 — Зубар В. М. Ольвия и Боспор в первой трети II ст. // Археология. 1994. № 2. С. 148–152.

Зубарь, 1998 — Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. Киев: ИА НАНУ, 1998. 200 с.

Иванчик, 2013 — Иванчик А. И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1. С. 59–77.

Иванчик, Тохтасьев, 2019 — Иванчик А. И., Тохтасьев С. Р. Рельеф с посвящением фиаса из Танаиса // ВДИ. 2019. № 4. С. 992–1008.

КБН — Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.

КБН-альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana, 2004. XVI+432 с.

Колосовская, 2000 — Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае. М.: Наука, 2000. 288 с.

Люценко, 1860а — Люценко А. Е. О доставке в Комиссию вещей, найденных в Керчи в 1860 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 28 л.

- Люценко, 1860б — Люценко А. Е. Об археологических разысканиях близ Керчи в 1860 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1860 г. Д. 6. 147 л.
- Люценко, 1861 — Люценко А. Е. О разысканиях близ Керчи в 1861 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1861 г. Д. 16. 99 л.
- Масякин, 2018 — Масякин В. В. Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена // Боспорские чтения. Керчь, 2018. Вып. XIX. С. 299–308.
- Матковская, 1992 — Матковская Т. А. Мастерские надгробного рельефа европейского Боспора I в. до н. э. — II в. н. э. // Сообщения ГМИИ. 2004. Вып. 10. С. 387–407.
- Мацулевич, 1941 — Мацулевич Л. Я. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. Т. VII. С. 61–80.
- Неверов, 1976 — Неверов О. Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 112 с.
- ОАК за 1861 г. 1863 — Отчет ИАК за 1861 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1863. XVI+110 с.
- ОАК за 1863 г. 1864 — Отчет ИАК за 1863 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1864. 288 с.
- ОАК за 1875 г. 1878 — Отчет ИАК за 1875 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. 224 с.
- Парфенов, 2009 — Парфенов В. Н. Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // Античный мир и археология. Саратов, 2009. Вып. 13. С. 350–354.
- Ростовцев, 1914 — Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1914. VIII + 537 с., прил.
- Ростовцев, 1915 — Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами // Известия ИАК. 1915. Вып. 58. С. 1–16.
- Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л.: Тип. 1-й Ленингр. труд. артели печатников, 1925. 621 с.
- Ростовцев, 1990 — Ростовцев М. И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1990. № 1. С. 175–183.
- Сапрыкин, 2005 — Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–80.
- Сапрыкин, Парфенов, 2012 — Сапрыкин С. Ю., Парфенов В. Н. КАΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 2012. № 1. С. 163–182.
- Федосеев и др., 2013 — Федосеев Н. Ф., Кучеревская Н. Л., Артеменко Е. Д. Продвинулись звезды... Поэзия античного Боспора. Сборник поэтических эпитафий. Керчь: КИКЗ, 2013. 60 с.
- Фролова, 1999 — Фролова Н. А. Монетное дело Савромата I (93–123 гг.) // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. XVI. С. 132–196.
- Цветаева, 1968 — Цветаева Г. А. Сокровища причерноморских курганов. М.: Наука, 1968. 126 с.
- Чореф, 2019а — Чореф М. М. К датировке правления Рескупорида I // Материалы и исследования по истории России. 2019. Вып. 10. С. 33–35.
- Чореф, 2019б — Чореф М. М. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации // МАИАСП. 2019. № 11. С. 583–591.
- Шаров, 2011 — Шаров О. В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов н/Д.: Южный НЦ РАН, 2011. Вып. III. С. 435–464.

Tomb of Ulpia and mentions of this family in the epigraphy of Bosporos

V. A. Goroncharovskiy²⁴

Keywords: Bosporan Kingdom, necropolis of Pantikapaion, tomb of Ulpia, epigraphy.

Among the sub-kurgan burials at the necropolis of Pantikapaion of the Roman period, an important place is occupied by the tomb of Ulpia of the 2nd–3rd cen. AD excavated by A. E. Lyutsenko in 1860–1861. Although these excavations had not been brought to completion the exhaustive information about them from the Scientific Archives of IHMC RAS published in this paper is of undoubted interest. The epigraphic findings in the tomb and in the territory of Kerch supplemented with numismatic evidence allow the researchers to trace the ties of relationship of the Ulpia during almost two centuries and to arrive at certain conclusions concerning the role of representatives of this family in the political history of the Bosporan Kingdom. The reconstructed pedigree of a native of a Sarmatian milieu and his descendants who became members of the supreme aristocracy seems fairly typical of the formation of the Bosporan elite of the first centuries AD.

²⁴ Vladimir A. Goroncharovskiy — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

Надгробная стела Периандра, сына Мирмека

А. П. Бехтер, А. М. Бутягин¹

Аннотация. В статье публикуется новый памятник лапидарной эпиграфики, найденный в процессе раскопок на городище Мирмекий в 2022 г. Надгробие Периандра, сына Мирмека, относится к первой половине — середине IV в. до н. э. В надписи на нем содержится первое упоминание в Северном Причерноморье имени Периандр и это древнейшая находка с упоминанием имени Мирмек на городище.

Ключевые слова: античная эпиграфика, Боспор, Мирмекий, надгробная стела, эдикула.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-175-179

В сезоне 2022 г. экспедицией на городище Мирмекий было сделано неожиданное открытие. При выборке заполнения ямы была обнаружена фрагментированная погребальная стела (рис. 1). Это не первый случай обнаружения погребального памятника непосредственно на территории городища. При исследовании погребений некрополя генуэзского укрепления Пондико, относящегося к XIV–XV вв., н. э. были обнаружены несколько фрагментов античных погребальных стел, вторично использованных для сооружения каменных ящиков. На двух из них сохранились надписи, а на одном — даже часть рельефа (Бутягин, Бехтер, 2007. С. 72–81). Кроме того, в стенах мирмекийских построек римского времени часто встречаются фрагментированные или целые антропоморфные надгробия эллинистического периода. Несмотря на то что высказывалось мнение о культовом характере включения надгробий в кладку стен (Молева, 2011. С. 114–118), более правильным кажется представление об использовании их в качестве строительного материала. В пользу этого свидетельствует, во-первых, то, что употреблялись любые фрагменты таких надгробий, часто вовсе утратившие свою перво-

начальную форму, во-вторых, то, что они располагались в произвольных местах кладки: никакой системы их размещения, которая говорила бы о культовом подтексте, не просматривается. Кроме того, нам неизвестны случаи применения в таком качестве антропоморфных надгробий с рельефами или надписями, которые могли бы быть уверенно опознаны античными жителями Боспора как части погребальных памятников. Видимо, население римского времени полностью утратило традицию создания антропоморфных надгробий и уже не расценивало их в качестве погребальных монументов, в связи с чем они вполне могли использоваться как обыкновенный камень. Таким образом, в позднейшие эпохи на городище надгробия попадали неопознанными в качестве строительного материала.

Тем удивительнее находка надгробия в заполнении хозяйственной ямы. Участок «М», где был найден памятник, располагается на восточной границе городища и был выделен в 1957–1958 гг. с целью исследования хорошо сохранившегося сегмента оборонительной стены. В 2017 г. здесь работы были возобновлены, и раскоп был расширен в южном направлении для изучения направления трассы оборонительной стены и открытого некрополя второй половины VI в. до н. э. В сезоне 2022 г. здесь производилось исследование культурных напластований средневекового, римского и эллинистического времени. В ходе этих работ был обнаружен котлован крупной ямы, уходящей в южный борт участка. Яма, расширяясь книзу,

¹ Бехтер А. П. — Санкт-Петербургский институт истории РАН; ул. Петрозаводская, 7, С.-Петербург, 197110, Россия; e-mail: anabekhter@gmail.com. Бутягин А. М. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: butyagin@gmail.com.

© Бехтер А. П., Бутягин А. М., 2023.

Рис. 1. Надгробие Периандра, сына Мирмека, в яме римского времени *in situ*. Вид с юга

Fig. 1. Tombstone of Periander son of Myrmek in a Roman pit *in situ*. View from the south

Рис. 2. Надгробие Периандра, сына Мирмека. Лицевая сторона

Fig. 2. Tombstone of Periander son of Myrmek. The front side

близка по форме к цилиндрической. Устье имело округлую форму. Максимальная глубина ямы составила 2,13 м; размеры дна изученной части ямы — 2,08 × 2,77 м; раскрытый в ходе изучения диаметр устья — 1,69 × 2,40 м. Заполнение ямы составлял рыхлый коричневый суглинок, содержащий большое количество разнообразного материала. Помимо многочисленных обломков керамических сосудов здесь было найдено несколько фрагментированных терракотовых фигур редких форм, фрагментированные глиняные светильники, костяная пластина, пара стеклянных бусин, бронзовый браслет, лезвие железного ножа и другие предметы. Несмотря на наличие фрагментов синопских амфор с клеймами и обломков терракот, относящихся к эллинистическому периоду, большое количество краснолаковой керамики, а также профильные фрагменты южнопонтийских амфор однозначно позволяют отнести время существования ямы к I–II вв. н. э.

Найденный в яме памятник представляет собой гладкую прямоугольную стелу из известняка с пустой эдикулой, предназначенной для росписи (рис. 2). Стела обломана снизу, отбитая часть утрачена; правый верхний угол отбит, все грани оббиты. Роспись полностью утрачена. Надпись вырезана непосредственно над эдикулой, при этом между текстом и верхним обрезом камня оставлено довольно большое пространство, скорее всего, оно предназначалось для росписи.

Текст начинается почти от самой левой грани. Имя *Περιάνδρος* и патронимик *Μύρμηκος* размещены на отдельных строках: резчик сознательно не использовал переносы, хотя места в стк. 1 достаточно. Следов предварительной разметки на камне не видно. Буквы одинакового размера, концы прямых линий украшены треугольными утолщениями. *Πι* с сильно укороченной правой гастой. *Ε* с равновеликими горизонтальными, заметно уже прочих букв. Обращает на себя внимание весьма крупная петля *ρ*. *Α* с прямой поперечной гастой. Правый уголок *ν* немного приподнят над строкой. *Ο* имеет форму правильного круга. Боковые наклонные *σ* раскрыты, от точки пересечения боковых и срединных наклонных назад отходят дополнительные черточки. Боковые наклонные *μ* наклонны, точка пересечения срединных наклонных расположена очень низко. Вертикаль *ι* по размеру незначительно превосходит верхнюю компоненту литеры, угол между наклонными примерно 90°. Все перечисленные палеографические признаки указывают на IV в. до н. э., при этом

формы букв в большинстве своем довольно нейтральны, они могли использоваться на протяжении всего столетия (Бехтер, 2023. С. 30–33). Сигма описанной формы появляется при Левконе I и продолжает активно использоваться в период правления Перисада I. Эпсилон находит аналогии как в левконовских надписях (КБН 1111), так и в перисадовских (КБН 11). Мю выглядит довольно архаично: в парадных текстах такой тип литеры исчезает уже в начале столетия, но в документах частного характера удерживается дольше, что дает основание для отнесения надписи к первой половине — середине IV в. до н. э.

Можно предположить, что фрагмент надгробия попал в заполнение ямы римского времени с близлежащего некрополя. Любопытно, что предыдущие исследования не выявили некрополя непосредственно к востоку от Мирмекия. Предполагалось, что участок некрополя VI в. до н. э., открытый на участке «М», прекратил свое существование не позднее начала V в. до н. э. и более не возобновлялся, а позднее эта территория вошла в черту города. Однако учитывая эту находку, а также найденный ранее в этом районе фрагмент надгробия второй четверти V в. до н. э. (Бутягин и др., 2020. С. 20, 21), можно предположить, что ранний некрополь располагался восточнее, но продолжал свое функционирование как минимум до конца эпохи классики.

Помимо манеры письма важно проанализировать расположение текста на камне и тип стелы. Смещение надписи влево, без каких-либо попыток центрировать строки и равномерно распределить текст по эпиграфическому полю, характерно, скорее, для первой половины столетия. Сам же облик камня нетипичен для IV в. до н. э. Основными видами надгробных памятников в это время были стелы или гладкие без декора, или увенчанные карнизом или фронтоном, или с монолитным анфемием.

Памятники с пустой эдикулой, предназначенной для росписи, — предшественники более поздних стел с рельефами — относительно редкий тип, который фиксируется ближе к концу IV в. до н. э. (КБН 185, 205, 215, 247, 261). Из известных боспорских стел с пустой эдикулой КБН 247 и КБН 261, судя по форме *ни* с продленной в обе стороны горизонталью, явно принадлежат ко времени не ранее III в. до н. э. (Бехтер, 2023. С. 43, 44). КБН 185 и КБН 215 принадлежат к одному типу: стела увенчана фронтоном, эдикула обрамлена рельефными колоннами. КБН 205 представляет собой более простой вариант: эдикула помещена в простую

гладкую рамку. Еще более скромный вид имеет рассматриваемая стела: фронтоном, видимо, должна была имитировать роспись. Издатели КБН датируют КБН 185 первой половиной IV в. до н. э. «по характеру письма», КБН 205 и 215 обобщенно отнесены к IV в. до н. э. Однако и по типу оформления стелы, и по палеографическим и орфографическим характеристикам древнейшей из перечисленных трех стел должна быть признана КБН 205, содержащая архаичный генетив Βουλιό, при том что уже в большинстве датированных лапидарных надписей эпохи Перисада I фиксируется написание *-ou* (Threatte, 1980. § 13.02–13.03; Яйленко, 2010. С. 23–25; Бехтер, 2023. С. 29, 33, 34). Датировка КБН 185, предложенная в КБН, выглядит недостаточно обоснованной: никаких особенностей, характерных для указанного периода, текст не демонстрирует (шрифт КБН 215 выглядит более архаичным). Более того, заметная дорийская составляющая в ономастике данной надписи (см. подробный анализ в работе: Зинько, Тохтасьев, 2004. С. 117, 118, прим. 24) заставляет задуматься о сдвиге датировки ближе к концу IV в.: на рубеже IV–III вв. до н. э. в боспорской лапидарной эпиграфике фиксируется увеличение количества имен дорийского происхождения, указывающее на массовое переселение из какого-то дорийского центра (как правило, изменения в ономастике связываются с сообщением Диодора о том, что боспорский царь Евмел принял тысячу беженцев из Каллатиса (Diod. XX, 25, 1)). Видимо, исходя из развития декора, палеографии и орфографии, древнейшей боспорской стелой с пустой эдикулой должна считаться публикуемая, далее следуют КБН 205, КБН 215 и завершает серию КБН 185.

Красивое греческое имя Периандр (в LGPN зафиксировано 38 примеров) на Боспоре и в Северном Причерноморье в целом засвидетельствовано впервые.

Имя Μύρριξ в LGPN фиксируется 34 раза, причем встречается практически во всех регионах античного мира начиная с VI в. н. э. Транслитерация имен такого типа, то есть с основой на заднеязычный согласный, образующих сигматический номинатив, на русский язык вариативна. Если в англоязычной литературе подобные личные имена (ЛИ) всегда воспроизводятся в форме номинатива: Scylax, Murtex etc., то в отечественной историографии нет устоявшегося канона: Скилак/Скилак, Археанакт/Археанакс, Мирмек/Мирмекс. Этот разноречивый отражен и в КБН, где имя Μύρριξ фиксируется в трех пантикапейских

памятниках: КБН 88, 461, 680, относящихся к римскому времени (концу I — II в. н. э.), и двух танаисских: КБН 1281 и 1288 (первая половина III в. н. э.). В надписях, происходящих из Пантикапея, имя передается как Мирмек, в танаисских — как Мирмекс, при том что тексты готовили к изданию одни и те же авторы: В. Ф. Гайдукевич и Т. Н. Книпович. Предложенное в КБН 738 чтение Μύρμ[ηκι] следует признать как минимум сомнительным: в настоящее время надпись почти полностью уничтожена, а на приведенном И. В. Тункиной рисунке подполковника Плахова, сделанном в то время, когда текст был в гораздо лучшем состоянии, стк. 2 убедительно читается только ΜΥ, что открывает весьма широкий диапазон вариантов восстановления ЛИ (Тункина, 2010. Рис. 198). В отечественной историографии доминирует вариант Мирмек, скорее всего, под влиянием названия поселения Мирмекий.

Таким образом, в рассматриваемой эпитафии представлен древнейший пример имени Мирмек на Боспоре. Особый интерес представляет тот факт, что данное имя зафиксировано в тексте памятника, происходящего из Мирмекия. Варианты происхождения названия города были детально рассмотрены еще С. А. Жебелевым. Справедливо отказавшись от попытки связать наименование Μύρμῆκιον с μύρμηξ в значении «муравей» в силу нехарактерности для греческой топонимики ис-

пользования зоологических названий, Жебелев в качестве основной версии выдвинул предположение о том, что город получил свое название от имени ойкиста — Μύρμηξ (Жебелев, 1953. С. 303–307). Мирмек из интересующей нас надписи, живший в IV в. до н. э., конечно, не может иметь никакого отношения к основанию поселения. Эпитафия лишь показывает, что ЛИ Μύρμηξ бытовало на территории Боспорского царства задолго до римского времени. Кроме того, едва ли не предпочтительнее выглядит этимология, возводящая название Μύρμηκιον к μύρμηξ в значении «риф, скала» (Гайдукевич, 1959. С. 6, прим. 13), тем более что к востоку от мыса, на котором располагался древний Мирмекий, действительно, можно видеть весьма живописные скалы.

Резюмируя, можно сказать, что этот скромный (на фоне блестящих открытий на территории городища Мирмекий, сделанных в последние годы) памятник, во-первых, расширяет боспорский ономастикон, представляя ранее не встречавшееся в Северном Причерноморье имя Периандр и фиксируя древнейший для Боспора пример имени Мирмек; во-вторых, позволяет сделать некоторые выводы относительно развития декора боспорских погребальных стел в IV в. до н. э.; в-третьих, заставляет пересмотреть сложившиеся представления о времени функционирования восточного участка некрополя Мирмекия.

Бехтер, 2023 — Бехтер А. П. Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н. э. // История письма от античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. С. 20–64.

Бутягин, Бехтер, 2007 — Бутягин А. М., Бехтер А. П. Новые надписи из Мирмекия // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928–2004) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 72–81.

Бутягин и др., 2020 — Бутягин А. М., Колосов В. П., Милихина Н. М. Новые находки античной скульптуры из Мирмекия // Таврические студии. 2020. Вып. 22. С. 18–24.

Гайдукевич, 1959 — Гайдукевич В. Ф. Мирмекий: Советские раскопки в 1956 г. (1934–1956). Варшава: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1959. 121 с.

Жебелев, 1953 — Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного

Причерноморья античной эпохи. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.

Зинько, Тохтасьев, 2004 — Зинько В. Н., Тохтасьев С. Р. Эпитафия Гефестиона из Нимфея // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: б. и., 2004. Вып. 7. С. 112–124.

Молева, 2011 — Молева Н. В. Антропоморфные изображения в боспорских городах: случайность или традиция? // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: б. и., 2011. Вып. 25. С. 114–122.

Тункина, 2010 — Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. СПб.: Изд. дом «Коло», 2010. Т. 1. С. 13–101.

Яйленко, 2010 — Яйленко В. П. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М.: Гриф и К°, 2010. 740 с.

Threatte, 1980 — Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. Berlin; New York: de Gruyter, 1980. Vol. I: Phonology. 778 p.

Funeral stele of Periandros, son of Myrmex

A. P. Bekhter, A. M. Butyagin²

Keywords: Greek epigraphy, Bosporus, Myrmekion, funeral stele, palaeography, edicule.

The article deals with a funeral stele with the inscription Περίανδρος Μύρμηκος found during excavations at the Myrmekion settlement in the 2022 season (Fig. 2). This is the oldest tombstone on Bosporus with an empty edicule. The stele dates from the first half to the middle of the 4th cen. BC. It contains the first mention of the name Περίανδρος in the Northern Black Sea region and the first find of an inscription with the mention of the name Μύρμηξ in the settlement. The monument was found in a pit of the Roman period on the site M (Fig. 1), where it could only get from the necropolis. The find suggests that, contrary to previously formed views, the necropolis site to the east of Myrmekion continued to function until at least until the end of the Classical period.

---

² Anastasia P. Bekhter — Saint Petersburg Institute of History Russian Academy of Science; 7 ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russia; e-mail: anabekhter@gmail.com. Alexander M. Butyagin — State Hermitage; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: butyagin@gmail.com.

Фигурный сосуд в виде пантеры из Пантикапея — взгляд вовнутрь

П. В. Гурьева, Д. В. Журавлев, Е. С. Коваленко, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина¹

Аннотация. В Государственном Историческом музее в Москве хранится фигурный сосуд II–I вв. до н. э. в виде фигуры пантеры, происходящий, скорее всего, из некрополя Пантикапея и купленный музеем в 1895 г. у торговца древностями Е. Р. Запорожского. В рамках проекта изучения античных памятников из собрания ГИМ в НИЦ «Курчатовский институт» было проведено рентгенотомографическое исследование этого сосуда, позволившее уточнить технологию его изготовления. Тулово сосуда было изготовлено в двух формах, голова была сделана отдельно в третьей форме, дополнительно подработана инструментом при помощи насечек и скреплена с туловом. Цилиндрическое горло сосуда и ручка были также изготовлены отдельно.

Ключевые слова: фигурный сосуд, античность, эллинистическое время, рентгеновская томография.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-180-188

В Государственном историческом музее хранится фигурный сосуд в виде пантеры, происходящий, скорее всего, из некрополя Пантикапея (ГИМ. Инв. № 31644. Оп. Б-134/1). Сосуд куплен музеем в 1895 г. у известного керченского торговца древностями Е. Р. Запорожского и был неоднократно опубликован (Кропоткин, 1970. С. 133, № 1321; Сорокина, Журавлев, 1993. С. 252, рис. 5, 4; Сорокина, 1997. С. 74, № 7; На краю ойкумены..., 2002. С. 34, 35, № 65; Zhuravlev, 2002. P. 283, fig. 28, 1; Пантикапей и Фанагория..., 2017. С. 334, кат. 238; Журавлев, 2023). В рамках проекта исследования античных памятников из собрания ГИМ в НИЦ «Курчатовский институт» при помощи естественно-научных методов было проведено исследование этого сосуда, позволившее уточнить технологию его изготовления.

¹ Гурьева П. В., Коваленко Е. С., Яцишина Е. Б. — НИЦ «Курчатовский институт»; пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: Gureva_PV@nrcki.ru; Kovalenko_ES@nrcki.ru; yatsishina_eb@nrcki.ru; Журавлев Д. В. — Государственный Исторический музей; Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; НИЦ «Курчатовский институт»; e-mail: denzhuravlev@mail.ru; Терещенко Е. Ю. — Федеральный научно-исследовательский центр «Кристаллография и фотоника» РАН; Ленинский пр., 59, Москва, 119333, Россия; НИЦ «Курчатовский институт»; e-mail: elenatereschenko@yandex.ru.

© Гурьева П. В., Журавлев Д. В., Коваленко Е. С., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б., 2023.

Описание сосуда

Сосуд в виде фигуры пантеры, лежащей на постаменте; голова с оскаленной пастью приподнята и завершается округлым отверстием — сливом (рис. 1). Передние лапы животного вытянуты, задние — подогнуты, через торчащую правую заднюю лапу перекинут хвост. Сбоку на брюхе животного видны четыре соска. Уши подтреугольной формы прижаты к голове, узкие глаза широко открыты, пасть животного изображена в оскале, все зубы обнажены, в центре пасти сделано округлое отверстие для слива — очевидно, сосуд выполнял функцию ритона. Шерсть изображена вертикальными клочками, равномерно покрывающими туловище животного и верхнюю часть лап. На голове шерсть показана насечками различной ширины и глубины. На спине размещено высокое цилиндрическое горло, украшенное по краям косой нарезкой, сзади которого прикреплена петельчатая профилированная ручка. Ошейник с круглыми заклепками на шее говорит, очевидно, о том, что животное ручное. На дне постамента по сырой глине прочерчено Εὐλόγος ἔποίη, «сделал Евлог». Лак красный и бурокрасный (Munsell Soil Color Charts 2.5YR 6/6 — 5/6), с подтеками, на дне есть пятна без лакового покрытия; определить цвет и характер глины невозможно. Длина сосуда 30,0 см; высота 16,7 см; максимальная ширина 19,0 см. Сосуд имеет очень хорошую сохранность, можно отметить лишь небольшие потертости поверхности и сколы

Рис. 1. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей, II–I вв. до н. э.: 1 — фрагмент; 2, 3 — общий вид; 4, 5 — надпись на дне (фото И. А. Седенькова)

Fig. 1. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion, 2nd–1st cen. BC: 1 — fragment; 2, 3 — general view; 4, 5 — inscription on the bottom (photo by I. A. Sedenkov)

на левой передней лапе и кончике правого уха, а также на тыльной стороне внизу.

В. В. Кропоткин (*Кропоткин*, 1970. С. 133) и не изучавшая его *de visu* Ю. И. Козуб (*Козуб*, 1973. С. 90, сноска 4) трактовали животное как львицу, а Н. П. Сорокина, к чьему мнению мы присоединяемся, — как пантеру (*Сорокина*, 1997. С. 74)².

² Палеозоолог М. В. Саблин, которому мы выражаем признательность за консультацию, обратил наше внимание на то, что, во-первых, лапы животного слишком массивны и не похожи на лапы кошачьего хищника. Пятнистость шкуры показана клочками шерсти, что нехарактерно для пантер (ср.: *Сорокина*, 1997. С. 40). Кроме того, клыки животного выражены несильно, что несвойственно для изображений кошачьих. По мнению М. В. Саблина, изображенное здесь

Аналогии и датировка

Пантера (*Panthera pardus*) — одно из животных, связанных с Дионисом, часто изображалась вместе с ним, а фигурные сосуды в виде изображения пантеры известны еще в архаическом греческом искусстве, например, Коринфа (*Böhm*, 2014. S. 74–79, P1, P9, Abb. 193–229). Существует условная типология подобных сосудов эллинистиче-

животное ближе к собакам типа *canis corso*, потомкам знаменитых римских боевых молоссов, чем к пантерам. Но иконография изображений собак обычно иная, кроме того, как будет показано ниже, сосуд сделан в эллинистической традиции. Поэтому, учитывая степень стилизации этого изображения, перед нами все-таки пантера, а не боевая собака. Правда, нельзя исключить и некоторой собирательности этого образа.

ского времени (*Sguaitamatti, Leibundgut Wieland*, 2015. P. 81–84), но публикуемый нами экземпляр в нее не вписывается: все эти сосуды настолько различаются, что типы зачастую представлены единственным экземпляром.

Фигурные сосуды III–I вв. до н. э. в виде лежащего леопарда или пантеры известны в собраниях Лувра (*Higgins*, 1976. P. 29, no. 104, fig. 58; *Sguaitamatti, Leibundgut Wieland*, 2015. P. 81, 82, no. A206), галереи Коллер в Цюрихе (*Ibid.* P. 82, no. A207), Народного музея в Белграде (*Veličković*, 1957. P. 32, tab. XIV, no. 31), а сосуды в виде сидящей фигуры леопарда еще более многочисленны. В Ольвии был найден сосуд III–II вв. до н. э., который был определен одними исследователями как собака (*Фармаковский*, 1906. С. 144, рис. 91; ОАК за 1902 г., 1904. С. 11, рис. 13; *Античная коропластика...*, 1976. С. 104, № 339), а другими — как леопард с ошейником (*Sguaitamatti, Leibundgut Wieland*, 2015. P. 84, no. A211).

Н. П. Сорокина относила сосуд из коллекции ГИМ к I–II вв. н. э. (*Сорокина*, 1997. С. 74), прежде всего из-за покрывающего его красного лака. Но покрытие сосуда красным лаком отнюдь не является инновацией римского времени: говорить об этом виде декора мы можем как минимум со II в. до н. э. По мнению А. В. Белоусова, надпись по палеографии относится к III–I вв. до н. э. (архаическое «ἐποίει» сочетается с лунарными формами *εσιлона* и *сигмы*, а также *πι* с равными вертикалями)³. По всем признакам и аналогиям публикуемый сосуд ближе к эллинистическим сосудам, чем к провинциально-римским, и может датироваться II–I вв. до н. э.

Место производства и мастер

Что касается места производства этого сосуда, то точно установить его пока не удалось. Скорее всего, это был один из малоазийских городов. Особый интерес представляет факт подписи мастером своего имени, которое на других фигурных сосудах не встречается. В Северном Причерноморье есть еще целый ряд сосудов, несущих имя «ВЛАС/ТОУ» из Ольвии I в. до н. э. — I в. н. э. (*Козуб*, 1973. С. 89; *Білецький*, 1973), «КАРПОС» из Пантикапея (*Козуб*, 1973. С. 90, сноска 4; ср.: *Культура и искусство...*, 1983. № 312), «ΚΕΡΔΩΝΑΣ» из Тиры (*Клейман*, 1985. С. 59–62, рис. 1, 2), «ΟΘΝΥΛ» (?) из Усть-Альминского некрополя (*Пуздровский*, 2012). Собственно говоря, кроме сосуда из ГИМ нигде нет указания, что это именно имя мастера,

его изготовившего. Как писала Н. П. Сорокина, «Евлогию вряд ли стоило увековечивать свое имя, поскольку из его рук вышло изделие, не отличающееся органичностью» (*Сорокина*, 1997. С. 39). Хочется сказать несколько слов в защиту мастера: большинство глиняных фигурных сосудов эллинистического и римского времени и не задумывались как шедевры античного искусства — это высококачественные, но ремесленные произведения, рассчитанные на массовое потребление.

Методы исследования

Рентгеновская томография фигурного сосуда проводилась в НИЦ «Курчатовский институт» на промышленном рентгеновском томографе X5000 (NSI). Теневые проекции регистрировались позиционно-чувствительным детектором рентгеновского излучения Perkin Elmer с размером матрицы 2048 × 2048 пикселей, размером пикселя 200 × 200 мкм, динамическим диапазоном 16 бит и сцинтиллятором на основе CsI:Тl. Томография пантеры (31644, оп. Б 56/1) проводилась на трубке открытого типа при напряжении 200 кВ, токе 190 мкА. Размер фокального пятна составил 38 мкм. Фильтры не применялись. Шаг поворота объекта относительно вертикальной оси составил 0,18°, время экспозиции одной проекции — 0,25 с, усиление — 0,25 пФ. Размер вокселя полученных изображений составил 81 × 81 × 81 мкм.

Результаты исследования

По томографическим данным фигурный сосуд в форме пантеры имеет хорошую сохранность, областей реставрации и восстановления не наблюдается. Предмет изготовлен из нескольких конструктивных элементов, состыкованных между собой при помощи жидкой глины: головы, верхней и нижней частей тулова, горлышка и ручки. В зонах крепления элементов сосуда наблюдаются характерные вытянутые полости между неплотно прижатыми частями керамики (рис. 2). Полости наибольшего размера расположены в местах крепления ручки к горлышку и верхней части тулова (рис. 2, 2; 3, 1, 3). Ручка выполнена из свернутого в кольцо жгута размерами 17,2 × 9,0 мм, в месте соединения краев которого наблюдается узкая полость шириной около 130 мкм (рис. 3, 2). На тулове ручка зафиксирована с помощью дополнительного фрагмента керамической массы клиновидной формы (рис. 3, 4). Отверстие под горлышко в верхней части тулова пробивалось снаружи, поскольку вдоль

³ Благодарим А. В. Белоусова за консультацию.

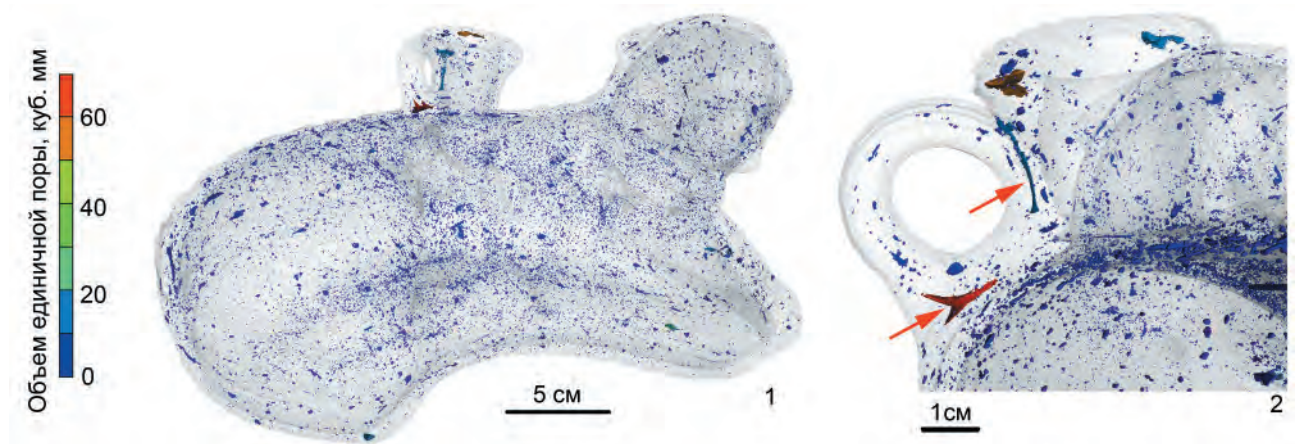

Рис. 2. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей: 1 — распределение полостей; 2 — крупные полости в местах крепления ручки (отмечены стрелками)

Fig. 2. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion: 1 — distribution of the cavities; 2 — larger cavities in the places of the handle attachment (marked with arrows)

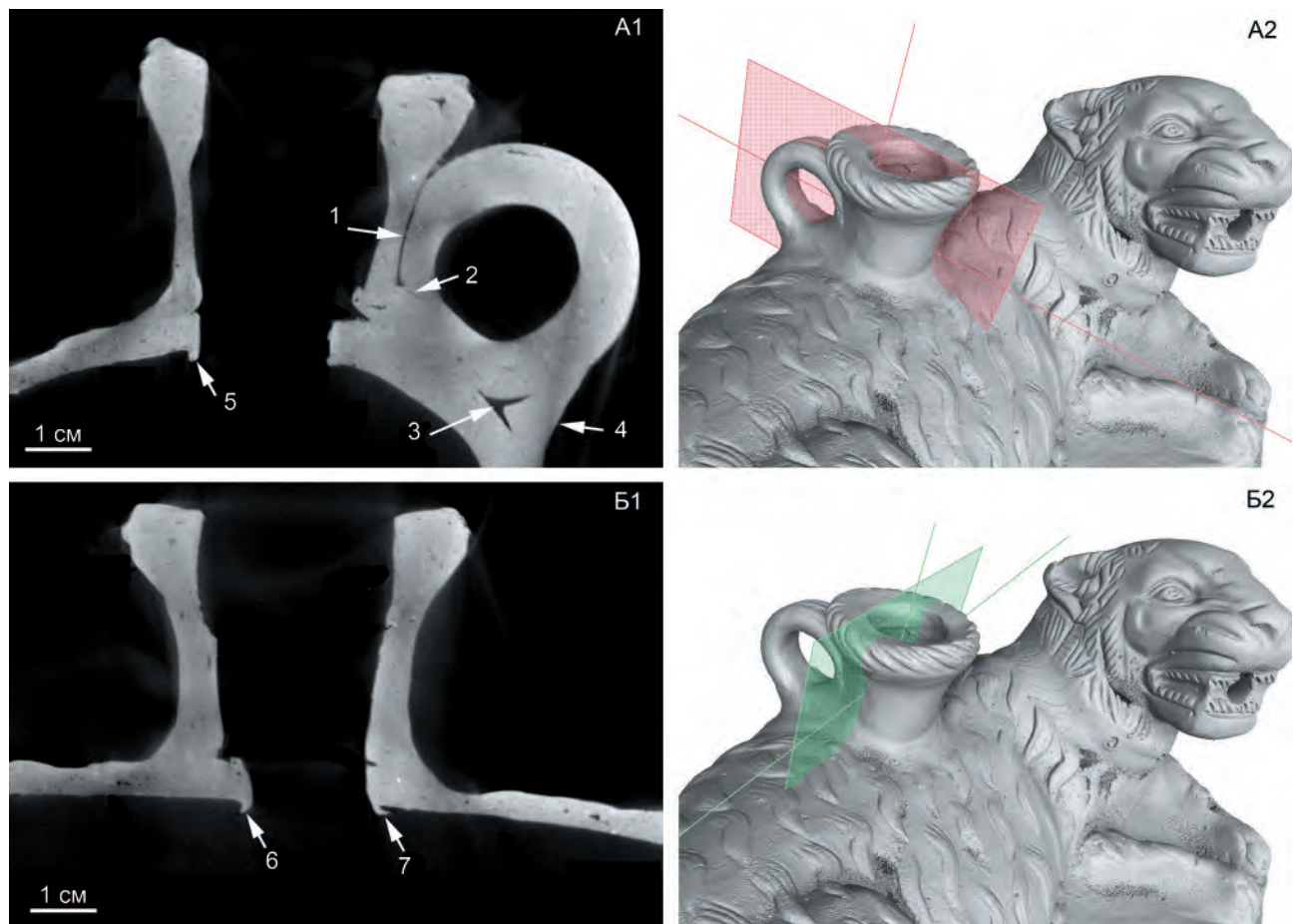
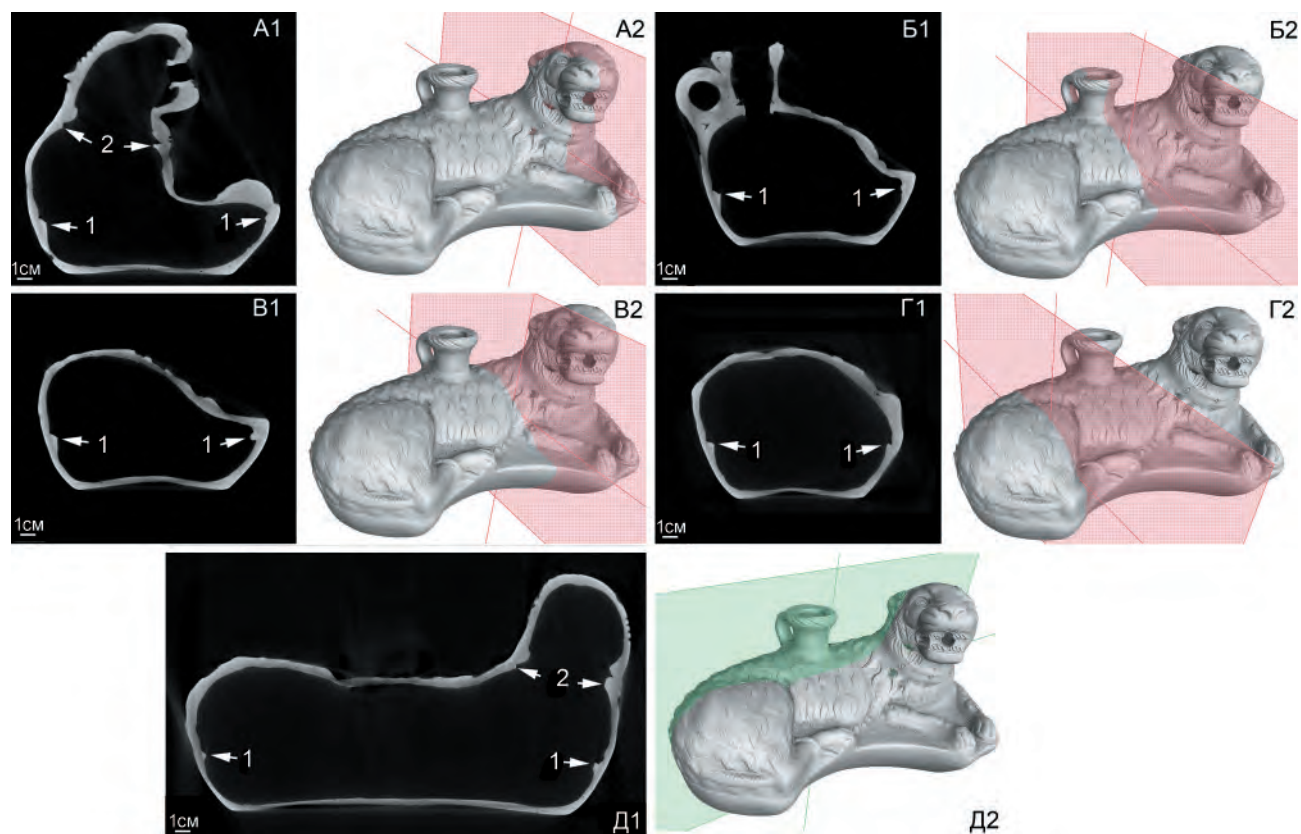

Рис. 3. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей. Томографические сечения (A1, B1) крепления горлышка и ручки и соответствующие положения секущих плоскостей (A2, B2): 1-3 — полости между конструктивными элементами; 4 — дополнительный клиновидный фрагмент керамической массы для фиксации ручки; 5-7 — загиб материала тулова

Fig. 3. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion. Tomographic sections (A1, B1) of the attachment of the handle to the mouth and respective positions of the secant planes (A2, B2): 1-3 — cavities between construction elements; 4 — additional wedge-shaped fragment of the ceramic mass for fixing the handle; 5-7 — a bend of the body material

Рис. 4. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей. Поперечные (A1, B1, V1, Г1) и продольное (D1) томографические сечения сосуда с областями стыка конструктивных элементов и соответствующие положения секущих плоскостей (A2–D2) (1 — налеп в зоне стыка верхней и нижней частей тулова; 2 — налеп в зоне стыка головы и верхней части тулова)

Fig. 4. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion. Transversal (A1, B1, V1, Г1) and lengthwise (D1) tomographic sections of the vessel with areas of junctions of construction elements and the corresponding positions of the secant planes (A2–D2) (1 — appliqué at the zone of the junction between the upper and lower parts of the body; 2 — appliqué at the zone of the junction between the head and the upper body)

внутреннего края отверстия наблюдается загиб материала высотой до ≈ 2 мм (рис. 3, 6, 7; 5, Б, 3). Затем над отверстием присоединялись горлышко и ручка сосуда налепом поверх тулова. Максимальная толщина стенок горлышка наблюдается в верхней части и составляет 14,3 мм, минимальная — около 2,3 мм, в средней.

Тулово сосуда выполнено из двух частей (верхней и нижней), оттиснутых в профилированных формах и состыкованных в горизонтальной плоскости примерно на середине высоты. В области стыка отчетливо виден налеп (рис. 4, 1; 5, 1). Толщина стенок верхней и нижней частей тулова примерно одинакова и составляет 2,6–9,4 мм. Лапы изготовлены в одной форме с верхней частью тулова сосуда (рис. 6). На голове не обнаружено технологических швов, вероятно, она была изготовлена в форме из единого фрагмента керамиче-

ского теста. Толщина стенок головы в зависимости от участка меняется от 0,7 до 5,0 мм. Голова закреплялась на верхней части тулова тем же способом, что и верхняя часть тулова закреплялась на нижней (рис. 4, A1, 2; 5, A, 2; 7, A1, 1). Во рту проделано сквозное округлое отверстие для слива жидкости диаметром около 10 мм (рис. 7). Отверстие в голове, аналогично отверстию под горлышко в верхней части тулова, пробивалось снаружи, поскольку вдоль его внутреннего края также наблюдается загиб материала высотой до ≈ 5 мм (рис. 7, 2). Расположение нижнего края отверстия для слива соответствует верху горлышка. Максимальный объем жидкости, который может вместить сосуд, по данным рентгеновской томографии оценивается в $\approx 2,2$ л. При заполнении сосуда до нижнего края горлышка вмещаемый объем жидкости составит около 2,1 л (рис. 8).

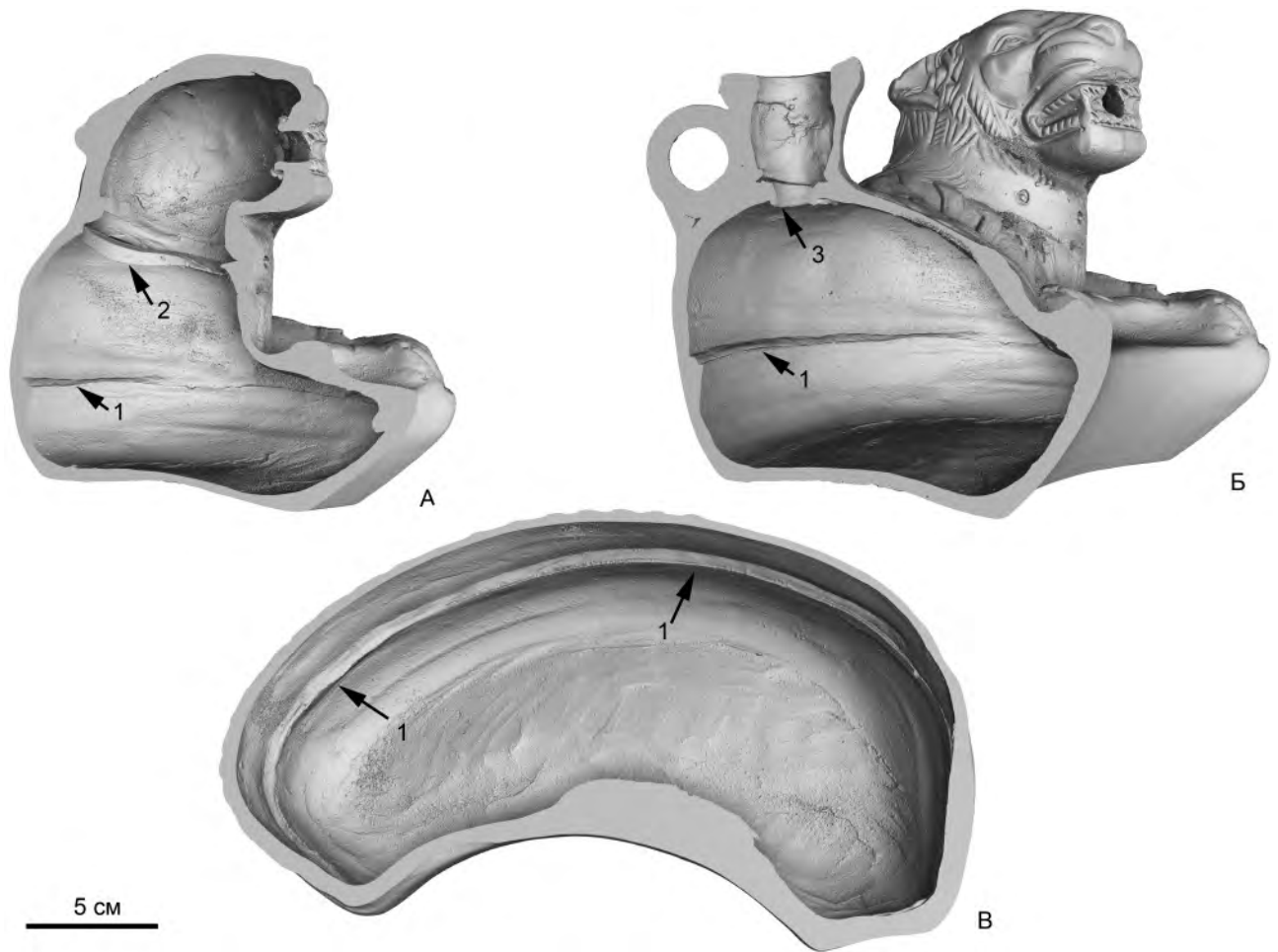
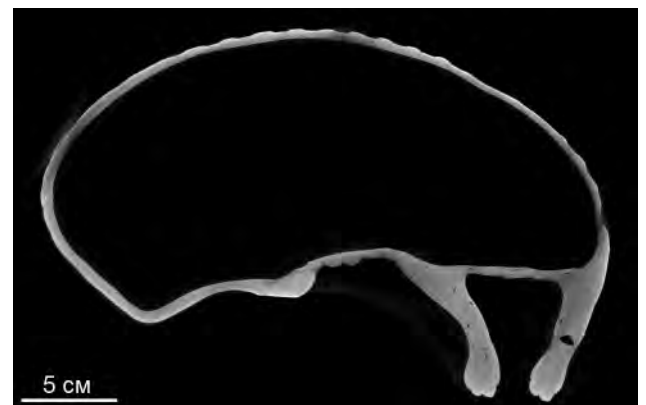

Рис. 5. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей. Объемное представление зон стыка различных частей сосуда: А, Б — поперечные сечения модели поверхности сосуда; В — сечение, параллельное дну сосуда (1 — налп в зоне стыка верхней и нижней частей тулова; 2 — налп в зоне стыка головы и верхней части тулова; 3 — загиб материала вокруг отверстия в верхней части тулова)

Fig. 5. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion. Three-dimensional representation of the junction zones at different parts of the vessel: A, B — transversal sections of a model of the vessel's surface; B — section parallel to the base of the vessel (1 — appliqué at the zone of the junction between the upper and lower parts of the body; 2 — appliqué at the zone of the junction between the head and the upper body; 3 — a bend of the material around the hole at the upper part of the body)

Рис. 6. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей. Томографическое сечение, проходящее через лапы пантеры

Fig. 6. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion. Tomographic section directed over the paws of the panther

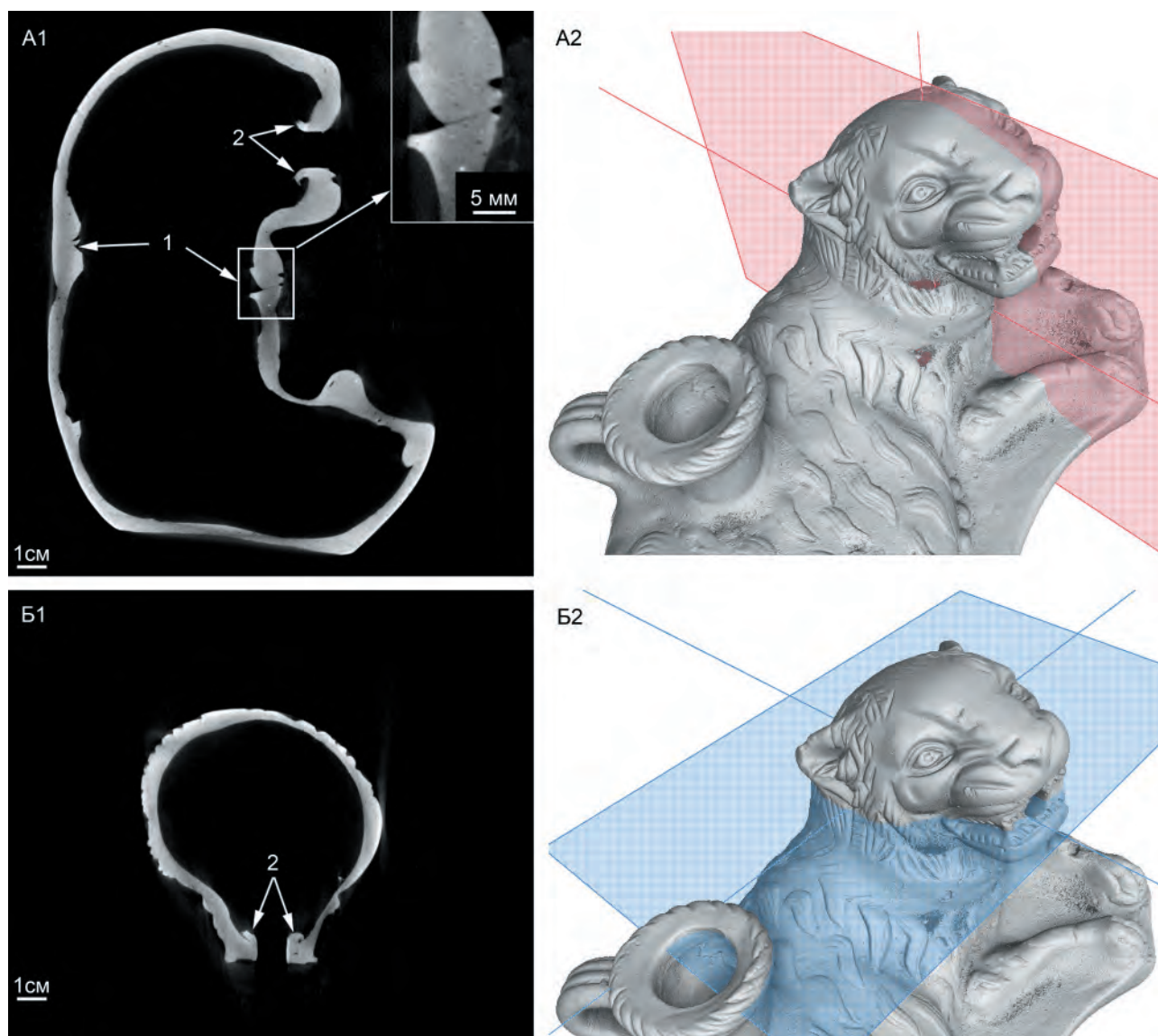

Рис. 7. Сосуд в виде пантеры, Пантикапей. Поперечное (A1) и продольное (B1) томографические сечения головы пантеры с областями стыка конструктивных элементов и соответствующие положения секущих плоскостей (A2, B2) (1 — зона стыка головы с верхней частью тулова; 2 — загиб материала вокруг отверстия во рту)

Fig. 7. Vessel in the form of a panther, Pantikapaion. Transversal (A1) and lengthwise (B1) tomographic sections of the panther's head with areas of the junction between construction elements and respective positions of the secant planes (A2, B2) (1 — zone of the junction between the head and the upper body; 2 — a bend of the material around the orifice in the mouth)

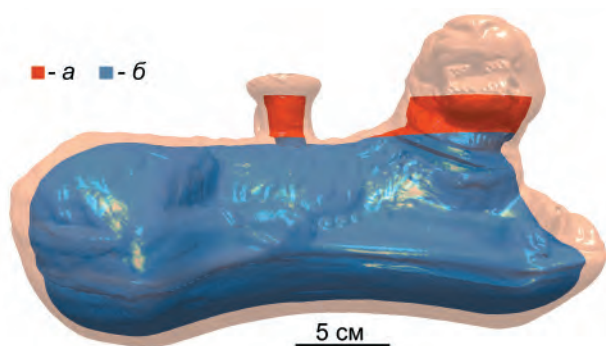

Рис. 8. Объем жидкости, который может вместить сосуд (a — максимальный уровень показан красным цветом; б — заполнение сосуда до нижнего края горлышка)

Fig. 8. Volume of the liquid which the vessel is capable to contain (a — the maximum level is marked with red; б — the filling of the vessel up to the lower edge of the throat)

Таким образом, проведенное томографическое исследование позволило надежно и доказательно определить технологию изготовления фигурного сосуда в виде пантеры из Пантикапея, проследить швы и места соединения различных частей. Внедрение подобного метода в исследование археологического материала чрезвычайно актуально и помогает получить достоверные ответы на вопросы, которые ранее решались лишь гипотетически. Очевидно, что для производства сосуда были использованы оттиски из трех форм, скрепленных между собой жидкой глиной. При скреплении двух частей тулова клоки шерсти в нижней части верхнего оттиска были немного деформированы (смазаны) по сырой глине. Шов между половинами тулова был хорошо заглажен, лишь в торцевой части, под хвостом, он отчетливо читается. Горло и ручка были изготовлены отдельно, край горла

закручен и украшен косой нарезкой. Некоторые детали на морде животного (шерсть, зрачки глаз) были дополнительно проработаны стеклом или другим инструментом. Вероятно, им же была нанесена и надпись на плоском, лишь слабо вогнутом, дне сосуда. Изображение ошейника представлено на месте стыка головы и верхней части тулова — его маркируют три округлых вдавления на горле, имитирующих, вероятно, заклепки, сзади небрежно дополнительно были прочерчены косые штрихи, имитирующие гриву. В дальнейшем сосуд был покрыт красным лаком высокого качества, имеющим небольшие подтеки в нижней части сосуда. Вопреки скепсису некоторых современных ученых эллинистический мастер Евлог, сделавший сосуд, был вполне квалифицированным ремесленником и изготовил качественный фигурный сосуд для массового потребителя.

- Античная коропластика..., 1976 — Античная коропластика. Каталог выставки / Ред. С. П. Борисковская, Е. Н. Ходза. Л.: Аврора, 1976. 112 с.
- Білецький*, 1973 — *Білецький А. О.* Надпис на посудині з Ольвії // *Археологія*. Київ, 1973. Вип. 8. С. 93–94.
- Журавлев*, 2023 — *Журавлев Д. В.* О нескольких античных фигурных сосудах из собрания Исторического музея // *Причерноморье в античное и ранне-средневековое время* / Ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д., 2023. Вып. 3. В печати.
- Клейман*, 1985 — *Клейман И. Б.* Фигурный сосуд из Тиря с подписью // *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья: Сб. науч. тр.* / Ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 59–62.
- Козуб*, 1973 — *Козуб Ю. И.* Фігурна посудина з Ольвії // *Археологія*. Київ, 1973. Вип. 8. С. 88–92.
- Кропоткин*, 1970 — *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М.: Наука, 1970 (САИ; Вып. Д1-27). 280 с.
- Культура и искусство...*, 1983 — *Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Выставка из собраний музеев Болгарии, Румынии и Советского Союза. Каталог выставки* / Сост. М. Лазаров и др. М.: Советский художник, 1983. 164 с.
- На краю ойкумены...*, 2002 — *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Выставка в Государственном Историческом музее. 30 мая — 15 августа 2002 г.* / Ред. Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2002. 144 с.
- ОАК за 1902 г., 1904 — *Отчет ИАК за 1902 г.* СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1904. 201 с.
- Пантикапей и Фанагория...*, 2017 — *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва, 27 июня — 17 сентября 2017 г.)* / Ред. В. Кузнецов, В. Толстиков. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017. 438 с.
- Пуздровский*, 2012 — *Пуздровский А. Е.* Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя // *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной* / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: Исторический музей, 2012 (Тр. ГИМ; Вып. 191). С. 201–207.
- Сорокина*, 1997 — *Сорокина Н. П.* Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). М.: Восточная литература, 1997 (Труды ГИМ; Вып. 91). 86 с.
- Сорокина, Журавлев*, 1993 — *Сорокина Н. П., Журавлев Д. В.* Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // *ВДИ*. 1993. № 4. С. 242–258.
- Фармаковский*, 1906 — *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1906 (Известия ИАК; Вып. 13). 306 с.
- Böhm*, 2014 — *Böhm S.* Korinthische Figurenvasen. Dürfte, Gaben und Symbolen. Regensburg: Schnell & Steiner, 2014. 392 S.
- Higgins*, 1976 — *Higgins R.* Magenta Ware // *The Classical Tradition: British Museum Yearbook*. London: British Museum Press, 1976. Vol. 1. P. 1–32.
- Sguaitamatti, Leibundgut Wieland*, 2015 — *Sguaitamatti M., Leibundgut Wieland D.* Le sanglier et le satyre: vases plastiques hellénistiques de Grande Grèce et de Sicile. Avec la collaboration de Rosina Leone et d'Adrienne

Lezzi-Hafter. Zürich: Akanthus, 2015. Vol. 1: Vases plastiques en forme d'animaux. 232 S.
 Veličković, 1957 — Veličković M. Katalog grčkih i rimskih terakota. Beograd: Narodni Muzej, 1957. 119 p.

Zhuravlev, 2002 — Zhuravlev D. Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2002. Vol. 8, no 3–4. P. 237–309.

Figure vessel in the form of a panther from Pantikapaion — view inside

P. V. Guryeva, D. V. Zhuravlev, E. S. Kovalenko, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina⁴

Keywords: figure vessel, Classical period, Hellenistic era, X-ray tomography.

At the State Historical Museum, Moscow, there is kept a figure vessel of the 2nd or 1st cen. BC in the form of a panther (Fig. 1) with an inscription on the bottom drawn on raw clay: Εὐλόγος ἐποίηι (*made by Eulogos*). The vessel was acquired by the museum in 1895 from a dealer in antiquities E. R. Zaporozhskiy and originated most probably from the necropolis of Pantikapaion. According to the project of studies of ancient objects from the collection of the State Historical Museum, at the National Research Centre “Kurchatov Institute” there was conducted an X-ray tomographic investigation of the mentioned vessel using a commercial X-ray tomograph X5000 (NSI) allowing us to define more exactly the technology of the object’s manufacture. In zones of the concentration of construction elements of the vessel, characteristic elongated cavities are observable in the places of the attachment of the handle to the throat and at the upper body (Fig. 2, 2; 3, A1, 1, 3). The cylindrical throat of the vessel and the handle were modelled separately (Fig. 3). The body of the vessel was manufactured using two moulds; in the area of the junction, a clay appliqué is clearly discernible (Fig. 4, Д1, 1; 5, 1); the head was modelled separately in a third mould with incisions made with some tool and it was attached to the body (Fig. 4, Д1, 2; 5, A, 2; 7, A1, 1). In the mouth of the figure, a through round-hole orifice is punched from outside for pouring out of the liquid (Fig. 7, B1). The paws are modelled in a single mould together with the upper body of the vessel (Fig. 6). The maximum volume of the liquid which the vessel is capable to hold is estimated as ≈2,2 l or about 2,1 l when it is filled up to the lower edge of the throat (Fig. 8).

⁴ P. V. Guryeva, E. S. Kovalenko, E. B. Yatsishina — NRC “Kurchatov Institute”; 1 Pl. Kurchatova, Moscow, 123182, Russia; e-mail: Gureva_PV@nrcki.ru; Kovalenko_ES@nrcki.ru; yatsishina_eb@nrcki.ru. D. V. Zhuravlev — State Historical Museum; 1 Red Square, Moscow, 109012, Russia; NRC “Kurchatov Institute”; e-mail: denzhuravlev@mail.ru. E. Yu. Tereshchenko — AV Shubnikov Crystallog Inst Russian Academy of Sciences; 59 Leninsky pr., Moscow, 119333, Russia; NRC “Kurchatov Institute”; e-mail: elenatereschenko@yandex.ru.

Серьги из драгоценных металлов из слоя пожара 46–47 гг. н. э. ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму¹

М. Ю. Трейстер, Н. И. Винокуров²

Аннотация. Статья посвящена публикации серег из драгоценных металлов, обнаруженных в слое пожара ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму в 2013 г. Наряду с другими находками из слоя пожара ранней цитадели городища Артезиан публикуемые предметы имеют огромную научную ценность, происходя из тщательно зафиксированного археологического контекста, дающего их *terminus ante quem* 46–47 гг. н. э.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Артезиан, боспорско-римская война, украшения из драгоценных металлов, серьги.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-189-195

Введение

Мы уже публиковали золотые и серебряные украшения из двух кладов, обнаруженных при раскопках помещения ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 г. (Абрамзон и др., 2012. С. 103–107, 117–122, рис. 6–8; Abramzon et al., 2012. P. 222–228, 240–243, fig. 6–8; Abramzon, Vinokurov, 2015. P. 157, fig. 7). Эта статья посвящена золотым серьгам, обнаруженным в слое пожара ранней цитадели в том же помещении 4. Монетные находки надежно датируют этой слой 46–47 гг. н. э. и позволяют датировать гибель крепости в ходе боспорско-римской войны либо осенью 46 г. н. э., либо концом лета — осенью 47 г. н. э. Общая характеристика находок

ювелирных изделий в этом комплексе уже была представлена (Винокуров, 2015. С. 286–288, рис. 10; Абрамзон, Винокуров, 2016. С. 721, 722, табл. II, III; Abramzon, Vinokurov, 2017. P. 13–16, fig. 3, 4), поэтому мы сосредоточим внимание на описании и атрибуции серег.

Серьги представлены тремя парами и двумя отдельными экземплярами. Все они относятся к варианту проволочных серег округлой формы с замком в виде петли и крючочка и отличаются сечением дужки.

1. Серьги с замком в виде петли и крючочка и простой дужкой округлого сечения. Фрагментированная серебряная серьга с дужкой из круглой в сечении проволоки (кат. № 1; рис. 1, 1) относится к тому же получившему наиболее широкое распространение в Северном Причерноморье типу, что был найден в кладе 2 (Абрамзон и др., 2012. С. 115; Abramzon et al., 2012. P. 240). Он представлен многочисленными экземплярами, выполненными из бронзы, серебра и золота. Находки в некрополях античных городов и поселений, а также в позднескифских и сарматских погребениях Крыма свидетельствуют о широком распространении таких серег с начала I в. н. э.³

¹ Текст статьи полностью написан М. Ю. Трейстером. Публикуются материалы из раскопок 2013 г. Артезианской археологической экспедиции под руководством Н. И. Винокурова. Раскоп III, слой пожара в помещении 4, ямы 495, 497, 498. Находки хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике, где они были исследованы, описаны и сфотографированы М. Ю. Трейстером в 2014 г.

² Трейстер М. Ю. — независимый исследователь; Бонн, Германия; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de. Винокуров Н. И. — Московский педагогический государственный университет; Малая Пироговская ул., 1/1, Москва, 119435, Россия; e-mail: vinokurovn@list.ru.

© Трейстер М. Ю., Винокуров Н. И., 2023.

³ Подробно см.: Трейстер, 2007. С. 112, 113, прим. 511, а также публикацию таких золотых серег из Херсонеса: Журавлев и др., 2017. С. 28, 32–34, № 52–56, табл. 10, 12.

Золотые серьги этого типа представлены и находками на территории Боспора⁴. Бронзовые⁵ и серебряные⁶ серьги с замком в виде петельки и крючка неоднократно были найдены в погребениях некрополя городища Артезиан.

2. *Серьги с замком в виде петли и крючочка и простой дужкой квадратного сечения.* Золотая серьга с дужкой из крученой квадратной в сечении проволоки (кат. № 2; рис. 1, 2) относится к типу, хорошо известному по многочисленным находкам из погребальных комплексов Европейского и Азиатского Боспора I в. до н. э. — I–II вв. н. э.⁷, Херсонеса (Журавлев и др., 2017. С. 28, 29, 34, 35, № 59, табл. 10; 12; 19) и его округи (Языков и др., 2019. С. 285, 308, рис. 166, в центре слева; Гавриутухин и др., 2020. С. 104, рис. 6, 3), Юго-Западного (Древние сокровища..., 2005. С. 15, № 10) и Запад-

⁴ Некрополь Пантикапея, могила № 31/1903 второй половины I в. н. э.: Шкорпил, 1905. С. 10. Танаис, погребение № 19/1908: ОАК за 1908 г., 1912. С. 126, 127, рис. 184; Книпович, 1949. С. 42, 64, рис. 7. Китей, погребение № 7: Молев, Шестаков, 1991. С. 83, рис. 7, 3. Александровские скалы 1: Бейлин и др., 2019. С. 245, 249, рис. 20, 3.

⁵ Гробница № 117/2003: Винокуров, 2014. С. 82, 459, рис. 354, 5. Гробница № 182.2/2005–2006: Там же. С. 105, 572, рис. 479а, 2; 479б. Гробница № 182.4/2005–2006: Там же. С. 106, 572, рис. 479а, 10. Гробница № 214/2006: Там же. С. 115, 632, рис. 551, 4–5.

⁶ Гробница № 93/2003: Винокуров, 2014. С. 73, 417, рис. 301, 1.

⁷ Подробно см.: *Трейстер*, 2007. С. 112, 113, прим. 518. Некрополь Пантикапея, погребение № 20/1990 середины — второй половины I в. н. э.: Zinko, 2001. P. 301, 305, fig. 5. II, 7. Некрополь Кыз-Аул под Керчью, могила № 1/1930 I–II вв. н. э.: Гайдукевич, 1959. С. 188, 190, рис. 59. Некрополь Пантикапея, могила № 43/1903: ОАК за 1903 г., 1906. С. 45, рис. 61; Шкорпил, 1905. С. 13, рис. 8. Некрополь Горгиппии, погребение № 31/1987 II — первой половины III в. н. э.: Новицихин, Галут, 2013. С. 70 (внизу, слева). Тирамба, склеп № 40/1965 I в. до н. э. — I в. н. э.: Коровина, 1968. С. 78, 81, рис. 33 (в центре). Некрополь Фанагории: Золото Фанагории, 2015. С. 112, 113, рис. 21, 9–12, 14; 387, 389, № 58, табл. 16, 5, 6; 414, 415, № 90, табл. 25, 3; 493, 494, табл. 58, 6, № 179; 529, табл. 74, 6; 531, № 225; 532, 533, № 227, табл. 75, 3. Некрополь Мысхако (серебро): Дмитриев и др., 2020. С. 49, № 4, 5, рис. 42, 4, 5; Мальшиев, 2020. С. 162, 163, рис. 42. Некрополь Широкая Балка: Дмитриев и др., 2011. С. 158, № 3, 4, рис. 147; Мальшиев, 2011. С. 238, рис. 239. Коллекция Шиллера: Zahn, 1929. S. 37, Nr. 66, Taf. 56. Коллекция Мерля де Массоно: Greifenhagen, 1970. S. 46, Taf. 23, 17.

ного (Внуков, Лагутин, 2001. С. 110, 111, рис. 7, 10а–б; 117, 118 (серебро)) Крыма.

Отличительной особенностью рассматриваемой серьги из раскопок городища Артезиан является нанизанная на дужку серебряная бусина цилиндрической формы. Серебряные бусы, но, как правило, округлые, использовались обычно для украшения серег других типов с дужками, плетеными из гладких и рубчатых проволочек или оформленными в виде плетеной цепочки (см. далее).

3. *Серьги с замком в виде петли и крючочка и дужкой, свитой из двух гладких и двух рубчатых проволочек.* Золотые серьги с замком в виде петли и крючочка, с дужкой, свитой из двух гладких и двух рубчатых проволочек (кат. № 3, 4; рис. 1, 3–6), относятся к сравнительно редкому типу, известному по находкам из некрополей Ольвии (ОАК за 1896 г., 1898. С. 210, рис. 601), Юго-Западного (Усть-Альминский могильник, склеп № 735/1999: Puzdrovskij, Zajcev, 2004. S. 248, 249, Nr. 1, Abb. 12, 1; Древние сокровища..., 2005, № 51), Восточного (пос. Синягино, бывш. Ени-Кале, восточнее Керчи, случайная находка: Веселов, 1959. С. 231, 232, рис. 7) Крыма⁸ и азиатской части Боспора (*Трейстер*, 2007. С. 112, прим. 517; Золото Фанагории, 2015. С. 112, 113, рис. 21, 13, 15; 493, 494, табл. 58, 5, № 178; 551, 552, № 265, табл. 82, 5).

На дужках некоторых серег этого типа надеты серебряные бусины. Такой дополнительный декор серег с дужками, свитыми из гладкой и рубчатой проволоки, встречается довольно редко и известен на золотых серьгах из погребений некрополей Горгиппии и Пантикапея середины I — первой четверти II в. н. э. (*Трейстер*, 2007. С. 114; Новицихин, Галут, 2013. С. 72), из склепа первой половины II в. н. э. № 11450/2001 (скелет С) некрополя Фанагории (Золото Фанагории, 2015. С. 112, 113, рис. 21, 13, 15; С. 551, 552, № 265, табл. 82, 5), а также на серьге из погребения 2 кургана 20/1993 у ст. Вышестеблиевской на Таманском полуострове, датированного II в. н. э. (*Мордвинцева и др.*, 2010. С. 257, № 87, табл. 23, рис. 8).

Рассматриваемые серьги из раскопок городища Артезиан были найдены сцепленными вместе, то есть в таком виде, в котором они, вероятно, и были положены в шкатулку, подобно бронзовым серьгам из одного из детских погребений некрополя городища Артезиан (гробница 117/2003), которые были положены в погребение

⁸ См. также: Коллекция Мерля де Массоно: Greifenhagen, 1970. S. 46, Taf. 23, 2; Musche, 1988. S. 54, 55 (тип 1.2.3), Taf. VIII.

Рис. 1. Городище Артезиан, 2013 г. Раскоп III, слой пожара в помещении 4, ямы 495, 497, 498. Серьги. Керчь, ВКИКМЗ: 1 — кол. оп. № 301; 2 — кол. оп. № 379; 3 — кол. оп. № 86; 4 — кол. оп. № 87; 5 — кол. оп. № 377; 6 — кол. оп. № 378; 7 — кол. оп. № 410; 8 — кол. оп. № 411. 1 — серебро; 3, 4 — золото; 2, 5-8 — золото, серебро. Фото М. Ю. Трейстера, 2014 г.

Fig. 1. Artezian fortified site, 2013. Section III, burnt layer in room 4, pits 495, 497, 498. Gold and silver earrings, Kerch, Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve: 1 — col. inv. no. 301; 2 — col. inv. no. 379; 3 — col. inv. no. 86; 4 — col. inv. no. 87; 5 — col. inv. no. 377; 6 — col. inv. no. 378; 7 — col. inv. no. 410; 8 — col. inv. no. 411. 1 — silver; 3, 4 — gold; 2, 5-8 — gold, silver. Photos by M. Treister, 2014

рядом со скелетом (Винокуров, 2014. С. 82, 459, рис. 354, 5).

4. Серьги с замком в виде петли и крючочка и дужкой, плетеной в форме цепочки типа лисьего хвоста. Пара золотых серег с дужками из отдельных переплетенных между собой звеньев, образующих ряды, перевязанные между собой, найденная в раскопках городища Артезиан (кат. № 5; рис. 1, 7, 8), относится к разновидности серег с замком в виде петли и крючочка, известной почти исключительно по находкам с территории Боспора⁹.

В редких случаях дужки таких серег украшались надетыми бусинами, как у рассматриваемых здесь, на дужках которых сохранились серебряные бусины округлой формы. Любопытно, что у золотой серьги, происходящей из детского погребения 43/1992 некрополя Горгиппии, датированного концом I — первой половиной II в. н. э., дужка в месте перехода к петле была расплющена и имела отверстие для вставки проволоки, на которой крепилась утраченная бусина (Alekseyeva, 1994. P. 51, fig. 4g (справа); *Трейстер*, 2007. С. 114;

Мордвинцева, Трейстер, 2007. С. 25, № А59.4, табл. 26). На серьгах аналогичного плетения из погребений 25 и 28/1987 I в. н. э. некрополя Горгиппии сохранилось, соответственно, по две и одной серебряной бусине (Новичихин, 2009. С. 114, 115, рис. 3, 1, 2; *Новичихин, Галут*, 2013. С. 68, 73 (вверху)). Пара подобных золотых серег с дужкой из Керчи хранится в Пльзене — у одной из них сохранилась надетая на дужку свинцовая бусина (Ondřejová, 1975. P. 47, 48, no. 14, 15, pl. IV, 3a–b; IX, 3a–b; *Трейстер*, 2007, 114; *Мордвинцева, Трейстер*, 2007. С. 143, № А/1.7). Аналогичные золотые серьги, но без бусин на дужке, были найдены в могильнике Фронтное 3 в округе Херсонеса (*Языков и др.*, 2019. С. 285, 312, рис. 186, вверху), при этом в самом Херсонесе до сих пор такие серьги найдены не были (ср.: *Журавлев и др.*, 2017. С. 25–67, № 42–118).

Заключение

Наряду с другими находками из слоя пожара ранней цитадели городища Артезиан публикуемые предметы имеют огромную научную ценность в связи с тщательно зафиксированным археологическим контекстом, дающим для них *terminus ante quem* 46–47 гг. н. э. Все рассмотренные серьги имеют округлую и овальную форму и снабжены замочком в форме петли и крючочка, однако отличаются оформлением дужки. Вместе с широко распространенными в Северном Причерноморье серьгами из гладкой проволоки округлого сечения или крученой здесь были найдены редкие типы: с дужками, свитыми из двух гладких и двух рубчатых проволочек, или из отдельных переплетенных между собой звеньев, образующих ряды, перевязанные между собой. Представленные материалы позволяют скорректировать хронологические наблюдения о датировке отдельных типов серег и дают дополнительные основания в пользу возможности выделения локальных типов украшений, изготовлявшихся на Боспоре.

⁹ Керчь, раскопки А. Б. Ашика 1846 г.: ДБК III, 1854. Табл. VII, 4 = *Reinach*, 1892. P. 47, pl. VII, 4; *Дюбрюкс*, 2010. С. 306, рис. 754, второй ряд, третья слева) (рисунок К. Р. Бегичева). Керчь, погребение, открытое в 1880 г. на южном склоне г. Митридат: ОАК за 1880 г., 1882. С. XIX; ОАК за 1881 г., 1883. С. 47, табл. I, 11. Керчь, погребение, открытое в 1880 г. на южном склоне г. Митридат: ОАК за 1880 г., 1882. С. XX; ОАК за 1881 г., 1883. С. 51, табл. II, 9. Керчь, раскопки В. В. Шкорпила: *Ondřejová*, 1975. P. 45–47, no. 12, 13, pl. V, 2a–b; P. 47, 48, no. 14, 15, pl. IV, 3a–b; IX, 3a–b. Китей, погребение 7: *Молев, Шестаков*, 1991. С. 83, рис. 7, 5. Горгиппия, погребения 25 и 28/1987: *Новичихин*, 2009. С. 114, 115, рис. 3, 1, 2; *Новичихин, Галут*, 2013. С. 68, 73 (вверху). Горгиппия, погребение 43/1992: *Alekseyeva*, 1994. P. 51, fig. 4g (справа); *Трейстер*, 2007. С. 114; *Мордвинцева, Трейстер*, 2007. С. 25, № А59.4, табл. 26. Илурат, некрополь: *Гайдукевич*, 1958. С. 138, 139, рис. 151, 2.

Приложение. Городище Артезиан. Серьги из драгоценных металлов

1. Серьга (рис. 1, 1), фрагментированная, округлой формы из проволоки округлого сечения с замком в виде петли и крючочка. Сохранились два фрагмента дужки и часть с петлей овальной формы с концом, примотанным к дужке. Серебро; ковка, гибка, навивка. М. н.¹⁰: раскоп III, помещение 4, слой пожа-

ра, ямы 495, 497, 498; 2013 г. Пол. оп. № 3258, 3296. Хр.: Керчь, ВКИКМЗ, НВФ-13394, кол. оп. № 301. *Сохранность*: из трех фрагментов, часть утрачена; окислена. Диаметр реконструируемый 1,80–2,00 см; сечение дужки — до 0,25 см; петля: длина 0,77 см, ширина 0,44 см, сечение 0,11 см. *Изд.*: не публиковалась.

¹⁰ Принятые сокращения: М. н. — место находки.; Пол. оп. — полевая опись; Хр. — место хранения; вр. хр. — номер временного хранения; кол. оп. — кол-

лекционная опись; ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; *Изд.* — публикация с рисунком.

2. Серьга (рис. 1, 2) округлой формы с цилиндрической серебряной бусиной, надетой на дужку в ее центральной части. Дужка выполнена из крученой квадратной в сечении проволоки, образующей на концах застежку из петли и крючка из проволоки округлого сечения; у основания петли — три витка проволоки. Золото; ковка проволоки, скрутка, гибка, навивка. Серебро; ковка, пробивка отверстия. *М. н.*: раскоп III, помещение 4, слой пожара, ямы 495, 497, 498; 2013 г. Пол. оп. № 3579. *Хр.*: Керчь, ВКИКМЗ, вр. хр. 9411, кол. оп. № 379. Высота 1,56 см, ширина 1,48 см; дужка в центре: сечение 0,13 см, на концах — 0,08 см; петля: длина 0,47 см, ширина макс. 0,31 см; бусина: длина 0,34, диаметр 0,55 см. *Сохранность*: бусина окислена и минерализована; на проволоке небольшие темные пятна и царапины. *Изд.*: *Винокуров*, 2015. С. 286, № 2; 288, рис. 10, 2.
3. Пара витых серег овальной формы (рис. 1, 3, 4). Дужка свита из четырех проволок: двух рубчатых и двух гладких, прокованных на концах и образующих застежку в виде петли и крючка; у основания петли — три витка проволоки. Золото; ковка проволоки, рифление, скрутка, прокатка, гибка, навивка. Перед петлей на дужку надета округлая бусина из серебра. Серебро; ковка, пробивка отверстия. Пол. оп. № 1565, 1566. *Хр.*: Керчь, ВКИКМЗ, вр. хр. 9386, 9387, кол. оп. № 86, 87. Серьга № 9386: высота 2,44 см, ширина 2,49 см, сечение дужки в центре 0,27 × 0,28 см, на конце — 0,07 см; бусина: длина 1,01 см, диаметр 0,72 см. Серьга № 9387: высота 2,34 см, ширина 2,60 см, сечение дужки в центре 0,31 × 0,29 см, на конце — 0,07 см; бусина: диаметр 0,93–0,94 см. *Сохранность*: пара серег спеклась вместе в районе бусин, сверху — остатки предмета (шинки перстня?) минерализованного металла темного цвета. Загрязнены, деформированы, мелкие трещины, утраты металла; металл бусин минерализован, покрыт продуктами коррозии. *Изд.*: *Винокуров*, 2015. С. 286, № 1; С. 288, рис. 10, 1; *Абрамзон, Винокуров*, 2016. С. 721, табл. II, 2; *Abramzon, Vinokurov*, 2017. P. 13, 14, fig. 3, 2.
4. Витые серьги овальной формы (рис. 1, 5, 6). Дужка свита из четырех проволок: двух рубчатых и двух гладких, прокованных на концах и образующих застежку из петли и крючка; у основания петли — два витка проволоки. Золото; ковка, гибка, плетение, навивка. Серебро; ковка, пробивка отверстия. *М. н.*: раскоп III, помещение 4, слой пожара; 2013 г. Пол. оп. № 3578, 3579. *Хр.*: Керчь, ВКИКМЗ, вр. хр. 9303, 9304, кол. оп. № 410, 411. *Сохранность*: серьга № 3578: трещины с утратами у основания крючка, металл бусины минерализован; серьга № 3579: мелкие трещины, участки темной патины на дужке, металл бусины минерализован. Серьга № 3578: высота 1,99 см, ширина 2,07 см; дужка: сечение в центре 0,43 × 0,44 см (сечение отдельных проволочек 0,12 см), на конце — 0,11 см; петля: длина 0,47 см, ширина макс. 0,42 см; бусина: диаметр 0,60–0,69 см. Серьга № 3579: высота 1,88 см, ширина 2,06 см; дужка: сечение в центре — 0,42 × 0,40 см (сечение отдельных проволочек 0,12 см), на конце — 0,11 см; петля: длина 0,35 см, ширина макс. 0,25 см; бусина: диаметр 0,59–0,64 см. *Изд.*: не публиковались, упомянуты: *Винокуров*, 2015. С. 276, 277.
5. Витые серьги овальной формы (рис. 1, 7, 8) с округлой серебряной бусиной, надетой на дужку перед петлей. Дужка свита из четырех гладких проволок круглого сечения в форме лисьего хвоста. На концах проволоки раскованы в одну и образуют застежку из петли и крючка; у основания петли — два витка проволоки. Золото; ковка, гибка, плетение, навивка. Серебро; ковка, пробивка отверстия. *М. н.*: раскоп III, помещение 4, слой пожара; 2013 г. Пол. оп. № 3578, 3579. *Хр.*: Керчь, ВКИКМЗ, вр. хр. 9303, 9304, кол. оп. № 410, 411. *Сохранность*: серьга № 3578: трещины с утратами у основания крючка, металл бусины минерализован; серьга № 3579: мелкие трещины, участки темной патины на дужке, металл бусины минерализован. Серьга № 3578: высота 1,99 см, ширина 2,07 см; дужка: сечение в центре 0,43 × 0,44 см (сечение отдельных проволочек 0,12 см), на конце — 0,11 см; петля: длина 0,47 см, ширина макс. 0,42 см; бусина: диаметр 0,60–0,69 см. Серьга № 3579: высота 1,88 см, ширина 2,06 см; дужка: сечение в центре — 0,42 × 0,40 см (сечение отдельных проволочек 0,12 см), на конце — 0,11 см; петля: длина 0,35 см, ширина макс. 0,25 см; бусина: диаметр 0,59–0,64 см. *Изд.*: не публиковались, упомянуты: *Винокуров*, 2015. С. 276, 277.

Абрамзон, Винокуров, 2016 — *Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И.* Золотые статоры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. № 76 (3). С. 712–743.

Абрамзон и др., 2012 — *Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю.* Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3. С. 93–146.

Бейлин и др., 2019 — *Бейлин Д. В., Волошинов А. А., Рукавишников И. В.* Исследование могильника

римского времени Александровские Скалы 1 // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 1 / Под ред. С. Ю. Внукова, О. В. Шарова. М.: ИА РАН, 2019. С. 221–267.

Веселов, 1959 — *Веселов В. В.* Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 227–244.

Винокуров, 2014 — *Винокуров Н. И.* Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения

- им. А. Е. Крымского; Керчь: Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2014 (БИ Supplement; Вып. 12). 680 с.
- Винокуров*, 2015 — *Винокуров Н. И.* Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // *OLBIO. In Memoriam V. V. Kharivina (Археология і давня історія України, 2015; Вып. 1 (14)). С. 271–294.*
- Внуков, Лагутин*, 2001 — *Внуков С. Ю., Лагутин А. Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // *Поздние скифы Крыма / Под ред. И. И. Гушиной, Д. В. Журавлева. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 118). С. 96–121.*
- Гавритухин и др.*, 2020 — *Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В.* Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // *РА. 2020. № 2. С. 91–110.*
- Гайдукевич*, 1958 — *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // *Боспорские города / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 85). Т. II: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. С. 9–148.*
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // *Некрополи боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 69). С. 154–238.*
- ДБК III, 1854 — Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб.: Императорская АН, 1854. Т. III: Атлас. 86 табл.
- Дмитриев и др.*, 2011 — *Дмитриев А. В., Довгалюк Н. П., Малышев А. А., Масленников А. А., Онайко Н. А.* Описание погребальных комплексов. Каталог // *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя Широкая Балка / Под ред. А. А. Малышева. М.: ИА РАН, 2011 (Некрополи Черноморья; Вып. 4). С. 9–225.*
- Дмитриев и др.*, 2020 — *Дмитриев А. В., Малышев А. А., Медникова М. Б., Онайко Н. А., Столярова Е. К.* Описание археологических комплексов. Каталог // *Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. / Под ред. А. А. Малышева. М.: Макс Пресс, 2020 (Некрополи Черноморья; Вып. V). С. 10–122.*
- Древние сокровища...*, 2005 — *Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки / Под ред. Ю. П. Зайцева. Симферополь: Тарпан, 2005. 29 с.*
- Дюбрюкс*, 2010 — *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений = *Paul Du Bruch. Oeuvres. Т. 2 / Под ред. И. В. Тункиной. СПб.: Коло, 2010. 312 с.*
- Журавлев и др.*, 2017 — *Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С.* Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея. М.: Внешторгиздат, 2017. 358 с.
- Золото Фанагории*, 2015 — *Золото Фанагории / Под ред. М. Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015 (Материалы по археологии и истории Фанагории; Вып. 2). 604 с.*
- Книпович*, 1949 — *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 178 с.
- Коровина*, 1968 — *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // *Сообщения ГМИИ. 1968. Вып. 4. С. 54–84.*
- Малышев*, 2011 — *Малышев А. А.* Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке // *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя Широкая Балка / Под ред. А. А. Малышева. М.: ИА РАН, 2011 (Некрополи Черноморья; Вып. 4). С. 242–302.*
- Малышев*, 2020 — *Малышев А. А.* Погребальный инвентарь Мысхакского некрополя // *Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. / Под ред. А. А. Малышева. М.: Макс Пресс, 2020 (Некрополи Черноморья; Вып. V). С. 143–172.*
- Молев, Шестаков*, 1991 — *Молев Е. А., Шестаков Е. А.* Некрополь Китаея (по материалам раскопок 1972–1985 гг.) // *Вопросы истории и археологии Боспора / Под ред. Е. А. Молева. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т; Белгород: Упринформпечать, 1991. С. 74–101.*
- Мордвинцева, Трейстер*, 2007 — *Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. — II в. н. э. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007. Т. 2. 255 с.
- Мордвинцева и др.*, 2010 — *Мордвинцева В. И., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В.* Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010. 448 с.
- Новичихин*, 2009 — *Новичихин А. М.* Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // *ВДИ. 2009. № 1. С. 110–118.*
- Новичихин, Галут*, 2013 — *Новичихин А., Галут О.* Золото Горгиппии. Анапа; Краснодар: Платонов, 2013. 112 с.
- ОАК за 1880 г., 1882 — Отчет ИАК за 1880 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1882. 142 с.
- ОАК за 1881 г., 1883 — Отчет ИАК за 1881 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1883. 148 с.
- ОАК за 1896 г., 1898 — Отчет ИАК за 1896 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1898. 251 с.
- ОАК за 1903 г., 1906 — Отчет ИАК за 1903 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1906. 245 с.
- ОАК за 1908 г., 1912 — Отчет ИАК за 1908 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1912. 226 с.
- Трейстер*, 2007 — *Трейстер М. Ю.* Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. — II в. н. э. (эллинистическая традиция) // *Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и

- ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. — II в. н. э. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007. Т. 1. С. 15–194.
- Шкорпил*, 1905 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. // Известия ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1–76.
- Язиков и др.*, 2019 — *Язиков С. В., Свиридов А. Н., Алейников С. В.* Раскопки могильника первых веков новой эры Фронтное 3 // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. М.: ИА РАН, 2019. Т. 2 / Под ред. С. Ю. Внукова, О. В. Шарова. С. 277–313.
- Abramzon et al.*, 2012 — *Abramzon M. G., Treister M., Vinokurov N. I.* Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden; Boston, 2012. Vol. 18, 2. P. 207–278.
- Abramzon, Vinokurov*, 2015 — *Abramzon M., Vinokurov N. I.* Cistophori from the Artezian Settlement (Ptolemaeus' — Παρόστα?) // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2015. Bd. 21. S. 151–159.
- Abramzon, Vinokurov*, 2017 — *Abramzon M., Vinokurov N. I.* Gold Staters of Aspurgus and Mithridates III and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden; Boston, 2017. Vol. 23. P. 1–41.
- Alekseyeva*, 1994 — *Alekseyeva E. M.* Gorgippia: A Bosporan Polis in Ancient Sindike // *Expedition*. 1994. No. 36.2–3. P. 47–55.
- Greifenhagen*, 1970 — *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin: Gebr. Mann, 1970. 102 S.
- Musche*, 1988 — *Musche B.* Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1988. 350 S.
- Ondřejová*, 1975 — *Ondřejová I.* Les bijoux antiques du Pont Euxin septentrional. Prague: Universita Karlova, 1975. 83 p.
- Puzdrovskij, Zajcev*, 2004 — *Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P.* Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999 // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2004. Bd. 10. S. 229–267.
- Reinach*, 1892 — *Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris: Didot, 1892. 213 p.
- Zahn*, 1929 — *Zahn R.* Sammlung Baurat Schiller, Berlin: Werke antiker Kleinkunst. Berlin: Lepkes Kunst-Auctions-Haus, 1929. 135 S.
- Zinko*, 2001 — *Zinko V. N.* Summary of Results of the Five-Year Rescue Excavations in the European Bosphorus, 1989–1993 // *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies* / Ed. G. R. Tsetschladze. Leiden; Boston; Köln: E. J. Brill, 2001 (Colloquia Pontica; Vol. 6). P. 295–317.

Earrings made of precious metals from the burnt layer of 46/47 AD of the early citadel of Artezian fortified site in Eastern Crimea

M. Yu. Treister, N. I. Vinokurov¹¹

Keywords: Eastern Crimea, Artezian fortified site, Bosporan-Roman war, jewellery of precious metals, earrings.

The article is devoted to the publication of gold and silver earrings and lunula-pendant discovered in the fire layer of the early citadel of the Artezian fortified settlement in Eastern Crimea in 2013. Along with other finds from the fire layer of the early citadel of the Artezian fortified site, the objects under consideration are also of great scientific value, coming from a carefully recorded archaeological context, giving them a *terminus ante quem* of 46/47 AD. All the earrings under discussion have a round and oval shape and are equipped with a loop-and-hook clasp, however, they differ in the design of the hoop. Along with earrings made of plain wire of round cross-section, or twisted, which were widespread in the Northern Black Sea region, also rare types of gold earrings were found here: with hoops wound up from two plain and two beaded, or from individual interlaced links forming rows tied together. The materials presented make it possible to correct chronological observations on the dating of certain types of earrings and gives additional grounds in favor of the possibility of identifying local types of jewelry made in the Bosphorus.

¹¹ Mikhail Yu. Treister — Independent researcher; Bonn, Germany; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de. Nikolay I. Vinokurov — Moscow Pedagogical State University; 1/1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow, 119435, Russia; e-mail: vinokurovn@list.ru.

Расписная и чернолаковая керамика из трех комплексов кургана 1 Юго-Восточного некрополя Фанагории

Т. В. Егорова, Н. И. Сударев¹

Аннотация. В статье публикуются находки расписной и чернолаковой керамики из трех погребений, совершенных по обряду кремации в северо-восточном секторе кургана 1 Юго-Восточного некрополя Фанагории. Подавляющее большинство сосудов датируется в пределах конца первой — второй четверти IV в. до н. э. и имеет близкие параллели в комплексах тризн и погребений некрополей Европейского Боспора (Пантикапея и Нимфея).

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория, некрополь, кремация, расписная и чернолаковая керамика.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-196-207

В 2012 г. отрядом Фанагорийской экспедиции под руководством В. Д. Кузнецова проводились исследования участка Юго-Восточного некрополя Фанагории с общей хронологией от второй четверти V в. до н. э. до эпохи Великого переселения народов². Было раскопано пять курганов, 164 погребения и комплексы, значительная часть которых относится к VI–III вв. до н. э. До этих работ в грунтовом некрополе Фанагории было известно всего 14 погребений VI–V вв. до н. э., а захоронений IV в. до н. э. — только шесть (Завойкин и др., 2016). Зафиксированы погребения, совершенные по обряду как ингумации, так и кремации. Следует отметить, что кремации довольно редки на Азиатском Боспоре и в основном появляются с IV в. до н. э. преимущественно в курганных некрополях (Сударев, 2004). На данном участке встречено семь кремаций, четыре из которых относятся к IV в. до н. э. и три — ко II в. до н. э. Все они связаны с курганами. В некрополе Фанагории

доля кремаций на протяжении IV–III вв. до н. э. значительна (Сударев, 2010. С. 441), что объясняется сравнительно небольшой выборкой погребений этого времени на грунтовом участке некрополя и частотой кремаций в подкурганных захоронениях. Несмотря на то что кремации, как правило, не являлись основными погребениями в курганах, вряд ли можно оспаривать тот факт, что прежде всего курганы были семейными усыпальницами представителей зажиточных слоев населения. Появление кремаций IV в. до н. э. в курганном некрополе Фанагории, вероятно, связано с ее вхождением в состав Боспорского царства и формированием верхушки местного общества этого времени. Дополнительный свет на данный вопрос может пролить сравнение с погребальными комплексами некрополя Пантикапея, где кремации всегда занимали существенное место.

В этой статье будут рассмотрены находки расписной и чернолаковой керамики из трех комплексов (А, Б и В), обнаруженных в северо-восточном секторе кургана 1 и являвшихся погребениями по обряду кремации на стороне (рис. 1).

Комплекс А представлял собой скопление обожженного сырца размерами 2,10 × 0,80 м, длинной осью ориентированное по линии запад–восток. В его западном секторе под сырцом зафиксированы обломки пережженных костей человека. Фрагменты расписных и чернолаковых сосудов найдены в заполнении.

¹ Егорова Т. В. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., 27, кор. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: tvegorova@yandex.ru. Сударев Н. И. — Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sudarev@list.ru.

© Егорова Т. В., Сударев Н. И., 2023.

² Благодарим В. Д. Кузнецова за возможность опубликовать данные этих работ.

Комплекс Б был расчищен на двух уровнях. В нижней части располагалась подпрямоугольная вымостка, выложенная из обожженного сырца, размерами $1,60 \times 0,70$ м, длинной осью ориентированная по линии северо-восток-юго-запад. Над ней найдены фрагменты битой посуды, в том числе чернолаковой. Выше, среди скопления комков обожженного сырца, имевшего чуть меньшие размеры ($1,30 \times 0,70$ м), концентрировались обломки краснофигурной ойнохои.

Комплекс В также фиксировался на двух уровнях. Внизу частично сохранились остатки вымостки размерами $0,95 \times 0,35 \times 0,05$ м из обожженного сырца и отдельных сырцовых плиток, на северном краю которой лежал фрагмент чернолакового рыбного блюда. Остальные части блюда найдены в скоплении обожженного сырца с кусочками углей и золы, перекрывавшем вымостку. У северо-восточного и юго-западного краев этого скопления обнаружены фрагменты пережженных костей человека.

Обряд реконструируется следующим образом: захоронения (кремации) были совершены в неглубоких прямоугольных ямах, стенки которых обложены сырцовыми плитками с сохранившейся высотой около 0,1 м. На дне заглубленных конструкций «Б» и «В» устроены вымостки из обожженных сырцовых плиток. В эти конструкции были уложены остатки погребального костра: фрагменты пережженных костей и остатки погребального ложа (носилки или деревянного саркофага), от которого сохранились гвозди, обугленная доска и фрагменты древесных углей. После совершения погребения в ямы поверх остатков кремации были помещены остатки тризны, включавшие в себя сильно фрагментированные краснофигурные и чернолаковые сосуды.

Комплекс А

Подавляющее количество найденных в этих комплексах сосудов — пять краснофигурных и 13 чернолаковых — было сосредоточено в комплексе А. Все они, по-видимому, аттического или псевдоаттического производства, поскольку в деталях следуют аттическим образцам.

Расписная керамика не многочисленна, но разнообразна, представлена кубковидным скифосом, рыбным блюдом и тремя сосудами для масла: аском уплощенного типа и двумя арибаллическими лекифами.

От кубковидного скифоса до нас дошел лишь фрагмент верхней части (рис. 2, 1). Уплощенный венчик с отчетливой подрезкой отогнут наружу; ручки горизонтальные, петлевидные, приподняты

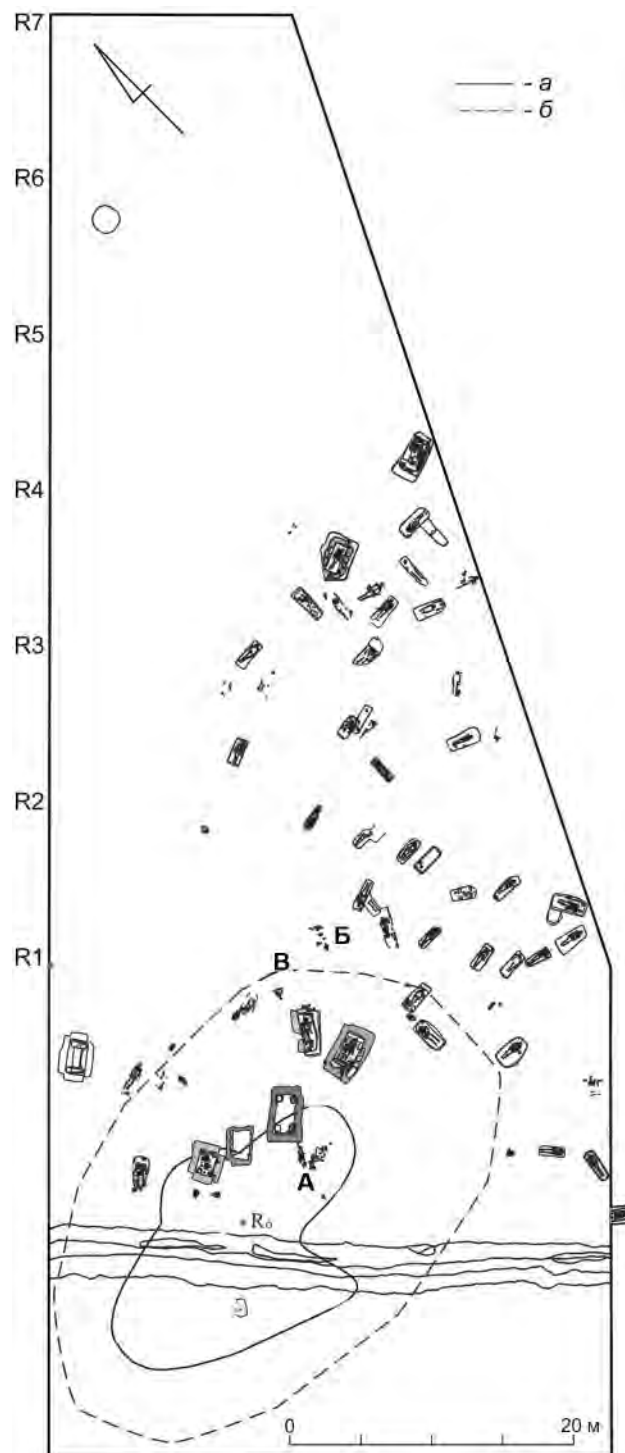

Рис. 1. Фанагория. Юго-Восточный некрополь. Курган 1. Общий план (а — современные границы насыпи, б — прослеженные границы остатков насыпи).

А, Б, В — места обнаружения комплексов керамики
 Fig. 1. South-Eastern necropolis of Phanagoria. Barrow 1. General plan (a — modern boundaries of the embankment, б — traced boundaries of the remains of the embankment). А, Б, В — locations where ceramic complexes were discovered

Рис. 2. Фанагория. Юго-Восточный некрополь. Курган 1. Краснофигурная керамика из комплекса А: 1 — кубковидный скифос (ПО № 627); 2 — рыбное блюдо (ПО № 613); 3 — аск (ПО № 628); 4 — арибаллический лекиф «сетчатый» (ПО № 630); 5 — арибаллический лекиф (ПО № 629). Масштаб: а — для 1–3; б — для 4, 5

Fig. 2. Phanagoria. South-Eastern necropolis. Barrow 1. Red-figure ware from complex A: 1 — beaker-like skyphos (ПО № 627); 2 — fish plate (ПО № 613); 3 — askos (ПО № 628); 4 — aryballic net lekythos (ПО № 630); 5 — aryballic lekythos (ПО № 629). Scale: a — for 1–3; б — for 4, 5

над краем сосуда. На тулове сохранился только небольшой сегмент пальметты, не позволяющий проанализировать детали росписи. Такие пальметты обычно ограничивали поле рисунка, располагаясь у креплений ручек с двух сторон или под ними (например: *Riarov, Damyanov*, 2010. Р. 180, pl. 83d; *Вдовиченко*, 2008. С. 79, 255, рис. 82, 4; *Яggi, Лазенкова*, 2012. С. 191, табл. 1). Б. Спарк и Л. Талькотт полагали, что производство чернолакового и краснофигурного вариантов существовало параллельно и закончилось уже в 80-е гг. IV в. до н. э., будучи вытеснено новой формой (кубковидными канфарами), быстро ставшей популярной (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 112). Однако типологически близкие сосуды встречаются во множестве погребальных комплексов, датированных шире, в пределах первой половины IV в. до н. э., а также непосредственно с материалами второй четверти — середины и даже третьей четверти столетия. В частности, чаши с аналогичной профилировкой венчика найдены в некрополях Кастильехо де лос Баньос, Аполлонии Понтийской и Панского I в погребениях 360–350 гг. до н. э. (*Garsia Cano, Page Del Pozo*, 2000. Р. 256; *Riarov, Damyanov*, 2010. Р. 180, pl. 83d; *Монахов, Рогов*, 1990. С. 143, табл. 6; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 163).

Весьма интересным экземпляром является краснофигурное *рыбное блюдо* (рис. 2, 2), типологически близкое ранним вариантам формы (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 148, 310, fig. 10, 1066; *Madau*, 2000. Р. 100, fig. 1, 7a). Оно имеет массивный край, окантованный желобком; слабопрофилированный отогнутый наружу кольцевой поддон с плоской подошвой и неглубокую центральную соусницу без желобка по контуру. Размеры его внушительные: диаметры венчика — 34,7 см, поддона — 19,5 см; высота — 6 см. Блюда с аналогичными поддонами обычно датируют концом первой четверти IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 148).

На плоскости блюда изображены пять крупных и две мелкие рыбы; в центральном углублении — краб; край украшен овами. По стилю и композиции рисунок блюдо можно отнести к «серии В», по Я. МакФи и А. Д. Трендаллу, с так называемыми простыми изображениями рыб (*McPhee, Trendall*, 1987. Р. 34–43). В нее исследователи в числе прочих включают две группы: «мастера из Упсалы», довольно распространенную в Северном Причерноморье и датируемую двумя первыми десятилетиями IV в. до н. э. (*McPhee, Trendall*, 1987. Р. 36; *Циммерман*, 1979. С. 88; *Чистов*, 1999. С. 168; *Вдовиченко*, 2008. С. 233, 251; *Вдовиченко, Жесткова*, 2011. С. 75–77; и др.), и художника «Алкасер-ду-Сал»,

расцвет деятельности которого относят к 380–370 гг. до н. э. (*McPhee, Trendall*, 1987. Р. 39). Именно с ними отмечается наибольшее сходство, хотя мы не можем говорить о полном соответствии изображений ни одной из названных групп. Так, при сравнении деталей с известными образцами блюд «мастера из Упсалы» можно заметить, что крупные рыбы относятся к одному семейству. Предположительно, это морские лещи (семейство *Sparidae*) (*Ibid.*, 1987. Р. 36). Но спинные плавники этих рыб в нашем варианте показаны только в сложенном состоянии, в то время как на известных изделиях мастера почти всегда, за редким исключением, присутствуют рыбы с плавниками в двух позициях: сложенными и расправленными (*Ibid.* Р. 34, 35). Хвостовой же плавник, напротив, в нашем случае более развернут. Можно отметить схожую форму треугольного грудного плавника и его крепления. Абсолютно аналогично выведен контур рта: две линии с дугой или окружностью. Очень близко трактованы глаза, но на нашем блюде отсутствует вторая линия, имитирующая бровь. Мелкие рыбки обычно изображены более схематично, чем крупные: вазописец часто опускает детали, например, спинные и брюшные плавники (*Ibid.* Р. 35), однако на блюде из Фанагории они тщательно прорисованы. Отличается и количественное соотношение мелких и крупных особей.

На блюдах художника «Алкасер-ду-Сал» сочетаются различные виды обитателей морей (*Ibid.* Р. 39), но трактовка некоторых рыб очень близка нашему случаю. Пожалуй, единственным явным отличием является размер глаз, существенно больший в изображениях «Алкасер-ду-Сал». С его кругом Я. МакФи и А. Д. Трендалл соотносят и фрагмент из Эрмитажа с крабом в центральном углублении, который, насколько можно судить по частично сохранившемуся рисунку, является ближайшей аналогией фанагорийскому экземпляру (*Циммерман*, 1979. С. 72, табл. VIII, 4a, б; *McPhee, Trendall*, 1987. Р. 39, 76). Стоит отметить, что образ краба очень редко использовался аттическими мастерами и более характерен для Южной Италии: среди продукции этого региона выделяются даже отдельные группы таких блюд (*Ibid.* Р. 58, 132). Для обоих упомянутых выше аттических художников типично размещение в центральном углублении рыбки, а краба — только в исключительных случаях. Две находки такого рода сделаны в Северном Причерноморье, на территории Пантикапея и Херсонеса (*Циммерман*, 1979. С. 72, табл. VIII, 4a, б; *Вдовиченко, Жесткова*, 2011. С. 77, № 663). Тем не менее, несмотря

на особенности декора центрального углубления, учитывая большее стилистическое сходство, рыбное блюдо из комплекса А кургана 1 фанагорийского некрополя, вероятнее всего, можно связать с кругом «мастера из Упсалы».

Один из трех сосудов для масла — красно-фигурный *аск* уплощенного типа (рис. 2, 3), сохранился частично: фрагмент дисковидного поддона диаметром 10 см и часть тулова. Подобные формы, для которых в целом характерны узкое, смещенное относительно центра горло с сильно отогнутым наружу венчиком и заглаженным краем, низкое тулово с рельефным умбовидным завершением щитка и вертикальная подтреугольная в сечении ручка, датируют в пределах конца первой — второй четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 158, 159, 318, pl. 38, 1177, 1178).

На щитке читается фигура бегущего вправо зайца и нижняя часть преследующего его Эрота. Несмотря на то что верх фигуры с крыльями утрачен, положение ног свидетельствует о том, что тело было изображено в полете. Сцены с участием Эрота и зайца нередки и зафиксированы на сосудах разных форм (амфорах, ойнохоях, пеликах, лекифах) с начала V до середины IV в. до н. э. (например: Moore, 1997. P. 245, pl. 76, 726; Giudice et al., 1992. P. 319, fig. 234, III.14; Beazley, 1963. P. 653; и др.).

Два арибаллических лекифа (рис. 2, 4, 5), один из которых сетчатый, а тулово второго украшено пальметтой, относятся к одному из самых распространенных типов, встречающихся в погребальных комплексах второй–третьей четвертей IV в. до н. э., а как показывают исследования материалов Северного некрополя Пидны, и чуть более позднего времени (подробнее см.: Κωτίτσα, 2019. P. 210, 211; Егорова, 2022. С. 169). Для них характерна единообразная форма, которая может различаться в отдельных деталях: раструбообразный венчик со скошенным внутрь краем; высокое узкое горло; приземистое тулово; низкий кольцевой поддон, иногда отогнутый наружу; вертикальная, овальная или подтреугольная в сечении ручка, которая крепится к горлу и плечикам сосуда. Главное отличие — в способе декорирования внешней поверхности сосудов.

Первый сосуд (рис. 2, 4) украшен на тулове сеткой из полос лака с белыми точками на их пересечениях и тонкими горизонтальными полосами лака с подтеками белой краски на горле. Он имеет прямые аналогии в некрополе Аполлонии Понтийской, а также в материалах кургана Госпитальный, и датируется 390–380 гг. до н. э. (Riapon, Damyanov, 2010. P. 187, pl. 81, 87c, CP33; Егорова, 2022. С. 204, № 91).

Второй сосуд (рис. 2, 5) — стандартный вариант с крупной пальметтой. К сожалению, значительная часть самой пальметты утрачена, поэтому невозможно с определенной долей уверенности соотнести этот лекиф ни с одной из выделенных З. Котицей мастерских (Κωτίτσα, 2019. P. 209–223). Единственное, мы можем исключить вероятность его принадлежности к самым поздним группам — II.9 и II.10, имеющим дополнительные особенности формы, а именно небрежность, искажения и уменьшение объема тулова (*Ibid.* P. 212, 218–221). Соответственно этот арибаллический лекиф следует датировать в довольно широких, но не максимальных пределах — 390/380–325 гг. до н. э.

Наиболее многочисленная группа среди черно-лаковой керамики (девять экземпляров разной степени сохранности) — *одноручные чаши* (рис. 3, 1–9), отличительной чертой которых является наличие горизонтальной ручки и очень характерная форма венчика, позволяющая идентифицировать их даже по фрагментам. Они однотипные, с небольшими различиями в моделировке края и кольцевого поддона. Диаметры венчиков варьируют в пределах от 10 до 11 см, высота — от 3,5 до 4,0 см. Одну из чаш (рис. 3, 1) отличает наличие утолщения в верхней трети стенки и слегка отогнутый наружу венчик с выпуклым краем, а также довольно высокий кольцевой поддон с плоской подошвой. Подобные формы были широко распространены и имеют многочисленные параллели в материалах различных памятников, где встречаются в комплексах конца V — первой четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 290, fig. 8, 22, pl. 31, 758; Blondé, 2007. P. 36, pl. 17, fig. 1; Jehasse, 1981. P. 425, pl. XLVII, 54; Knigge, 2005. P. 157, abb. 42, 360). Венчики четырех других чаш (рис. 3, 2–5) слегка завернуты внутрь и имеют скошенно-выпуклый край. Они не такие глубокие и, судя по сохранившемуся полному профилю экземпляру, опираются на низкий и чуть более массивный кольцевой поддон. К этой же группе по форме поддона можно отнести фрагмент еще одной нижней части чаши (рис. 3, 6). Аналогичный сосуд был найден в некрополе Аполлонии Понтийской в погребении конца первой четверти IV в. до н. э. (Riapon, Damyanov, 2010. P. 213, pl. 98e, VN53). Почти синхронны им три одноручные чаши с ровными стенками и прямым венчиком со скругленным краем, дошедшие до нас с меньшим количеством утрат, чем остальные (рис. 3, 7–9). Они хорошо известны в Аттике, где датируются 375–350 гг. до н. э. (например: Sparkes, Talcott, 1970. P. 290, pl. 31, 760, 761), и довольно часто встречаются на Боспоре. В частности, в курга-

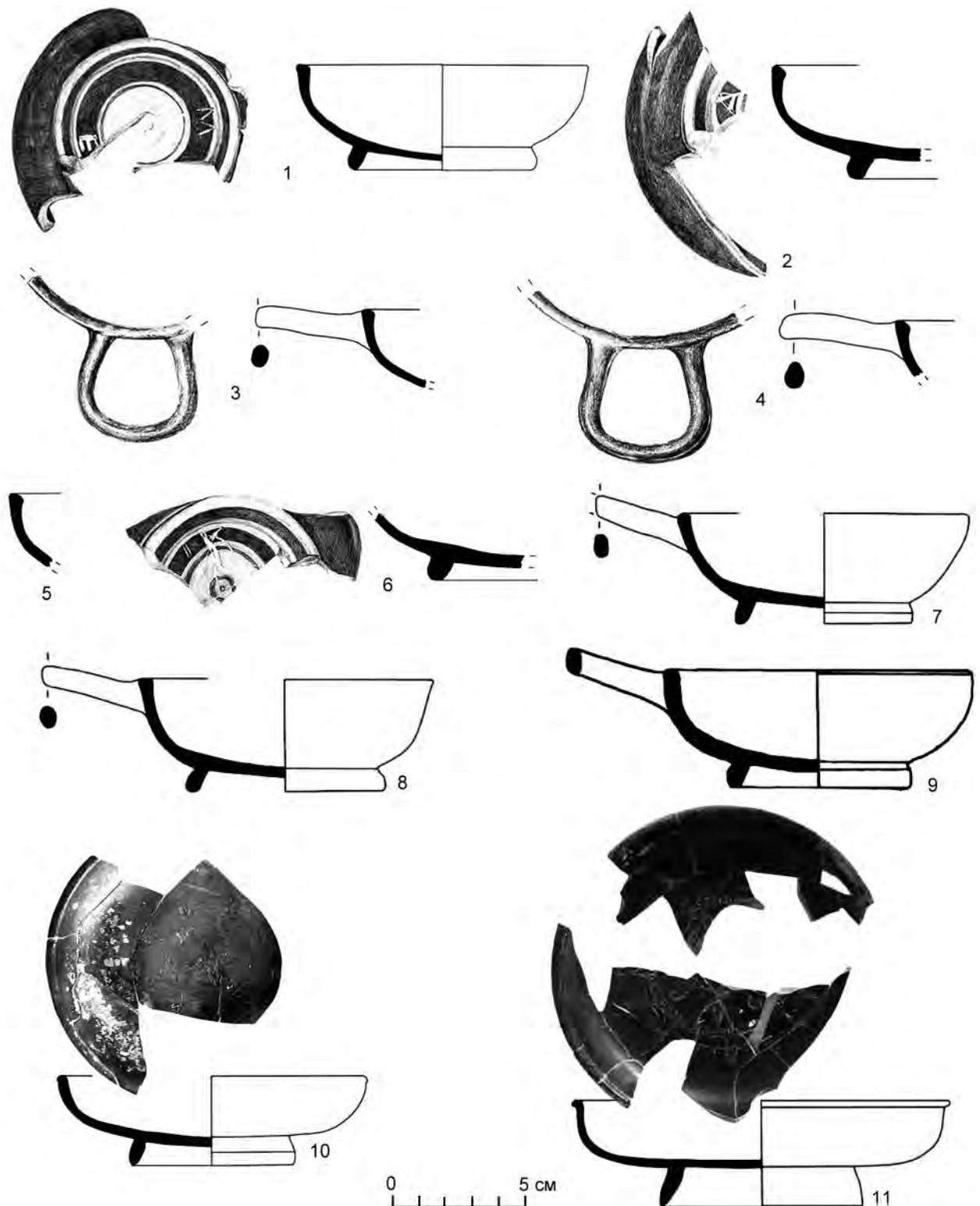

Рис. 3. Фанагория. Юго-Восточный некрополь. Курган 1. Чернотаковая керамика из комплекса А: 1–9 — одноручные чаши (1 — ПО № 617; 2 — ПО № 618; 3 — ПО № 621; 4 — ПО № 622; 5 — ПО № 623; 6 — ПО № 620; 7 — ПО № 614; 8 — ПО № 615; 9 — ПО № 616); 10, 11 — миски с отогнутым наружу краем (ПО № 625, 626)

Fig. 3. Phanagoria. South-Eastern necropolis. Barrow 1. Black-slipped ware from complex A: 1–9 — one-handed bowls (1 — ПО № 617; 2 — ПО № 618; 3 — ПО № 621; 4 — ПО № 622; 5 — ПО № 623; 6 — ПО № 620; 7 — ПО № 614; 8 — ПО № 615; 9 — ПО № 616); 10, 11 — bowls with outturned edge (ПО № 625, 626)

не Госпитальный их тоже три (Егорова, 2022. С. 179, 180, № 20–22).

Из комплекса А происходят и две миски с отогнутым наружу краем, производство которых началось в аттических мастерских в последней трети V в. до н. э., а с начала IV в. до н. э. они начали набирать популярность, которая достигла пика в эпоху эллинизма (Sparkes, Talcott, 1970. P. 128–130; Rotroff, 1997. P. 156–164). Одна из них (рис. 3, 10) имеет характерные черты сосудов конца V в. до н. э., когда форма еще окончательно не приобрела привычные очертания, но уже была близка стандартным образцам IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 128; Garcia Cano, Page del Pozo, 2000. P. 254, 255, fig. 2; Егорова, 2017. С. 75). В частности, край еще не вытянут, но уже имеет утолщение, слегка подчеркнутое неглубоким желобком на внешней поверхности; поддон имеет заостренную подошву, но он еще существенно ниже, чем у более поздних экземпляров. Размеры средние: диаметры венчика — 10,5 см, поддона — 5,5 см; высота — 3 см. Дно украшено лаконичным штампованным орнаментом из четырех пальметт, сгруппированных над окружностью малого диаметра. Вторая миска (рис. 3, 11) — яркий пример продолжения развития формы во второй и третьей четвертях IV в. до н. э.: вытянутый подтреугольный край, тонкие ровные стенки и высокий кольцевой поддон с заостренной подошвой. Штампованный и прочерченный орнамент более сложный: два яруса ов, вписанные в сдвоенные окружности, над которыми расположены пальметты, соединенные дугами попарно. Аналогии подобным мискам весьма многочисленны, в том числе в Причерноморском регионе (Sparkes, Talcott, 1970. P. 293, pl. 32, fig. 8, 803, 806; Jehasse, 1981. P. 86, pl. LIV, 47–49; Elrashedy, 2002. P. 129, pl. 3, 6(35); Damyanov, 2017. Fig. 1, 3; Егорова, 2022. С. 186, 187, № 39; и др.). Интересно отметить, что, судя по сходству штампа, она могла происходить из той же мастерской, где были изготовлены сосуды, найденные в некрополе Аполлонии (Riarov, Damyanov, 2010. P. 214, 215, pl. 98, 99), и, соответственно, датироваться концом первой четверти IV в. до н. э.

Миниатюрная миска с загнутым внутрь краем (рис. 4, 1) является поздним вариантом так называемых мисок *later and light*, по Б. Спарксу и Л. Талькотт, финал которого относят к 380-м гг. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 290, pl. 31, 876; Riarov, Damyanov, 2010. P. 221, pl. 69, d; Егорова, 2022. С. 167, 190, 191, № 49). Ее стенки утолщаются к заглаженному краю, поддон невысокий, с плоской подошвой и характерной профилировкой внутренней поверхности. От типологически близких,

но более ранних изделий, ее отличает большая глубина (Sparkes, Talcott, 1970. P. 132–134).

Единственный фрагмент солонки с вогнутыми стенками (рис. 4, 2) формы, распространенной на протяжении всего IV и начала III в., имеет не самый характерный для них высокий тонкий поддон, аналогичный аттическому экземпляру из Фасоса, происходящему из слоев второй–третьей четвертей IV в. до н. э. (Blondé, 2007. P. 56, 57).

Отдельно стоит отметить находку небольшого сосуда (рис. 4, 3), типологически близкого аттическим кружкам, напоминающим миниатюрные кувшины с выраженными плечиками и одной вертикальной, как правило, двустольной ручкой (например: Егорова, 2022. С. 50, рис. 9). Классический вариант с гладким или каннелированным туловом производили, преимущественно, на протяжении V в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 70; Kunze-Götte et al., 1999. S. 105; Elrashedy, 2002. P. 78), хотя отдельные экземпляры, в частности, с широкими каннелюрами, встречаются и в комплексах с материалами до середины IV в. до н. э. (Монахов, Rogov, 1990. С. 145, табл. 8; Riarov, Damyanov, 2010. P. 195, 196). Однако публикуемый сосуд существенно отличается от них прежде всего массивным резко отогнутым наружу венчиком и формой тулова, центр тяжести которого смещен книзу, а также овальной в сечении ручкой с одним стволом. Аналогий именно таким кружкам немного (например: Clairmont, 1959. P. 7, pl. 1, 8), но целая группа подобных сосудов происходит из некрополя Аполлонии, из погребений, надежно датированных 360–350 гг. до н. э. (Riarov, Damyanov, 2010. P. 196, pl. 93), что позволило авторам, опираясь на новые данные и привлекая уже известные к тому моменту материалы, сделать вполне обоснованные выводы о направлении развития формы — увеличении массивности венчика, изменении очертаний тулова и конструкции ручки. Стоит отметить, что типологически близкая кружка была обнаружена в погребении 33 некрополя Нимфея и датирована С. Л. Соловьевым второй половиной V в. до н. э. (Соловьев, 2003. С. 94, рис. 214). Однако сложно согласиться с такой ранней датировкой как этого сосуда, так и всего керамического комплекса, который включал в себя еще два краснофигурных и одно чернолаковое изделие (Там же. С. 93, 94, рис. 210–212). Во-первых, расписное рыбное блюдо из этого погребения, очевидно, относится к серии «В», по Я. МакФи и А. Д. Трендаллу, то есть может датироваться не ранее чем первой четвертью IV в. до н. э. (McPhee, Trendall, 1987. P. 34–43). К слову, оно весьма близко по стилю найденному

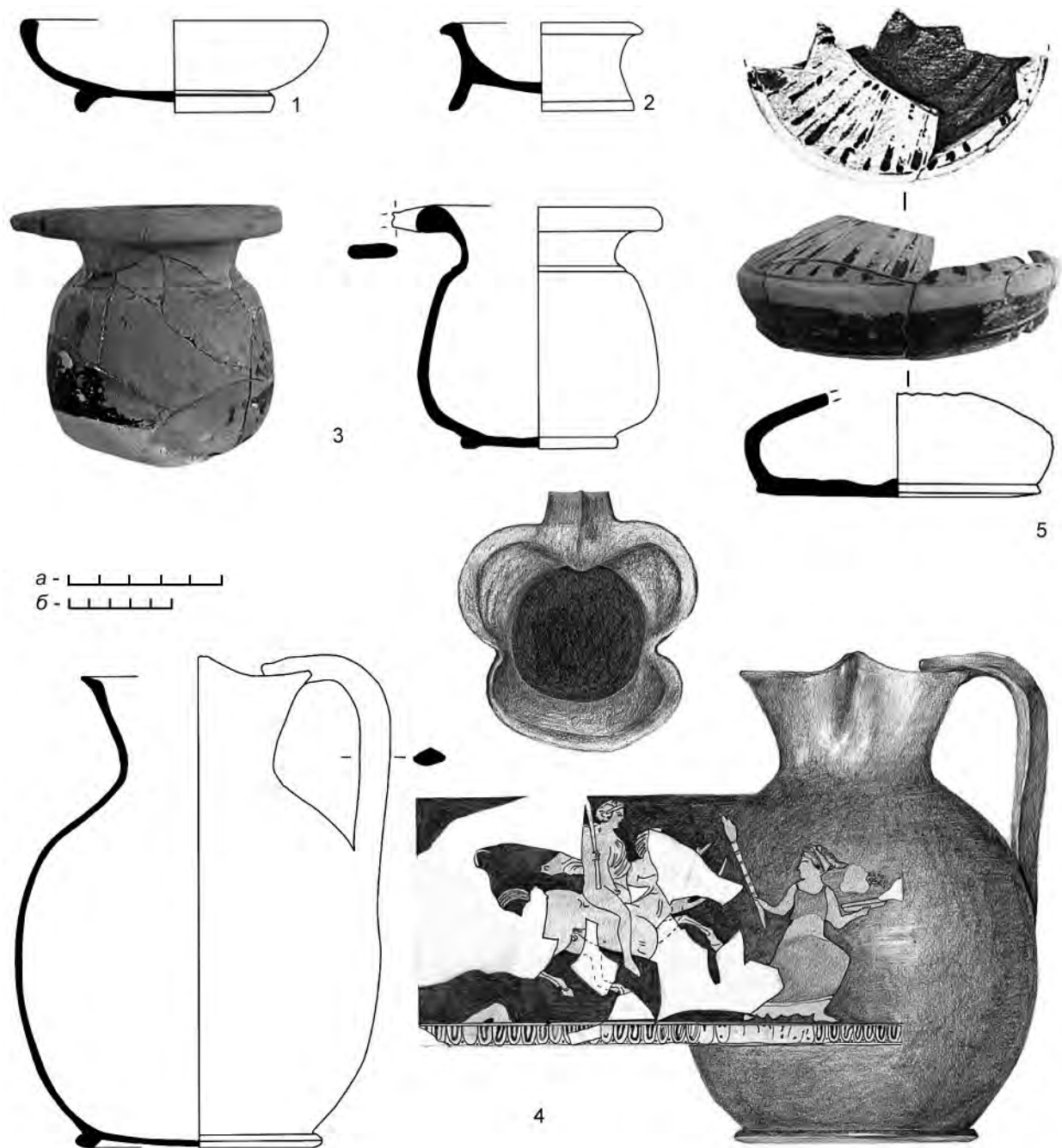

Рис. 4. Фанагория. Юго-Восточный некрополь. Курган 1. Чернолаковая керамика из комплекса А: 1 — миниатюрная миска «later and light» (ПО № 619); 2 — солонка (ПО № 624); 3 — кружка (ПО № 631). Краснофигурная керамика из комплекса Б: 4 — ойнохоя (ПО № 639); 5 — аск (ПО № 647). Масштаб: а — для 1-3, 5; б — для 4

Fig. 4. Phanagoria. South-Eastern necropolis. Barrow 1. Black-slipped ware from complex A: 1 — miniature bowl of type “Later and Light” (ПО № 619); 2 — saltcellar (ПО № 624); 3 — mug (ПО № 631). Red-figure ware from complex B: 4 — oinochoe (ПО № 639); 5 — askos (ПО № 647). Scale: a — for 1-3, 5; b — for 4

в комплексе А. Во-вторых, уплощенный краснофигурный аск имеет сверху рельефное умбонovidное украшение, которое появляется на таких сосудах только с начала IV в. до н. э. и сохраняется до финала существования этой формы в его

третьей четверти (Sparkes, Talcott, 1970. P. 158, 159). В-третьих, солонка с вогнутыми стенками относится к варианту с завышенным дном, получившему повсеместное распространение со второй четверти IV в. до н. э. (Ibid. P. 136).

Комплекс Б

Несколько отличается по составу материалов, но не по хронологии, комплекс Б. В него, в частности, входят краснофигурные ойнохоя и аск, чернолаковые одноручная чаша, две миниатюрные миски и три солонки разных типов.

Краснофигурная ойнохоя (рис. 4, 4) относится к типу 3, по Б. Спарксу и Л. Талькотт, с так называемыми невыраженными плечиками. Ее отличают сравнительно небольшие размеры (высота 23 см), относительно широкое горло, увенчанное трехлепестковым венчиком и плавно переходящее в гладкое тулово, невысокий кольцевой поддон и вертикальная ручка с шиповидным выступом в месте ее крепления к венчику. Аналогичные по форме, но чернолаковые сосуды происходят из раскопок Афинской агоры, где датируются началом IV в. до н. э. (*Ibid.* P. 245, pl. 6, 7, 122, 123). Рисунок нанесен на тулово и ограничен снизу пояском из ов. Насколько можно судить, несмотря на значительные утраты, сюжет не самый распространенный. Лучше всего сохранилась женская фигура (менада), идущая вправо. Тело развернуто фронтально, голова повернута в профиль влево. В левой руке она держит блюдо с фруктами, в правой, отведенной назад, — факел. Волосы собраны на затылке и перевязаны лентой. Левое плечо и рука обнажены, ткань гиматия собрана на правом плече. Слева от нее расположена фигура всадника: юноша верхом на скачущей лошади вправо. Изображение лошади сохранилось очень фрагментарно. Юноша полуобнажен, на левое плечо накинута гиматий, развивающийся за его спиной. На волосах повязана лента. Положение левой руки неясно, в правой — жезл (возможно, тирс, но верхняя часть изображения обломана). Значительная площадь пространства между всадником и менадой утрачена. По отдельным деталям можно предположить, что за передней частью лошади могло помещаться изображение сатира (?) с лирой в руках. Левая часть композиции (за всадником) утеряна полностью.

Представленные на рисунке атрибуты очень характерны для дионисийских празднеств. Однако появление на них всадника на лошади не вполне типично. Близкие сюжеты с юношей на лошади, но в сопровождении флейтиста и юноши с факелом, известны на аттических колоколовидных кратерах из Италии конца V — первой четверти IV в. до н. э. (*Landolfi*, 2000. P. 84, 85, fig. 18–20).

От второго краснофигурного сосуда сохранился только небольшой фрагмент нижней части (рис. 4, 5). Тем не менее мы можем совершенно

определенно утверждать, что это аск уплощенной формы, украшенный так называемым язычковым орнаментом: на щитке от центра расходятся лучи, обычно ограниченные сверху овами (эта часть утрачена). Для таких сосудов характерно узкое, смещенное относительно центра горло с сильно отогнутым наружу венчиком, а также тулово, сходящееся на конус, с рельефным умбовидным завершением щитка, и дисковидный поддон диаметром 8,5 см. Примеров подобных изделий много, и датируются они в довольно широком хронологическом диапазоне: от первой до третьей четверти IV в. до н. э. (подробнее: *Егорова*, 2022. С. 169). Прямые аналогии можно найти в одном из комплексов тризн кургана Госпитальный (*Там же*. С. 208, 209, № 96, 97).

Некоторые чернолаковые изделия типологически близки описанным выше сосудам из комплекса А первой четверти IV в. до н. э. Одноручная чаша (рис. 5, 1) имеет аналогии в некрополе Аполлонии (рис. 3, 2–5); две миниатюрные миски (рис. 5, 2, 3), несмотря на незначительные в данном случае отличия в деталях, очевидно синхронны миске № 619 (рис. 4, 1), поскольку также относятся к финалу варианта *later and light*. Помимо общих характерных для миниатюрных мисок этого времени черт им есть прямые аналогии в том же кургане Госпитальный (*Там же*. С. 190, 191, 49, 50).

Солонки с вогнутыми стенками (рис. 5, 4, 5), обычно датируемые в широких временных рамках (вторая–третья четверти IV в. до н. э.), до деталей повторяют форму двух аттических солонок из погребений около 380 г. до н. э. в некрополе Аполлонии (*Riapov, Damyanov*, 2010. P. 223, pl. 102, b, c). Несколько выбивается из общего хронологического ряда солонка на кольцевом поддоне (рис. 5, 6), размеры которой не значительно, но все-таки больше средних стандартов: диаметры венчика — 7,4 см, поддона — 4,5 см; высота — 3 см. У нее загнутый внутрь заостренный край, довольно ровные стенки с небольшим утолщением в верхней трети и низкий кольцевой поддон с желобком на подошве. Ближайшие аналогии происходят из раскопок Афинской агоры, некрополя Зоны, из коллекции музея Вюрцбурга и др. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 302, fig. 9, 946–949; *Rotroff*, 1997. P. 347, fig. 65, 1075; *Kotitsa*, 1998. S. 17, № 14; *Нлипоπούλου*, 2015. P. 91; и др.) и датируются серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. Однако стоит отметить, что такие солонки представлены и в кургане Госпитальный с материалами в том числе второй четверти IV в. до н. э. (*Егорова*, 2022. С. 201, 202). Учитывая, что в это время подобная форма уже появляется в Аттике, хотя и с более

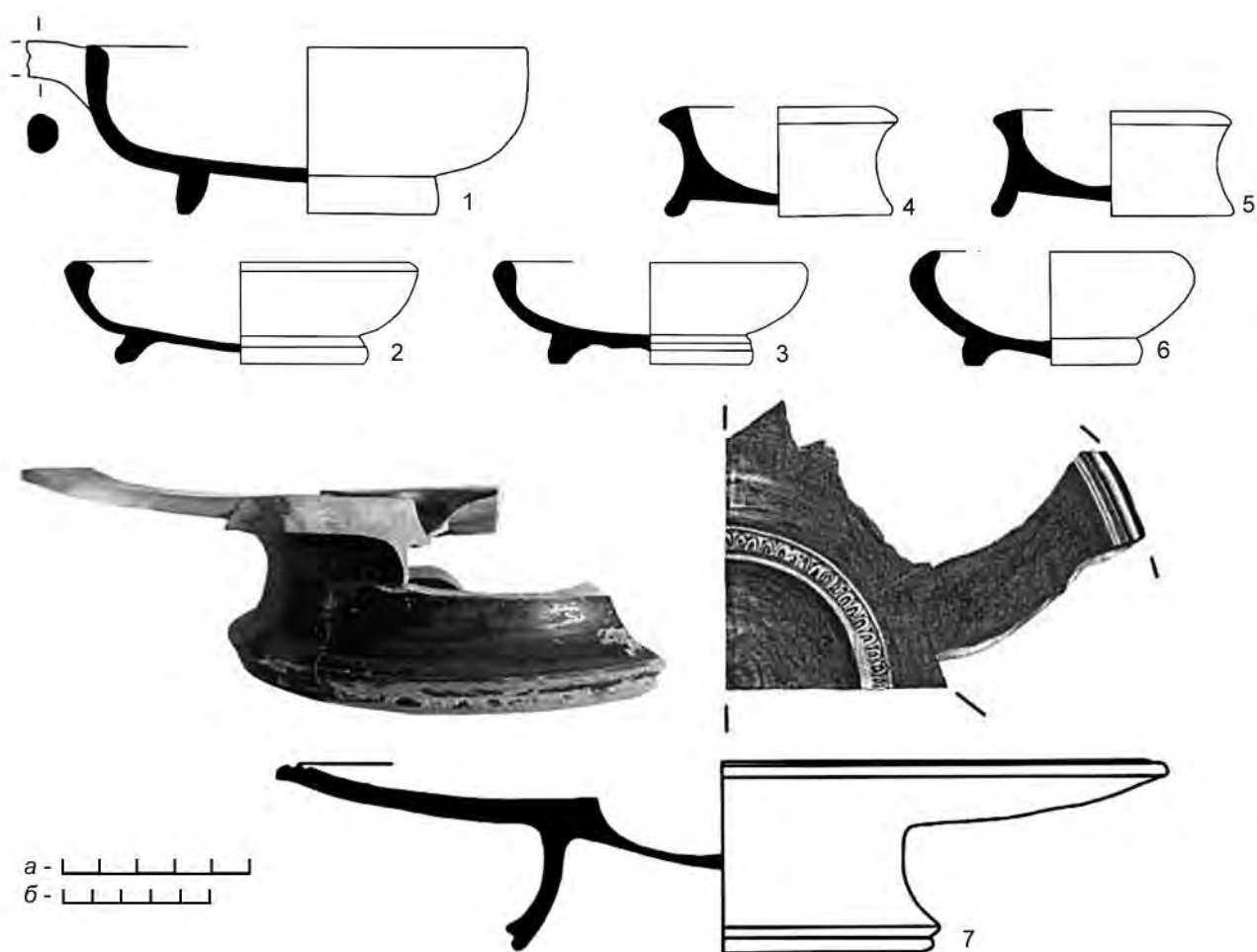

Рис. 5. Фанагория. Юго-Восточный некрополь. Курган 1. Чернолаковая керамика из комплекса Б: 1 — одноручная чаша (ПО № 646); 2, 3 — миниатюрные миски «later and light» (ПО № 644, 645); 4, 5 — солонки с вогнутыми стенками (ПО № 641, 642); 6 — солонка на кольцевом поддоне (ПО № 643); из комплекса В: 7 — рыбное блюдо (ПО № 648). Масштаб: а — для 1–6; б — для 7

Fig. 5. Phanagoria. South-Eastern necropolis. Barrow 1. Black-slipped ware from complex Б: 1 — one-handled bowl (ПО № 646); 2, 3 — miniature bowls of type “Later and Light” (ПО № 644, 645); 4, 5 — saltcellars with incurved walls (ПО № 641, 642); 6 — saltcellar on a ring base (ПО № 643); complex В: 7 — fish plate (ПО № 648).

Scale: а — for 1–6; б — for 7

массивным поддоном (Егорова, 2017. С. 84), возможно, стоит рассмотреть вопрос о более раннем датировании и этого варианта.

Комплекс В

Из комплекса В происходит лишь рыбное блюдо (рис. 5, 7) на высоком слегка отогнутом наружу кольцевом поддоне, декорированное по краю сосуницы аккуратными овами. Подобного рода основания блюд характерны для начального этапа их производства — от рубежа V–IV до конца первой четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 148). Близкий по форме, хотя и не идентичный экземпляр из некрополя Аполлонии датируется

по контексту 390–380 гг. до н. э. (Riarov, Damyanov, 2010. P. 242, pl. 114, e).

Таким образом хронологический разброс находок в основном укладывается в пределы конца первой — второй четверти IV в. до н. э. с незначительным числом отклонений в ту или иную сторону. Причем если более ранние даты можно связать с продолжительностью использования этих сосудов до попадания в погребения, то поздние — с длительностью существования самих форм в более-менее неизменном виде и, соответственно, с их широкими временными рамками. Самые поздние экземпляры с наиболее обоснованной датировкой из комплекса А относятся

к 60–50-м гг. IV в. до н. э., что дает нам *terminus post quem* для времени его формирования. Тем же временем, учитывая переключку материалов, можно предположительно датировать и комплекс Б, хотя временные границы находок из него несколько шире. Комплекс В, несмотря на скудность данных, очевидно, не мог сформироваться ранее первой четверти IV в. до н. э.

В целом можно отметить, что набор краснофигурных и чернолаковых сосудов из трех рассмотренных погребений имеет близкие параллели в отношении ассортимента, типологии и хронологии в комплексах тризн и кремаций курганов, расположенных в окрестностях Пантикапея, и в некрополе Нимфея, а также прямые аналогии в материалах из некрополя Аполлонии.

- Вдовиченко, 2008 — Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь: Сонат, 2008. 352 с.
- Вдовиченко, Жесткова, 2011 — Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // *Stratum plus*. 2011. № 3: Рубежи ойкумены. С. 15–123.
- Егорова, 2017 — Егорова Т. В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.: Типография «НП-Принт», 2017. 145 с.
- Егорова, 2022 — Егорова Т. В. Краснофигурная и чернолаковая керамика. Каталог-приложение // *Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курган Госпитальный*. М.: ИА РАН, 2022 (МСАИ; Т. 28). С. 163–209.
- Завойкин и др., 2016 — Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 4 / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2016 (Материалы по археологии и истории Фанагории; Вып. 2). С. 110–207.
- Монахов, Rogov, 1990 — Монахов С. Ю., Rogov Е. Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // *Античный мир и археология*. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. Вып. 8 / Отв. ред. Ю. В. Андреев, В. Г. Борухович. С. 122–151.
- Rogov, Тункина, 1998 — Rogov Е. Я., Тункина И. Н. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // *АВ*. 1998. Вып. 5. С. 159–175.
- Соловьев, 2003 — Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 212 с.
- Сударев, 2004 — Сударев Н. И. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н. э. Типы и хронология // *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы междунар. науч. конф.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Т. 1. С. 208–219.
- Сударев, 2010 — Сударев Н. И. Ч. XI. Религия. Погребальные обряды. Гл. 2. Некрополи и погребальные обряды // *Античное наследие Кубани*. М.: Наука, 2010. Т. II / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. С. 418–472.
- Циммерман, 1979 — Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // *Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху* / Отв. ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора, 1979. С. 59–92.
- Чистов, 1999 — Чистов Д. Е. Строительный комплекс второй четверти IV в. до н. э. из Мирмекия // *Археология и история Боспора*. Т. III / Гл. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 1999. С. 161–172.
- Ягги, Лазенкова, 2012 — Ягги О., Лазенкова Л. Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н. э. // *Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция расписной керамики*. Киев: Мистецтво, 2012. Т. IV. 344 с.
- Beazley, 1963 — Beazley J. D. *Attic Red-Figure Vase-Painters*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1963. 844 p.
- Blondé, 2007 — Blondé F. *Les céramiques d'usage quotidien à Thasos au IVe siècle avant J. C.* Athens: École Française d'Athènes, 2007 (Études Thasiennes; Vol. XX). 198 p.
- Clairmont, 1959 — Clairmont Ch. *Greek Pottery from the Near East, II. Black Vases* // *Beritus. Archeological studies*. Vol. XII / Ed. H. Ingholt. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1959. P. 1–34.
- Damyano, 2017 — Damyanov M. *Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005)* // *Nessebar*. 2017. № 4. P. 86–100.
- EIrashe, 2002 — EIrashe F. M. *Import of Post-Archaic Greek Pottery into Cyrenaica: From the end of Archaic to the beginning of the Hellenistic period*. Oxford: Archaeopress, 2002 (BAR; 1022). vi + 329 p.
- Garsia Cano, Page Del Pozo, 2000 — Garsia Cano J. M., Page Del Pozo V. *La ceramica atica de la necropolis del Castillejo de los Banos (Fortuna, Murcia)* // *La céramique attique du IVe s. an Méditerranée Occidentale* / Ed. Brigitte Sabbatini. Naples: Centre Jean Bérard, 2000. P. 159–166.
- Giudice et al., 1992 — Giudice F., Tusa S., Tusa V. *La collezione archeologica del Banco di Sicilia*. Palermo: Edizioni Guida, 1992. 381 p.
- Ηλιοπούλου, 2015 — Ηλιοπούλου Σ. *Αρχαία Ζώνη IIIA. Το νεκροταφείο-Ταφικά έθιμα και πρακτικές*. Komotini: Αθηναϊς Ο.Ε. Θάνος Βαφειάδης, Product Manager, 2015. 184 p.
- Jehasse, 1981 — Jehasse L. *La céramique attique à vernis noir de Kition de la fin du VI à la fin du IV siècle avant J. C.* // *Excavations at Kition. IV. Non-Cypriote Pottery*. Nicosia: Printco Ltd., 1981. P. 75–100.

- Knigge*, 2005 — *Knigge U.* Der bau Z. München: Hirmer, 2005 (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen; Bd. XVII). 266 S.
- Kotitsa*, 1998 — *Kotitsa Z.* Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Würzburg: Ergon, 1998. 168 s.
- Kunze-Götte et al.*, 1999 — *Kunze-Götte E., Tancke K., Vierendeis K.* Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts. München: Hirmer, 1999 (Kerameikos: Ergebnisse der Ausgrabungen / Deutsches Archäologisches Institut; Bd. VII). 180 S.
- Κωτιτσα*, 2019 — *Κωτιτσα Ζ.* Εργαστήρια και χρονολόγηση των αρυβαλλοειδών ληκύθων με ανθέμιο από το βόρειο νεκροταφείο της Πύδνας // Τῷ διδασκάλῳ. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη / Eds. N. Ακαμάτης, Α. Βουβουλής, Α. Λαφτσιδης, Ν. Πουλακάκης. Θεσσαλονίκη, 2019. P. 209–223.
- Landolfi*, 2000 — *Landolfi M.* Il Pittore di Filottrano e la tarda ceramica attica a figure rosse nel Piceno // La céramique attique du IVe s. an Méditerranée Occidentale / Ed. Brigitte Sabattini. Naples: Centre Jean Bérard, 2000. P. 77–92.
- Madau*, 2000 — *Madau M.* La ceramic atica di Tharros: le nuove stratigrafie dalla citta fenicia del Sinis // La céramique attique du IVe s. an Méditerranée Occidentale / Ed. Brigitte Sabattini. Naples: Centre Jean Bérard, 2000. P. 99–104.
- McPhee, Trendall*, 1987 — *McPhee I., Trendall A. D.* Greek Red-Figured Fish-plates. Basel: Vereinigung der Freunde antiker Kunst, 1987. 176 p.
- Moore*, 1997 — *Moore M. B.* Attic red-figured and white-ground pottery. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XXX). 419 p.
- Рiapов, Дaмьянов*, 2010 — *Рiapов A., Дaмьянов M.* Les céramiques à vernis noir // Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.-C.). Fouilles franco-bulgares (2002–2004). BIAMA, 2010. Vol. 5. P. 193–228.
- Rotroff*, 1997 — *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XXIX). 575 p.
- Sparkes, Talcott*, 1970 — *Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B. C. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XII). 472 p.

Painted and black-figure ware from three complexes at kurgan 1 of the South-Eastern necropolis of Phanagoria

T. V. Egorova, N. I. Sudarev³

Keywords: Bosphoran Kingdom, Phanagoria, necropolis, cremation, painted and black-figure ware.

At kurgan 1 at the south-eastern area of the necropolis of Phanagoria, three burial complexes (A, B and B) with cremation rite have been discovered (Fig. 1). From complex A, five red-figure and 13 black-slipped vessels of Attic and pseudo-Attic manufacture were retrieved (Fig. 2; 3; 4, 1–3). Of most interest is a red-figure fish plate on the plane of which five large, two smaller fishes and a crab in the central depression are depicted (Fig. 2, 2). In terms of the style of the representation, the latter can be attributed to the circle of the “Upsala painter” and dated to the end of the first quarter of the 4th cen. BC. To the end of the first – second quarter of the 4th cen. BC are dated an askos with the figure of a running hare and Eros on the bezel (Fig. 2, 3), aryballic lekythoi (Fig. 2, 4, 5) and one-handled bowls (Fig. 3, 1–9). It is the most numerous group among the black-slipped ware under consideration. Of the two bowls with an outturned edge, one (Fig. 3, 11), judging through the similarity of the stamp, may have provenance from the same or a similar workshop where the vessels found at the necropolis of Apollonia had been manufactured. Of note is the find of a small black-slipped vessel (Fig. 4, 3) typologically close to the Attic mugs. While the classic variant of this ware was manufactured throughout the 5th cen., the mugs differing from it in the body flaring downwards and a massive rim come from horizons of the 360–350 BC.

The composition of complex B includes a red-figure oinochoe of the first quarter of the 4th cen. BC (Fig. 4, 4) with a depiction of a horse rider and a woman running to the right holding a torch and a tray. Datable to within a wider chronological range — from the first to third quarter of the 4th cen. BC — are askoi of a flattened shape with a tongue pattern (Fig. 4, 5), saltcellars (Fig. 5, 4–6), and a single one-handled bowl (Fig. 5, 1). From complex B, only a fish plate on a high outturned ring base of the first quarter of the 4th cen. BC (Fig. 5, 7) has been retrieved.

Many of the black-slipped vessels have direct parallels from among necropoleis of Pantikapaion, Nymphaion and Pontic Apollonia.

³T. V. Egorova — Lomonosov Moscow State University; 27 Pr. Lomonosova, Moscow, 119192, Russia; e-mail: tvegorova@yandex.ru. N. I. Sudarev — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow, 117292, Russia; e-mail: sudarev@list.ru.

Комплекс чернолаковой керамики из Старотитаровского кургана на Таманском полуострове¹

Н. Ю. Лимберис²

Аннотация. Статья посвящена атрибуции и хронологии чернолаковой керамики из кургана, раскопанного в 1982 г. Комплекс включает кубковидные канфары, арибаллические лекифы, лекиф класса Талькот, краснофигурный аск, миниатюрные миски и солонки, рыбное блюдо, тарелку и часть краснофигурного кратера. Совокупная датировка сосудов не выходит за рамки второй четверти — середины IV в. до н. э. (за исключением рыбного блюда начала столетия), что в общем подтверждается хронологией амфорных клейм из кургана.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, курган, чернолаковая керамика, атрибуция, хронология.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-208-219

В 1982 г. экспедицией Таманского отдела Краснодарского музея под руководством О. В. Богословского³ был раскопан курган у станицы Старотитаровской, в котором исследовано 14 объектов, включая ограбленное в древности основное погребение. В западной поле кургана было открыто несколько тризн, развал амфор, ненарушенное впускное погребение, а также два захоронения лошадей. В восточной поле находилось еще одно впускное погребение, ограбленное в древности, от которого сохранились только череп и два фрагмента стенок амфор. В основном погребении (объект 14), в грабительском выбросе из него (объект 5), в уцелевшем впускном погребении 1 (объект 9) и трех тризнах (объекты 4, 7, 10) была обнаружена чернолаковая керамика (Богослов-

ский, 1982. С. 5–23). Часть сосудов из этого памятника (в основном представленных в экспозиции) вошла в каталог аттической керамики из Таманского музея (Morgan, 1999).

В двух объектах кургана были найдены кубковидные канфары стандартного варианта с формованным венчиком (*Cup-kantharoi: moulded rim*), производство которых в Аттике началось между 390–380 гг. до н. э. и продолжалось до конца столетия (Sparkes, Talcott, 1970. P. 118; Rotroff, 1997. P. 87). В Северном Причерноморье бытование таких сосудов («канфаровидных киликов»), судя по датированным комплексам, ограничивается второй–третьей четвертями IV в. до н. э. (Рогов, Тункина, 1998. С. 168; Рогов, 2011. С. 117; Полин, 2014. С. 490).

У фрагментированного канфара из объекта 5 (грабительский выброс из основного погребения) утрачены поддон и одна ручка, от второй сохранилась средняя часть одного ствола с перегибом. Венчик массивный, нависающий, полый. Лак снаружи местами обожжен до красного. Глина светлая, мелкозернистая. Восстановленная высота — около 9,0 см, диаметр устья — 11,5 см, диаметр по нижнему краю венчика — 12,3 см, диаметр тулова — 9 см (рис. 1, 8)⁴.

Второй сосуд из объекта 7 (тризны основного погребения) был склеен и полностью реставрирован.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00134).

² Кубанский государственный университет; ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия; e-mail: limberis2@mail.ru.

© Лимберис Н. Ю., 2023.

³ Благодарю О. В. Богословского за возможность обработать материал из исследованного им памятника, а также И. Н. Богословскую, разрешившую опубликовать авторский рисунок краснофигурного кратера, и заведующую фондами Таманского музейного комплекса Э. Р. Устаеву за предоставленные фотографии сосудов.

⁴ Описание всех сосудов из кургана сделаны по тексту и рисункам из отчета О. В. Богословского.

Венчик такой же, как у предыдущего сосуда, но сплошной. На дне внутри частично сохранился штампованный орнамент из четырех (или более?) пальметт в круге из насечек. Глина мелкозернистая, обжиг неровный, серый. Лак черный, блестящий. Высота — 9,0 см, диаметр тулова — 9,0 см, диаметр устья — 11,5 см, диаметр венчика по нижнему краю — около 12,0 см, диаметр ножки — 6,0 см (рис. 1, 9). Из этого же объекта происходит и маленький фрагмент полого венчика от аналогичного сосуда.

Как видим, канфары практически идентичные, а в их морфологии четко прослеживаются признаки сосудов второй четверти — середины IV в. до н. э. Нижняя часть приземистая и округленная, стенки верхней части довольно сильно вогнуты. Венчик массивный, скошенный, по диаметру больше тулова. Высота верхней части сосуда («горла») равна высоте тулова с ножкой. Ручки подняты до уровня венчика или выше. Ножка без выделенного ствола или перехвата, сильно выпуклая. Дно снизу гладкое — без выступа. Орнамент обычный — соединенные или крестообразно расположенные пальметты внутри круга из насечек (*Sparkes, Talcott, 1970. P. 118, nos. 658–661*). Отношение наибольшего диаметра тулова к общей высоте сосуда (коэффициент) равно 1, а если за максимальную величину брать диаметр венчика, то более 1,2. Такие пропорции характерны для канфаров второй–третьей четвертей IV в. до н. э. (*Егорова, 2017. С. 43, № 73, 74*). Большая серия сосудов, аналогичных по пропорциям и орнаменту старотитаровским экземплярам, происходит из комплексов степной части Скифии, датируемых, главным образом, второй четвертью столетия (*Полин, 2014. С. 490*).

К объекту 4 («очагу» в западной поле кургана) относится фрагмент нижней части кубковидного канфара (*Cup-kantharos*) на формованном поддоне, профилированном двумя глубокими бороздками, без ствола, скорее всего, стандартного варианта (*Plain rim, standart*). Изнутри сохранились две пальметты (вероятно, из четырех, расположенных крестообразно) в двойном круге широких насечек. На дне снизу — конический выступ, на подошве — тонкая бороздка в цвете глины. Глина светлая, мелкозернистая. Диаметр поддона — 5 см (рис. 1, 7).

Ранние экземпляры аттических сосудов этого варианта относятся ко второй четверти IV в. до н. э., а поздние датируются началом эллинистического периода. «Трехступенчатая» ножка старотитаровского сосуда обнаруживает заметное

сходство с ножками кубковидных канфаров с низким выделенным ребром горлом (*Squat rim*) второй–третьей четвертей столетия (*Sparkes, Talcott, 1970. P. 120*), отличаясь отсутствием ствола. Близкие по профилировке ножки экземпляры хранятся в ГМИИ, а также найдены при раскопках Госпитального кургана в Керчи и датируются временем около середины IV в. до н. э. (*Егорова, 2017. С. 44, № 76, 77; 2022. С. 175, № 11*).

Из этого же объекта 4 происходит небольшой фрагмент поддона чашевидного скифоса (*Cup-skyphos*) с частично сохранившимся внутри штампованным орнаментом из близко расположенных пышных пальметт, окруженных овами. Поддон профилирован бороздкой и острым ребром, подошва округлена. Глина красная, мелкозернистая. Восстановленный диаметр поддона — около 6,5–7,0 см, высота — 1,8 см (рис. 1, 6).

Судя по небольшой толщине дна и придонной части — 2–3 мм, этот фрагмент принадлежал тонкостенному сосуду (*Light wall*), производство таких сосудов продолжалось в Аттике довольно длительное время — с третьей четверти V в. до н. э. по вторую четверть следующего столетия. Хотя после 375 г. до н. э. они встречаются редко (*Sparkes, Talcott, 1970. P. 110, 111*). Вероятно, этот сосуд, как и аналог ему из некрополя Панское I, следует датировать второй четвертью IV в. до н. э. По наблюдению исследователей, поступление сосудов этой формы в Северное Причерноморье прекращается около середины IV в. до н. э. (*Рогов, Тункина, 1998. С. 163, 165, № 68*), а последние разработки показывают, что вряд ли их нужно датировать позднее начала второй четверти столетия (*Полин, 2014. С. 274–376*).

В пяти комплексах были встречены арибаллические лекифы (*Squat lekythoi*): сетчатые и с краснофигурной пальметтой, почти все во фрагментированном состоянии (рис. 2). Обе разновидности арибаллических лекифов относятся к массовой продукции, чрезвычайно востребованной на Боспоре, и весьма характерны для памятников Таманского полуострова (*Morgan, 1999. P. 43, 44; Лимберис, Марченко, 2014. С. 104, 105; Устаева, Журавлев, 2010. Рис. 46*). Их появление в Северном Причерноморье относят к первой четверти IV в. до н. э., а период широкого распространения приходится на вторую–третью четверти столетия, что совпадает по времени с их массовым выпуском и повсеместным применением в погребальном обряде греческих некрополей Средиземноморья (*Robinson, 1950. P. 148–150, 160–162, pl. 105–108; Рогов, Тункина, 1998. С. 173; Рукавишников и др., 2022. С. 55, рис. 46, 48*).

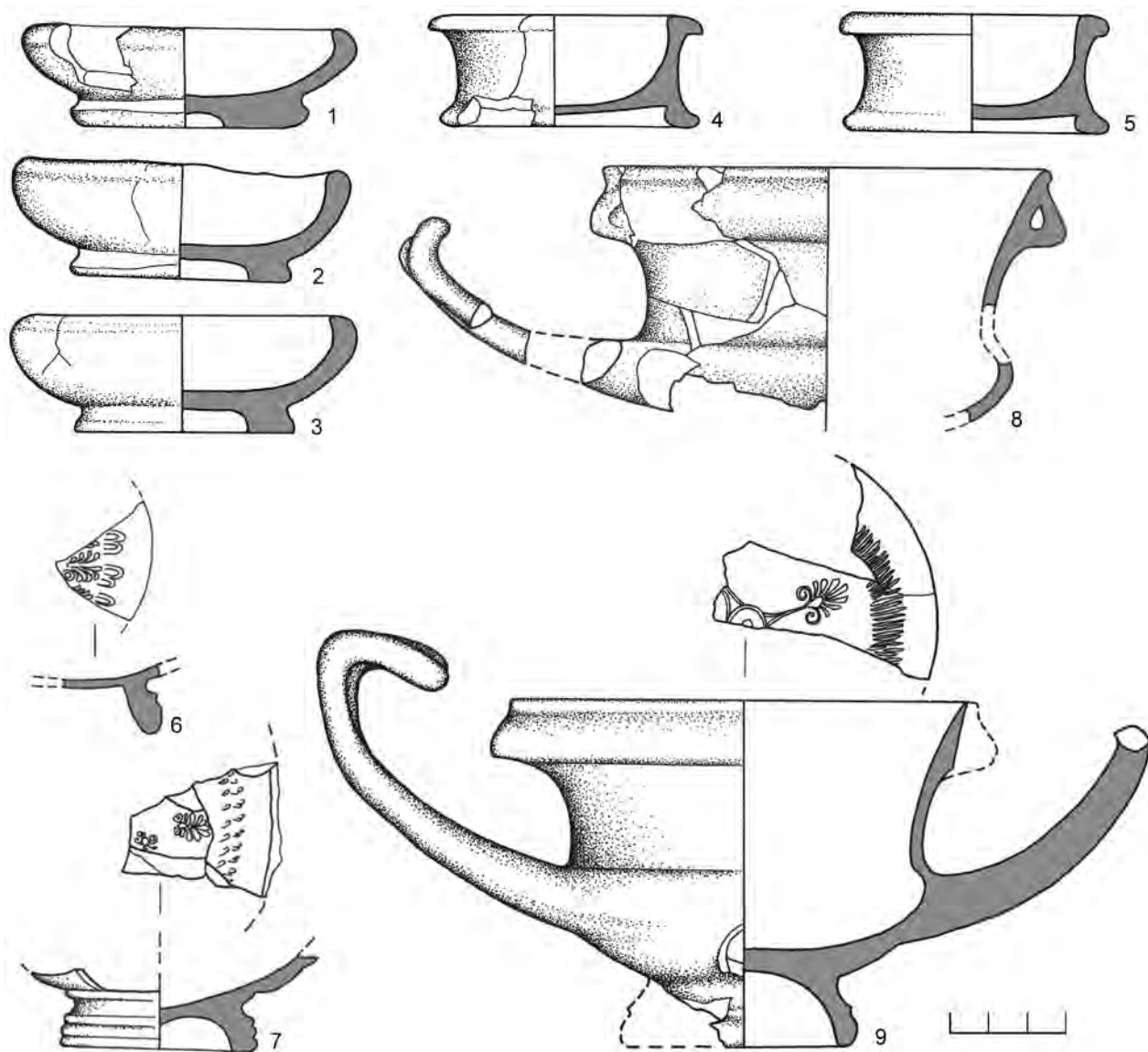

Рис. 1. Чернотаковаемые сосуды из Старотитаровского кургана: 1, 2 — солонки с вогнутыми стенками; 3-5 — чашечки на широком поддоне; 6, 7 — фрагменты поддонов; 8, 9 — кубковидные канфары (1-5, 9 — объект 7; 6, 7 — объект 4; 8 — объект 5)

Fig. 1. Black-glazed vessels from Starotitarovskaya barrow: 1, 2 — saltcellars with concave walls; 3-5 — cups with broad bases; 6, 7 — fragmentary bases; 8, 9 — beaker kantharoi (1-5, 9 — object 7; 6, 7 — object 4; 8 — object 5)

Сетчатые лекифы (*Net-pattern lekythoi*) представлены пятью экземплярами. Единственный целый сосуд происходит из впускного погребения 1 (объект 9). Сетчатый орнамент дополнен белыми точками, на горле — три белые вертикальные полосы. Глина желтая, с мельчайшими блестками слюды, лак буроватый. Высота — 8,0 см, наибольший диаметр тулова — 4,4 см, диаметр венчика — 3,0 см, диаметр поддона — 3,4 см (рис. 2, 10).

К объекту 5, представляющему собой грабительский выброс из основного погребения, относится часть тулова довольно крупного лекифа (рис. 2, 8) с пробитым в древности дном (диаметр поддона — 4 см).

В основном погребении (объект 14) были найдены части трех лекифов (без горла) из красной и оранжевой глины, разного размера:

— нижняя часть тулова на поддоне (рис. 2, 5), белые точки расположены на пересечении полос

Рис. 2. Чернолаковые лекифы из Старотитаровского кургана: 1-3 — горлышки; 4, 5, 7, 8, 10 — сетчатые лекифы; 6, 9, 11 — лекифы с краснофигурной пальметтой (1, 2, 4, 5, 7 — объект 14; 3 — объект 4; 6, 9, 11 — объект 7; 8 — объект 5; 10 — объект 9)

Fig. 2. Black-glazed lekythoi from Starotitarovskaya barrow: 1-3 — throats; 4, 5, 7, 8, 10 — net lekythoi; 6, 9, 11 — lekythoi with a red-figure palmette (1, 2, 5, 7 — object 14; 3 — object 4; 6, 9, 11 — object 7; 8 — object 5; 10 — object 9)

сетки (диаметр тулова — 4,0 см, диаметр поддона — 3,5 см);

— половина тулова на поддоне (рис. 2, 7), точки вверху расположены в два ряда, на остальной части — беспорядочно (диаметр тулова — 3,8 см, диаметр поддона — 2,7 см);

— придонная часть тулова (рис. 2, 4) с отверстием в дне (диаметр тулова — 4 см, диаметр поддона — 5 см).

По-видимому, двум из этих лекифов принадлежат горло со скошенным валикообразным венчиком диаметром 2,6 см (рис. 2, 2) и плоский венчик с выступающей внутрь закраиной диаметром 3,2 см (рис. 2, 1).

Лекифы с сетчатым орнаментом относят к миниатюрным сосудам группы Буласа (Morgan, 1999. P. 43, 44; Morgan, Arafat, 2001. P. 380; Вдовиченко, Ермолин, 2005. С. 42, рис. 5, 18; Вдовичен-

ко, Турова, 2006. С. 42; Вдовиченко и др., 2019. С. 50). Наиболее ранними на Боспоре считаются экземпляры первой половины IV в. до н. э., с дополнительными деталями, выполненными белой краской: вертикальными полосами на горле, разделенными тонкими черными линиями, и пояском из точек на плечиках (Рогов, 2011. С. 122, 123; Егорова, 2009. С. 43, 44). Сетчатые лекифы из Госпитального кургана (с белыми точками, аккуратно расположенными на пересечении лаковых линий), датируются второй четвертью IV в. до н. э., как и лекиф из кургана 2 курганной группы «Цементная слободка I», точки на котором нанесены в произвольном порядке (Егорова, 2022. С. 206, № 90, 91; Егорова, Ильяшенко, 2023. С. 267, рис. 5, 1). Лекифы с горизонтальными рядами пятнышек под горлом были найдены в гробнице 3 Трехбратнего 3-го кургана, которую

в настоящее время обоснованно датируют началом второй четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 281, 282, рис. 216, 7, 8).

Лекифы с краснофигурной пальметтой (*Palmette lekythoi*) связаны с тризной (объект 7), относящейся к основному погребению (объект 14). Таковых 3 экз., глина светлая, черепок тонкий, все фрагментированы:

— верхняя часть сосуда (рис. 2, 11) с горлом и ручкой (диаметр венчика — 3,0 см, высота горла — 3,7 см, наибольший диаметр тулова — 4,0 см);

— нижняя часть тулова (рис. 2, б) на поддоне (диаметр тулова — 5,5 см, диаметр поддона — 4,5 см);

— тулово с высоким горлом и ручкой (рис. 2, 9), придонная часть с ножкой утрачена (сохранившаяся высота — 12,0 см, наибольший диаметр тулова — 6,8 см, высота горла — 5,4 см, диаметр венчика — 3,5 см).

Форма лекифов и тип пальметты (насколько можно судить по рисункам из отчета), окруженной резервной линией, разорванной сверху центральным листком (Буравчук, 2007. С. 42, рис. 18, А), наиболее характерны для второй–третьей четвертей IV в. до н. э. (Рогов, 2011. С. 122, рис. 71, № 107–115). Два лекифа из Госпитального кургана, аналогичные по форме тулова и рисунку пальметты, имеют конкретные датировки: аттический относится к 360–330 гг. до н. э., псевдоаттический — к 330–320 гг. до н. э. (Егорова, 2022. С. 203, № 84, 88). Редкие, но надежные, параллели лекифам с пальметтой можно привести и из двух меотских памятников Прикубанья, узко датируемых по амфорной таре. Крупный лекиф (высота — 12,5 см) из погребения 252 Прикубанского могильника датируется по амфоре Фасоса конца 390-х — первой половины 380-х гг. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2010. С. 339, № 48; Лимберис, Марченко, 2016а. С. 67, рис. 1, 3; Монахов и др., 2021. С. 34, 35). Второй лекиф, несколько меньших размеров (высота — 10,2 см), обнаружен в погребении 652з могильника Старокорсунского городища 2, хронология которого определяется амфорами Книда и Менды в пределах второй четверти IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2016а. С. 7, рис. 1, 8; 2016б. С. 78, 79, 81, 83, рис. 2, 3, 4).

В одной из тризн (объект 4) в западной поле кургана, вместе с описанными выше поддонами чашевидных скифоса и канфара второй четверти IV в. до н. э., было найдено горло лекифа (рис. 2, 3) с округленным отогнутым венчиком (высота — 3,0 см, диаметр венчика — 2,5 см). Плавная профилировка горла встречается у арибаллических

лекифов второй–третьей четвертей столетия (Рогов, 2011. С. 122, 123, рис. 71, № 115, 125, 126).

К тризне основного погребения (объект 7) относится и парфюмерный сосуд, или лекиф, класса Талькот (*Talcott Class*), отличительным признаком которого является широкое углубленное устье — чашевидное или с вертикальным бортиком. Венчик старотитаровского сосуда оформлен бортиком высотой 1,2 см. Горло узкое, с вогнутыми стенками, основание выделено слабым ребром. Ручка в сечении прямоугольная, отходит от венчика и крепится к плечу. Тулово округлое. На стыке поддона с туловом — бороздка в цвете глины. Такая же кольцевая бороздка — на дне снизу. Лак блестящий иссиня-черный. Глина красная мелкозернистая, без видимых включений. Утрачены фрагмент нижней части тулова и верхняя половина ручки. Высота — 9,5 см, диаметр венчика — 7,4 см, наибольший диаметр тулова — 7,3 см, диаметр дна — 5,1 см (рис. 3, 1).

Судя по форме тулова, такие сосуды, предположительно, связаны своим происхождением с арибаллическими лекифами конца V в. до н. э., получившими широкое устье для слива внутрь остатков жидкости (Sparkes, 1977. P. 21–23). По классификации Б. А. Спаркса старотитаровский лекиф соответствует аттической серии А7–А13, куда отнесены сосуды с узким вертикальным венчиком (*Ibid.* P. 12–14). Один из них (предположительно из Керчи), начала IV в. до н. э., хранится в Эрмитаже в коллекции Новикова (*Ibid.* P. 14, А8, pl. 7, 2). Близки и сосуды другой производственной серии, А14–А20, с массивным, широким венчиком с округленным краем, в том числе и фрагменты из раскопок Афинской агоры 375–350 гг. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 162, 163, nos. 1203, 1204; Sparkes, 1977. P. 14, 15, А14–А20). В каталоге К. Морган старотитаровский сосуд также отнесен к началу IV в. до н. э. (Morgan, 1999. P. 37, 38, no. 77, pl. 15).

Чернолаковые сосуды этого класса, как аттического производства, так и других центров, хранящиеся в разных музеях мира, редко связаны с документированными комплексами. Сосуд, идентичный старотитаровскому (вплоть до размеров), происходит из уже упомянутого меотского погребения с амфорами Книда и Менды, в котором совместно были найдены лекиф с пальметтой и стеклянная «ахеменидская» чаша (Лимберис, Марченко, 2016а. С. 67, рис. 1, 9; 2016б. С. 78, 82, 83, рис. 1–3; Монахов и др., 2022. С. 32–34). На Боспоре же, кроме Старотитаровского кургана, известен еще только один закрытый комплекс с сосудом этого типа — тризна кургана 2

Рис. 3. Чернлаковые сосуды из Старотитаровского кургана: 1 — лекиф класса Талькот; 2 — аск краснофигурный; 3 — тарелка; 4 — рыбное блюдо (1, 2, 4 — объект 7; 3 — объект 10). Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3, 4

Fig. 3. Black-glazed vessels from Starotitarovskaya barrow: 1 — lekythos of the Talcott class; 2 — red-figure askos; 3 — plate; 4 — fish plate (1, 2, 4 — object 7; 3 — object 10). Scale: a — for 1, 2; b — for 3, 4

курганной группы «Цементная слободка I», относящейся к некрополю Пантикапея IV–III вв. до н. э. на мысе Ак-Бурун. Время изготовления сосуда было определено исследователями рубежом первой/второй четверти или второй четвертью IV в. до н. э., а датировка комплекса отнесена ко второй четверти столетия, ближе к ее началу (Егорова, Ильяшенко, 2023. С. 270, 271, рис. 7, 5). Однако этот сосуд отличается от старотитаровского

не только чашевидным устьем и отсутствием горла, но и грушевидной формой тулова.

Из тризны основного погребения происходит также мелкий краснофигурный аск (*Shallow askos*) с умбоном в центре щитка. У сосуда отсутствуют половина ручки и фрагмент нижней части тулова. Орнамент в верхней части — лавровая ветвь с точками-плодами между листьями. Центральный умбон окружен двумя парами желобков и

пояском из ов между ними. Дно на низком кольцевом поддоне оставлено в цвете глины. Высота с ручкой — 10,4 см, высота тулова — 4,6 см, наибольший диаметр тулова — 9,5 см, диаметр дна — 8,5 см, диаметр горла — 2,2 см, диаметр венчика — 5 см (рис. 3, 2).

К. Морган датировала этот сосуд примерно 380–330 гг. до н. э. (*Morgan*, 1999. Р. 36, 37, no. 75, pl. 14a, 14b). В своде краснофигурной керамики из раскопок Афинской агоры аски с лавровой ветвью отсутствуют, но в Олинфе есть несколько экземпляров (*Robinson*, 1933. Р. 172, 173, pl. 140, nos. 401, 403, 404, 407). Аналогичный сосуд был найден в царской гробнице в Вергине (*Andronicos*, 1984. Р. 156, 159, no. 122), имеющей точную хронологическую привязку — 336 г. до н. э. В Северном Причерноморье аски с лавровой («оливковой») ветвью обычно датируют первой половиной IV в. до н. э. (*СВА*, 2003. Pl. 65, nos. 1–3, 5; *Вдовиченко, Ермолин*, 2005. С. 43, рис. 5, 2; *Вдовиченко и др.*, 2019. С. 35, 100, № 243–247).

В тризне основного погребения (объект 7) были найдены три миниатюрные миски/чашечки с загнутым краем (*Small echinus bowls*):

— край довольно резко загнут, приострен, поддон очень широкий (рис. 1, 1), подошва в цвете глины, конический выступ снизу, изнутри — четыре штампованные пальметты в круге из насечек (высота — 2,5 см, диаметр венчика — 8,0 см, диаметр поддона — 6,1 см, ширина подошвы — 1,3 см);

— край слегка загнут, утолщен и округлен (рис. 1, 2), подошва и нижняя сторона дна — в цвете глины, на подошве и дне снизу — концентрические круги с точкой в центре (высота — 3,0 см, диаметр венчика — 8,3 см, диаметр поддона — 5,7 см, ширина подошвы — 1,0 см);

— край плавно загнут, заострен, поддон с выступающей закраиной (рис. 1, 3), подошва и желобок на стыке поддона с туловом — в цвете глины (высота — 3,0 см, диаметр венчика — 8,0 см, диаметр поддона — 5,5 см, ширина подошвы — 1,1 см).

Все чашечки учтены в каталоге К. Морган, а их общая хронология определена от второй половины/конца IV — до первой половины III в. до н. э. (*Morgan*, 1999. Р. 32, 33, 35, nos. 57, 59, 67). Но так как исследовательница видела эти сосуды только на музейной витрине, она не смогла рассмотреть некоторые детали, в частности, форму поддона, поэтому ей не удалось точно определить тип этих сосудов, в результате чего предлагаемая хронология нуждается в корректировке.

Чашечки из этой тризны имеют довольно массивный кольцевой поддон с ровной широкой подошвой и должны быть отнесены к варианту *broad base*. Такие миниатюрные миски на широком поддоне были популярнейшей формой, производившейся в Аттике с IV в. до н. э. примерно до середины следующего столетия (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 135; *Rotroff*, 1997. Р. 165). У всех сосудов из Старотитаровского кургана оставлены не окрашенные лаком участки (желобки на стыке поддона со стенкой, подошва поддона). Эти признаки указывают на принадлежность чашечек к ранней серии, так как поздние, то есть эллинистические, сосуды полностью, включая нижнюю сторону дна, покрывались лаком. На нижней стороне дна и подошве одного из сосудов — лаковые круги и точка в центре. Такие детали оформления характерны для сосудов архаического и раннеклассического времени. Только один сосуд имеет изнутри штампованный орнамент из четырех пальметт в круге из насечек, использование которого прекратилось где-то к концу IV в. до н. э.

В греко-варварских некрополях Северного Причерноморья и меотских грунтовых могильниках Прикубанья находки чашечек этого типа связаны в основном с погребениями первой–третьей четвертей IV в. до н. э., хотя встречаются они и в более поздних комплексах (*Рогов, Тункина*, 1998. С. 169, № 92; *Егорова*, 2009. С. 37, 38; 2017. С. 79, № 143; *Лимберис, Марченко*, 2017. С. 210–212, рис. 2, 13, 14; 3; *Иванов*, 2020. С. 13, рис. 36, 2; *Монахов и др.*, 2022. С. 31, рис. 39, 2). Концом первой — второй четвертью IV в. до н. э. датируются аналогичные экземпляры из Госпитального кургана (*Егорова*, 2022. С. 193–196, № 58–65).

С этой же тризной (объект 7) связаны две солонки с вогнутыми стенками (*Saltcellars: concave wall*) и углубленным снизу дном (*recessed underside*), напоминающим скрытый кольцевой поддон (рис. 1, 4, 5). Обе солонки имеют валикообразный овально скошенный наружу венчик и такой же формы, как бы «зеркальный», поддон. На подошве поддона одной из солонки имеется слабовыраженный желобок. Обычно такие солонки полностью, включая дно, покрывались лаком (в описании из отчета это не упоминается). Судя по фото в полевом отчете, у одной из солонки не хватает двух фрагментов стенок с венчиком (высота — 3,0 см, диаметр венчика и поддона одинаковый — 6,9 см), а от второй — сохранилась половина (высота — 2,8 см, диаметр венчика — 7,0 см, диаметр поддона — 6,6 см). Позднее сосуды были отреставрированы.

В каталоге К. Морган оба экземпляра датированы примерно в пределах 375–315 гг. до н. э. (*Morgan*, 1999. P. 35, nos. 63, 68), то есть исследовательница ограничила их верхнюю дату временем окончания производства данной формы в Аттике (*Rotroff*, 1997. P. 165, 166). Однако наиболее близкие стандартные экземпляры из раскопок Афинской агоры датируются в пределах второй и третьей четвертей IV в. до н. э. (*Sparkes, Tallcott*, 1970. P. 136, 137, no. 936, 937). Именно к этому периоду относятся аналогичные солонки из Госпитального кургана, кургана 2 «Цементной слободки I» (*Егорова*, 2022. С. 197–199, № 69–77; *Егорова, Ильяшенко*, 2023. С. 269, рис. 7, 4) и многих других погребальных комплексов местного и греческого населения Северного Причерноморья (*Лимберис, Марченко*, 2017. С. 207, 208; *Масленников*, 1995. С. 38, 45, рис. 8, 11; 16, 5; *Монахов и др.*, 2021. С. 56, 80, рис. 78, 2; 120, 3; 2022. С. 50, рис. 62, 1; *Полин*, 2014. С. 463, 464, рис. 393–3, 3–5). По предположению исследователей поступление их в этот регион заканчивается еще до середины IV в. до н. э. (*Рогов, Тункина*, 1998. С. 171), хотя сама форма вроде бы «доживает» до конца столетия. Массовый же материал с античных поселений Северо-Западного Крыма и Крымского Приазовья происходит из культурных слоев третьей четверти IV в. до н. э. (*Егорова*, 2009. С. 38, № 359–371; *Масленников*, 2012. С. 180, 182, табл. 3, рис. 6, 1).

К объекту 7 относится и рыбное блюдо (*Fish plate*) с широким вертикальным краем, опущенным до стыка поддона со стенкой. По верхнему краю венчика и вокруг солонки — узкие желобки в цвете глины, на стыке ножки и стенки — неокрашенная лаком полоса. Ножка прямая, массивная, профилирована желобками в цвете глины и валиком, подошва широкая, плоская, в цвете глины. Внутренняя часть поддона окрашена лаком. Дно снизу — в цвете глины, с концентрическими лаковыми кружками и центральной неокрашенной точкой. Одна сторона блюда деформирована под воздействием высокой температуры. Реставрировано. Высота — 4,2 см, диаметр венчика — 32,6 см, поддона — 16 см (рис. 3, 4).

Блюдо обладает всеми признаками, позволяющими отнести его к раннеклассическому времени. К. Морган сопоставила его с экземпляром из раскопок Афинской агоры, датирующимся примерно 400–375 гг. (*Morgan*, 1999. P. 32, no. 56, pl. 11). Однако приведенный ею образец имеет совершенно непохожий (хоть и профилированный) расходящийся книзу поддон на узком основании (*Sparkes, Talcott*, 1970. No. 1066). Поддон же ста-

ротитаровского блюда сопоставим с широкими формованными поддонами блюд, относящихся примерно к 400–390 гг. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 148, nos. 1064, 1065). Очень близкое типологически блюдо начала IV в. до н. э., практически совпадающее и по размерам, и по оформлению нижней стороны дна со старотитаровским, хранится в собрании ГМИИ (*Егорова*, 2017. С. 91, 92, № 166, рис. 16, табл. 33).

Из зольного пятна в западной поле кургана (объект 10) происходит археологически целая тарелка с плоским валикообразным венчиком (*Plate: rolled rim*) с сильно выступающей наружу закраиной и рельефным валиком снизу. Изнутри в центре — два маленьких кружка, вокруг расположены пять соединенных дугами пальметт и два круга из насечек — широкий и узкий (всего пять рядов). Поддон — с бороздкой на подошве. На дне снизу — слабый выступ в центре. Глина красная, сохранность лака плохая. Высота — 4 см, диаметр венчика — 29 см, диаметр поддона — 22 см (рис. 3, 3).

В своем каталоге К. Морган датировала данную тарелку около 300 г. до н. э., так как ближайшие, по ее мнению, параллели, относятся к самому началу III в. до н. э. (*Morgan*, 1999. P. 70, no. 80, pl. 17). Однако профилировка утолщенного плоского сверху венчика, подчеркнутого снизу валиком, скорее напоминает более ранние тарелки, хотя на венчике и отсутствуют бороздки сверху, унаследованные от предшествующего типа тарелок с желобчатым краем (*Plate: rilled rim*). У эллинистических же тарелок венчик обычно загибается внутрь в виде плавного, заостренного с внутренней стороны валика (*Rotroff*, 1997. P. 144). На наш взгляд, наиболее близкими аналогиями являются тарелки классического времени, датируемые в пределах 375–350 гг. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 147, nos. 1049–1052).

В грабительском выбросе из основного погребения (объект 5) присутствовали фрагменты колоколовидного кратера (*Bell-krater*) с краснофигурной росписью (рис. 4). Сохранилось около половины венчика и одной трети тулова, подставка утрачена. Венчик широкий, отогнутый, слегка нависающий, с верхним и нижним желобками в цвете глины. Под венчиком — лавровая ветвь влево и неровная резервная линия. Ниже — роспись (высотой 17,5 см), представляющая сцену комоса (четыре симпозиаста и женская фигура в центре — флейтистка?). Для росписи использована белая краска (окрашены лицо, шея, руки и стопы женщины, белые пятна в волосах и венках всех изображенных персонажей). Ниже

Рис. 4. Краснофигурный кратер из Старотитаровского кургана: 1 — рисунок И. Н. Богословской; 2 — фото Э. Р. Устаевой

Fig. 4. Red-figure krater from Starotitarovskaya barrow: 1 — drawing by I. N. Bogoslovskaya; 2 — photo by E. R. Ustaeva

рисунка — пояс из квадратов, разделенных косыми крестами с точками, и меандра высотой 2 см. Придонная часть и внутренняя сторона сосуда покрыты блестящим черным лаком с оливковым оттенком. В местах сильного разбавления (пряжи волос на фоне белой краски) лак золотисто-желтый. Диаметр венчика — около 37 см. Этому сосуду принадлежат также два отдельных фрагмента от средней части тулова с остатками краснофигурной росписи.

Колоколовидные кратеры были массовыми изделиями, широко распространенными в античном мире (Sparkes, Talcott, 1970. P. 55). По материалам Афинской агоры — это кратеры типа 2 с ручками (Type 2: bell-krater), выпускавшиеся в Аттике со второй четверти V в. до н. э. и в течение всего IV в. до н. э. Для этого типа, как и для поздних экземпляров кратеров с «ушками» (типа 1), характерна опорная линия из меандров, квадратов с косыми и прямыми крестами с точками или шахматных квадратов. Похожие по стилю росписи фрагменты с изображением фигур в венках с белыми точками и в одеянии с черной каймой датируются первой–второй четвертями IV в. до н. э. (Moore, 1997. P. 33, nos. 473, 477, 480, 481, 495–497). В своем каталоге К. Морган датировала старотитаровский кратер второй–третьей четвертями столетия (Morgan, 1999. P. 28, 29, 36, nos. 52, 71, 72, pl. 7).

Сосуд относится к группе поздних кратеров (L.C. Group), хронология которой обычно ограничивается 360–330 гг. до н. э. Роспись характерна для среднего этапа «керченского стиля»: изображение довольно стройных фигур, женская фигура в длинном хитоне с двойной черной каймой от выреза до подола. Накладная краска употребляется умеренно. Исследователи датируют данный сосуд около середины IV в. до н. э. или точнее — 360–350 гг. (Вдовиченко, 2003. С. 427, 428, № 530; Вдовиченко, Турова, 2006. С. 38, 101, № 89; Устаева, Журавлев, 2010. С. 69, рис. 7⁵). Близкая по сюжету и стилю роспись (предположительно, мастера *Retorted Painter*) — на кратере первой трети IV в. до н. э. из Госпитального кургана (Руквишников и др., 2022. С. 48–50; Егорова, 2022. С. 170, № 1). Подобные кратеры с дионисийскими сценами с одной стороны и эфебами в гиматиях с другой — не редкость в Северном Причерноморье и часто представлены в тризнах (Козуб, 1974. С. 61–63, рис. 19, 1–3; 21, 2; 22; Рогов, Тункина, 1998. С. 160, 161; Вдовиченко, Ермолин, 2005. С. 39, 40).

Что касается большого килика на низкой ножке — чаши типа стемлис «изящного» класса (*Stemless cup: Delicaded class*), фотографии которого

⁵ В этом издании фотография кратера, к сожалению, дана в зеркальном изображении.

опубликованы в каталоге чернолаковой керамики и обзоре коллекции Таманского музея (*Morgan*, 1999. Р. 38, no. 78; *Устаева, Журавлев*, 2010. С. 69, 70, рис. 8), то в полевом отчете О. В. Богословского какие-либо упоминания об этом сосуде, описания и рисунки отсутствуют.

Если говорить о принадлежности поминательных комплексов с чернолаковыми сосудами, то, вероятнее всего, не только объект 7, но и другие тризны, совершенные в центральной части западной половины кургана, были связаны с основным погребением, так как располагались компактной группой с юга от могильной ямы. Впускное же погребение 1 (объект 9) находилось в отдалении, а второе впускное (ограбленное в древности) — в восточной поле, где тризн не было.

Таким образом, набор чернолаковой керамики из тризн Старотитаровского кургана состоял

в основном из сосудов, широко распространенных в памятниках Северного Причерноморья. Изучив амфорные клейма, происходящие из развала амфор в западной поле Старотитаровского кургана (объект 8), С. Ю. Монахов пришел к выводу, что этот комплекс несколько более ранний, чем 8-й Пятибратний курган, который он (как и В. П. Копылов) предлагает датировать второй половиной 350-х — рубежом 350–340-х гг. до н. э. (*Монахов*, 2018. С. 331, 332). Хронология же чернолаковых сосудов из Старотитаровского кургана в целом соответствует второй четверти — середине IV в. до н. э., за исключением рыбного блюда, которое относится к началу столетия. Во многом сходные по составу и близкие по хронологии тризновые комплексы происходят из Госпитального кургана и кургана 2 могильника «Цементная слободка I», расположенных в самом центре Боспорского государства.

Богословский, 1982 — *Богословский О. В.* Отчет археологической экспедиции Таманского отдела по исследованию кургана на землях совхоза «Старотитаровский» и о разведочных работах на поселении у Холдной балки на землях совхоза «Южный» Темрюкского района Краснодарского края в 1982 г. // НОА ИА РАН. Р. 1. Д. 8977.

Буравчук, 2007 — *Буравчук О. Е.* Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея // *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор* / Гл. ред. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк. М.; Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2007. С. 36–59.

Вдовиченко, 2003 — *Вдовиченко И. И.* Керченские вазы // *БИ*. 2003. Вып. III. С. 380–539.

Вдовиченко, Ермолин, 2005 — *Вдовиченко И. И., Ермолин А. Л.* Краснофигурная аттическая керамика из охранных раскопок Пантикапея // *ДБ*. 2005. Т. 8. С. 39–45.

Вдовиченко, Турова, 2006 — *Вдовиченко И. И., Турова Н. П.* Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Симферополь; Керчь, 2006 (БИ; Вып. XIV). 224 с.

Вдовиченко и др., 2019 — *Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И.* Античная расписная керамика Херсонеса Таврического. Из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь: Альбатрос, 2019. 204 с.

Егорова, 2009 — *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 256 с.

Егорова, 2014 — *Егорова Т. В.* Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н. э.

из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // *ДБ*. М.: ИА РАН, 2014. Т. 18. С. 174–195.

Егорова, 2017 — *Егорова Т. В.* Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Научный каталог. М.: ГМИИ, 2017. 203 с.

Егорова, 2022 — *Егорова Т. В.* Краснофигурная и чернолаковая керамика. Каталог-приложение // *Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф.* Курганы Госпитальный. М.: ИА РАН, 2022 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 28). С. 165–209.

Егорова, Ильяшенко, 2023 — *Егорова Т. В., Ильяшенко С. М.* Расписная и чернолаковая керамика из кургана 2 курганной группы «Цементная слободка I» // *Античный мир и археология*. Саратов, 2023. Вып. 21. С. 262–280.

Иванов, 2020 — *Иванов А. В.* Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар: ИП Вольная Н. Н., 2020. 148 с.

Козуб, 1974 — *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V–IV в. до н. э. Киев: Наукова думка, 1974. 184 с.

Лимберис, Марченко, 2010 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // *ДБ*. 2010. Т. 14. С. 322–356.

Лимберис, Марченко, 2014 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Палестрит из окрестностей Фанагории // *Погребальная культура Боспорского царства: Материалы Круглого стола, посв. 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998)* / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 103–113.

- Лимберис, Марченко, 2016а* — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Лекифы в погребальном обряде меотов Праворежья Кубани // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы междунар. круглого стола 7–8 июня 2016 г. / Науч. ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГМИИ., 2016. С. 64–70.
- Лимберис, Марченко, 2016б* — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2 // АВ. 2016. Вып. 22. С. 76–84.
- Лимберис, Марченко, 2017* — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Миниатюрные чернолаковые сосуды для сервировки стола из меотских могильников правобережья Кубани // Античный мир и археология. Саратов, 2017. Вып. XVIII. С. 206–223.
- Масленников, 1995* — Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.). М., 1995 (Боспорский сборник; Вып. 8). 124 с.
- Масленников, 2012* — Масленников А. А. Расписная керамика памятников «царской» хоры Приазовья // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). М.: ИА РАН, 2012 (ДБ; Suppl. III). Т. 2: Индивидуальные находки и массовый археологический материал. С. 60–81.
- Монахов, 2018* — Монахов С. Ю. Еще раз о датировке «Царского» 8-го Пятибратнего кургана // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посв. 70-летию профессора В. П. Копылова. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: ИП Истратов С. В., 2018. С. 320–333.
- Монахов и др., 2021* — Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: Волга, 2021. 324 с.
- Монахов и др., 2022* — Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022. 304 с.
- Полин, 2014* — Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине (Курганы Украины; Т. 3). Киев: Олег Филюк, 2014. 776 с.
- Рогов, 2011* — Рогов Е. Я. Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011 (МАИЭТ, Supplementum; Вып. 10). 216 с.
- Рогов, Тункина, 1998* — Рогов Е. Я., Тункина И. В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. 1998. Вып. 5. С. 159–175.
- Рукавишников и др., 2022* — Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курган Госпитальный. М.: ИА РАН, 2022 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 28). 592 с.
- Устаева, Журавлев, 2010* — Устаева Э. Р., Журавлев Д. В. Таманский музейный комплекс // Античное наследие Кубани. Т. III. М.: Наука, 2010. С. 64–96.
- Andronicos, 1984* — Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens: Ekdotike Athenon S. A., 1984. 244 p.
- CVA, 2003* — Corpus Vasorum Antiquorum Russia. Pushkin State Museum. Fascicule VI. Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 2003. 160 p.
- Moore, 1997* — Moore M. B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Text, Catalogue. Princeton, New Jersey: The American school of Classical Studies at Athens, 1997 (The Athenian Agora; Vol. XXIX). 367 p., 157 pls.
- Morgan, 1999* — Morgan C. Catalogue of Attic Pottery in the Collection of the Taman Museum / Taman Antiquity. St. Petersburg: State Hermitage, 1999. Vol. 2. 107 p.
- Morgan, Arafat, 2001* — Morgan C., Arafat K. Fine Pottery of the Achaic-Early Hellenistic Periods in the Collection of the Temriuk Museum (Taman peninsula) // Colloquia Pontica. 2001. Vol. 6. P. 365–394.
- Robinson, 1933* — Robinson D. M. Mosaics, Vases, and Lamps of Olynthus found in 1928 and 1931. Baltimore: Jones Hopkins Press; London: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1933 (Excavations at Olynthus; Pt. V). 546 p.
- Robinson, 1950* — Robinson D. M. Vases Found in 1934 and 1938. Baltimore: Jones Hopkins Press; Oxford University, 1950 (Excavations at Olynthus; Vol. XIII). 463 p., 267 pls.
- Rotroff, 1997* — Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table ware and Related Material. Princeton, New Jersey: 1997 (The Athenian Agora; Vol. XXIX). Pt. 1: Text. 594 p.
- Sparkes, 1977* — Sparkes B. A. Quintain and the Talcott Class // Antike Kunst. 1977. Bd. 20. P. 8–25.
- Sparkes, Talcott, 1970* — Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, New Jersey: The American school of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XII). Pt. 1: Text. 472 p. Pt. 2: Catalogue. 468 p.

An assemblage of black-glazed pottery from the Starotitarovskaya mound on the Taman Peninsula

N. Yu. Limberis ⁶

Keywords: Northern Black Sea Coast, kurgan, black-glazed pottery, attribution, chronology.

In 1982 near the Starotitarovskaya village, a mound was excavated, in which there were found 14 artefacts (Fig. 1–4). The main burial was pillaged in antiquity; from the inlet burial and deposits of the funerary ritual feasts, black-glazed vessels belonging to different types of pottery were retrieved: used for drinking, for keeping oil and tableware. This assemblage includes two moulded rims of Cup-kantharoi, fragments of vessel foots, five squat lekythoi (with net-pattern and palmettes), a Talcott class lekythos, a red-figure shallow askos, three broad-bases of small echinus bowls and two concave walls of saltcellars, a fish plate, a rolled rim of a plate and part of a red-figure “Kerch style” bell-krater. In general, the set of vessels from the mound is typical of the sites in the Northern Black Sea region. Almost all types are widely represented both in Greek necropoleis and at burial grounds of the local population. An exception is a lekythos of the Talcott class, the only analogue of which in the area under consideration comes from a Maeotian burial in the Kuban region. The dating of the vessels (with the exception of the fish plate) does not go beyond the second quarter — middle of the 4th cen. BC, that is generally confirmed by the chronology of amphorae stamps from the tumulus.

---

⁶Natalya Yu. Limberis — Kuban State University; 149 Stavropolskaya ul., 350040, Krasnodar, Russia; limberis2@mail.ru.

Монеты из раскопок поселения Вестник-1

А. Е. Терещенко, Д. Е. Чистов¹

Аннотация. В статье опубликованы монетные находки с поселения Вестник-1 в Анапском районе Краснодарского края. Датировки монет позволяют уточнить хронологические рамки существования памятника, а их распределение на площади раскопанного участка может быть связано с функционированием общественного здания V–IV вв. до н. э.

Ключевые слова: Синдика, Вестник-1, монеты.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-220-226

Поселение Вестник-1 расположено у одноименного хутора Первомайского сельского округа города-курорта Анапа. Оно находится в прямой видимости от важнейшего центра древней Синдики — Семибратнего городища, на расстоянии около 6,5 км от него по прямой к юго-западу. Не приходится сомневаться, что между этими пунктами в древности имела тесная связь. Первые археологические раскопки на поселении были проведены в 2010–2011 гг. в рамках исследования объектов культурного наследия — памятников археологии, попадающих в зону строительства. В дальнейшем раскопки продолжались в 2012–2014², 2021 и 2022 гг.

В центральной части поселения на двух раскопах (1 и 2) к настоящему времени исследована территория площадью 1407 кв. м (рис. 1). Главным результатом работ 2010–2014 гг. на памятнике стало открытие выдающегося сооружения — монументального греческого общественного или культового здания V–IV вв. до н. э. В ходе раскопок двух последних лет удалось обнаружить еще одно помещение, пристроенное к этому сооружению в IV в. до н. э. с юго-востока. На исследован-

ном участке к северо-востоку, югу и юго-востоку от монументального здания раскрыты многочисленные бесформенные развалы бутового камня, обрывки кладок, а также вымостки, сложенные из грубо обколотых известняковых плит различных размеров. Горизонт этих вымосток, судя по сопутствующему керамическому материалу, датируется IV в. до н. э. К этому же времени можно отнести и еще одно здание меньших размеров, остатки стен которого обнаружены в границах раскопа 2, в 60 м к югу от монументальной постройки на раскопе 1.

Заглубленные объекты, раскрытые на территории, примыкающей к общественному зданию, относятся к разным периодам. Часть из них представляет собой хозяйственные ямы конца VI — первой четверти V в. до н. э. Для состава находок из этих комплексов характерно значительное количество лепной керамики местного производства. Видимо, сооружения этого строительного периода предшествуют возведению монументальной постройки и относятся ко времени функционирования на этом месте небольшого синдского поселения. Ряд хозяйственных ям и углублений (возможно, землянок) датируется более поздним временем: второй половиной V — IV в. до н. э., причем наиболее выразительные и многочисленные находки происходят из комплексов второй–третьей четвертей IV в. до н. э. Слои эллинистического времени на поселении отсутствуют; в конце IV либо в самом начале III в. до н. э. оно было оставлено жителями (Иванов и др., 2021. С. 145, 147).

¹ Терещенко А. Е. — Государственный Русский музей; Инженерная ул., 4, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru. Чистов Д. Е. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: d.chistov@gmail.com.

© Терещенко А. Е., Чистов Д. Е., 2023.

² Обзор результатов исследований памятника за 2010–2014 гг. см. работы: Чевелев и др., 2011; Иванов и др., 2021.

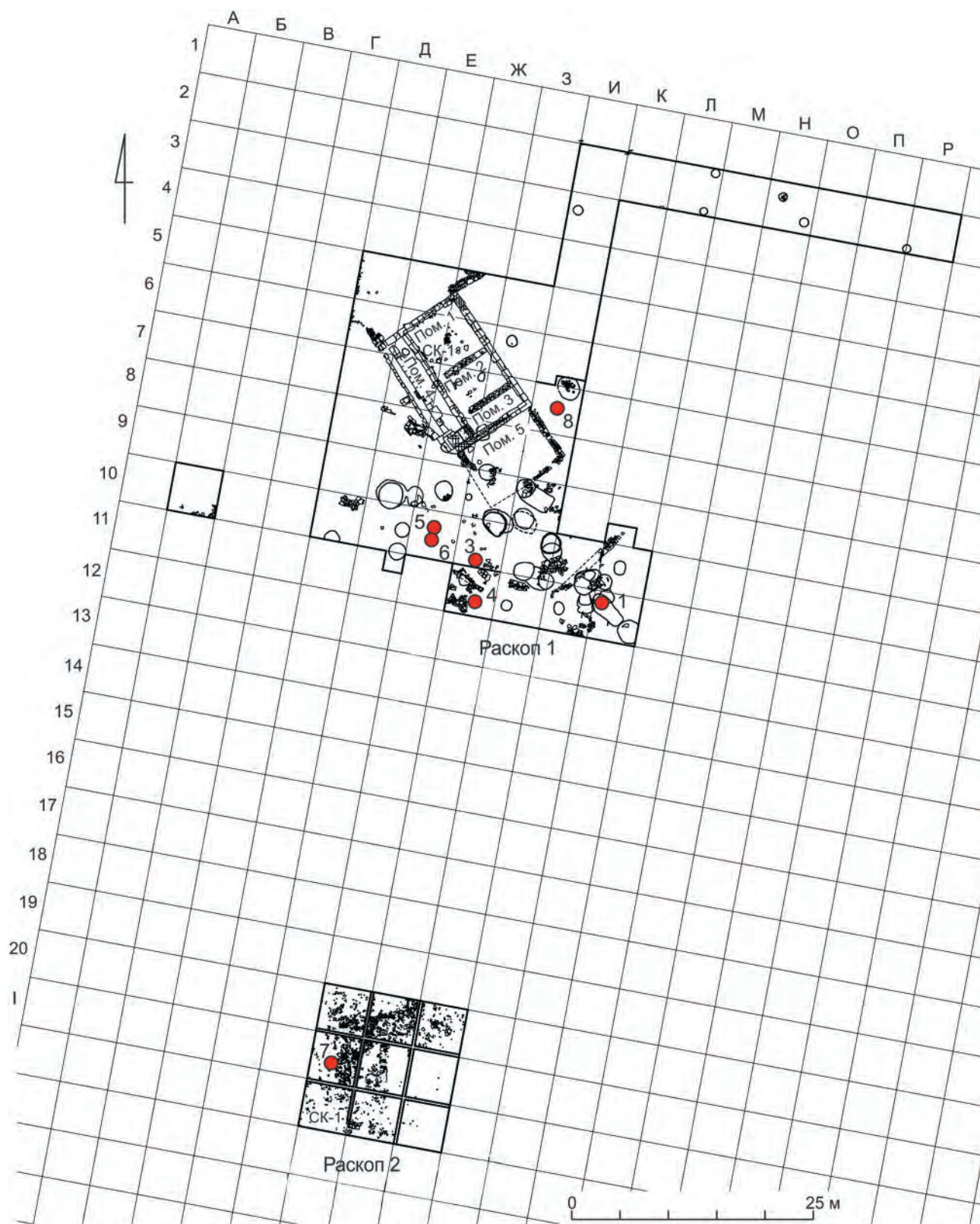

Рис. 1. Поселение Вестник-1, раскопы 1 и 2 (на 2022 г.), план. 1, 3–9 —приблизительные места находок монет. Номера соответствуют нумерации в тексте и на рис. 2

Fig. 1. Site of Vestnik-1, excavation areas 1 and 2 (by 2022), plan. 1, 3–9 — approximate findspots of coins. The numbers correspond to those in text and Fig. 2

В ходе исследований поселения Вестник-1 было обнаружено девять монет начала V — III в. до н. э. (рис. 2). Нетрудно заметить, что их хронологическое распределение совпадает с интенсивностью использования исследованного участка, насколько об этом можно судить по раскрытым комплексам и находкам керамики: семь из девяти монет датируются в рамках IV в. до н. э. В ходе исследования раскопа 1 найдены шесть монет, одна монета — на раскопе 2, где обнаружена еще одна постройка IV в. до н. э. Из пяти монет, найденных на раскопе 1, лишь одна (№ 8) находилась с тыльной стороны монументального здания, остальные четыре (№ 3–6) найдены на соседних квадратах Е-10, З-10, З-11, то есть на пространстве перед входом в эту постройку и пристроенным к ней в IV в. до н. э. помещением (рис. 1). Видимо, такая концентрация монетных находок неслучайна и свидетельствует об активной деятельности людей на открытом пространстве к юго-востоку от общественного здания или святилища. В этой же зоне, поблизости от поздней пристройки, концентрируются и хозяйственные ямы IV в. до н. э. Лишь одна из публикуемых монет (№ 1) происходит из заполнения узко датированного комплекса — прямоугольного углубления 34, возможно, землянки позднеархаического периода. Все остальные монеты находились в слое, включая и единственную монету (№ 7), обнаруженную на раскопе 2. Две монеты (№ 2, 9), в том числе и наиболее поздняя (№ 9), происходят из сборов подъемного материала.

Собственно нумизматический материал выглядит следующим образом (рис. 2, позиции соответствуют номерам в перечне)³.

1. Монета серебряная, Пантикапей. Триобол. Состояние хорошее. *М. н.*: кв. Л-11, яма (землянка?) 34, раскоп 1. Инв. № Вк-2022 29/40 (находка 2022 г.). *Д.*: 13 × 14 мм, *В.*: 2,8 г. *Ав.*: голова льва в фас. *Рв.*: Quadratum incusum, в центре — флажковая свастика⁴. Аналог см. рис. 3, 1⁵. *Датировка*: конец VI в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 244, табл. XXXIX, 15); 480–470 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 136, № 11); 90-е гг. V в. до н. э. (*А. Т.*).
2. Монета медная, Пантикапей. Дилептон(?), дихалк(?). Состояние плохое, испорчена коррозией.

³ *М. н.* — место находки, *Д.* — размеры, *Ав.* — аверс, *Рв.* — реверс, *В.* — вес, *Изд.* — издание с воспроизведением.

⁴ Данная дефиниция была предложена одним из авторов в 2020 г. (см.: *Терещенко*, 2020. С. 78).

⁵ Этот экземпляр происходит из групповой находки «кошелек» на поселении Тамань 3 (*Гарбузов и др.*, 2011. С. 135, прим. 17; 140, рис. 12, 7).

- М. н.*: подъемный материал. Инв. № 42 (находка 2012 г.). *Изд.*: *Сударев*, 2013. Рис. 180, 2. *Д.*: 11 мм. *Ав.*: голова бородатого сатира вправо. *Рв.*: голова коня вправо, внизу надпись ПАНТИ. Аналог см. рис. 3, 2⁶. *Датировка*: начало IV в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XL, № 3); 400–375 гг. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 214, № 38); 389–379 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 139, № 87); 388–378 гг. до н. э. (*А. Т.*).
3. Монета медная, Пантикапей. Халк (?). Состояние плохое, испорчена коррозией. *М. н.*: кв. З-10. Инв. № 88 (находка 2012 г.). *Изд.*: *Сударев*, 2013. Рис. 180, 3. *Д.*: 13 мм. *Ав.*: голова безбородого сатира вправо, в точечном ободке. *Рв.*: горит вправо. Сверху и снизу легенда ПАН-ТИ. Аналог см. рис. 3, 3. *Датировка*: 375–340 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XL, № 20); 330–315 гг. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 216, № 55); 314–310 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 140, № 113); 303–295 гг. до н. э. (*Мельников*, 2018. № 7); середина–конец 40-х гг. IV в. до н. э., может быть, 346–340 гг. до н. э. (*Терещенко*, 2013а. С. 118).
4. Монета медная, Пантикапей. Халк (?). Состояние плохое, испорчена коррозией. *М. н.*: кв. З-11. Инв. № Вк-2022 37/55 (находка 2022 г.). *Д.*: 12 мм. *В.*: 1,7 г. *Описание и датировка*: как № 3.
5. Монета медная, Пантикапей. Лепта (?). Состояние плохое, испорчена коррозией. *М. н.*: кв. Е-10. Инв. № 37 (находка 2012 г.). *Изд.*: *Сударев*, 2013. Рис. 180, 1. *Д.*: 11 мм. *Ав.*: голова безбородого сатира вправо. *Рв.*: голова быка влево. По контуру буквы П-А-Н. Аналог см. рис. 3, 4. *Датировка*: 375–340 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XL, № 21); 340–330 гг. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 216, № 51); 314–310 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 140, № 114); начало последней трети IV в. до н. э., может быть, 330–327/326 гг. до н. э. (*А. Т.*).
6. Монета медная, Пантикапей. Тетрахалк. Состояние плохое, испорчена коррозией. *М. н.*: кв. Е-10, раскоп 1. Инв. № 39 (находка 2012 г.). *Изд.*: *Сударев*, 2013. Рис. 180, 3. *Д.*: 24 мм. *Ав.*: голова бородатого сатира вправо. *Рв.*: протома орлиноголового грифона влево, под ним осетр. По контуру буквы П-А-Н. Аналог см. рис. 3, 5. *Датировка*: 375–340 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XL, № 18); 315–300 гг. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 216, № 57); 314–310 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 140, № 111); конец третьей — начало четвертой четверти IV в. до н. э., может быть, 326–319 гг. до н. э. (*Терещенко*, 2013а. С. 24; 2013б. С. 328).
7. Монета медная, Пантикапей. Дихалк. Состояние плохое, испорчена коррозией. *М. н.*: кв. Ж-21, раскоп 2. Инв. № 87 (находка 2012 г.). *Изд.*: *Сударев*, 2013. Рис. 343, 4. *Д.*: 15 мм. Редуцированный тип.

⁶ Фотографии монет для аналогов взяты из интернет-ресурса «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» [Электронный ресурс]. URL: <https://bosporan-kingdom.com> (дата обращения: 22.10.2022).

Рис. 2. Монеты, найденные на поселении Вестник-1. Пантикапей: 1 — триобол, 490-е гг. до н. э.; 2 — дихалк (?), 388–378 гг. до н. э.; 3 — халк (?), 346–340 гг. до н. э.; 4 — халк (?), 346–340 гг. до н. э.; 5 — лепта (?), 346–340 гг. до н. э.; 6 — тетрачалк, 326–319 гг. до н. э.; 7 — дихалк, 326–319 гг. до н. э.; 8 — дихалк, 319–310 гг. до н. э.; 9 — обол (?), середина 80-х — конец 60-х гг. III в. до н. э. 1 — серебро, 2–9 — медь

Fig. 2. Coins found at the site of Vestnik-1. Pantikapaion: 1 — triobolos, 490s BC; 2 — dichalkos (?), 388–378 BC; 3 — chalkos (?), 346–340 BC; 4 — chalkos (?), 346–340 BC; 5 — lepton (?), 346–340 BC; 6 — tetrachalkos, 326–319 BC; 7 — dichalkos, 326–319 BC; 8 — dichalkos, 319–310 BC; 9 — obolos (?), mid-280s — late 260s BC. 1 — silver, 2–9 — copper

Рис. 3. Аналоги. Пантикапей: 1 — триобол, 490-е гг. до н. э.; 2 — дихалк (?), 388–378 гг. до н. э.; 3 — халк (?), 346–340 гг. до н. э.; 4 — лепта (?), 346–340 гг. до н. э.; 5 — тетрачалк, 326–319 гг. до н. э.; 6 — дихалк, 326–319 гг. до н. э.; 7 — дихалк, 319–310 гг. до н. э.; 8 — обол(?), середина 80-х — конец 60-х гг. III в. до н. э. 1 — серебро, 2–8 — медь

Fig. 3. Analogues. Pantikapaion: 1 — triobolos, 490s BC; 2 — dichalkos (?), 388–378 BC; 3 — chalkos (?), 346–340 BC; 4 — lepton (?), 346–340 BC.; 5 — tetrachalkos, 326–319 BC; 6 — dichalkos, 326–319 BC; 7 — dichalkos, 319–310 BC; 8 — obolos (?), mid-280s — late 260s BC. 1 — silver, 2–8 — copper

Av: Голова безбородого сатира вправо. Rv: Протома пегаса вправо. По контуру буквы Π-Α-Ν. Аналог см. рис. 3, 6. Датировка: 375–340 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XL, № 19); 315–300 гг. до н. э. (Шелов, 1956. С. 216, № 57); 314–310 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 140, № 111); конец третьей — начало четвертой четверти IV в. до н. э., может быть, 326–319 гг. до н. э. (Терещенко, 2013а. С. 124; 2013б. С. 328).

8. Монета медная, Пантикапей. Дихалк. Состояние плохое, испорчена коррозией. М. н.: кв. И-7,

раскоп 1. Инв. № Вк-2021 15/114 (находка 2021 г.). Д.: 20 мм. Av: голова безбородого сатира в плущевом венке, влево. Rv: Голова льва влево, под ней осетр влево. По контуру буквы Π-Α-Ν. Аналог см. рис. 3, 7. Датировка: 325–300 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLI, № 2); 315–300 гг. до н. э. (Шелов, 1956. С. 216, № 61); 294–284 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 141, № 125); 308–303 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 2); предпоследнее десятилетие IV в. до н. э., может быть, 319–310 гг. до н. э. (Терещенко, 2013б. С. 328).

9. Монета медная, Пантикапей. Обол(?). Состояние плохое, испорчена коррозией. М. н.: подъемный материал. Инв. № 86 (находка 2012 г.). Изд.: Сударев, 2013. Рис. 406, 5. Д.: 13×14 мм. Переходный тип. Av: голова безбородого сатира в плющевом венке, влево. Rv: лук и стрела вправо, снизу — ПАН. Аналог см. рис. 3, 8. Датировка: 300–250 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLI, № 5); первая половина III в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 217, № 66); третья четверть III в. до н. э. (Голенко, 1970. С. 23, приложение, № 6); около 272 — около 260 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 27); середина 80-х — конец 60-х гг. III в. до н. э. (А. Т.).

Рассмотрим подробнее представленный материал и начнем, согласно хронологии, с самой ранней монеты — серебряного триобола (№ 1). Прежде всего необходимо отметить, что практически полностью идентичная нашему экземпляру монета с таким же весом 2,8 г (см. рис. 3, 1) была обнаружена на поселении Тамань 3 (см. сноску 5). Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что обе эти монеты, скорее всего, были чеканены одной и той же штемпельной парой.

Указанный тип относится к одной из ранних серий (Па-3), чей реверсный сюжет проходит довольно длительную трансформацию от рельефных таблесток треугольной или округлой формы, напоминающих крылья ветряной мельницы, до полноценной флажковой свастики (Анохин, 1986. Табл. 1, 3, 11, 15). Датироваться эта серия, на наш взгляд, должна концом VI — началом 80-х гг. V в. до н. э. (Терещенко, 2004. С. 7). Учитывая характер реверсного рисунка на триоболе из Вестника-1, можно с уверенностью говорить, что здесь мы видим предпоследнюю стадию превращения таблесток в правильные квадраты. Поэтому предлагаем датировать данную разновидность 90-ми гг. V в. до н. э.

Сравнительно недавно группой исследователей была проведена работа по комплексному изучению вопроса освоения греками Таманского полуострова. В ходе этой работы был сделан вывод, что период с последней четверти VI в. по 470-е гг. до н. э. на этих землях характеризуется бурным развитием сложившейся ранее системы расселения. При этом почти на половине сельских памятников, функционировавших в указанное время, зафиксированы находки боспорских архаических серебряных монет (Гарбузов и др., 2011. С. 92, 93). Ярким дополнением к этому наблюдению становятся данные относительно самого раннего этапа существования поселения Вестник-1, предшествовавшего возведению монументального общественного здания греческого облика. Это своего рода иллюстрация активности греческих поселенцев в конце VI — начале IV в. до н. э., которая

распространялась и на земли за пределами собственно Таманского полуострова.

Следующая группа монет (№ 2–8) практически вся (за исключением одного экземпляра) относится уже к IV в. до н. э., причем только одна датируется концом первой четверти (№ 2), остальные — второй половиной этого столетия. Говорить о том, что именно в этот период (то есть во второй половине IV в. до н. э.) товарно-денежные отношения на поселении развивались наиболее активно, было бы несколько преждевременно, поскольку исследована лишь малая его часть. Однако это обстоятельство следует принять во внимание.

Также хотим подчеркнуть то, что все обнаруженные к сегодняшнему дню на Вестнике-1 медные монеты сохранили достаточно высокий и четкий рельеф изображений. Их плохое состояние обусловлено в основном только коррозионными процессами. Можно предполагать, что перед попаданием в слой данные экземпляры находились в обращении очень непродолжительное время. Правда, дать сколько-нибудь логичное объяснение этой особенности пока не представляется возможным.

Завершает обзор нумизматического материала монета с изображениями головы безбородого сатира и лука со стрелой (№ 9), которую следует рассмотреть более подробно для обоснования ее датировки. Сразу заметим, что эта монета принадлежит самой многочисленной серии в пантикапейской эмиссии, чей облик на долгие годы стал практически единственным монетным типом в денежном обращении Боспора.

Появление этой серии относится к рубежу IV–III вв. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLI, № 5; Терещенко, 2013б. С. 334). Первоначально выпускались монеты, изготовленные на крупных монетных кружках или перечеканенные из предыдущих типов, но примерно с середины 80-х гг. III в. до н. э. начинается постепенный процесс их деградации — снижение веса, уменьшение размера, небрежность в изготовлении. На данном этапе пантикапейские монеты стали изготавливаться методом литья, что, естественно, сразу сказалось на их внешнем виде. Эти экземпляры можно назвать переходным типом, характерным отличием которого является наличие ярко выраженного скошенного гурта. Датировать эту разновидность предлагается периодом с середины 80-х по конец 60-х гг. III в. до н. э.

С конца второй четверти III в. до н. э. монетный кризис, начавшийся несколькими десятилетиями ранее, приобретает гипертрофированные черты. Монетные штемпели в это время сделаны наспех и имеют в основном весьма низкие художественные качества. Вес монет постоянно уменьшается, одни

типы перечекаиваются на другие, иногда на одном монетном кружке эти операции осуществляются по несколько раз. В результате на боспорских рынках появилась масса так называемой деградированной меди самого скверного качества (см. например: Шелов, 1956. Табл. VI, 66). Как представляется, выпуск подобной продукции продолжался с конца 60-х до середины 40-х гг. III в. до н. э.

Принимая во внимание облик нашей монеты, ее можно отнести именно к переходному типу, и удивляет только то, что обнаружен всего один

подобный экземпляр. Тем не менее эта монета, учитывая, что на ней отсутствуют следы длительного обращения, могла бы дать самую позднюю дату прекращения жизнедеятельности на поселении — приблизительно конец первой четверти III в. до н. э. Однако находки керамики этого времени на поселении отсутствуют, а сама монета была найдена в ходе сборов подъемного материала. Не исключено, что она была утеряна на территории поселения уже после того, как оно перестало функционировать.

Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.

Гарбузов и др., 2011 — Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строккин В. Л., Сударев Н. И. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2011. Т. 15. С. 90–172.

Голенко, 1970 — Голенко К. В. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // Нумизматика и эпиграфика. 1970. Т. VIII. С. 15–34.

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 16). 264 с.

Иванов и др., 2021 — Иванов А. В., Сударев Н. И., Кашаев С. В. Поселение и могильник у хут. Вестник // XXII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2021. С. 145–152.

Мельников, 2018 — Мельников О. Н. Датировка основных типов монет Боспора времени от Евмела до Перисада III (дополнение к статье «Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н. э.») [Электронный ресурс]. URL: http://coins.ucoz.ru/load/melnikov_o_n_datirovka_osnovnykh_tipov_monet_bospora_vremeni_ot_evmela_do_perisada_iii/5-1-0-257 (дата обращения: 05.11.2022).

Сударев, 2013 — Сударев Н. И. Отчет о результатах археологических исследований на поселении Вестник-1 в 2012 г. (Анапский район Краснодарского края) // НОА ИА РАН. Р-И. № 36127.

Терещенко, 2004 — Терещенко А. Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб., 2004. 24 с.

Терещенко, 2013а — Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 102–127.

Терещенко, 2013б — Терещенко А. Е. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV — конца III в. до н. э. // ДБ. 2013. Т. 17. С. 325–344.

Терещенко, 2020 — Терещенко А. Е. Свастичная символика на пантикапейских монетах V в. до н. э. // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2020. № 3. С. 77–88.

Чевелев и др., 2011 — Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // XII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь: Militaria, 2011. С. 403–411.

Шелов, 1956 — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Причерноморье в античную эпоху; Вып. 9). 221 с.

Coins from excavations at the settlement of “Vestnik-1”

A. E. Tereshchenko, D. E. Chistov⁷

Keywords: Sindike, Vestnik-1, coins.

In the course of excavations of the settlement site of Vestnik-1 in 2010–2022 there was investigated a monumental public building of the 5th–4th cen. BC and the surrounding it area. During these works there were discovered nine coins of Bosphoran minting of which seven were found in strata of the settlement and two were collected among the surface finds.

The coins are dated to within the chronological range of the early 5th — second quarter of the 3rd cen. BC. Their chronological distribution coincides with the intensive use of the investigated area while the majority of the coins were found within a vacant space in front of the entrance to the building. The earliest coin, a silver Pantikapaion triobolos came from a rectangular depression, possibly an earth dwelling of a small Sindian settlement which had been occupying this place before construction of the Greek sanctuary.

⁷ Andrey E. Tereshchenko — State Russian Museum; 5 Inzhenernaya ul., St. Peterburg, 190000, Russia; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru. Dmitriy E. Chistov — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: d.chistov@gmail.com.

Аттическая краснофигурная пелика из скифского кургана близ молдавского села Манта: проблемы атрибуции и интерпретации изображения

А. Е. Петракова, Д. А. Топал¹

Аннотация. Статья посвящена краснофигурной аттической пелике, найденной в 1990 г. во время проведения раскопок кургана близ села Манта в Молдове. Останки в погребении были определены как детские. Помимо пелики в нем находились пять стеклянных бусин, раковина *Сургаеа* и лепной горшок. Тип организации захоронения характерен для скифской культуры конца V — IV в. до н. э. И атрибуция пелики, и интерпретация изображения на ней стали предметом дискуссии. Авторы статьи знакомят читателя с версиями предшественников и предлагают свой вариант.

Ключевые слова: аттические вазы, краснофигурные аттические пелики, аттические вазы в скифских погребениях, аттические краснофигурные вазы в Молдове, Мастер Йены, спящая Ариадна, сатиры, Эроты, фигуры в плащах, атрибуция и интерпретация вазовых росписей.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-227-246

Посуда встречается почти в каждом третьем скифском захоронении степей Днестра, Прута и Дуная и, по данным В. С. Синики, сопровождает 30,9 % комплексов, уступая в популярности разве что предметам вооружения и орудиям труда (Синика, 2007. С. 19). При этом основную массу составляет не лепная, а гончарная керамика — изделия этой категории обнаруживаются в 110 погребениях (20,8 %). Судя по курганным комплексам, наибольшее распространение в скифской среде получили чернолаковые канфары, миски, чашки, килики аттического производства, хотя в редких случаях известны ойнохои, леканы и пелики. Еще реже встречаются *расписные* греческие сосуды. Таких предметов, например, в собрании Национального музея истории Молдовы известно всего три: кратер из Дубоссарского могильника (курган 5) (Кетрару и др., 2014. С. 57, рис. 46, 1), лекиф из Никольского (курган 2, погребение 1) (Агульников, Сава, 2004. С. 29, рис. 14, 9)

и пелика из села Манта (курган 1, погребение 1) (рис. 1, 1; 2).

Краснофигурная пелика (Национальный музей истории Молдовы, инв. № FB-27778-12) поступила из раскопок 1990 г., проводившихся Кагульской новостроечной археологической экспедицией. Под руководством С. М. Агульникова тогда было исследовано пять курганов: три — у села Вадул-луй-Исак и два — у села Манта Кагульского района (Республика Молдова) (Агульников, 1991б. С. 1). В кургане 1 (высотой 1 м от уровня современной поверхности и диаметром 42 м) было обнаружено два погребения и ров округлой формы диаметром 31,5 м с двумя перемычками — с восточной и западной сторон (рис. 1, 11–13). Центральное погребение (2) было ограблено в древности и не содержало находок, в то время как боковое (1), принадлежавшее ребенку (рис. 1, 10), сопровождалось пятью стеклянными бусинами (рис. 1, 3–8), раковиной *Сургаеа* (рис. 1, 9), лепным горшком с вдавлениями под венчиком (рис. 1, 2) и расписной пеликой (рис. 1, 1; 2; 3).

Погребение 1 было обнаружено в северо-западном секторе кургана, с ним связан и материковый выкид полукольцом диаметром 4,5 м и толщиной 0,3–1,0 м. Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 1,60 × 0,85 м, была

¹ Петракова А. Е. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, 190000, Россия; e-mail: petrakova.anna@gmail.com; Топал Д. А. — Национальный музей истории Молдовы; ул. 31 августа 1989 г., 121а, Кишинев, 2012, Молдова; e-mail: denis.topal@gmail.com.

© Петракова А. Е., Топал Д. А., 2023.

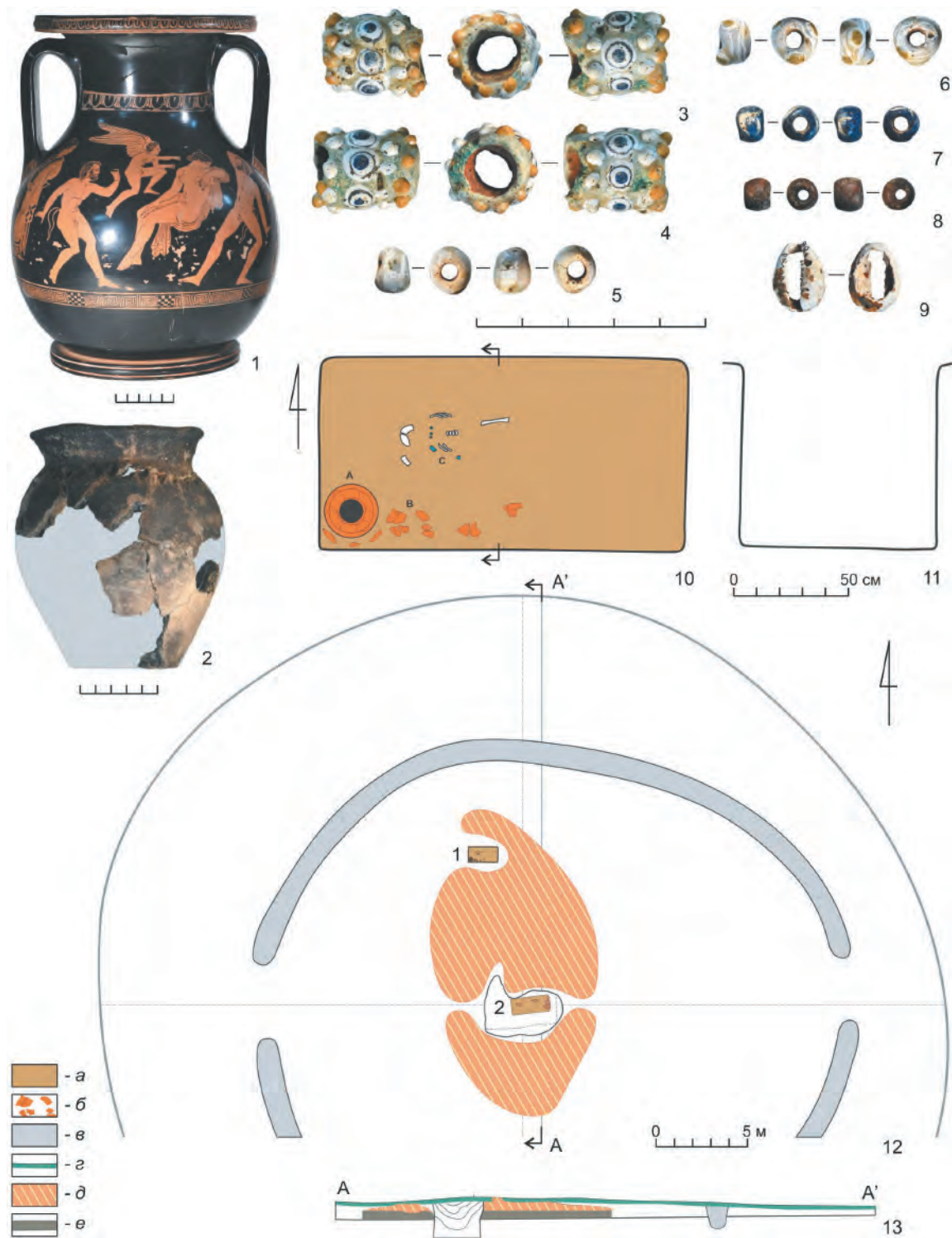

Рис. 1. Курган 1 у с. Манта и инвентарь погребения 1, прорисовка и фото Д. А. Топала: 1 — аттическая красно-фигурная пелика; 2 — лепной сосуд; 3–8 — стеклянные бусы; 9 — раковина *Супраеа*; 10, 11 — погребение 1, план и разрез; 12, 13 — курган 1, план и разрез (а — дно погребения; б — фрагменты керамики; в — заполнение ровика; з — пахотный слой; д — выкид материкового суглинка; е — погребенная почва)

Fig. 1. Barrow 1 near the village of Manta and the grave goods from burial 1, drawing and photo by D. A. Topal: 1 — Attic red-figure pelike; 2 — handmade vessel; 3–8 — glass beads; 9 — shell of *Cypraea*; 10, 11 — burial 1, plan and section; 12, 13 — barrow 1, plan and section (a — bottom of the burial; б — ceramic fragments; в — filling the ditch; з — topsoil; д — waste of continental loam; е — buried soil)

ориентирована по линии восток–запад, глубина от уровня обнаружения — 0,8 м. Судя по наблюдениям автора раскопок, боковое погребение (подобно центральному) было нарушено в древности, в результате чего была «потревожена» центральная часть захоронения (*Там же*. С. 3). Наличие выкида, связанного с этим погребением², а также глубина обнаружения, совпадающая с глубиной, на которой зафиксировано центральное захоронение (1,2 м от репера), позволяют предположить, что это погребение является не впускным, а сопровождающим. Такие сопровождающие захоронения характерны для классической скифской культуры конца V — IV в. до н. э., кроме того, это позволяет объяснить скромность остального инвентаря по сравнению с пеликой — вне всякого сомнения слишком дорогим сосудом для погребения ребенка. Вероятнее всего, этот комплекс — жертвенный, а сама пелика предназначалась индивиду, захороненному в центральном погребении, к сожалению, полностью ограбленном в древности.

И сам курган, и пелика многократно публиковались (*Агульников*, 1993. Рис. 2; 2008. Рис. 10; *Agulnikov*, 1997. Fig. 2; *Полин*, 2014. С. 357, рис. 282; и др.), что, тем не менее, не избавило авторов от воспроизведения разнообразных неточностей. Судя по трехмерной модели, выполненной при помощи сканера Artec Eva II, высота сосуда 30,7 см (что почти на 1 см меньше, чем в исходной публикации), максимальный диаметр тулова 23,6 см, диаметр базы 13,9 см, диаметр венчика 19,4 см, высота ручек 13,7 см, ширина ручек 3,2 см, толщина стенок между горлом и нижней частью тулова 0,40–0,45 см. Кроме того, пелике из Манты присуща некоторая асимметрия, которая не получила отражения в графическом представлении сосуда. Так, венчик, украшенный овами, отклонен от вертикальной оси и немного нависает над стороной А, по сравнению со стороной Б (рис. 2). Поясок из ов на горле сосуда расположен выше над стороной Б и ниже — над стороной А, разница составляет 0,8–1,1 см (рис. 2, 3, 4). Видимо, роспись начиналась со стороны Б, с пальметты под ручками — на это соображение наталкивает наполовину

прорисованный меандр, для него не хватило места перед шахматным полем, с которого, судя по всему, орнаментальный пояс начинался. Со сходными композиционными сложностями мастер столкнулся и в процессе изображения женской фигуры в хитоне на стороне А — нижняя часть хитона и правая ступня закрывают бутон у пальметты под ручкой (рис. 2, 6; 4, 1а).

Венчик пелики украшен пояском с овами (рис. 2, 3–6), между элементами расположены точки. На небольшом выступе чуть выше пояска с овами получилось что-то вроде исключительно узкого пояска с шахматным орнаментом в два ряда.

На горлышке — поясок с более крупными овами, прерывается под ручками; на стороне Б он расположен выше, чем на стороне А (рис. 3, 3–6). Овы выполнены иначе, чем в пояске на венчике: внутри каждый элемент полностью закрашен черным, за исключением вытянутого вершиной вниз равнобедренного треугольника по центру; между элементами точек нет, но есть вертикальная линия черным лаком и широкая, чуть волнистая, горизонтальная линия, выполненная слегка небрежно. На стороне Б орнамент отличается тем, что овы полностью закрашены черным (треугольников в цвете глины нет).

На тулове под изображением расположен непрерывающийся поясок из меандров, чередующихся через четыре переката с прямоугольниками, заполненными шахматным орнаментом (5 × 5 квадратов); видно, что сначала была расчерчена сетка, а потом внутри квадратов, которые должны быть черными, кисточкой поставлена густая крупная точка.

Под ручками пелики расположен орнамент в виде вертикальной пальметты со спиралевидными завитками и бутонами по сторонам от нее (рис. 2, 4, 6; 3, 2, 4); корень ручки украшен организованным в виде уголка вершиной вниз пояском с овами такого же типа, что и на венчике; в том месте, где поясок образует угол под ручкой А/Б изображен элемент, напоминающий стилизованный лист плюща вершиной вверх (рис. 2, 4; 3, 2), под ручкой Б/А — элемент в виде чуть растянутого по вертикали ромба с темной серединой (рис. 2, 6; 3, 4).

Тулово пелики украшено композициями с фигурами; их размеры на стороне А значительно меньше, чем на стороне Б. Сцена на стороне А является главной, она составлена из пяти фигур (рис. 2, 3; 3, 1; 4, 1б): обнаженная женщина с закрытыми глазами, полусидящая-полулежащая (ногами влево) в изящной позе на драпировке

² В отчете и последующих публикациях выкиды показаны отдельно (одним полукольцом для погребения 1 и двумя полукольцами для погребения 2), в то время как в полевой документации (планах на миллиметровой бумаге) выкид изображен общим для обоих захоронений (*Агульников*, 1991в).

Рис. 2. Пелика из погребения кургана 1 у с. Манта (Национальный музей истории Молдовы, инв. № FB-27778-12), фото Д. А. Топала: 1, 2 — вид сверху и снизу; 3 — сторона А; 4 — ручка А/Б; 5 — сторона Б; 6 — ручка Б/А

Fig. 2. Pelike from the burial at barrow 1 near the village of Manta (Inv. FB-27778-12, National Museum of History of Moldova), photo by D. A. Topal: 1, 2 — view from above and below; 3 — side A; 4 — handle A/B; 5 — side B; 6 — handle B/A

Рис. 3. Пелика
из погребения кургана 1
у с. Манта, прорисовки
Д. А. Топала на основе
трехмерного сканирования:
1 — сторона А;
2 — ручка А/Б;
3 — сторона Б;
4 — ручка Б/А;
5 — профиль;
6, 7 — прорисовка вида
сверху и снизу

Fig. 3. Pelike from the burial
at barrow 1 near the village
of Manta, drawings
by D. A. Topal according
to 3D scanning:
1 — side A;
2 — handle A/B;
3 — side B;
4 — handle B/A;
5 — profile;
6, 7 — drawing of the view
from above and below

(процрапанной по лаковому слою), будто бы опираясь на неровности почвы, над ней слева — Эрот, его руки протянуты к голове женщины (и, вероятно, удерживают край драпировки), крылья сведены вместе, но еще не сложены; слева и справа — по активно жестикулирующему сатиру, они не совсем зеркальны друг другу, но в целом уравновешивают и выгодно обрамляют композицию, противопоставляя покою женщины и Эрота активное движение и эмоции. Оба сатира выставили вперед чуть согнутую в колене ногу, а противоположная относительно нее рука будто бы оттягивает тело назад, подобно тому, как у сатира в знаменитой скульптурной группе Мирона «Афина и Марсий» (ср. разные варианты реконструкций: *Junker*, 2003. Abb. 4–6, 10–14) или же у сатира на ойнохое в Берлине (датирована 450–440 гг. до н. э., атрибутирована Мастеру Кодра; VAPD 6982; LIMC ID 42477), изображение на которой считается тесно связанным со скульптурной группой Мирона (*Junker*, 2003. Abb. 15). Левее этой в целом уравновешенной композиции из четырех фигур изображена стоящая женщина в хитоне и плаще, телом в фас и головой вправо в профиль (рис. 4, 1a), три переката крупной «бегущей волны» украшают хитон на правом плече и по низу, между ступнями; по внешним сторонам плаща расположены широкие полосы, выполненные густым черным лаком.

На стороне Б изображены трое юношей в плащах, средний — с посохом (рис. 2, 5; 3, 3; 5, 7). Боковые, ориентированные лицом друг к другу, полностью закутаны в плащи, видны лишь головы и ступни; у центрального юноши, обращенного влево, целиком видна правая рука, которая опирается на длинный, слегка кривой, посох; судя по полностью нагому плечу, подразумевается, что под плащом другой одежды нет.

На фигуре лежащей женщины на стороне А, фигуре Эрота и частично на фигурах юношей на стороне Б хорошо виден предварительный рисунок, от которого окончательная роспись несколько отклоняется. Белой краской (плохо видна) переданы головные повязки у юношей на стороне Б и тонкие извилистые линии между фигурами, обозначающие рельеф местности, на стороне А.

По особенностям формы и размерам пелика относится к изделиям аттических гончаров конца V — начала IV в. до н. э., что уже было неоднократно отмечено в более ранних публикациях (см., например: *Агульников*, 1993. С. 116; *Вдовиченко*, 2008. С. 90, рис. 134, 4; 136, 1; *Banaru*, 2008. P. 83, 95, fig. 4, 6; *Teleaga*, 2008. S. 140, 141, kat. 596). Этой дате не противоречит и находка полихром-

ной цилиндрической бусины с «глазками» и полусферическими выступами, которые и в Причерноморье, и в Центральной Европе характерны для комплексов конца V в. до н. э. (*Osváth et al.*, 2018. P. 30). В своей публикации Э. Теляга провел исключительно подробный сравнительный анализ особенностей трактовки всех элементов формы пелики из Манты, сопоставив ее с целым рядом более ранних (420–400 гг. до н. э.) и более поздних (400–360 гг. до н. э.) аттических краснофигурных пелик, атрибутированных разным мастерам (круг Мастера Мидия, Мастера Пронмоса, Мастера Кадма, Киевского мастера, мастерские Мастера Мелеагра, Мастера Йены, Мастера Марсия), в итоге остановившись на датировке 400–390 гг. до н. э. (*Teleaga*, 2008. S. 140, 141). Со всеми его рассуждениями следует согласиться. Более поздние по времени публикации, посвященные эволюции этой вазовой формы, лишь подтверждают правильность его выводов (см., например: *Langner*, 2013).

Несколько сложнее дело обстоит с атрибуцией. С. М. Агульников не предложил своего варианта, но выдвинул предположение о том, что «оформлением пелики занимались два художника», поскольку изображения на сторонах А и Б «выполнены в различных технике и стиле рисунка» (*Агульников*, 1993. С. 116). В. Банару совершенно справедливо предложил сопоставить пелику из Манты с работами круга Мастера Йены (*The Jena Painter*) на основе стилистического сходства росписей (*Banaru*, 2008. P. 95), однако в подробности сравнительного анализа не вдавался, его больше интересовал сюжет росписи. Наиболее детально остановился на вопросе атрибуции Э. Теляга: он сравнил не только элементы формы, но и все виды орнаментов, а также фигуры и исполнение деталей с теми, которые имеются на других вазах, атрибутированных различным аттическим вазописцам последней трети V — первой половины IV в. до н. э. (*Teleaga*, 2008). Со всеми ассоциациями, которые у него возникли, нельзя не согласиться. Действительно, определенные элементы на пелике из Манты похожи на те, что можно видеть на вазах, в связи с атрибуцией которых звучат имена Мастера Мидия, Мастера Суэссулы, Мастера Кадма, Мастера Диноса, Мастера Мелеагра и Эрбахского мастера. Однако чаще всего при сравнении тех или иных элементов росписи пелики из Манты у Э. Теляги, как и у В. Банару, звучит имя Мастера Йены: речь идет о характерной трактовке волос персонажей, мускулатуры и хвостов сатиров, крыльев, головы

Рис. 4. Сравнение росписей пелики из Манты с росписями, атрибутированными Мастеру Йены и его кругу: 1а, 1б — фрагменты росписи пелики из Манты; 2, 3 — сравнение трактовки обнаженного женского торса и профиля на пелике и на фрагменте блюда в Йене (Der Jenaer Maler..., 1996. Taf. 14, 2); 4, 5 — сравнение мужского профиля на пелике и фрагменте чаши в Оксфорде (Paul-Zinserling, 1994. Taf. 49, 1); 6, 7 — сравнение трактовки Эроса на пелике и чаше в Оксфорде (Paul-Zinserling, 1994. Taf. 14, 1, 2); 8, 9 — сравнение трактовки женской головы на пелике и фрагменте чаши в Йене (Der Jenaer Maler..., 1996. Taf. 3, 2)

Fig. 4. Comparison of paintings on the pelike from Manta with paintings attributed to the Jena Painter and his circle: 1а, 1б — fragments of the painting on the pelike from Manta; 2, 3 — comparison between the image of naked female torso and profile on the pelike and on the fragment of the dish in Jena (Der Jenaer Maler..., 1996. Taf. 14, 2); 4, 5 — comparison between a male profile on the pelike and on a fragment of a cup in Oxford (Paul-Zinserling, 1994. Taf. 49, 1); 6, 7 — comparison between the image of Eros on the pelike and on a cup in Oxford (Paul-Zinserling, 1994. Taf. 14, 1, 2); 8, 9 — comparison between the image of female head on the pelike and on a cup in Jena (Der Jenaer Maler..., 1996. Taf. 3, 2)

и прически Эроta. С мастерской этого вазописца связаны не только многочисленные килики на низкой и высокой ножке, но также и такие формы, как скифос, гидрия и пелика. Также Э. Теляга, сопоставив подробнейшим образом различные детали росписей (вроде трактовки складок) на сторонах А и В пелики из Манты, пришел к выводу, что они выполнены очень похожим образом, то есть опроверг идею С. М. Агульникова о работе над этой пеликой двух разных вазописцев. При этом Э. Теляга справедливо подметил, что фигуры в плащах на стороне В пелики из Манты похожи по прорисовке деталей на те, что украшают скифосы (рис. 5, 3–5), атрибутированные Мастеру Лондон F 128 (*The Painter of London F 128*). Этому явно второстепенному вазописцу Дж. Бизли приписал всего три скифоса (BAPD 230768, 230769, 230770), украшенных однообразно выполненными композициями на обеих сторонах: две фигуры в плащах лицом друг к другу (позднее другими исследователями этому мастеру были атрибутированы еще два скифоса — в Анконе и Перми, см.: BAPD 46381 и 9047663). Хотя в своей книге Дж. Бизли поместил Мастера Лондон F 128 в ту же главу, что и вазы, атрибутированные им Группе Толстого мальчика (*The Fat-Boy Group*), он отметил, что этот вазописец, как и еще два, помещенных там же, «не могут быть сочтены принадлежащими этой группе» (Beazley, 1963–1968. P. 1494); по форме эти скифосы следует датировать началом IV в. до н. э. — они весьма характерны для этого времени (см. подробнее: *Петракова, Букина*, 2019. Кат. 130). Фигуры в плащах с похожим образом выполненными складками встречаются на вазах разных форм и атрибутированных разным мастерам, при этом датированных концом V — первой четвертью IV в. до н. э. (рис. 5, 1–6). Как совершенно справедливо отметил Э. Теляга, для аттических вазописцев начала IV в. до н. э. было вполне характерно уделять больше внимания одной стороне вазы, на которой роспись была тщательно выполнена и посвящена интересному сюжету, а другую сторону украшать типовой росписью более беглого качества (собственно, это

можно видеть на пелике из Манты). Скифосы Мастера Лондон F 128 вполне могут быть соотнесены с работами вазописцев мастерской Мастера Йены, в которой Дж. Бизли выделял не только Мастера Йены (*The Jena Painter*), Мастера Диомеда (*The Diomed Painter*) и росписи, выполненные «в манере» Мастера Йены, но и так называемые стиль В и стиль С (более беглые по рисунку, часто украшающие оборотную сторону, выполнявшиеся в ряде случаев не сотрудниками, а самим мастером, просто более быстро), а также вазы, у которых фигуры выполнены «в традициях мастерской Мастера Йены», а орнаменты — «в традициях продолжателей Мастера Мидия» (*The Meidias Painter*), работавшего в конце V в. до н. э. (Beazley, 1963–1968. P. 1510–1518), что впоследствии также вызывало дискуссии по поводу атрибуции конкретных vaz Мастеру Йены или последователю Мастера Мидия (см., например: *Tugusheva*, 2009). К. Шефолд (*Schefold*, 1934) отметил важную роль Мастера Йены в развитии аттической вазописи IV в. до н. э. и его близость к Мастеру Геракла (*The Heracles Painter*) (ср. рис. 5, 1 и 5, 2 — фигуры в плащах Мастера Йены и Мастера Геракла); в настоящее время основным специалистом по мастерской Мастера Йены является К. Катариу, которая также разработала классификацию гончаров, трудившихся в этой мастерской (*Kathariou*, 2009; 2014; 2015; 2016a; 2016b; и др.), и предложила уточненный список vaz с атрибуциями разным членам мастерской (Καθάρῑου, 2002. Σ. 240–260).

Чуть меньших размеров (высота 29,8 см, диаметр венчика 18,4 см, диаметр базы 16 см), но очень близкой по форме, орнаментам и стилю росписи к пелике из Манты является пелика, которая была найдена «в начале 1833 года... в той цепи насыпей, которая идет от горы Митридата к золотому кургану» в окрестностях Керчи (*Ашик*, 1849. С. 18, 19). По свидетельству нашедшего ее А. Б. Ашика, внутри пелики «хранились жженые кости», то есть она исполняла роль погребальной урны, над которой «был насыпан довольно высокий курган», а сама она «находилась не в гробнице, а в материке, и покрыта была маленькою

Рис. 5. Фигуры в плащах на аттических краснофигурных вазах: 1 — пелика в Эксетере (BAPD 231036); 2 — пелика в Британском музее (BAPD 230393); 3 — скифос в Лондоне (CVA British Museum 4, 1929. Pl. 31, 1); 4 — скифос в Капуе (CVA Capua 2, 1962. Pl. 15, 6); 5 — скифос в Перми (*Петракова, Букина*, 2019. Кат. 130); 6 — кратер в Вене (CVA Wien 3, 1974. Taf. 136, 4); 7 — пелика из Манты; 8 — пелика из Керчи

Fig. 5. Mantled figures on Attic red-figure vases: 1 — pelike in Exeter (BAPD 231036); 2 — pelike in the British Museum (BAPD 230393); 3 — skyphos in London (CVA British Museum 4, 1929. Pl. 31, 1); 4 — skyphos in Capua (CVA Capua 2, 1962. Pl. 15, 6); 5 — skyphos in Perm (*Петракова, Букина*, 2019. Кат. 130); 6 — krater in Wien (CVA Wien 3, 1974. Taf. 136, 4); 7 — pelike from Manta; 8 — pelike from Kerch

каменной плитой». На стороне А пелики из Керчи изображены участники лампадодромии³ по сторонам от алтаря, над которым парящая Ника собирается увенчать одного из них лентой (*Там же*. Рис. VII); на стороне Б изображены юноши в плащах, крайне близкие тем, что представлены на стороне Б пелики из Манты (ср. рис. 5, 7 и 5, 8); орнаменты на венчике (включая узкий пояс с шахматным орнаментом), горлышке, под ручками и по нижней части тулова на двух пеликах также одинаковые (ср. рис. 2, 1–6 и 6, 1–6), за исключением мелочей: на пелике из Керчи нет петлевидного элемента и элемента в форме листика плюща, как под ручкой А/Б на пелике из Манты, а крайняя левая фигура на стороне А не перекрывает орнамент; кроме того, под ручкой А/Б на пелике из Керчи вместо прямоугольника 5 × 5 квадратов (в пояске с меандрами и шахматным орнаментом) получился прямоугольник 6 × 6 и слева от него две вертикальные полосы (рис. 6, 4), а на пелике из Манты в этом месте срезан меандр (рис. 2, 4).

Пелика из Керчи, хранящаяся в настоящее время в Государственном Эрмитаже (инв. № П.1833.1), была неоднократно опубликована с датировкой около 400 г. до н. э. (см.: Олимпия..., 2013. Кат. 90, с предыдущей библиографией) или 400–390 гг. до н. э. (*Κεφαλίδου*, 1996. Cat. Λ7), но без атрибуции. При публикации этой пелики в 2018 г. Д. Васько, ознакомившись с рассуждениями Э. Теляги по поводу пелики из Манты и прочитав о сходстве фигур на стороне Б с фигурами на скифосах, атрибутированных Мастеру Лондон F 128, сделал ошибочный вывод о том, что на основании этого сходства нужно атрибутировать Мастеру Лондон F 128 и пелику из Керчи (*Васько*, 2018) и, соответственно, ее аналогию — пелику из Манты. Мы же согласимся с В. Банару и Э. Телягой, отметившими значительное сходство росписей пелики из Манты (и, соответственно, пелики из Керчи) с работами мастерской Мастера Йены: сторона А, в традициях этой мастерской, украшена более интересным сюжетом с более качественно выполненными росписями, а сторона Б — бегло нарисованными типовыми фигурами, так же как на фрагментированной пелике Мастера Йены

³ Ритуальное состязание в беге с горящими факелами, проводившееся в Афинах и других древнегреческих полисах. По свидетельству Павсания, «заключается в том, чтобы во время бега сохранить факел горящим; если у прибежавшего первым факел потухнет, он уже теряет право на победу» (Павсаний. Описание Эллады. I. Атика. 30, 2).

в Эксетере (рис. 5, 1): сторона А этой пелики аттестована Дж. Бизли (с ним согласилась К. Катариу) как выполненная Мастером Йены, а сторона Б — как выполненная в «стиле Б» (*Beazley*, 1963–1968. P. 1516, no. 80; *Καθάρου*, 2002. Σ. 240, JEN1). Как прокомментировал «стиль Б» сам ученый: «я думаю, весьма вероятно, что рука, тем не менее, одна и та же — Мастера Йены», просто росписи на оборотной стороне часто выполнены в «грубом, беглом стиле с толстыми линиями» (*Beazley*, 1963–1968. P. 1511). Эти грубые толстые линии мы видим на сторонах Б пелик из Манты и Керчи, характерные «крючкообразные» элементы⁴ для обозначения некоторых складок также выполнены более грубо и однообразно, чем на стороне А (ср. рис. 4, 1 и 5, 7).

К рассуждениям и аналогиям Э. Теляги мы добавим скифос с изображением Ник и обнаженных юношей, хранящийся в Эрмитаже, который был атрибутирован Дж. Бизли «в манере» Мастера Йены (*Beazley*, 1963. P. 1697⁵). Трактовку абсолютно всех мельчайших деталей обнаженных мужских тел на этом скифосе, тел сатиров на пелике из Манты и тел атлетов на пелике из Керчи следует назвать идентичной (рис. 7) — совпадает рисунок ключиц, груди, сосков, пупка, живота, бедер; крайне близки профили женщин и мужчин, трактовка складок женских одежд и крыльев у Ник (на скифосе в Эрмитаже и пелике из Керчи) и Эрота (на пелике из Манты). Помимо этого, можно сопоставить трактовку женских лиц (рис. 4, 8, 9), волос,

⁴ Сами по себе крючкообразные и петлеобразные элементы для обозначения складок стали очень модными в аттической вазописи последней четверти V в. до н. э., их в изобилии можно видеть на вазах Аристофана, Мастера Мидия и его многочисленных коллег и подражателей; на пеликах из Манты и Керчи этих элементов меньше и они гораздо менее прихотливые и разнообразные.

⁵ Комментарий дан в описании другой вазы (VAPD 231052), которую сам Бизли атрибутировал «в манере» Мастера Йены (*Beazley*, 1963–1968. P. 1517, no. 10), а К. Катариу атрибутировала Мастеру Диомеда (*Καθάρου*, 2002. Σ. 259, JEN 165): «близко к этой... и, возможно, выполнен той же самой рукой, скифос (тип А) в Ленинграде: А, Ника и два атлета; Б, то же самое» (*Beazley*, 1963–1968. P. 1697). Мастер Диомеда — один из ведущих мастеров мастерской Мастера Йены, про которого сам Бизли не решил, является ли он отдельным вазописцем или его следует отождествить с какой-то фазой развития Мастера Йены.

Рис. 6. Пелика
из погребения в Керчи
(ГЭ. Инв. № П.1833.1):
1, 2 — вид сверху и снизу;
3 — сторона А;
4 — ручка А/Б;
5 — сторона Б;
6 — ручка Б/А
(фото С. В. Бутыгина)

Fig. 6. Pelike from a burial
in Kerch (State Hermitage.
Inv. П.1833.1):
1, 2 — view from above
and below;
3 — side A;
4 — handle A/B;
5 — side B;
6 — handle B/A
(photo by S. V. Butygin)

Рис. 7. Сравнение трактовки деталей в прорисовке мужского торса на трех вазах: 1а, 1б — юноши на скифосе Мастера Йены (ГЭ. Инв. № Б.2646,); 2а, 2б — сатиры на пелике из Манты; 3а, 3б — юноши на пелике из Керчи (ГЭ. Инв. № П.1833.1)

Fig. 7. Comparison of the treatment of details in a drawing of a male torso on three vases: 1а, 1б — a youth on a skyphos by the Jena Painter (State Hermitage. Inv. Б.2646); 2а, 2б — satyrs on the pelike from Manta; 3а, 3б — youths on a pelike from Kerch (State Hermitage. Inv. П.1833.1)

обнаженного тела выше пояса (рис. 4, 2, 3) на пелике из Манты с теми, что имеют персонажи на фрагменте блюда (*Der Jenaer Maler...*, 1996. Taf. 14, 2; BAPD 231035) и фрагменте чаши (*Ibid.* Taf. 3, 2; BAPD 230957) в Йене, фрагменте чаши в Утрехте (*Paul-Zinserling*, 1994. Taf. 23; BAPD 231007); тело, голову, крылья Эрота (рис. 4, 4–7), женские профили, прически, складки на пелике из Манты — с теми, что имеются на чаше в Оксфорде (*Paul-Zinserling*, 1994. Taf. 18, 1, 2; 49, 1; BAPD 231038), а прорисовку тел и хвостов сатиров, профилей и складок на женских одеждах — с теми, что представлены на чаше в Британском музее (*Paul-Zinserling*, 1994. Taf. 16; 34, 3; BAPD 231039). Элементы орнамента (завитки, бутоны, похожий на листик плюща элемент в орнаменте в виде ов) сравнимы с таковыми на фрагментированном килике в Йене (*Der Jenaer Maler...*, 1996. Taf. 16b; BAPD 230958), а также с различными элементами на гидрии в Берлине (CVA Berlin 9, 2002. Taf. 40, 1–4; 41, 1–3; 42, 1–6; BAPD 231037) и на упоминавшейся выше пелике в Эксетере. Все приведенные аналогии атрибутированы мастерской Мастера Йены (ему самому, «в манере», Мастеру Диомеда, который, по словам Бизли, может быть просто одной из фаз творчества самого мастера), по поводу ряда из них отмечено, что имеется сходство и с традициями Мастера Мидия (это касается элементов орнамента и трактовки складок). Думается, что таким же образом можно охарактеризовать и пелики из Керчи и с. Манта, а также упомянутый скифос в Эрмитаже: ранние работы мастерской Мастера Йены с заметным влиянием традиций Мастера Мидия.

Как справедливо заметил Э. Теляга, и элементы под ручками в виде композиции из пальметты, волютообразных завитков и бутонов, и ряд меандров, прерванных прямоугольниками с шахматными орнаментами, и орнаменты в виде ов, именно такие, как на венчике и горлышке пелики из Манты, встречаются на разных аттических вазах (в том числе — пеликах), атрибутированных кругу Мастера Мидия, Мастера Промоса, Мастера Суэссулы, то есть на изделиях конца V в. до н. э., хотя подобные элементы можно видеть и на вазах первой и второй четвертей IV в. до н. э., в частности, ассоциированных с мастерской Мастера Марсия (*Teleaga*, 2008. S. 140, 141). А вот расположенный уголок поясок орнамента в виде ов под ручкой в месте крепления является более редким: помимо пелик из Керчи и с. Манта такой подход к декору под ручкой можно видеть на пелике в Мюнхене, датированной

около 390 г. до н. э. (BAPD 31967), знаменитом лекифе с подписью гончара Ксенофанта (*Виноградов*, 2007), который датируют около 400 или 390 г. до н. э. (*Lezzi-Hafter*, 2013), фрагменте ойнохой из раскопок афинской агоры, атрибутированном Классу Агоры Р 15840 и датированном около 410 г. до н. э. (*Moore*, 1997. Pl. 84, no 818; BAPD 3964), фрагментированном лебесе из некрополя Горгиппии, который может быть сопоставлен с работами мастерской Мастера Марсия и Группы Аполлонии (см. подробнее: *Букина*, 2023а), лебесе в Торонто (*Curti*, 2001. Pl. 52; BAPD 217958), отнесенном к работе мастерской Мастера Мелеагра (первая четверть IV в. до н. э.). Подобное оформление пространства под ручкой — редкость, требующая дальнейших изысканий; на сегодня можно сказать, что мода на подобный поясок с орнаментом в виде «уголка» вершиной вниз связана с рубежом V–IV вв. до н. э.

Дискуссию вызвала не только атрибуция пелики из Манты, но и интерпретация изображения на стороне А. Что касается стороны Б — она украшена стандартными для оборотной стороны аттических vaz «фигурами в плащах» (*mantle figures*). В старых зарубежных публикациях фигуры в плащах на оборотной стороне вазы интерпретировали весьма разнообразно: как сугубо декоративное заполнение пустого пространства, как сцены бесед афинских граждан, как изображение театрального хора и пр. (см. подробный разбор: *Franceschini*, 2018. S. 17–21). В отечественных публикациях, начиная с XIX в. и до недавнего времени, бытовало мнение о том, что представлены некие «мисты», связанные с религиозными представлениями боспорян (см., например: *Шталь*, 2000). В настоящее время такие фигуры интерпретируют как образную репрезентацию членов греческого общества с атрибутами (атлет со скребком, жрец с факелом, гражданин с посохом) или без (*Langner*, 2012). Появившись еще в VI в. до н. э. в рамках чернофигурной вазописи, они становятся все более стандартизированными в течение последующих двухсот лет. Аристократические атрибуты, вроде оружия или богато декорированного хитона, заменяются простым хитоном и/или плащом, посохом, стригилем и другими общеупотребимыми вещами; таким образом, речь идет не только о «гражданах», но и в целом о «политах», то есть обо всех мужчинах, участвующих в жизни полиса. При помощи плаща-гиматия визуально обозначается житель полиса, который подчиняется его социальным нормам (пусть даже и временно, находясь

на публике). Плащ здесь является своеобразным символом контролируемого поведения и выражения ценностей общества: равенства, гомонойя (ὁμόνοια, «единство разумов и сердец», «единодушие»), софросюне (σωφροσύνη, «благоразумие», «рассудительность», «здоровый смысл»). «Поли-ты» становятся частью последовательной иконографической системы и изобразительного нарратива, связывающего росписи на вазах с жизнью Афин. Они принадлежат одновременно и миру изображения на вазе, и миру зрителя, который держит вазу в руках (ибо он может себя с ними отождествлять) (см. подробнее: *Franceschini*, 2018. S. 157–220).

Таким образом, по поводу стороны Б на пелике из Манты все более-менее ясно: это стандартное для аттических ваз, особенно второй половины V и IV в. до н. э., изображение. Роспись же на стороне А вызывает вопросы, поскольку по отдельности каждая фигура вполне характерна для аттической вазописи, проблема состоит в их совмещении в пределах одной композиции.

С. М. Агульников предложил видеть в сцене на стороне А «поклонение Афродите» (*Агульников*, 1993. С. 117), где обнаженная полулежащая женщина — это Афродита, к которой приближаются сатиры и Эрот, а в левой части композиции стоит Артемида (*Агульников*, 1991а), отметив, что «на поясе у нее отчетливо видна деталь охотничьего лука» (*Агульников*, 1993. С. 116) — по видимому, так он интерпретировал складку одежды (см. рис. 4, 1). Действительно, обнаженность женщины (которая для Афродиты является своеобразным иконографическим признаком) и наличие Эрота могут свидетельствовать в пользу того, что представлена Афродита. Однако если имеется в виду анодос Афродиты в окружении сатиров — она должна быть бодрствующей и, так или иначе, поднимающейся, как это можно видеть на многих аттических вазах (см. LIMC, Vol. II, Aphrodite; см. также: BAPD 273, 7835, 10848, 211143, 211718, 218055, 218129, 218196, 230395 и др.), а на пелике из Манты женщина представлена с закрытыми глазами, пусть и поза у нее весьма изящная, лишь условно отсылающая к состоянию сна.

В. Банару, опираясь на разнообразные письменные источники, предположил, что это могла бы быть сцена с сатирами, атакующими нимфу или вакханку (благо, подобных изображений в аттической вазописи много), но более убедительным ему показалось трактовать изображение как миф об Ариадне, где обнаженная женщина, к которой подлетает Эрот, — это Ариадна, а стоящая

слева женщина — возможно, Афродита, которая оказывала Ариадне покровительство, предсказала ей брак с Дионисом и славу (*Banaru*, 2005; 2008. P. 83–89, 95). Он также не исключил того, что фигура слева может быть менадой, пусть и без привычных атрибутов (тирса, тимпана, звериной шкуры), а также нимфой / персонификацией Наксоса (где происходили эти события) или Коркиной, кормилицей Ариадны, которая сопровождала ее на Наксос и была позднее там погребена (*Plut. Thes.* 20). Банару также предположил, что фигура могла бы обозначать и Афины, сыгравшую важную роль в истории Ариадны, однако отверг эту идею, поскольку полностью отсутствуют атрибуты, которые могли бы указывать на Афины. Идею С. М. Агульникова о том, что в левой части композиции представлена Артемида (*Агульников*, 1991а), Банару отверг, ссылаясь на один из вариантов мифа об Ариадне, в котором она была убита Артемидой (*Hom. Odys.* XI, 320–325), соответственно, изображать их рядом было бы нелогично (впрочем, С. М. Агульников и не интерпретировал спящую женщину как Ариадну).

В отличие от обеих женщин, идентификация двух сатиров и Эрота на пелике из села Манта не вызывает сомнений. Необходимо заметить, что Эрот — характерный иконографический элемент в сценах именно с Дионисом и Ариадной (рис. 8, 9) (но не в сценах с сатирами, нападающими на менад), его присутствие там вполне логично, ведь Ариадна вступает в священный брак; чаще всего при описании ваз крылатого юношу называют именно Эротом, хотя это может быть и Гимерос, как на фрагменте кратера в Тюбингене (рис. 8, 5), где все имена написаны рядом с изображениями (*Heinemann*, 2016. Fig. 136; BAPD 213727). В данном случае не имеет принципиального значения, Эрот ли это или Гимерос (см. подробнее: *Pellegrini*, 2009), главное, что это точно не Гипнос, которого иногда изображают (очень маленьким) над Ариадной, чтобы обозначить, что она крепко спит, пока Тезей тихонечко покидает ее (рис. 8, 3).

В интерпретации сцены на пелике из Манты как сцены с Ариадной на Наксосе основной проблемой является обнаженность спящей женщины. Банару приводит в пример несколько аттических краснофигурных ваз с изображением сатиров, подходящих именно к обнаженной спящей женщине. Наиболее яркие из них — это ойнохоя во Франкфурте (рис. 8, 6), на которой сатир тянется к полностью обнаженной (лишь чресла прикрыты тонкой драпировкой) спящей женщине, изящно возлежащей на скале (*Banaru*, 2008.

Fig. 1, 5; VAPD 5001), и кувшин в Бостоне (рис. 8, 7), на котором в центре полностью обнаженная женщина спит на матрасе, под ней небольшая свисающая драпировка, а в левой руке тирс (*Banaru*, 2008. Fig. 2, 3; VAPD 10447), с двух сторон к ней приближаются эмоционально реагирующие сатиры. Такие сцены интерпретируют как изображение сатиров, помогающих менады или нимфы; однако в них изображены только спящая женщина (иногда с тирсом, иногда без) и сатиры (без Эрота), женщина представлена обнаженной или одетой (особенно в ранней краснофигурной вазописи). Хотелось бы заметить, что в вазовых росписях, которые ни у кого не вызывают сомнений по поводу того, что изображена именно менада, а не Ариадна, как правило, намерения сатиров визуализированы очень недвусмысленно (рис. 8, 2). На пелике из Манты такого нет.

Э. Теляга, как и В. Банару, предложил интерпретировать сцену на стороне А пелики из Манты как изображение спящей Ариадны, ссылаясь на публикации по иконографии Ариадны в аттической вазописи (LIMC. Vol. III, s. v. Ariadne, 1068–1069, Nr. 112; *Metzger*, 1951. P. 100–115, pl. 8, 2; 10). В качестве аналогии по сюжету (но не по стилю росписи) он привел пелику в собрании Британского музея (*Beazley*, 1963–1968. P. 1472, no 3; VAPD 230394; LIMC ID 36249), на которой представлена спящая женщина в очень коротком и прозрачном хитоне, над ней парит Эрот, а с каждой стороны нарисовано по два сатира (рис. 8, 8) — эта аналогия приведена и у В. Банару (*Banaru*, 2008. Fig. 2, 7). Любопытно, что сатиры протягивают руки и даже хватают спящую женщину за разные части тела, их пенисы эрегированы, стало быть, ведут они себя так, как вели бы с менадой. Но над женщиной парит Эрот, который раскинул руки в стороны и жестами останавливает сатиров. Как представляется, это — явный аргумент в пользу того, что тут подразумевается именно Ариадна, будущая супруга Диониса, а не просто какая-то менада, с которой сатирам можно делать что угодно (и что они часто делают на аттических вазах). Жесты Эрота визуально выражают идею, что в данном случае женщина предназначена не им, и трогать ее нельзя.

Думается, версия об Ариадне на стороне А пелики из Манты является наиболее убедительной. Нагота Ариадны не должна смущать зрителя в данном случае. Конечно, на аттических вазах архаики и классики обнаженными изображены, как правило, гетеры, нимфы, менады — те, кто не относятся к «цивилизованным» представителям

полиса (*Cohen*, 1997). Нагота менад в сценах, где их домогаются сатиры, является таким же маркером их «животного» начала и нецивилизованного поведения (что нормально для спутниц Диониса), как и звериные черты сатиров (не рисовать же сатиров-женщин!) (*Lissarrague*, 1993. P. 207–220). Проблема в том, что в аттической вазописи архаики и ранней классики Ариадну, конечно, изображали, но в составе других сцен; спящая Ариадна и ее инициация заинтересовали краснофигурных вазописцев позже (*McNally*, 1985. P. 161), да и тогда этот сюжет не был особо популярен, большинство росписей с участием Ариадны посвящены ее браку с Дионисом и их совместному представлению (рис. 8, 5, 9), что вполне логично (*Ibid.* P. 163–165). Одним из наиболее ранних изображений спящей Ариадны в аттической краснофигурной вазописи признают роспись на вазе, датированной около 480 г. до н. э. и атрибутированной Мастеру литейной мастерской (*Beazley*, 1963–1968. P. 405, no. 1; VAPD 204395; LIMC ID 25090): это сцена оставления Тезеем Ариадны (рис. 8, 1). За Тезеем представлен Гермес, над Ариадной парит Эрот, она возлежит в характерной изящной позе на скальном выступе, но в отличие от росписи на пелике из Манты она формально одета в длинные одежды с многочисленными складками, хотя и ноги, и груди старательно прорисованы под одеждой, как если бы ткань мыслилась исключительно прозрачной. Эта Ариадна вызывает ассоциации со знаменитой римской скульптурой II в. н. э. и вариациями на ее тему, которые, кстати, тоже не сразу идентифицировали как Ариадну (*McNally*, 1985. P. 172). Иногда ученые говорят о том, что Ариадну следует идентифицировать по вуали невесты (в принципе за таковую можно счесть драпировку, на которой лежит Ариадна на пелике из Манты), но проблема в том, что на тот момент, когда ее находят на Наксосе, она уже оставлена Тезеем, но еще не стала невестой Диониса (*Joaze*, 2016. P. 50), да и вуаль, надо сказать, которая используется именно в качестве вуали (закрывает лицо), в аттической вазописи — явление редкое (см.: *Петракова*, 2023). Ариадну же в тех сценах, где ее отождествление не вызывает сомнений, постоянно изображают без вуали или покрывала, за редким исключением (рис. 8, 4), как на фрагменте леканы в Бонне (*Heinemann*, 2016. Fig. 142; VAPD 12532). Изображения спящих менад (рис. 8, 2) (они же — наиболее ранние спящие персонажи в аттической вазописи вообще) появились лет на десять–двадцать раньше (*McNally*, 1985. P. 156–158). Можно предположить, что

Рис. 8. 1 — Тезей, покидающий спящую Ариадну, на килике в Тарквинии, ок. 480 г. до н. э. (CVA Tarquinia 2, 1974. Pl. 18, 3); 2 — сатиры и спящая менада на килике в Бостоне, ок. 490 г. до н. э. (Joyce, 2016. Fig. 5, 2); 3 — Тезей, покидающий Ариадну, и маленький Гипнос на лекифе в Таранто, ок. 450 г. до н. э. (BAPD 206410); 4 — Тезей, покидающий спящую Ариадну, и Эрот на лекане в Бонне, ок. 400 г. до н. э. (Heinemann, 2016. Fig. 142); 5 — Дионис, Ариадна и Гимерос (все имена написаны) на кратере в Тюбингене, 440–430 гг. до н. э. (Ibid. Fig. 136); 6 — сатир и спящая женщина на ойнохое во Франкфурте, 430–420 гг. до н. э. (Banaru, 2008. Fig. 1, 5); 7 — раз-вертка росписи ойнохоей в Бостоне с изображением сатиров и спящей женщины, 420–410 гг. до н. э. (Ibid. Fig. 2, 3); 8 — сатиры, Эрот и спящая Ариадна на пелике в Британском музее, 400–390 гг. до н. э. (фото с сайта музея, инв. № 1901,0710.5); 9 — Дионис, полуобнаженная Ариадна, Эрот, сатир, Пан на пелике в Британском музее, ок. 370 г. до н. э. (Metzger, 1951. Pl. 13, 3)

Fig. 8. 1 — Theseus leaving sleeping Ariadne on a kylix from Tarquinia, ca. 480 BC (CVA Tarquinia 2, 1974. Pl. 18, 3); 2 — satyrs and a sleeping Maenad on a kylix in Boston, ca. 490 BC (Joyce, 2016. Fig. 5, 2); 3 — Theseus leaving Ariadne and little Hypnos on a lekythos in Taranto, ca. 450 BC (BAPD 206410); 4 — Theseus leaving sleeping Ariadne and Eros on a lekane in Bonn, ca. 400 BC (Heinemann, 2016. Fig. 142); 5 — Dionysus, Ariadne and Himeros (all named) on a krater in Tübingen, 440–430 BC (Ibid. Fig. 136); 6 — satyr and a sleeping woman on an oinochoe in Frankfurt, 430–420 BC. (Banaru, 2008. Fig. 1, 5); 7 — a sweep of the painting on an oinochoe in Boston with a representation of satyrs and a sleeping woman, 420–410 BC (Ibid. Fig. 2, 3); 8 — satyrs, Eros and sleeping Ariadne on a pelike in the British Museum, 400–390 BC (photo from the museum site, inv. 1901,0710.5); 9 — Dionysus, half-naked Ariadne, Eros, a satyr and Pan on a pelike in the British Museum, ca. 370 BC (Metzger, 1951. Pl. 13, 3)

«спящая менада, появившаяся в аттической вазописи задолго до спящей Ариадны, стала визуальным прототипом» (Joyce, 2016. P. 49); то есть заимствование одним вазописцем у другого шло на уровне рисунка, понравившегося композиционного элемента, позы, жеста, а не на уровне философских рассуждений о том, что у Гомера Дионис осуждает Ариадну и ее убивает Артемида (Hom. *Odyss.* XI, 321), а у Гесиода (Hes. *Theog.*, 947) она становится невестой, а впоследствии — женой Диониса. Нагота Ариадны в изобразительном искусстве со временем становится нормой: в аттической вазописи IV в. до н. э. она регулярно обнажена или полуобнажена в сценах с Дионисом (рис. 8, 9), в римской настенной живописи это, по сути, элемент иконографии сцены (Elsner, 2007). Говоря об обнаженной или полуобнаженной, подобно менаде, Ариадне, некоторые ученые предполагают, что через визуальное ассоциирование Ариадны с менадой подчеркивается ее притягательность и уязвимость одновременно, что делает образ более трогательным (Joyce, 2016. P. 50). И более того (почему идея о менаде на пелике из Манты не противоречит идее об Ариадне) — В. Пауль-Цинзерлинг (в специализированном исследовании об иконографии росписей мастерской Мастера Йены) писала о том, что Ариадна, оставленная Тезеем, пришла в фиас, по сути, как менада, а в браке с Дионисом обрела (желанный любой «правильно» ведущей себя девушкой) статус честной жены (Paul-Zinserling, 1994. S. 41–44). А. Хайнеман в исследовании, посвященном изображению Диониса с фиасом на аттических вазах

V в. до н. э., помимо прочего, рассуждает о том, что Дионис во взаимоотношениях с Ариадной демонстрирует социально одобряемую модель поведения мужчины с женщиной, которая противопоставляется тому, что вытворяют сатиры с менадами (Heinemann, 2016. S. 211–222). Роспись на стороне А пелики из Манты может как раз иметь отношение к визуальному выражению этого противопоставления и представлять собой ранний пример нового варианта иконографии спящей Ариадны (получившего распространение в эллинистическом и римском искусстве): когда она представлена обнаженной. Интерпретируя такие изображения в римской живописи поздней республики — ранней империи некоторые авторы даже пишут о том, что история о «покинутой» Тезеем на Наксосу и «найденной» Дионисом там же Ариадне вполне может быть интерпретирована в изобразительном искусстве аллегорически, иллюстрируя возможности «маргинализованной девицы... быть инициированной в качестве уважаемой матроны» (Joyce, 2016). В любом случае на пелике из Манты мы имеем дело с изображением некоего решающего и переходного момента, который вполне сопоставим с идеями о «переходе» в контексте разнообразных ритуалов — будь то свадьба (свадьба Диониса с Ариадной — один из частных случаев) или похороны (см. подробнее: Букина, 2023б). В силу того что эта пелика обнаружена в могиле, следует признать, что, по-видимому, положена она туда со знанием дела: не просто как пример модной привозной из Афин продукции, но и с пониманием того, что на ней изображено.

- Агульников, 1991a — Агульников С. М. Краснофигурная пелика из Нижнего Попрутья // Археология и история Нижнего Подунавья. 1991. Вып. 2. С. 28–29.
- Агульников, 1991b — Агульников С. М. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Кагульской оросительной системы // Архив Национального Музея истории Молдовы. № 311.
- Агульников, 1991в — Агульников С. М. Полевая документация Кагульской новостроечной археологической экспедиции // Архив полевой документации Национального Музея истории Молдовы. № 18.
- Агульников, 1993 — Агульников С. М. Курган скифской культуры у с. Манта на Нижнем Пруте // Revista arheologică. 1993. Vol. 1. P. 115–119.
- Агульников, 2008 — Агульников С. М. Археологическое наследие Буджака // Revista de Etnologie și Culturologie. 2008. Vol. 3. P. 227–243.
- Агульников, Сава, 2004 — Агульников С. М., Сава Е. Н. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинев: СЕР USM, 2004. 243 с.
- Ашик, 1849 — Ашик А. Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 3. Одесса: Тип. Т. Неймана и К°, 1849. XVII, [1], 96, [2], 50 л. ил.
- Букина, 2023a — Букина А. Г. Афинский полихромный лебес из некрополя Горгиппии: новая реконструкция и переатрибуция // Боспорские чтения XXIV: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: археологические и письменные источники в исторических реконструкциях: Материалы Междунар. науч. конф. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2023. С. 43–46.
- Букина, 2023б — Букина А. Г. Сцены и символы брака: афинские полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре // АВ. 2023. Вып. 41. С. 143–161.
- Васько, 2018 — Васько Д. С. «Первая находка Ашика»: к завершению реставрации краснофигурной пелики из собрания Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. Вып. 76. С. 26–39.
- Вдовиченко, 2008 — Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). Симферополь: Сонат, 2008. 352 с.
- Виноградов, 2007 — Виноградов Ю. А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 63 с.
- Кетрару и др., 2014 — Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Дубоссарские курганы. Тирасполь: Stratum plus, 2014. 238 с.
- Олимпия..., 2013 — Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. Центр «Эрмитаж. Казань» (16 апреля — 16 ноября 2013 г.). СПб.: Славия, 2013. 271 с.
- Павсаний — Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева, под ред. Е. В. Никитюк. СПб.: Алетейя, 1996. Т. 1, кн. 1–4. 336 с.
- Петракова, 2023 — Петракова А. Е. Женщина с закрытым лицом: редкий мотив на афинских вазах из Боспорских находок // Боспорский феномен: Quarta pars saeculi: Итоги, вопросы, дискуссии: Материалы Междунар. науч. конф / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 337–343.
- Петракова, Букина, 2019 — Петракова А. Е., Букина А. Г. Малые коллекции античных vaz в музеях России. Каталог / При участии А. И. Алексеева, О. К. Баженовой, А. Н. Гузанова, А. С. Намойлик, М. В. Ромашовой, Е. С. Тарарухиной, А. А. Фроловой. СПб.; Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2019. 565 с.
- Полин, 2014 — Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Изд. О. Филюк, 2014. 776 с.
- Синика, 2007 — Синика В. С. Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06: Археология / МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: МГУ, 2007. 27 с.
- Шталь, 2000 — Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. М.: Олма-Пресс, 2000. Т. 1: Пелики, IV в. до н. э., керченский стиль. 223 с.
- Agulnikov, 1997 — Agulnikov S. Scythian vestiges at the Lower Prut // Prima eposă a fierului la gurile Dunării și în zonele circumpontice. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale “Gavrilă Simion” Tulcea, 1997. P. 253–258.
- Banaru, 2005 — Banaru V. Zur Sinnbedeutung der Bildszene auf der Vorderseite der rotfigurigen Pelike von Manta, Republik Moldova // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges. North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / Ed. V. Coiocaru. Iași: Trinitas, 2005. P. 195–210.
- Banaru, 2008 — Banaru V. Cu privire la decorul vaselor cu figuri roșii din nordul și nord-vestul Pontului Euxin // Tyragetia, serie nouă. Chișinău, 2008. Vol. II [XVII], Nr. 1: Arheologie. Istorie Antică. P. 80–118.
- Beazley, 1963–1968 — Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1963–1968. 2036 p.
- Cohen, 1997 — Cohen B. Divesting the Female Breast of Clothes in Classical Sculpture // Naked Truths / Eds. A. O. Koloski-Ostrow, C. L. Lyons. London: Routledge, 1997. P. 66–92.
- Curti, 2001 — Curti F. La Bottega del pittore di Meleagro, RdA Supplement 25. Roma: Giorgio Bretschneider, 2001. 300 p., con 105 tavole.
- CVA Berlin 9, 2002 — Böhr E. Corpus Vasorum Antiquorum. Deutschland [Band 74]. Berlin, Antikensammlung, ehemals Antiquarium [Bd. 9] Attische rotfigurige Hydrien. Attische Furnis-Hydrien. Munich: Verlag C. H. Beck, 2002. 98 s., 60 pl.

- CVA British Museum 4, 1929 — *Walters H. B.* Corpus Vasorum Antiquorum. Great Britain [fasc. 5], British Museum [fasc. 4]. London: British Museum Publishers, 1929. 35 p., 48 pl.
- CVA Capua 2, 1962 — *Mingazzini P.* Corpus Vasorum Antiquorum. Italia [fasc. 23]. Capua, Museo campano [fasc. 2]. Roma: "L'ERMA" di Bretschneider, 1962. 104 p., 66 pl.
- CVA Tarquinia 2, 1974 — *Canciani F.* Corpus Vasorum Antiquorum. Italia [fasc. 55]. Tarquinia, Museo archeologico nazionale [fasc. 3]. Roma: "L'ERMA" di Bretschneider, 1974. 60 p., 44 pl.
- CVA Wien 3, 1974 — *Eichler F.* Corpus Vasorum Antiquorum. Österreich [Bd. 3]. Wien, Kunsthistorisches Museum [Bd. 3]. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1974. 48 s., 50 taf.
- Elsner, 2007* — *Elsner J.* Viewing Ariadne: From Ekphrasis to Wall Painting in the Roman World // *Chicago Journals, Classical Philology*. 2007. Vol. 102, no. 1, Special Issues on Ekphrasis / Eds. S. Bartsch, J. Elsner. P. 20–44.
- Der Jenaer Maler...*, 1996 — *Der Jenaer Maler.* Eine Töpferwerkstatt im klassischen Athen. Fragmente attischer Trinkschalen der Sammlung Antiker Kleinkunst der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Eine Ausstellung des Lehrstuhls für Klassische Archäologie / Hrsg. A. Geyer. Wiesbaden: Reichert, 1996. 102 s., 16 pl.
- Franceschini, 2018* — *Franceschini M.* Attische Mantelfiguren: Relevanz eines standardisierten Motivs der rotfigurigen Vasenmalerei. Zürcher archäologische Forschungen. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2018. Bd. 5. 354 s., 15 pl.
- Heinemann, 2016* — *Heinemann A.* Der Gott des Gelages. Dionysos, Satyrn und Mänaden auf attischem Trinkgeschirr des 5. Jahrhunderts v. Chr. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. 787 s.
- Joyce, 2016* — *Joyce L. B.* Ariadne Transformed in Pompeii's House of Fabius Rufus // *Icon, Cult, and Context Sacred Spaces and Objects in the Classical World* / Eds. M. K. Heyn, A. I. Steinsapir. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press, 2016. P. 47–64.
- Junker, 2003* — *Junker K.* Die Athena-Marsyas-Gruppe des Myron auf der Akropolis von Athen // *Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts*. 2002. Berlin; New York: De Gruyter, 2003. Bd. 117. S. 127–183.
- Καθάρειο, 2002* — *Καθάρειο Κ.* Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχή του: Παρατηρήσεις στην αττική κεραμική του πρώτου τετάρτου του 4ου αι. π. Χ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2002. 439 π.
- Kathariou, 2009* — *Kathariou K.* The Jena Workshop Reconsidered: Some New Thoughts on Old Finds // *Athenian Potters and Painters*. Oxford: Oxbow Books, 2009. Vol. II / Eds. J. H. Oakley, O. Palagia. P. 73–89.
- Kathariou, 2014* — *Kathariou K.* Fragments of History: I. Introducing a New Shape produced in the Jena Painter's workshop // *Otium cum dignitate. Festschrift für Archäologie und Rezeptionsgeschichte der Antike* / Eds. D. Graen, M. Rind, H. Wabersich. Oxford: Archaeopres, 2014 (BAR Series; Vol. 2605). P. 23–29.
- Kathariou, 2015* — *Kathariou K.* The Jena Deposit under glass: investigating the production of a ceramic workshop in late Classical Athens // *Keramos, Ceramics: a Cultural Approach: Proceedings of the First International Conference at Ege University, Izmir*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat, 2015. P. 166–172.
- Kathariou, 2016a* — *Kathariou K.* On the quest for the missing link in Late Classical Athenian Kerameikos: A study of the Jena Painter's Workshop // *Töpfer — Maler — Werkstatt: Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion* / Hrsg. N. Eschbach, S. Schmidt. München: Verlag C. H. Beck, 2016 (Beihefte zum Corpus vasorum antiquorum; Bd. 7). S. 149–161.
- Kathariou, 2016b* — *Kathariou K.* Fragments of History: II. Introducing a New Shape produced in the Jena Painter's workshop // *Τιμητικός τόμος για την καθηγήτρια Στέλλα Δρούγου* / Eds. M. Giannopoulou, Ch. Kallini. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 2016. P. 454–466.
- Κεφαλίδου, 1996* — *Κεφαλίδου Ε.* Νικητής: Εικονογραφική μελέτη του αρχαίου ελληνικού αθλητισμού. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 1996. 272 σ., 78 π.
- Langner, 2012* — *Langner M.* Mantel-figures and the Athenization of Late Classical imagery red-figure pottery in its ancient settings // *Red-Figure Iconography in its Ancient Setting: Acts of the International Colloquium held at the National Museum of Denmark in Copenhagen, November 5–6, 2009* / Eds. S. Schierup, B. Bundgaard Rasmussen. Aarhus: Aarhus University Press, 2012 (Gösta Enbom monographs; Vol. 2). P. 11–20.
- Langner, 2013* — *Langner M.* Grundlagen der Chronologie spätrotfiguriger Vasen aus Athen // *Bulletin Antieke Beschaving, Annual Papers on Mediterranean Archaeology*. Leuven, 2013. Vol. 88. S. 127–170.
- Lezzi-Hafter, 2013* — *Lezzi-Hafter A.* The Xenopantost Chous from Kerch with Cypriot Themes // *Red-Figure Pottery in its Ancient Settings...* Aarhus: Aarhus University Press, 2013. P. 34–42.
- Lissarrague, 1993* — *Lissarrague F.* On the Wildness of Satyrs // *Masks of Dionysus* / Eds. Th. Carpenter, Ch. Faraone. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1993. P. 207–220.
- McNally, 1985* — *McNally S.* Ariadne and Others: Images of Sleep in Greek and Early Roman Art // *Classical Antiquity*. 1985. Vol. 4, is. 2. P. 152–192.
- Metzger, 1951* — *Metzger H.* Les représentations dans la céramique attique du IVe siècle. Paris: E. de Boccard, 1951 (Bibl. des Écoles d'Athènes et de Rome; Nr. 172). 469 p., 48 pl.
- Moore, 1997* — *Moore M. B.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1997. Vol. 30: Attic red-figured and white-ground pottery. 419 p., 167 pl.

- Osváth *et al.*, 2018 — Osváth Z., Fórizs I., Szabó M., Bajnóczy B. Archaeometric analysis of some Scythian and Celtic glass beads from Hungary // *Archeometriai Műhely*. 2018. Vol. XV (1). P. 29–44.
- Paul-Zinserling, 1994 — Paul-Zinserling V. Der Jena-Maler und sein Kreis, Zur Ikonologie einer attischen Schalenwerkstatt um 400 v. Chr. Mainz, 1994. 177 s., 85 pl.
- Pellegrini, 2009 — Pellegrini E. Eros nella Grecia arcaica e classica, iconografia e iconologia. Rome: G. Bretschneider, 2009. 602 p., 59 pl.
- Schefold, 1934 — Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 1934 (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; Bd. IV). 161 s., 50 pl.
- Teleaga, 2008 — Teleaga E. Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v. Chr. Rahden: Leidorf, 2008 (Marburger Studien zur Vorund Frühgeschichte; Vol. 23). 524 s.
- Tugusheva, 2009 — Tugusheva O. The Meidias Painter and the Jena Painter Revisited // *Athenian Potters and Painters* / Eds. J. H. Oakley, O. Palagia. Oxford: Oxbow Books, 2009. Vol. II. P. 291–296.

Athenian red-figure pelike from Scythian kurgan near Moldavian village Manta: problems of attribution and interpretation of the vase-painting

A. E. Petrakova, D. A. Topal⁶

Keywords: Athenian vases, Athenian red-figure pelikae, Athenian vases in Scythian burials, Athenian red-figure vases in Moldova, the Jena Painter, sleeping Ariadne, satyrs, Eros, mantle figures, attribution and interpretation of vase-painting.

The paper deals with an Athenian red-figure pelike, which is stored in the National Museum of History of Moldova. The pelike was excavated in 1990 in the burial of a child together with some other items (Fig. 1, 1–6): glass beads, sea-shell *Cypraea* and a clay pot. Athenian painted vases are rare in Scythian burials, what makes the pelike a subject of a particular interest. The pelike (Fig. 2, 1–6) has been published before by several scholars. According to the shape and painting, the pelike should be dated around 400 BC. The attribution was the question of discussion: there was an idea concerning the Painter of London F 128, but we joined the colleagues who were speaking on the analogies in the Jena Painter workshop (Fig. 4, 1–9; 5, 1–8; 7, 1–3). The side B is decorated with a standard composition consisting of three mantled figures (Fig. 2, 5; 5, 7). Side A presents a composition of five figures (Fig. 2, 3; 4, 1): a naked sleeping woman with Eros above her, two satyrs approaching her from the sides and a standing woman in chiton and himation on the left side of the composition. There were ideas concerning worshipping Aphrodite or sleeping maenad or nymph. But the most persuading is the idea that it is a rare iconographical variant of Ariadne on Naxos, right before the meeting with Dionysus (Fig. 8, 1–8). The fact that the pelike with the depiction of a kind of *rite de passage* is found in a Scythian grave is fascinating. It seems that the pelike was put there not only as a kind of “fancy” Athenian item but also the subject of the painting was apparent to the person who did it.

⁶ Anna E. Petrakova — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: petrakova.anna@gmail.com; Denis A. Topal — The National Museum of History of Moldova; 121A 31 August 1989 str., Chişinău, 2012, Republic of Moldova; e-mail: denis.topal@gmail.com.

К интерпретации одной разновидности херсонесских терракот (Эрот или Танатос?)¹

И. Ю. Шауб²

Аннотация. Статья посвящена вопросам интерпретации одного из самых распространенных типов ранних херсонесских терракот (второй половины IV — III в. до н. э.) в виде нагого юного крылатого мужского божества в распахнутом плаще и пóлосе (калафе) на голове. Автор анализирует все существующие интерпретации этого образа и приходит к выводу, что из всего разнообразия трактовок («крылатый гений», Эрот, Эрот-Танатос, Иакх, Танатос) наиболее адекватным для него в контексте домашнего культа является соответствующее его иконографии имя Эрот, а в погребальном — условное наименование «Эрот-Танатос».

Ключевые слова: Херсонес Таврический, терракоты, греческая религия, Эрот, Эрот-Танатос, Иакх, Танатос.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-247-257

Одним из самых распространенных типов позднеклассических и раннеэллинистических терракот Херсонеса второй половины IV — III в. до н. э. является изображение юного нагого крылатого мужского божества в распахнутом плаще и пóлосе (калафе) на голове (рис. 1). Именно наличие этого головного украшения — стилизованной корзины, «короны богов» плодородия (Müller, 1915; Шауб, 2017) — существенно отличает этот персонаж от «классического» Эрота (о его иконографии см.: Hermary, 1986).

Отсутствие единства мнений относительно интерпретации этого персонажа («крылатый гений», Эрот, Эрот-Танатос, Иакх) и особенно характерная для публикаций последнего времени тенденция безоговорочно (и бездоказательно) называть его Танатосом побуждают в очередной раз обратиться к анализу образа этого божества. Но прежде необходимо рассмотреть археологический контекст находок интересующих нас терракот, поскольку от него в значительной степени

зависит трактовка запечатленного в них образа.

Для реконструкции этого контекста мы воспользовались каталогом А. В. Шевченко «Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи», где рассматриваемые статуэтки опубликованы под рубрикой «Протомы Танатоса» (Шевченко, 2016. С. 67–72, № 342–373)³. Из этой публикации, сохранив данные в ней порядковые номера терракот, мы приводим только самую необходимую для наших целей информацию об их находке, датировке, месте производства и аналогиях. Описание вещей и ссылки на литературу опущены (кроме одного случая (№ 343), когда имеются важные дополнительные данные о месте терракоты в гробнице, отсутствующие у А. В. Шевченко). Статуэтки сгруппированы нами по двум рубрикам в зависимости от места находки (некрополь или городище); к третьей категории отнесены те терракоты, место находки которых неизвестно.

Погребения и территория некрополя

Терракота № 342 (табл. LVI). Найдена «на некрополе в юго-восточном районе, возле „древнегреческой“ урны 53». Фигурка побывала в огне: на ней

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: schaubigor@mail.ru.

© Шауб И. Ю., 2023.

³ Терракоты этого типа являются односторонними и по сути представляют собой горельефы. Если А. В. Шевченко называет их протомами, то Л. Ханнестад характеризует как plaque (Hannestad, 2002. P. 207), то есть плитки или пластины.

Рис. 1. Терракота. Херсонес, склеп № 1012. Вторая половина IV в. до н. э. (Manzewitsch, 1932. Taf. III, 1)

Fig. 1. Terracotta. Chersonesos, tomb no. 1012. Second half of the 4th cen. BC (Manzewitsch, 1932. Taf. III, 1)

сохранился «след горения». Вторая половина IV — первая половина III в. до н. э. Привозная, возможно, из Каллатиса⁴.

Терракота № 343 (табл. LVI). Найдена в подстенном склепе № 1012 между двумя гидриями, служившими погребальными урнами (Косцюшко-Валюжинич, 1901. С. 7). Аналогична кат. № 342. Вторая половина IV — первая половина III в. до н. э. Привозная (возможно, из Каллатиса).

Терракота № 345 (табл. LVI). Найдена в могиле 30 в юго-восточном районе некрополя. Аналогична кат. № 342. Конец IV — первая половина III в. до н. э. Привозная.

⁴ Вот как описывает А. В. Шевченко эту наиболее типичную и хорошо сохранившуюся терракоту данной серии: «Юноша обнаженный на фоне плаща и длинных крыльев, левая нога слегка согнута, левое плечо и рука скрыты плащом, правой рукой придерживает складку плаща. На голове калаф, низ которого и волосы прокрашены темной красной краской, глаза нанесены розовой краской, остатки красной краски сохранились на левом крыле внизу» (Шевченко, 2016. С. 67, № 342). Поскольку и на ряде других статуэток сохранились остатки краски, можно думать, что большинство их было раскрашено.

Терракота № 346 (табл. LVI). Найдена у входа в склеп 18 (некрополя в юго-восточном районе). Аналогична кат. № 342, «но меньшего размера и грубой работы». III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 347 (табл. LVI). Найдена в насыпи некрополя в юго-восточном районе. Аналогична кат. № 342. Первая половина III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 348 (табл. LVI). Найдена в могиле 26 в юго-восточной части некрополя (вместе со статуэткой № 358). Аналогична кат. № 342. III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 349. Фрагментированная (табл. LVI). Найдена в гробнице 2026 в юго-восточном районе некрополя. Аналогична кат. № 342, но имеется небольшое отличие формы калафа. Конец IV — первая половина III в. до н. э. Привозная.

Терракота № 350. Фрагментированная (табл. LVI). Найдена в насыпи у могилы 21 в юго-восточном районе некрополя. Аналогична кат. № 342, но «работа грубее». III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 353. Фрагментированная (табл. LVII). Найдена в насыпи у могилы 21 в юго-восточном районе некрополя. По типу аналогична кат. № 342. III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 358. Фрагмент (табл. LVII). Найдена в могиле 26 в юго-восточном районе некрополя (вместе со статуэткой № 348). III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 361. Фрагмент (табл. LVII). Найдена в насыпи раннего некрополя в северном районе. «Фигурка Танатоса дана с наклоном влево, низ живота подчеркнут, правая нога выставлена вперед, на правой руке — браслет (?)». III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 364. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в склепе 80 в юго-восточной части некрополя. III в. до н. э. Местное производство.

Терракоты № 373. Фрагменты статуэток «двух Танатосов» (А. В. Шевченко). Найдены «в детской гробнице 1050 в юго-восточной части некрополя. Эллинистическая эпоха».

Итак, всего в погребениях и на территории некрополя найдены 16 терракот, из них в могилах — девять фигурок (№ 345, 348, 349, 358, 364, 373), причем в двух погребениях было по два экземпляра (№ 348, 358, 373); две обнаружены около урн (№ 342, 343), одна у входа в склеп (№ 346), четыре в насыпях на некрополе (№ 347, 350, 353, 361).

Городище

Терракота № 344 (табл. LVI). Найдена в XIX квартале северного района (так называемый дом Аполлония), в помещении «Б» с алтарем. Аналогична кат. № 342,

но имеются небольшие отличия в форме калафа, верх крыльев слабо закруглен. III в. до н. э. Привозная.

Терракота № 352. Найдена в колодце в помещении 18 в северо-восточном районе. Эллинистическая эпоха. Местное производство (?).

Терракота № 356. Фрагментированная (табл. LVII). Найдена в помещении 25 в XVII квартале северного района. Аналогична кат. № 342. Конец IV — начало III в. до н. э. Привозная.

Терракота № 357. Фрагмент (табл. LVII). Найдена в яме у фундамента северо-западной стены в помещении XI в III квартале северо-восточного района. III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 362. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в помещении XI («дом красильщика») в северном районе. Аналогична кат. № 361. III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 363. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в помещении 9«А» в VIII квартале северного района, во дворе. III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 367. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в доме I (так называемом доме Аполлония) в XIX квартале северного района. III в. до н. э. Местное производство.

Терракота № 368. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в подвале в помещении 48 квартала XXVIII северного района. Эллинистическая эпоха. Местное производство.

Терракота № 369. Фрагмент найден «в северном районе («между кварталами XIV–XV»), в забутовке стены № 4». Эллинистическая эпоха. Местное производство.

Терракота № 371. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в «терракотовой мастерской в северном районе». Эллинистическая эпоха. Привозная (?).

Терракота № 372. Фрагмент (табл. LVIII). Найдена в помещении 38 «в южном районе». Эллинистическая эпоха. Местное производство.

Итого — 11 экземпляров.

Кроме того, в каталоге А. В. Шевченко упомянуты восемь фигурок, место находки которых неизвестно. Это терракоты № 351, 354 (табл. LVII), 355 (табл. LVII), 359 (табл. LVII), 360 (табл. LVII), 365 (табл. LVIII), 366 (табл. LVIII), 370 (табл. LVIII). Все они местного производства, датируются эпохой эллинизма (вероятно, не позднее III в. до н. э.) и, за исключением № 351, сохранились во фрагментах.

Итак, основная часть рассматриваемых херсонесских терракот происходит из погребений или могильных насыпей, в то время как подавляющее большинство аналогичных статуэток из Западного Крыма и, шире, из Северо-Западного Причерноморья обнаружено на поселениях. Это Керкинитиды (Романченко, 1907. С. 184, рис. 24; Наливкина, 1970. С. 68, № 11, табл. 5, 1);

Панское I (Hannestad, 2002. P. 207, 208, 210, № 9, 18); Маслины (Латышева, 1994. С. 127 сл.); Ольвия (Леви, 1959; 1964. С. 170, рис. 41, 2; 1970. С. 46, № 36, 37, табл. 20, 5, 6); Тира (Клейман, 1980. С. 98, рис. 1, 6); Никоний (Клейман, 1966. С. 96, рис. 2, 13, 14; 1970. С. 28, табл. 6, 3; 1976. С. 120 сл., № 5, рис. 4; Северская, 1989. С. 108 сл., табл. 65, 4); Каллатис (Canarache, 1969. № 41–44, 46); Одесс (Mirtchev, 1956. P. 29, fig. 34); Аполлония Понтийская (Hannestad, 2002. P. 207); «аналогичные статуэтки известны по материалам раскопок Том и Истрии» (Стоянов, 2006. С. 159). Следует отметить, что терракоты подобного типа отсутствуют на Боспоре (Кобылина, 1970. С. 13; Hannestad, 2002. P. 207).

Происхождение этих терракот обычно связывают с Атикой (Winter, 1903. Taf. 246, 5; Белов, 1970. С. 71; Кобылина, 1970. С. 13)⁵. Однако следует отметить, что относящийся еще к первой половине IV в. до н. э. близкий тип аналогичного крылатого персонажа (его левая рука опирается на подставку) зафиксирован в Олинфе (Robinson, 1952. P. 203, № 260, 261), городе, который, как известно, не был восстановлен после его разрушения Филиппом Македонским в 347 г. до н. э.

А теперь обратимся к рассмотрению аргументов исследователей, которые пытались определить, чье изображение запечатлели терракоты этого типа. «Крылатым гением» назвал К. К. Косцюшко-Валюжинич найденную им в склепе № 1012 терракотовую фигурку крылатого юноши (Косцюшко-Валюжинич, 1901. С. 7). К. Э. Гриневич, рассматривая ту же находку и отмечая наличие только в экспозиции Херсонесского музея восьми экземпляров такого же типа терракот, согласился с предшественником, поскольку ассоциировал их с изображениями «крылатых гениев» в римском искусстве, увидев в правой руке крылатого персонажа херсонесских терракот перевернутый факел (Гриневич, 1926. С. 13). Однако исследователь принял за факел складки плаща. Кроме того, римские

⁵ М. М. Кобылина в качестве аналогии рассматриваемым херсонесским терракотам ссылается на хранящуюся в Национальном археологическом музее в Афинах статуэтку, которая была найдена в фиванском Кабирионе (Winter, 1903. Taf. 246, 2; Кобылина, 1970. С. 13). Однако эта терракота имеет серьезные отличия от херсонесских: представленный на ней персонаж в правой руке держит сосуд (скорее всего, ойнохоэ), левой опирается на подставку, но главное — у него на голове не полос, а фригийский колпак.

«крылатые гении» с потушенными факелами существенно отличаются от персонажа, запечатленного в терракоте, и рядом других черт.

Как уже продемонстрировано выше, терракоты крылатого божества находят как в могилах, так и в домах. Особенно интересна находка на поселении херсонесской хоры Маслины, где три экземпляра этих статуэток были обнаружены в домашнем святилище вместе с протомой Деметры, а также с терракотой сидящей богини (*Латышева*, 1994. С. 127 сл.). Следует отметить, что подобное сочетание терракот крылатого мужского божества и протомы женской богини — отнюдь не редкость. Вот что по поводу этого явления пишет А. В. Шевченко: «Хтоническую сторону религии херсонеситов представляют Танатос и Персефона (последняя — чисто местное изобретение, известное в Херсонесе в позднеэллинистическую — раннеримскую эпоху). Танатос и Персефона составляют довольно многочисленную подгруппу среди херсонесских терракот, поскольку хтоническая сторона всегда играла существенную роль в религии херсонеситов» (*Шевченко*, 2016. С. 8). В действительности как Танатос, так и «изобретенная» в Херсонесе Персефона, — гипотезы, не подтвержденные никакими фактами (об интерпретации терракот женских божеств еще будет упомянуто). Далее, повторив, что «хтонические культы в Херсонесе представляли Танатос и Персефона», А. В. Шевченко утверждает (вновь голословно): «Танатос — олицетворение смерти, мыслился в виде обнаженного юноши на фоне длинного плаща и раскрытых крыльев, на голове его калаф (символ хтонизма) (кат. 342)» (*Там же*. С. 15). Однако калаф — это символ хтонизма в аспекте плодородия, а отнюдь не смерти, которая (в отличие от земли) ничего не порождает. Далее исследовательница пишет: «Образ Танатоса попал в Херсонес из Аттики. Протомы с его изображением в период становления полиса, как правило, привозные, но с III в. до н. э. местные мастера изготавливали протомы этого типа на месте. Терракоты Танатоса составляют довольно многочисленную группу, но в период позднего эллинизма его изображения практически исчезают среди херсонесских терракот. Видимо, Танатоса на херсонесском некрополе сменила Персефона — оригинальное творение местных мастеров. По всей вероятности, она вобрала в себя те функции, которые выполнял этот „демон смерти“» (*Там же*. С. 15). Одна терракота, схожая с рассматриваемыми херсонесскими, в Афинах, действительно, найдена (*Besques*, 1971–1972. Pl. 1b, № D1). Однако

опубликовавшая ее С. Беск образа бога Смерти в ней не увидела. Все рассуждения А. В. Шевченко о Танатосе и его смене Персефой — вновь чистое умозрение. Показательно, что эта исследовательница в своем каталоге херсонесских терракот обходит молчанием те работы (Е. И. Леви, В. А. Латышевой, Л. Ханнестад и др.), где речь идет о находках терракот рассматриваемого типа вне могил и некрополей.

Очень много аналогичных терракот происходит из Ольвии. Только в культовой цистерне на ее центральном теменосе было обнаружено свыше 70 обломков от не менее чем 40 терракот крылатого божества (*Леви*, 1959. С. 14, 15, рис. 5, 3, 4)⁶. Е. И. Леви указала на ошибку предшественников, которые сочли складки его плаща изображением опущенного потухшего факела, и определила этот образ в соответствии с его иконографией как Эрота (*Леви*, 1970. С. 36, 46). Еще много ранее Эротом сочла этот образ А. П. Манцевич, отметив, что он отличается от прочих изображений Эрота чрезвычайно редким для него атрибутом — полосом (калафом)⁷ на голове (*Manzewsitsch*, 1932. S. 10).

Г. Д. Белов, который поначалу считал это божество «крылатым гением» (*Белов*, 1930. С. 228), впоследствии стал называть его Эротом-Танатосом (*Белов*, 1970. С. 70). Это название приняла М. М. Кобылина (1970. С. 13), а затем и ряд других исследователей.

С такой интерпретацией не согласна А. С. Русяева, которая видит в нем Иакха (*Русяева*, 1979. С. 67, 68; ср.: *Русяева*, 1971). В то же время исследовательница со ссылкой на Н. И. Новосадского (*Новосадский*, 1887. С. 164–170) вынуждена констатировать, что «иконография Иакха в силу противоречивости его происхождения и частого отождествления с другими божествами (Дионисом, Эротом, Аттисом, Триптолемом и даже Аполлоном) не имела в греческом изобразительном искусстве постоянных черт». При этом она, упоминая о «противоречиях культа Эрота и его близости к Деметре и Коре-Персефоне», постулирует синкретизацию, «с одной стороны, Иакха с Эротом, с другой — Эрота с Иакхом», а также

⁶ А. С. Русяева ошибочно говорит о находке здесь лишь «около 40 фрагментов» (*Русяева*, 1979. С. 67).

⁷ К. К. Косцюшко-Валюжинич и Н. В. Пятешева ошибочно называют полосу Эрота «фригийской шапкой»; этот головной убор гораздо чаще, чем полосу, встречается на терракотовых изображениях этого бога; см.: *Winter*, 1903. Taf. 246 ff.

«отождествление Иакха с Триптолемом» (Русяева, 1979. С. 69)⁸.

Иакх часто отождествлялся с Дионисом, выступая в качестве его alter ego (Кереньи, 2000. С. 84), не исключено, что из-за сходства имен Iacchus и Bacchus. Возможно, образ Иакха произошел от персонификации ритуального клича «Iacche!», издававшегося во время ритуальной процессии из Афин в Элевсин (Кереньи, 2007. С. 65). Иакх — сын Зевса и Деметры (Diod. III, 62, 2–8), который чествовался в Элевсине, был по своей сущности близок Загрею. Этот «Великий охотник» — сын Зевса-змея и Персефоны (Nonn. VI, 155–156) — умирающий и воскресающий юный бог, который олицетворял растительность, считается древнейшей ипостасью Диониса. Что касается самого Иакха, если его иконография действительно не имела в греческом изобразительном искусстве постоянных черт, то у этого божества был один устойчивый атрибут — факел (Simon, 1990). Аристофан называет Иакха «пламеносцем ночных хороводов» (Aristoph. Ran. 340–342). К. Кереньи отмечает, что отличие процессии Аристофана от элевсинского шествия, в котором несли статую Иакха-факелоносца⁹, заключается в том, что участники первой, хотя и призывали этого бога, не несли его статуи (Кереньи, 2007. С. 260, прим. 28).

В своей интерпретации крылатого персонажа ольвийских терракот в качестве Иакха А. С. Русяева ссылается на находку в Ольвии двух граффити с упоминанием его имени и связывает эти терракоты с культами Деметры и особенно Кору-Персефоны (Русяева, 1979. С. 66). Однако, как и в трактовке женских статуэток (прежде всего протом), в случае с нашим крылатым божеством следует проявлять крайнюю осторожность, поскольку интерпретация этих образов зависит от конкретного культурно-исторического контекста. Подобно тому, как в одних и тех же протомах женского божества могли видеть в одном случае Деметру, в другом — Кору, в третьем — Афродиту или еще какое-либо божество (Шауб, 2011. С. 184; 2022. С. 208 сл.), а в крылатой женщине — не только Нику, но и многих других богинь и демонических существ (Шауб, 2020. С. 155 сл.), так и крылатый юноша в зависимости от обстоятельств

выступал то как Эрот, то как Эрот-Танатос, то как иное божество (Шауб, 2022. С. 208 сл.)¹⁰. Как бы то ни было, благодаря своей крылатости, этот персонаж явно мыслился божеством, соединяющим миры умерших, живых и бессмертных (Шауб, 2011. С. 244).

Эрот в греческих религиозно-мифологических представлениях выступал в двух основных ипостасях — великого бога и «даймона». Так, у Гесиода он является силой, которой не могут противостоять остальные боги (Hesiod. Theog. 120 sq.). А Платон в своем «Пире» устами Федре утверждает, что Эрот — «самый древний, самый почтенный и самый могущественный из богов наиболее способный наделить людей доблестью и даровать им блаженство при жизни и после смерти» (выделено нами. — И. III.) (Plat. Symp. 180b)¹¹. В то же время Эрот «двойственен» (διπλόος), и полумифическая жрица Диотима представляет его как существо, которое являет собою «нечто среднее между бессмертным и смертным», «великий даймон» (δαίμων μέγας), чье назначение — «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев — и наяву, и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении¹² эти многочисленны и разнообразны, и Эрот — один из них» (Plat. Symp. 202e–203a / пер. С. К. Апта).

Вслед за А. В. Шевченко (Шевченко, 2000; 2001) Р. В. Стоянов назвал херсонесского крылатого

¹⁰ Сравнить с изображениями Эротов на «керченских» и южноиталийских вазах.

¹¹ ἔγωγε φημι ἔρωτα θεῶν καὶ πρεσβύτατον καὶ τιμώτατον καὶ κυριώτατον εἶναι εἰς ἀρετῆς καὶ εὐδαιμονίας κτήσιν ἀνθρώποις καὶ ζῶσι καὶ τελευτήσασιν.

¹² Слово «гений» в русском переводе дезориентирует еще больше, чем «демон», поэтому мы предпочитаем транслитерацию греческого термина для обозначения той сущности, которая, по словам Платона, «пребывает между богом и смертным» (μεταξὺ ἐστὶ θεοῦ τε καὶ θνητοῦ).

⁸ Л. Ханнестад справедливо замечает, что иконография Иакха (см.: Simon, 1990) не совпадает с рассматриваемым типом терракот (Hannestad, 2002. P. 207, 208).

⁹ Подробнее об этом шествии из Афин в Элевсин см.: Кереньи, 2000. С. 81 сл.

Рис. 2. Краснофигурный кратер, фрагмент. Мастер Евфроний. Ок. 515 г. до н. э. Археологический музей Черветери, Италия. Из открытых источников

Fig. 2. Red-figure krater. Painter Euphronios, ca. 515 BC. National Archaeological Museum of Cerveteri, Italy. From open sources

персонажа Танатосом, даже озаглавив именем бога Смерти свою статью о рассматриваемых терракотах (Стоянов, 2006). Однако Р. В. Стоянов, не приведя каких-либо серьезных аргументов¹³ в пользу своей трактовки этих терракот, декларировал, что «погребальный культ, одной из составляющих которого был Танатос, получил распространение в античных центрах Северо-Западного Причерноморья в конце IV — начале III в. [до н. э.]». По мнению археолога, «происхождение большей части терракот из Херсонеса и Каллатиса — родственных полисов, имевших общую метрополию, — указывает на единые корни культовых представлений, связанных с Танатосом в погребальной практике, а также указывает на то, что они были центрами распространения подобных

¹³ Единственный аргумент Р. В. Стоянова — утверждение, что большинство терракот крылатого божества «было найдено на территории некрополей, что вполне соответствует роли Танатоса как проводника душ в Аид. Вероятно, терракотовые фигурки, являвшиеся олицетворением этих демонов, должны были способствовать подобному перемещению» (Стоянов, 2006. С. 10). Однако, как мы продемонстрировали выше, большинство этих терракот происходит отнюдь не из могил, а проводником душ в Аид, как известно, считался не бог Смерти, а Гермес (о роли Танатоса в загробных верованиях эллинов см. прим. 12). Вопрос о том, какова была роль «Танатоса» вне некрополя, этот исследователь даже не ставит.

представлений в Северо-Западном Причерноморье» (Стоянов, 2006. С. 11).

При этом Р. В. Стоянов не отметил ни одной находки подобных терракот в Геракле Понтийской (метрополии Херсонеса и Каллатиса) и не привел никаких свидетельств наличия там «культовых представлений, связанных с Танатосом». Это неудивительно, так как этих свидетельств просто не существует. Даже гипотетическое обнаружение в Геракле Понтийской аналогичных терракот не смогло бы помочь тем, кто видит в представленном в них персонаже Танатоса, поскольку этот крылатый демон — персонификация смерти (Waser, 1916; Lesky, 1934) — не был объектом культа. Павсаний — единственный автор, который упоминает о статуе Танатоса, которую он видел в Спарте, причем вне какого-либо святилища и в паре со статуей Гипноса (Paus. III, 18, 1), ничего не говорит о ее культовом характере. Кроме этого двусмысленного сообщения у нас нет никаких свидетельств культа Танатоса (Bažant, 1994. P. 906), а Эврипид (Alk. 424) однозначно описывает его как бога, который не имеет культа. Р. Гарленд подчеркивает, что «роль и статус Танатоса нигде не были четко определены» и что он был «ненавистен даже богам» (Garland, 1985. P. 56). Типичная для него иконография (рис. 2) разительно отличается от того образа, который запечатлен в рассматриваемых нами терракотах (см.: Bažant, 1994. P. 904–908). Но и в тех редких случаях, когда бог Смерти приобретает черты Эрота (из бородатого мужчины превращаясь в безбородого юношу), полоса (калафа) у него нет, а это главный отличительный признак крылатого божества наших статуэток. Только одно скульптурное изображение предположительно считается воплощением образа Танатоса — это выполненный в высоком рельефе нагой крылатый юноша с мечом¹⁴ на фрагменте мраморного барабана колонны храма Артемиды Эфесской (Garland, 1985. P. 59) (рис. 3). В единственном упоминании о храме Танатоса, а именно в Спарте (Plut. Cleom. 9), несомненно, отражены какие-то поздние реалии. Кроме того, Плутарх, у которого содержится это сообщение, недвусмысленно намекает на то, что спартанцы — странные люди, которые кроме храма Смерти соорудили храмы Смеху и Страху (Garland, 1985. P. 59). «На самом деле Танатос был только слугой Аида», — справедливо полагал Э. Роде (Rohde, 1898. S. 249, Anm. 1).

¹⁴ По представлениям греков, Танатос мечом срезал прядь волос с головы умирающего, чтобы исторгнуть его душу.

Все вышеперечисленное однозначно свидетельствует о том, что Танатос, не являясь объектом поклонения, был только персонажем мифа и фольклора (Geisau, 1979). Поэтому неудивительно, что в фундаментальных работах, посвященных греческой религии, он даже не упоминается (см., например: Буркерт, 2004)¹⁵.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в часто изображаемых сценах загробного мира на погребальных краснофигурных вазах Южной Италии, где прослеживается целый ряд культурно-исторических параллелей с Северным Причерноморьем (Шауб, 2007; 2008; 2011), Танатос не фигурирует, в то время как Эрот(ы) часто представлен(ы) даже в сценах загробной жизни (см., например: Schauenburg, 1987).

Автор объемистой статьи об Эроте в LIMC А. Эрмари стремится доказать, что Эрот в античности не имел никакого погребального значения (Hermary, 1986. P. 938, 939). Однако вышеприведенных свидетельств Платона уже достаточно, чтобы понять, что это не так. Очень важную роль играл Эрот в орфической традиции, где он один властвует над всеми, владеет ключами эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и тартара (Hymn. Orph. 58. Abel). Кроме того, многие факты свидетельствуют о тесной связи этого бога с загробными представлениями и погребальными культами не только обитателей периферии античного мира (например, Аполлонии Фракийской: Пенкова, Конова, 2013. С. 273) (Шауб, 2022. С. 210, 211, прим. 10), но и эллинов метрополии¹⁶. Из Южной Италии происходят не только бесчисленные погребальные краснофигурные вазы (IV в. до н. э.)

¹⁵ Характерно, что посвятивший специальное исследование загробной жизни в эллинской мифологии Л. Радермахер внимания Танатосу не уделил (Radermacher, 1903).

¹⁶ Из последних работ об Эроте в погребальной сфере античного Средиземноморья см., например: Mitchell, 2018; Aristodemou, 2021. И. В. Шталь отмечает специфическую иконографию Эрота-всадника, присущую лишь боспорскому изображению на погребальных пеликах, которая не засвидетельствована в прочих областях вывоза аттических ваз керченского стиля, и резкую «его противоположность изнеженному двуполому Эроту местных ваз Великой Греции» (Шталь, 1989. С. 134). Однако она не совсем точна: на Боспоре были известны как образы Эрота-гермафродита на ювелирных изделиях (Reinach, 1892. P. 53; Шауб, 2022), так и «маскулинного» Эрота-Геракла в терракоте (причем причастного к погребальной сфере (см.: Шауб, 1981)).

Рис. 3. Рельеф на фрагменте мраморного барабана колонны храма Артемиды. Эфес. IV в. до н. э. Британский музей, Лондон. Из открытых источников
Fig. 3. Relief on a fragment of a marble column drum in the temple of Artemis. Ephesus, 4th cen. BC. British Museum, London. From open sources

с изображениями сцен загробного мира, в которых часто принимают участие Эроты, но и мраморный «трон» (первой половины V в. до н. э.), на спинке которого в высоком рельефе представлен Эрот с весами в руках (Vermeule, 1979. P. 162, fig. 15) (рис. 4). Здесь мы, несомненно, имеем дело с модификацией образа Эрота, а отнюдь не с изображением божества смерти. Поэтому вследствие прозрачной ассоциации этого образа с потусторонним миром, а именно с психостасией (взвешиванием души), Э. Вермьюл назвала данный образ «Эротом-Танатосом»¹⁷. При этом она отметила, что в греческом искусстве существовали такие

¹⁷ Этой американской исследовательнице едва ли были известны рассматриваемые нами причерноморские терракоты и тем более их интерпретация в работах М. М. Кобылиной и Г. Д. Белова.

Рис. 4. Мраморный «трон». Великая Греция (?). Первая половина V в. до н. э. Музей изящных искусств, Бостон (Vermeule, 1979. Fig. 15)

Fig. 4. Marble "throne". Magna Graecia (?), first half of the 5th cen. BC. Museum of Fine Arts, Boston (Vermeule, 1979. Fig. 15)

образы, как Эрот с жезлом Гермеса — Эрот-убийца, и тонко заметила, что «согласно формальному принципу греческого мифа и литературы любовь и смерть были двумя аспектами одной и той же силы, как в мифе о Персефоне и Елене Троянской» (Vermeule, 1979. P. 159)¹⁸.

¹⁸ О единстве Эроса и Танатоса как мифологемы миротворчества см.: Шутова, 1997. Парадоксальное единство любви и смерти в человеческой психике хорошо известно психологам. Так, К. Г. Юнг обнаружил, что либидо включает в себя силы, направленные не только на созидание, но и на разрушение. Как он отметил в своей работе «Либидо, его метаморфозы и символы», страх невротика перед эротическими влечениями может привести к тому, что он не захочет участвовать в битве за жизнь. Он душил в себе бессознательные желания и тем самым как бы совершает самоубийство. Отсюда проистекают разнообразные фантазии о смерти, сопровождающиеся отказом от эротических желаний. Как это ни странно, но страсть уничтожает саму себя, и либидо «есть бог и дьявол» одновременно. Любовь, по мнению Юнга, возвышает человека над самим собою, преодолевает границы его смертности и земнородности, влечет ввысь, к божественности, и в то же время она же его и уничтожает (Юнг, 1994. С. 112, 114). Подробнее об Эросе и Танатосе в психоанализе см.: Лейбин, 2008. Гл. 17.

Итак, поскольку божество рассматриваемых херсонесских терракот представлено в иконографии Эрота, то искать для него какое-либо иное имя непродуктивно. Конечно, в них запечатлен не мифологический сын Афродиты, а древнее природное божество, о котором говорит в своей «Теогонии» Гесиод (Hesiod. Theog. 120 sq.). Это «бог великий, удивительный и всеобъемлющий, причастный ко всем делам людей и богов» (Plat. Symp. 186b), включая (это Платон подчеркивает особо) управление земледелием (Ibid. 187a). Судя по тому, что отличительной чертой херсонесских терракот в виде Эрота является калаф на его голове, едва ли можно сомневаться в том, что эти фигурки в сфере домашнего культа, прежде всего, были связаны именно с культом плодородия.

В еще большей степени хтоническая сущность этого божества проявлялась в аналогичных статуэтках, которые помещались в могилы и имели прямое отношение к заупокойному ритуалу. Чтобы оттенить важную роль терракот Эрота в контексте погребального культа, для этого божества наиболее адекватным, хотя и условным, представляется употребление устоявшегося термина «Эрот-Танатос». В связи с использованием изображений Эрота в погребальном ритуале херсонеситов¹⁹ стоит еще раз подчеркнуть, что по представлениям греков этот бог мог даровать блаженство не только при жизни, но и после смерти²⁰.

¹⁹ М. В. Скржинская, для которой Эрот — «шаловливый мальчик», упоминая о том, что многие его статуэтки разных типов найдены в гробницах Херсонеса, Ольвии и Боспора, причем иногда вместе с терракотами Персефоны, а также о том, что в первые века н. э. мраморные саркофаги Херсонеса украшали фигурами Эротов, утверждает, что «большинство образов Эротов в литературе и искусстве связаны (sic!) с радостью жизни и любви» (Скржинская, 2007. С. 16).

²⁰ «<...> Но если любовь <...> есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя желать и бессмертия. А значит, любовь — это стремление и к бессмертию» (Plat. Symp. 207a / пер. С. К. Апта).

- Белов, 1930 — Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908–1914 гг. // Херсонесский сборник. 1930. Вып. III. С. 219–245.
- Белов, 1970 — Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1970 (САИ; Г1-11, ч. II). С. 70–77.
- Буркерт, 2004 — Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 583 с.
- Гриневиц, 1926 — Гриневиц К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 году. Севастополь: Херсонесский музей, 1926 (Херсонесский сборник; Вып. I). 72 с.
- Кереньи, 2000 — Кереньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери / Пер. с англ. А. П. Хомик, В. И. Менжулин. М.: Рефл-бук, 2000. 288 с.
- Кереньи, 2007 — Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / Пер. с нем. А. В. Фролова, Л. Ф. Поповой. М.: Ладомир, 2007. 319 с.
- Клейман, 1966 — Клейман И. Б. Терракоты Роксоланского городище // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1966. Вып. 5. С. 90–100.
- Клейман, 1970 — Клейман И. Б. Статуэтки из Роксолан (Никония) // Терракоты Северного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1970 (САИ; Г1-11, ч. I, II). С. 27–29.
- Клейман, 1976 — Клейман И. Б. Новые находки терракот в Никонии // Художественная культура и археология античного мира: Сб. памяти Б. В. Фармаковского / Гл. ред. Н. И. Сокольский. М.: Наука, 1976. С. 118–123.
- Клейман, 1980 — Клейман И. Б. Терракоты из раскопок Тиры 1970–1977 гг. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П. О. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1980. С. 96–103.
- Кобылина, 1970 — Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракоты Северного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1970 (САИ; Г1-11, ч. I–II). С. 6–22.
- Косцюшко-Валюжинич, 1901 — Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901. Вып. I. С. 1–55.
- Латышева, 1994 — Латышева В. А. Терракоты из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины // Древности. Харьков: Историко-археол. ежегодник. 1994. Харьков: б.и., 1994. С. 127–140.
- Леви, 1959 — Леви Е. И. Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИА. 1959. Вып. 74: Античная археология. С. 9–19.
- Леви, 1964 — Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 131–174.
- Леви, 1970 — Леви Е. И. Терракоты из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1970 (САИ; Г1-11, Ч. I–II). С. 33–56.
- Лейбин, 2008 — Лейбин В. М. Психоанализ: Учеб. пос. 2-е изд. СПб.: Изд. дом «Питер», 2008. 592 с.
- Наливкина, 1970 — Наливкина М. А. Статуэтки из Керкинитиды // Терракоты Северного Причерноморья / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1970 (САИ; Г1-11, ч. I и II). С. 66–68.
- Новосадский, 1887 — Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. 181 с.
- Пенкова, Конова, 2013 — Пенкова Е., Конова Л. Лекифы в погребальном обряде фракийцев // Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды: Каталог выставки / Ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: Кучково Поле, 2013. С. 273–282.
- Романченко, 1907 — Романченко Н. Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1907. Вып. 25. С. 172–187.
- Русяева, 1971 — Русяева А. С. Культ Кори-Персефони в Ольвии // Археология. 1971. № 4. С. 35–45.
- Русяева, 1979 — Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наукова думка, 1979. 172 с.
- Секерская, 1989 — Секерская Н. М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1989. 126 с.
- Скржинская, 2007 — Скржинская М. В. Образ Эрота в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. 2007. № 2. С. 16–24.
- Стоянов, 2006 — Стоянов Р. В. Танатос: к характеристике одной группы эллинистических терракот // Hyperboreus. 2006. Vol. 12. С. 153–164.
- Шауб, 1981 — Шауб И. Ю. Пантикапейский Эрот-Геракл // КСИА. 1981. Вып. 168: Античная археология. С. 42–43.
- Шауб, 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб, 2008 — Шауб И. Ю. Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: ИИМК РАН, 2008. 155 с.
- Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинистические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: LAP, 2011. 475 с.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 288–324.

- Шауб, 2020 — Шауб И. Ю. Боспорские «Ники» // АВ. 2020. Вып. 29. С. 155–161.
- Шауб, 2022 — Шауб И. Ю. Эроты феодосийских серег // АВ. 2022. Вып. 35. С. 208–213.
- Шевченко, 2000 — Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2000. Вып. VII. С. 7–45.
- Шевченко, 2001 — Шевченко А. В. Хтонические культы Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе / Гл. ред. Ю. А. Бабинов. Севастополь: Вебер, 2001. С. 3–9.
- Шевченко, 2016 — Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 520 с.
- Шталь, 1989 — Шталь И. В. Эпические предания Древней Греции. М.: Наука, 1989. 299 с.
- Шутова, 1997 — Шутова Т. Д. Единство Эроса и Танатоса как мифологема миротворчества // Творчество и культура: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 декабря 1997 г.) / Отв. ред. В. В. Ким. Екатеринбург: Уральский ГУ, 1997. С. 211–213.
- Юнг, 1994 — Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 1994. 416 с.
- Aristodemou, 2021 — Aristodemou G. Eros Figures in the Iconography of Death. Some Notes on Funerary Monuments from Macedonia during the Roman Period // *Eternal Sadness: Representations of Death in Visual Culture from Antiquity to the Present Time* / Ed. L. Vives-Ferrándiz Sánchez. Monographic Issue, Eikyn Imago. 2021. № 10. P. 25–42.
- Bažant, 1994 — Bažant J. Thanatos // LIMC. 1994. Bd. VII. P. 904–908.
- Besques, 1971–1972 — Besques S. Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains, III. Epoches hellénistique et romaine: Grèce et Asie Mineure. Paris: Éditions des Musées Nationaux, 1971–1972. T. III. 409 p.
- Canarache, 1969 — Canarache V. Masken und Tanagra-Figuren aus Werkstätten von Callatis-Mangalia. Konstanz: Muzeul de arheologie, 1969. 191 S.
- Garland, 1985 — Garland R. The Greek way of death. New York: Cornell University Press, 1985. 192 p.
- Geisau, 1979 — Geisau H. V. Thanatos // *Der Kleine Pauly*. 1979. Bd. 5. S. 648–649.
- Hannestad, 2002 — Hannestad L. Terracottas // *Panskoye I*. Aarhus: University Press, 2002. Vol. 1. P. 203–212.
- Hermay, 1986 — Hermay A. Eros // LIMC. 1986. Vol. 3. P. 850–942.
- Lesky, 1934 — Lesky A. Thanatos // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Stuttgart: J. B. Metzler, 1934. Bd. V A, 1. S. 1245–1268.
- Manzewitsch, 1932 — Manzewitsch A. Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad: Akademie für Geschichte der materiellen Kultur; Druck. Iw. Fedorow, 1932. 15 S.
- Mirtchev, 1956 — Mirtchev M. La collection des terres-cuites du Musée de la ville de Varna // *Bulletin de la Société archéologique de Varna*. 1956. Vol. X. P. 1–50.
- Mitchell, 2018 — Mitchell E. The Other Classical Body: Cupids as Mediators in Roman Visual Culture: Doctoral dissertation, Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences. 2018. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:41121259> (accessed: 21.04.2023).
- Müller, 1915 — Müller V. Der Polos, die griechische Götterkrone. Berlin, 1915. 111 S.
- Radermacher, 1903 — Radermacher L. Das Jenseits im Mythos der Hellenen. Untersuchungen über Antiken Jenseitsglauben. Bonn: A. Marcus und E. Weber, 1903. 172 S.
- Reinach, 1892 — Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). Rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des Comptes Rendus par Salomon Reinach. Paris: Firmin-Didot, 1892. 213 p.
- Robinson, 1952 — Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Pt. XIV: Terracottas, Lamps, and Coins found in 1934 and 1938. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1952. 533 p.
- Rohde, 1898 — Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Zweite verbesserte Auflage. Freiburg i. B.: Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1898. 781 S.
- Schauenburg, 1987 — Schauenburg K. Flugelgestalten auf unteritalischen Grabvasen // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. Berlin, 1987. Bd. 102. S. 199–232.
- Simon, 1990 — Simon E. Iacchos // LIMC. 1990. Bd. V. S. 612–614.
- Vermeule, 1979 — Vermeule E. T. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley-Los Angeles; London: University of California Press, 1979. 270 p.
- Waser, 1916 — Waser O. Thanatos // *ML — Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* herausgegeben von W. H. Roscher. 1916–1924. Bd. V. S. 481–527.
- Winter, 1903 — Winter F. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1903. Bd. II. 480 S.

Interpretation of one group of Chersonesean terracottas (Eros or Thanatos?)

I. Yu. Schaub²¹

Keywords: Tauric Chersonesos, terracottas, Greek religion, Eros, Eros-Thanatos, Iakchos, Thanatos.

Among the most widespread early Chersonesean terracottas (second half of the 4th – 3rd cen. BC) is a representation of a winged naked youth in a cloak thrown open; the polos (kalathos) on his head is an attribute of a chthonic deity which is interpreted as a “winged genius”, Iakchos, Eros, Eros-Thanatos, Thanatos. The majority of these Chersonesean statuettes come from burials or grave mounds whereas the analogous figurines from Western Crimea or, more widely, from the North-Western Black Sea area have been found mostly at settlement-sites. The figure under our consideration cannot be considered as a “winged genius” analogous to a Roman image in view of the absence of a lowered torch in hands — an unfailing attribute of the Roman genii. The opinion that the Pontic Greeks saw Iakchos in this winged personage is hardly acceptable because of the difference in the iconography of the two deities. The mentioned terracottas altogether cannot be considered as representations of Thanatos both in consequence of their essential iconographic distinction from the treatment of his image in the Classical art and because the God of Death was a figure exclusively from myth and folklore while his cult simply did not exist in the Greek religion. Since the deity of the abovementioned Chersonesean terracottas is represented in the iconography of Eros it is unproductive to look for some other name for it within the sphere of the domestic cult. As to the funerary context, the conditional designation as “Eros-Thanatos” seems to be the most adequate for setting off the chthonic aspect of Eros. Concerning the employment of representations of Eros in the mortuary ritual of the Chersonesites, it is necessary to stress that according to notions of the Greeks this god could have granted the bliss not only in somebody’s life but also after death.

---

²¹ Igor Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Позднескифские «земляночные» горизонты в Керкинитиде и Калос Лимене¹

Е. Е. Антонов²

Аннотация. В статье пересматривается мнение о том, что в истории некоторых позднескифских поселений были особые «земляночные» этапы. Анализируется информация о стратиграфии и находках, содержащаяся в публикациях и отчетах, рассматриваются выводы исследователей, работавших на других позднескифских поселениях. Эти данные показывают, что позднескифские полуземлянки невозможно объединить в отдельные горизонты, они скорее всего лишь маркируют периферию поселений, как и смена некоторых из этих сооружений «наземными» постройками — последующее расширение населенных пунктов.

Ключевые слова: Крымская Скифия, Северо-Западный Крым, позднескифская археологическая культура, позднескифские полуземлянки, Керкинитиде, Калос Лимен.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-258-264

В Керкинитиде и Калос Лимене позднескифского времени были выделены особые «земляночные» горизонты. По мнению В. А. Кутайсова и В. Б. Уженцева, эти горизонты отражают отрезки времени, когда все указанные позднескифские поселения состояли преимущественно из полуземлянок, а каменные «наземные» дома отсутствовали (Кутайсов, 1990. С. 113; Уженцев, 2006. С. 98–101). Вместе с тем другие исследователи неоднократно писали о том, что полуземлянки не могли быть жилыми³, а при внимательном рассмотрении и само выделение «земляночных» горизонтов кажется недостаточно аргументированным. Ревизии этой аргументации в контексте исследования полуземлянок на других позднескифских памятниках и посвящена настоящая работа.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (НИОКТР № 122011200269-4).

² Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: antonov.yegor@gmail.com.
© Антонов Е. Е., 2023.

³ См., например: Попова, 1998. С. 186; Внуков, 2018. С. 69–71; Кутайсов, Смекалова, 2019. С. 91.

В 1980–1982 гг.⁴ в Керкинитиде были открыты девять позднескифских полуземлянок⁵. По мнению В. А. Кутайсова, все они относятся к отдельному «земляночному» горизонту, который позже был сменен горизонтом с наземными постройками (Кутайсов, 1982. С. 9, 10; 1985. С. 179; 1987. С. 10; 1990. С. 113, 115; 2004. С. 127, 128; Драчук, Кутайсов, 1983. С. 258; Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 248). Эти горизонты были выделены по стратиграфическим наблюдениям (Кутайсов, 1990. С. 113, 115), которые, однако, в публикациях не приводятся.

В отчетах⁶ эти наблюдения присутствуют, хотя они и не обобщены. После того как землянки 1–5

⁴ Позднескифские полуземлянки в Керкинитиде были обнаружены и при более ранних работах (Наливкина, 1952. С. 66, 67; 1955. С. 65, 66, рис. 22, 1; Кутайсов, 1990. С. 113, 117, рис. 60, 1), и при более поздних (Кутайсов, Уженцев, 1990. С. 16; Кутайсов, 1993. С. 6). Но поскольку вывод о существовании «земляночного» горизонта строится исключительно на материалах работ 1980–1982 гг. (Кутайсов, 1990. С. 113), здесь рассматриваются только они.

⁵ Их нумерация может ввести в некоторое заблуждение: среди позднескифских полуземлянок присутствует номер 10, но отсутствует номер 7 (Кутайсов, 1982. С. 10–15, 26; 1984. С. 7, 8; 1990. С. 115, табл. 2).

⁶ Благодарю сотрудников архивов ИА РАН и ИА Крыма РАН за содействие в работе с отчетами.

были заполнены, над ними образовался слой золистого суглинка толщиной 20–25 см. На этом слое стоят кладки дома V. В. А. Кутайсов считал, что указанный слой был «нивелировочным», то есть уложенным специально (Кутайсов, 1982. С. 10, 15, 16), но никаких аргументов в пользу такого мнения не приводит. Дом V частично перекрывает полуземлянку 5 (Кутайсов, 1990. С. 116, рис. 59), позднескифские кладки поставлены на полуземлянки 4 и 6 (Кутайсов, 1982. С. 14, 26), а также 9 (Кутайсов, 1984. С. 8).

Таким образом, семь полуземлянок (1–6, 9) из девяти по данным стратиграфии существовали раньше, чем некоторые позднескифские постройки. Тем не менее, как представляется, лишь этими данными невозможно обосновать выделение «земляночного» горизонта. Во-первых, как минимум две полуземлянки не перекрыты более поздними кладками. Во-вторых, из шести позднескифских домов только два (III и V) перекрывают полуземлянки. С этими фактами связано третье, самое серьезное, возражение: материалы отчетов и публикации не позволяют достоверно утверждать, что все полуземлянки синхронны друг другу или что все наземные каменные постройки существовали в одно и то же или близкое время.

В. А. Кутайсов датировал весь позднескифский период существования Керкинитиды временем до походов Диофанта (Кутайсов, 1990. С. 27–30, 159, 160). Между тем опубликованные материалы позволяют считать, что поселение на месте этого греческого города продолжало существовать как минимум после рубежа 60–50-х гг. до н. э., а скорее всего, до предполагаемой военной акции Аспурга (Внуков, 1997; Внуков, 2001. С. 171, 172, прим. 1).

Судя по отчетам, материал из четырех полуземлянок (4, 6, 9, 10) немногочисленный и невыразительный, не дающий оснований для «узких» датировок (Кутайсов, 1982. С. 14, 26; 1984. С. 8). Наиболее поздние находки из оставшихся пяти землянок (1, 2, 3, 5, 8) указывают на позднеэллинистическое время (Кутайсов, 1982. С. 10–15; 1984. С. 7). Судя по отсутствию среди них фрагментов светлоглиняных амфор, эти полуземлянки можно условно отнести ко времени до рубежа 60–50-х гг. до н. э. (Внуков, 2006. С. 137–139, 167).

Пять из шести наземных позднескифских домов Керкинитиды также можно датировать только широко — от 120-х гг. до н. э. до рубежа 60–50-х гг. до н. э. (Антонов, 2018. С. 5, 9, 10; 2021. С. 100, 103). Дом IV, судя по находкам фрагмен-

тов светлоглиняных позднегераклейских амфор, доподлинно существовал после рубежа 60–50-х гг. до н. э. (Антонов, 2017. С. 111; 2018. С. 5).

Таким образом, ни стратиграфия, ни находки не позволяют выделять в Керкинитиде «земляночный» и «наземный» позднескифские горизонты: наземные постройки сменяют полуземлянки не на всей площади раскрытого участка, не все сооружения в границах предполагаемых горизонтов синхронны, либо у нас отсутствуют сведения, позволяющие такую синхронность определить.

В Калос Лимене позднескифский «земляночный» этап выделял В. Б. Уженцев (Уженцев, 2006. С. 98–101)⁷. К сожалению, в публикациях это выделение никак не аргументируется.

Исследователь датировал «земляночный» этап в целом второй четвертью — второй половиной I в. до н. э. (см. подробнее далее) и относил к нему «не менее 11 земляночных структур» (Там же)⁸. Как представляется, это число должно быть уменьшено. Так, помещение «А» по своему устройству кардинально отличается от позднескифских полуземлянок и должно быть исключено из их числа. Кроме того, в нем обнаружены фрагменты ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры (Уженцев, 1994. С. 246), что дает дату не ранее второй четверти I в. н. э. (Внуков, 2006. С. 153–157; 2016.

⁷ Стратиграфический горизонт с «землянками» и без каменных построек, перекрытый горизонтом с выходами бутовых кладок, выделял в Калос Лимене и А. Н. Щеглов (1967. С. 237). Но эти горизонты были описаны на основе стратиграфии строительной траншеи, пересекавшей приморскую часть городища, а не на основании раскопок, поэтому здесь они не рассматриваются. Между тем В. А. Кутайсов считал наблюдения А. Н. Щеглова убедительными и приводил их в качестве аналогии «земляночному» горизонту Керкинитиды (Кутайсов, 1990. С. 115).

⁸ Подпись к чертежам полуземлянок в монографии В. Б. Уженцева запутывает ситуацию. При описании этих сооружений, датируемых второй половиной I в. до н. э., исследователь ссылается на рис. 52 (Уженцев, 2006. С. 99). Но этот рисунок подписан как «Планы землянок и полуземлянок ярусов С3 и 4» (Там же. С. 187). Между тем ярус С4 Калос Лимена исследователь датирует второй — началом третьей четверти I в. н. э. (Там же. С. 32, 33). Таким образом, даты в тексте и в подписи к рисунку не соответствуют друг другу. Это противоречие снимает более ранняя публикация, в которой тот же рисунок подписан как «Землянки и полуземлянки I в. до н. э.» (Уженцев, 2001. С. 158, рис. 2), что не противоречит датам большинства полуземлянок, установленным по отчетам (см. далее).

С. 38, 39, 44). Вероятно, к более позднему времени должна относиться и полуземлянка 17, которая перекрыта слоем с фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор и краснолаковых сосудов II в. н. э. (Кутайсов и др., 1995. С. 29). Находки из землянок 7 и 19 невыразительны и не дают сколько-нибудь узкой даты (Кутайсов, Уженцев, 1991. С. 37; 1994. С. 29, 30; Уженцев, 1994. С. 246). К сожалению, о землянках 18 и 20 в отчетах, доступных автору настоящей работы, информации нет. Материал из оставшихся пяти полуземлянок (1, 6, 10, 14, 15) позволяет датировать их второй половиной I в. до н. э. (Кутайсов, 1989. С. 37, 38, 43–46; Кутайсов, Уженцев, 1991. С. 26; 1992. С. 19; Уженцев, 1994. С. 241, 243–246; Кутайсов и др., 1995. С. 25, 26), а кроме того, в ряде случаев и уточнить время их сооружения (см. далее). Таким образом, число полуземлянок, которые можно отнести к гипотетическому «земляночному» горизонту, — от пяти до десяти. Такой разброс сам по себе серьезно размывает выборку и уменьшает точность предположений, построенных на ее основе.

Точная датировка «земляночного» этапа у В. Б. Уженцева неясна. Сначала он относит его ко второй четверти — второй половине I в. до н. э. (Уженцев, 2006. С. 98), затем — только ко второй половине I в. до н. э. (Там же. С. 99), но наступление следующего этапа II, с наземными каменными постройками, он отсчитывает с последней трети I в. до н. э. (Там же. С. 101). Исследователь указывал, что материал из засыпи полуземлянок не дает точной датировки, но поскольку в них нет следов ремонта или обновления обмазки, то «земляночный» этап был непродолжительным — всего несколько лет (Там же). Значительная часть этих положений может быть пересмотрена.

Так, в полуземлянках 6 и 10 обнаружены фрагменты псевдокосских светлоглиняных амфор (Кутайсов, Уженцев, 1992. С. 19; Уженцев, 1994. С. 241, 245), что позволяет датировать их временем после рубежа 60–50-х гг. до н. э. (Внуков, 2006. С. 137–139, 167). В полуземлянке 15 найдены ручки сосудов типа С III (Кутайсов и др., 1995. С. 25, 26, 178, рис. 43, 582а, 582б), появляющиеся около 20–15 гг. до н. э. (Внуков, 2006. С. 140, 141, 167). В полуземлянке 1 обнаружены фрагменты красноглиняной амфоры с воронковидным горлом (Кутайсов, 1989. С. 43–46; Уженцев, 1994. С. 243, 244), которые получают наибольшее распространение в последней четверти I в. до н. э. (Внуков, 2013. С. 38–47). Все это позволяет сдвинуть нижнюю границу существования рассматриваемых полуземлянок к рубежу 60–50-х гг. до н. э., а по-

явление некоторых из этих сооружений отнести и к более позднему времени. Таким образом, предполагаемые нижняя и верхняя хронологические границы гипотетического «земляночного» горизонта неверны, кроме того, находки из полуземлянок с большой долей вероятности свидетельствуют об их асинхронности.

Судя по всему, могут не отражать реальную ситуацию и выводы о непродолжительности существования полуземлянок (Уженцев, 2006. С. 101). Так, в полуземлянке 1 зафиксировано девять намазок пола (Уженцев, 1994. С. 243), а в полуземлянке 10 — 18 намазок (Там же. С. 241).

В одной из публикаций В. Б. Уженцев утверждал, что после засыпки полуземлянок и перед началом возведения наземных построек были проведены «незначительные нивелировочные работы» (Там же. С. 251). В отчетах упоминание о таких работах удалось найти только в описании землянки 6 (Кутайсов, Уженцев, 1991. С. 27). Увы, и в публикации, и в отчете этот тезис никак не аргументируется.

Важно, что сам В. Б. Уженцев указывал, что и во время «земляночного» этапа часть эллинистических наземных построек в цитадели Калос Лимена продолжала использоваться (Уженцев, 2001. С. 156; 2006. С. 99). Кроме того, по его мнению, полуземлянкам сопутствовали несохранившиеся наземные каркасные жилища (Уженцев, 2006. С. 100). Эти замечания сами по себе ставят под сомнение правомерность выделения «земляночного» этапа.

Итак, и в случае Калос Лимена выделять «земляночный» этап нет оснований: стратиграфических свидетельств этому нет, как и доказательств их синхронности друг с другом или асинхронности с наземными постройками.

Стоит отметить, что и В. А. Кутайсов, и В. Б. Уженцев допускали, что по крайней мере часть полуземлянок имела не жилые, а хозяйственные функции. Так, полуземлянки 1 и 10 Керкинитиды, по мнению автора раскопок, не могли быть жилищами из-за небольших размеров (Кутайсов, 1982. С. 4; 1984. С. 8)⁹. В. Б. Уженцев

⁹ В. А. Кутайсов отмечал, что при обсуждении отчета о раскопках Керкинитиды возникла дискуссия об интерпретации полуземлянок в качестве жилищ (Кутайсов, 1982. С. 9, прим.). К сожалению, он не указал, где именно происходило обсуждение. Можно предполагать, что оно имело место в отделе археологии Крыма ИА АН УССР, в котором тогда работал автор отчета.

не исключал, что круглые в плане полуземлянки могли служить хозяйственными постройками (Уженцев, 1994. С. 246) при несохранившихся наземных каркасных жилищах или жилых (по его мнению) прямоугольных полуземлянках (Уженцев, 2006. С. 100). В. А. Кутайсов в работах последних лет, написанных совместно с Т. Н. Смекаловой, считал более вероятным хозяйственное назначение полуземлянок Калос Лимена второй половины II в. до н. э. (Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 254; Кутайсов, Смекалова, 2019. С. 91). О таких же, но более поздних сооружениях в этих книгах, к сожалению, ничего не говорится.

Нежилой характер полуземлянок в последние годы подчеркивают и исследователи, работающие на других позднескифских памятниках. Е. А. Попова, описывая такое сооружение, открытое на Чайке, и его аналогии, также указывает на небольшие размеры позднескифских полуземлянок, обращает внимание на отсутствие «обогревательных устройств» и предполагает хозяйственные функции подобных объектов (Попова, 1998. С. 186)¹⁰. По данным Ю. П. Зайцева, в Неаполе Скифском наиболее ранние полуземлянки относятся к подгоризонту E2 (145/141—135/131 гг. до н. э.)¹¹, они сосуществовали с наземными постройками до середины I в. н. э. и, как считает исследователь, в большинстве случаев выполняли функции подсобных помещений — кладовок и кухонь. Лишь для отдельных наиболее крупных полуземлянок Ю. П. Зайцев допускает жилое назначение (Зайцев, 2003. С. 23, 26, 31, 32)¹². Большинство неапольских полуземлянок и землянок последней четверти II — первой половины III в. до н. э., видимо, отличались по конструкции от более ранних и, как полагает Ю. П. Зайцев, выполняли функции погребов, «являясь, по сути, усложненной разновидностью хозяйственных ям». Они также сосуществуют с наземными

постройками (Там же. С. 38). С. Ю. Внуков подробно высказывается против жилой и хозяйственной функции позднескифских полуземлянок и предполагает их использование для «погребально-поминальных собраний» (Внуков, 2018. С. 69–71)¹³.

То, что полуземлянки не могли быть жилыми, само по себе ставит под вопрос правомерность выделения «земляночных» горизонтов в позднескифских Керкинитиде и Калос Лимене. Как показывают материалы многих памятников, например Неаполя Скифского (Зайцев, 2003. С. 23, 26, 31, 32, 38), Усть-Альминского городища (Высотская, 1988. С. 146; 1994. С. 17, 18, 24, 32, 33), Кара-Тобе (Внуков, 2018. С. 68) и других, полуземлянки почти везде сосуществуют с каменными наземными постройками. Так, вероятно, должно было быть и в Керкинитиде, и в Калос Лимене.

В связи с этим особый интерес представляет расположение полуземлянок на Кара-Тобе: они, в основном, находятся на незастроенных пустырях, обычно на периферии жилых кварталов, которые использовались также для устройства хозяйственных ям (Внуков, 2018. С. 52, 68). Большинство полуземлянок Усть-Альминского городища открыты на краю его укрепленной части, с внутренней стороны вала (Высотская, 1988. С. 146)¹⁴. Насколько можно судить по кратким публикациям, именно на неукрепленной периферийной части поселения Бурлюк сосредоточены открытые там 30 полуземлянок (Зайцев, Шкрибляк, 2013. С. 245; Смекалова и др., 2015. С. 42). Вероятно, именно с такой локализацией рассматриваемых сооружений связан тот факт, что на Чайке, Беляусе, Южно-Донузлавском поселении их обнаружено сравнительно мало¹⁵ (Дашевская, 1967.

¹⁰ При этом другой объект, открытый на Чайке, она позже интерпретировала как полуземлянку, «служившую жильем первопоселенцам» (Попова, 2017. С. 281). Как уже отмечалось, эта предполагаемая полуземлянка, видимо, синхронна первым следам присутствия поздних скифов в «цитадели» поселения (Антонов, 2017. С. 109).

¹¹ Здесь и далее датировки сооружений Неаполя Скифского даны по: Зайцев, 2003. С. 21, табл. 2.

¹² Полуземлянки Неаполя Скифского II в. до н. э., по мнению Ю. П. Зайцева, «существовали при жилищах, не оставляющих археологических следов (кибитках, повозках, шатрах)» (Зайцев, 2003. С. 26).

¹³ Разумеется, приведенными высказываниями не исчерпывается весь спектр мнений о функциях полуземлянок. Многие исследователи прошлых лет высказывались в пользу их жилых функций (из относительно недавних работ см.: Храпунов, 2004. С. 95, 96), библиографическую сводку работ на эту тему см. там же и в работе: Внуков, 2018. С. 69). Тем не менее в большинстве работ последних 25 лет, как показано выше, такие функции не признаются.

¹⁴ В специальной статье о них говорится, что у вала расположены все полуземлянки Усть-Альминского городища (Высотская, 1988. С. 146), но из более поздней монографии следует, что минимум одна открыта и в центральной части (Высотская, 1994. С. 17, 18).

¹⁵ На небольшое количество полуземлянок на этих поселениях обращал внимание и В. Б. Уженцев. Он считал, что это объясняется хорошей сохранностью

С. 69; 1990. С. 149, 150; 1997. С. 381; *Дашевская, Голенцов*, 2005. С. 512; *Попова*, 1998. С. 183–186; 2017. С. 281, 282, 297, 298, 300, 301; *Внуков*, 2018. С. 65) — на этих памятниках исследовались, в основном, участки с плотной сплошной застройкой, а не пустыри или окраины.

Видимо, «периферийностью» открытых участков с полуземлянками и следует объяснять ошибочное выделение «земляночных» горизонтов в Керкинитиде и Калос Лимене. Анализ застройки Керкинитиды ранее позволил предположить, что раскопками 1980-х гг. раскрыта окраинная часть позднескифского поселения (*Антонов*, 2017. С. 112, 113; 2022. С. 107, 108), так что скопление там полуземлянок вполне вписывается в общую картину. Вероятно, около середины I в. до н. э., сразу после вывода понтийского гарнизона, поздние скифы заселили в первую очередь цитадель Калос Лимена, как это было и во время освоения поселения «варварами» около 130–110 гг. до н. э.¹⁶ (*Антонов*, 2017. С. 103; 2022. С. 104; *Кутайсов, Смекалова*, 2019. С. 91). Большинство же полуземлянок середины I в. до н. э. размещалось за пределами «цитадели», на пустующих, периферийных участках. Сказанное не противоречит и

греческих построек, якобы использованных поздними скифами вместо полуземлянок. Соответственно большее количество углубленных в землю сооружений в Керкинитиде, Калос Лимене и Кара-Тобе он связывал с тем, что эти пункты, по его мнению, подверглись наибольшему разрушению (*Уженцев*, 2001. С. 156).

¹⁶ Здесь и далее даты первого позднескифского подэтапа в истории Северо-Западного Крыма даются по: *Антонов*, 2021.

не исключает возможности постройки наземных каменных домов на месте части полуземлянок. Такие случаи — это не свидетельство смены характера застройки на всем поселении, а отражение ее развития, в первую очередь расширения населенных пунктов.

Подведем итог. В настоящее время в нашем распоряжении нет четких свидетельств того, что в позднескифской истории Керкинитиды и Калос Лимена можно выделять «земляночные» горизонты. Стратиграфия позволяет прийти к выводу, что лишь отдельные полуземлянки были перекрыты наземными каменными домами, и нет доказательств того, что это происходило в масштабах всего поселения. Ревизия находок из полуземлянок и позднескифских наземных построек показывает: углубленные в грунт сооружения появлялись и забрасывались не одновременно, вероятно, часть из них сосуществовала с жилыми домами, стоявшими на дневной поверхности. Наблюдения, сделанные на других позднескифских поселениях, опровергают жилую функцию большинства полуземлянок, свидетельствуют о том, что они сооружались в разные периоды истории населенных пунктов и сосуществовали с наземными постройками, а во многих случаях — появлялись на пустующих, периферийных участках. Все это заставляет рассматривать полуземлянки Керкинитиды 120–110-х гг. до н. э. и Калос Лимена середины — второй половины I в. до н. э. не как особые «земляночные» горизонты, но как маркеры незастроенных, окраинных участков, а появление наземных построек на месте некоторых углубленных сооружений — как отражение процесса расширения поселений.

Антонов, 2017 — *Антонов Е. Е.* Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму // ПИФК. 2017. № 3. С. 99–123.

Антонов, 2018 — *Антонов Е. Е.* Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. 2018 (Исторические науки; Т. 4 (70)). № 3. С. 3–15.

Антонов, 2021 — *Антонов Е. Е.* Еще раз о времени занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы VI конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2021. С. 99–103.

Антонов, 2022 — *Антонов Е. Е.* Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 102–123.

Внуков, 1997 — *Внуков С. Ю.* Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет) // Крымская археология. 1997. № 2. С. 37–47.

Внуков, 2006 — *Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. СПб.: Алетей, 2006. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. 320 с.

Внуков, 2013 — *Внуков С. Ю.* Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2013. Т. 17. С. 21–54.

Внуков, 2016 — *Внуков С. Ю.* Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Внуков, 2018 — *Внуков С. Ю.* Позднескифские «землянки» городища Кара-Тобе // Ученые записки КФУ

- им. В. И. Вернадского. 2018 (Исторические науки; Т. 4 (70)). № 2. С. 51–73.
- Высотская*, 1988 — *Высотская Т. Н.* Полуземляночные жилища Усть-Альминского городища // Архитектурно-археологические исследования в Крыму: Сб. ст. / Отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 138–147.
- Высотская*, 1994 — *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994 (Материалы по археологии Крыма). 208 с.
- Дашевская*, 1967 — *Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109: Античные памятники на территории СССР. С. 65–72.
- Дашевская*, 1990 — *Дашевская О. Д.* Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус // Проблемы скифо-сарматской археологии: Сб. ст. / Ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 143–158.
- Дашевская*, 1997 — *Дашевская О. Д.* Раскопки на Беляусе в Северо-Западном Крыму // АО 1996. М., 1997. С. 380–381.
- Дашевская*, *Голенцов*, 2005 — *Дашевская О. Д.*, *Голенцов А. С.* Исследования на Беляусе // АО 2004. М., 2005. С. 511–512.
- Драчук*, *Кутайсов*, 1983 — *Драчук В. С.*, *Кутайсов В. А.* Раскопки Керкинитиды // АО 1981. М., 1983. С. 258.
- Зайцев*, 2003 — *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 209 с.
- Зайцев*, *Шкрибляк*, 2013 — *Зайцев Ю. П.*, *Шкрибляк И. И.* Позднескифское поселение Бурлюк в Юго-Западном Крыму. Итоги исследований 2009–2010 гг. // Древнее Причерноморье. 2013. Вып. X. С. 244–250.
- Кутайсов*, 1982 — *Кутайсов В. А.* Отчет о раскопках Керкинитиды в 1981 г. // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. 2. № 165. П. 323. 1982.
- Кутайсов*, 1984 — *Кутайсов В. А.* Отчет о раскопках Керкинитиды в 1982 г. // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. 2. № 166. П. 342. 1984.
- Кутайсов*, 1985 — *Кутайсов В. А.* Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. 1985. № 3. С. 178–190.
- Кутайсов*, 1987 — *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитиды VI–II вв. до н. э. (градостроительство, фортификация, жилая застройка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / АН УССР, Ин-т археологии. Киев: б. и., 1987. 16 с.
- Кутайсов*, 1989 — *Кутайсов В. А.* Отчет о раскопках Калос Лимена в 1988 г. // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. Б. Инв. № 239. П. 525. Симферополь, 1989.
- Кутайсов*, 1990 — *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитиды. VI–II вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.
- Кутайсов*, 1993 — *Кутайсов В. А.* Раскопки Керкинитиды в 1989 г. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 4–7.
- Кутайсов*, 2004 — *Кутайсов В. А.* Керкинитиды в античную эпоху. Киев: Корвин Пресс, 2004. 328 с.
- Кутайсов*, *Смекалова*, 2019 — *Кутайсов В. А.*, *Смекалова Т. Н.* Древние греки в Северо-Западной Таврике. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 176 с.
- Кутайсов*, *Уженцев*, 1990 — *Кутайсов В. А.*, *Уженцев В. Б.* Отчет о работах Западно-Крымской экспедиции в 1989 г. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. Б. № 240. 1990.
- Кутайсов*, *Уженцев*, 1991 — *Кутайсов В. А.*, *Уженцев В. Б.* Отчет о раскопках Калос Лимена в 1990 г. // Архив ИА Крыма РАН. № 535. Симферополь, 1991.
- Кутайсов*, *Уженцев*, 1992 — *Кутайсов В. А.*, *Уженцев В. Б.* Отчет о работах Западно-Крымской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. Б. Инв. № 242а. П. 539. Симферополь, 1992.
- Кутайсов*, *Уженцев*, 1994 — *Кутайсов В. А.*, *Уженцев В. Б.* Отчет о раскопках античного городища Калос Лимен и охранных раскопках в Черноморском р-не в 1993 г. // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. В. Инв. № 311. П. 637. Симферополь, 1994.
- Кутайсов и др.*, 1995 — *Кутайсов В. А.*, *Уженцев В. Б.*, *Приднєв С. В.* Отчет о раскопках городища и некрополя Калос Лимена в 1994 г. Ч. 1 // Архив ИА Крыма РАН. Инв. кн. № 3. Инв. № 372. П. 712. Симферополь, 1995.
- Наливкина*, 1952 — *Наливкина М. А.* Отчет о раскопках в Евпатории в 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 959. 1952.
- Наливкина*, 1955 — *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории (предварительные итоги) // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 63–72.
- Попова*, 1998 — *Попова Е. А.* О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники ист. мысли, 1998. С. 182–195.
- Попова*, 2017 — *Попова Е. А.* Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н. э. — I в. н. э. // Stratum Plus. 2017. № 3: Скифия. Стрела времени. С. 259–307.
- Смекалова*, *Кутайсов*, 2017 — *Смекалова Т. Н.*, *Кутайсов В. А.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетей, 2017 (МАКК; Вып. XVIII. Археологические атласы Северного Причерноморья; Т II). 448 с.
- Смекалова и др.*, 2015 — *Смекалова Т. Н.*, *Колтухов С. Г.*, *Зайцев Ю. П.* Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетей, 2015 (МАКК; Вып. XV. Археологические атласы Северного Причерноморья; [Т. I]). 248 с.

- Уженцев*, 1994 — *Уженцев В. Б.* Землянки из скифского горизонта Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху / Ред. В. А. Кутайсов. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 238–252.
- Уженцев*, 2001 — *Уженцев В. Б.* Калос Лимен в I в. до н. э. — начале II в. н. э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Поздние скифы Крыма: Сб. ст. / Ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 118). С. 156–166.
- Уженцев*, 2006 — *Уженцев В. Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. — II в. н. э.). Симферополь: Сонат, 2006. 248 с.
- Храпунов*, 2004 — *Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. Керчь; Симферополь: б. и., 2004 (БИ; Вып. VI). 240 с.
- Щеглов*, 1967 — *Щеглов А. Н.* Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. 1967. № 3. С. 234–256.
- Vnukov*, 2001 — *Vnukov S. Yu.* The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay // Colloquia Pontica. 2001. Т. 6. С. 149–175.

Late Scythian “pit-house” horizons at Kerkititis and Kalos Limen

E. E. Antonov¹⁷

Keywords: Crimean Scythia, North-Western Crimea, Late Scythian archaeological culture, Late Scythian earth dwellings, Kerkititis, Kalos Limen.

The article is aimed at checking the arguments which induced some researchers to distinguish peculiar “pit-house” stages in the history of two Late Scythian settlements and also at an examination of such considerations in the context of studies at other sites.

According to V. A. Kutaysov and V. B. Uzhentsev, who first discovered large areas of Late Scythian buildings at Kerkititis and Kalos Limen, the barbarians having occupied these settlements, initially lived in temporal earth dwellings and had no “surface” buildings. These authors suppose that only with time the pit-houses were replaced with stone buildings built upon the ancient surface.

To check this hypothesis, reviews and reports of the above researchers have been re-examined anew and a revision of the datings was attempted (taking in account studies of the chronology of the mass materials published after the discovery of Late Scythian earth dwellings at Kerkititis and Kalos Limen). It has proved that the stratigraphy does not allow us to draw the conclusion about a simultaneous and universal replacement of pit-dwellings with “surface” houses; neither there is any information that all the pit-houses were synchronous with each other. The finds indicate that some of the buildings were apparently constructed and abandoned at different times. By contrast, some structures sunk in earth or built on the surface were used simultaneously.

A survey of the literature over the last 25 years on Late Scythian pit-houses shows that most of the researchers now already do not consider them as residential dwellings. They may have been economic or cult buildings. Besides, at some settlements, the structures sunk in earth are located at waste grounds and outskirts. These observations allow us to suppose that, also at Kalos Limen and Kerkititis, the earth-houses were marking plots without buildings or peripheral zones. The fact that certain such structures are covered over with “surface” houses is not evidence of a change in the character of construction at the scale of the entire settlement but represent traces of the latter’s expansion.

¹⁷ Egor E. Antonov — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow, 117292, Russia; e-mail: antonov.yegor@gmail.com.

Штампы на позднеантичной краснолаковой керамике из Северо-Восточного района Херсонеса: новые и известные находки и их анализ¹

С. В. Ушаков²

Аннотация. Статья посвящена новым или слабо изученным находкам краснолаковой керамики со штампами из Северо-Восточного района Херсонеса. С опорой на аналогии из Средиземноморья и Причерноморья представлены 24 штампа (18 фокейской сигиллаты, четыре — африканской, два — светлой позднеримской). Они позволяют уточнить хронологию базилики Крузе, отражают характер торговых связей Херсонеса V — середины VI в. Большинство штампов имеет христианскую символику (11 — кресты, по одному — лев, рыба).

Ключевые слова: Херсонес Таврический, базилика Крузе, хронология, краснолаковая керамика V–VI вв., штампы, христианская символика.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-265-275

В последние годы внимание исследователей греческих городов Северного Причерноморья все более привлекает заключительный период их античной истории (IV–VI вв.), который изучен в целом недостаточно. При этом первостепенное значение имеет установление хронологии исследованных комплексов (памятников), в чем важную роль играет краснолаковая керамика, особенно со штампами (клеймами). Статья посвящена новым, а также лишь мимоходом упоминавшимся в прежних работах находкам позднеантичной (ранневизантийской) краснолаковой керамики, на которых такие штампы сохранились полностью или во фрагментах. Эти находки позволяют уточнить хронологию археологических объектов, расположенных в Северо-Восточном районе Херсонесского городища, которые были открыты в ходе раскопок в квартале ХСVII и на территории базилики Крузе, и направленность торговых связей.

Нельзя сказать, что тема изучения штампов (клейм) на позднеантичной (ранневизантийской) краснолаковой керамике не нашла отражения в литературе. До сих пор не утратила своего значения фундаментальная работа Дж. Хейса (*Hayes*, 1972), отдельные разделы которой посвящены штампам. Например, все известные к тому времени штампы на сосудах фокейской сигиллаты (позднеримской С/фокейской краснолаковой — Late Roman C Ware/Phocian Red Slip Ware) (*Ibid.* P. 346–368) автор разделил на три хронологически-декоративные группы: I (360–450 гг.); II (440–490 гг.); III (470–580 гг.). На краснолаковой керамике так называемой африканской сигиллаты (African Red Slip Ware) производства Карфагена и его округа также зафиксированы штампы с различными изображениями (мотивами) (*Hayes*, 1972. P. 215–217): рыбами, дельфинами, львами, пантерами, общим числом 47, кроме того, имелись декоративные штампы (*Ibid.* P. 217–222). Они также были разделены по стилям: стиль А (*Ibid.* Fig. 38, 40–43, 55), в том числе — А (i) 320–350 гг., А (ii) 350–420 гг., А (iii) 410–470 гг., Е (i) 450–480; стиль В (*Ibid.* Fig. 39) 350–425 гг.; стиль С (*Ibid.* Fig. 39 — львы) 380–440 гг.; стиль D (*Ibid.* Fig. 44, 45, 47, 54) 440–500 гг.; стиль Е (*Ibid.* Fig. 41 — бутоны; 46, 48–53, 55–57), Е (i) 480–540 гг., Е (ii) 530–600 гг. Далее в его работе описаны типы штампов (*Ibid.* P. 222–229) и представлен их каталог (336 экз.) (*Ibid.* P. 229–281, fig. 34–57).

¹ Статья подготовлена в рамках плановой темы «Археологические культуры Крыма в эпоху бронзы, раннем железном веке и античности», подтема «Особенности развития материальной культуры античного Херсонеса Таврического и его округа».

² Институт археологии Крыма РАН; пр. Вернадского, 2, г. Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия; e-mail: yshakovsv@list.ru.

© Ушаков С. В., 2023.

Этим изданием пользуются до настоящего времени практически все исследователи, изучающие этот тип краснолаковой керамики, где имеются нанесенные в момент ее изготовления штампы, имеющиеся в литературе также клеймами.

Следует заметить, что находки такой керамики — обычное дело при раскопках самых различных памятников Восточного Средиземноморья и Понта, например, базилики в Эфесе (*Mitsopoulos-Leon*, 1991. Taf. 202, M 20, M 21; 203, M 22); жилых и прочих комплексов Бейрута (*Reynolds*, 2011. P. 208, fig. 2, 21), Боспора (*Смокотина*, 2009), Танаиса (*Arsenëva, Domžalski*, 2002. Fig. 18, 635–639, 642, 645; 19, 651), Ильичевского городища (*Николаева*, 1978), Херсонеса (*Романчук, Сазанов*, 1991. Рис. 10, 126–132). А. В. Сазанов, рассматривая краснолаковую керамику из Северного Причерноморья, представил и основные типы клейм (штампов) с датировками (*Сазанов*, 1994. Рис. 5). Л. А. Голофаст опубликовала значительную часть штампов на краснолаковой керамике из раскопок Херсонеса (*Голофаст*, 1996. С. 77–84; 2002. С. 135–216). Штампам с христианской символикой на краснолаковой керамике из Херсонеса и Боспора посвятил свою статью П. Д. Диатроптов (*Диатроптов*, 1998; там же каталог находок и литература). Он разделил на 12 типов штампы в виде крестов на фокейской сигиллате — Late Roman C (*Там же*. Табл. 1) — и описал находки изображений крестов и животных на керамике из Северной Африки — African Red Slip Ware (*Там же*. Табл. 1). В. Н. Залеская в каталоге коллекции Гос. Эрмитажа «Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков» среди находок из металла и керамики представила и краснолаковые сосуды (многие во фрагментах), преимущественно из Херсонеса. Среди них (автор публикации все эти сосуды именует «африканским типом») имеются оттиски штампов в виде крестов, птиц и животных (*Залеская*, 2006. № 552, 555–569, 571–589). Отдельные экземпляры краснолаковой керамики со штампами были опубликованы в каталогах, посвященных Византийскому Херсону (Византийский Херсон..., 1991. № 42–55; Наследие византийского Херсона..., 2011. № 405–409).

Некоторое количество штампов из недавних раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса было кратко описано в небольших публикациях автора (*Ушаков*, 2013. Рис. 2, 34–40; 2018а. С. 255, рис. 5, 1–3; 2018б. С. 539, рис. 5; *Ушаков, Дорошко*, 2018. С. 76, рис. 3), но без специального анализа их хронологии и распределения. Однако такой анализ (с уточнением местонахождений в сочетании

с привлечением прочих материалов) позволил бы уточнить хронологию самих археологических комплексов и, соответственно, этапы строительной истории этой части Херсонесского городища.

Почти все публикуемые находки происходят из раскопок базилики Крузе, археологическое изучение которой подходит к завершающей стадии. В настоящее время, опираясь на комплекс всех имеющихся данных, можно считать вполне твердо установленным, что здание базилики было сооружено в правление императора Юстиниана I, скорее всего, в начале второй половины VI в. (*Ушаков*, 2017). Интересно, как с этой датой сочетается хронология таких неплохо изученных материалов, как штампы (клейма) на позднеантичной (ранневизантийской) краснолаковой керамике из этого же комплекса.

При раскопках базилики Херсонесской экспедицией Института археологии Крыма РАН с 2005 г. территория исследований была разделена на пятиметровые квадраты, обозначенные римскими цифрами и буквами русского алфавита (*Ушаков*, 2017. С. 178, рис. 1). Фиксация всех находок производилась по этим квадратам и слоям, в соответствии с локальной стратиграфией. На этой территории среди прочих археологических комплексов нами были открыты 19 погребений (дополнительно к такому же числу могил из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича) (*Ушаков и др.*, 2015), две рыбозасолочные цистерны (*Ушаков*, 2013; 2016) и два колодца (с материалами позднеклассического–эллинистического времени: *Ушаков и др.*, 2011; *Монахов и др.*, 2017. С. 22, 67).

За время раскопок было обнаружено 24 штампа на «поздней» краснолаковой керамике (табл.; рис. 1–3³), из них 23 экземпляра происходят из раскопок участка, на котором располагалась базилика Крузе, один — из квартала ХСVII, где найдено также значительное число позднеантичной краснолаковой керамики, но без штампов (*Ушаков*, 2011). Большая часть всех этих находок представлена так называемой фокейской сигиллатой (Late Roman C — LRC/Phocaeen Red Slip Ware — PHRS W), производимой, как считается, в западной части Малой Азии (г. Фокея и его окрестности) (см. приложение). Два экземпляра относятся к типу позднеримской керамики со светлым покрытием (Late Roman Light Coloured

³ Благодаря фотографу Херсонесского музея-заповедника К. В. Зыкову за выполненные фотографии и заведующую фондами О. П. Дорошко за неоценимую помощь в работе с находками.

Таблица. Штампы на краснолаковой керамике: места находок и датировка
Table. Stamps on red-slip ware: findspots and dates

№ по приложению	Место находки (по коллекционной описи)	Датировка
Базилика Крузе		
1	Южный неф	Конец V — начало VI в.
2	Кв. I	Середина — вторая половина V в. (440–490 гг.)
3	Кв. II (страт. срез)	440–500 гг.
4	Кв. II (траншея)	Середина — вторая половина V в. (440–490 гг.)
5	Кв. II, слой 4	Середина — вторая половина V в. (440–490 гг.)
6	Базилика	Середина — вторая половина V в. (440–490 гг.)
7	Базилика	Конец V в.
8	Кв. IIIг, слой 4 (цистерна перед базиликой)	Конец V в.
9	Кв. IIIд, под каменным завалом, слой 2	Конец V в.
10	Кв. Iб, слой 4	Конец V в.
11	Кв. Iб, слой 1	Середина–конец V в.
12	Кв. Iб, слой 1	Конец V — начало VI в.
13	Кв. Iб, слой 4	V в.
14	Цистерна под полом центрального нефа	Середина — вторая половина V в. (440–490 гг.)
15	Кв. IIIд, слой 2	Вторая четверть V — середина VI в. (или 440–490 гг.)
16	Кв. IIб, наскальный слой	V в.
17	Кв. IIб, наскальный слой	440–500 гг.
18	Кв. IIб, наскальный слой	Начало VI в.
19	Кв. IIб, наскальный слой	Начало VI в.
20	Кв. IIб	Середина — вторая половина V в.
21	Помещение I, слой 4	Конец V — начало VI в.
22	Помещение I, слой 4	Конец V — начало VI в.
23	Помещение I, слой 4	Конец V — начало VI в.
Квартал XCVII		
24	Помещение 21, северо-западная часть	Конец V — начало VI в.

Ware) с оттисками разных фигур, в том числе сандалии (№ 2, 15) (рис. 2, 2; 3, 15), четыре — скорее всего, к африканской сигиллате (African Red Slip Ware) (№ 3, 13, 16, 17) (рис. 2, 3; 3, 13, 16, 17), происходящей из Северной Африки (район Карфагена). На одном из них имеется изображение рыбы (№ 3) (раннехристианский символ), на двух других — сложные орнаменты: в виде ромбов с кружочками, вписанными в двойную окружность (№ 16) и два двойных завитка в двойном круге и перекрещенные завитки в виде восьмерок (№ 17).

Что касается изображений на фрагментах фокейской сигиллаты, то среди них преобладают оттиски крестов (11 экземпляров) (№ 1, 8–12, 20–24) (рис. 1; 2, 8–10; 3, 11, 12, 20–24). Один фрагмент имеет орнамент в виде кольца, снаружи которого помещены врезные перекрещенные линии, образующие ромбы (№ 4) (рис. 2, 4); еще на одном изображен бегущий лев, христианский символ стража (№ 5) (рис. 2, 5) (Диастроптов, 1998. С. 102). На одном экземпляре присутствует

сложный орнамент, в центре которого находится восьмиугольник, вписанный в круг, снаружи которого расположены сложные четырехугольники (№ 6) (рис. 2, 6). Еще один орнамент — в виде плетенки (№ 7) (рис. 2, 7) — и один — в виде бутона (№ 14) (рис. 3, 14); на двух фрагментах изображены канфары (№ 18, 19) (рис. 3, 18, 19). Изображения крестов представлены: типом 1 (все типы даны по: *Диастроптов*, 1998) — 4 экз. (№ 8–10, 21) (рис. 2, 8–10; 3, 21); типом 3 — 1 экз. (№ 1) (рис. 1); типом 6 с продольным разделением крестов и расходящимися концами в виде ласточкиных хвостов — 2 экз. (№ 11, 20) (рис. 2, 11; 3, 20); типом 7 (с двумя окружностями-подвесками в междукрестии) — 4 экз. (№ 12, 22–24) (рис. 3, 12, 22–24)⁴.

⁴ Подробное описание всех находок дано в приложении, которое составлено в соответствии со схемой, представленной В. Н. Залесской в каталоге находок, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа: *Залесская*, 2006, с некоторым необходимым упрощением.

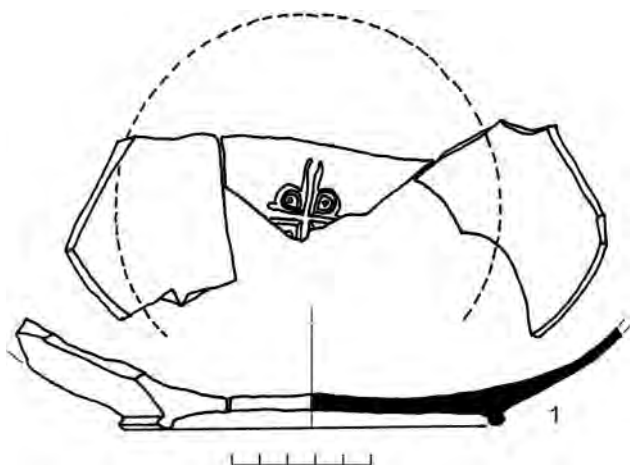

Рис. 1. Херсонес Таврический. Краснолаковое блюдо со штампом из южного нефа базилики (№ 1) (рис. И. И. Макаева)

Fig. 1. Tauric Chersonesos. Stamped red-slipped dish from the southern nave of the basilica (No. 1) (drawing by I. I. Makayev)

Находки всех этих штампов (кроме № 24) позволяют вновь обратиться к хронологии базилики Крузе. Показательно, что верхняя хронологическая рамка для всех этих экземпляров не выходит за пределы начала VI в. (см.: табл.; приложение). Особое значение для датировки имеют штампы из засыпи большой цистерны, расположенной под полом центрального нефа храма (понятно, что эта цистерна должна была быть засыпана перед началом его строительства). Там обнаружено четыре экземпляра со штампами (№ 17–20) (рис. 3, 17–20). Они датируются в пределах V–VI вв. Большая часть остальных фрагментов происходит с территории всей базилики. Три экземпляра найдено в нижнем (четвертом) слое в помещении I (рис. 3, 21–23), пристроенном к основному зданию храма. Все они датируются концом V — началом VI в. Эти данные, наряду с прочими, довольно многочисленными материалами, представленными в публикации, посвященной хронологии базилики (Ушаков, 2017), позволяют не сомневаться в возведении всего комплекса построек не ранее этого времени и, скорее всего, как уже было сказано выше, в эпоху Юстиниана Великого (527–565). Это произошло, вероятнее всего (как можно утверждать на основании находки монеты этого императора в небольшой цистерне перед базиликой), в начале второй половины VI столетия.

Что же касается статистической оценки находок публикуемых штампов, то из 24 опреде-

ленных 18 относятся к фокейской сигиллате (№ 1, 4–12, 14, 18–24), четыре — к африканской (№ 3, 13, 16, 17), а два — к светлой позднеримской (№ 2, 15), и эти данные отражают (хотя, конечно, очень приблизительно) характер торговых связей Херсонеса для V — середины VI в. Одиннадцать штампов публикуются впервые, пять экземпляров не находят точных аналогий (№ 5–7, 13, 16). При этом стоит подчеркнуть, что большинство экземпляров имеет христианскую символику (кресты, лев, рыба), что знаменует начало наступления раннехристианской эпохи и для Херсонеса Таврического.

Приложение.

Находки ранневизантийской краснолаковой керамики со штампами

1. Блюдо фрагментированное с изображением креста (рис. 1).

Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V — начало VI в. Размеры: d^5 — 10,3; h — 3,1; l — 20,0.

Найдено в 2005 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. 2, слой 2 (Ушаков, 2005. Л. 47, рис. 233, 3)⁶.

Блюдо фрагментированное на низком кольцевом поддоне. На внутренней поверхности дна имеется штампованный четырехконечный крест с двумя окружностями-подвесками в междукрестии.

Сохранность: три стыкующихся фрагмента с крестом в центре его центральной части (сохранились две ветви полностью, третья — частично).

Аналогии: Hayes, 1972. P. 368, fig. 78; Диатронтов, 1998. Табл. 1, 16; Голофаст, 2002. Рис. 7, 4; Залесская, 2006. С. 234, № 555.

Публикуется впервые.

2. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением⁷ (рис. 2, 2⁸).

Восточное Средиземноморье, позднеримская керамика со светлым покрытием (Late Roman Light Coloured Ware), середина — вторая половина V в. (440–490 гг.). Размеры: 2,8 × 3,0.

Найден в 2005 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, южный неф, кв. I.

Инв. № КО 72/37431.

⁵ Принятые обозначения: d — диаметр, h — высота, l — длина (все размеры даны в см); КО — коллекционная опись; Изд. — первая публикация.

⁶ Находка в коллекции не сохранилась.

⁷ Благодарю К. Домжалского за указание на этот тип керамики.

⁸ Нумерация находок со штампами на иллюстрациях соответствует номерам в приложении.

Рис. 2. Херсонес Таврический. Фрагменты краснолаковой керамики со штампами (здесь и на рис. 1 номера соответствуют номерам в таблице и приложении)

Fig. 2. Tauric Chersonesos. Fragments of stamped red-slipped ware (here and below the numbers correspond to those in the Table and Supplement)

Блюда фрагмент дна со штампованным орнаментом на его внутренней стороне в виде двойной concentрической врезной линии, внутри которой расположен тройной рельефный кружок, штамп в виде многоугольника с вписанными точками, снаружи — фрагмент фигуры в виде «сандалии» с точками. Группа ПВ, по Дж. Хейсу (*Hayes, 1972*).

Сохранность: оббит со всех сторон.

Аналогии: *Hayes, 1972. P. 355, fig. 74, 29; Domzalski, 2002. S. 286; Japp, 2014. P. 19, fig. 11.*

Публикуется впервые.

3. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 2, 3).

Центральное Средиземноморье, африканская сигиллата (African Red Slip Ware), 440–500 гг.

Размеры: h — 2,0; d — 20,0; 8,0 × 8,6.

Найден в 2006 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. II, стратиграфический срез. Инв. № КО 11/37446.

Блюда краснолакового дна фрагмент на низком кольцевом поддоне в виде неправильного четырехугольника. С внутренней стороны — штампованный concentрический орнамент в виде тройной и двойной окружностей, выполненных металлическим колесиком, двойной concentрической врезной линией, между которыми сохранилось изображение головы рыбы. Мотив 178 стиля D, по Дж. Хейсу (*Hayes, 1972*).

Сохранность: оббит со всех сторон.

Аналогии: *Hayes, 1972. P. 257, fig. 47 b.*

Публикуется впервые.

4. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 2, 4).

Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), середина — вторая половина V в. (440–490 гг.).

Размеры: 1,0–7,5.

Найден в 2006 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. II, траншея.

Рис. 3. Херсонес Таврический. Фрагменты краснолаковой керамики со штампами
 Fig. 3. Tauric Chersonesos. Fragments of stamped red-slipped ware

Инв. № КО 14/37446.

Блюда краснолакового дна фрагмент на низком кольцевом поддоне. С внутренней стороны — штампованный орнамент в виде кольца, снаружи которого помещены четыре врезные перекрещенные линии (сохранились не полностью), образующие ромбы. Группа II, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).

Сохранность: оббит со всех сторон.

Аналогии: Hayes, 1972. P. 349; Ladstätter, Sauer, 2015. S. 177, Taf. 8, 15, № 103.

Публикуется впервые.

5. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 2, 5).

Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaeen Red Slip Ware — PHRS W), середина — вторая половина V в. (440–490 гг.).

Размеры: d — 18,0; l — 6,5.

Найден в 2007 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. II, слой 4.

Инв. № КО 13/37513.

Блюда краснолакового дна фрагмент на кольцевом поддоне. С внутренней стороны — штампованный

концентрический орнамент, выполненный металлическим колесиком, и изображение передней части бегущего льва. Точная аналогия изображению не найдена. Напоминает мотив 39 группы IIА или III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).

Сохранность: оббит со всех сторон.

Аналогии: Hayes, 1972. P. 359, fig. 75 n; XXI, 2 (P8646) (неполные аналогии).

Публикуется впервые.

6. Блюда фрагменты дна со штампованным изображением (рис. 2, 6).

Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaeen Red Slip Ware — PHRS W), середина — вторая половина V в. (440–490 гг.).

Размеры: 10,0 × 4,0.

Найден в 2007 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе.

Инв. № КО 67/37513.

Блюда краснолакового дна фрагмент с рельефным орнаментом в виде двух перекрещенных четырехугольников и вписанных внутри них концентрических линий, вся фигура расположена внутри круга.

- Снаружи вокруг этого орнамента расположены четырехугольники со вписанными в них горизонтальными и вертикальными линиями. Состоит из двух частей. Вероятно, группа II, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972). Сохранность: два фрагмента склеены по старым сколам, оббиты со всех сторон.
Аналогии: Ушаков, 2018б. С. 539, рис. 5, 1, 2.
Публикуется впервые.
- 7. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 2, 7).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V в.
Размеры: 9,0 × 5,5.
Найден в 2007 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе.
Инв. № КО 68/37513.
Блюда краснолакового дна на кольцевом поддоне фрагмент с рельефным орнаментом в виде плетенки, расположенной внутри двух полос концентрического орнамента, выполненного металлическим колесиком. Близко мотиву 22 группы III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: Hayes, 1972. P. 355, fig. 73 dd; Arsenèva, Domžalski, 2002. Fig. 18, 639, 645.
Публикуется впервые.
- 8. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 2, 8).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V в.
Размеры: 6,0 × 3,5.
Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. IIIг, слой 4 (цистерна перед базиликой).
Инв. № КО 62/37550.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста, выполненного двойной линией; четвертая ветвь сохранилась не полностью. Мотив 71 группы III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: Hayes, 1972. P. 365, 367, fig. 79 a–d; Диатроптов, 1998. Табл. 1, 3; Голофаст, 2002. Рис. 6, 6–16, 19–23; Залеская, 2006. С. 234, 235, № 556–562.
Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 34.
- 9. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 2, 9).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V в.
Размеры: 5,0 × 5,4.
Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. IIIд, под каменным завалом, слой 2.
Инв. № КО 63/37550.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с расширенными концами, выполненного двойной линией. Одна ветвь сохранилась не полностью. Мотив 72 группы III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: Hayes, 1972. P. 367, fig. 79 h; Диатроптов, 1998. Табл. 1, 3; Голофаст, 2002. Рис. 6, 1–3.
Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 40.
- 10. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 2, 10).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V в.
Размеры: 6,7 × 5,2.
Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. Iб, слой 4.
Инв. № КО 64/37550.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста, выполненного двойной линией. Две ветви сохранилось не полностью. Мотив 72 группы III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: Hayes, 1972. P. 367, fig. 79 h; Диатроптов, 1998. Табл. 1, 3; Голофаст, 2002. Рис. 6, 1–3.
Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 39.
- 11. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 2, 11).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), середина–конец V в.
Размеры: 5,3 × 6,0.
Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. Iб, слой 1.
Инв. № КО 65/37550.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с раздвоенными концами. Мотив 69 группы IА, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: Hayes, 1972. P. 277, fig. 78, o–q; Диатроптов, 1998. Табл. 1, 23; Голофаст, 2002. Рис. 8, 1; Залеская, 2006. С. 238, № 571.
Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 35.
- 12. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 12).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V — начало VI в.
Размеры: 2,6 × 1,8.
Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. Iб, слой 1.
Инв. № КО 66/37550.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с окружностями-подвесками в междукрестии (сохранилось только две ветви креста и

- одна подвеска). Мотив 68 группы III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббит со всех сторон.
 Аналогии: Hayes, 1972. P. 365, fig. 78 j, k; *Диатроптов*, 1998. Табл. 1, 25; *Голофаст*, 2002. Рис. 7, 10–17; *Залесская*, 2006. С. 236, 237, № 565, 568.
 Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 37.
- 13. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 3, 13).**
 Центральное Средиземноморье, африканская сикиллата (African Red Slip Ware), V в. (?).
 Размеры: 6,2 × 4,1.
 Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. Iб, слой 4.
 Инв. № КО 67/37550.
 Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде ромба, снаружи которого имеется кружочек; между четырехугольниками расположены кружки, образованные двойной линией. Штамп сохранился фрагментарно. Стилль А (кружки), по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббит со всех сторон.
 Аналогии: Hayes, 1972. P. 235, fig. 40 d, e.
 Публикуется впервые.
- 14. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 3, 14).**
 Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сикиллата (Late Roman C — LRC/Phocaeen Red Slip Ware — PHRS W), середина — вторая половина V в. (440–490 гг.).
 Размеры: 6,0 × 3,1.
 Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, цистерна под полом центрального нефа.
 Инв. № КО 68/37550.
 Блюда краснолакового фрагмент дна с частью штампа в виде бутона. Мотив 12 групп IА и IВ, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббит со всех сторон.
 Аналогии: Hayes, 1972. P. 353, fig. 73 i.
 Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 36.
- 15. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 3, 15).**
 Восточное Средиземноморье, позднеримская керамика со светлым покрытием (Late Roman Light Coloured Ware), 440–490 гг. или вторая четверть V — середина VI в.
 Размеры: 3,5 × 3,5.
 Найден в 2009 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. IIIд, слой 2.
 Инв. № КО 69/37550.
 Блюда фрагмент дна со штампованным орнаментом на его внутренней стороне в виде отпечатка «сандалии» между двумя концентрическими линиями, выполненными металлическим колесиком.
- Группа IВ, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббит со всех сторон.
 Аналогии: Hayes, 1972. P. 355, fig. 74, 29 g; *Domzalski*, 2002. С. 286; *Japp*, 2014. P. 19, fig. 11.
 Изд.: Ушаков, 2013. С. 594, рис. 2, 38.
- 16. Блюда фрагменты дна со штампованным изображением (рис. 3, 16).**
 Центральное Средиземноморье, африканская сикиллата (African Red Slip Ware), V в. (?).
 Размеры: 15,3 × 7,0.
 Найден в 2011 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. IIб, наскальный слой.
 Инв. № КО 80–81/37586.
 Блюда краснолакового фрагмент дна из двух частей со штампом в виде ромбов, образованных двойной линией, снаружи которых имеется четыре кружочка; между четырехугольниками расположены кружки, образованные двойной линией; весь орнамент вписан в двойную окружность. Стилль А (кружки), по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббиты со всех сторон.
 Аналогии: № 13; Hayes, 1972. P. 235, fig. 40 d, e. Точная аналогия в литературе не найдена.
 Публикуется впервые.
- 17. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 3, 17).**
 Центральное Средиземноморье, африканская сикиллата (African Red Slip Ware), 440–500 гг.
 Размеры: 6,2 × 6,0.
 Найден в 2011 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. IIб, наскальный слой.
 Инв. № КО 61/37586.
 Блюда краснолакового фрагмент дна со сложным орнаментом. В центре, внутри двойного круга, расположены два двойных завитка; снаружи двойного круга — не менее восьми двойных перекрещенных завитков в виде восьмерок (пять сохранились частично). Мотив 104, стилль D, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббит со всех сторон.
 Аналогии: Hayes, 1972. P. 248, fig. 44 i.
 Изд.: Ушаков, 2018б. С. 539, рис. 5, 3.
- 18. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением (рис. 3, 18).**
 Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сикиллата (Late Roman C — LRC/Phocaeen Red Slip Ware — PHRS W), начало VI в.
 Размеры: 8,3 × 7,5.
 Найден в 2011 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. IIб, наскальный слой.
 Инв. № КО 78/37586.
 Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде канфара внутри круга, образованного двойной линией. Мотивы 59, 60 группы II–III, по Дж. Хейсу (Hayes, 1972).
 Сохранность: оббит со всех сторон.

- Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 362–363, fig. 78 a–d (неточная аналогия); *Голофаст*, 2002. Рис. 1, 7.
Изд.: *Ушаков*, 2018б. С. 539, рис. 5, 5.
- 19. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 19).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), начало VI в.
Размеры: 5,0 × 3,5.
Найден в 2011 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. Пб, наскальный слой.
Инв. № КО 79/37586.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде канфара, расположенного внутри двойного круга, образованного врезными линиями. Мотив 60 группы III, по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 363, fig. 78 d; *Голофаст*, 2002. Рис. 1, 7.
Изд.: *Ушаков*, 2018б. С. 539, рис. 5, 4.
- 20. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 20).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), середина — вторая половина V в.
Размеры: 4,9 × 2,3.
Найден в 2011 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, кв. Пб.
Инв. № КО 66/37586.
Блюда краснолакового фрагмент донной части со штампованным орнаментом в виде креста с раздвоенными концами. Одна ветвь не сохранилась, вторая — частично. Мотив 69 группы IIIA, по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 365, fig. 78 o–q; *Диатроптов*, 1998. Табл. 1, 23; *Голофаст*, 2002. Рис. 8, 1.
Публикуется впервые.
- 21. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 21).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V — начало VI в.
Размеры: 2,8 × 2,5.
Найден в 2014 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, помещение I, слой 4.
Инв. № КО 6/37639.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с двойной линией контура; три ветви сохранились частично. Мотив 71 группы III, по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 365–366, fig. 79 b–f; *Голофаст*, 2002. Рис. 6, 3–16, 19, 20; *Залесская*, 2006. С. 234–235, № 556–562.
Изд.: *Ушаков*, 2018а. С. 255, рис. 5, 3.
- 22. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 22).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V — начало VI в.
Размеры: 4,0 × 2,5.
Найден в 2014 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, помещение I, слой 4.
Инв. № КО 7/37639.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с двумя окружностями-подвесками в междукрестии, сохранились полностью только одна ветвь и одна подвеска. Мотив 68 группы III, по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 365, fig. 78 i; *Диатроптов*, 1998. Табл. 1, 25; *Голофаст*, 2002. Рис. 7, 14; *Залесская*, 2006. С. 233, № 553.
Изд.: *Ушаков*, 2018а. С. 255, рис. 5, 2.
- 23. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 23).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V — начало VI в.
Размеры: 3,5 × 3,7.
Найден в 2014 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, базилика Крузе, помещение I, слой 4.
Инв. № КО 8/37639.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с двумя окружностями-подвесками в междукрестии и Rho справа; верхняя ветвь сохранилась частично. Мотив 67 группы III, по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 363, 364, fig. 78; *Диатроптов*, 1998. Табл. 1, 25; *Голофаст*, 2002. Рис. 7, 17; *Залесская*, 2006. С. 236, № 565.
Изд.: *Ушаков*, 2018а. С. 255, рис. 5, 1.
- 24. Блюда фрагмент дна со штампованным изображением** (рис. 3, 24).
Восточное Средиземноморье, Малая Азия, фокейская сигиллата (Late Roman C — LRC/Phocaean Red Slip Ware — PHRS W), конец V — начало VI в.
Размеры: 3,5 × 3,7.
Найден в 2014 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, квартал ХСVII, помещение 21, северо-западная часть.
Инв. № КО 41/37639.
Блюда краснолакового фрагмент дна со штампом в виде креста с окружностями-подвесками в междукрестии; сохранились только нижняя ветвь и левая подвеска. Мотив 68 группы III, по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1972).
Сохранность: оббит со всех сторон.
Аналогии: *Hayes*, 1972. P. 365, fig. 78 k; *Диатроптов*, 1998. Табл. 1, 24; *Голофаст*, 2002. Рис. 7, 18.

- Византийский Херсон..., 1991 — Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Голофаст, 1996 — Голофаст Л. А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77–84.
- Голофаст, 2002 — Голофаст Л. А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135–216.
- Диатроптов, 1998 — Диатроптов П. Д. Христианская символика на позднеримской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М.: ГИМ, 1998 (Труды ГИМ; Вып. 102). Т. I. С. 98–106.
- Залеская, 2006 — Залеская В. Н. Государственный Эрмитаж. Памятники византийского прикладного искусства. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
- Монахов и др., 2017 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов: Тип. «Новый проект», 2017. 208 с.
- Наследие византийского Херсона..., 2011 — Наследие византийского Херсона / Авт.-сост. Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев. Севастополь: Телескоп; Институт классической археологии, 2011. 708 с.
- Николаева, 1978 — Николаева Э. Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156: Античность и варварский мир. С. 110–113.
- Романчук, Сазанов, 1991 — Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Свердловск: Уральский ГУ, предприятие «АВ КОМ», 1991. Ч. 1: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. 55 с.
- Сазанов, 1994 — Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 406–433.
- Смокотина, 2009 — Смокотина А. В. Штампы на краснолаковой керамике из раскопок Керчи в 2007 // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 132–173.
- Ушаков, 2005 — Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2005 г. // Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 3789. 224 л.
- Ушаков, 2011 — Ушаков С. В. Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок ХС VII квартала Херсонеса // Херсонский сборник. 2011. Вып. XVI. С. 217–234.
- Ушаков, 2013 — Ушаков С. В. Новая рыбозасолочная цистерна из Херсонеса (к вопросу о времени строительства базилики «Крузе») // Древнее Причерноморье. Одесса: ФЛП «А. С. Фридман», 2013. Вып. X. С. 590–596.
- Ушаков, 2016 — Ушаков С. В. Большая цистерна под полом центрального нефа базилики «Крузе»: характер керамических находок // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России»: Тезисы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Севастополь, ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 12–16 сентября 2016 г.). Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2016. С. 61–62.
- Ушаков, 2017 — Ушаков С. В. О времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе: археологические данные // АВ. 2017. Вып. 23. С. 176–197.
- Ушаков, 2018а — Ушаков С. В. Краснолаковая ранневизантийская керамика из раскопок базилики «Крузе» (пом. I) // Археология античного и средневекового города: Сб. ст. в честь С. Г. Рыжова / Отв. ред. В. В. Майко; ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДООФК, 2018. С. 254–259.
- Ушаков, 2018б — Ушаков С. В. О ранневизантийской краснолаковой керамике из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посв. 70-летию проф. В. П. Копылова. Ростов н/Д.: ИП Истратов С. В. (типография «Лаки Пак»), 2018. Вып. 2. С. 533–541.
- Ушаков, Дорошко, 2018 — Ушаков С. В., Дорошко О. П. Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок под полом центрального нефа базилики Крузе в Херсонесе // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом: Программа конф. и тезисы докл. на Междунар. науч. конф. (Севастополь, 5–7 июня 2018 г.) / Сост. А. Д. Васильев, Н. В. Гинькут. М.: Пробел-2000, 2018. С. 74–80.
- Ушаков и др., 2011 — Ушаков С. В., Дюженко Т. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И. Комплекс эллинистического времени из раскопок колодца в алтарной части базилики «Крузе» (предварительная информация по материалам работ 2009–2010 гг.) // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. Вып. V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В. И. Кузицина. С. 129–149.
- Ушаков и др., 2015 — Ушаков С. В., Данилова С. А., Дорошко В. В. Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе // История и археология Крыма. Симферополь: Ариал, 2015. Вып. II: Сб. ст., посв. памяти А. Е. Пуздровского / Отв. ред. В. В. Майко. С. 400–427, 633–635.
- Arsen'eva, Domzalski, 2002 — Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bonn: Habelt, 2002. Vol. 8. P. 415–491.

- Hayes*, 1972 — *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge, 1972. 477 p.
- Domzalski*, 2002 — *Domzalski K.* Late Roman Light-Coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the neighbouring Pontic littorals) // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Изд. центр археологических исследований, 2002. С. 284–291.
- Japp*, 2014 — *Japp S.* Sigillata of Pergamon — Eastern Sigillata C. Problems of classification and chronology // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia their Production. Imitation and Use / Eds. H. Meyza, K. Domzalski, I. Varsovie. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2014. P. 11–21.
- Ladstätter, Sauer*, 2015 — *Ladstätter S., Sauer R.* Late Roman C-Ware und spätantike Feinware aus Ephesos // Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos / Koord. und Red. S. Ladstätter, A. Hofeneder. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005 (Archäologische Forschungen; Bd. 13). 201 S.
- Mitsopoulos-Leon*, 1991 — *Mitsopoulos-Leon V.* Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos: Kleinfunde. 1. Teil, Keramik hellenistischer und römischer Zeit. Wien: Schindler, 1991. 159 S.
- Reynolds*, 2011 — *Reynolds P.* Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to the early 7th century // Late Roman Fine Wares 1. A Review of the Evidence, Debate and New Contexts / Eds. M. A. Gau, P. R. Bonifey, M. Bonifey. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2011. P. 207–230.

Stamps on Late Classical red-slipped ware from the North-Eastern district of Chersonesos: new and unknown finds and new analysis

S. V. Ushakov⁹

Keywords: Tauric Chersonesos, Kruze's basilica, chronology, red slip ware of the 5th–6th cen., ceramic stamps, Christian symbols.

This paper presents and analyses new or poorly studied finds of Late Classical (Early Byzantine) red-slipped stamped ceramic ware (in fragments) from recent excavations by the author in the North-Eastern district of Tauric Chersonesos. Twenty three their examples come from different areas of Kruze's basilica and one — from quarter XCVII. Four specimens of stamps were found in the fill of the cistern beneath the floor of the central nave (Nos. 17–20). The majority of other fragments were retrieved from throughout the entire area of the basilica. Three items were uncovered in the lower (fourth) stratum of Room I attached to the main building of the temple. All of the finds are dated to within the middle/end of the 5th— beginning/first half of the 6th cen. With reference to parallels from the Mediterranean and Northern Black Sea regions (works by J. W. Hayes, K. Domzalski, V. N. Zalesskaya, A. V. Sazanov, A. I. Romanchuk, L. A. Golofast and other authors), in the text of the paper, Supplement and Table there are presented 18 stamps on Phocian red slip ware, four on the African sigillata and two on light coloured late Roman ware (relatively rare finds in Chersonesos) (Nos. 2, 15). Eleven items from among them are published here for the first time, and five do not have exact parallels (Nos. 5–7, 13, 16). The stamped ware allows us to confirm the date of the construction of Kruze's basilica — not later than the beginning of the second half of the 6th cen. AD (rule of Justinian I), and to characterize the trade connections of Chersonesos in the 5th — mid-6th cen. The latter were oriented predominantly to the western part of Asia Minor (city of Phocaea and its surroundings); the relations with North Africa (the region of Carthage) seem to have been considerably less intensive. The majority of the stamps bears Christian symbols (crosses — 11 items of several types after P. D. Diatropov). There are one item of each types of lion (No. 5) and fish (No. 3). This fact marks the beginning of the new, Early Christian, epoch in the Northern Black Sea region including Tauric Chersonesos.

⁹ Sergey V. Ushakov — Institute of Archeology of Crimea RAS; 2 Vernadsky pr., Simferopol, 295007, Republic of Crimea; e-mail: yshakovsv@list.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Территориальные владения Ольвийского полиса в архаическое, классическое и раннеэллинистическое время (современное состояние проблемы)

И. А. Снытко¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением официальных территориальных владений Ольвийского государства в VI–III вв. до н. э. Современные исследования свидетельствуют о том, что именно Нижнее Побужье было постоянной территорией Ольвийской хоры и Ольвийского полиса. Концентрация памятников в этих географических рамках прямо указывает на неизменность границ Ольвийского государства в его тысячелетней истории. Рассмотрены спорные гипотезы, связанные с этим вопросом, а также возможные конфликтные ситуации на почве взаимных территориальных претензий между ольвиополитами и окружающими Ольвию варварскими народами на раннем этапе существования Ольвийского полиса.

Ключевые слова: Ольвия, полис, хора, границы, контактные зоны.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-276-285

Исследования в области определения официальных границ территории, занимаемой Ольвийским полисом, продолжаются и сейчас, особенно же активными они были в начале 60-х гг. XX в., когда уже было четко сформулировано само понятие *хора Ольвийского полиса*. Поселения и городища ольвийского окружения изучались такими замечательными учеными, как В. Д. Блаватский, Я. В. Доманский, Н. В. Шафранская и Л. М. Славин (см.: *Буйских*, 2007. С. 67), в той или иной мере ими занимались многие исследователи, оставившие заметный след в разработке этой проблематики, — И. В. Фабрициус, Ф. М. Штигельман, В. Л. Зуц, А. В. Бураков, К. К. Марченко, С. Д. Крыжицкий, Н. А. Лейпунская, А. С. Русяева, М. В. Скржинская, В. В. Лапин, И. Б. Брашинский, Д. Б. Шелов, А. Вонсович, П. О. Карышковский, А. С. Островерхов, Э. И. Диамант, В. М. Отрешко, С. Б. Буйских, Ю. Г. Виноградов, В. В. Рубан, М. И. Абикулова, Н. А. Гаврилюк, В. Б. Пиворович, С. Л. Соловьев, В. П. Былкова, Е. Ф. Редина.

---

¹ Николаевский областной краеведческий музей; ул. Набережная, 29, г. Николаев, 54001, Украина; e-mail: maharadze_v@mail.ru.

© Снытко И. А., 2023.

Сейчас территориальные границы Ольвийского полиса определяются в конкретной географической зоне — на полуострове, образованном Бугским, Днепровским и Березанским лиманами. Ему принадлежит также и противоположные берега этих лиманов (*Крыжицкий и др.*, 1989. С. 9), что признается большинством исследователей (*Зуц*, 1969. С. 86; *Славин*, 1976. С. 185; *Wasowicz*, 1975. Р. 63, 64; *Русяева*, 1979. С. 67; *Крыжицкий и др.*, 1989. С. 8–11; 1990; *Крыжицкий, Лейпунская*, 1997. С. 161–168; *Брашинский*, 1977. С. 303; *Марченко*, 1980. С. 139; *Отрешко*, 1982. С. 34; *Буйских*, 1986. С. 25; 1997. С. 16–19; 2009. С. 231; *Снытко*, 2011. С. 464, 465; *Снытко*, 2012).

Установленные природные границы Ольвийского государства, вероятно, признавались и окружающими полис варварскими племенами (*Русяева, Скржинская*, 1979. С. 29; *Крыжицкий и др.*, 1989. С. 9). Очевидно, на раннем этапе греко-варварского взаимодействия между ольвиополитами и номадами возникали определенные конфликты на почве взаимных территориальных претензий. Особенно это относится к священной для обоих народов легендарной исторической области Гилея. Предположения относительно конфронтации между греками и скифами где-то в середине

VI в. до н. э. имеют и археологическое подтверждение. В надписи на стенке амфоры стиля Фикеллура из Ольвии идет речь о поврежденных варварами алтарях Матери богов, Геракла и Борисфена в Гилее (Русяева, 1986. С. 513, 514; Vinogradov, 1981. S. 15). Ю. Г. Виноградов и А. С. Русяева датировали надпись 550–530 гг. до н. э. Более позднюю дату надписи, учитывая отдельные лингвистические особенности, а именно диграф ОУ в тексте, предлагал Л. Дюбуа, относя ее ко времени около 400 г. до н. э. (Dubois, 1996. P. 55–57). На бесосновательность такой поздней датировки граффито обратил внимание В. П. Яйленко, который, как и его первоиздатель, подчеркнул, что надпись начертана архаическим шрифтом на обломке вазы стиля Фикеллура. Кроме того, он указал на то, что диграф ОУ встречается в древнегреческих надписях с конца VI в. до н. э. (Яйленко, 2017. С. 259). Вероятнее всего, на первых этапах греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье между обоими народами иногда возникали подобные конфликты на почве коренных различий в идеологии, политике и основополагающих принципах социального устройства. Об этом свидетельствует и новелла Геродота о скифском царе Скиле и его печальной участи, опять же связанной с предательством скифским царем основных религиозно-идеологических постулатов номадов. В общем, учитывая литературные и эпиграфические источники, говорить о полной гармонии в отношениях между ольвиополитами и варварами до начала IV в. до н. э. достаточно рискованно и неправомерно, равно как и утверждать, что варвары имели какой-либо контроль над Ольвией, тем более в форме установленного над полисом протектората, как это предполагал Ю. Г. Виноградов (Виноградов, 1989. С. 90 сл.). Вернее всего, между эллинами и кочевниками-скифами тех времен, осуществлявшими периодические военные походы не только по просторам Северного Причерноморья, но и по азиатским (вплоть до Передней Азии) территориям, установились определенные нейтральные, мирные и добрососедские связи, которые предполагали периодические взаимовыгодные политические и торгово-экономические взаимоотношения, что не исключало порой и неких осложнений и различных непредвиденных конфликтных ситуаций на идеологической почве. Если предполагать изначальную и перманентную враждебность между варварами и греческими колонистами, то, на наш взгляд, не было бы и путешествий Анахарсиса по Элладе, и длительных времяпрепровождений

Скила в Ольвии. Все связанные с ними конфликтные ситуации, вероятнее всего, были вызваны теми излишествами, которые данные персонажи могли себе позволить из-за их приверженности к греческой культуре и идеологии. Более того, наиболее талантливые представители царских фамилий варварских народов Северного Причерноморья (литературно подтвержденную информацию мы имеем лишь о Анахарсисе, Скиле и «гиперборее» Абарисе), на наш взгляд, могли проводить и своеобразную рекогносцировку таинственных для них земель Ойкумены. Таким же изучением культурно-пространственного состояния неизвестного им мира занимались и эллины, начиная от логографа Геродота (а вероятнее всего, и ранее) и вплоть до времен Страбона, Плиния Старшего и Клавдия Птолемея.

Возможно, последствием конфликта в Гилее между скифами и греками стало и временное прекращение жизнедеятельности на древнегреческом поселении ремесленников в Ягорлыцком заливе (Ягорлыцкое поселение) около середины VI в. до н. э. Предположения о том, что оно могло быть заброшенным в эти времена из-за своей нерентабельности в контексте экономического развития Березанского поселения (городка Борисфен), да и Ольвийского полиса в целом, достаточно сомнительны и бесосновательны, ибо ольвиополитам не имело смысла сворачивать уже хорошо налаженное производство и оставлять богатые различными ресурсами (лесом, гематитовыми песками, солью, содой, производными от переработки сырья: древесным углем и пр. — см.: Островерхов, 1979. С. 118–124) территории. В данном случае наиболее вероятной причиной нам представляется конфликтная ситуация между греками и варварами на почве взаимных территориальных претензий и реальная военная угроза со стороны кочевников, возникшая для жителей не укрепленного в плане фортификации и к тому же, вероятно, сезонно используемого Ягорлыцкого поселения ремесленников. Косвенным свидетельством этому может быть и вышеупомянутое граффито на стенке амфоры стиля Фикеллура с информацией о поврежденных варварами алтарях (Русяева, 1986. С. 513, 514; Vinogradov, 1981. S. 15). Вспомним и то, что к этому времени, а именно к 550–540 гг. до н. э., относят и гибель Анахарсиса от стрелы своего брата — царя Савлия (Русяева, 1998. С. 33). События, связанные с Анахарсисом, возможно, и были своеобразным катализатором предполагаемого греко-скифского конфликта в Гилее в середине VI в. до н. э.,

который, вероятнее всего, был непродолжительным и в дальнейшем не стал серьезным аргументом для радикального ухудшения взаимоотношений между двумя народами.

Анахарсис был мудрой, уважаемой и авторитетной личностью не только для причерноморских греков, но и для эллинского мира Ойкумены. Его изображение зафиксировано на мозаичном панно III в. н. э., открытом во время раскопок виллы Баальбека в Сирии среди семи самых выдающихся мудрецов. По свидетельству Диогена Лаэртского, в IV в. до н. э. ему была установлена статуя в Элладе (см.: *Русяева*, 1998. С. 34, 35). Пользовавшийся популярностью и почетом в цивилизованном мире, знакомый с Солоном, многими известными политиками, полководцами и философами того времени, гостивший у самого богатого тогда человека, мецената лидийского царя Креза, который собирал вокруг себя всемирно известных мудрецов, поэтов и политиков, Анахарсис, тем не менее, был, по свидетельству Геродота, забыт своими соплеменниками, которые, в силу собственных религии и обычаев, не воспринимали культурные достижения цивилизации и вообще враждебно относились к эллинской культуре, идеологии и традициям (*Hdt.* IV. 76). На наш взгляд, В. П. Яйленко, ссылаясь на свидетельство Геродота, абсолютно справедливо считает царских скифов, к которым он относит Анахарсиса и Скила, определенным замкнутым сообществом, избегающим чужеземных религиозных и культурных традиций (*Яйленко*, 2013. С. 178, 179). Исходя из этого, убийство Анахарсиса царем Савлием, вероятнее всего, могло и быть реальным поводом для обострения ситуации и конфликта между эллинами и скифами. Результатом этого убийства, очевидно, и было упоминаемое в надписи из Ольвии разрушение и осквернение варварами греческих алтарей в Гилее, среди которых был и алтарь Матери Богов, чей культ в этой местности отправлял вернувшийся в родные края Анахарсис (*Яйленко*, 2019. С. 190; *Снытко*, *Бондаренко*, 2022. С. 160, 161).

Изучая особенности граффито и реконструируя его текст, В. П. Яйленко пришел к выводу о том, что надпись из Ольвии является не чем иным, как изложенным гекзаметром гимном к Гилее (*Яйленко*, 2019. С. 156 сл.). Таким образом, если согласиться с восстановлением текста, предложенным В. П. Яйленко, надпись как своеобразный эксцерпт общеизвестного в Ольвии текста, на наш взгляд, могла быть начертана воспитанником Ольвийского гимнасия, где молодежь изуча-

ла поэзию не только Гомера, иных прославленных поэтов и литераторов Эллады, но и стихи, песни и гимны, созданные ольвийскими авторами. Темой этих сочинений могла быть история их собственного государства и новая, сугубо Понтийская, мифология, связанная с культами Матери богов, Аполлона, Геракла, Ахилла и других общегреческих божеств в их новых причерноморских ипостасях, а также местных божеств, например, Ехидны и Борисфена². При таком варианте интерпретации функционального назначения ольвийского граффито собственно датировка этой надписи, вызвавшая столь серьезные дискуссии в кругу специалистов — историков, археологов и эпиграфистов, отходит на второй план. Легенды, мифы, песни, гимны, стихи столетиями жили в обществе ольвиополитов, передаваясь из поколения в поколение. По этой причине и сам подобный текст мог быть изложен на много десятилетий и даже столетий позднее событий, в нем описанных. Тем не менее рассматриваемая надпись из Ольвии на стенке вазы стиля Фикеллура около 550–530 гг. до н. э. (см.: *Яйленко*, 2019. С. 156), вероятно, была выполнена в пределах второй половины VI в. до н. э., учитывая и то, что она, скорее всего, писалась не на целом сосуде, а уже на черепке от него.

Исходя из наличия поселений хоры Ольвии в районе сел Покровское, Васильевка, Геройское и Рыбальче со стороны Днепровского лимана и Ивановка (Ягорлыцкое поселение) — со стороны Ягорлыцкого залива Черного моря (*Крыжицкий и др.*, 1989. С. 98; 1990. С. 45, рис. 9, 73; С. 40–42, рис. 4, 107; *Оленковская*, *Оленковский*, 1978), можно предположить, что граница зон контроля над Гилеей, где осуществлялись контакты между ольвиополитами и скифами, в архаическую, классическую и раннеэллинистическую эпохи находилась где-то в районе современных Олешковского и Голопристанского районов Херсонской области. Данное предположение имеет

² В. П. Яйленко считает, что под Борисфеном в ольвийской надписи — гимне к Гилее — следует воспринимать Аполлона Иэтра, ссылаясь на известное граффито на терракотовой симе из Ольвии третьей четверти VI в. до н. э.: «[Α]πόλλωνι Ἰητρῶνι Βορυσθένηε [ος μεδέοντι] / Βορυσθένηε(ι)» (Аполлону Иэтру Борисфену). Дополнительная эпikleза свидетельствует еще об одной ипостаси Аполлона (*Яйленко*, 2019. С. 182). Если принять данное предположение, то культ Аполлона отправляли в Гилее с самого начала истории Ольвийского полиса.

и дополнительное косвенное подтверждение. Концентрация древних курганных групп и отдельных курганов (священных для скифов могил предков и сородичей, которые они оберегали от иноземцев) в нынешнее время наблюдается в степной зоне в основании Кинбурнского полуострова, именно по условной дуге, окаймляющей современный Черноморский биосферный заповедник НАН Украины, к югу и востоку от с. Ивановка (Ягорлыцкий залив) и на юг и восток от с. Рыбальче (Днепровский лиман) и далее в восточном направлении от указанных сел (*Снытко, Бондаренко, 2022. С. 162*). Отметим и то, что по этой условной дуге от с. Рыбальче, по линии ныне существующих озер Рыбальчанское, Пивнив, Оджиголь и далее в сторону Ягорлыцкого залива до с. Ивановка, еще в XVI–XVII вв. проходил один из рукавов Днепра (так называемая Запорожская протока), отделявший Кинбурнскую косу от материка. Западнее ее прослеживаются следы еще одного Днепровского рукава (*Агбунов, 1985. С. 119; Крыжицкий и др., 1989. С. 17; 1990. С. 72; Снытко, 2021. С. 200–204; Снытко, Бондаренко, 2022. С. 162 сл.*). Вполне вероятно, что именно эти водоразделы, несомненно, существовавшие и в античную эпоху, в VI–V вв. до н. э. могли быть тем самым рубежом, который разделял Гилею на греческую и варварскую зоны контроля (*Снытко, Бондаренко, 2022. С. 163*). Что касается святилищ и алтарей Гилеи (Матери богов, Геракла и Борисфена (Аполлона Иэтра-Борисфена(?)), то их территориальная идентификация в настоящее время по ряду причин затруднительна и остается перспективной для последующих поисков. Хотя, теоретически, можно предположить, что они находились именно в этом районе, в устье Днепра, непосредственно в зоне контроля ольвиополитов, по линии с севера на юг от храма Деметры на мысе Гипполай (Станислав), и составляли единый с ним сакральный комплекс на восточных и юго-восточных границах Ольвийского государства, своим месторасположением очерчивая рубежи полиса в этом микрорегионе.

Владения Ольвийского полиса в VI–III вв. до н. э. и позднее не распространялись севернее широты современного г. Николаева (*Рубан, 1975. С. 88; Марченко, 1980. С. 139; Отрешко, 1982. С. 34; Буйских, 1986. С. 25; 1997. С. 17; 2009. С. 232, 233; Снытко, 1985; 1998; Снытко, 2015. С. 18–28*). Тем не менее отдельные нумизматические находки и даже клады ольвийских монет, как известный клад в с. Мешково-Погореловка (*Снытко, 2016а*), возможно, свидетельствуют о том, что греческие

скотоводы использовали в качестве пастбищ степные пространства по побережьям рек Ингул и Южный Буг на протяжении десятков километров вокруг самых северных, северо-западных и северо-восточных поселений хоры Ольвии. На реках же вели сезонный промысел речных сортов рыб ольвийские рыбаки. Так, рыбацья землянка эллинистической эпохи исследована на левобережье устья р. Южный Буг у с. Матвеевка севернее широты г. Николаева, у северного основания залива, образованного слиянием рек Южный Буг и Ингул (*Никитин, Снытко, 1991*).

Что касается поселений, расположенных к западу от вероятных границ Ольвии (от устья Тилигульского лимана до Одесского залива) и востоку (Нижнее Поднепровье), то отношение их к Ольвийскому полису до сих пор до конца не выяснено, хотя они имеют много черт, присущих памятникам хоры Ольвии этого времени. Прежде всего, на этих поселениях в обращении использовались преимущественно ольвийские деньги (*Диамант, 1978. С. 241 сл.; Рубан, Урсалов, 1986; Bodzek, 2008; Абикулова, Пиворович, 1982*), что и послужило поводом отдельным исследователям без сомнений отнести эти территории к Ольвийскому государству (*Диамант, 1978. С. 241 сл.; Рубан, 1985. С. 31; Рубан, Урсалов, 1986. С. 52*). Очень много общего с населением хоры Ольвии прослеживается в материальной и духовной культуре этих поселений (*Буйских, Былкова, 1991; Былкова, 2000; 2007; Диамант, 1974; 1975; Редина, 2001; Redina, 2007. Р. 524; Редина и др., 2008; Kowal, 2008*) и особенно в погребальном обряде их жителей, который практически не отличался от погребальных традиций ольвиополитов этого времени (*Редина и др., 2008. С. 151–154; Козуб, 1974; Парович-Пешикан, 1974; Папанова, 2006; Снытко, 2009. С. 25–34; 2015*). И все же полагать, что указанные территории официально принадлежали Ольвии, опираясь лишь на перечисленные выше факты, пока что рискованно. Можно лишь констатировать, что они, безусловно, входили в сферу ее политических, экономических и культурных интересов и были составной частью внутреннего рынка государства. Об этом ярко свидетельствуют и нумизматические материалы, среди которых львиную долю составляют находки именно ольвийских монет.

Рассматривая эти территории, укажем на тот факт, что до сих пор точно неизвестно, могли ли они охраняться и использоваться самими ольвиополитами (*Диамант, 1978. С. 249*), быть ольвийской «переей» (*Брашинский, 1977. С. 303*), принадлежать нескольким греческим полисам (*Ланін, 1971*).

С. 308, 309), находиться под совместным протекторатом Ольвии и окружающих ее племен (*Буйских*, 1986. С. 25) или полностью принадлежать оседлому варварскому населению (*Славин*, 1976. С. 185). Западные от Ольвии земли (район Одесского залива) могли находиться под совместным патронатом Ольвии, Тиры и Никония (*Буйских*, 1996. С. 67, 68).

Во всяком случае, как нам представляется, можно согласиться с С. Б. Буйских, что как в начале IV в. до н. э., так и в раннеэллинистическое время, когда хора достигает максимальных размеров (*Рубан*, 1985; *Буйских*, 1986. С. 17–28; 1997. С. 17), ее территория растет не за счет расширения или колонизации отдаленных земель, а в процессе более плотного освоения своих исконных исторически сложившихся пространственных владений (*Буйских*, 1997. С. 17). При этом ольвиополиты максимально интенсивно использовали свой земельный фонд в Нижнем Побужье, который мог составлять 29 000 га, или 290 кв. км (*Шишкин*, 1982. С. 242). По более современным подсчетам С. Д. Крыжицкого и А. Н. Щеглова, земельные угодья, которые ежегодно использовались под выращивание зерновых культур в сельской местности, могли составлять от 375 до 394 кв. км, что позволяло Ольвии получать в среднем 30–55 тысяч тонн зерна при вероятной численности сельского населения около 30–40 тысяч человек (*Крижицкий, Щеглов*, 1991. С. 54).

Исходя из вышеуказанных соображений, наиболее удачной представляется гипотеза, по которой земли, расположенные к востоку и западу от исторических границ Ольвийского полиса, могли находиться под ольвийским протекторатом. Появление приграничных поселений можно связать с так называемой новой волной колонистов из греческих городов Малой Азии в последние десятилетия V и в начале IV в. до н. э. Этот новый отток населения из Средиземноморья и Эгеиды в Северное Причерноморье, очевидно, связан с перипетиями Пелопоннесской войны. Кроме отдельных беженцев от бед войны, грабежей и разрушений среди вынужденных переселенцев, вероятнее всего, были и большие группы изгнанников, такие как, например, изгнанники-инсургенты из дружественного ольвиополитам Самоса после восстания демократов 412 г. По свидетельству Фукидида, 200 человек были казнены, а 400 — осуждены на изгнание (*Thuc.* VIII, 21). Если предположить, что 400 — это число взрослых мужчин, то при условии полной конфискации их имущества они были вынуждены покинуть

остров вместе со своими семьями, что соответствует известной античной практике. Таким образом, общее число изгнанников могло составлять от 800 до 2400 человек, которые на берегах Понта могли основать около 10–20 поселений на территориях, в том числе и прилежавших к Ольвийскому полису (*Снытко*, 2016б. С. 55). Добавим, что это лишь один из письменно подтвержденных фактов массового изгнания из ионийских полисов периода Пелопоннесской войны, а учитывая всю сложность военно-политических перипетий в Эгеиде и Средиземноморье того времени, в том числе и документально не зафиксированных, отток населения из охваченных войной районов мог быть значительным. К сожалению, не существует подтвержденных сообщений о том, что беженцы и изгнанники из Ионии заселяли именно Северное Причерноморье, но, учитывая мир и стабильность в этих краях, наличие значительных незаселенных прибрежных территорий, а также тесные торгово-экономические и политические связи ионийцев с понтийскими колониальными полисами в предвоенный период, такая возможность представляется достаточно реальной. Вероятнее всего, именно тогда население, выходцы из разных городов Ионии, стихийно заселившие Ольвийское приграничье, и получило в среде ольвиополитов обобщенное название *миксэллин*, известное из ольвийского декрета в честь гражданина Протогена (IOSPE. I². 32), которое утвердилось на рубеже V–IV вв. до н. э. и сохранилось вплоть до времени издания декрета (*Снытко*, 2011. С. 27, 28; *Снытко*, 2011; 2016б. С. 54, 55). Поскольку в процессе этой, возможно, стихийной колонизации переселенцами не было создано собственных полисов³, то организация новых поселений в приграничье, очевидно, в какой-то степени находилась под контролем администрации Ольвии и регулировалась государством (*Снытко*, 2011б. С. 28). Кроме административного, протекторат над этими землями, вероятно, имел и сакральный характер, учитывая безоговорочный авторитет Ольвии в Северо-Западном Причерноморье и то, как ольвиополиты опекали общегреческое святилище Ахилла на Левке, что документально подтверждено декретом в честь Антестерия (*Виноградов*, 1984; 1989. С. 167, 168).

³ Может быть, новые поселки воспринимались переселенцами как временные пристанища, и в их среде сохранялась надежда на возвращение в родные края после окончания войны и стабилизации ситуации на родине.

Что касается Нижнего Поднепровья, где на рубеже V–IV вв. до н. э. фиксируется процесс оседания скифов на землю и привлечения их к системе распределения античных товаров (Гаврилюк, Абикулова, 1991. С. 29; Гаврилюк, 2000. С. 42, 43), то в составе населения греческих поселений Нижнего Днестра и устья Днепро-Бугского лимана возможно наличие и определенной части варварского контингента. По результатам антропологических исследований материалов Кошарского некрополя присутствие варваров фиксируется и на западных поселениях ольвийского приграничья (Kaczanowski et al., 2008). Но варварский элемент среди населения, вероятнее всего, появился не в начале освоения вышеуказанных поселков, а со временем, в процессе последующих греко-варварских контактов в этих регионах (Снытко, 2011б. С. 28).

В вопросе о социальном статусе жителей поселений ближнего приграничья в системе Ольвийского государства наиболее привлекательной представляется гипотеза П. О. Карышковского и Ю. Г. Виноградова (Карышковский, Клейман, 1985. С. 74; Виноградов, 1989. С. 183, прим. 18), согласно которой миксэллыны — это зависимое военно-земледельческое население наподобие клерухов, катэков и периэков, специально организованное для охраны границ Ольвийского полиса. Именно на такой статус, на наш взгляд, могли претендовать стихийно прибывавшие беженцы из различных городов Ойкумены, заселявшие ольвийское приграничье. Косвенно об этом свидетельствует уже само географическое расположение этих памятников. Если бы речь шла об организованной «новой волне» колонистов из материнского города Милета, с которым у Ольвии с архаического времени к тому же существовал договор об исополитии, дополнительно подтвержденный около 329/328 г. до н. э. (Graham, 1971. P. 105 ff., 117; Виноградов, 1989. С. 69 сл., 170, прим. 114; Снытко, Туровский, 2022. С. 16, 17, 20, прим. 13), то этот новый контингент переселенцев, скорее всего, был бы размещен не в ближнем приграничье, а непосредственно в пределах ольвийского полиса, где земель в это время хватало с избытком. Таким образом, очевидно, в какой-то степени принимая участие в организации приграничных поселков, ольвиополиты укрепили свои западные и восточные границы, создав своеобразную защитную прослойку из зависимого от них негражданского эллинского населения.

В середине 80-х гг. XX в. была выдвинута идея о колонизации ольвиополитами Северо-Западного

Крыма и даже создании ольвийских городов, поселений и фортов в этом регионе на рубеже V–IV вв. до н. э. (Калос Лимен, Караджинское городище и «Чайка», Панское), что свидетельствовало бы о возможном расширении территориальных владений Ольвийского государства в сторону юго-востока (Щеглов, 1985; 1986; Scegllov, 1987; Щеглов, Рогов, 1985; Рогов, 2000). В подтверждение этой гипотезы приводились находившие ольвийские аналогии элементы материальной культуры, в частности, в домостроительстве, фортификации и погребальном обряде (Щеглов, Рогов, 1985; Рогов, 2011. С. 57–59), а также отдельные граффити (Виноградов, 1990). Однако представленные аргументы не являются достаточными для принятия этой версии, которая по целому ряду объективных причин не соответствует реальным потребностям пространственно-структурного развития Ольвийского полиса в рассматриваемый хронологический период (см.: Буйских, 1997. С. 18, 19; 2006. С. 46; 2009. С. 231; Буйских, 2006. С. 135). Наличие в некрополе Панского подбойных могил, аналогичных ольвийским, может лишь свидетельствовать о некоторых сходных чертах погребального ритуала ионийского населения, заселявшего эти территории (Снытко, 1988; 1990; Снытко, 2015. С. 22–25).

Таким образом, современные историко-археологические исследования свидетельствуют о том, что официальные территориальные владения Ольвийского полиса, скорее всего, были с востока ограничены левым берегом Бугского, с юга — Днепро-Бугского, включая Кинбурнский полуостров (западная часть исторической Гилеи) до соленых озер Рыбальчанское, Пивнив, Оджиголь (пересохший рукав р. Днепр) и Тендру (Ахиллесов дром), а с запада — правым берегом Березанского лиманов. На севере они доходят до широты современного г. Николаева. Самыми северными являются поселение правого берега Бугского лимана Варваровка-1 и расположенное на северной стороне Николаевского полуострова в устье р. Ингул (левобережье) поселение Николаев-6 (Снытко, 1985; 1998; Крыжицкий и др., 1990. С. 64, № 107), возле которого в 20-х гг. XX в. Ф. Т. Каминским был открыт античный некрополь (Снытко, 2009. С. 26; 2015. С. 9, 10, 52). Эти границы постепенно сформировались в архаическое и классическое время (Крыжицкий и др., 1989. С. 8, 9; Буйских, 2009. С. 230, 231, 238; Буйских, 2011) в процессе различных этапов колонизации Нижнего Побужья: ионийской (милетская: VI в. до н. э.), смешанной — внешней и внутренней

(милетско-ольвийская: конец VI — первая четверть V в. до н. э.) (Отрешко, 1990. С. 15; Буйских, 2009. С. 228; Буйських, 2011) и, преимущественно, внутренней (ольвийская: конец V — первая треть IV в. до н. э.), с возможным участием ионийских (милетских) эпоиков (Крыжицкий и др., 1989. С. 100; Снытко, 2000. С. 57, 58; Снытко, 2009. С. 186; Буйских, 2009. С. 231). В эллинистическое время хора достигла своих максимальных размеров, однако не за счет расширения или колонизации отдаленных земель, а в процессе более интенсивного освоения своей собственной территории (Буйских, 2009. С. 238) в условиях постепенного роста собственного демографического потенциала (Снытко, 2019. С. 198, 199).

Все изложенное дает достаточное основание считать названные выше области Нижнего Побужья постоянной территорией Ольвийской хоры и Ольвийского полиса в целом (Крыжицкий и др., 1990. С. 121; Отрешко, Буйских, 1993. С. 63). Концентрация памятников в тех же географических рамках непосредственно указывает на неизменность границ Ольвийского полиса на протяжении почти тысячелетнего периода его существования. Это наводит на мысль, что идея пространственного развития государства в определенных границах была заложена с самого начала его основания (Буйских, 2009. С. 238) с изначальным разумным расчетом на перспективу.

Абикулова, Пиворович, 1982 — Абикулова М. И., Пиворович В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днестра (по материалам Херсонского музея) // Нумизматика античного Причерноморья: Сб. ст. / Отв. ред. В. Л. Янин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 30–32.

Агбунов, 1985 — Агбунов М. Г. Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985. 158 с.

Брашинский, 1977 — Брашинский И. Б. Рец. на: Wasowicz A. Olbia pontique et son territoire. Paris. 1975 // СА. 1977. № 3. С. 300–308.

Буйских, 1986 — Буйских С. Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI–II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа: Сб. науч. тр. / Ред. А. С. Русаева. Киев: Наукова думка, 1986. С. 17–28.

Буйских, 1996 — Буйских С. Б. Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунайско-Днепровского междуречья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VIII междунар. науч. конф. Ростов н/Д.: б. и., 1996. С. 65–69.

Буйских, 1997 — Буйских С. Б. К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н. э. // Херсонес в античном мире: Тез. докл. междунар. конф. Севастополь: б. и., 1997. С. 16–19.

Буйских, 2006 — Буйских С. Б. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н. э. // БИ. 2006. Вып. 11. С. 29–57.

Буйских, 2007 — Буйских С. Б. Греческие святилища Нижнего Побужья как сакрально-территориальный символ колонизации региона // Боспорские чтения VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь: б. и., 2007. С. 42–45.

Буйских, 2009 — Буйских С. Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Проблемы Скифо-Сарматской археологии

Північного Пичорномор'я. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2009. Вип. XV. С. 225–247.

Буйских, Былкова, 1991 — Буйских С. Б., Былкова В. П. К проблеме этнокультурной атрибуции нижнеднепровских памятников V–III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. междунар. конф. Запорожье: б. и., 1991. С. 32–34.

Буйських, 2011 — Буйських С. Б. До проблеми заснування та становлення Ольвійського полісу // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX. С. 58–59.

Былкова, 2000 — Былкова В. П. Поселение на Нижнем Днестре в аспекте скифо-эллинических отношений // АВ. 2000. Вып. 7. С. 125–139.

Былкова, 2007 — Былкова В. П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Изд-во Херсонского ГУ, 2007. 244 с.

Виноградов, 1984 — Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 51–80.

Виноградов, 1989 — Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. (историко-эпиграфическое исследование). М.: Наука, 1989. 288 с.

Виноградов, 1990 — Виноградов Ю. Г. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса: б. и., 1990. С. 51–64.

Гаврилюк, 2000 — Гаврилюк Н. А. Степная Скифия VI–V вв. до н. э. (эколого-экономический аспект): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. СПб., 2000. 49 с.

Гаврилюк, Абикулова, 1991 — Гаврилюк Н. А., Абикулова М. И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы): Препринт. Киев: б. и., 1991. Ч. 2. 47 с.

Диамант, 1974 — Диамант Э. И. Поселение античного времени на территории г. Одессы // АО за 1973. М.: Наука, 1974. С. 270–271.

- Диамант*, 1975 — *Диамант Э. И.* Раскопки поселений античного времени на побережье Одесского залива // 150 лет Одесского археологического музея: Тез. докл. юбилейной конф. Киев: Наукова думка, 1975. С. 117–119.
- Диамант*, 1978 — *Диамант Э. И.* Монетные находки Кошарского поселения (к вопросу о западной границе Ольвийского полиса) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1978. С. 241–249.
- Зуц*, 1969 — *Зуц В. Л.* Территория Ольвийской державы догетского часу // Археологія. Київ, 1969. № 22. С. 80–89.
- Карышковский, Клейман*, 1985 — *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев: Наукова думка, 1985. 158 с.
- Козуб*, 1974 — *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V — IV ст. до н. э. Київ: Наукова думка, 1974. 181 с.
- Крыжицкий, Щеглов*, 1991 — *Крыжицкий С. Д., Щеглов О. М.* Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1991. № 1. С. 46–56.
- Крыжицкий, Лейпунская*, 1997 — *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Ольвия (раскопки, история, культура). Николаев: Возможности Киммерии, 1997. 197 с.
- Крыжицкий и др.*, 1989 — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 240 с.
- Крыжицкий и др.*, 1990 — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. 136 с.
- Ланін*, 1971 — *Ланін В. В.* Хора Ольвии // Археологія УРСР. Киев: Наукова думка, 1971. Т. 2. С. 306–311.
- Марченко*, 1980 — *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 131–143.
- Никитин, Снытко*, 1991 — *Никитин В. И., Снытко И. А.* Древнегреческая землянка у с. Матвеевка // Древнее Причерноморье: Материалы вторых чтений памяти профессора П. О. Карышковского: Тез. докл. конф. Одесса: Одесское археологическое общество, 1991. С. 63–64.
- Оленковская, Оленковский*, 1978 — *Оленковская М. И., Оленковский Н. П.* Разведки на территории Херсонской области // АО за 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 364.
- Островерхов*, 1979 — *Островерхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. 1979. № 3. С. 113–126.
- Отрешко*, 1982 — *Отрешко В. М.* З історії Ольвійського поліса в IV–I ст. до н. е. // Археологія. Київ, 1982. № 41. С. 34–46.
- Отрешко*, 1990 — *Отрешко В. М.* Ольвийская хора VI–V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / АН УССР, Ин-т археологии. Киев, 1990. 15 с.
- Отрешко, Буйских*, 1993 — *Отрешко В. М., Буйских С. Б.* Окружение Ольвийского полиса // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса: Гортипография Одесского упр. по печати, 1993. С. 63–64.
- Папанова*, 2006 — *Папанова В. А.* Урочище Сто могил — некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знання України, 2006. 278 с.
- Парович-Пешикан*, 1974 — *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка. 1974. 220 с.
- Редина*, 2001 — *Редина Е. Ф.* Античные памятники Одесского залива и вопросы определения западной границы ольвийского государства // Ольвия та античний світ: Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ: ІА НАН України, 2001. С. 110–112.
- Редина и др.*, 2008 — *Редина Е. Ф., Папуци-Владыка Э., Бодзек Я., Маховски В.* Археологический комплекс античного времени у села Кошары — итоги исследования // ПОНТИКА-2006. Krakow: Uniwersytet Jagiellonski, 2008. С. 142–160.
- Рогов*, 2000 — *Рогов Е. Я.* Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΣΙΓΓΙΑ: памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 269–274.
- Рогов*, 2011 — *Рогов Е. Я.* Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2011 (Материалы по археологии и этнографии Таврии; Suppl. 10). 216 с.
- Рубан*, 1975 — *Рубан В. В.* Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973–1974 гг. // Новейшие открытия советских археологов. Киев: Наукова думка, 1975. Ч. 2. С. 87–89.
- Рубан*, 1985 — *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 26–46.
- Рубан, Урсалов*, 1986 — *Рубан В. В., Урсалов В. М.* История денежного обращения на территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. 1986. № 4. С. 31–53.
- Русяева*, 1979 — *Русяева А. С.* Священные земли Ольвийского полиса // Цхалтубо-2 (1979): Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 67–69.
- Русяева*, 1986 — *Русяева А. С.* Культура. Искусство. Религия // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1986. Т. 2. С. 504–560.
- Русяева, Скржинская*, 1979 — *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4. С. 25–37.

- Русяева, 1998 — Русяева А. С. Про дати життя Анахарсиса і вік мудреців // «Музейні читання»: Матеріали міжнар. наук. конф., присв. 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножка. Київ: б. и., 1998. С. 29–36.
- Славин, 1976 — Славин Л. М. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 180–186.
- Снитко, 2009 — Снитко І. О. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV–III ст. до н. е. // Археологія. Київ, 2009. № 3. С. 25–34.
- Снитко, 2011 — Снитко І. О. Мікселліни ольвійського декрету на честь Протогена (історико-археологічний аспект) // Археологія. 2011. № 3. С. 22–30.
- Снитко, 2012 — Снитко І. О. Ще раз про межі Ольвійського поліса // Археологія. Київ, 2012. № 4. С. 31–42.
- Снитко, 2015 — Снитко І. О. Давньогрецькі некрополі хори Ольвії VI–III ст. до н. е. Київ: Вид. Олег Філюк, 2015. 239 с.
- Снитко, 1985 — Снитко І. А. Новый античный памятник в Нижнем Побужье // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. семинара. Парутино: Изд-во ИА АН УССР, 1985. С. 77–78.
- Снитко, 1988 — Снитко І. А. Погребальные сооружения античных некрополей Нижнего Побужья и Северо-Западного Крыма IV в. до н. э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: Тез. докл. конф. Севастополь: б. и., 1988. С. 103–104.
- Снитко, 1990 — Снитко І. А. Подбойные могилы античных некрополей Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья IV–III вв. до н. э. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тез. докл. и сообщ. научно-практ. историко-краеведческой конф. Белгород-Днестровский: Одесский археологический охранный центр, 1990. Ч. 2. С. 91–93.
- Снитко, 1998 — Снитко І. А. Поселение Николаев-6, как северный форпост Ольвийского государства // Південна Україна: проблеми історичних досліджень. Миколаїв, 1998. Ч. 1. С. 25–29.
- Снитко, 2000 — Снитко І. А. Реконструкция хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н. э. Политический, социально-экономический, демографический и социальный аспекты // Актуальні проблеми історії та культури України. Миколаїв; Одеса: Тетра, 2000. С. 49–60.
- Снитко, 2009 — Снитко І. А. Культ Аполлона на древнегреческих поселениях Нижнего Побужья и некоторые аспекты культурно-исторического развития региона в античную эпоху // Проблеми Скіфо-Сарматської археології Північного Пичорномор'я. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2009. Т. XV. С. 183–188.
- Снитко, 2011 — Снитко І. А. Миксэлліны и ойкеты ольвийского декрета в честь Протогена (к вопросу об историко-культурной и территориальной идентификации) // Древнее Причерноморье. Одесса: ФЛП Фридман А. С., 2011. Вып. IX. С. 461–468.
- Снитко, 2016а — Снитко І. А. Об одной группе кладов монет из ближайшего окружения Ольвии // ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка: Материалы IV междунар. нумизматического симпозиума (Севастополь, 4–8 сентября 2016). Севастополь: ООО НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2016. С. 80–83.
- Снитко, 2016б — Снитко І. А. Декрет в честь гражданина Протогена в контексте истории Ольвийского полиса III в. до н. э. (историко-археологический аспект) // Stratum plus. 2016. № 3: Третий до... потерянное столетие. С. 45–65.
- Снитко, 2019 — Снитко І. А. Ольвийский полис на рубеже V и IV вв. до н. э. в контексте проблем социально-демографического и административно-территориального деления // Херсонесский сборник. Севастополь, 2019. Вып. XX. С. 197–214.
- Снитко, 2021 — Снитко І. А. Святилища и сакральные территории Ольвийского полиса античного времени // Tyragetia. 2021 (s. n.). Vol. XV [XXX], Nr. 1. P. 199–218.
- Снитко, Бондаренко, 2022 — Снитко І. А., Бондаренко А. А. Гилея в сакральной истории народов Северного Причерноморья в античную эпоху // АВ. 2022. Вып. 35. С. 159–169.
- Снитко, Туровский, 2022 — Снитко І. А., Туровский Е. Я. К проблеме формирования Ольвийского государства в процессе колонизации Нижнего Побужья в VII — начале V в. до н. э. // Tyragetia. 2022 (s. n.). Vol. XVI [XXXI], Nr. 1. P. 9–24.
- Шишкин, 1982 — Шишкин К. В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. 1982. № 3. С. 235–242.
- Щеглов, 1985 — Щеглов А. Н. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // Проблемы исследования Ольвии. Парутино: Изд-во ИА АН УССР, 1985. С. 84–86.
- Щеглов, 1986 — Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. Л.: ЛГУ, 1986. С. 166–171.
- Щеглов, Рогов, 1985 — Щеглов А. Н., Рогов Е. Я. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, в Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. Парутино: Изд-во ИА АН УССР, 1985. С. 86–88.
- Яйленко, 2013 — Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М.: Onebook ru, 2013. 348 с.
- Яйленко, 2017 — Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
- Яйленко, 2019 — Яйленко В. П. Эпиграфические заметки. I: О публикации надписей Артезиана; II: Текстология и просодика Ольвийского гимна VI века

- к Гилее; III: В защиту вотива. IOSPE I² 188 из ОАМ // БИ. Керчь, 2019. Вып. XXXIX. С. 117–209.
- Bodzek*, 2008 — *Bodzek J.* Koshary (Ukraine) — Coin finds in 2004–2005 // ПОНТИКА-2006. Krakow: Uniwersytet Jagiellonski, 2008. P. 13–23.
- Bujskich*, 2006 — *Bujskich S. B.* Die Chora des pontischen Olbia: die Hauptetappen der raumlich-strukturellen Entwicklung // Surveying the Greek Chora. Aarhus: Aarhus university Press, 2006 (Black Sea Studies; Vol. 4). S. 115–139.
- Dubois*, 1996 — *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Geneve: Droz, 1996. 208 p.
- Graham*, 1971 — *Graham A. J.* Colony and Mather — City of Ancient Greece. Manchester: Manchester University Press, 1971. 259 p.
- Kaczanowski et al.*, 2008 — *Kaczanowski K., Kosydarski A., Niedzwiecka E.* Results of 1998–2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine) // ПОНТИКА-2006. Krakow: Uniwersytet Jagiellonski, 2008. P. 53–61.
- Kowal*, 2008 — *Kowal A.* Grey ware from the Koshary siti // ПОНТИКА-2006. Krakow: Uniwersytet Jagiellonski, 2008. P. 75–94.
- Redina*, 2007 — *Redina Y. F.* Greek Settlements on the Shores of the Bay of Odessa and Adjacent Estuaries // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Oxford: Archaeopress, 2007 (BAR International Series; Vol. 1675). Vol. I. P. 507–536.
- Sceglov*, 1987 — *Sceglov A. N.* Un' etablissement rural en Crimee: Panskoje-I (Fouilles de 1969–1985) // Dialogues d'histoire ancienne. Paris, 1987. № 13. P. 244–247.
- Vinogradov*, 1981 — *Vinogradov J. G.* Olbia: Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer. Konstanz: Universitätsverlag, 1981 (Xenia; Hf. 1). 47 s.
- Wasowicz*, 1975 — *Wasowicz A.* Olbia pontique et son territoire. Paris: Les Belles Lettres, 1975. 251 p.

Territorial possessions of the Olbian polis in the Archaic, Classical and early Hellenistic period (current state of the problem)

I. A. Snytko⁴

Keywords: Olbia, polis, chora, borders, contact zones.

This paper discusses the questions related to the determination of the official territorial possessions of the Olbian state in the 6th–3rd centuries BC. The modern investigations suggest that exactly the Lower Bug region was a permanent territory of the Olbian chora and Olbian polis. In terms of geography, the official territorial possessions of the Olbian polis most probably were limited by the left bank of the Bug Liman on the east, the Dnieper-Bug estuary on the south including the Kinburn Peninsula (the western part of the historical Hyleia) as far as the salt lakes Rybalchanskoye, Pivniv, Odzhigol (a dry branch of the Dnieper River) and Tendra (Achilleios Dromos), and by the right bank of the Berezan Liman on the west. On the north, they were stretched as far as the latitude of the modern town of Mykolayiv (Nikolayev). The settlements on the right bank of the Bug Liman are the northernmost: Varvarovka-1 and the site of Nikolayev-6 situated in the northern part of the Nikolayev Peninsula in the mouth of the Ingul River. The concentration of the sites within these geographic boundaries suggests directly that the limits of the Olbian state had been unchanging over the latter's millennial history. Here the arguable hypotheses concerned with this question are discussed as well as possible conflict situations owing to mutual territorial claims between the Olbiopolites and the barbarian peoples surrounding Olbia at the early stage of the existence of the Olbian polis.

⁴Ivan A. Snytko — Mykolayiv Regional Museum of Local History; 29 Naberezhnaya Street, Mykolayiv, 54001, Ukraine; e-mail: maharadze_y@mail.ru.

Генезис зеркал «ольвийского» типа и их трансформация на северных берегах Понта¹

Т. М. Кузнецова²

Аннотация. Анализируются бронзовые предметы, известные в литературе как «ольвийские» или «скифские» зеркала. Они уже неоднократно всесторонне рассматривались, но продолжают интересовать исследователей, вызывая много вопросов о месте производства, путях распространения и этнической принадлежности их создателей и пользователей. Самое большое количество целых форм сконцентрировано в некрополе Ольвии, что удачно соотносится с названием: зеркала «ольвийского» типа. Рассматривается происхождение этих предметов, динамика изменения изображений на их ручках и развитие в Северопонтийском регионе.

Ключевые слова: скифы, Северное Причерноморье, Северный Кавказ, степь, курганы, зеркала, Ольвия, некрополь.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-286-299

Поскольку эмблемой конференции, посвященной Е. И. Леви, является одно из зеркал «ольвийского» типа, было бы несправедливо обойти их вниманием, хотя исследователь этими вопросами специально и не занималась. Однако ее научное творчество связано с изучением культа Аполлона в Ольвии (Леви, 1963; 1965; 1966; 1977), с которым усматривается связь анализируемых в этой статье вещей (Кузнецова, 2002. С. 180, табл. 108, № 423).

Речь идет о бронзовых предметах, которые представлены плоскими, круглыми дисками, с высоким бортиком и боковыми каннелированными (имитация колонн античных храмов) ручками. Верх ручек оформлен в виде эллипса или шестиугольника (рис. 1, 1, 2, 15, 16а–в), а конец украшен фигуркой кошачьего хищника (рис. 1, 1) или головкой овна (рис. 1, 2, 15, 16а–в). Некоторые из таких предметов имеют две фигурки жи-

вотных: на верху ручки — изображение лежащего копытного животного (вепря, оленя), на ее конце — фигурка кошачьего хищника (рис. 1, 3, 4; 2) или головка овна (рис. 1, 5) (Кузнецова, 2021а. С. 37, 43, 45, рис. 1; 5; 7, 2–5).

Рассматриваемые предметы прослеживаются с середины VI в. до н. э. в зонах, связанных с деятельностью греков: в Северной Африке, Западной Европе, Волго-Камье, Северном Причерноморье, на Урале и Северном Кавказе. В настоящее время таких предметов известно более 180 экземпляров.

Эта серия древностей уже неоднократно разбиралась в исторической литературе, и разными исследователями называлась и называется зеркалами или зеркалами-патерами «греко-скифского», «скифского» или «ольвийского» типа (библиографию см.: Кузнецова, 2002. С. 197, 207–210). Самое большое количество целых форм сконцентрировано в Ольвии, что и отразилось в их названии (Скуднова, 1988. С. 68, 92, 112, 113, 115, 119, 159, 167; Кузнецова, 2002. С. 208; 2010. С. 239).

Большинство ученых полагает, что эти предметы являются продукцией греческих/ольвийских ремесленников, и часть из них как прототип определяла античные, в частности ионийские, зеркала. Некоторые специалисты придерживаются мнения, что это синкретичный греко-варварский

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

² Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru.
© Кузнецова Т. М., 2023.

вариант, сложившийся под влиянием скифских и греческих традиций, но подвергшийся художественной переработке (подробную библиографию см.: Кузнецова, 2002. С. 197, 207–210).

Другие исследователи с большой долей уверенности определяют эти зеркала как скифские изделия (Скуднова, 1962; Халилов, 1971. С. 186, рис. 3; Бессонова, 1991; 1996; Ольговский, 1987; 2017а. С. 214–216; 2017б; Ольговский, 1992; Маслов, 2002; Гасанов, 2020), полагая, что их оформление выполнено в «скифском зверином стиле».

Однако изображения головки овна, кабана и льва на ручках рассматриваемых предметов ничего общего со «скифским звериным стилем» не имеют (рис. 1, 2, 5, 12–20; 2, 1–8). Необходимо отметить, что они также не включены специалистами в системный анализ изображений «скифского звериного стиля» (см.: Переводчикова, 1980; 1994; Канторович, 2022а; 2022б).

Исследования Е. В. Переводчиковой показали, что и изображения оленей (рис. 1, 3–11) на этих зеркалах «с трудом можно отнести к скифскому звериному стилю, несмотря на канонические позы оленей и вполне скифскую форму рогов... поскольку в основном по приемам стилизации они мало похожи на скифские: в моделировке не видно следов членения поверхности на плоскости, основные признаки животных не акцентированы» (Переводчикова, 1980. С. 163).

А. Р. Канторович, обращаясь к образу оленя, хотя и рассматривает его изображения на ручках зеркал «ольвийского» типа в системе восточноевропейского скифского звериного стиля («келермесско-кульобский» тип (I-1-I-1, вариант 3)), но отмечает применение этого сюжета греческими мастерами — «создателями ольвийских зеркал» в качестве «местного колорита» (Канторович, 2022а. С. 118, 119; 2022б. С. 40).

Следует еще раз подчеркнуть, что находки «зеркал» с изображением оленя на их ручках отсутствуют в районах, которые античная традиция и научная историография связывает со скифами³.

Более того, ручка с головкой овна была найдена в Северной Африке, в храме Артемиды, в святилище Аполлона города Кирена (Pernier, 1931; Скуднова, 1962. С. 8), который основали жители острова Фера. Даже один этот факт, безусловно,

³ Три находки с фигуркой оленя на ручке известны для Ольвии и ее округи, но преобладают они в восточной части Боспора и в Прикубанье, а также в Подунавье (Кузнецова, 2021а. С. 49).

указывает не только на греческие корни разбираемых вещей (взаимодействие между скифами и Северной Африкой не установлено), но не позволяет связать их происхождение и с Северным Причерноморьем (Кузнецова, 2002. С. 208–212).

Анализируемые предметы, о чем уже упоминалось, разделены по скульптурному оформлению верха ручки на две большие совокупности: первая (рис. 1, 1, 2) — с геометрической фигурой (овалом или шестиугольником); вторая (рис. 1, 3–5; 2) — с фигуркой лежащего копытного (оленя или вепря). Среди них по форме конца ручки выделены два значительных комплекса: один — с изображением головки копытного, другой — кошачьего хищника (Там же. С. 187–189). С учетом этого был составлен граф, фиксирующий сходство между объектами, который показал, что внутри всей категории предметов выделяется пять групп по наиболее высокому коэффициенту сходства⁴ (Кузнецова, 2002. С. 200, рис. 21; 2021а. С. 40–42; 2021б. С. 306, 307).

Экземпляры первой группы объединены общим признаком: наличием изображения головки овна на конце ручки (Кузнецова, 2002. С. 200, рис. 21). Для этой группы схема развития, базирующаяся на датах античной керамики в комплексах Ольвийского некрополя с рассматриваемыми зеркалами (могилы 64, 1912 г.; 8, 1915 г.), демонстрирует трансформацию реалистичного образа изображения головки овна в более упрощенный, поскольку первый комплекс датируется третьей четвертью VI в. до н. э. (рис. 1, 5, 19), а второй (рис. 1, 20) — началом V в. до н. э. (Скуднова, 1988. С. 120, 168, кат. № 182, 258). Опираясь на эти даты, можно предположить, что самыми ранними в первой группе, видимо, являются предметы с наиболее реалистичными изображениями головы овна, представленные «кладом» на Камарском городище (рис. 1, 2, 12, 17) у с. Татарская Айша (Фахрутдинов, 1983. С. 292, рис. 3) и близкими ему случайными находками из Украины (рис. 1, 13, 14).

Точные даты указанных выше предметов установить пока сложно, так как все эти находки сделаны вне комплексов. Однако репликой как на форму предмета (рис. 1, 15, 18), так и на реалистичное изображение головы овна является патера (рис. 1, 16а–в) из кургана II у с. Братышев/Братишив/Братишов (Бандрівський, 2010. Рис. 5а; 5а–б), которая по комплексу сопроводительного

⁴ Этот коэффициент показывает только сходство и ничего более.

Рис. 1. Зеркала/патеры «ольвийского» типа и элементы их оформления (олень, овен): 1 — Ставропольский край, случайная находка; 2, 12, 17 — Камаевское городище (с. Татарская Айша), «клад» (Иске-Казанский гос. историко-культурный и природный музей-заповедник. Инв. № 296; *Фахрутдинов*, 1983. С. 292, рис. 3); 3, 7 — Ольвия, могила 36, 1912 г. (ГЭ. ОАМ. Инв. № О.1912.136; *Скуднова*, 1988. С. 111, кат. № 170); 4, 6 — Старокорсунское городище, случайная находка 1993 г. (КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, 2021 г. Инв. № КМ 11177); 5, 8, 19 — Ольвия, могила 64, 1912 г. (ГЭ. ОАМ. Инв. № О.1912.273; *Piotrowski et al.*, 1986. Abb. 52); 9 — Харьковская обл., Украина, случайная находка 2019 г.; 10 — Украина, случайная находка; 11 — случайная находка (ГЭ. ОАМ. Инв. № В.2823; *Скуднова*, 1962. Рис. 10); 13а, 13б — Хмельницкая обл., Украина, случайная находка; 14а, 14б — Украина, случайная находка; 15, 18 — юг Краснодарского края, случайная находка, 2011 г.; 16а–16в — с. Братышев, курган II (*Бандрівський*, 2010. Рис. 5а; 5а–б); 20 — Ольвия, могила 8, 1915 г. (ГЭ. ОАМ. Инв. № О.1915.1; *Скуднова*, 1988. С. 168, кат. № 258). 1, 9, 10, 13, 14, 15, 18 — фото от Ю. В. Оборина; 4, 6 — фото от Ю. В. Зеленского. Масштаб произвольный

Fig. 1. Mirrors/paterae of “Olbian” type and elements of their decoration (deer, aries): 1 — Stavropol Kray, stray find; 2, 12, 17 — Kamayevskoye fortified site (village Tatarskaya Aysha), “hoard” (Iske Kazan Historical Museum-Reserve. Inv. no. 296; *Фахрутдинов*, 1983. С. 292, рис. 3); 3, 7 — Olbia, grave 36, 1912 (The State Hermitage Museum. Department of the Ancient World (SHM. DAW). Inv. no. O.1912.136; *Скуднова*, 1988. С. 111, кат. № 170); 4, 6 — Starokorsunskoye fortified site, chance find of 1993 (E. D. Felitsyn State Historico-Archaeological Museum-Reserve, 2021. Inv. no. KM 11177); 5, 8, 19 — Olbia, grave 64, 1912 (SHM. DAW. Inv. no. O.1912.273; *Piotrowski et al.*, 1986. Abb. 52); 9 — Kharkov Oblast, Ukraine, chance find of 2019; 10 — Ukraine, stray find; 11 — stray find (SHM. DAW. Inv. no. B.2823; *Скуднова*, 1962. Рис. 10); 13а, 13б — Khmelnytskyi Oblast, Ukraine, stray find; 14а, 14б — Ukraine, stray find; 15, 18 — South of Krasnodar Krai, stray find, 2011; 16а–16в — village of Bratyshev, kurgan II (*Бандрівський*, 2010. Рис. 5а; 5а–б); 20 — Olbia, grave 8, 1915 (SHM. DAW. Inv. no. O.1915.1; *Скуднова*, 1988. С. 168, кат. № 258). 1, 9, 10, 13, 14, 15, 18 — photo courtesy by Yu. V. Oborin; 4, 6 — photo courtesy by Yu. V. Zelensky. Arbitrary scale

инвентаря датируется серединой — второй половиной VI в. до н. э. (*Мелюкова*, 1958. С. 43), поэтому представленные «образцы для подражания» следует датировать временем не позднее середины VI в. до н. э.

Исследование четырех групп «ольвийских» зеркал с фигурками кошачьего хищника на конце ручки показало, что изменения в их изображении, так же как и в очертании головки овна, шли по линии деградации, однако исходным объектом (прототипом) в данном случае являются фигурки лежащего льва на предметах (рис. 2, 1–8), один из которых происходит с территории Румынии (?), два — из Украины, один — неизвестного происхождения (ГЭ. ОАМ. Инв. № В.2823), три — с Северного Кавказа: окрестностей г. Нальчика, Краснодарского края и г. Майкопа (*Кузнецова*, 2021а. Рис. 7, 2–5; 8).

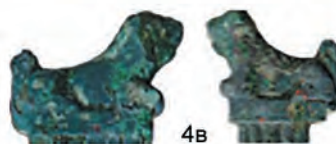
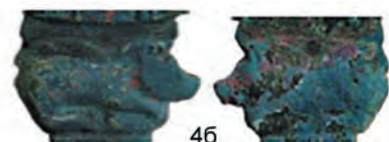
Исходя из того что изображение лежащего льва связан с другими фигурками кошачьего хищника (прямо или опосредованно) равновеликий, но не самый высокий показатель композиционного сходства ($S_{1,2} = 0,56$), было высказано предположение, что изменение образа шло по нескольким направлениям и зависело от мастерства ремесленников, работавших в различных регионах (*Кузнецова*, 2002. С. 204, 205; 2021а. С. 42, рис. 4).

Одно из этих направлений, видимо, обусловлено работой греческих мастеров, так как оформление ствола ручки по-прежнему представлено

имитацией изображений греческой колонны (рис. 1, 1–5), но связано оно с Северным Кавказом, ибо предметы, которые могли послужить прообразом для воспринимаемых скифами пантер, в ранних памятниках других регионов пока не встречены (рис. 3, 1–3)⁵.

Наблюдения А. Р. Канторовича относительно образа пантеры на зеркалах «ольвийского» типа показали, что в основе этой композиции (стоящий хищник с головой, однонаправленной с туловищем) лежит фигура келермесской пантеры и

⁵ К числу предметов, вышедших из греческих мастеровских Ольвии или Боспора, по мнению ученых, относятся золотые отделки мечей Шумейковского и Томаковского курганов, где мотив кошачьего хищника разрабатывался с большим отступлением от исходных образцов (*Ильинская*, 1971. С. 78, 79, рис. 7). Две литые формы, происходящие с о-ва Березань (раскопки В. В. Лапина, 1975 г.: Археологический музей НАН Украины. Инв. № АВ-75/1259) и из раскопа Р-25 (землянка № 1586) в Ольвии (О. 2008. Р. 25/2996), демонстрируют очень отдаленный вариант «скифского звериного стиля» (рис. 3, 4, 5а, 5б). Изображения на них уже настолько стилизованы, что вызывают затруднения в определении видовой принадлежности хищников (пантера? волк?). Однако обе находки свидетельствуют о работе бронзолитейных мастеровских, существовавших в последней трети VI — начале V в. до н. э. на античных поселениях (*Трейстер*, 1998. С. 135; *Буйских*, 2015. С. 111; *Канторович*, 2022а. С. 68, 69).

Рис. 2. Зеркала/патеры «ольвийского» типа и изменения в их оформлении (лев, вепрь, олень): 1а–1в — окрестности г. Нальчика (ГЭ. ОАВЕС. Инв. № КУ 1913, 3/1 (фото Т. В. Рябковой)); 2а–2в — Румыния (?) (Бостон, США. Музей изящных искусств. Инв. № 621189); 3а–3в — Краснодарский край, случайная находка 2019 г.; 4а–4в — г. Майкоп, случайная находка 2018 г.; 5а, 5б — Херсонская обл.; 6а–6в — Белгородская обл., случайная находка 2016 г. (Кузнецова, 2021в. С. 22–28, рис. 5); 7а–7в — случайная находка (ГЭ. ОАМ. Инв. № В. 2823; Скуднова, 1962. Рис. 10); 8а–8в — Украина, случайная находка; 9 — курган близ аула Хабаз, Кабардино-Балкария, хищнические раскопки 1919 г. (Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики. Инв. № А9411; Канторович, 2022б. С. 6, 144); 10 — могильник Скоробор, курган № 1/2017 (Шрамко, Задников, 2018. С. 15, рис. 6, 3). 2, 3, 4, 5, 8 — фото от Ю. В. Оборина. Масштаб произвольный

Fig. 2. Mirrors/paterae of “Olbian” type and changes in their decoration (lion, boar, deer): 1а–1в — surroundings of the city of Nalchik (The State Hermitage Museum. Department of the Ancient World (SHM. DAW). Inv. no. KU 1913, 3/1. Photo by T. V. Ryabkova); 2а–2в — Romania (?) (Boston, USA. Museum of Fine Arts. Inv. no. 621189); 3а–3в — Krasnodar Kray, chance find of 2019; 4а–4в — Maykop, chance find of 2018; 5а, 5б — Kherson Oblast; 6а–6в — Belgorod Oblast, chance find of 2016 (Кузнецова, 2021в. С. 22–28, рис. 5); 7а–7в — stray find (SHM. DAW. Inv. no. В. 2823; Скуднова, 1962. Рис. 10); 8а–8в — Ukraine, stray find; 9 — barrow near the aul of Khabaz, Kabardino-Balkaria, rapacious excavations of 1919 (The National Museum of the Kabardino-Balkar Republic. Inv. no. А9411; Канторович, 2022б. С. 6, 144); 10 — burial site of Skorobor, kurgan № 1/2017 (Шрамко, Задников, 2018. С. 15, рис. 6, 3). 2, 3, 4, 5, 8 — photo courtesy by Yu. V. Oborin. Arbitrary scale

другие фигурки (рис. 3, 1–3), составляющие «келермесский» тип скифского звериного стиля полнофигурных изображений хищников (II-A-I-1), сконцентрированных в памятниках Северного Кавказа и датированных второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э.⁶

По мнению исследователя, греческой репликой с изображений «келермесского типа» является «роменско-ольвийский» тип (II-A-I-2) с фигурками, оформляющими окончания ручек «ольвийских» зеркал, где 1-й вариант (рис. 3, 6–8) — это первичная реплика, а 2-й вариант (рис. 3, 9–12) — тиражирование 1-го варианта. Хронология «роменско-ольвийского» типа скифского звериного стиля определяется исследователем датировкой массива зеркал «ольвийского» типа, большинство из которых относится ко второй половине VI в. до н. э. (Канторович, 2022а. С. 55, 347).

С генезисом и динамикой изменения образа пантеры, представленными А. Р. Канторовичем, нельзя не согласиться. Однако между временем появления исходных изображений и реплик на них (с опорой на даты, указанные и принятые исследователем) образуется hiatus в 50 лет или более (рис. 3), что делает изготовление реплик маловероятным⁷, а за следующую половину столетия происходит существенное искажение этого

образа. Всё это свидетельствует о том, что даты Келермесских курганов в значительной степени занижены. Сопоставление данных античной традиции с древневосточными и археологическими материалами показало, что даты скифских архаических комплексов нуждаются в омоложении, поскольку «послепоходное время», с которым связаны келермесские древности, ограничено периодом в рамках последнего десятилетия первой четверти VI в. до н. э. (≈ 585–575 гг. до н. э.). Повышение скифской хронологии позволяет датировать курганы Келермесского могильника временем после 585 г. до н. э. (Кузнецова, 2017. С. 134–139; 2019. С. 74), и указанная дата делает вполне реальной возможность появления «реплик» (рис. 3, 6–8) на изображения келермесских пантер (рис. 3, 1–3).

Непосредственным подражанием греческим предметам с лежащим львом, происходящим с Северного Кавказа (рис. 2, 1а–1в, 3а–3в, 4а–4в), как уже отмечалось (Кузнецова, 2002. С. 204, 205), является, видимо, экземпляр (рис. 2, 9) из аула Хабаз (Иессен, 1941. С. 22, табл. V, 3). Эти формы сближает между собой как поза животного и наличие бортика у диска, так и территория наибольшей концентрации зеркал «ольвийского» типа с фигуркой льва (Кузнецова, 2021а).

Однако хищник на хабазском зеркале имеет отдельные черты, отмеченные для фигурок на зеркалах из станицы Крым-Гиреевская (рис. 3, 6), со Ставропольского края (рис. 3, 7), с Аксютинцы/Роменская группа (рис. 3, 8) и с Братышев, курган IV, но он же близок и изображениям на ручке экземпляра из могильника у с. Гавриловка,

⁶ Необходимо добавить, что предметы с изображением пантеры (рис. 3, 1–3) из курганов Келермеса являются для скифов инокультурными по своему происхождению.

⁷ Происходит полная археологизация «исходных образцов».

После
585 г.
до н. э.

550 г.
до н. э.

500 г.
до н. э.

Рис. 3. Динамика трансформации изображения пантеры в VI–V вв. до н. э.: 1 — накладка на щит или горит, Келермес, кург. 1/Ш, 1903 г. (ГЭ. ОАВЕС. Инв. № Ку 1903 2/1; *Алексеев*, 2012. С. 68); 2 — фрагмент накладки на горит (32 фигуры), Келермес, кург. 4/Ш, 1904 г. (ГЭ. ОАВЕС. Инв. № Ку 1904 1/28; *Алексеев*, 2012. С. 106); 3 — фрагмент накладки на серебряную фиалу (зеркало?), Келермес, кург. 4/Ш, 1904 г. (ГЭ. ОАВЕС. Инв. № Ку 1904 1/27; *Алексеев*, 2012. С. 110); 4 — литейная форма, Ольвия, раскоп Р-25 (*Ольговский*, 2016. Рис. 1); 5а, 5б — литейная форма и отливка с нее, Березань, 1975 г. (*Трейстер*, 1998. Рис. 5, 7); 6 — ст. Крим-Гиреевская (ГЭ. ОАВЕС. Инв. № 2531-1 (фото Т. В. Рябковой)); 7 — Ставропольский край, случайная находка; 8 — Роменская группа/Аксютинцы, раскопки после 1886 г. (Киев. НМИУ. Инв. № Го 1128; *Бобринской*, 1901. Табл. XI, 3); 9, 10 — Кабардино-Балкария, случайные находки; 11 — Старокорсунское городище, случайная находка, 1993 г. (КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына. 2021. Инв. № КМ 11177); 12 — Ольвия, мог. 36, 1912 г. (ГЭ. ОАМ. Инв. № О.1912.136; *Скуднова*, 1988. С. 111, кат. 170); 13а–13в — с. Гавриловка (Киев. НМИУ. Инв. № Б-41-297 (фото из архива В. Г. Петренко)); 14 — могильник Скоробор, кург. 2 (*Канторович*, 2022б. С. 16). 7, 9, 10 — фото от Ю. В. Оборина; 11 — фото от Ю. В. Зеленского. Масштаб произвольный

Fig. 3. Dynamics of the transformation of the image of panther in the 6th–5th cen. BC: 1 — shield or gorytos mount, Kelermes, kurgan 1/Ш, 1903 (The State Hermitage Museum. Department of the Ancient World (SHM. DAW). Inv. no. Ky 1903 2/1; *Alekseev*, 2012. С. 68); 2 — fragment of a gorytos mount (32 figures), Kelermes, kurgan 4/Ш, 1904 (SHM. DAW. Inv. no. Ky 1904 1/28; *Alekseev*, 2012. С. 106); 3 — fragment of a mount on a silver phial (mirror?), Kelermes, kurgan 4/Ш, 1904 (SHM. DAW. Inv. no. Ky 1904 1/27; *Alekseev*, 2012. С. 110); 4 — casting mould, Olbia, excavation P-25 (*Olgovskiy*, 2016. Рис. 1); 5a, 5b — casting mould and a cast from it, Berezan, 1975 (*Treister*, 1998. Рис. 5, 7); 6 — Cossack village of Krim-Gireyevskaya (SHM. DAW. Inv. no. 2531-1. Photo by T. V. Ryabkova); 7 — Stavropol Kray, stray find; 8 — Romny group mounds / Aksyutintsy, excavations after 1886 (Kiev. National Museum of the History of Ukraine. Inv. no. Го 1128; *Bobrin'skoy*, 1901. Табл. XI, 3); 9, 10 — Kabardino-Balkaria, stray finds; 11 — Starokorsunskoye fortified site, stray find, 1993 (E. D. Felitsyn State Historico-Archaeological Museum-Reserve. 2021. Inv. no. КМ 11177); 12 — Olbia, grave 36, 1912 (SHM. DAW. Inv. no. О.1912.136; *Skudnova*, 1988. С. 111, кат. 170); 13a–13b — village of Gavrillovka (Kiev. National Museum of the History of Ukraine. Inv. № Б-41-297. Photo from V. G. Petrenko's archives); 14 — burial site of Skorobor 2 (*Kantorovich*, 2022b. С. 16). 7, 9, 10 — photo courtesy by Yu. V. Oborin; 11 — photo courtesy by Yu. V. Zelensky. Arbitrary scale

в медальонах которой фигурки кошачьего хищника даны в позе с поджатыми ногами, а на конце изображено стоящее животное (рис. 3, 13а–13в)⁸.

Как уже отмечалось, экземпляр из Гавриловки отнесен исследователями к произведениям греческих мастеров (*Ильинская*, 1971. С. 78–80), что связывает рассматриваемые предметы с античным миром и определяет второе направление в модификации образа кошачьего хищника, также относящееся к Северному Кавказу. Такой вектор в трансформации образа «пантеры» в VI–V вв. до н. э. отмечали ранее А. А. Иессен (*Иессен*, 1941. С. 22) и В. Б. Виноградов (*Виноградов*, 1972. С. 158–160). Время, установленное учеными, подтверждает и недавняя находка ближайшего хабазской фигурке изображения на золотой пластине (апликация горита) из кургана № 1/2017 могильника Скоробор (рис. 2, 10), датированного последней третью — началом четвертой четверти VI в. до н. э. Пластина найдена вместе с зеркалом «ольвийского» типа со значительно стилизованной фигуркой пантеры на конце ручки (*Шрамко, Задников*, 2018. С. 15, 16, рис. 6, 3, 5).

⁸ Наличие такой близости показывает продолжение линии развития образа кошачьего хищника, связанной с Северокавказским регионом, на что указывает и металл гавриловского экземпляра, отлитого из сырья северокавказского типа (*Барцева*, 1981. С. 69).

О кавказских направлениях в производстве зеркал «ольвийского» типа, отраженных в изменении изображений на их ручках, видимо, свидетельствуют и многочисленные модификации, указывающие на творческую переработку греческих образцов уже мастерами различных районов Северного и Южного Кавказа (*Иессен*, 1941; *Халилов*, 1971. С. 186, рис. 3; *Гасанов*, 2020. С. 424, 425, рис. 1, 1–3; 2, 1–3), поскольку стволы ручек у них оформлены иначе: они гладкие.

Возможно с Кавказа (ст. Крим-Гиреевская) предметы с изображениями стоящих кошачьих хищников попадают в Северопричерноморскую лесостепь (с. Аксютинцы/Роменская группа), поскольку «пантеры» отлиты в одной форме, где непосредственной репликой на подобное изображение является фигурка (рис. 3, 14) на зеркале из могильника Скоробор, курган 2 (*Шрамко*, 1976. С. 199, рис. 3, 14; *Кузнецова*, 2002. С. 204, рис. 24), что определяет новое направление в изменении образа кошачьего хищника, связанное уже с лесостепным регионом Северного Причерноморья.

В оформлении зеркал «ольвийского» типа с изображением копытного и льва прослежено два варианта: вепрь (рис. 2, 1а–6в) или олень (рис. 2, 7а–7в, 8а–8в) на верху ручки и лев на ее конце. Сравнивая оба варианта, можно сделать вывод, что первый,

где сочетаются реалистичные изображения кабана и льва, являлся продукцией греческого производства и был привезен в Северное Причерноморье из метрополии⁹, а второй, где вопреки заменили фигуркой оленя, является подражанием первому с поправкой на «местный спрос», возможно, связанный со скифами (Кузнецова, 2021а. С. 49). К сожалению, точные даты этих предметов установить пока сложно, так как все такие находки сделаны вне комплексов. Однако следует заметить, что выявленная выше деградация изображений кошачьего хищника не могла привести к появлению достаточно реалистичного (узнаваемого) образа лежащего льва, поэтому пока их можно датировать временем не позже середины VI в. до н. э.¹⁰, опираясь на дату всей совокупности зеркал «ольвийского» типа, относящуюся ко второй половине VI в. до н. э.

Переоформление изображений на ручках рассматриваемых предметов, видимо, связано с представлениями негреческого населения Причерноморья, которому эти образы были, вероятно, более близки¹¹.

В данном случае хотелось бы напомнить, что указанные формы ранее были идентифицированы с культовыми сосудами (Кузнецова, 1990; 1995. С. 11–18).

Зоны, охватывающие находки зеркал «ольвийского» типа, свидетельствуют, что с VI в. до н. э. в этих регионах присутствуют вещи, которые, возможно, отражают деятельность двух значительных религиозных центров, связанных с почитанием Аполлона и Диониса: Дидимы и Дельфы (Кузнецова, 2002. С. 208–212). Это подтверждает и символика образов (лев, пантера, вепрь, олень, овен) на предметах (Онайко, 1977. С. 153–160;

⁹ Изображение льва являлось и символом Милета, и символом Аполлона, который, будучи патроном Милета, обладал особой функцией организатора колоний (Русяева, 1986. С. 36).

¹⁰ Основания для углубления этой даты в конец VII в. до н. э., как предполагает К. В. Чугунов (Чугунов, 2011. С. 316), пока отсутствуют.

¹¹ Пока трудно сказать, чем обусловлена замена фигурки вепря на изображение оленя, но нельзя исключить и то, что подобным образом могло проявиться начало контактов греков со скифами на ранней стадии их взаимодействия в Северном Причерноморье, когда излюбленный мотив скифов (олень) был помещен на греческий предмет культового назначения, но был отвергнут скифами, враждебно относившимися к чужеземным обычаям (Hdt. IV, 80).

Иванов Вяч., 1994. С. 106–111; Ходза, 1997), и надпись на одном, происходящем из Ольвии, с посвящением Дионису: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся, и (ты) Леней, сын Демокла, радуйся» (Розанова, 1968. С. 248–252).

Олень был одним из животных, посвященных Аполлону как покровителю охоты (Таронян, 1994. С. 366). Статуя Аполлона с оленем находилась в Дидимах. По сообщению Плиния Старшего: «Канах¹² создал обнаженного Аполлона, который прозывается Фелесием, в Дидимейоне, из эгинского сплава меди, и вместе с ним он сделал оленя поднятым и стоящим на задних ступнях так, что под ногами тянется нить, а опирается олень на основание попеременно то передними, то задними кончиками задних ступней, так как зубцы в той и другой части сочленены таким образом, что от поочередных отталкиваний он раскачивается» (Plin. Nat. Hist. XXXIV, 75).

Культы Аполлона и Диониса известны в Ольвии и на Березани с момента возникновения там колоний (Леви, 1963; 1965; 1966; 1977; Русяева, 1979. С. 81). Ручка с головкой овна, как уже говорилось, была найдена и в Северной Африке, в храме Артемиды, в святилище Аполлона города Кирена (Pernier, 1931; Скюднова, 1962. С. 8). Этот город основали жители острова Фера, обращавшиеся в Дельфийский оракул перед отправлением колонии в Ливию (Hdt. IV, 157–159; Strabo., X, V, 1; XVII, III, 21)¹³, что свидетельствует о связи ферян с религиозным центром в Дельфах. Исходя из этого находка в Кирене ручки зеркала «ольвийского» типа выглядит вполне оправданно.

Данные письменных источников указывают на существование в районах распространения зеркал «ольвийского» типа «священных путей». Как уже отмечалось ранее (Кузнецова, 1990; 1995), рассматриваемые зеркала могли фиксировать

¹² Канах Сикионский — древнегреческий скульптор, жил в городе Сикионе около 510–490 гг. до н. э.

¹³ Это подтверждается текстом «стелы основателей», обнаруженной в Кирене: «Бог! Счастливая судьба!.. Чтобы город (наш) возвысился и народ Кирены благоденствовал, предоставить ферянам гражданские права согласно отеческим установлениям, которые выработали (наши) предки, как заселившие Кирену с Феры, так и остававшиеся на Фере, поскольку Аполлон определил... заселившим Кирену, благоденствие (пока) они сохраняют верность клятвам, которые предки дали друг другу в то время, когда они выслали колонию согласно повелению Аполлона Архагета...» (Яйленко, 1982. С. 61–64).

путь в землю «священных людей» — аргипеев, обозначенный Геродотом (Hdt. IV, 23, 24), и путь в землю исседонов, который прошел Аристей Проконесский, «одержимый Фебом» (Hdt. IV, 13), то есть путь в землю, расположенную к востоку от мест обитания аргипеев (Hdt. IV, 25)¹⁴. Эти два направления фиксируются двумя типами зеркал: одно — в верховья р. Урал (фигурка кошачьего хищника), другое — по Волге в Прикамье (изображение головки овна), что, с учетом интерпретации вещей, свидетельствует о наличии путей, связанных и со священными предметами (рис. 4).

По данным Геродота, через земли скифов-пахарей и алазонов протекал горький источник, который впадал в Гипанис и назывался по-скифски Эксампей, «на языке же эллинов — священные пути» (Hdt. IV, 52). По сведениям Геродота, которые он почерпнул от делосцев, «священные дары, обернутые в пшеничную солому, приносимые от гипербореев, прибывают к скифам, а от скифов уже соседи, получив их, непрерывно передают друг другу все дальше на запад, вплоть до Адриатического моря» (Hdt. IV, 33).

По более поздним сведениям путь «священных даров» проходил по реке Истр (Дунай), и исследователи полагают, что у Каллимаха в гимне «К Делосу» (Callim. Hymn. IV, 275–295) показана последняя часть этого маршрута (Александровская поэзия..., 1972. С. 113–122; Ельницкий, 1962). Вариант легенды о «дарах» приведен Павсанием, согласно которому «жертвенные дары» от гипербореев передавались в храм Аполлона в Прасиях через аримаспов, далее исседонов, а «от этих последних, скифы доставляют их в Синоп, а затем через земли эллинов они доставляются в Прасии, а затем уже афиняне везут их на Делос. Так как эти начатки завернуты в пшеничную солому, то никто не знает, что они представляют» (Pausan. I, XXXI, 2).

С этими сведениями как нельзя лучше сочетается находка в одиночном кургане эпохи бронзы у Кашпирского поворота, в Поволжье, зеркала «ольвийского» типа с изображением головки овна на конце ручки. Предмет обнаружен на глубине 0,6 м, на подстилке «из травы», а под ним нахо-

¹⁴ Несмотря на различия в трактовке направлений распространения рассматриваемых зеркал «ольвийского» типа (от или к Ольвии), исследователи единодушны в определении их как торговых путей (Граков, 1947. С. 23–27; Бондарь, 1955. С. 72–75; Скуднова, 1962. С. 23–25; Ельницкий, 1962; Членова, 1983. С. 54; Скржинская, 1984. С. 119, 123).

Рис. 4. Карта-схема предполагаемых перемещений священных предметов и даров: а, б — направление перемещения зеркал «ольвийского» типа (а — с головкой овна на конце ручки, б — с фигуркой кошачьего хищника на конце ручки); в — путь «даров гипербореев», приведенный Павсанием; з — античные города

Fig. 4. Schematic map of the presumable transference of the sacred objects and gifts: а, б — direction of transference of “Olbian” mirrors (а — with an aries head at the end of the handle, б — with a figurine of a feline predator at the end of the handle); в — the route of the “gifts of the Hyperboreans” mentioned by Pausanias; з — ancient cities

дился кожаный мешочек (Агапов, 1979; Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 198, рис. 2, 2; 2010. С. 90).

Важно, что греческая традиция связывает гипербореев не только с именем Аполлона, но и с Дионисом, поскольку о них упоминается в гомеровском гимне (Hom. Hymn. VII, 29) «Дионис и разбойники» (Эллинские поэты..., 1999. С. 166, 167). В связи с этим существенно, что весенние празднества в честь возвращения Аполлона из страны гипербореев, отмечавшиеся в различных областях античного мира, особенно почитались в Милете (Русяева, 1986. С. 59) и Дельфах, причем последние три месяца были посвящены Дионису (Лосев, 1957. С. 325). У Менандра есть свидетельства близости этих двух божеств:

«Дионисом зовут тебя фиванцы, дельфийцы же чтут двойным именем: Аполлон и Дионис» (Лосев, 1957. С. 327).

Таким образом, сообщения письменных источников объединяют северные районы ойкумены посредством «священных путей» и «даров» с культом Аполлона и Диониса, что, вероятно, и нашло на раннем этапе отражение в распространении зеркал «ольвийского» типа. Немаловажно, что по данным Геродота указанные выше пути до архипеев и исседонов были известны не только скифам и в Ольвии, но и жителям других городов Северного Причерноморья (Hdt. IV, 23, 24).

В контексте предложенной интерпретации наиболее вероятным представляется, что мастера, изготавливавшие рассматриваемые вещи,

работали при храмах или по их заказам, причем число таких мастеров не было, видимо, большим. О том, что такие предметы, декорированные изображением пантеры (рис. 3, 6–12), являющейся репликой с изображений «келермесского типа» (рис. 3, 1–3), были продукцией греческих мастеров Северного Причерноморья, свидетельствует тенденция к схематизации изображений, указывающая на отрыв от существовавшей и в метрополии, и на Северном Кавказе традиции, о чем я писала и ранее (Кузнецова, 1990; 1991).

Все указанные обстоятельства исключают роль скифов не только в производстве, но и в распространении анализируемых зеркал, свидетельствуя о том, что происхождение изделий с реалистичными изображениями овна, вепря и льва связано непосредственно с Грецией.

Агапов, 1979 — Агапов С. А. Отчет о раскопках в Приволжском и Безенчукском районах Куйбышевской области в 1978 г. Куйбышев // НОА ИА АН СССР. 1979. Р-1, № 7270.

Александрйская поэзия..., 1972 — Александрйская поэзия (переводы с древнегреческого) / Сост. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Художественная литература, 1972. 426 с.

Алексеев, 2012 — Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 272 с.

Бандрівський, 2010 — Бандрівський М. Образотворчі традиції на захід Українського Лісостепу в VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Археологический альманах. Донецк: Лебедь, 2010. № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии / Гл. ред. А. В. Колесник. С. 145–177.

Барцева, 1981 — Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени (Лесостепное Днепроовское Левобережье). М.: Наука, 1981. 126 с.

Бессонова, 1991 — Бессонова С. С. Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Материалы юбилейной конф., посв. 100-летию основания Херсонского музея древностей / Отв. ред. А. В. Гаврилов. Херсон: Херсонский областной краеведческий музей, 1991. С. 92–99.

Бессонова, 1996 — Бессонова С. С. К вопросу о скифо-ольвийских контактах в VI — начале V в. до н. э. // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследованию памятника. К 90-летию проф. Л. М. Славина / Отв. ред. С. Б. Буйских. Киев: Наукова думка, 1996. С. 104–106.

Бобринской, 1901 — Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка

Смелы. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901. Т. 3: Дневники раскопок 1889–1897 гг. 174 с.

Бондарь, 1955 — Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // СА. 1955. № 23. С. 58–80.

Буйских, 2015 — Буйских А. В. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии // OLBIO. In Memoriam V. V. Kharivina. Київ: ИА НАН України, 2015 (Археологія і давня історія України; Вип. 1/14). С. 93–112.

Виноградов, 1972 — Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 390 с.

Гасанов, 2020 — Гасанов З. Бронзовые зеркала с зооморфными ручками из коллекции Национального музея истории Азербайджана // История и культура. Факты и ценности: Сб. ст., посв. юбилею акад. Наили Велиханлы / Отв. ред. Ф. Р. Джаббаров. Баку: Нурлар, 2020. С. 415–425.

Граков, 1947 — Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. 1947. Вип. I. С. 23–38.

Ельницький, 1962 — Ельницький Л. А. Легенда о «гиперборейских дарах» Аполлону и пути ее распространения // Материалы по археологии Северного Причерноморья / Отв. ред. А. Г. Сальников. Одесса: Одесский гос. археолог. музей, 1962. Вып. 4. С. 209–211.

Иванов Вяч., 1994 — Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.

Иессен, 1941 — Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 3). С. 7–50.

- Ильинская*, 1971 — *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 64–85.
- Канторович*, 2022а — *Канторович А. Р.* Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). М.: Изд-во Московского ун-та, 2022. Т. 1. 431 с.
- Канторович*, 2022б — *Канторович А. Р.* Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). М.: Изд-во Московского ун-та, 2022. Т. 2. 359 с.
- Кузнецова*, 1990 — *Кузнецова Т. М.* Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 82–97.
- Кузнецова*, 1991 — *Кузнецова Т. М.* Этюды по скифской истории. М.: ИА РАН, 1991. 150 с.
- Кузнецова*, 1995 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала-фиалы (патеры) с зооморфным оформлением ручки // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи / Отв. ред. В. А. Могильников. М.: ИА РАН, 1995. С. 11–18.
- Кузнецова*, 2002 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М.: Индрик, 2002. Т. 1. 352 с.
- Кузнецова*, 2010 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М.: Таус, 2010. Т. 2. 426 с.
- Кузнецова*, 2017 — *Кузнецова Т. М.* Об основах скифской хронологии периода архаики // «И музоею его была наука»: Сб. памяти В. А. Кореняко (1952–2016) / Отв. ред. и сост. С. В. Кузьминых, А. А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2017. С. 127–142.
- Кузнецова*, 2019 — *Кузнецова Т. М.* О соотношении дат курганов «Репяховатая Могила», «Червона Могила» и Келермесского могильника // РА. 2019. № 2. С. 63–79.
- Кузнецова*, 2021а — *Кузнецова Т. М.* Зеркала «ольвийского типа» — показатель влияния античного мира на Северном Кавказе // РА. 2021. № 2. С. 36–53.
- Кузнецова*, 2021б — *Кузнецова Т. М.* Еще раз о классификации зеркал // Поверив алгеброю гармонию: Сб. ст. памяти Я. А. Шера / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий, К. В. Чугунов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 301–315.
- Кузнецова*, 2021в — *Кузнецова Т. М.* Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка // Revista Arheologică, Revista Arheologică. Chişinău, 2021 (Serie nouă). Vol. XVII, Nr. 1. S. 18–33.
- Леви*, 1963 — *Леви Е. И.* Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 7–12.
- Леви*, 1965 — *Леви Е. И.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. № 2. С. 86–95.
- Леви*, 1966 — *Леви Е. И.* К вопросу о культе Аполлона Дельфиния в Ольвии // Культура античного мира. К сорокалетию научной деятельности В. Д. Блаватского — его друзья, товарищи, ученики / Отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 124–130.
- Леви*, 1977 — *Леви Е. И.* Новые посвячительные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.; Л.: Наука, 1977. С. 96–100.
- Лосев*, 1957 — *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
- Маслов*, 2002 — *Маслов В. Е.* Зеркало «ольвийского» типа из Краснодарского края // РА. 2002. № 3. С. 153–157.
- Мелюкова*, 1958 — *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; Вып. 64). С. 5–102.
- Мышкин, Скарбовенко*, 1996 — *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1996. Вып. VIII / Отв. ред. П. С. Кабытов. С. 196–222.
- Мышкин, Скарбовенко*, 2010 — *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // Краеведческие записки. Самара: Офорт, 2010. Вып. XV: 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Л. Н. Кузнецова. С. 87–100.
- Ольговский*, 1987 — *Ольговский С. Я.* Происхождение зеркал с элементами зооморфного оформления // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тезисы докладов VI Республиканской конф. молодых археологов (Киев, октябрь 1987 г.) / Отв. ред. Е. В. Максимов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 120–121.
- Ольговский*, 1992 — *Ольговский С. Я.* Походження дзеркал «ольвійського» типу // Археологія. 1992. № 3. С. 14–21.
- Ольговский*, 2016 — *Ольговский С.* Новая литейная форма из Ольвии и ольвийская металлообработка позднеархаического времени // Revista Arheologică. 2016 (Serie nouă). Vol. XII, Nr. 1–2. P. 189–198.
- Ольговский*, 2017а — *Ольговский С. Я.* О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 209–223.
- Ольговский*, 2017б — *Ольговский С. Я.* Существовали ли караванный путь из Ольвии на Урал и в Поволжье в архаическую эпоху? // Старожитності раннього залізного віку. Київ: ІА НАН України, 2017 (Археологія і древня історія України; Вип. 2/23). С. 476–483.

- Онайко, 1977 — Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 153–160.
- Переводчикова, 1980 — Переводчикова Е. В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Дис. ... канд. ист. наук / Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1980. 190 с., 146 с. ил.
- Переводчикова, 1994 — Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
- Розанова, 1968 — Розанова Н. П. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева. 1867–1967 / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Наука, 1968. С. 248–251.
- Русяева, 1979 — Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского периода. Киев: Наукова думка, 1979. 172 с.
- Русяева, 1986 — Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25–64.
- Скржинская, 1984 — Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1984. С. 105–129.
- Скудная, 1962 — Скудная В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Культура и искусство античного мира / Отв. ред. А. А. Передольская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 7, вып. 3). С. 5–27.
- Скудная, 1988 — Скудная В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 184 с.
- Таронян, 1994 — Таронян Г. А. Комментарии к главе XXXIV, 75 // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М.; Ладомир, 1994. С. 222–441.
- Трейстер, 1998 — Трейстер М. Ю. Ионийские ремесленники — скифам // ВДИ. 1998. № 4. С. 130–141.
- Фахрутдинов, 1983 — Фахрутдинов Р. Г. Скифские зеркала бассейна Казанки // СА. 1983. № 1. С. 291–294.
- Халилов, 1971 — Халилов Дж. А. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана // Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 183–187.
- Ходза, 1997 — Ходза Е. Н. К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Культура и искусство античного мира / Отв. ред. С. П. Борисковская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 28, вып. 7). С. 63–73.
- Членова, 1983 — Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1. С. 47–66.
- Чугунов, 2011 — Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. Вып. 1. С. 262–335.
- Шрамко, 1976 — Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 194–209.
- Шрамко, Задніков, 2018 — Шрамко І. Б., Задніков С. А. Дослідження курганів на некрополі Скоробір у 2017 р. // Археологічні дослідження Більського городища — 2017 / Відп. ред. І. І. Корост, наук. ред. О. Б. Супруненко. Київ–Котельва: ЦП НАН України і УТОПІК, 2018. С. 6–23.
- Эллинские поэты..., 1999 — Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. 515 с.
- Яйленко, 1982 — Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1982. 312 с.
- Pernier, 1931 — Pernier L. L'Artemision di Cirene // Afrika Italiana (Rivista di Storia e d'Arte a cura del Ministero delle Colonie). 1931. T. IV, № 3–4. P. 173–228.
- Piotrowski et al., 1986 — Piotrowski B., Galanina L., Gratsch N. Skythische Kunst. Altertümer der skythischen Welt. Mitte des 7. bis zum 3. Jahrhundert v. u. Z. Leningrad: Aurora-Kunstverlag, 1986. 184 S.
- Hdt. — Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 456 с.
- Ном. 'Hymn. VII — Гомеровские гимны. Hymnos. Гимн VII. Дионис и разбойники, перевод В. Вересаева // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. 515 с.
- Callim. 'Hymn. IV — Каллимах из Кирены. Hymnos. Гимн IV. К Делосу, перевод С. Аверинцева // Александрийская поэзия (переводы с древнегреческого) / Сост. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Художественная литература, 1972. 426 с.
- Plin. Nat. Hist. — Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. Перевод Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 1994. 941 с.

The genesis of mirrors of “Olbian” type and their transformation on the northern coasts of Pontus

T. M. Kuznetsova¹⁵

Keywords: Scythians, Northern Black Sea Region, Northern Caucasus, steppe, kurgans, mirrors, Olbia, necropolis.

This work considers bronze objects represented by flat round disks with a high rim and lateral fluted handles (imitating the columns of classical temples). The top of the handles is in the form of an ellipse or hexagon (Fig. 1, 1, 2, 15, 16), at their end is a representation of a feline predator (Fig. 1, 1) or an aries head (Fig. 1, 2, 15, 16). Some examples have two animal figurines: on the top of the handle there is a lying ungulate (wild boar, deer) while a figurine of a feline predator (Fig. 1, 3, 4; 2) or a small ram's head (Fig. 1, 5) is at the end.

The greatest number of the complete forms is concentrated in Olbia determining their appellation — mirrors of the “Olbian” type. These artefacts are known since the middle of the 6th cen. BC in zones connected with activities of the Greeks in North Africa and Europe (from the Danube River to as far as the rivers Volga and Ural). There are over 180 specimens of such objects.

Most of the scholars believe that the artefacts under consideration are products of Greek manufacturers. However some researchers are certain about their Scythian provenance holding that they are executed in the “Scythian animal style”. Meanwhile, the small heads of rams, boars and lions decorating the handles of these objects are far from the “Scythian animal style” (Fig. 1, 2, 5, 12–20; 2, 1–8). Also the find of a handle with a small aries head from North Africa (Cyrene: temple of Artemis, sanctuary of Apollo) runs contrary to the relation with the Scythians.

The present article traces the dynamics of the transformation of the images in the decoration of ‘Olbian’ mirrors enabling us to tell that the objects with realistic representations of a head of ram, boar or lion were brought to the Northern Black Sea region from the metropolis (Fig. 1, 12–14; 2, 1–6) and are the earliest examples of this type. All the other are products of their creative revision complying with the local “demand”. It has been supposed that the changes in the images followed a number of directions depending on the skills of the masters working in different regions (Fig. 1, 1–5; 2, 7–9; 3, 6–14). These directions were linked with the Caucasus and Forest-Steppe of the Northern Black Sea area (Fig. 4).

The symbolism of images (lion, panther, boar, deer, aries) on different objects of the 6th–5th cen. BC in the areas of finds of mirrors of the “Olbian” type indicates possible activities of two religious centres connected with adoration of Apollo and Dionysus, i. e. Didyma and Delphi. In the context of the interpretation linking these objects with sacred vessels, it looks most probable that the artisans-manufacturers were working at temples or by their orders and, moreover, the number of these masters seems to have been not any large. The tendency to schematization and degradation indicates a loss of touch with the tradition practiced in the metropolis and that the major mass of the mirrors of the “Olbian” type were produced by Greek masters from the Northern Black Sea littoral.

---

¹⁵ Tatiana M. Kuznetsova — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dm. Ulyanov, Moscow, 117292, Russia; mamulya-kuznecova@yandex.ru.

К проблеме датировки восточной части оборонительной системы Мирмекия

А. М. Бутягин, В. П. Колосов¹

Аннотация. В ходе раскопок оборонительной стены Б в восточной части городища Мирмекия были обнаружены котлованы двух ям, уходящих под стену. Анализ амфорных клейм из их заполнения доказывает, что кладка стены Б выполнена в конце III или на рубеже III–II вв. до н. э., а перекрывающая ее стена А построена еще позднее. Ранее строительство стены А относили ко времени от последней четверти V до конца первой половины IV в. до н. э.

Ключевые слова: Мирмекий, эллинизм, фортификация, амфорные клейма.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-300-308

Фортификационная система Мирмекия менялась в соответствии с политической обстановкой и по мере развития самого города. Если ранние оборонительные сооружения зафиксированы в районе Карантинного мыса, где они создавали защитный пояс вокруг акрополя (Виноградов, 1992. С. 107; Бутягин, 2006. С. 19–22), то к позднеклассическому времени, с расширением площади застройки, возводится фортификационная линия, окружавшая город с восточной и северной сторон. Ее трассу, видимо, зафиксировал еще Поль Дюбрюкс (Чистов, 2010. С. 455–457)², а в XX в. она была обнаружена и изучена в ходе археологических работ экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича, на участках «Б» и «М» (Гайдукевич, 1952. С. 138–148; 1987. С. 149–155).

Отрезок оборонительной стены на участке «Б» раскопан в 1937–1938 гг. на протяжении

около 42 м. Были обнаружены фрагменты двух куртин и оборонительная башня. Толщина стены колебалась в пределах 2,2–2,5 м. Размеры четырехугольной башни по внешним сторонам составили 6,2 × 6,0 м. Она имела прямоугольную форму, немного вытянутую в северном направлении, при толщине стен 0,95–1,00 м, для нижнего ряда кладки — до 1,2 м. Строительство стены было датировано автором раскопок началом IV в. до н. э. (Гайдукевич, 1952. С. 143). В. П. Толстикова, соглашаясь с этими выводами, датирует ее постройку концом V — IV в. до н. э. (Толстикова, 1981. С. 28).

В результате работ на участке «М» в 1957–1958 гг. были открыты остатки оборонительных стен двух периодов — более ранней стены Б и частично перекрывающей ее стены А (Пругло, 1960. С. 266–269). В ходе изучения стены Б исследовались башня и подходящие к ней с севера и юга участки куртин. Было установлено, что они расположены под небольшим углом к башне. При этом южная куртина отличается от северной по характеру кладки — она сложена более небрежно из крупных рваных кусков известняка, с неравномерным залеганием подошвы. Такие же различия наблюдались в характере кладки северной и южной стен башни. Это позволило В. Ф. Гайдукевичу сделать вывод о перестройке южной куртины и южной стены башни в более поздний период, что, по его мнению, могло быть связано с расширением приморской части городской территории (Гайдукевич, 1987. С. 149–151). Время постройки

¹ Бутягин А. М., Колосов В. П. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Дворцовая наб., 34, 190000, Россия; e-mail: butyagin@gmail.com, tepavi@yandex.ru.

© Бутягин А. М., Колосов В. П., 2023.

² Вопрос о том, являются ли валы, зафиксированные П. Дюбрюксом на дневной поверхности памятника, следами оборонительных стен эллинистического и более раннего времени, составляет предмет дискуссии. С одной стороны, стратиграфия памятника не позволяет так думать, с другой — открытые фрагменты стен более-менее соответствуют направлениям, указанным на плане П. Дюбрюкса.

северной куртины исследователь относил к рубежу V–IV вв. до н. э. или к самому началу IV в. до н. э. (*Там же*. С. 153), время гипотетической перестройки южной куртины точно не определено, но, судя по тому, что В. Ф. Гайдукевич относил позднюю стену А ко второй половине III в. до н. э., перестройка не могла быть осуществлена позднее этого времени (*Там же*. С. 154). Нужно добавить, что в работе В. И. Пругло сооружение стены А датировано серединой III в. до н. э., а время постройки стены Б отнесено к первой половине IV в. до н. э. (*Пругло*, 1960. С. 269, 274), как и стены, открытой на участке «Б». Вероятно, мнение исследователей о датировке строительства стен не было устоявшимся.

В 2008 г. по просьбе Д. Е. Чистова в центральной части участка «М», к западу от внутренней стены оборонительной башни, был заложен небольшой раскоп площадью около 20 кв. м. Количество находок было невелико, но наличие материалов IV в. до н. э. в грунте, перекрывавшем камни из развала башни в стене Б, позволило предположить, что она перестала функционировать уже в IV в. до н. э.

В работе, посвященной фортификации Боспора, В. П. Толстикова относит время перестройки южной куртины ко второй половине IV в. до н. э. (*Толстикова*, 1981. С. 31). Другой точки зрения придерживается В. М. Иванов, не соглашаясь с версией В. Ф. Гайдукевича о перестройке южной куртины. По мнению исследователя, разница в характере кладки объясняется организацией работ по возведению обводной стены «самостоятельными звеньями куртина/башня, перевязанными между собой и не связанными с прочими» (*Иванов*, 2005. С. 172, 173). Кроме того, автор указывает на отсутствие следов предыдущего строительного периода южной куртины (остатков кладок, канавы выборки), которая, по мнению В. Ф. Гайдукевича, продолжала трассу стены в направлении, заданном северной куртиной. В то же время предположение о более позднем времени постройки южной куртины В. М. Ивановым принимается, но объясняется не перестройкой, а тем, что «...после завершения северной части восточной фортификационной линии города прошел определенный промежуток времени до того, как она была доведена до морского берега. За это время по неизвестным нам причинам запланированное изначально начертание оборонительного рубежа было скорректировано, вследствие чего южная куртина стены Б и отклонилась от оси северной куртины» (*Иванов*, 2005. С. 173). Причины же прекращения функционирования стены Б и строительства

стены А исследователь связывает не с возведением новой, более мощной, линии обороны, а с разрушениями стены Б в результате землетрясения первой трети III в. до н. э. (*Там же*. С. 176).

В свою очередь Д. Е. Чистов, опираясь помимо материалов из раскопок 1950-х гг. на результаты локальных раскопок 2008 г., произведенных на небольшом участке западнее башни стены Б, определяет время постройки южной куртины в пределах первой половины — середины IV в. до н. э., а северной (более раннего участка) — последней четвертью V в. до н. э. По мнению исследователя, более ранняя датировка обводных стен городища косвенно подтверждается наличием развитой системы городских кварталов в V в. до н. э. в восточной части городища (раскоп «И»), которые в противном случае находились бы на незащищенной территории (*Чистов*, 2009. С. 46, 47). В определении даты строительства стены А он соглашается с мнением В. И. Пругло и датирует его серединой III в. до н. э. (*Там же*. С. 47).

Таким образом, можно констатировать существенный разброс мнений о времени постройки восточной части оборонительной системы Мирмекия, а также о причинах различия кладок северной и южной куртин стены Б. Такая ситуация объясняется недостаточностью археологических данных, представленных в материалах раскопок 1957–1958 гг., что допускает некоторые расхождения в интерпретации. Строительство ранней (Б) стены относят ко времени от последней четверти V до середины IV в. до н. э., причем строительство северной куртины обычно датируют более ранним временем, чем южной. В свою очередь сооружение поздней (А) стены относится ко второй половине IV — середине III в. до н. э.

Возможность уточнить данные о времени строительства южной куртины стены Б появилась в связи с возобновлением работ на участке «М» экспедицией Гос. Эрмитажа в 2017 г. В результате был обнаружен неизвестный ранее некрополь второй половины VI в. до н. э. (*Бутягин, Колосов*, 2018; *Butyagin*, 2022. Р. 198–202). В 2018–2019 гг. раскоп расширили в южном направлении с целью изучения некрополя, так и раскрытия продолжения оборонительной стены. В ходе этих работ выяснилось, что кладка стены А не продолжается на юг за границу раскопа 1957–1958 гг. Южнее она оказалась полностью выбранной, однако ее трассу помогает определить хорошо сохранившаяся траншея выборки. Напротив, камни в кладке основания оборонительной стены Б сохранились намного лучше (рис. 1).

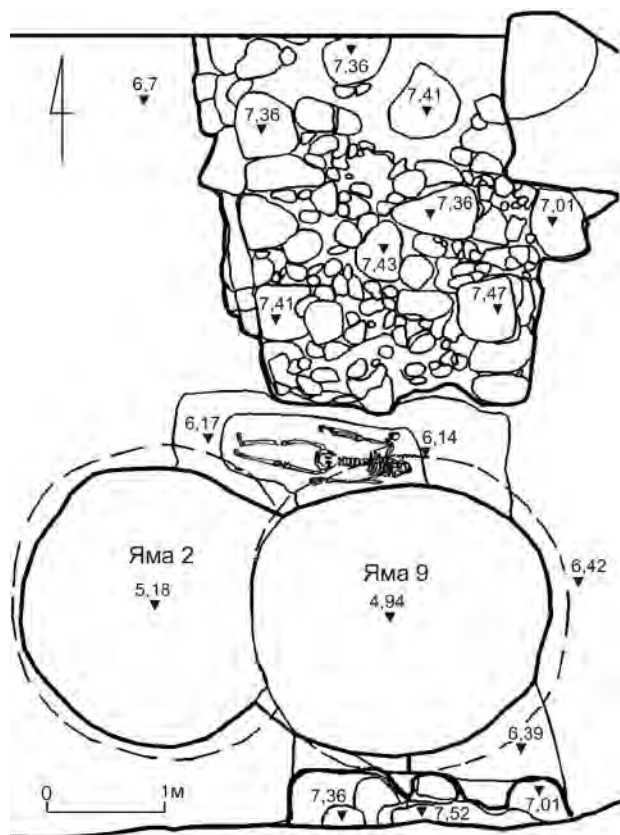

Рис. 1 Мирмекий. План участка «М» с разобранной частью оборонительной стены Б, погребением 12 и ямами 2 и 9

Fig. 1 Myrmekion. Plan of area “M” with the excavated part of defensive wall B, burial 12 and pits 2 and 9

Возможно, выше стена состояла из сырцовых кирпичей, хотя фортификационные сооружения богатого камнем Керченского полуострова в это время возводились из каменных блоков на более значительную высоту, как это видно, например, по близлежащей стене А. Скорее всего, верхняя часть стены Б была разобрана до или во время строительства оборонительной стены А, а материал был использован для ее сооружения. Не исключено, что из-за спешки ее разобрали только до уровня почвы, иначе, вероятно, успели бы вынуть и камни основания. Часть стены, раскрытая в ходе работ В. Ф. Гайдукевича, состоит из двух панцирей и внутренней забутовки на глинистом растворе, однако участок, открытый недавно, выглядит иначе. От стены здесь остались только забутовка и несколько камней, имевших отношение к внешним фасадам. Причины такой ситуации не совсем ясны, возможно, это связано с особенностями выборки кладки этой части куртины.

Рис. 2. Мирмекий. Кладка оборонительной стены Б в районе котлована ямы 9. Вид с юга

Fig. 2. Myrmekion. Masonry of defensive wall B in the area of pit 9. View from south

Открытая часть стены составляла в длину 5,8 м, ее максимальная ширина — 2,6 м. Размеры камней внешних панцирей — до 0,60 × 0,45 × 0,40 м (рис. 2), забутовки — до 0,76 × 0,50 × 0,40 м. И у восточного, и у западного фаса, там, где он читается, сохранилось до трех рядов камней. Кладка максимально зафиксирована на высоту 0,89 м. При ее расчистке обнаружены фрагменты хиосской пухлогорлой и синопской амфор. Прочие керамические материалы немногочисленны, но среди них присутствуют обломки краснолаковой и буролаковой посуды, а также «мегарской» чаши с рельефным орнаментом, который можно отнести ко II в. до н. э. (Rotroff, 1982. P. 90, № 391). Наличие материалов эллинистического и даже римского времени неудивительно, так как последние могли попасть сюда после разрушения стены, а также в ходе ее выборки.

При расчистке стены Б выяснилось, что под ее основание уходят пятна от котлованов ям. В связи с тем, что камни из кладки стены фактически

являются развалом забутовки, для уточнения времени сооружения куртины было принято решение об их частичном снятии на участке размерами 3,1 × 2,5 м. При этом были найдены фрагменты синопских, мендейских и южнопонтийской амфор, а также мелкие обломки краснолаковых сосудов и стенка чернолаковой чаши с росписью в виде лепестков, относящаяся к III–II вв. до н. э. (Rotroff, 1997. P. 327, № 835). Таким образом, материал, полученный при удалении кладки, в целом не отличается от того, который был найден при ее расчистке. Стоит отметить, что в ходе разборки стены был обнаружен включенный в состав ее кладки каменный якорь.

Снятие части стены Б позволило исследовать несколько объектов. Наиболее ранним из них, обнаруженным непосредственно под кладкой стены, было погребение 12 второй половины VI в. до н. э. Можно вспомнить, что уже в 2017 г. была открыта часть погребения 1, также ушедшего под кладку стены Б, а в 2019 г. — погребение 11 под кладкой стены А. Теперь нет особых сомнений, что датировка этих безынвентарных захоронений соответствует погребению 12 (Буत्याгин, Колосов, 2018. С. 18; Butyagin, 2022. P. 199). Становится очевидным, что оборонительные стены были построены над архаическим некрополем Мирмекия гораздо позднее прекращения его функционирования.

Намного интереснее глубокие ямы М-2 и 9/2019³, первая из которых, восточной частью слегка ушедшая под стену, была прорезана второй, расположенной непосредственно под кладкой стены Б. Не исключено, что именно неплотное заполнение этих ям привело к тому, что возведенная над ними кладка стены стала стремительно проседать и разрушаться. В итоге это могло привести даже к перестройке всего участка фортификации. Рассмотрим эти ямы более подробно, так как обнаруженный там материал должен был попасть в заполнение до строительства оборонительной стены Б и связанных с ней сооружений.

Яма 2 находилась с внутренней (западной) стороны оборонительной стены, частично уходя под камни забутовки (рис. 3). Яма имеет в разрезе цилиндрическую форму с небольшим расширением в придонной части. Размеры ее устья 2,47 × 2,30 м, максимальная глубина — 1,4 м. При выборке заполнения в виде темно-серого суглинка на глубине 0,9 м зафиксирована горизонтально лежащая светло-серая прослойка. За-

Рис. 3. Мирмекий. Яма 2. Вид с юга. Справа — камни оборонительной стены Б

Fig. 3. Myrmekion. Pit 2. View from south. To the right — stone blocks of defensive wall B

полнение выше и ниже прослойки выбиралось отдельно. В нижнем слое обнаружено значительное число фрагментов амфор Гераклеи, Синопы, Лесбоса и Хиоса и в меньшем количестве — амфор Коса, Херсонеса и Родоса. Как видно, амфорный материал имеет раннюю примесь, характерную для всего участка, на котором располагался архаический некрополь. Такой набор позволяет считать, что формирование заполнения происходило в пределах III в. до н. э., о чем говорит наличие амфор Синопы и Родоса. Единственное более раннее амфорное клеймо, обнаруженное в этой части заполнения, принадлежит гераклеяскому магистрату Молоссу (Федосеев, 2016. С. 91–93, № 677, 680–681, 686–691, 701), которого В. И. Кац относит к ПБ, а Н. Ф. Федосеев — к ПА магистратским группам (Кац, 2007. С. 429, 431; Федосеев, 2016. С. 91)⁴ (рис. 4, 1), то есть в любом случае клеймо датируется временем около 380–370 гг. до н. э. Остальной керамический материал не так выразителен. Здесь присутствуют фрагменты ионийской, коринфской, чернофигурной и архаической краснолаковой керамики, маркирующие разрушение слоя раннего некрополя. Кроме того, найдены обломки краснофигурных и чернолаковых сосудов классического и раннеэллинистического времени. На более точную дату прекращения функционирования ямы указывает материал из верхней части заполнения. Из слоя выше прослойки происходят фрагменты амфор Гераклеи, Синопы и Хиоса. Как видно, материал из верхней

³ В дальнейшем «яма 2» и «яма 9».

⁴ Полевой номер М.2019-388.

Рис. 4. Мирмекий. Фрагменты амфор с клеймами: 1 — из верхних горизонтов ямы 2; 2–4 — из нижних горизонтов ямы 2; 5, 6 — из ямы 9

Fig. 4. Myrmekeion. Amphora fragments with stamps: 1 — from upper horizons of pit 2; 2–4 — from lower horizons of pit 2; 5, 6 — from pit 9

и нижней частей заполнения ямы примерно однороден.

Особый интерес представляют амфорные клейма. Одно из них принадлежит гераклеяскому фабриканту Теогену и, судя по определению Н. Ф. Федосеева, магистрату Айферу. Он относит его к ПБ группе и датирует 370-ми гг. до н. э. (Федосеев, 2016. С. 170, № 1552)⁵ (рис. 4, 2),

тогда как В. И. Кац — 380-ми гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429, 431). Так или иначе, клеймо относится к более раннему периоду и не может уточнить дату верхней части заполнения ямы. Интересны происходящие отсюда два синопских клейма⁶, сохранность которых, к сожалению, затрудняет их точное определение. От первого клейма сохранилась только правая часть с пятью буквами

⁵ Полевой номер М.2019-299.

⁶ Полевые номера М.2019-361, 472.

...NH ...NOΣ и эмблемой в виде головы Гермеса вправо (рис. 4, 3). Она встречается только у астинома Аристобула, относящегося ко II группе, по Н. Коновичи, и IIIA MXГ, по В. И. Кацу (*Conovici*, 1998. P. 162, № 635; *Кац*, 2015. № 1088, 1089). Н. Ф. Федосеев относил деятельность этого магистрата к 344 г. до н. э., что кажется весьма заниженной датой (*Fedoseev*, 1999. P. 31). В. И. Кац указывает, что более верно датировать ее 310-ми гг. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 434). Вместе с тем фрагмент надписи, сохранившийся на клейме, никак не позволяет связать его с магистратами II группы, только если мы не имеем дело с ошибкой в написании имени фабриканта Невмения, что представляется маловероятным. Единственный пример завершения строки на ...νη в синопских клеймах встречается у магистрата Деметрия 2 Феогнета при сокращении его патронимика (*Кац*, 2015. № 1125). Деятельность Деметрия 2 отнесена Н. Ф. Федосеевым к 299 г. до н. э., но такая датировка представляется слишком заниженной (*Fedoseev*, 1999. P. 31). Н. Коновичи относит Деметрия 2 к IV MXГ, И. Гарлан — к VA MXГ, а В. И. Кац — к VC MXГ и датирует его деятельность 280–250 гг. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 435, 439). Однако у этого магистрата на известных клеймах встречается только один тип эмблемы — канфар, поэтому такое определение также не может считаться окончательным.

Второе клеймо сильно потерто, и в нем практически не сохранились буквы, но в правой части имеется эмблема — канфар, левее которого, как кажется, просматривается горизонтально расположенная палица Геракла (рис. 4, 4). Такое сочетание эмблем встречается редко, но имеющиеся примеры не соответствуют данному расположению и виду эмблем. Анализируя детали изображения, можно высказать осторожное предположение о сходстве канфара на изучаемом клейме с канфарами магистратов Гестиея I, Донисия 3 и Антипатра 2 (*Garlan, Kara*, 2004. P. 159, 167, 212, 213, № 224, 254, 451–453). Указанные магистраты относятся к группам VA и VIC, по И. Гарлану, или VA–B и VII MГ, по В. И. Кацу (*Кац*, 2007. С. 435, 436, 439, 440). Хронологический разброс датировок соответствует 280–190-м гг. до н. э., что в целом указывает на III в. до н. э. Остальной материал не может уточнить эту дату. Он содержит примесь ранней чернолаковой, ионийской и краснофигурной керамики, а также небольшое количество мелких фрагментов буролаковых и краснолаковых сосудов.

Таким образом, материал, полученный при расчистке и разборке кладки в целом указывает

Рис. 5. Мирмекий. Ямы 2, 9 и фрагмент оборонительной стены Б. Вид с запада

Fig. 5. Myrmekion. Pits 2 and 9 and a fragment of defensive wall B. View from west

на III в. до н. э., однако не позволяет уточнить время сооружения южной куртины оборонительной стены.

Ключевым в этом вопросе является материал из заполнения ямы 9, которая прорезала яму 2 с запада и, соответственно, является самым поздним комплексом из обнаруженных под кладкой стены Б (рис. 5). Нет никаких сомнений в том, что в ходе строительных работ она возведена поверх засыпанной ямы 9. Форма ее не отличалась от таковой ямы 2. Устье имело размеры 2,70 × 2,35 м, максимальная глубина составляла 1,68 м. При выборке заполнения в виде темно-серого суглинка были обнаружены фрагменты костей человека, вероятно, происходящие из частично разрушенного ямой погребения 12 или каких-то других могил архаического некрополя.

Материал из заполнения ямы 9 чрезвычайно богат различными типами находок. Можно отметить несколько фрагментов ионийских сосудов, но в целом примесь раннего материала невелика. Следует обратить внимание на фрагменты «мегарских» чаш, буролаковой и эллинистической краснолаковой керамики, а также синопских лутериев, которые однозначно указывают на то, что формирование заполнения ямы происходило в эллинистический период. Об этом также говорит находка здесь девяти фрагментов терракотовых статуэток, которые, судя по типам, относятся к тому же времени. Редкими артефактами являются бронзовый стилос, обломок резного костяного стержня и фрагменты расписной штукатурки. Особенно важными для датировки комплекса являются профильные части амфор Гераклеи, Синопы, Лесбоса и Хиоса, а также единичные

фрагменты косских, книдских и родосских амфор. Такая выборка не слишком отличается от находок из ямы 2, особенно ее нижнего горизонта, что говорит о сооружении и функционировании ям в достаточно близкое время.

Самыми важными для уточнения датировки данного комплекса являются два фрагмента ручек синопских амфор с клеймами достаточно хорошей сохранности⁷.

Первое клеймо принадлежит магистрату Фемию 3, сыну Теопейта, относящемуся к VIC2 группе, по И. Гарлану (*Garlan, Kara, 2004. P. 217, № 473*), VIC MG, по В. И. Кацу (*Кац, 2007. С. 440*), и VC, по Н. Коновичи (*Conovici, 1998. P. 141, 142*) (рис. 4, 5). Н. Ф. Федосеев датировал его деятельность 217 г. до н. э. (*Fedoseev, 1999. P. 34*), а В. И. Кац склоняется к 250–215 гг. до н. э. (*Кац, 2007. С. 435*).

Второе клеймо принадлежит магистрату Мнесику 2, сыну Аристея, относящемуся к VIE группе, по И. Гарлану⁸ (*Garlan, Kara, 2004. P. 245, 246, № 592–594*), Ve группе, по Н. Коновичи (*Conovici, 1998. P. 155, № 597*), и VIIA MG, по В. И. Кацу (*Кац, 2007. С. 441*) (рис. 4, 6). Последнее особенно важно, так как В. И. Кац датирует деятельность VII магистратской группы 215–190 гг. до н. э. (*Там же. С. 436*). Таким образом, это клеймо является позднейшим среди находок в яме 9 и дает *terminus post quem* для строительства южной куртины оборонительной стены на участке «М». Это событие не могло произойти раньше 215 г. до н. э. Учитывая, что клеймо попало в яму через некоторое время после производства, а та, в свою очередь, должна была быть засыпана до начала строительства куртины⁹, таковое можно отнести к концу III или рубежу III–II вв. до н. э.

В итоге анализ материала, обнаруженного в заполнении ямы 9, прежде всего амфорные клейма, однозначно свидетельствует о том, что южная куртина оборонительной стены Б не могла быть сооружена раньше конца III в. до н. э. Соответственно перекрывающая ее стена А могла быть построена не ранее начала II в. до н. э. В связи

с этим актуализируется вопрос о предполагаемой одновременности строительства северной и южной куртин стены Б, которую обосновывали разницей в качестве их кладки. Если они строились более или менее одновременно, то полученную дату можно распространить на всю стену Б и, соответственно, на весь восточный участок фортификации Мирмекия.

Решению этого вопроса может помочь наблюдение, сделанное в ходе работ 2022 г. Продолжая исследование трасс оборонительных стен в южном направлении, экспедиции Гос. Эрмитажа удалось открыть остатки ворот города. Это первый случай, когда подобный объект был уверенно зафиксирован в ходе раскопок Мирмекия. Несмотря на то что ворота пострадали в результате выборки камня, очень хорошо сохранилась их северная часть, являющаяся торцом южной куртины стены Б. Внутренняя часть ее у ворот представляет собой такую же небрежную наброску камней разных размеров, которая была зафиксирована при работах 2019 г. Однако со стороны проема ворот и прилегающей к нему части внутреннего фаса стены сохранились прекрасно обработанные прямоугольные каменные блоки. Качество кладки оказалось настолько хорошим, что первоначально этот объект рассматривался как часть каменного алтаря. В результате можно считать доказанным, что на довольно протяженном участке от южной куртины стены Б осталась только забутовка, а хорошо обработанные и пригнанные камни фасов были выбраны и, вероятно, использованы для строительства стены А. Возможно, чуть более небрежный характер сооружения южной куртины был связан с необходимостью ее быстрейшего возведения, но, судя по всему, нельзя говорить о капитальном отличии кладки северной и южной куртин.

На основании всего изложенного можно сделать следующие выводы. В конце III или на рубеже III–II вв. до н. э. в восточной части Мирмекия возводится стена Б с прямоугольной башней. Строительство, видимо, проводилось в условиях возможного вражеского нападения, в связи с чем вся стена или ее приморская часть сооружалась в ускоренном порядке. Это проявилось в некоторой небрежности кладки и возведении ее прямо над котлованами крупных ям, что должно было неминуемо привести к проседанию камней. Через некоторое время, возможно, недолгое, стена Б была разобрана, и отчасти из полученных строительных материалов поверх нее строится новая стена А. Не исключено, что необходимость в этом

⁷ Полевые номера М.2019-799–800.

⁸ В таблице В. И. Каца ошибочно указана VID группа (*Кац, 2007. С. 441*).

⁹ Возможно, могло пройти еще какое-то время, так как строители не постарались проложить мягкий грунт котлована дополнительным рядом камней, чтобы не допустить проседания кладки. Между тем такая практика характерна для строительства в Мирмекии на всём протяжении существования поселения.

появилась в связи с разрушением или опасностью обрушения южной куртины стены Б. Постройка стены А может быть отнесена ко времени не ранее начала II в. до н. э., хотя это могло произойти и много позднее.

Строительство этого участка оборонительной линии Мирмекия никак не могло произойти одновременно с сооружением ее северного отрезка, открытого на участке «Б» и датированного

разными исследователями в пределах конца V — IV в. до н. э. (Пругло, 1960. С. 269; Гайдукевич, 1987. С. 153; Толстиков, 1981. С. 31; Иванов, 2005. С. 173–176; Чистов, 2009. С. 46, 47). Маловероятно, чтобы город оставался неукрепленным с восточной стороны более столетия. Можно предполагать, что его восточная оборонительная стена в этот период проходила где-то в другом месте.

- Бутягин, 2006 — Бутягин А. М. Акрополь Мирмекия в свете археологических исследований // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2006. Вып. XIII. С. 16–30.
- Бутягин, Колосов, 2018 — Бутягин А. М., Колосов В. П. Новый участок архаического некрополя Мирмекия (предварительное сообщение) // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2018. Вып. 16. С. 15–23.
- Виноградов, 1992 — Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992. С. 99–120.
- Гайдукевич, 1952 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). Т. I: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. С. 135–222.
- Гайдукевич, 1987 — Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 184 с.
- Иванов, 2005 — Иванов В. М. Греческая фортификация Северного Причерноморья VI — первой половины I в. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: б. и., 2005. 344 с. + прил. (304 с.).
- Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2007. Вып. XVIII. 480 с.
- Кац, 2015 — Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Каталог. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 180 с.
- Пругло, 1960 — Пругло В. И. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. // Записки Одесского археологического общества. Одесса: Одесское книжное изд-во, 1960. Т. 1 (34). С. 266–274.
- Толстиков, 1981 — Толстиков В. П. Фортификация античного Боспора. Приложение I: Дис. ... канд. ист. наук. М.: б. и., 1981. 181 с. + прил. I (175 с.) + прил. II (108 с.).
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: [Каталог]. Керчь: Соло-Рич, 2016. Т. II: Гераклея Понтийская. 319 с.
- Чистов, 2009 — Чистов Д. Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени (середина V в. до н. э. — начало III в. до н. э.): Дис. ... канд. ист. наук / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2009. 250 с.
- Чистов, 2010 — Чистов Д. Е. Оборонительные сооружения Мирмекия IV–III вв. до н. э.: планы XIX в. и результаты археологических исследований // Поля Дюбрюкс. Собрание сочинений / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина; подготовка текстов: И. В. Тункина, Н. Л. Сухачёв; пер. с фр. яз.: Н. Л. Сухачёв. СПб.: Коло, 2010. Т. 1. С. 454–458.
- Butyagin, 2022 — Butyagin A. The Archaic necropolis of Myrmekion // Connecting the Ancient West and East. Louven: Peeters, 2022. Vol. I. P. 195–204.
- Conovici, 1998 — Conovici N. Histria. Les resultats des fouilles, VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. Bucarest; Paris: Ed. Enciclopedica; Diffusion de Boccard, 1998. 206 p.
- Fedoseev, 1999 — Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire: Actes du Colloque international d'Istanbul, 25–28 mai 1994 Aix-en-Provence. Provence: Université de Provence, 1999. P. 27–48.
- Garlan, Kara, 2004 — Garlan Y., Kara H. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Varia Anatolica XVI. Paris: De Boccard, 2004. 378 p.
- Rotroff, 1982 — Rotroff S. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1982 (The Athenian Agora; Vol. XXII). 136 p., 99 pl.
- Rotroff, 1997 — Rotroff S. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1997 (The Athenian Agora; Vol. XXIX). Pt. 1: Text. 575 p. Pt. 2: Catalogue. 148 pl.

To the problem of dating the eastern section of the defensive system of Myrmekion

A. M. Butyagin, V. P. Kolosov¹⁰

Keywords: Myrmekion, Hellenism, fortification, amphora stamps.

The fortification system of Myrmekion arisen in the 6th cen. BC initially defended only the western sector of the settlement. The later defensives were found near the northern and eastern boundaries of the site at areas “Б” and “М”. In 1937–1938, a wall and a tower of the 4th cen. BC were revealed at area “Б”. In 1957–1958, traces of defensive walls of two periods were recorded at area “М” — remains of an earlier wall (Б) and of a later wall (А). According to various estimates, wall Б was built in the period from the last quarter of the 5th cen. BC to the end of the first half of the 4th cen. BC. The southern curtain of wall Б is rather less carefully built. This fact suggested that it was reconstructed in ca 4th cen. BC.

In the course of the explorations of 2017–2022, a section of wall Б with unexcavated earlier remains of the city’s gate was investigated. In the course of excavation of the southern curtain, two household pits (М-2/2019, М-9/2019) were investigated. They were continuing under the masonry of the wall (Fig. 1–3, 5). The fill of the pits contained numerous pottery of the 3rd cen. BC including several fragments of Sinopean amphorae with stamps of 215–190 BC (Fig. 4, 5, 6).

It has been thus established that wall Б was built in the late 3rd or at the turn between the 3rd and 2nd cen. BC. The erection of wall А is datable to the period not earlier than the beginning of the 2nd cen. BC. The supposition about a later reconstruction of the southern curtain of wall Б was not corroborated in the course of the excavations: no traces of an earlier curtain have been discovered, while the carelessness of the masonry is probably explainable by the hastiness of the construction.

---

¹⁰ Alexander M. Butyagin, Vladimir P. Kolosov — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: butyagin@gmail.com, tepavi@yandex.ru.

К вопросу о характере и хронологии эллинского святилища IV — начала III в. до н. э. на Елизаветовском городище

А. Н. Коваленко¹

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов дома 36 — эллинского святилища IV — начала III в. до н. э., раскопанного в 2004–2013 гг. на территории Елизаветовского городища в дельте Дона. Акцентируются некоторые новые аспекты в изучении этого комплекса и приводятся ранее не публиковавшиеся данные, свидетельствующие о культовом характере данного сооружения. На основании результатов анализа стратиграфии и амфорных клейм уточняется время гибели святилища. В качестве наиболее вероятной даты этого события предлагается считать 80-е гг. III в. до н. э.

Ключевые слова: Елизаветовское городище, Большая греческая колония, скифо-античное время, эллинское святилище, дом 36, культовый комплекс, хронология, стратиграфия, греческий керамический импорт.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-309-319

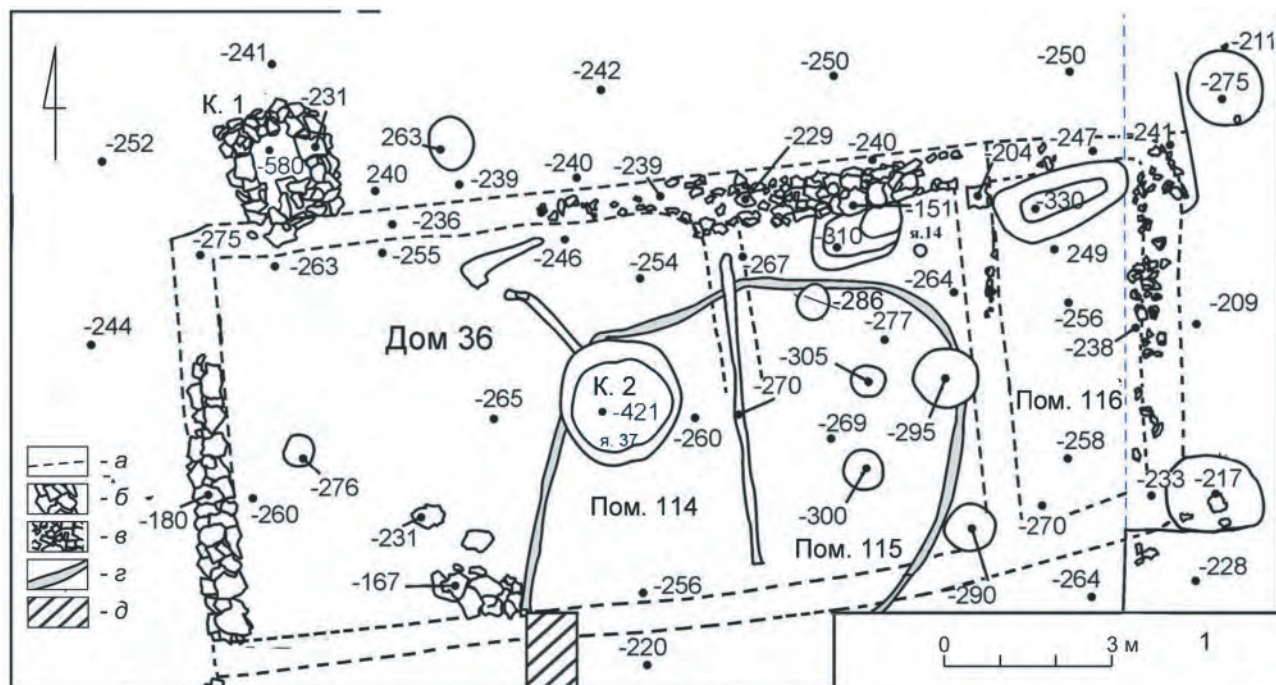
Остатки дома 36 (рис. 1, 1), очевидно, являвшегося святилищем, — одно из наиболее важных открытий последних лет на территории Елизаветовского городища в дельте Дона. Хотя материалы этого комплекса частично уже вводились в научный оборот (Копылов В., Коваленко, 2012. С. 96–100; Копылов В., 2015. С. 121–134; Копылов В., Копылов А., 2017. С. 139–148; Коваленко, 2022а. С. 319–336), в этой статье нам хотелось бы обратить внимание на некоторые новые аспекты в его изучении. В частности, одним из наиболее важных и принципиальных вопросов, связанных с изучением данного объекта, является уточнение времени его функционирования и, что особенно важно, его гибели.

В связи с этим следует отметить некоторые особенности открытого комплекса, который функционировал в северной, наиболее возвышенной и, несомненно, престижной, части поселения. Данное сооружение имело прямоугольную в плане форму и значительные размеры, длинной осью оно было ориентировано в направлении запад–восток. Его площадь составляла около 100 кв. м, а внутренние помещения существенно

различались по размерным показателям. Судя по результатам археологического изучения дома 36, он имел сырцовые стены, возведенные на высоком каменном цоколе, а его нижняя часть была заглублена в культурный слой городища и материк. Значительное количество фрагментов черепицы, обнаруженных в районе этого комплекса, часть которых была окрашена в красный цвет, позволяет предполагать, что он мог иметь черепичную крышу (Копылов В., 2015. С. 122; Коваленко, 2022б. С. 215, 218). На момент открытия дома 36 от его цокольной части сохранились лишь несколько фрагментов каменного основания западной и северной стен (рис. 1, 2, 3). В то же время стратиграфические наблюдения показывают, что на месте остальных каменных стен фиксируются достаточно глубокие траншеи-выборки (рис. 1, 4, 5), которые, несомненно, образовались уже после того, как строительный комплекс был разрушен. При этом отметим, что верхняя часть этих выборок, как и вся территория над остатками дома на уровне горизонта, содержавшего остатки Большой греческой колонии, была перекрыта однородным глинисто-гумусным слоем слабослоистой структуры, своего рода трамбовкой, практически не содержавшей археологических находок, из-за чего трассы выборок стен дома 36 на уровне горизонта строительных остатков Большой греческой колонии в плане

¹ Южный федеральный университет; ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

© Коваленко А. Н., 2023.

Рис. 1. Елизаветовское городище. Северная часть, раскоп XXXIV. Остатки дома 36: 1 — план (а — условные границы стен, камень из которых был выбран в древности; б — крупные камни; в — мелкие камни; г — светло-серая лессовидная супесь; д — современная бетонная опора для металлической стойки ангара; Пом. — помещение; К. — колодец; я. — яма); 2, 3 — фрагменты каменного основания стен (2 — западной, вид с востока; 3 — северной, вид с юга); 4, 5 — стратиграфические разрезы (4 — вид с юго-запада; 5 — вид с юго-востока)

Fig. 1. Elizavetovskoye fortified site. Northern section, Excavation XXXIV. Remains of house 36: 1 — plan (а — presumable limits of the walls from where stone was extracted in antiquity; б — large stone blocks; в — small stones; г — light-grey loess-like sandy loam; д — modern concrete support of a metal hangar pylon; Пом. — room; К. — well; я. — pit); 2, 3 — fragments of the stone foundations of the walls (2 — western, view from east; 3 — northern, view from south); 4, 5 — stratigraphic sections (4 — view from south-west; 5 — view from south-east)

не читались. И если утрата каменных цоколей большинства строений этой колонии, как правило, связывается с деятельностью местного населения Нового и Новейшего времени, которое в условиях отсутствия в дельте Дона естественных выходов камня разбирало для строительных нужд камень из древних цоколей, находившихся практически на уровне современной дневной поверхности или близко к нему, то в отношении дома 36, перекрытого слоем трамбовки, мы можем уверенно связывать выборку камня из стен святилища с населением Большой греческой колонии первой трети III в. до н. э.

Исследования позволили установить, что комплекс состоял из трех помещений разных размеров (рис. 1, 1). Нижняя часть внутреннего пространства центрального (115) и восточного (116) помещений святилища была заполнена расплывшимися остатками сырцовых стен (рис. 1, 1, 4, 5), и, по сути, эти два помещения представляют собой закрытые комплексы. Помещение 116, наименьшее по размерам, под завалами стен и на уровне пола содержало большое количество предметов культа, среди которых присутствуют неоднократно уже опубликованные терракотовые статуэтки Кибелы (рис. 2, 2), Диониса (рис. 2, 1), Аттиса (рис. 2, 3), две женские статуэтки (рис. 2, 4, 5), а также металлическую пластину с изображением Деметры (рис. 2, 6). Весь пол помещения был покрыт тонким слоем сажи, образовавшимся вследствие мощного пожара, который, очевидно, и привел к обрушению стен и кровли. На полу в южной части этого помещения находились остатки сильно обгоревшего скелета человека — молодой женщины (25–30 лет)², расположенной в положении на спине, голова лежала на красноглиняном лутерии (рис. 2, 10). В других помещениях комплекса следов пожара не было. К сожалению, археологические находки из нижней части заполнения помещений, заваленных сырцом, среди которых наиболее важными для датировки являются чернолаковые канфар (рис. 2, 9) и миска (рис. 2, 8), а также сильно пережженная амфора (рис. 2, 7), не позволяют определить дату гибели комплекса так узко, как это, например, можно было бы сделать на основании керамических клейм.

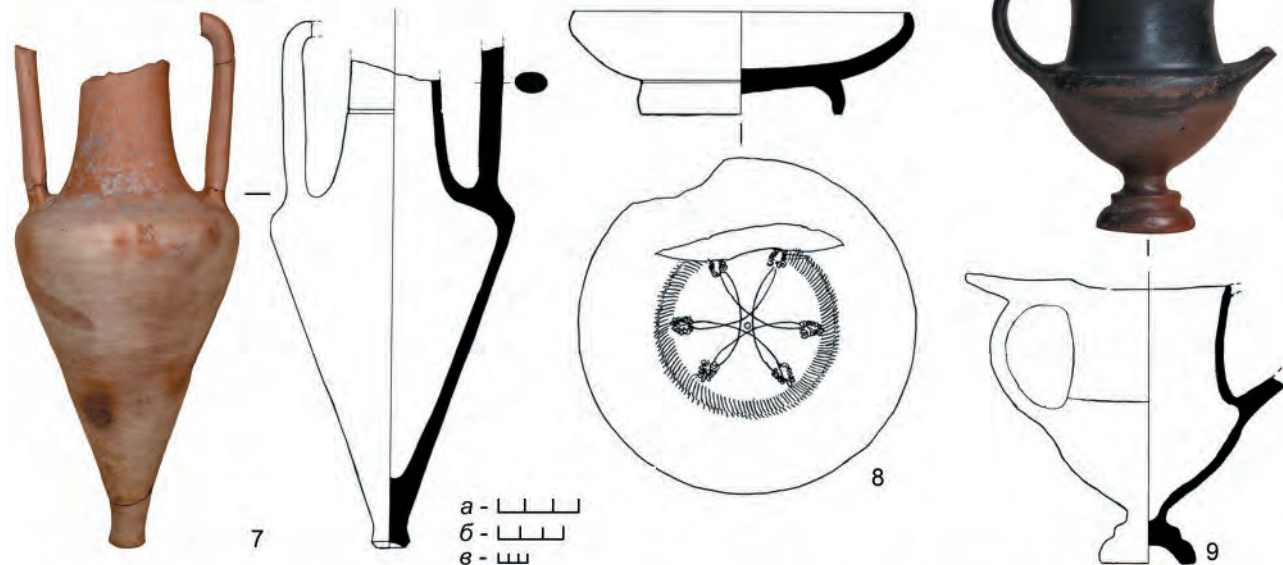
Особый интерес в связи с этим представляет третье, самое большое по размерам, западное

² Антропологическое определение выполнено канд. биол. наук. старшим научным сотрудником Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника Е. Ф. Батиевой.

помещение святилища (114), с совершенно иной стратиграфией по сравнению с двумя другими помещениями, имевшими сырцовое заполнение во внутренней части (рис. 1, 4, 5). Заполнение помещения 114 включало в себя золистые, пепельно-золистые и сырцово-золистые слои и прослойки. В западной части помещения золистые отложения, расположенные в нижней части стратиграфической колонки, содержали значительное количество рыбьих костей и чешуи. Таким образом, характер заполнения внутренней части помещения 114, зафиксированной под однородным слоем трамбовки, имеет все признаки единовременной засыпки котлована мусорным слоем городища. Это заполнение в нижней части имело значительную концентрацию находок, в том числе и в виде скоплений керамики на уровне пола помещения, а в восточной части был открыт глубокий колодец округлой в плане формы (рис. 1, 1; 3, 6). Большая часть объема колодца была плотно забита крупными камнями, которые в виде большого скопления возвышались также и над уровнем пола помещения, где полностью перекрывали границы колодца (рис. 3, 1–5). Представляется очевидным, что закладка колодца камнями, своего рода его консервация, была произведена целенаправленно и, вероятно, должна была, помимо прочего, предотвратить последующее проседание грунта над этим объектом. Заполнение колодца содержало небольшое количество находок, и очень важным для датировки этого комплекса является находка в верхней части его заполнения горла гераклеийской амфоры с двустрочным клеймом конца IV — первой четверти III в. до н. э. (рис. 3, 7), относящимся к поздней фабрикантской группе (Монахов, 1999. С. 488, 490, табл. 208, 21; Федосеев, 2016. С. 220, 221, № 2055–2058). Особого внимания заслуживают находки, обнаруженные в нижней части заполнения колодца. Помимо фрагментов костей крупного и мелкого рогатого скота и лошади, которые несут на себе следы разделки и обработки на открытом пламени, что может косвенно свидетельствовать о кухонном характере происхождения данных фрагментов, а также нескольких фрагментов костей рыб, привлекает внимание находка скелетов трех домашних собак³. По результатам остеологического анализа было установлено, что скелеты принадлежали трем разновозрастным особям: первой, наименьшей по размерам, — не более

³ Определения и анализ остеологического материала выполнены А. А. Антоновой.

полугода (половую принадлежность определить не удалось); второй, с относительно маленьким черепом, — полутора-двух лет (половая принадлежность также оказалась неопределима), ростом в холке примерно 47 см, что укладывается в параметры самцов и самок собак, по размерам сопоставимых с лайками; третьей — взрослому кобелю ростом в холке 54 см, но также в пределах размеров, сопоставимых с лайками. Отметим, что все особи, обнаруженные в колодце, являются достаточно молодыми и умерли не от старости.

Помимо костей животных здесь же, под камнями в нижней части заполнения колодца, был обнаружен и сильно фрагментированный череп человека, при этом другие кости человеческого скелета в заполнении колодца отсутствуют. Следует отметить достаточно плохую сохранность всех костей из нижней части заполнения колодца вследствие их длительного пребывания в воде. Наличие скелетов собак и черепа человека в данном колодце представляется неслучайным и, вероятно, указывает на сакральный характер данного объекта. Скелеты и кости собак были найдены на многих разновременных памятниках Северного Причерноморья, в том числе на Боспоре (Журавлев и др., 2020. С. 103–105), а также на городищах скифского времени украинской лесостепи (Бельское, Кнышовское, Царина могила, Пожарная Балка и т. д.), где скелеты и черепа собак были обнаружены вместе с человеческими черепами и отдельными костями. При этом в теле одной из этих собак был обнаружен наконечник стрелы, красноречиво говорящий о причине ее смерти, у другой собаки была свернута шея, что может свидетельствовать о жертвенном назначении этих комплексов. Серия подобных находок недавно была собрана и тщательно проанализирована М. Н. Дараган и П. А. Гавриш (Daragan, Gavrish, 2017. С. 307–312).

Крайне важными для определения даты гибели дома 36 представляются находки амфорного материала, в том числе клейм, обнаруженных в заполнении помещений 114 и 115.

В заполнении помещения 114, особенно в нижней его части, была обнаружена целая серия амфорных клейм и их фрагментов, среди которых

присутствует продукция Гераклеи (рис. 4, 1–7), Синопы (рис. 4, 11–20), Фасоса (рис. 4, 10), Херсонеса (рис. 4, 9) и лигатурное клеймо Аканфа (рис. 4, 8) (ближайшая аналогия этому клейму: Ефремов и др., 2023. С. 85, рис. 1, 12). Среди гераклейских клейм присутствуют экземпляры, относящиеся к разным хронологическим отрезкам, от конца второй и третьей четвертей IV в. до н. э. до конца IV — первой четверти III в. до н. э. Сохранность фасосского клейма (рис. 4, 10), обнаруженного в помещении 114, пока не позволяет точно установить его узкую дату. Что же касается херсонесского желобчатого клейма (рис. 4, 9), от которого сохранился лишь небольшой фрагмент, то можно предположить, что оно содержит имя одного из магистратов I хронологической группы по классификации В. И. Каца, вероятно, это Kraton или Nanon (Кац, 1994. С. 50, 51), деятельность которых приходится на последнюю четверть IV в. до н. э. (Там же. С. 76). Обращает на себя внимание и присутствие в нижней части заполнения помещения 114 фрагментов двуствольных ручек косских амфор, наиболее часто встречающихся на городище в слоях Большой греческой колонии.

Наиболее важной для установления даты гибели и засыпки комплекса является значительная серия синопских клейм, найденных в этом помещении, которые датируются достаточно узко: в пределах 90–80-х гг. III в. до н. э. В частности, среди них присутствует фрагмент трехстрочного клейма магистрата Mikrias, эмблема «конь» (рис. 4, 16). Отметим, что на территории Елизаветовского городища клеймо данного магистрата было обнаружено в 1988 г. при исследовании подвала одного из домов так называемого греческого квартала (Монахов, 1999. С. 484–487, табл. 207, 1). По мнению С. Ю. Монахова, дата клейма из подвала может быть уверенно соотнесена с 90–80-ми гг. III в. до н. э. (Там же. С. 484), а большая часть амфорного материала из этого комплекса относится к 80-м гг. этого столетия (Там же. С. 487). Клейма данного магистрата, выполненные подобным штампом, включены И. Гарланом в подгруппу C IV магистратской группы (Garlan, 2004. P. 147, 148, № 169–175). В. И. Кац считает

Рис. 2. Елизаветовское городище, дом 36, помещение 116, находки: 1–5 — терракотовые статуэтки; 6 — металлическая пластина; 7 — амфора; 8, 9 — чернолаковые сосуды (8 — миска; 9 — канфар); 10 — останки обгоревшего скелета человека, обнаруженные на уровне пола в южной части. Масштаб: а — для 1–6; б — для 8, 9; в — для 7

Fig. 2. Elizavetovskoye fortified site, house 36, room 116: 1–5 — terracotta statuettes; 6 — metal plate; 7 — amphora; 8, 9 — black-slipped ware (8 — bowl; 9 — kantharos); 10 — remains of a burnt human skeleton found at the level of the floor in the southern area. Scale: a — 1–6; б — 8, 9; в — 7

Рис. 3. Елизаветовское городище, дом 36, помещение 114. Колодец (1–6): 1 — вид с юго-запада; 2 — вид с северо-востока; 3 — каменная пробка в колодце на уровне пола, вид с юго-запада; 4 — каменная пробка колодца в разрезе; 5 — то же, вид с юга; 6 — колодец после исследования его заполнения, вид с юго-востока. 7 — горло гераклейской амфоры из колодца

Fig. 3. Elizavetovskoye fortified site, house 36, room 114. Well (1–6): 1 — view from south-west; 2 — view from north-east; 3 — stone packing in the well at the floor level, view from south-west; 4 — section of the stone packing in the well; 5 — idem, view from south; 6 — the well after excavation of its fill, view from south-east. 7 — throat of a Herakleian amphora from the well

наиболее приемлемой датой этой группы клейм 90–80-е гг. III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 278). На территории Боспора фрагмент подобного клейма был обнаружен также на хоре Горгиппии, на поселении Андреевская щель (Кац, 2015. № 2356).

На полу помещения 114 в скоплении амфорной керамики был обнаружен фрагмент клейма магистрата *Hestiaios 1*, эмблема «канфар» (рис. 4, 13), которое принадлежит к группе V А магистратских синопских клейм по классификации И. Гарлана (Garlan, 2004. Р. 158, 159). По мнению В. И. Каца, клейма данного магистрата относятся к началу V магистратской группы (Кац, 2007. С. 265) и должны датироваться 80-ми гг. III в. до н. э. Вероятно, тому же магистрату может принадлежать еще одно клеймо (рис. 4, 12), обнаруженное в том же скоплении амфорной керамики на полу помещения 114. Три синопских клейма (рис. 4, 14, 15, 19), обнаруженных в ходе исследования нижней части заполнения помещения 114, принадлежат магистрату *Attalos*, эмблема «голова» (в одном из этих клейм место расположения эмблемы отбито в древности, и она не сохранилась), которые также входят в группу V А магистратских клейм по классификации И. Гарлана (Garlan, 2004. Р. 156–158) и близки по времени магистрату *Hestiaios 1*. Очевидно, эти клейма также относятся к началу V магистратской группы и датируются 80-ми гг. III в. до н. э.

Среди находок из заполнения помещения 114 присутствует также хорошо сохранившийся экземпляр трехстрочного синопского клейма магистрата *Pasichares*, эмблема «факел» (рис. 4, 18). Клейма этого магистрата входят в IV В группу магистратских клейм по классификации И. Гарлана (*Ibid.* Р. 143–145). В. И. Кац определяет хронологические рамки подобных клейм в пределах 90–80-х гг. III в. до н. э. (Кац, 2007. С. 262, 278).

Определенный интерес вызывает двустрочное клеймо с именем *Aristoboulos* (рис. 4, 11). Точной аналогии данному клейму нам найти пока не удалось, и в его интерпретации есть определенные сомнения. Гончарное клеймо ΑΡΙΣΤΟ|ΒΟΥΛΟΥ, с надписью, выполненной в две строки, известно по каталогу Е. М. Придика (Придик, 1917. С. 110, № 191), и есть большая вероятность, что клеймо ΑΡΙΣΤΟ|ΒΟΥΛΟΣ, обнаруженное на Елизаветовском городище, содержит имя фабриканта. Также можно предположить, что данный штамп связан с синопским магистратом *Aristoboulos*, включенным И. Гарланом в состав группы III С магистратских клейм Синопы (Garlan, 2004. Р. 131, 132). В. И. Кацем данный магистрат был включен

в подгруппу А III магистратской группы (Кац, 2007. С. 434). Датой всей III группы магистратских синопских клейм В. И. Кац считал конец 20-х гг. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э. (Там же. С. 278, 434).

В заполнении помещения 114 было найдено еще два синопских клейма (рис. 4, 17, 20), от одного из которых (рис. 4, 20) сохранился лишь небольшой фрагмент, не позволяющий провести его надежную атрибуцию, а второе (рис. 4, 17) является гончарным и содержит имя ΕΡΜΩΝΟΣ с лунарной сигмой. Штамп с этим именем представлен в каталоге И. Гарлана (Garlan, 2004. Р. 181, № 314). Клейма с именем этого фабриканта встречаются на достаточно широком временном отрезке вместе с астиномами групп V В, V С и VI В классификации И. Гарлана.

Важными для датировки засыпки святилища также являются и два трехстрочных синопских клейма из заполнения помещения 115 (рис. 4, 21, 22), которые были обнаружены между завалом сырца и перекрывшим его слоем трамбовки. Одно из этих клейм содержит имя магистрата *Eucharistos*, эмблема «цветок», и фабриканта *Herakleides* (рис. 4, 21). Известно три варианта синопских клейм с именем магистрата *Eucharistos*, и для всех их среди исследователей имеются разночтения по поводу датировки. Наиболее вероятно, что оттиск, обнаруженный в помещении 115 дома 36 на Елизаветовском городище, принадлежит *Eucharistos II* (наиболее близкие аналогии: Кац, 2015. № 1173–1175). Н. Ф. Федосеев датировал такие клейма 287 г. до н. э. (Fedoseev, 1999. Р. 32), Н. Коновичи они были включены в IV группу магистратских клейм, И. Гарланом — в группу V В, а В. И. Кацем — в группу V С (Кац, 2007. С. 439). Как нам представляется, штамп, обнаруженный в святилище на Елизаветовском городище, вероятнее всего, относится к 80-м гг. III в. до н. э., тем более что магистратские клейма, содержащие имя фабриканта *Herakleides*, на протяжении длительного времени встречаются с разными астиномами IV группы (Garlan, 2004. Р. 129, 138, 140, 144, 146, 147, 149, 151, 153), а также на начальном этапе группы V, в подгруппе А (*Ibid.* Р. 155, 161) по классификации И. Гарлана, то есть деятельность этой мастерской приходится на 90–80-е гг. III в. до н. э.

Второе синопское клеймо, обнаруженное в помещении 115 дома 36, содержит штамп, принадлежащий *Hēkataios II Lamachou*, эмблема «тирс» (рис. 4, 22). Н. Ф. Федосеев датировал такие клейма 284 г. до н. э. (Fedoseev, 1999. Р. 32). Н. Коновичи они были включены в IV группу магистратских

Рис. 4. Елизаветовское городище, дом 36. Обнаруженные амфорные клейма

Fig. 4. Elizavetovskoye fortified site, house 36. Finds of amphora stamps

клейм, а И. Гарланом и В. И. Кацем — в группу V C (Кац, 2007. С. 439; Garlan, 2004. Р. 180, № 311). При том по мнению В. И. Каца наиболее приемлемой датой для клейм подобного типа являются 60-е гг. III в. до н. э. (Кац, 2015. № 1144). На наш взгляд, общий контекст находок в святилище Елизаветовского городища и их датировка все же позволяют склоняться к более ранней датировке этого клейма в рамках 80-х гг. III в. до н. э.

Ранее по поводу датировки дома 36, исследованного на Елизаветовском городище, предварительно высказывалось мнение, что его возведение может относиться еще к первой половине IV в. до н. э., а существование продолжалось до самой гибели Большой греческой колонии не позднее середины 70-х гг. III в. до н. э. (Копылов В., 2015. С. 122, 123). И если для пересмотра предложенной даты возведения данного комплекса в настоящее время достаточных оснований нет, то дополни-

тельный анализ стратиграфической ситуации и археологического материала, прежде всего синопских амфорных клейм, позволяет, на наш взгляд, уточнить время гибели и засыпки рассматриваемого строительного комплекса.

Сейчас представляется очевидным, что этот объект, функционирование которого началось еще в IV в. до н. э., продолжал свое существование и в период Большой греческой колонии, но разрушение комплекса произошло не вместе с ее финалом (этот рубеж разные исследователи определяют в хронологическом диапазоне от середины 70-х до середины 60-х гг. III в. до н. э.), а несколько ранее. Иначе сложно было бы объяснить, кто, если не жители Большой греческой колонии, забил камнями колодец, засыпал оставшийся после разрушения дома 36 котлован мусорными отложениями культурного слоя, выбрал строительный камень из стен этого сооружения,

Рис. 5. Елизаветовское городище, дом 36. Обнаруженные фрагменты терракот
 Fig. 5. Elizavetovskoye fortified site, house 36. Finds of terracotta fragments

а потом выровнял и утрамбовал территорию над ним. Наиболее вероятной датой этого события, судя по серии синопских амфорных клейм, по нашему мнению, могут быть 80-е гг. III в. до н. э.

Также обращают на себя внимание и обнаруженные в заполнении комплекса не менее восьми обломков протом богини Деметры (рис. 5, 1–8) и других терракот (рис. 5, 9–14), которые явно попали туда уже после разрушения комплекса. Все они были разбиты в древности.

Очевидно, после пожара, сопровождаемого гибелью человека, и разрушения строения, сакральный, культовый характер которого сомнений не вызывает, население Большой греческой

колонии приняло решение не восстанавливать, а засыпать его, законсервировав колодец в западной части комплекса, плотно заполнив его камнями и, очевидно, выполнив при этом какие-то ритуальные действия, о чем могут свидетельствовать находки в колодце остатков собак и человеческого черепа. Это вполне согласуется с предположением о хтонических функциях богов плодородия, почитавшихся в этом святилище (Копылов В., 2015. С. 124, 125; Коваленко, 2022а. С. 324–328).

С какими событиями связано разрушение святилища, пока остается неясным, однако можно предположить, что этот комплекс является

еще одним звеном среди строительных объектов периода Большой греческой колонии, которые на этом сравнительно небольшом хронологическом отрезке либо были перестроены, как, например, один из домов, исследованных на том же раскопе, что и святилище, а также ряд других объектов (Коваленко, 2022в. С. 238–241), либо прекратили свое существование, как подвал, ис-

следованный в западной части городища в 1988 г. Материал из этого подвала в целом также датируется первыми двумя десятилетиями III в. до н. э., а засыпка, вероятно, тоже происходит в 80-е гг. того же столетия (Монахов, 1999. С. 487). Прояснить это помогут только дальнейшие исследования, в частности, в области хронологии данных комплексов.

Ефремов и др., 2023 — Ефремов Н. В., Колесников А. Б., Болонкина Е. В. Керамические клейма Аканфа из Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время: Материалы XIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов на/Д. — Азов, 15–18 мая 2023 г.) / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. С. 83–89.

Журавлев и др., 2020 — Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. О захоронениях собак на поселении Голубицкая 2 // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2020. Т. 25. С. 98–122.

Кац, 1994 — Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1994. 170 с.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2007 (Боспорские исследования; Вып. XVIII). 478 с.

Кац, 2015 — Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище: Каталог. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2015. 180 с.

Коваленко, 2022а — Коваленко А. Н. Новые данные о религиозной жизни населения Елизаветовского городища в дельте Дона // *Stratum plus*. 2022. № 3: Между светом и тьмой. С. 319–336.

Коваленко, 2022б — Коваленко А. Н. Кровельная черепица из материалов Елизаветовского городища на Дону // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху: Сб. науч. трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова / Гл. ред. А. П. Медведев. Саратов: Амирит, 2022. С. 213–223.

Коваленко, 2022в — Коваленко А. Н. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона: трансформация взглядов и современное состояние // *АВ*. 2022. Вып. 35. С. 230–244.

Копылов В., 2015 — Копылов В. П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования. Керчь: Керченская городская типография, 2015. Вып. XXXI. С. 121–134.

Копылов В., Коваленко, 2012 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 96–100.

Копылов В., Копылов А., 2017 — Копылов В. П., Копылов А. В. Закрытые археологические комплексы катастроф в материалах Елизаветовского городища на Дону // *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013* = Крым и северное побережье Черного моря в археологических исследованиях 1956–2013 / Eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warsaw: Institute of Archaeology University of Warsaw, 2017. P. 139–148.

Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II в. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1999. 678 с.

Придик, 1917 — Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.: Типография Российской академии наук, 1917. 192 с., XVI табл.

Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Керчь: Соло-Рич, 2016. Т. II. 320 с.

Daragan, Gavrish, 2017 — Daragan M., Gavrish P. On Manifestations of the Cult of Human Skulls in the Knÿshovskoe Settlement Dating from the Scythian Period // *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2017. Vol. 23. P. 251–328.

Fedoseev, 1999 — Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1999. P. 27–48.

Garlan, 2004 — Garlan Y. (avec la collaboration de Hikmet Kara). Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Presentation et catalogue. Paris: Institut Français d'Etudes Anatoliennes Georges Dumézil, 2004 (*Corpus International des Timbres Amphoriques*; 10. *Varia Anatolica*; XVI). 310 p., LXXXII pl.

To the question about the character and chronology of the Hellenic sanctuary of the 4th — early 3rd centuries BC at the Elizavetovskoye fortified site

A. N. Kovalenko⁴

Keywords: Elizavetovskoye fortified site, Large Greek colony, Scythian Classical period, Hellenic sanctuary, house 36, cult complex, chronology, stratigraphy, Greek ceramic imports.

This paper is devoted to analysis of finds from house 36 (Fig. 1) of a Hellenic sanctuary of the 4th – early 3rd cen. BC excavated in 2004–2013 in the territory of the Elizavetovskoye fortified site in the delta of the Don. The house consisted of three rooms of which two constituted closed associations. The eastern room (no. 116) at the floor level under the collapsed walls contained numerous cult objects including a metal plate with a representation of Demeter (Fig. 2, 6) and five terracotta statuettes (Fig. 2, 1–5). The entire floor of the room was covered with a thin layer of soot produced by effect of a powerful fire. In the southern area of the room there were remains of a burnt human skeleton (Fig. 2, 10). Unfortunately, the objects found in room 116, including an amphora and black-slipped vessels (Fig. 2, 7–9), do not allow us to date narrowly the demolition of the complex. Therefore, in order to define the time of the destruction of house 36, materials from other rooms of the sanctuary are considered. This article attracts attention to some new aspects in the studies of house 36 and previously unpublished evidence is presented suggesting a cult character of the building. For the first time, the materials are here published related with a well revealed at the sanctuary (Fig. 3). The major volume of the well was densely packed with large stone blocks. Evidently, this well was filled with stones at a single time and on purpose. Of note are the skeletons of three young domestic dog individuals and a fragment of a human skull uncovered under the stones in the lower section of the fill of the well. The presence of these finds evidently indicates a sacral character of this object. Also of interest are terracottas broken in antiquity (Fig. 5) which were uncovered in the fill of rooms in house 36. These objects possibly occurred here already after the ruination of the sanctuary. The time of the destruction of the sanctuary can be established more precisely on the basis of the stratigraphic evidence obtained in the course of investigation of house 36 and detailed analysis of amphora stamps (Fig. 4). Most probably this event is datable to the 280s BC.

---

⁴ Aleksandr N. Kovalenko — Southern Federal University; 105/42 ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russia; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

Тарасова Балка, определение типа памятника по археологическим и фаунистическим данным¹

Т. В. Рябкова, М. В. Саблин, Н. А. Любимов²

Аннотация. *Находки очагов-жертвенников позволяют предположить, что Тарасова Балка была скорее святилищем, чем поселением. Об этом также свидетельствуют особенности остеологического материала. Почти полное отсутствие костей диких животных говорит о том, что охота для обитателей памятника не играла существенной роли.*

Ключевые слова: *Закубанье, Тарасова Балка, ранний железный век, обряд, жертвенник, остеологический материал, скотоводство.*

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-320-334

Территория Предкавказья на стыке Восточно-Европейской равнины и гор Кавказа, ограниченная с севера р. Кубань, называется Закубаньем. Памятники протомеотской группы, появившиеся в Закубанье на рубеже эпох бронзы и раннего железа, выглядят новообразованием. Население, оставившее протомеотскую группу памятников, до появления кочевников с востока не сооружало курганных насыпей над погребениями (Эрлих, 2007. С. 49). С приходом в Закубанье кочевников из Центральной Азии здесь распространилась традиция погребений под курганами с масштабными конскими гекатомбами (Рябкова, 2019а. С. 322), появились новые категории вещей (Алексеев, 2003. С. 47–50). Наиболее ярким памятником начального периода скифской истории в Закубанье является поэтапно сооружавшийся Келермесский могильник. Концентрация памятников раннескифского времени в регионе свидетельствует, вероятно, о его особом значении³.

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Зоологического института РАН № 122031100282-2.

² Рябкова Т. В. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, С.-Петербург, Россия; e-mail: ryabkovatatyana@mail.ru. Саблин М. В., Любимов Н. А. — Зоологический институт РАН; Университетская наб., 1, С.-Петербург, 199034, Россия; e-mail: Mikhail.Sablin@zin.ru, m.lubimov01@yandex.ru.

© Рябкова Т. В., Саблин М. В., Любимов Н. А., 2023.

³ Кроме Келермеса в Закубанье расположены Костромской (1-й Разменный) курган, разрушенные

Тарасова Балка расположена на правом берегу р. Лабы, в 400 м к северо-востоку от 1-го Разменного (Костромского) кургана. Археологические исследования пяти курганов из группы Разменных были проведены в 1897 г., руководил работами старший член Императорской археологической комиссии Н. И. Веселовский. Среди них был и знаменитый памятник периода скифской архаики — 1-й Разменный (Костромской) курган. Через сто с лишним лет, в 2010–2012 гг., 1-й Разменный курган был повторно исследован Южно-Кубанской археологической экспедицией Гос. Эрмитажа. Наряду с важными стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями была собрана представительная коллекция лепной керамики, обнаружены фрагменты сосудов античного производства. Это позволило определить дату сооружения кургана в границах последнего десятилетия VII — первого десятилетия VI в. до н. э. На соседнем с курганом поле после распахки были найдены фрагменты керамики, похожие на обнаруженные под насыпью 1-го Разменного кургана. Это послужило основанием для начала исследования памятника, получившего название Тарасова Балка и предварительно определенного как поселение (Рябкова, 2019а).

курганы у ст. Махошевской, Семиколенные курганы, курган 41 могильника Клады, Мазепинский курган, курган в ст. Крымской, раскопанный Нестеровым, могильник Фарс и др.

За время систематических раскопок, ведущихся с 2012 г., исследовано свыше 900 кв. м памятника, площадь которого, выявленная шурфовками, составляет около 2 га. Работы ведутся с учетом данных геомагнитной разведки 2015 г. (J. W. E. Fassbinder, Ludwig-Maximilians-Universitats, Munchen; В. А. Тарасов, ООО НПК «Элгео»).

Археологические данные

В процессе исследования были выявлены необычные для поселений признаки, что заставило пересмотреть первоначальное определение Тарасовой Балки как поселенческого памятника.

Необычно расположение на открытом и высоком месте: с водораздельного хребта рек Лаба и Чехрак на высоте 400 м над уровнем моря открываются необыкновенно красивые виды и просматриваются дальние окрестности, но даже летом сильные ветры создают серьезные неудобства. В центральной части памятника, на вершине холма, расположено огромное скопление мусора, которое изначально было принято за поселенческую свалку. Тем не менее гигантские размеры и положение в центральной части противоречат этому предположению. На сегодняшний день установлено, что площадь скопления составляет порядка 600 кв. м (рис. 1). В его границах культурный слой с золистыми включениями мощностью от 0,2 до 1,0 м лежит на поверхности древнего горизонта и лишь в редких случаях прорезает его, хозяйственных ям нет. Насыщенность слоя очень высока: количество находок на площади в 100 кв. м достигает 48 000 единиц, что сопоставимо с насыщенностью культурного слоя античных городов. Стратиграфические разрезы демонстрируют быстрое формирование слоя — практически везде фиксируется линза погребенной почвы. Основные находки — фрагменты лепных сосудов, кости животных, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев, куски железистого песчаника, колотая галька. Значительное морфологическое разнообразие типов посуды (рис. 2), особенно столовой, подтверждается и данными петрографического анализа.

Наряду с фрагментами качественной и многообразной лепной керамики были обнаружены части античных сосудов северо- и южноионийского производства (рис. 3). На основании их общепринятых датировок формирование культурного слоя приходится на вторую половину VII — VI в. до н. э. (Рябкова, 2019а. С. 372). Процентное содержание фрагментов амфор составляет 0,3–2,1 % от общего числа находок керамики на раз-

ных участках памятника. Фрагменты расписных ойнохой производства Милета относятся к периоду SIAC и датируются в границах 630–610 гг. до н. э. (Kerschner, Schlotzhauer, 2005. P. 32). Столь ранние находки античной керамики на Северо-Западном Кавказе — вообще редкость, а тем более в столь отдаленном от морского побережья месте.

Еще один необычный для поселения признак — количество и разнообразие индивидуальных находок в слоях скопления. Среди них бронзовые, железные, костяные наконечники стрел различных типов скифского времени (рис. 4, 1–24, 26–33), предскифского периода (рис. 4, 34), кобанский площик (рис. 4, 25) и даже уникальные для этих территорий и времени наконечники из металла и кремня (рис. 4, 35, 36). Часто встречаются предметы, связанные с воинскими и всадническими занятиями: фрагменты ножей и меча, панцирные чешуйки, оселки, портупейные крючки (рис. 5), фрагменты псалий, удила, пронизей (рис. 6). Обнаружены многочисленные обломки каменных орудий — пестов, терочников. Анализ шлаков и наконечников стрел из железа показал различный состав сплавов, использование разных видов руд и технологий изготовления (Kulkova et al., 2022. P. 26, 27). Гипотезе о бытовом характере памятника противоречат обнаруженное в слоях скопления раннемеотское погребение взрослой женщины (Рябкова, 2019б. С. 91) и единичные разрубленные кости человека⁴ на восточной его границе. Все перечисленные выше «странности» мусорного скопления в центральной части памятника напоминают скорее место, где концентрировались остатки неких ритуальных действий, сопровождаемых жертвоприношениями, нежели поселенческую свалку (Рябкова, 2022. С. 162).

Раскопы над местами геомагнитных аномалий всегда давали похожие результаты: глинобитные промазки или однослойные галечные выкладки на уровне древнего горизонта, многочисленные мелкие куски слабообожженной обмазки, галечник, расколотые кости животных. После исследования в 2019–2021 гг. комплекса 3 раскопа 5, расположенного к северо-западу от центрального скопления (рис. 1), появилась возможность объяснить назначение подобных конструкций.

⁴ По определению д-ра биол. наук М. Ю. Саблина, наряду с костями животных обнаружены бедренная кость, фаланги пальцев рук человека и фрагмент черепа. По аналогии с Бельским городищем часть черепа может быть фрагментом чаши (Шрамко, 2016. С. 307).

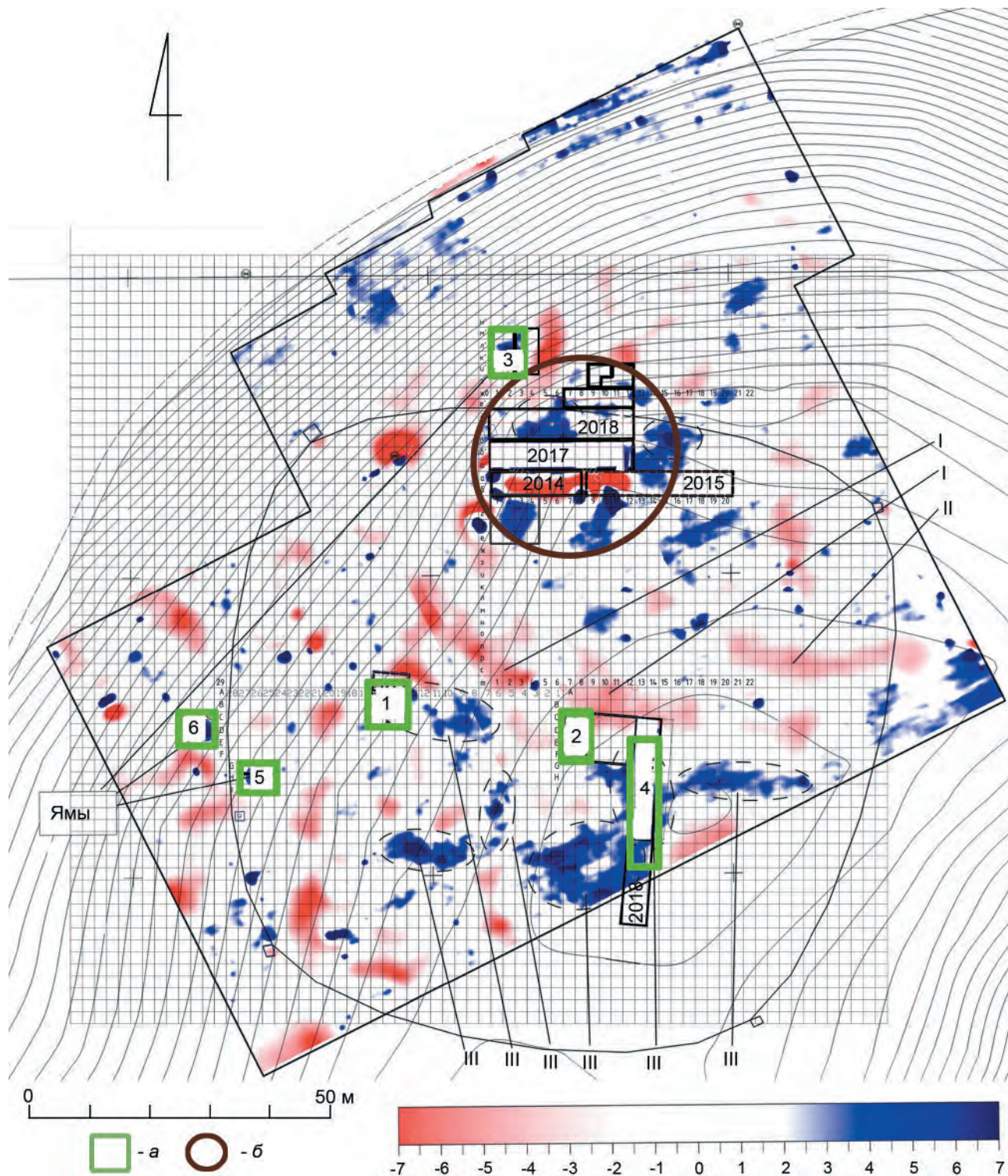

Рис. 1. Тарасова Балка. Схема магнитного поля с обозначением центрального скопления артефактов и ритуальных площадок (а — ритуальные площадки 1–6; б — скопление остатков ритуальных действий; I — участки уменьшения мощности культурного слоя; II — утоптанная спрессованная почва, тропинки, дороги (Й. Фассбиндер); III — скопления археологических объектов)

Fig. 1. Tarasova Balka. Scheme of the magnetic field with notation of the central accumulation of artefacts and ritual areas (a — ritual sites 1–6; b — accumulation of remains of ritual actions; I — areas of reduced thickness of the cultural layer; II — trampled compressed soil, paths, roads (J. Fassbinder); III — accumulations of archaeological objects)

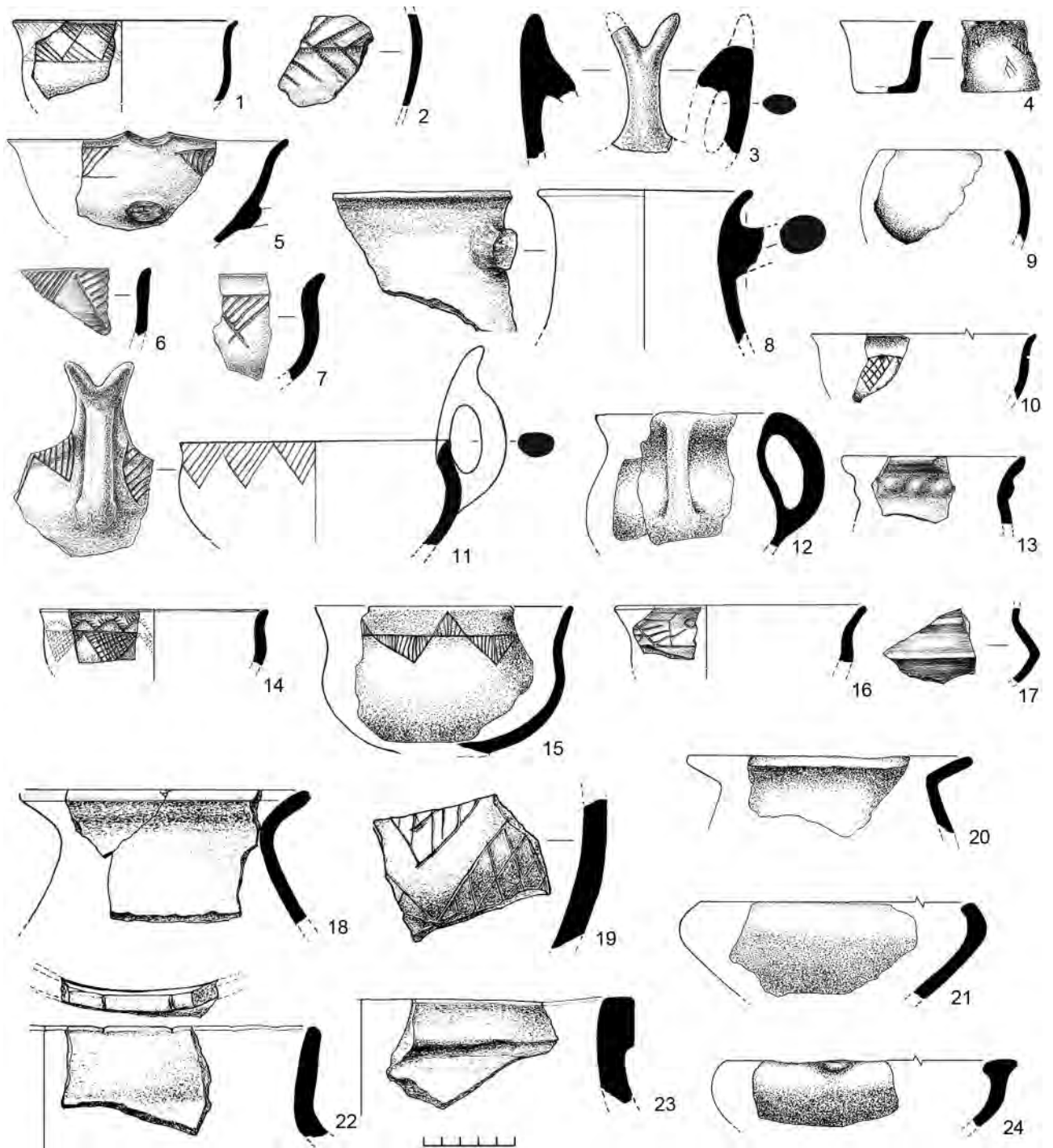

Рис. 2. Тарасова Балка. Фрагменты лепных сосудов
Fig. 2. Tarasova Balka. Fragments of handmade pottery

Рис. 3. Тарасова Балка. Фрагменты античных сосудов

Fig. 3. Tarasova Balka. Pieces of Classical vessels

Комплекс 3 представлял неглубокую яму в материке размерами 2,6 × 1,4 м. Она была заполнена многочисленными фрагментами сосудов, разбитого каменного блюда, обожженной галькой и кусками обмазки из слабообожженной глины. Один из кусков имел форму воронки с отверстием для слива. Рядом были найдены кости конечностей коровы и лошади, череп свиньи, зубы овцы. После реставрации выяснилось, что куски обмазки являются частями предмета округлой формы

диаметром около 50–70 см, с высоким отогнутым бортом, выделенным поддоном и заглаженной поверхностью⁵ (рис. 7). Внешне предмет напоминает очаг, по каким-то причинам использовавшийся однократно, однако находка части с отверстием-

⁵ По определению М. А. Кульковой, предмет изготовлен из торфо-сапропелиевых отложений и обожжен в закрытой среде при температуре около 500 °С, обжиг восстановительный

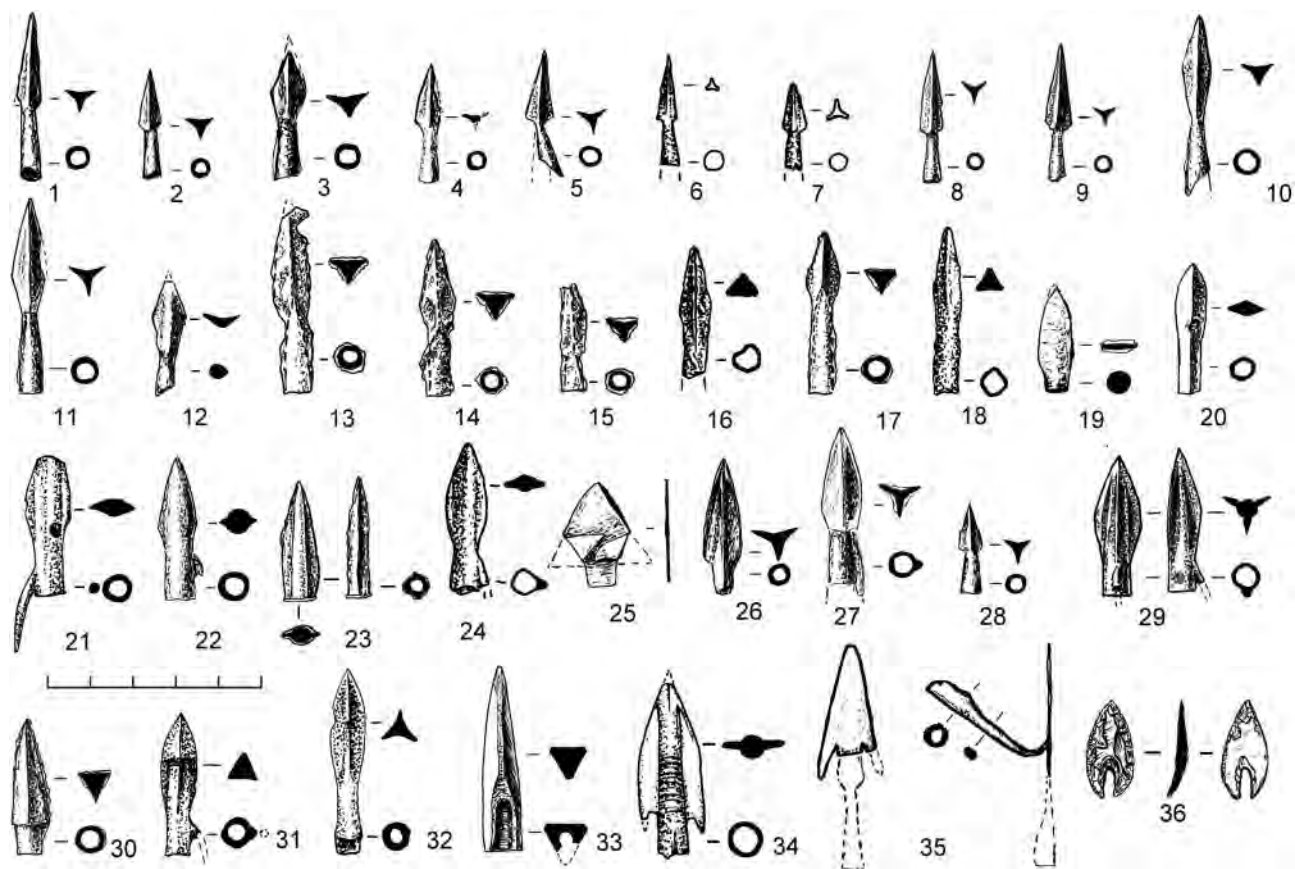

Рис. 4. Тарасова Балка. Наконечники стрел: 1–19, 35 — железо; 20–32, 34 — бронза; 33 — кость; 36 — кремнь
 Fig. 4. Tarasova Balka. Arrowheads: 1–19, 35 — iron; 20–32, 34 — bronze; 33 — bone; 36 — flint

сливом позволила интерпретировать его как жертвенник. Судя по архаичным типам лепной керамики и местоположению, комплекс 3 относится к более раннему периоду, чем формирование слоев скопления артефактов в центре холма.

Эти наблюдения позволили интерпретировать результаты работ 2015 г. в западной части памятника, на значительном удалении от «мусорного скопления». Место, дававшее сильный геомагнитный сигнал, оказалось площадкой на уровне древнего горизонта, усеянной разбитыми сосудами, расколотой галькой и обгорелой обмазкой. Крупные куски обмазки оказались частями очага⁶ с высоким массивным бортиком и выделенным поддоном, похожим на предмет из комплекса 3. Реконструируемый диаметр очага-жертвенника

⁶ По определению М. А. Кульковой, этот очаг изготовлен из жирных глин смектитового состава с добавлением торфа в качестве отошителя и обожжен в окислительной среде при температуре 700–850 °С.

составляет около 70 см. К югу от него на уровне древнего горизонта находилась однослойная выкладка из галечника размерами 2,4 × 1,5 м. Среди камней найдены сломанный оселок, наконечник стрелы (рис. 4, 19), перекрестие железного акинака (рис. 5, 1), обломки тонкостенных кубков и мисок. По находке фрагмента клазоменской амфоры комплекс датируется концом VII — первой четвертью VI в. до н. э.

В 2022 г. в западной части Тарасовой Балки, также на месте сильного геомагнитного сигнала, был обнаружен подобный глиняный очаг грубой лепки, сохранность которого лучше, чем у прочих, из-за того, что он был только опрокинут и разбит, а не разбросан. Он реконструируется как своеобразный «кубок» на невысокой полой ножке-поддоне. В плоской его части (дно?) зафиксированы отпечатки прутьев, укреплявших конструкцию в месте соединения чаши с поддоном. Реконструируемый диаметр — около 50 см. При разборе были найдены обломки крупного тарного сосуда и кубка с ручкой. Дата определяется

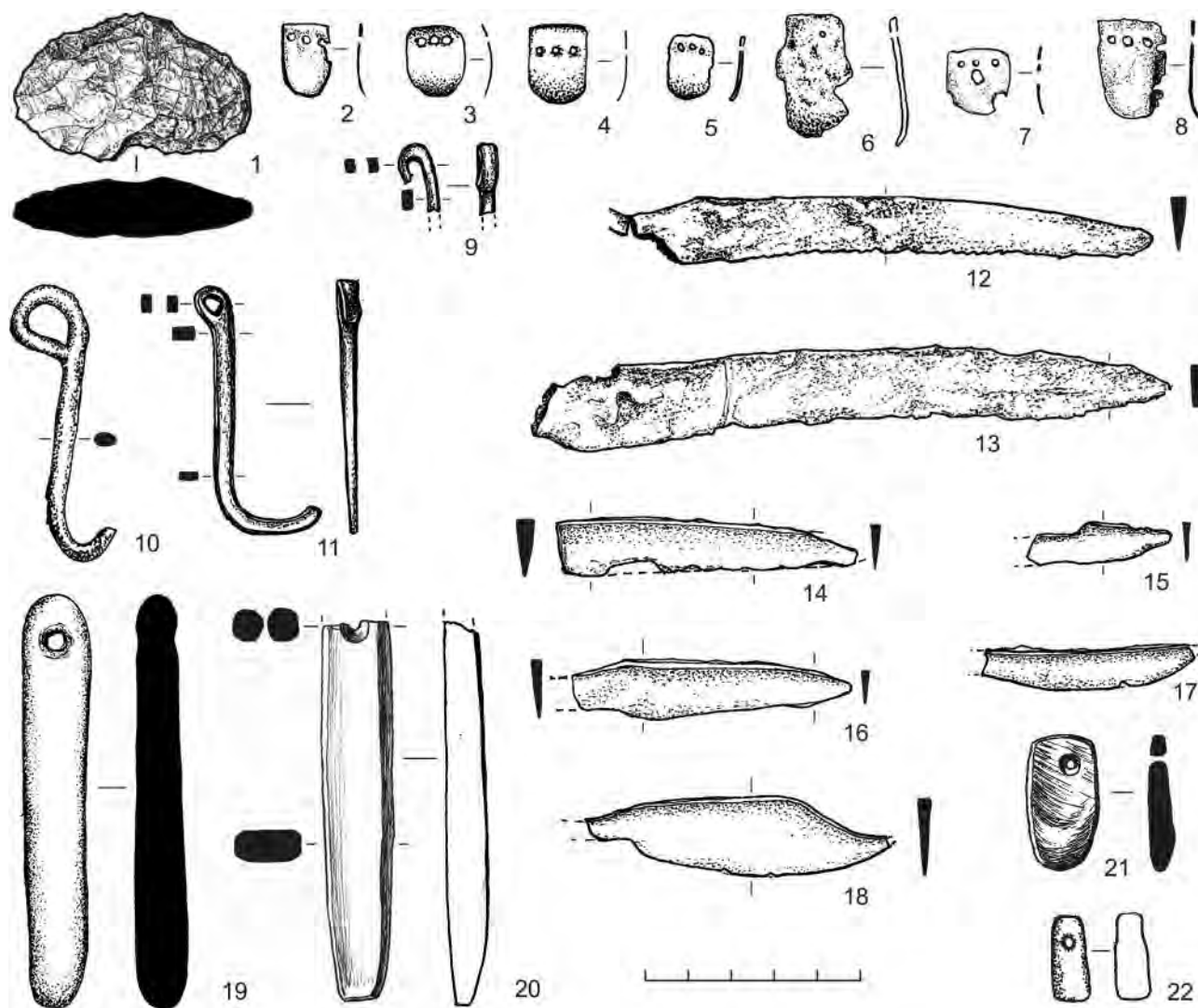

Рис. 5. Тарасова Балка. Предметы воинского снаряжения: 1 — перекрестье акинака; 2-8 — панцирные чешуйки; 9-11 — портупейные крючки; 12-18 — ножи; 19-22 — оселки

Fig. 5. Tarasova Balka. Items of warrior's accoutrement: 1 — cross-guard of an akinakes; 2-8 — armour scales; 9-11 — belt hooks; 12-18 — knives; 19-22 — whetstones

концом VII — первой четвертью VI в. до н. э. по находке обломка дна амфоры.

Аналогии очагам-жертвенникам известны в материалах Бельского городища. Б. А. Шрамко отмечал, что «они невелики по размеру, изготовлялись из глины и обжигались на небольших основаниях или же прямо на земле. В плане они круглые, диаметром 40–50 см. Хотя на жертвенниках встречаются древесные угольки, специально огонь на них, очевидно, не разводили» (Шрамко, 2016. С. 345). Иногда в их основании находили собачьи черепа (Там же. С. 289). Подобная ситуация зафиксирована на Тарасовой Балке при исследовании комплекса 2 в раскопе 4: в небольшое

углубление было впущено сооружение из прутьев и глиняной обмазки, в основании которого находились крупные камни и челюсти жеребенка и щенка. Выше найдены многочисленные фрагменты столовых сосудов, крупная миска грубой лепки на выделенном поддоне, железный нож, кожаная проколка, каменные орудия-песты со следами краски. По находке фрагмента расписного ионийского сосуда комплекс датирован концом VII в. до н. э.

Вероятно, что исследованные на Тарасовой Балке за прошедшие годы площадки с положительным магнитным сигналом были местами, которые использовались в ритуальных целях.

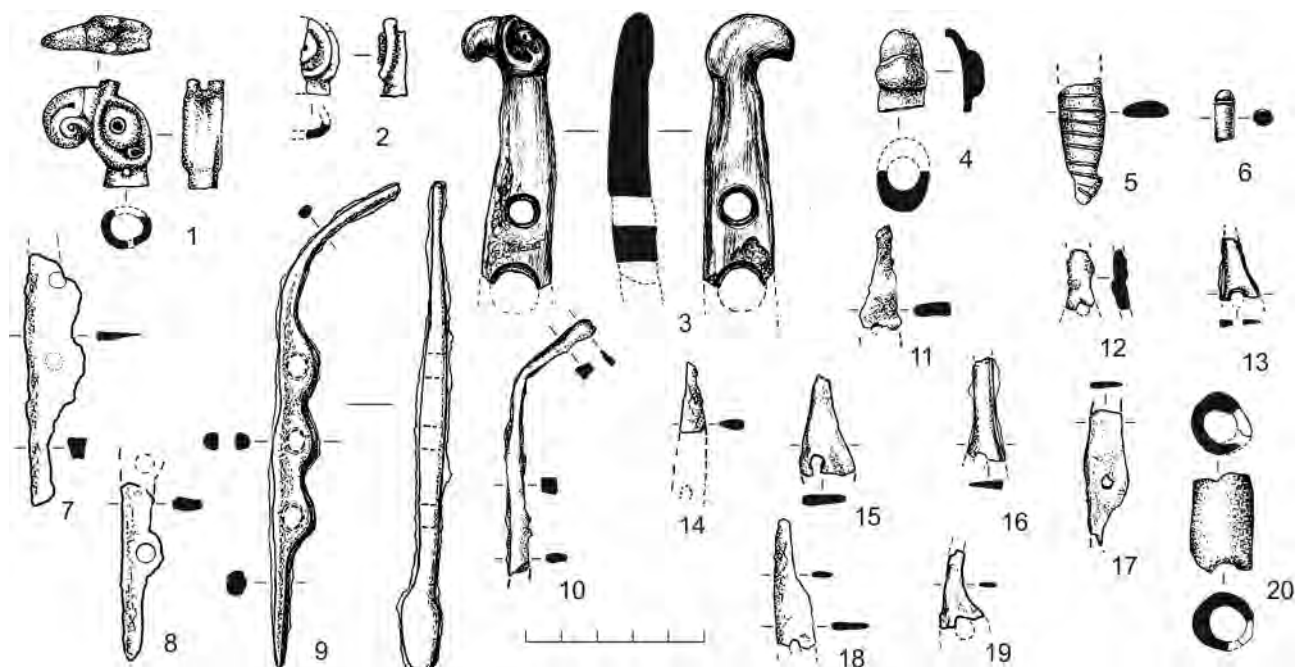

Рис. 6. Тарасова Балка. Предметы конской упряжи: 1–6 — кость; 7–20 — железо

Fig. 6. Tarasova Balka. Items of horse harness: 1–6 — bone; 7–20 — iron

При совершении обрядов сооружался жертвенник в виде округлого предмета с бортом на поддоне, иногда со сливом, или использовался открытый сосуд грубой лепки типа миски. Иногда использовались вымостки из глины или каменные выкладки. Материальными свидетельствами ритуалов можно считать не только конструкции из глины и камней, но и фрагменты лепной и античной керамики, панцирные чешуйки, обломки уздечных принадлежностей, наконечники стрел, фрагмент меча и др. Важно отметить, что после завершения ритуала жертвенники разрушались, а их обломки и остатки каменных выкладок наряду с разбитой посудой сбрасывались в кучу в центре холма. Само скопление в центральной части холма возникло, вероятно, в результате размещения остатков таких культовых действий в одном месте.

Подтверждение гипотезы требует продолжения исследований, но уже сейчас она объясняет такие «странности» Тарасовой Балки, как огромное скопление артефактов в центре памятника, мощность и насыщенность слоя в центре холма, морфологическое, типологическое и технологическое разнообразие керамического материала, шлаков, предметов из металла, обилие находок из металла и кости, обломков античных сосудов, большое количество гальки со следами антропогенного воздействия, отсутствие следов жилищ, мастерских, ям и пр.

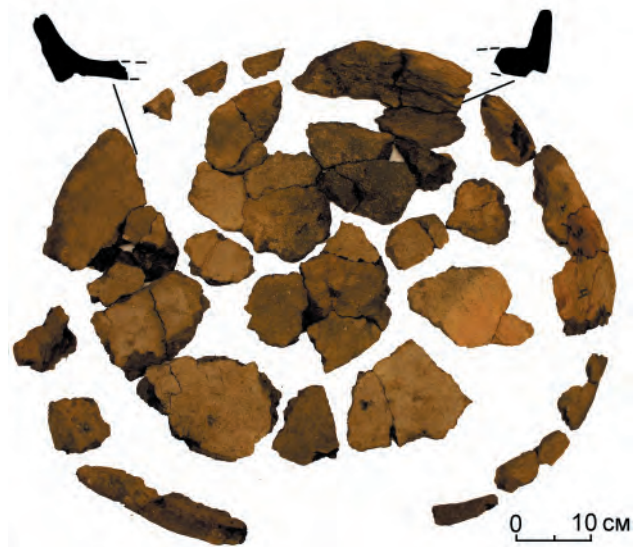

Рис. 7. Тарасова Балка. Очаг-жертвенник. Реконструкция

Fig. 7. Tarasova Balka. Hearth/altar. Reconstruction

Фаунистические данные

Остеологический материал памятника насчитывает 4747 костей. Из них 4735 шт. принадлежит млекопитающим, 12 — птицам. Было определено 10 таксонов млекопитающих (табл. 1).

Нами были рассмотрены фаунистические остатки, полученные в ходе раскопок 2015, 2017–2022 гг. Все они могут быть разделены на остатки из комплексов-жертвенников и крупного скопления артефактов в центре памятника, возникшего в результате утилизации остатков после ритуалов. Всего выделено шесть комплексов. Учитывая, что Тарасова Балка, вероятно, служила культовым местом для различных человеческих коллективов (об этом свидетельствует большое количество наконечников стрел разных типов, разнообразие керамики с различным составом теста) в течение

достаточно продолжительного времени, остеологические материалы из каждого комплекса были рассмотрены по отдельности без учета костей диких животных.

Остеологический материал комплекса 1 представлен 42 костями (табл. 2). Большая их часть (22 шт.; 52,38 % от общего количества остатков) принадлежит КРС. Преобладают кости дистального отдела конечностей — метаподии (4), пяточные кости (2), фаланги (2) и заплюсны (2). Остатков МРС значительно меньше (6 шт.; 14,29 %). К тому же большая их часть представлена отдельными зубами (4). Кости лошади (10 шт.; 23,81 %), так же как и КРС, представлены преимущественно остатками дистального отдела конечностей (6). Кости свиньи (4 шт.; 9,52 %) в основном представлены фрагментами нижних челюстей и зубами (3).

Таблица 1. Тарасова Балка. Определимые фаунистические остатки. Раскопки 2014–2022 гг.
Table 1. Tarasova Balka. Identifiable faunistic remains. Excavation of 2014–2022

Кости	Заяц	Лисица	Барсук	Кабан	Косуля	Собака	Лошадь	Свинья	Корова	Овца/ коза	Всего
Череп	–	–	–	–	–	–	2	17	37	11	67
Верхняя челюсть	–	–	–	–	–	2	1	59	15	27	104
Нижняя челюсть	1	3	2	1	1	6	22	135	131	247	549
Рог	–	–	–	–	–	–	–	–	14	4	18
Зуб	–	2	1	–	–	8	266	242	540	1163	2222
Подъязычная кость	–	–	–	–	–	–	–	–	4	–	4
Атлант	–	1	–	–	–	–	–	3	2	5	11
Эпистрофей	–	–	1	–	–	–	–	–	5	1	7
Позвонок	–	1	–	–	–	–	1	1	5	10	18
Ребро	–	–	–	–	–	–	21	–	8	30	59
Лопатка	–	–	–	–	–	–	10	15	45	13	83
Плечевая	1	1	–	–	–	–	–	19	27	56	104
Локтевая	1	1	–	–	–	–	2	22	35	10	71
Лучевая	2	–	–	–	–	1	8	11	48	41	111
Тазовая	2	–	2	–	–	–	6	8	39	23	80
Бедренная	–	2	1	–	–	1	4	2	20	7	37
Коленная чашечка	–	–	–	–	–	–	3	–	2	1	6
Большая берцовая	–	–	–	–	1	–	9	19	33	33	95
Малая берцовая	–	–	–	–	–	–	–	5	–	–	5
Запястье/заплюсна	–	–	–	–	–	–	44	4	67	5	120
Таранная	–	–	–	–	1	–	13	3	31	37	85
Пяточная	2	4	–	–	–	–	21	11	67	11	116
Пясть/плюсна	1	3	–	1	–	–	55	34	181	41	316
Грифельная	–	–	–	–	–	–	20	–	–	–	20
Фаланга	–	–	–	–	–	–	63	50	280	34	427
Всего	10	18	7	2	3	18	571	660	1636	1810	4735

Таблица 2. Тарасова Балка. Распределение фаунистических остатков в жертвенных комплексах.

Раскопки 2014–2022 гг.

Table 2. Tarasova Balka. Distribution of faunistic remains in sacrificial complexes. Excavation of 2014–2022

Кость Вид	Кость																				Всего
	Череп	Верхняя челюсть	Нижняя челюсть	Рог	Зуб	Подязычная	Атлант	Лопатка	Плечевая	Локтевая	Лучевая	Тазовая	Бедренная	Большая берцовая	Запястье/ заплюсна	Таранная	Пяточная	Пясть/ плюсна	Грифельная	Фаланга	
Комплекс 1																					
КРС	1	3	-	-	5	-	-	1	1	-	-	-	-	-	2	1	2	4	-	2	22
МРС	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	6
Лошадь	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	4	-	1	10
Свинья	-	-	2	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
Комплекс 2																					
КРС	2	-	-	-	7	-	-	1	1	-	3	2	1	4	1	-	3	2	-	2	29
МРС	-	-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	1	1	-	1	17
Лошадь	-	-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	2	2	3	18
Свинья	-	-	5	-	9	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	17
Комплекс 3																					
КРС	-	1	-	1	18	-	-	1	-	-	2	5	1	2	3	-	5	4	-	23	66
МРС	1	1	-	-	28	-	-	-	4	-	2	1	-	2	-	3	-	5	-	-	47
Лошадь	-	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	1	-	-	2	1	3	-	1	-	15
Свинья	1	1	1	-	5	-	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	1	-	-	4	16
Комплекс 4																					
КРС	-	-	7	-	50	1	-	3	4	2	5	3	2	2	2	3	2	12	-	13	111
МРС	1	-	1	-	51	-	-	-	2	-	-	2	-	-	1	6	-	1	-	1	66
Лошадь	-	-	2	-	18	-	-	-	-	2	2	-	-	3	2	-	2	4	1	7	43
Свинья	-	1	10	-	8	-	-	-	2	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	3	28
Комплекс 5																					
КРС	-	-	-	-	9	-	1	1	-	1	-	2	-	1	1	-	2	2	-	2	22
МРС	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	1	9
Лошадь	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	9
Свинья	1	1	1	-	2	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	3	12
Комплекс 6																					
КРС	2	-	2	-	10	-	-	1	2	2	2	1	2	6	-	2	1	5	-	1	39
МРС	-	-	1	-	11	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	1	-	-	15
Лошадь	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	1	-	-	3	3	2	-	3	2	1	19
Свинья	-	-	2	-	6	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	1	-	1	-	-	12

Остатки диких животных в комплексе 1 представлены таранной костью косули.

Из комплекса 2 была определена 81 кость (табл. 2). Преобладают кости КРС (29 шт.; 35,80 % от общего количества остатков). Остатки распределены достаточно равномерно. При этом можно отметить большое количество костей, связанных с наиболее питательными участками тела, а именно больших берцовых (4), тазовых (2) и лучевых (3) костей, а также фрагментов черепа (2) (*Klein, Cruz-Uribe*, 1984). Остатки МРС (17 шт.; 21,00 %) и лошади (18 шт.; 22,22 %) в основном представ-

лены отдельными зубами (10 и 10 соответственно). Что касается костей свиньи из комплекса 2 (17 шт.; 20,98 %), то наиболее часто встречаются остатки нижних челюстей (5) и зубы (9). Дикая фауна представлена только одной костью лисицы.

Фаунистические остатки из комплекса 3 включают в себя 144 определяемые кости (табл. 3). Преобладают остатки КРС (66 шт.; 45,83 % от общего количества остатков). Большая их часть — это фаланги (23), метаподии (4) и кости таза (5). Также был определен зуб неполовозрелой особи. На двух вторых фалангах были отмечены следы

Таблица 3. Тарасова Балка. Распределение фаунистических остатков в скоплении артефактов в центре памятника. Раскопки 2014–2022 гг.

Table 3. Tarasova Balka. Distribution of faunistic remains in accumulations of artefacts in the centre of the site. Excavation of 2014–2022

Кость \ Вид	Лошадь	Свинья	Корова	Овца/коза
Череп	2	15	32	9
Верхняя челюсть	1	56	11	26
Нижняя челюсть	20	114	122	245
Рог	–	–	13	4
Зуб	217	211	441	1054
Подъязычная	–	–	3	–
Атлант	–	3	1	5
Эпистрофей	–	–	5	1
Позвонок	1	1	5	10
Ребро	21	–	8	30
Лопатка	10	14	37	13
Плечевая	–	14	19	50
Локтевая	–	18	30	10
Лучевая	5	8	36	38
Тазовая	5	7	26	20
Бедренная	4	1	14	7
Коленная чашечка	3	–	2	1
Большая берцовая	3	18	18	30
Малая берцовая	–	5	–	–
Запястье/заплюсна	34	4	58	2
Таранная	10	1	25	21
Пяточная	14	10	52	10
Пясть/плюсна	42	32	152	33
Грифельная	14	–	–	–
Фаланга	51	39	237	31
Всего	457	571	1347	1650

рубки. Остатки МРС (47 шт.; 32,63 %) в основном представлены зубами (28) и плечевыми костями (4). Был определен зуб неполовозрелой особи. На двух плечевых костях отмечены следы собачьих погрызов. Большую часть костей лошади (15 шт.; 10,41 %) составляют разрозненные зубы (7). Также были определены кости дистального отдела конечностей. Остатки свиньи (16 шт.; 11,11 %) представлены практически всеми частями скелета, которые, вероятно, принадлежат одной особи. На плечевой кости определены следы собачьих погрызов. Кости собаки из комплекса 3

представлены верхней челюстью и зубом. Из остатков диких животных были выделены локтевая и плечевая кости зайца.

Остеологический материал комплекса 4 содержит 248 определимых костей (табл. 2). Большую их часть составляют кости КРС (111 шт.; 44,76 % от общего количества остатков). Среди них преобладают метаподии (12), лучевые (6) и плечевые (4) кости. Также было определено шесть фрагментов нижних челюстей как минимум от трех особей, одна из которых являлась неполовозрелой. Большую часть остатков МРС (66 шт.; 16,61 %) составляют зубы (50) и таранные кости. Остатки лошади (43 шт.; 17,34 %) представлены практически всеми частями скелета, вероятнее всего, принадлежащими одной особи. Кости свиньи в комплексе 4 немногочисленны (28 шт.; 11,29 %). Большую их часть составляют фрагменты нижних челюстей (10). Остатки собак представлены двумя нижними челюстями и несколькими отдельными зубами. Дикие животные представлены только пяточной костью зайца.

В комплексе 5 было определено 52 кости (табл. 2). Большая их часть принадлежит КРС (22 шт.; 42,31 % от общего количества остатков). Была выделена одна ювенильная особь. Остатки МРС (9 шт.; 17,31 %) и лошади (9 шт.; 17,31 %) в основном представлены отдельными зубами (5 и 6 соответственно). Большую часть остатков свиньи (12 шт.; 23,08 %) составляют фаланги (3) и метаподии (2).

Остеологический материал из комплекса 6 включает в себя 85 определимых костей (табл. 2). Преобладают кости КРС (39 шт.; 45,88 % от общего количества остатков). Большую их часть составляют большие берцовые кости (6) и метаподии (5). Одна из метаподий была определена как принадлежавшая неполовозрелой особи. Остатки МРС (15 шт.; 17,65 %) в основном представлены зубами (11). Большую часть остатков лошади (19 шт.; 22,35 %) составляют большие берцовые кости (3) и метаподии (4). Интересно обнаружение среди остатков лошади как половозрелой, так и неполовозрелой особей. Остатки свиньи (12 шт.; 14,11 % от общего количества остатков) преимущественно представлены отдельными зубами (6). Кости собаки представлены одной верхней челюстью.

Анализируя материалы комплексов, можно отметить следующее: большая часть остатков в каждом комплексе принадлежит КРС. Преобладают кости, которые связаны с участками туши, обладающими наибольшей пищевой ценностью —

бедренная, большая берцовая и тазовая кости (Klein, Cruz-Uribe, 1984). В каждом комплексе было выделено от 1 до 4 особей КРС. Вероятно и подношение в качестве жертвенной пищи не целой туши, а какой-то определенной ее части (судя по остеологическому материалу, чаще всего для этой цели использовались передние и/или задние конечности) (Ольховский, 1991).

Остатки МРС в основном представлены отдельными зубами и таранными костями. На многих костях отмечены погрызы собак. Важно отметить минимальное количество неполовозрелых особей (2). В РЖВ юга Восточной Европы было широко распространено заклание ягненка в качестве жертвоприношения (Цалкин, 1966). Однако в ритуальных комплексах Тарасовой Балки в основном присутствуют остатки половозрелых особей МРС.

Остатки лошади присутствуют во всех комплексах, но нигде не являются преобладающими. В основном они представлены отдельными зубами и фрагментами дистального отдела конечностей. Исключением является комплекс 4, где была обнаружена большая часть костей скелета, принадлежавшего одной особи. Вряд ли можно утверждать, что на памятнике проводилось регулярное заклание лошадей. Об этом свидетельствует разрозненный остеологический материал, почти полное отсутствие целых скелетов и отсутствие следов разделки на большей части костей лошади (в отличие от КРС). Наиболее вероятным является не слишком частое использование отдельных частей туши лошади (как и для КРС, в основном конечностей) в качестве жертвенной пищи, что отмечено и для других памятников Северного Причерноморья IV–III вв. до н. э. (Ольховский, 1991. С. 116, 117). В случае ритуального заклания лошадей на памятниках, как правило, обнаруживаются почти полные скелеты, зачастую в составе погребений (Антипина, 2001. С. 184).

Остатки свиньи также встречаются во всех комплексах. Именно кости свиньи имеют наибольшую степень раздробленности. Это объяснимо наиболее высокой пищевой ценностью свиньи по сравнению с другими домашними животными — в пищу употребляются практически все части туши (Klein, Cruz-Uribe, 1984). Среди остатков преобладают фрагменты нижних челюстей, черепа и зубы. В комплексах не было выделено ни одной ювенильной особи.

Остатки прочих млекопитающих представлены единичными экземплярами. Было выделено несколько нижних челюстей и отдельных зубов собаки. Что же касается диких животных, то доля

их остатков в комплексах предельно мала, что является характерным для ритуальных памятников РЖВ Восточной Европы (Цалкин, 1966). Исключением являются кости зайца, которые встречаются почти во всех комплексах. Однако стоит обратить внимание на их положение в слое — почти все они встречаются в слое дерна, располагающемся на уровне дневной поверхности. С высокой вероятностью это означает, что остатки зайца принадлежат гораздо более позднему времени (Верещагин, 1959). В заключение можно отметить схожесть остеологического материала во всех комплексах.

Перейдем к анализу костного материала из скопления артефактов в центре памятника. Остеологический материал насчитывает 4025 остатков (табл. 3). КРС принадлежит 1347 определимых костей (33,47 % от общего количества остатков). Среди них преобладают фаланги (237), метаподии (152), нижние челюсти (122) и отдельные зубы. В отличие от комплексов, в скоплении остатки МРС численно превосходят КРС. Было определено 1650 костей (40,99 %). Большую часть составляют отдельные зубы (1054), фрагменты нижних челюстей (245) и плечевые (50) кости. По сравнению с комплексами в скоплении было обнаружено достаточно большое количество неполовозрелых особей (17). Остатки лошади (457 шт.; 11,35 %) преимущественно представлены зубами (217), фалангами (51) и метаподиями (42). Большую часть костей свиньи (571 шт.; 14,18 %) составляют фрагменты челюстей (170), зубы (211) и метаподии (32). Остатков собак в скоплении немного, и почти все они представлены нижними челюстями и отдельными зубами. Что касается диких животных, то в скоплении в единичных экземплярах были выделены кости зайца, лисицы, кабана, косули и барсука.

По сравнению с комплексами в скоплении значительно меньшее количество анатомических связок. Большая часть костей имеет следы термической обработки (варки). Кроме того, в скоплении намного больше костей от частей туши, не представляющих высокой пищевой ценности (фаланги, метаподии, фрагменты нижних челюстей). Это подтверждает верность интерпретации скопления артефактов и костей в центре памятника как места утилизации остатков после прошедшей тризны (Klein, Cruz-Uribe, 1984). Сам фаунистический состав из скопления в центре памятника практически полностью соответствует материалу из жертвенных комплексов.

Подытоживая результаты анализа остеологической коллекции с Тарасовой Балки и сопоставляя полученные результаты с материалами других памятников (табл. 4), можно отметить следующее.

В окрестностях памятника был распространен придомный тип скотоводства, который требует большого количества плодородных земель для выпаса неподалеку от поселения, о чем свидетельствует преобладание КРС над МРС (Саблин и др., 2022. С. 8). Можно предположить, что неподалеку от памятника располагались обширные пастбища, способные прокормить значительное количество крупного и мелкого рогатого скота. Несмотря на большие площади плодородных земель в окрестностях Тарасовой Балки, отмечено, что КРС питался достаточно жесткой пищей, о чем свидетельствуют очень сильно стертые ко-

ронки зубов (Цалкин, 1966; 1969). Преобладание остатков КРС над МРС в остеологических коллекциях типично для большинства памятников скифского времени в Восточной Европе (Там же. С. 76).

Разведение КРС и МРС было одинаково значимым для племенных коллективов, для которых Тарасова Балка служила местом проведения тризны. Доля остатков МРС лишь незначительно преобладает над КРС, что обычно является характерным для более поздних скифских памятников. Остатки свиней на памятнике показывают, что их мясо также использовалось в пищу, что характерно для всех без исключения памятников эпохи раннего железа в Северном Причерноморье, особенно на территории Тамани и Крыма (Цалкин, 1960. С. 59). Забой и КРС, и МРС, и свиней проводился непосредственно на памятнике, на что

Таблица 4. Остатки млекопитающих с поселений скифского времени Восточной Европы*
Table 4. Mammal remains from sites of the Scythian period in Eastern Europe

Поселение	КРС		МРС		Свинья		Лошадь		Собака		Косуля		Кабан		Барсук		Заяц		Лисица	
	К	О	К	О	К	О	К	О	К	О	К	О	К	О	К	О	К	О	К	О
Тарасова Балка	1636	36	1810	26	660	16	571	10	18	2	3	1	2	1	7	1	10	1	18	2
Лужки (Цалкин, 1966)	54	5	9	3	44	6	29	5	1	1	34	8	3	2	1	1	-	-	2	1
Моисеевское (Цалкин, 1966)	153	17	41	11	78	20	195	16	15	5	4	2	14	3	-	-	-	-	1	1
Плаксинское (Цалкин, 1966)	71	4	6	2	12	3	43	5	-	-	-	-	9	2	1	1	1	1	-	-
Большая Гомольша (Цалкин, 1966)	22	9	12	8	7	6	3	2	3	2	-	-	5	5	-	-	-	-	-	-
Тарасова гора (Цалкин, 1966)	339	43	79	20	93	32	138	28	52	11	-	-	-	-	-	-	2	1	1	1
Ширяевское (Цалкин, 1966)	158	9	29	7	134	12	81	5	8	4	1	1	24	3	-	-	-	-	3	1
Ново- Георгиевка (Цалкин, 1966)	641	29	70	18	21	8	436	19	20	5	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Чардымское (Цалкин, 1966)	226	11	15	3	28	3	289	15	9	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3	1
Танавское (Цалкин, 1966)	427	16	74	7	83	14	453	18	-	-	-	-	2	1	-	-	1	1	-	-
Мотронинское городище (Бессонова, Скорый, 2001)	5600	245	1527	246	1386	166	4484	191	193	53	55	18	34	18	-	-	8	8	-	-
Городище у хут. Мостище (Яниш, Меркулова, 2015)	62	-	34	-	26	-	43	-	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

* К — количество определимых костей; О — минимальное число особей.

указывает наличие практически всех частей скелета вышеперечисленных видов.

Роль лошади на памятнике ясна не до конца. В целом, несмотря на большое количество разнообразных материалов, о скифском коневодстве нам известно совсем немного (*Спасская и др.*, 2020. С. 380). Точно можно сказать лишь то, что лошадь использовалась и как транспорт, и в качестве пищи, а также играла важную роль в погребальном обряде.

Можно отметить высокую схожесть видового состава остеологического материала из комплексов и скопления в центре памятника.

Охота не играла существенной роли. Редкие остатки диких животных являются свидетельством эпизодичности этого явления и его малой значимости. Впрочем, это и неудивительно, учитывая ритуальный характер памятника. Роль диких животных в тризне кочевников РЖВ юга Восточной Европы была сведена к минимуму (*Цалкин*, 1966).

- Алексеев*, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Антипина*, 2001 — *Антипина Е. Е.* Новые археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху* (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.) / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 171–187.
- Бессонова*, *Скорый*, 2001 — *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев; Краков; б. и., 2001. 157 с.
- Верецагин*, 1959 — *Верецагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа: история формирования фауны. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 703 с.
- Ольховский*, 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Рябкова*, 2019а — *Рябкова Т. В.* Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // *Труды Гос. Эрмитажа*. 2019. № 77. С. 359–374.
- Рябкова*, 2019б — *Рябкова Т. В.* Исследование Седьмого Разменного кургана и продолжение работ на поселении Тарасова Балка // *АСГЭ*. 2019. № 42. С. 86–91.
- Рябкова*, 2022 — *Рябкова Т. В.* Обрядовые практики населения Закубанья в период скифской архаики (по материалам Тарасовой Балки) // *Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновация, контакты, трансляция идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения М. П. Грязнова* / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 161–164.
- Саблин и др.*, 2022 — *Саблин М. В., Иохина И. И., Ильцевич К. Ю.* Фаунистический комплекс поселения Голубицкая 2 // *АВ*. 2022. № 37. С. 42–51.
- Спасская и др.*, 2020 — *Спасская Н. Н., Канторович А. Р., Маслов В. Е.* Что нам известно о скифских лошадях северного Причерноморья: обзор опубликованных археозоологических данных // *КСИА*. 2020. Вып. 261. С. 379–392.
- Цалкин*, 1960 — *Цалкин В. И.* История скотоводства в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1960 (МИА; № 53). 65 с.
- Цалкин*, 1966 — *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.: Наука, 1966 (МИА; № 135). 160 с.
- Цалкин*, 1969 — *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону // *Население Среднего Дона в Скифское время*. М.: Наука, 1969 (МИА; № 151). С. 128–136.
- Шрамко*, 2016 — *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) // *Більське городище в наукових працях Б. А. Шрамка. Котельва; Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна*, 2016. С. 247–392.
- Эрлих*, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протогеотская группа памятников). М.: Наука, 2007. 430 с.
- Яниш*, *Меркулов*, 2015 — *Яниш Е. Ю., Меркулов А. Н.* Остеологическая коллекция скифского времени с городища у хутора Мостище // *Известия Воронежского гос. пед. ун-та*. 2015. № 2 (267). С. 106–111.
- Kerschner, Schlotzhauer*, 2005 — *Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System of East Greek Pottery // *Ancient West and East*. 2005. Vol. 4. P. 1–56.
- Klein, Cruz-Uribe*, 1984 — *Klein R. G., Cruz-Uribe K.* The Analysis of animal bones from archeological sites. Chicago: The University of Chicago Press, 1984. 249 p.
- Kulkova et al.*, 2022 — *Kulkova M. A., Kashuba M. T., Kulkov A. M., Ryabkova T. V., Vetrova M. N., Zancoci A., Bubnova O. V.* Iron Sources and Technologies During the Early Iron Age in the Northern Pontic Region in Natalia Ankusheva // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy: Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference* (Miass, Russia, 19–23 October 2020) / Eds. I. V. Chechushkov, I. Stepanov, M. Ankushev. Springer Nature, Switzerland AG, 2022. P. 11–29.

Tarasova Balka, identification of the site type through archaeological and faunistic evidence

T. V. Ryabkova, M. V. Sablin, N. A. Lyubimov⁷

Keywords: Trans-Kuban region, Tarasova Balka, Early Iron Age, rite, altar, osteological material, animal husbandry.

Tarasova Balka is an archaeological site of the Early Scythian date discovered in the Trans-Kuban region near the well-known Razmenny burial mounds. In the course of an investigation started in 2012, there were revealed features unusual for a settlement site. Thus in the latter's central part on the hill summit was discovered a gigantic accumulation of artefacts on the surface of an ancient horizon with an area of ca 600 sq. m (Fig. 1). The majority of finds from the thick cultural layer is constituted by fragments of morphologically fairly diverse handmade (Fig. 2) and Classical ware of south- and north-Ionic manufacture (Fig. 3). Another feature uncommon at a settlement is in the quantity and diversity of the individual finds. Among them there are different arrowheads mainly of Scythian types (Fig. 4), fragments of knives and of a sword, armour scales, whetstones, belt hooks (Fig. 5), and broken items of horse harness (Fig. 6). Analysis of the metal of the arrowheads has demonstrated differing compositions of the alloys, the employment of different kinds of ore and technologies of their manufacture. The hypothesis about an everyday character of the site runs contrary to the presence of an early Maeotian burial found in the strata of the accumulation of artefacts and single cut human bones at its eastern boundary. The interpretation of the site as a place for practicing cult activities became possible after excavation of Complex 3 where fragments of a broken hearth/altar (?) with a drain (Fig. 7) were uncovered. Similar installations have been found also at other complexes northwards, westwards and southwards from the central concentration of artefacts (Fig. 1).

Analysis of the faunistic remains (4,271 bones) (Table 1) from the sacrificial complexes (Table 2) and the accumulation of artefacts in the centre which resulted from utilization of the remains after performing the rituals (Table 3) has established that in all of the complexes, among the remains of large cattle, the most predominant are bones related with parts of carcasses of the highest nutritional value: probably the fore and/or hind extremities were preferred. Next in quantity are remains of small cattle. No regular immolation of horses was practiced as evidenced by the scattered osteological materials, almost total absence of complete skeletons and the absence of butchery marks on the majority of horse bones (by contrast to large cattle). More probable is frequent use of separate parts of horse carcasses (mostly extremities, like in the case of large cattle) as sacrificial food. Pig bones are splintered to the highest extent. This fact is explained by the use for food of practically all parts of these carcasses. There have been found canine maxillae and teeth. In the accumulation layers were collected fewer anatomic ligaments and a greater number of carcass parts possessing only slight nutritional value; the most of the skeletal remains bear traces of cooking thus confirming the supposition that the accumulation in the centre of the hill had resulted from dumping of remains of sacrifices.

⁷ Tatiana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru. Michael V. Sablin, Nikita A. Lyubimov — Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences; 1 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: Mikhail.Sablin@zin.ru, m.lyubimov01@yandex.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

«...и я всей душой хотел бы проводить раскопки именно там»: материалы В. Н. Ястребова по исследованиям в Херсонской губернии в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. В статье рассматриваются материалы научного архива ИИМК РАН, отражающие исследование В. Н. Ястребова (1855–1898) в Херсонской губернии. Среди документов — отчеты, рисунки, фотографии и переписка исследователя с ИАК, особо стоит отметить письма к В. Г. Тизенгаузену и А. А. Бобринскому.

Ключевые слова: Ястребов, научный архив, Херсонская губерния, Причерноморье, история археологии.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-335-345

В. Н. Ястребов (1855–1898) являлся действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей и преподавателем Елисаветградского реального училища, он также сотрудничал с Императорской археологической комиссией и Московским археологическим обществом. Как и многие ученые XIX в., исследователь отличался широким кругом интересов, в истории науки он известен и как археолог, и как этнограф. В собрании научного архива ИИМК РАН хранятся его материалы, связанные с исследованием памятников различных регионов: Области Войска Донского, Тамбовской и Херсонской губерний. Среди документов — отчеты, рисунки, фотографии и переписка исследователя с ИАК, особо стоит отметить письма к В. Г. Тизенгаузену и А. А. Бобринскому. В рамках этой статьи акцент сделан на материалах Херсонской губернии, исследования которой прошли сквозь всю научную биографию В. Н. Ястребова. Он работал с памятниками различного масштаба — от случайных находок до Мельгуновского кургана и Ольвии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

© Кузнецова В. Н., 2023.

Наиболее ранние сведения об археологических работах В. Н. Ястребова в материалах НА ИИМК весьма отрывочны. Так, он упоминается в письме И. И. Толстого к В. Г. Тизенгаузену от 9 июля 1887 г., связанном с работами в Херсонесе, впрочем, в не совсем ясном контексте: «Относительно Ястребова говорить рано» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887. Д. 22. Л. 29³). Он также отмечен в письме губернатора Херсонской губернии в ИАК от 18 декабря 1889 г., которое хранится в деле «о древних конских украшениях, найденных в Ананьевском уезде Херсонской губ.» (Там же. 1889. Д. 81). Согласно этому документу, «В 1886 или 1887 отставной Штабс-Ротмистр Шафонский на собственной своей земле, при участии учителя Елисаветградского Реального училища Ястребова, занимающегося археологией, раскопал три кургана; нашли они несколько человеческих скелетов, обломки глиняной посуды, медную чашку, саблю, некоторые принадлежности седла и лук. Все эти древности Шафонский тогда же отправил в названное училище» (Там же. Л. 56).

С 1888 г. В. Н. Ястребов весьма активно привлекался к выполнению различных поручений Комиссии, связанных не только с Херсонской губернией, на которые он всякий раз откликнулся с большой готовностью. К сожалению, вне рамок

³ Все архивные материалы, упоминаемые в статье, находятся в фонде 1 рукописного отдела НА ИИМК РАН, поэтому далее ссылки на них будут начинаться с описи, опуская упоминание архива и фонда.

данной статьи остался основной массив материалов о его работах в Тамбовской губернии и Области Войска Донского, однако на некоторых моментах этих исследований следует остановиться при рассмотрении его научной биографии.

В 1888 г. В. Н. Ястребов занимается раскопками Лядинского могильника в Тамбовской губернии (*Ястребов*, 1893), относящегося к культуре средневековой мордвы. В 1893 г. материалы этого памятника были изданы вместе с древностями Томниковского могильника, имеющего схожую культурно-хронологическую атрибуцию. Примечательна следующая особенность: в интерпретации средневековых мордовских украшений ясно прослеживается попытка осмысления их через поиск аналогий в античном ювелирном искусстве. Так, говоря о шейной гривне, В. Н. Ястребов пишет: «Форма эта представляет собою далекое воспоминание об ожерельях тонкой греческой работы» (*Там же*. С. 60). При описании других изделий встречаются также отсылки к украшениям конского убора из Нимфеи, золотым спиральным кольцам Киммерийского Боспора, орнаменту на серебряной бляшке из Александропольского кургана (*Там же*. С. 32, 37, 49). Очевидно, что увлечение античностью повлияло даже на восприятие финно-угорских материалов.

На 1889 г. приходятся активные работы В. Н. Ястребова в Екатеринославской и Херсонской губерниях. В последней им проводилось исследование у с. Мартоноша. Согласно журналу исходящих бумаг за 1889 г., ИАК направила В. Н. Ястребову предложение приступить к раскопкам курганов, удостоверение на получение 400 руб. из Елисаветградского уездного казначейства, открытый лист на право проведения раскопок в Херсонской губернии (Оп. 3. Д. 15. Л. 12). Курган у с. Мартоноша был раскопан крестьянами-кладоискателями еще в 1870 г. Наиболее яркая и значимая находка — фрагментированный бронзовый кратер (*Мальмберг*, 1907) — до сих пор привлекает внимание исследователей (*Вахтина*, 2008; *Трейстер*, 2021). Его ручка украшена «изображением Медузы с двумя парами крыльев в позе коленопреклоненного бега вправо» (*Вахтина*, 2008. С. 84). Как отмечает М. Ю. Вахтина, «находку этого парадного сосуда обычно рассматривают как результат контактов между греческими колонистами и местным населением региона. Скорее всего, кратер попал к представителям варварской аристократии из Ольвии» (*Там же*. С. 84).

Сведения о раскопках В. Н. Ястребова близ с. Мартоноша опубликованы в ОАК за 1889 г.

Само архивное дело о раскопках мартоношских курганов в собрании НА ИИМК РАН отсутствует (Оп. 1. 1882. Д. 5. «О высылке из Елисаветградского реального училища бронзовой ручки от древнего сосуда» — не было обнаружено при проверке 1938 г.). Однако в архивном собрании представлены письма В. Н. Ястребова, в которых описываются подготовительные работы к раскопкам в с. Мартоноша. Еще в феврале 1889 г. он писал В. Г. Тизенгаузену по поводу мартыношских/мартоношских курганов: «Я принял меры к получению подробных сведений о курганах близ с. Мартынош, но вследствие того, что ответ обещан мне не ранее 1 марта, спешу сообщить то, что удалось узнать, а именно: курганов там довольно много, некоторые расположены группами, высотой не превышают 4 сажень»⁴ (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 5). Исследователь описывает также ряд рабочих моментов: «Мартыноши населены молдаванами, которые на работу никогда не нанимаются; но говорят, можно нанять рабочих в гор. Новомиргороде» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 5).

В письме к В. Г. Тизенгаузену от 4 марта отражено стремление В. Н. Ястребова поскорее разобраться с разведочными работами и приступить к раскопкам, в том числе в с. Мартоноши: «...имею честь сообщить Вам, что в Лоцманскую Каменку охотнее я поехал бы на страстной, дабы не сокращать и без того коротких летних каникул, которые начинаются у нас 15 июня и продолжаются до 1-го августа. На поездку в Лоцманскую Каменку я смотрю как на разведку, ибо ничего верного и определенного она пока не обещает, и думаю выполнить эту экскурсию в течение недели <...> Зато с наступлением каникул можно будет без промедления приступить к работе по раскопкам в Мартыношах ли, в Николаевке ли, в Кривом ли Роге» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 3).

Весной 1889 г. были собраны долгожданные сведения, в письме от 9 мая 1889 г. В. Н. Ястребов пишет: «Близ Мартынош для меня насчитали до 10 курганов, между ними замечен и курган с ямой. По имеющимся у меня сведениям, курганы эти не очень велики, т. е. вряд ли превышают 3 саж.; оно и лучше: надо сначала набить руку на таких, для того чтобы не подвергать себя и других опасности завалов при раскопках больших. Только прошу Вас покорнейше, глубокоуважаемый Владимир Густавович, не ограничивать моей работы раскопкой могил только на казенных

⁴ Все документы приведены в соответствие с современными орфографией и пунктуацией.

участках, а распространить полномочия и на участки общественные и владельческие близ с. Мартынош [курсив мой. — В. К.] <...> по имеющимся у меня сведениям некоторые курганы находятся на землях, принадлежащих обществу крестьян с. Мартынош. Сообщите также, будьте добры, как я должен поступать в таком случае по вопросу о вознаграждении за хозяйственные убытки и за найденные вещи» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 16). Примечательно, что просьба о расширении полномочий будет встречаться и в других письмах В. Н. Ястребова, в частности, связанных с исследованиями Ольвии⁵.

Как отмечается в ОАК, «Восстановить историю раскопки 1870 <...> оказалось делом трудным, вследствие беспорядочности раскопки, отдаленности времени ее, преклонных лет спрошенных раскапывателей и, наконец, недостатка сознательности в отношении их к тем сторонам дела, которые представляют важность для науки <...> Дальнейшая раскопка, произведенная г. Ястребовым, прорезала курган почти насквозь от В. к З., колодцем в 20 арш. длины и 10 арш. ширины... По всем данным г. Ястребов считает несомненным разновременное, но полное разграбление кургана» (ОАК за 1889 г., 1892. С. 30, 31). Помимо доследования кургана, грабительски раскопанного в 1870 г., В. Н. Ястребов продолжил работы в окрестностях с. Мартоноша «близ дороги в Новомиргород» (Там же. С. 31): раскопал еще четыре кургана, а также прорезал южный вал городища, подходящего «под тип общераспространенный на севере Херсонской губ.» (Там же), сквозной траншеей.

Переписка В. Н. Ястребова за 1889 г. примечательна еще и тем, что в ней исследователь не только сообщал о делах, связанных с конкретными раскопками, но делился сведениями о других известных ему памятниках. В письме от февраля 1889 г. содержались краткие сведения о раскопках землевладельца Троста в Александрийском уезде близ дер. Николаевки: «Трост раскапывал одну могилу сажени 4 вышины; в насыпи нашел разложившийся скелет в деревянном гробу и обломок камня с интересными узорами, кажется — фраг-

⁵ «А так как может явиться необходимость произвести раскопки не только на общественных землях парутинских крестьян, а также на землях церковных и на общественных землях окрестных деревень и сел и пр., то покорнейше просил бы не ограничивать мои полномочия [курсив мой. — В. К.] общественными землями села Парутино» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 3).

Рис. 1. Курганы близ с. Владимировка Херсонского уезда. Рисунок ученика Елисаветградского реального училища П. Ярошевского (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889. Д. 60. Л. 8)

Fig. 1. Barrows near the village of Vladimirovka of Kherson Uyezd. Drawing by the pupil of the Elisavetgrad non-classical secondary school P. Yaroshevskiy (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1889. F. 60. Sh. 8)

мент каменной бабы; сколько мне известно, раскопка не кончена, и г. Трост приглашал меня приезжать для раскопки» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 6, 9). В мае 1889 г. В. Н. Ястребов пишет В. Г. Тизенгаузну о небольшом кургане во Владимировке Херсонского уезда, раскопанном крестьянином в 1887 г., и прилагает рисунок ученика Елисаветградского реального училища Петра Ярошевского (рис. 1), а также приводит следующие сведения: «По словам Ярошевского, крестьянин, войдя в подземелье, увидел „дида“, который тотчас же рассыпался, оставив после себя следы одежды и остатки костей. Были ли при этом найдены какие-либо вещи, Ярошевский не знает» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 16). Впрочем, создается впечатление, что упоминание материалов Владимировки — отнюдь не формальная передача сведений, но и отражение определенных планов и надежд В. Н. Ястребова: «Любопытно было бы когда-нибудь покопать большие могилы в этой группе» (Оп. 1. 1888. Д. 60. Л. 16).

На 1890 г. комиссия планировала довольно обширные исследования в Области Войска Донского при участии В. Н. Ястребова⁶. Из письма

⁶ Согласно письму А. А. Бобринского, В. Н. Ястребову следовало обратить внимание: «1) на ближайшее расследование местности в старой Азовской крепости <...>; 2) на раскопку двух или трех курганов в Ново-

исследователя, которое прилагалось к отчету по итогам работ 1890 г., очевидно, что работы ему дались непросто, а сами результаты принесли некоторое разочарование.

«Многоуважаемый Владимир Густавович!

Посылаю Вам печальный отчет свой, написать который едва хватило у меня духу, потому что приходилось переживать *вновь то уныние, которому — увьи! — я подвергался в минувшее лето* [курсив мой. — В. К.]. Не выручил даже венецианский посол Джакомо Корнадо, не говоря о курганах <...> Для меня только одно утешение осталось, это то, что в конце концов научился быть мужественным и одержал победу над самим собой: заехал за 500 верст от Ростова в юрт Голубинской станицы и, найдя, что во всех почти курганах зияют грабительские ямы, имел духу раскопать 10 курганов: утешение для меня, но, к сожалению, — не для науки...» (Оп. 1. 1890. Д. 9а. Л. 19).

В письме отразилась глубина переживаний В. Н. Ястребова: сложно сказать, стали ли раскопки 1890 г. своего рода переломным моментом в его ментальном здоровье. Однако состояние уныния, как его обозначил он сам, к сожалению, проявлялось неоднократно и в дальнейшем сказалось не только на научной карьере исследователя и изучении археологии Херсонской губернии в частности, но и на всей жизни.

В 1891 г. В. Н. Ястребов вновь возвращается к раскопкам в Херсонской губернии — в дер. Сергеевке Владимировской волости Херсонского уезда. Здесь годом ранее крестьянин Денис Михайлов Коломак при вспашке поля обнаружил «несколько десятков древних металлических блях, трубочек и колокольчиков» (Оп. 1. 1891. Д. 34. Л. 10) (рис. 2, 1). Изделия были доставлены в ИАК, в связи с чем она в марте 1891 г. обращается к В. Н. Ястребову: «Находя бесполезным ближе исследовать эту местность и, если окажется нужным, провести там небольшие раскопки,

черкаскае <...>; 3) на раскопку нескольких курганов в юрте станицы Голубинской» (Оп. 1. 1890. Д. 9а. Л. 3). В числе поручений от ИАК, значащихся в документе, стоит отметить следующее: «Затем Комиссии желательно, чтобы Вы осмотрели Новочеркасский Музей и сообщили ей сведения о наиболее выдающихся в нем предметах древности. Наконец она просит Вас при Ваших разъездах по Земле Войска Донского собрать сведения о местных городищах, о наиболее важных группах курганов, которые Вам будут встречаться на пути, о случайных находках, сделанных в тех местностях, о частных коллекциях древностей и т. п.» (Там же).

Императорская Археологическая Комиссия покорнейше просит Вас принять на себя таковое исследование и с этою целью препровождает к Вам при сем открытый лист и свидетельство на получение из Елисаветградского Казначейства авансом 100 руб. на поездку в Сергеевку и обратно и на производство необходимых разведок» (Там же).

В. Н. Ястребов с готовностью откликается на предложение: «В дер. Сергеевку, может быть, съезжу на пасхальной неделе, но еще вероятнее, что после экзаменов». Кроме того, согласно письму исследователя, в его планы входило более масштабное обследование: «С этой поездкой имею в виду соединить осмотр и разведку курганов в самом селе Владимировке; о них я писал Археологической Комиссии в 1889 году, но не успел тогда остановиться здесь вдоль по дороге из Екатеринослава; кроме того, можно будет заехать в Кривой Рог для осмотра огромной Царевой могилы и ознакомления с владельцем ее; наконец, со станции Знаменка можно бы предпринять недалекие экскурсии в Черный лес и в Чудну для осмотра имеющихся там городищ <...> Надеюсь, что Археологическая Комиссия не найдет препятствий, если я, не ограничиваясь Сергеевкой и Владимировкой, расширю несколько план своей экскурсии включением в него указанных местностей» (Там же. Л. 14).

По итогу работ В. Н. Ястребов представил в ИАК отчет. Как отметил сам исследователь, первым делом он обратился к находчику и отправился с ним на место обнаружения блях, трубочек и бубенчиков: «Место находки не представляет никаких неровностей, которые позволяли бы предполагать существование здесь кургана, и произошло посреди поля, засеянного рожью, но было нарочито оставлено Коломаком незасеянным» (Там же. Л. 21). В. Н. Ястребов известен также и как этнограф, и его навыки работы с устной информацией отразились в археологических исследованиях — он весьма тщательно проводил опрос и местных крестьян, и находчиков: «Вещи, по его словам [Коломака. — В. К.], найдены им случайно, на поверхности пашни, будучи выворочены плугом, без всякого следа каких-либо костей, и он никогда не слышал, чтобы кто-либо находил здесь кости» (Там же).

Место находки было обследовано щупом, обнаруженная при этом «грунтовая яма... тотчас же была очищена от земли <...> В земле, наполнявшей ее, нашли 3 штуки бляшек (попорченных), подобных найденным прежде». Проанализировав все обстоятельства, В. Н. Ястребов делает вывод,

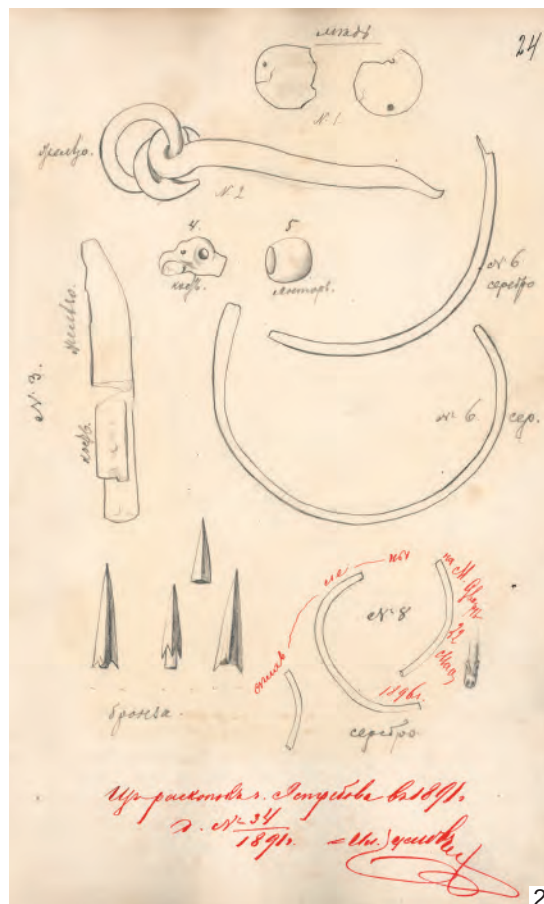

Рис. 2. Деревня Сергеевка Владимировской волости Херсонского уезда. Находки: 1 — обнаруженные при вспашке поля крестьянином Д. М. Коломаком; 2 — из раскопок В. Н. Ястребова. Рисунки В. Н. Ястребова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 34. Л. 3, 24)

Fig. 2. Village of Sergeevka in Vladimir Volost of Kherson Uyezd. Finds: 1 — found during ploughing of a field by the peasant D. M. Kolomak; 2 — from excavations by V. N. Yastrebov. Drawings by V. N. Yastrebov (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1891. F. 34. Sh. 3, 24)

что обнаруженные предметы входили в состав клада, «находившегося на дне ямы, но тронутого кем-то раньше Коломака» (Там же). Закончив с предполагаемым кладом, он остановил внимание на так называемых Рядовых могилах, «лежавших в 3 в[ерстах] от села к В[остоку], и, воспользовавшись любезным предложением владельца земли, Хр. Ал. Бредихина, избрал для раскопки самый восточный и вместе с тем самый большой курган» (Там же) (рис. 2, 2).

В 1892 г. ИАК предлагает В. Н. Ястребову раскопки курганов близ дер. Кучеровки Александровского уезда (так называемого Мельгуновского кургана), а также г. Александрии (рис. 3). Последний, «по дошедшим до Императорской Археологич. Комиссии сведениям», подвергался разрушениям: «местные жители берут землю из кургана и таким образом выбрали уже свобод-

ную канаву, в которой из насыпи торчат человеческие кости» (Оп. 1. 1891. Д. 132. Л. 1). В. Н. Ястребов писал А. А. Бобринскому: «раскопку в указанных <...> местах принимаю на себя с особенным удовольствием» (Там же. Л. 5).

Фактически В. Н. Ястребов первым приступил к научному изучению Мельгуновского кургана (Придик, 1911)⁷. Отчет В. Н. Ястребова по итогам раскопок этого памятника был отправлен в ИАК

⁷ В 1949 г. курган осмотрел А. И. Тереножкин (Тереножкин, 1952. С. 113), а в 1990 г. его последовала Н. М. Бокий (Бокий, 1992). Последние раскопки проведены Ю. В. Болтриком в 2019 г.; были найдены обломки золотых изделий, железного меча, металлические детали парадной мебели и др. Об исследовании кургана и истории коллекций находок см.: Тункина, 2006; Бабенко, 2012. Там же библиография.

Рис. 3. Открытый лист, выданный В. Н. Ястребову в 1892 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 132. Л. 14)

Fig. 3. Archaeological licence issued to V. N. Yastrebov in 1892 (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1891. F. 132. Sh. 14)

в конце августа 1892 г. Он написан на пяти страницах, три из которых характеризуют историю исследования, а на оставшихся двух отражены их результаты. В отчете сквозит разочарование, так как В. Н. Ястребов не встретил ярких находок в скифо-сибирском зверином стиле, подобных тем, что принесли известность этому памятнику. Он обнаружил «след прежних раскопок, может быть — мельгуновских» (Там же. Л. 26) и две ограбленные катакомбы. Отчет завершается следующим образом: «В насыпи кургана, в восточной его части, найдено несколько кусков затылочных костей человеческого черепа. По недостатку средств раскопки закончились на одном кургане. По этой же причине не был раскопан и курган в гор. Александрии» (Там же. Л. 27).

В 1894 г. В. Н. Ястребов получает предложение от ИАК провести раскопки в Ольвии. Исследователь встретил это предложение с чрезвычайным

воодушевлением: «...имею честь уведомить Вас, что ввиду неотложной необходимости систематического исследования ольвийских курганов и городища и первостепенной важности этого исследования я считаю для себя приятным долгом принять на себя проведение раскопок в Ольвии в настоящем году, к которым могу приступить после 15 июня, и что буду особенно рад воспользоваться Вашими личными указаниями и советами на месте раскопок» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 3). Ранее раскопками в Ольвии занимался И. К. Суручан, которому в производстве работ в 1894 г. было откано⁸.

В целом сезон 1894 г. оказался для В. Н. Ястребова непростым. Определенные сложности начались еще на этапе подготовки работ. Собственно, просьба не ограничивать полномочия была отнюдь не случайной. Первое письмо, в котором исследователь выразил готовность работать в Ольвии, датировано 25 марта 1894 г., однако уже 30 марта он посылает А. А. Бобринскому второе: «Здесь, в Елисаветграде, нашлись два человека, в недавнем времени бывшие в Парутине, один из которых — прежний управляющий имением, г. Гриневич, следовательно, человек хорошо знакомый с местностью. Оба они утверждают, что на 500 десятинах крестьянских парутинских наделов имеется всего четыре кургана, и те, по словам Гриневича, изрыты и обшарены крестьянами до последней возможности, — все же остальные окрестности Парутина находятся во владении гр. Мусиной-Пушкиной, а потому если от нея разрешения получено не будет, то копать собственно в Ольвии нечего» (Там же).

На случай отказа графини у В. Н. Ястребова был план провести раскопки по соседству с парутинскими землями: «можно бы обследовать правый берег Бутского лимана выше и ниже Парутино, где также есть городища и курганы» (Там же. Л. 4). Впрочем, Ольвия продолжала занимать

⁸ В письме от 23 апреля граф А. А. Бобринский писал: «Милостивый Государь Иван Касьянович! Принося Вам искреннюю благодарность за сообщенные <...> сведения об Ольвии и готовность заняться там раскопками, Импер. Археологическая Комиссия, к сожалению, лишена, по крайней мере в нынешнем году, исполнить желание Ваше, так как раскопки в Ольвии по установленному порядку предоставлены Комиссией специальному соруднику ее по исследованию древностей Херсонской губернии В. Н. Ястребову, которому при том на эти раскопки могли быть отпущены весьма небольшие средства» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 12).

мысли исследователя: «В Ольвию съездить все-таки, конечно, не лишнее, и я всей душой хотел бы производить раскопки именно там» (*Там же*).

Комиссия все же настаивала на раскопках в Парутино, но и против плана В. Н. Ястребова об исследовании соседних памятников не высказалась: «Импер. Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Вас, что она считает во всяком случае желательным, чтобы Вами произведены были в Парутине некоторые предварительные раскопки, и вместе с тем извещает Вас о согласии своем на производство Вами раскопок и разведок в других помеченных в письме Вашем местностях» (*Там же*. Л. 6). Как следует из архивного дела, план не был реализован. В мае 1894 г. В. Н. Ястребов пишет: «Считаю долгом добавить, что согласно с желанием Археологической Комиссии, имею неперемное намерение провести раскопки в Парутине, тем более что по собранным мною вновь сведениям можно предполагать остатки городища и под крестьянскими усадьбами» (*Там же*).

Примечательно, что, несмотря на отказ И. К. Суручану в раскопках в Ольвии, ИАК просила его «в случае надобности <...> поделиться с г. Ястребовым указаниями относительно выбора для тамошних раскопок таких пунктов, которые <...> обещают наиболее удовлетворительные результаты» (*Там же*. Л. 12).

В. Н. Ястребов был знаком с отчетом И. К. Суручана (*Там же*. Л. 2, 4). Кроме того, ИАК в письме от 25 апреля 1894 г. направила ему «копию с письма г. Суручана» и предлагала ему «ознакомиться с его [Суручана. — В. К.] коллекцией Ольвийских древностей и вместе с тем собрать у него <...> ближайшие указания относительно выбора пункта для тамошних раскопок» (*Там же*. Л. 13). В. Н. Ястребов с готовностью откликнулся на поступившее предложение: «по предварительном осмотре местности, но до начала раскопок я нахожу полезным повидаться с г. Суручаном в Кишиневе и ознакомиться с его коллекцией, а потому покорнейше прошу Археологическую Комиссию предупредить его, что я рассчитываю посетить его около 18–19 июня» (*Там же*. Л. 17). Однако Комиссия предложила исследователю продолжить переписку самостоятельно: «Что касается до сношений с г. Суручаном, то Им. Арх. Комиссия просила об оказании Вам содействия для производства работ близ Парутина, но в дальнейшую переписку Вам надлежит вступить с г. Суручаном лично» (*Там же*. Л. 18). В архивных материалах сведения о том, состоялась ли встреча двух исследователей, не содержатся.

В 1894 г. В. Н. Ястребов проводил исследования на общественных землях возле Парутино, по итогам которых представил отчет и опись предметов (Оп. 1. 1894. Д. 34. Л. 50–55). В архивном деле представлены также фотографии некоторых находок. Эти работы были охарактеризованы в фундаментальном труде, посвященном ИАК (Императорская археологическая комиссия, 2019. С. 665–667). Начинает работы В. Н. Ястребов с двух курганов, расположенных недалеко от «парутинского кладбища, по дороге из дер. Сары-Камыши в Николаев», которые «в значительной степени раскопаны <...> крестьянами для добытия глины» (Оп. 1. 1894. Д. 32. Л. 50). Затем им были исследованы еще 28 небольших погребений (*Там же*. Л. 51–55).

В 1895 г. В. Н. Ястребову поступило предложение продолжить работы на ольвийском некрополе, но исследователь отказался, сославшись на плохое самочувствие (Оп. 1. 1895. Д. 91. Л. 5) (рис. 4). Как следует из некролога, опубликованного в «Киевской старине», во второй половине 1890-х гг. состояние его здоровья ухудшилось, а в 1898 г. он умер в психиатрической лечебнице в Херсоне (Киевская старина, 1899. С. 126).

Отдельно стоит отметить работу В. Н. Ястребова по охране археологического наследия. В архивных материалах представлены письма, в которых он сообщал о случаях грабительских раскопок и выявленных древностях. Авторский эпистолярный стиль передает всю силу переживаний, которые, очевидно, охватывали исследователя.

«Считаю своим нравственным долгом сообщить Вам о возмутительном случае истребления [курсив мой. — В. К.] памятников древности, о котором только что узнал. В с. Губовке Александрийского уезда Херсонской губернии крестьяне, как повсюду у нас, искали клады. Кому-то из них посчастливилось найти два червонца, и вот все, доведенные алчностью до зверства [курсив мой. — В. К.], набросились на курганы и принялись копать их. Учительница местной школы советовала уряднику прекратить копания, и он запретил, но, как узнала она после по секрету, разрешил копать в виде исключения двоим богатым мужикам. Передают также о каком-то камне с надписью, которую кладовискатели намеревались взорвать порохом. От комментариев воздержусь.

Я писал Вам о деревянной статуе Нептуна, найденной г. Сербиновым в Днепровско-Бужском лимане. Теперь он пишет мне, что подарил ее командиру черноморского флота адмиралу Пещурову для учреждаемого в Николаеве музея, вместе с другой какой-то статуей „рыцаря“ (?)» (Оп. 1. 1890. Д. 20. Л. 22, 23).

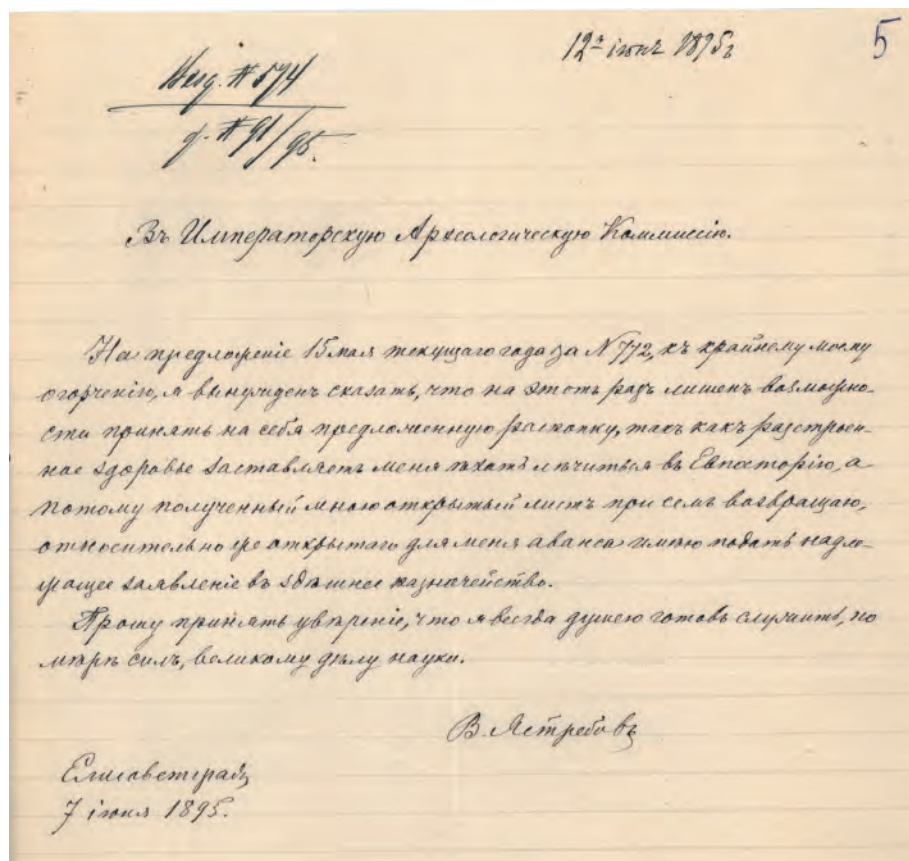

Рис. 4. Письмо В. Н. Ястребова в Императорскую Археологическую комиссию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 91. Л. 5)

Fig. 4. V. N. Yastrebov's letter to the Imperial Archaeological Commission (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1895. F. 91. Sh. 5)

Еще одно направление деятельности В. Н. Ястребова — это работа со случайными находками. Собственно, все накопленные им сведения были представлены в обобщающем труде «Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии» (1894). Примечательно, что для ряда памятников информация была получена именно благодаря работе В. Н. Ястребова, интересные находки также доставлялись в Комиссию благодаря его деятельности. Так, описывая «древности разного рода», В. Н. Ястребов под пунктом 7–8 пишет про находки в окрестностях с. Табурище на Днестре (Ястребов, 1894. С. 83). Одной из них являлось зеркало, переданное в ИАК благодаря усилиям исследователя (рис. 5, 1). Оно было найдено на берегу Днестра, близ с. Табурище Александровского уезда, вместе с другими «предметами (по рассказам находчицы, кольца, браслеты серьги), которые пропали бесследно, т. е., вероятно, сбыты на сплав, чаша, находившаяся в их числе, поломана на мелкие куски для удобства сбыта» (Оп. 1. 1890. Д. 86. Л. 2). По архивным материалам можно проследить весь процесс поступления изделия в ИАК. Узнав, что зеркало находится у священника Алексея Александровича, В. Н. Ястребов

просил его прислать рисунок и предложил продать эту вещь: «Он очень охотно выслал самый предмет и выразил согласие уступить его какому-либо собранию древностей, значит, как я понимаю, — продать» (Там же). Затем находка была направлена В. Н. Ястребовым В. Г. Тизенгаузену: «Посылаю зеркало Вам в том предположении, что Археологическая Комиссия не побрезгует им, особенно потому, что изображение соколиной охоты на нем кажется <...> мне до крайности интересным и довольно хорошо сохранившимся, хотя и почищено, вероятно, песочком или мелом» (Там же. Л. 2, 3). В результате зеркало было приобретено ИАК у отца Алексея Александровича за 15 руб. и вошло в собрание Эрмитажа. Примечательно, что это не единственный древний предмет, оказавшийся в руках у священнослужителя. Как пишет В. Н. Ястребов, «по сообщению священника о. Алексея Александровича», в 1870-х гг. в с. Табурище на Днестре были найдены кремневый топор, гранитные молоток и клин (Ястребов, 1894. С. 70), кроме того, «верстах в 5 отсюда [от с. Табурище. — В. К.] продолжительные ветры, сдувая верхние слои песка, обнаруживают черенки, похожие <...> на открываемые в Херсонесе, и бронзовые

Рис. 5. Рисунки В. Н. Ястребова: 1 — зеркало из с. Табурище Александрийского уезда Херсонской губернии; 2 — котел, найденный в с. Андрусовка Александрийского уезда Херсонской губернии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1890. Д. 86. Л. 6, 16)

Fig. 5. Drawings by V. N. Yastrebov: 1 — mirror from the village of Taburishche in the Aleksandriysky Uyezd of Kherson Province; 2 — cauldron found in the village of Andrusovka of the Aleksandriysky Uyezd of Kherson Province (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1890. F. 86. Sh. 6, 16)

наконечники стрел» (Там же. С. 83). В. Н. Ястребов также сообщал в ИАК «о двух скифских котлах, вырытых в местных курганах (из с. Андрусовки Александрийск. у.), находящихся у купца Виктора Андреевича Валахина, <...> другой — у землевладельца елисаветградского уезда Теофила Яковлевича Бакенского (адрес: ст. Шестаковка Одесской жел. дор.), хищнически копающего курганы на своей земле бл. дер. Трактамировка» (Оп. 1. 1896. Д. 86. Л. 3, 4) (рис. 5, 2).

Подводя итоги, отмечу, что материалы НА ИИМК РАН, связанные с исследованиями В. Н. Ястребова в Херсонской губернии, очень

важны для истории археологических исследований в России конца XIX в. Они характеризуют научную биографию исследователя, а также разные стороны его личности — живой интерес к археологии, пытливый ум и самоотдачу. В то же время построение фраз, особенно в переписке, во многом отражает его тонкую душевную организацию, а также маркирует постепенное развитие болезни. Создается впечатление, что в 1890 г. на раскопках в Области Войска Донского произошел надрыв, после которого состояние В. Н. Ястребова ухудшалось. По злой иронии все последующие памятники, которые он исследовал, были

ограблены, что не только не приносило ему ожидаемого воодушевления, но и, вероятно, вызывало дополнительные тревоги. Тем не менее нельзя недооценивать значение работы В. Н. Ястребова в Херсонской губернии. За непродолжительный

период с 1889 по 1894 г. им были проведены раскопки курганов у с. Мартоноша и дер. Сергеевки, исследования Мельгуновского кургана, раскопки в Ольвии, а также регулярно собирались сведения о древностях Причерноморья.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1.

1882. Д. 5: О высылке из Елисаветградского реального училища бронзовой ручки от древнего сосуда. (При проверке в 1938 г. не обнаружено.)

1887. Д. 22: О раскопках в Херсонесе (в 1887 и 1888 гг.). 269 л.

1888. Д. 60: Об открытии подземных ходов в с. Старых Кайдак, Екатеринославской губ. 30 л.

1889. Д. 81: По Херсонской губ. 57 л.

1890. Д. 9а: О раскопках В. Н. Ястребова в Области Земли Войска Донского. 74 л.

1890. Д. 20: О ходатайстве разными лицами права розыскивать клады в Херсонской губ. 29 л.; Д. 86: О металлическом зеркале, присланном в Комиссию на рассмотрение свящ. о. Алексеем Александровичем.

1891. Д. 34: О древних бронзовых украшениях, найденных на земле крестьян д. Сергеевки, Владимирской вол., Херсонского у. и губ. 29 л.; Д. 132: По сношению с александрийским уездным исправником Херсонской губ., о принятии мер к хранению от расхищения кургана, стоящего среди гор. Александрии. 27 л.

1894. Д. 32: Об исследовании Ольвийских курганов и городища. Л. 61.

1895. Д. 91: О раскопках В. Н. Ястребова на месте древней Ольвии. 9 л.

Оп. 3. Д. 15: Журнал исходящих бумаг за 1889 г. 72 л.

Бабенко, 2012 — Бабенко Л. И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского кургана) // РА. 2012. № 3. С. 20–27.

Бокий, 1992 — Бокий Н. М. Мельгуновский курган — исследования и версии // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. конф., посв. памяти А. И. Тереножкина / Отв. ред. Б. Н. Мозолевский. Мелитополь: ИА НАН Украины, 1992. С. 13–14.

Вахтина, 2008 — Вахтина М. Ю. О змеях на ручке бронзового кратера из села Мартоноша // АВ. 2008. Вып. 15. С. 84–90.

Императорская археологическая комиссия, 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917):

история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 с.

Киевская старина, 1899 — Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Год восемнадцатый. Т. LXVII. Октябрь. Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1899. С. 121–126.

Мальмберг, 1907 — Мальмберг В. К. Ваза с ручкой, украшенной Горгоною // Жебелев С. А., Мальмберг В. К. Три архаические бронзы из Херсонской губернии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907 (МАР; № 32). С. 36–57.

ОАК за 1889 г., 1892 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 год. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. 127 с.

Придик, 1911 — Придик Е. М. Мельгуновский клад 1763 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911 (МАР; № 31). 24 с.

Тереножкин, 1952 — Тереножкин О. І. Розвідки и розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. VII. С. 110–135.

Трейстер, 2021 — Трейстер М. Ю. Бронзовый кратер из скифского кургана у села Мартоноша // Ранній залізний вік Східної Європи: збірник статей на пошану Ірини Шрамко / Ред. С. Скорий, С. Задніков. Харків; Котельва: Харківський НУ ім. В. Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», 2021. С. 260–277.

Тункина, 2006 — Тункина И. В. Сокровища Литого кургана и академик Г. Ф. Миллер // ВДИ. 2006. № 3. С. 135–155.

Ястребов, 1893 — Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 63 с.

Ястребов, 1894 — Ястребов В. Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. XVII. С. 63–176.

**“...And with all my soul I would like to conduct excavations exactly there”:
V. N. Yastrebov’s materials on the investigations in Kherson Province kept
at the Manuscript Department of the Scientific Archives of IHMC RAS**

V. N. Kuznetsova⁹

Keywords: Yastrebov, Scientific Archives, Kherson Province, Black Sea region, history of archaeology.

In the collection of the Scientific Archives of IHMC RAS there are kept V. N. Yastrebov’s materials related to examination of sites at the Land of the Don Army and in Tambov and Kherson provinces. V. N. Yastrebov (1855–1898) was a full member of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities and a professor of the Elisavetgrad non-classical secondary school; he also collaborated with the Imperial Archaeological Commission (IAC) and the Moscow Archaeological Society. Among the mentioned documents there are reports, drawings (Fig. 1), photographs and correspondence of the researcher with the IAC. The scope of the present paper is focused on the materials from Kherson Province with the investigations of which the entire scientific biography of V. N. Yastrebov was concerned. He studied materials of different scale — from stray finds to the Melgunov’s barrow in Olbia. In 1889, V. N. Yastrebov conducted investigations near the village of Martonosh, in 1891 in the village of Sergeevka (Fig. 2), in 1892 he completed the investigation of the so-called “Melgunov’s barrow” (Fig. 3), and in 1894 he worked in Olbia. In 1895, V. N. Yastrebov received a proposal to continue the works at the Olbian necropolis but the researcher refused alleging his poor health (Fig. 4, 1). An important direction of V. N. Yastrebov’s activities comprised the studies of chance finds. The information accumulated by him is presented in the summarizing work *Opyt topograficheskogo obozreniya drevnostey Khersonskoy gubernii* (*Experience of a topographical review of antiquities of Kherson Province*; 1894). It is of note that for a number of sites, the information was gained exactly thanks to the efforts of V. N. Yastrebov and some finds were submitted to the Commission owing to his activities (Fig. 5). The materials from Scientific Archives of IHMC RAS related with V. N. Yastrebov’s investigations in Kherson Province are of great importance for the history of archaeological studies in Russia in the late 19th cen. They characterize the scientific biography of the researcher as well as different aspects of his personality — the live interest for archaeology, inquisitive mind and devotion.

---

⁹ Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

Протокол заседания Комиссии по чистке аппарата Государственного Эрмитажа 24 апреля 1931 г. (кадровая чистка М. И. Максимовой)ⁱ

Вступительная заметка, подготовка текста и примечания
А. В. Бочкова и М. В. Мандрик^{ii, iii}

Аннотация. В начале 1930-х гг. в научных учреждениях Ленинграда прошла волна кадровых чисток, которая довольно сильно затронула сотрудников Государственного Эрмитажа и Государственной Академии истории материальной культуры. Часть научных сотрудников, в основном уже состоявшихся ученых, работала одновременно в обоих учреждениях и, таким образом, попала под двойной удар; в их числе была и М. И. Максимова. Публикация части протокола заседания по кадровой чистке М. И. Максимовой в Эрмитаже позволяет перенестись в те суровые дни, понять, как и чем жили ученые того времени. В приложении к протоколу приводятся документы о чистке М. И. Максимовой в ГАИМК и о реакции просоветской части Академии на события в Эрмитаже; также представлены краткие биографические заметки об участниках заседания 24 апреля 1931 г.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, Государственная Академия истории материальной культуры, М. И. Максимова, кадровая чистка в Ленинграде, архивные документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-346-360

Конец 1920-х гг. ознаменовался изменениями в политике партии, которые вызвали волну чисток государственного аппарата и научно-учебных учреждений по всей стране. Как утверждалось

ⁱ Бочковым А. В. исследование полностью проведено на частные средства. Мандрик М. В. выполнила работу в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

ⁱⁱ Бочков А. В. — независимый исследователь; Сиэтл, США (Seattle, USA); e-mail: synru11@gmail.com. Мандрик М. В. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mmandrik@mail.ru.

© Бочков А. В., Мандрик М. В., 2023.

ⁱⁱⁱ Бочков А. В. выражает глубокую благодарность Публичной библиотеке Сиэтла (Seattle Public Library), Публичной библиотеке Нью-Йорка (New York Public Library) и библиотекам Университета штата Вашингтон (University of Washington Libraries).

в инструкции НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата от 1 июня 1929 г., чистка была организована «в целях улучшения личного состава», для избавления «от элементов разложившихся, извращающих советские законы, сраживающихся с кулаком и нэпманом, мешающих бороться с волокитой и ее прикрывающих, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящихся к насущным нуждам трудящихся, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей» (Известия, 1929. С. 2). По данным, озвученным на 3-м Пленуме Центральной контрольной комиссии ВКП(б) в докладе председателя ЦКК А. А. Андреева, к середине 1931 г. прошли чистку 1 600 000 сотрудников советского аппарата, причем из них было «вычищено» 10 % (в докладе приводится число 164 000 человек) (Андреев, 1931. С. 13).

Среди «вычищенных» оказалась и часть сотрудников Государственного Эрмитажа^{iv}, причем

^{iv} В статье «Гнездо вредителей в Эрмитаже», напечатанной в «Вечерней Красной газете», говорится,

Рис. 1. Мария Ивановна Максимова (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 91. Л. 4)

Fig. 1. Maria Ivanovna Maksimova (late 1920s — early 1930s) (St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. A.G. 729. In. 1. F. 91. Sh. 4)

большинство неугодных выявлялось по сословному признаку, из так называемых бывших людей^у. В историографии этот вопрос уже получил свое освещение, особенно в книге «Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы» (2016), где помимо прочего была опубликована первая часть протокола заседания по кадровой чистке 24 апреля 1931 г., посвященная чистке А. Н. Кубе (С. 567–584). В настоящей публикации авторы вводят в научный оборот вторую часть этого протокола, посвященную персональной чистке археолога и историка

что из 481 сотрудника Эрмитажа в ходе чистки было «снято и привлечено к ответственности» 24 человека (Вечерняя..., 1931. С. 4), то есть почти 5 %. Текст статьи полностью опубликован (Музейные распродажи, 2016. С. 625), но без указания даты и номера выпуска газеты. Авторы благодарят сотрудников Отдела газет РГБ (г. Химки) и его главного библиотекаря Елену Александрову Чибисову за поиск и предоставленные материалы.

^у На заседании Бюро коллектива ВКП(б) при Эрмитаже, состоявшемся 9 июля 1930 г., Т. Л. Лиловая отметила: «Надо учесть полученный опыт предстоящей чистки. Если комиссия не довольна результатом своей работы в ГАИМК, очевидно комиссия будет удовлетворена своей работой при чистке Эрмитажа, где 90 % дворян. Вопрос подготовки нашей смены совершался не нами, а старыми научными работниками, по их же образцу и подобию. Пора дело подготовки новых кадров взять в свои руки. Не следовало бы до чистки *вышибать* тех, которых надо вычистить по категориям. Не надо бояться выгнать даже тех, которым нет смены» (курсив наш. — А. Б., М. М.) (ЦГАИПД. Ф. Р-1605. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3). Впрочем, А. В. Конивец, ссылаясь на отчет Эрмитажа от 1931 г. «О социальном происхождении научных работников», приводит несколько другие данные: из 144 человек дворянское происхождение имело у 57 (Конивец, 2014. С. 316), что составляло около 40 %.

искусств Марии Ивановны Максимовой (1885–1973) (рис. 1).

В связи с ограниченным объемом журнальной публикации краткие биографические справки о работе М. И. Максимовой в ГАИМК и Эрмитаже, черновик ее письменного заявления, по-видимому, в Комиссию по чистке при Ленинградской областной рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), постановление Комиссии по чистке ГАИМК, заметка [А. С.] Маркова «Эрмитаж чистят» из стенгазеты ГАИМК «Перелом» и краткие биографии участников чистки М. И. Максимовой вынесены в онлайн-версию (URL: <https://independent.academia.edu/AlexVochkov>).

При публикации второй части протокола авторы руководствовались принципами, изложенными в документе «Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде» (Методические рекомендации, 2022). Таким образом, нами были внесены в текст следующие изменения: орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами русского языка, за исключением специально оговоренных в примечаниях случаях; без оговорок исправлены многочисленные явные опечатки; для более легкого понимания текста изменена разбивка на абзацы; сокращенные слова даются в полной форме в квадратных скобках, за исключением общепринятых и контекстуально однозначных типа «гр.», «проф.», «т.» или «тов.» перед фамилиями; фамилии в самом тексте протокола даются только с первой заглавной буквы («Капман» вместо «КАПМАН»); проставленные sporadически сокращения «т.» (товарищ) перед фамилиями выступающих было решено опустить полностью, но внутри текста данное обращение сохранено; оставлены подчеркивания, присутствующие в машинописном тексте; опущенные части текста отмечены отточием в угловых скобках.

Протокол заседания Комиссии по чистке аппарата Государственного Эрмитажа на общем собрании служащих Государственного Эрмитажа совместно с рабочими фабрики им. тов. Синицына¹ в театре Гос. Эрмитажа 24 апреля 1931 г.

Председатель: тов. Емельяненко.

Члены: Григорьева, Давыдов, Куканов, Куприянов, Соколов, Чепельников, пред. М/К. Иост² и др.

<...>

М. И. Максимова сообщает свою автобиографию.

МАКСИМОВА: Родилась в Ленинграде в 1885 г. Отец — потомственный почетный гражданин, имел банкирскую контору и недвижимую собственность — дома в Ленинграде и дачу у Ораниенбаума³. В 1902 г. получил чин действительного статского советника. Умер в 1905 г.⁴ Мать из московской купеческой семьи. Своего состояния не имела. Умерла в 1929 г.⁵

Первоначальное образование получила дома. Поступила в 7-й класс гимназии Стоюниной⁶. В 1903 г. поступила на высшие женские Бестужевские курсы⁷, где работала по древней истории под руководством проф. Ростовцева. В 1909 г. была оставлена при курсах и командирована за границу. Училась в университетах Бонна и Берлина. В 1914 г. сдала экзамен на степень доктора. Осталась в Берлине, где печаталась диссертация. При начале войны вернулась в Ленинград.

Осенью 1914 г. по приглашению Е. М. Придика⁸ поступила в Эрмитаж на сверхштатную должность, причисленную к Отделу древностей. Магистерские экзамены при Ленинградском университете сдала в 1917 г. В 1918 г. защищала диссертацию на степень магистра⁹. После Февральской революции перешла в Эрмитаж на штатную должность ассистента при Отделе древностей и с 1 января 1919 г. заняла должность хранителя вновь учрежденного Отделения глиптики, где и работала до расформирования отделения в 1929 г.

Одновременно читала лекции в Институте истории искусств (два года) и в Университете с 1918 г. по 1925 г. С 1926 г. по 15 декабря 1930 г. работала в ГАИМК. В 1928 г. была в заграничной командировке от Наркомпроса по ГАИМК.

С расформированием Отдела глиптики принципиально не была согласна, так как считала, что эта мера не отвечает тем методам изучения материала, которые являются специфической его особенностью. Но мои личные научные интересы не удовлетворяла работа в узкой специальности, и потому я рада была, согласно сделанному мне

предложению, перейти в Скифскую секцию Эллино-скифского отделения на должность старшего помощника хранителя. В этом отделении, входящем сейчас в состав Второго отделения IV отдела Эрмитажа, я работаю до сих пор.

Вопросы Максимовой.

КРИЧЕВСКИЙ: Есть ли у Вас переписка с заграничными учеными и, в частности, с Ростовцевым¹⁰?

МАНЦЕВИЧ: Кем была предложена работа в Скифском отделении¹¹?

ШУЛЬЦ: Как Максимова относится к Тройницкому¹² и его роли в Эрмитаже?

КРИЧЕВСКИЙ: Были в Эрмитаже группировки и к каким группировкам Вы принадлежали?

МАРКОВ: Какую общественную работу Вы вели в Эрмитаже?

СЕМЕНОВ-ЗУССЕР: Занимались ли Вы Скифией до перехода в отделение?

МАРКОВ: Привлекали ли Вы молодых работников?

ЮНОВИЧ: Каково Ваше мнение о Вашем руководителе по резным камням¹³?

ШУЛЬЦ: Как сформировался состав Отделения глиптики?

КРЮГЕР: Были ли у Вас средства за границей после революции, какие у Вас знакомства в Дании, Финляндии?

ЮНОВИЧ: Какие знакомства у Вас в Новодевичьем монастыре? Какая связь у Вас с Кронштадтом?

КРИЧЕВСКИЙ: Какой чин имел Ваш отец?

ЕМЕЛЬЯНЕНКО: Известна ли Вам целеустановка Вашего отделения и отдела; считаете ли Вы выполненным Ваш производственный план; каково Ваше участие в ударничестве в соцсоревновании?

ДАВЫДОВ: Говорили ли Вы Тройницкому, что Вы не будете давать в Комиссию по чистке никаких материалов, пока там будут работать известные люди?

СЕМЕНОВ-ЗУССЕР: Почему Вас ушли из Университета^{vi} и почему Эрмитаж не дал Вам командировки за границу?

ШУЛЬЦ: Какие знакомства у Вас за границей?

^{vi} Так в тексте.

КРЮГЕР: Каковы научные результаты Вашей поездки за границу и стоило ли ездить за границу?

КРИЧЕВСКИЙ: Были ли случаи, что Вы не давали другим работникам возможность использовать материал Вашего отделения?

ЕМЕЛЬЯНЕНКО: Как Вы понимаете комплексную экспозицию?

МАРКОВ: Считаете ли Вы себя подготовленной для осуществления реконструкции Эрмитажа¹⁴ и задач, стоящих перед Вами в этой связи?

ОТВЕТЫ МАКСИМОВОЙ.

Переписка с заграницей есть, но не очень обширная. С Ростовцевым я никогда не переписывалась. Предложение о переводе в Скифское отделение было сделано Боровкой¹⁵, причем он сказал, что это согласовано было с Правлением Эрмитажа. Тройницкого я всегда считала и считаю хорошим директором Эрмитажа. О группировке Тройницкого¹⁶ говорить не приходится, т. к. первые годы его поддерживал весь Эрмитаж. На последнем заседании Совета выяснилось, что Тройницкого поддерживает три четверти состава Совета Эрмитажа¹⁷.

Общественная работа заключалась в работе в ячейке Осоавиахима^{vii} в 1931 г. и участии в ячейке МОПРа (с 1930 г.)^{viii}.

Желающих поступить в Отделение глиптики и специализироваться по этой отрасли из молодежи никого не было. Путеводители, мной написанные, в настоящее время не отвечают требованиям, однако они могут служить для первого знакомства с резными камнями.

В Дании живет моя подруга, художница-датчанка¹⁸. В Финляндии находится мой брат, который легально уехал туда в 1918 г.¹⁹, за эти годы я обменялась с братом двумя-тремя открытками.

В Новодевичьем монастыре у меня знакомых нет, там похоронена моя мать, и единственный знакомый — это сторож, который ухаживает за могилой. С Кронштадтом у меня никакой связи нет и не было. Отец был в чине действительного статского советника.

Целеустановки отдела мною вполне поняты, что видно из того, что я участвовала в выработке структуры отдела. План мной выполняется и перевыполняется.

Разговор с Тройницким у меня был, в другом виде. (ДАВЫДОВ: Тройницкий сообщил, что не-

которые сотрудники, в том числе и Вы, отказываются давать в Комиссию какие-либо сведения, пока в ней работают тт. Крюгер и Семенов-Зуссер.) Нет, я этого не говорила, а сказала, что бригада по обследованию могла быть составлена более удачно. Относилась же к Комиссии я с самого начала с большим доверием.

Уволена из Университета я была по сокращению²⁰. Из ГАИМК'а меня уволили, ничего мне не сказав²¹. Об отказе в командировке за границу со стороны Эрмитажа я не знала и узнаю это впервые. Думала, что это отпало за истечением срока. Когда я была в Берлине, то виделась там с бывш[им] ученым секретарем Макаровым²². В Париже виделась с Бенуа²³, Эрнстом²⁴ и Бушеном²⁵ (б[ывшими] сотрудниками Эрмитажа). За границу я ездила по предложению Германского археологического института для прочтения доклада, который и прочла²⁶.

Случаев помехи с моей стороны использовать материал отделения не было.

Комплексную экспозицию я понимаю как такую группировку материала, которая будет способствовать показу памятников материальной культуры и освещению их с марксистской точки зрения, т. е. показу производительных сил, производственных отношений и классовой борьбы.

К разрешению задач, стоящих передо мной, я считаю себя вполне подготовленной.

Дополнительные вопросы.

ГУКАНОВ:^{ix} От владения домов какой был капитал? Почему оказались беспаспортными золотые оправы на резных камнях³⁴ и как в дальнейшем быть с ними? Каково Ваше отношение к советской власти и с какого года Вы считаете, что работаете по-советски?

СЕМЕНОВ-ЗУССЕР: Знали ли Вы в Париже, что Бенуа, Эрнст и Бушен белоэмигранты?

Ответы МАКСИМОВОЙ.

Капиталы отца мне неизвестны.

Случаев отказа своим сотрудникам не было.

Беспаспортные оправы объясняются потерей (соскочил^x) номера, и они легко будут восстановлены при проверке. Оправы должны быть записаны в инвентари.

Мне не только, когда я была в Париже, не было известно, что Бенуа, Эрнст и Бушен белоэмигранты, но мне известно, что и сейчас они живут по советскому паспорту, причем Бенуа еще и по специальному разрешению т. Луначарского.

^{vii} Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

^{viii} Международная организация помощи борцам революции.

^{ix} Так в тексте; скорее всего, должно быть Куканов.

^x Так в тексте.

КРИЧЕВСКИЙ: Товарищи, на четыре вопроса должна ответить нам чистка Максимовой:

1) Максимова как бывший член Совета Эрмитажа, как один из его б[ывших] руководящих работников;

2) и самое, к сведению т. Орбели, главное — политическое лицо Максимовой;

3) Максимова как ученый — Максимова как специалист;

4) Максимова как музейный работник.

Ответить на первый вопрос нетрудно. Вряд ли кому в Эрмитаже неизвестно, что Максимова, будучи членом Совета Эрмитажа, являлась активным участником того, что мы называем «группировкой Тройницкого»²⁸. Максимова признала активное участие в той борьбе Совета Эрмитажа²⁹ против советской власти, которой руководил Тройницкий. Максимова ответственна за создание в Эрмитаже той реакционной обстановки, которая и до сих пор чрезвычайно тормозит реконструкцию Эрмитажа и которая особенно ярко проявилась на сегодняшнем собрании.

Эта «практика» Максимовой станет понятной и естественной, если мы обратимся к ее «теории». Дело заключается в том, что ни в чем так ярко не отразилась политическая идеология Максимовой, как в ее, с позволения сказать, научных и научно-популярных работах. Все ее научные работы — это не полуфабрикаты, как она характеризовала их сегодня, это настоящие фабрикаты дворянского научного производства, все ее научные работы имеют определенную политическую цель — пропаганды монархизма, апологии царей и знати. Это достигается, прежде всего, восхвалением личности царя.

Почему Максимова написала свою статью «Портреты русских князей и государей и работы резчика Дорша»³⁰? Она сама отвечает на это. Оказывается, что выяснение этого вопроса имеет большое значение для «иконографии русских великих князей и царей». Скажите, создание этой новой «научной» дисциплины — «монографии русских князей и государей» — имеет научный или политический смысл? Создание ее было бы понятным в дореволюционной России, но весь курьез заключается в том, что это писалось в 1926 г., любезно издавалось с разрешения Тройницкого.

Дальше. Почему написана статья Максимовой «Императрица Екатерина II и собрание резных камней Эрмитажа»³¹? Слово опять предоставляется Максимовой. «История приобретения резных камней Эрмитажа, — пишет она, — является особенно интересной, потому что геммы... были

особенно близки сердцу императрицы»³². Такова научная постановка вопроса.

Что представляет из себя содержание статьи? Сплошное восхваление Екатерины II: такой необычной для нее (Екатерины) скупости «тех приятных и полезных для ума развлечений, которым так любила предаваться императрица»; оказывается, что Екатерина, эта коронованная развратница, окончательно закрепостившая украинских крестьян, с азиатской жестокостью усмирявшая народные восстания, только и делала, что «предавалась полезным и приятным для ума развлечениям»³³.

Кто будет утверждать, что это сознательное искажение истории сделано с научной, а не с политической целью? «Этим национальным сокровищам, — так заканчивает Максимова свою статью, — мы обязаны великой создательнице Эрмитажа», «широте ее интересов к тому благородному пристрастию к науке и искусству, которое она сама в шутку называла „полезным обжорством“»³⁴. Стоит ли разбирать эту фразу?

Национальные сокровища. Великая создательница. Широта интересов и благородное пристрастие Екатерины II к науке и искусству. Возмутительно то, что эта неприлично откровенная агитация за монархию³⁵ издавалась в 1926 г. в третьем сборнике Эрмитажа³⁶.

Даже стиль работ Максимовой насыщен преклонением перед монархизмом и монархией. Она пишет: «К Гримму, да и его Августейшей корреспонденции»³⁷ (с большой буквы). Она не пишет «царь» — она пишет «царственная особа», не пишет «симпатия» — а пишет «благосклонность». Пример? Извольте. «Помпадур» (сообщаю для непосвященных — любовница Людовика, кажется XIV, — впрочем, если я ошибаюсь, то, надеюсь, т. Максимова меня поправит в заключительном слове — она большой спец в этих делах) «дарила его работы окружавшим его^{xi} лицам и иногда даже посылала царственным особам других стран, благосклонностью которых ей важно было заручиться». Кто пишет так: советский ученый или придворный лизоблюд? Кто будет утверждать первое?

Второй путь, который Максимова избрала для доказательства следующего положения: только монархия, только господство аристократии

^{xi} Так в тексте, вместо правильного «ее»: «Она часто дарила его работы окружавшим ее лицам и иногда даже посылала их в качестве дипломатических подарков ...» (Максимова, 1926в. С. 9).

может дать расцвет искусства вообще и глиптики в частности. Что это такое, как не особая форма защиты царизма?

«При дворах эллинистических царей, — пишет Максимова, — создалась та обстановка, которая была особенно благоприятна для зарождения и развития этого нового вида глиптики. Богатые материальные средства, пышность и блеск, а также тонкий художественный вкус».

Та же обстановка в Европе также вызвала расцвет искусства. Там любознательные и «чуткие к прекрасному» цари и аристократы, для которых «искусство было потребностью», имели в нем «постоянный источник благороднейшего наслаждения». Максимова безобразно пресмыкается перед царями, восторгаясь благородством аристократов, сознательно, с определенной политической целью, искажает истину. Вместо той эксплуатации, которой подвергали придворных художников цари и аристократы, она рисует, вернее, она выдумывает картину процветания искусства под покровительством добрых и просвещенных монархов. «Она (герцогиня), — приводит Максимова типичный, по ее мнению, рассказ одного художника, — забыла обиду, понесенную мною ее собаке»^{xii} и «милостиво пожелала видеть модель... я прикажу (сказала она), чтобы у Вас не было ни в чем недостатка». Так была милостива, щедра и внимательна к художникам (даже забывала обиду, нанесенную собаке) цари и аристократы^{xiii}. Так искажается истина из определенных политических соображений.

Третий путь политической пропаганды Максимова состоит в опорачивании^{xiv} нашей действительности, когда, как пишет Максимова, «дешевка вытесняет настоящие художественные изделия». Оказывается, что уже с конца XIX в. тянется полоса упадка, которая в наше время приняла характер «полного забвения и одичания»; так, говоря о развитии глиптики, рекомендует

^{xii} Так в тексте, вместо правильного «нанесенную»: ср. «Она забыла обиду, нанесенную мною ее собаке, и милостиво пожелала видеть модель» (Максимова, 1926в. С. 13). М. И. Максимова в данном случае пересказала один эпизод из автобиографического описания итальянского резчика Бенедетто Пиструччи (Benedetto Pistrucci, 1783–1855), произошедший с ним во дворце великой герцогини Тосканской Элизы Бачокки (Elisa Baciocchi, 1777–1820) (Там же. С. 12, 13; также см.: Brano..., 1865. Р. 334, 335).

^{xiii} Так в тексте.

^{xiv} Так в тексте.

Максимова наше время в путеводителе, предназначенном для массового читателя. Если это не контрреволюционное вредительство в науке, то что же это такое. Варвары, дикари — большевики разрушили культуру, а с ней вместе и дорогую Максимова глиптику.

Однако Максимова не теряет надежды:

«Непонимание художником прелести камня как такового заранее обрекает его работу на неудачу и убивает в ней самую душу, и потому говорить о настоящем возрождении глиптики в наши дни по крайней мере преждевременно».

Итак, в наши дни, когда убивается сама душа художника, во время «полного забвения и одичания», говорить о «настоящем возрождении» глиптики «преждевременно».

Преждевременно. Следовательно, еще не станет время, когда не будет больше убиваться душа работы художника, и тогда снова возродится глиптика. Но когда придет это благословенное время? Вся концепция Максимова дает ответ на этот вопрос — когда снова соединятся «богатые материальные средства, пышность и блеск, а также тонкий художественный вкус», т. е. при восстановлении монархии, после свержения советской власти. А это Максимова также ждет, как и все ее «уважаемые коллеги по „Семинариум Кондаковичанум“»³⁸ — белогвардейского журнала заграничной эмиграции.

Таково политическое лицо Максимова.

Что представляет из себя Максимова как научный работник?

Напрасно старались бы мы найти в ее научных работах строго научно разработанные исследования. Все ее «научные положения представляют из себя антинаучное барское смакование «красивых» вещей и лирическое сюсюкание по их поводу, «прелесть материала», «удивительная законченность композиции», «почти непостижимая тонкость рисунка», «самоотверженная любовь к прекрасному», «печать великого искусства» и т. д. и т. д. Так и только так, чисто субъективно, оценивает Максимова художественные явления. Это, по-вашему, наука?

Или такой экивок: «соединение свежести и непосредственности художественного восприятия с изощренной стилизацией подробностей придает этому стилю особое очарование». По-вашему, это наука? А по-моему, это — антинаучная чушь, достойная барина-коллекционера, но совершенно недопустимая для ученого.

Все работы Максимова носят или чисто описательный характер, или наполнены такого рода

лирическими излияниями. «Но ни одно удовлетворение любознательности, — пишет, например, она, — выпадает на долю всякого, кто задается целью поближе присмотреться к античным резным камням — его ждет тонкое и острое эстетическое наслаждение». По-вашему, это наука? А по-моему, это антинаучная чушь, барское любование «красивыми» вещами.

Барская классовая установка видна и в том, что Максимова считает, что красота резных камней предназначена только для «избранных». «Они вызовут высшую оценку у всякого чуткого к прекрасному человека». «Красота их предназначена лишь для тонкого и внимательного ценителя». Так писала Максимова в путеводителе, предназначенном для массового читателя.

Что это, как не антинаучное вредительство?

Максимова теперь предстает перед нами не только как махровый реакционер, всеми средствами прославляющий монархию, но и как лжеученый, лжеспециалист.

И это по достоинству оценила ГАИМК (та самая ГАИМК, которая сегодня молчала, когда аплодировал Эрмитаж, и которая аплодировала, когда молчал Эрмитаж), исключая в декабре 1930 г. Максимова из числа своих сотрудников.

Для того чтобы ответить на вопрос «Максимова как музейный работник», достаточно вспомнить то, как Максимова энергично боролась против всяких попыток реконструкции Эрмитажа, достаточно пройти по выставке того Отдела, где работает Максимова, достаточно ознакомиться с заключением бригады № 3 ком[иссии] по чистке об^{xv} Эллино-скифском отделении.

(Зачитывается заключение бригады № 3³⁹ — см. протокол.)

Когда, несмотря на противодействие Максимовой, был закрыт Отдел глиптики, она каким-то темным путем была почему-то «пристроена» к Скифской секции, раньше никогда не занимаясь скифами.

Если учесть, таким образом, полную ненужность Максимовой для Эрмитажа и вспомнить все вышесказанное, то неизбежен вопрос — имеет ли смысл и в дальнейшем пристраивать Максимова в Эрмитаже? Комиссия по чистке сумеет дать на это правильный большевистский ответ.

ПРОКОПЕ: Я выступаю для того, чтобы дать фактическую справку. М. И. Максимова мешала мне напечатать статью о резных камнях, о чем мной было подано заявление директору, и только Совет Эрмитажа, не согласившись с Максимовой,

разрешил мне использовать этот материал; таким образом, ответ Максимовой неверен.

МАНЦЕВИЧ: Мне хотелось бы задать вопрос Максимовой, с какого года она считает себя специалистом по глиптике?

МАКСИМОВА: Я, собственно говоря, специалист по древнему миру, а работаю я по глиптике с 1915 г.

МАНЦЕВИЧ: Я задала этот вопрос потому, что для Максимовой создано было специальное отделение в 1918 г. Камни были изъяты из всех отделений. Когда встал вопрос о расформировании Отделения глиптики, Максимова всячески противилась этому, и до последнего времени пользование резными камнями было затруднено.

ПРОКОПЕ: Я согласна с оценкой, данной тов. Кричевским. В одном только я должна его поправить: Максимова — не лжеспециалист, а специалист хороший, но узкий формалист, такой, каких нам теперь не нужно.

КАПМАН: Максимова не только формалист, она еще по цитированным статьям и монархист. Это относится к 1925 г. Интересно установить, что уже^{xvi} в настоящее время, когда Максимова уже несколько лет изучает марксизм, нашла она пути для приложения марксистской методологии в своем деле.

МАРКОВ: Я хочу напомнить, что Максимова уволена из ГАИМК'а 15 декабря 1930 г. по методологическому несоответствию.

ШУЛЬЦ: Максимова построила свою автобиографию так, чтобы замазать все опасные места. Теперь надо отметить, что Максимова была связана с Тройницким и осталась с ним связанной и по сей день. Вывод наш должен быть самым решительным и самым четким — Максимовой в Эрмитаже не место.

ЛУРЬЕ: Несущественно, занималась ли Максимова последние два года марксизмом или нет. Нет научного работника, который бы не занимался марксизмом в настоящее время. Но дело в том, что мы не можем оставлять таких лиц, как Максимова, в Эрмитаже, не такая там обстановка.

МАКСИМОВА: Я считаю себя обязанной ответить т. Капман, т. к. вопрос ее считаю наиболее существенным. Я считаю, что марксистом стать сразу невозможно. Для меня неприемлемы новоявленные марксисты, которые легкомысленно применяют метод, не овладев им. Я считаю, что два года работы для меня дали очень много, и сейчас я уже начинаю применять на практике в своем деле то, что уже мной проработано.

^{xv} Так в тексте.

^{xvi} В тексте «же».

Т. Кричевскому я отвечать не буду, скажу ему лишь, что в нарисованном им портрете я себя не узнала, он на меня не похож.

Пожелания, высказанные собранием:

1. Вычистить по 1-й категории⁴⁰.

2. Оставить.

ЕМЕЛЬЯНЕНКО в заключительном слове говорит, что он не чувствует коллективности в работах Эрмитажа, и музей не перестроил еще свою работу в соответствии с решением ЦК.

Персональная чистка выявила ряд сторон деятельности Эрмитажа, которые надо будет еще с большой ответственностью проверить и наладить. Тем важнее участие работников самого музея в чистке.

Однако выступление т. Орбели в этом отношении, скорее всего, могло сбить Комиссию. Напрасно он думает, что рабочие не разбираются в вопросах идеологии. Комиссия прекрасно сама разберется в вопросах, стоящих перед ней, и ждет от всех присутствующих подлинной, настоящей помощи в своей работе.

Заседание закрывается в 22 ч. 40 мин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

СЕКРЕТАРЬ: [подпись] /Философов/

(АГЭ. Ф. 1. Оп. 5 (кн. 3). Д. 1164а. Л. 83–90. Машинопись с несколькими рукописными правками^{xvii}.)

^{xvii} Дублет протокола заседания хранится в ЦГА СПб. (Ф. Р-1027. Оп. 2. Д. 206). Часть с обсуждением М. И. Максимовой — Л. 215–223.

Примечания

- 1 Государственная шорно-седельная фабрика им. Синицына.
- 2 Иост Марта Ивановна (1894(1895?)–1938), председатель месткома («М/К») Гос. Эрмитажа (Весь Ленинград, 1931); в издании «Музейные распродажи» приводится ошибочное прочтение сокращения «М/К» как инициалов Иост (Музейные распродажи, 2016. С. 567, 653). Член ВКП(б) с 1914 г., закончила три класса средней школы и прочилась два с половиной года на вечерних курсах по профессии плетельщица. В 1919–1930 гг. проживала в Пскове (зав. детдомом, секретарь партийной ячейки, председатель месткома); в Ленинграде с 1930 г., в 1930–1931 гг. — в Гос. Эрмитаже: председатель месткома и зав. массовым сектором коллектива ВКП(б); в 1931–1932 гг. — в Союзптицепродукте; в 1932–1933 гг. — в Государственной публичной библиотеке, ответственный секретарь коллектива ВКП(б), зав. секретной частью (ЦГА СПб. Ф. Р-5039. Оп. 2. Д. 96. Л. 1–10б.). В справочнике «Весь Ленинград» ее фамилия в 1934 г. еще встречается (без указания места работы), но пропадает уже в 1935 г. На ее персональной карточке для резерва учета кадров имеется приписка — «выбыла на Дальний Восток» (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1–12. Д. 95804. Л. 1). Однако по данным из книги «Поминальная книга Карелии», А. Д. Иост, муж М. И. Иост, в середине 1930-х гг. работал юристом в Горкоммунотделе Петрозаводска, по другим данным — председателем Верховного суда Карельской АССР (Чухин, 1999. С. 32).
- 3 Здесь же супруги были арестованы 4 декабря 1937 г., осуждены в феврале 1938 г. по ст. 58-10-11 (контрреволюционная деятельность) и расстреляны 4 марта в окрестностях г. Петрозаводска. М. И. Иост реабилитирована Верховным судом РСФСР в 1958 г. (Поминальные списки, 2002).
- 4 Дача И. М. Максимова была построена в 1892 г. (современный адрес: Ломоносов, Краснофлотское шоссе, д. 16), является памятником архитектуры, долгое время была заброшена и почти полностью сгорела летом 2022 г. (подробнее см.: Гаврилов, 2019).
- 5 Максимов Иван Максимович (1839–1906), купец второй (1862–1879) и первой (1880–1900) гильдий (Справочная книга..., 1905. С. 364), действительный статский советник. Дом «купца Максимова» находится в Санкт-Петербурге по адресу: ул. Рылеева (до 1923 г. Спасская ул.), д. 29 (см. также: Табель..., 1891. Ст. 391). В протоколе указана ошибочная дата смерти И. М. Максимова, так как 1906 г. указан в большинстве личных листков по учету кадров в личном деле М. И. Максимовой в НА ИИМК РАН, точная дата зафиксирована в «Петербургском некрополе» — 29 ноября 1906 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге (Саитов, 1912. С. 19).
- 6 Максимова (в девичестве Клаповская) Мария Георгиевна (или Егоровна) (1850–1929), вторая жена И. М. Максимова, мать М. И. Максимовой; первой женой была ее старшая сестра Клавдия Егоровна Клаповская (1847–1881).

- 6 М. И. Максимова училась в женской гимназии М. Н. Стоюниной в 1901–1903 гг. (в седьмом и восьмом классах) (копию свидетельства об окончании восьмого класса см.: ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 213. Л. 52).
- 7 М. И. Максимова указана под номером 2852 в «Списке окончивших курс» (Список..., 1911. С. 114), выпуск XXV, 1909 г., историко-филологическое отделение (по предметной системе — группа всеобщей истории).
- 8 Придик Евгений Мартынович (1865–1935), работал в Гос. Эрмитаже в 1898–1930 гг., ассистент, хранитель Отделения монет, старший хранитель Отделения древностей, ассистент по Отделению археологии России, хранитель Отделения классической нумизматики (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686). Рапорт Е. М. Придика от 10 сентября 1914 г. с просьбой о причислении к Императорскому Эрмитажу М. И. Максимова, согласной «вначале заниматься совершенно безвозмездно», полностью опубликован Б. Б. Пиотровским в «Истории Эрмитажа» (*Пиотровский*, 2000. С. 322). М. И. Максимова работала в Гос. Эрмитаже на безвозмездной основе до 1918 г., то есть почти четыре года, так как в то время женщинам было законодательно запрещено работать на государственной службе (с некоторыми исключениями, в которые Министерство Императорского Двора не входило (см.: Архив..., 2004. С. 252, прим. 1)). Впервые послабления были сделаны летом 1917 г., когда Временное правительство разрешило «причисление к Эрмитажу лиц женского пола, оставив открытым вопрос о допущении их к занятию штатных должностей в сем установлении» (*Журнал заседания Временного правительства от 7 июля 1917 г.*, цитируется по: Эрмитаж..., 2017. С. 162). Как вспоминала М. И. Максимова в 1964 г., ее причисление к Гос. Эрмитажу «не давало никаких прав и ничего в нашем положении не изменило. Равноправными научными работниками музея мы стали уже в советское время, в ноябре 1918 года» (*Варшавский, Рест*, 1986. С. 242).
- 9 «Выдана сия гр-ке Максимовой Марии Ивановне в том, что она 11/24 апреля 1918 г. в публичном собрании б. Историко-Филологического Факультета Петроградского (ныне Ленинградского) Государственного Университета защищала диссертацию, под заглавием: „Античные фигурные вазы“, т. I (М. 1916 г.), и удостоена ученой степени магистра истории и теории искусств, в каковой степени была утверждена Советом Университета в заседании 29 апреля 1918 г.» (Справка, выданная Канцелярией Правления ЛГУ 11 ноября 1929 г., АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 514. Л. 79).
- 10 Письма М. И. Ростовцева к М. И. Максимова не сохранились. После эмиграции М. И. Ростовцева в 1918 г. переписываться с ним из Советского Союза было весьма небезопасно, особенно после инцидента между ним и главой советской делегации М. Н. Покровским во время VI Международного конгресса исторических наук, проходившего в Осло 14–18 августа 1928 г. Многие адресанты старались избегать даже упоминания имени М. И. Ростовцева в своих письмах, ср., например, «Mr Yale» или «New Haven» (впрочем, иногда также «М. И.») в письмах С. А. Жебелева и М. И. Максимова к А. А. Васильеву (М. И. Ростовцев с 1925 г. работал в Йельском университете, который находится в г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут). Во время заграничной командировки в 1928 г. М. И. Максимова воспользовалась выпавшим ей шансом и написала несколько писем М. И. Ростовцеву из Германии и Франции; два таких письма были найдены Г. М. Бонгард-Левиным во время его пребывания в США и позже были опубликованы И. В. Тункиной (*Тункина*, 2016). Один из авторов настоящей статьи, А. В. Бочков, нашел в 2021 г. еще четыре письма М. И. Максимова к М. И. Ростовцеву, написанных во время ее командировки, — три из Парижа, одно — из Берлина (эти письма уже готовы к публикации и будут изданы в ближайшее время).
- 11 Вот как «сообщали» об этом сотрудники Гос. Эрмитажа Г. Ю. Вальтер и В. В. Струве: по их словам, одним из «этапов работы» «сплоченной» «антисоветски настроенной группировки, возглавляемой Тройницким», было «выставление кандидатов на сокращение по Отделу Древностей, в который влило ликвидированное Отделение Глиптики — проф. Струве и Фармаковской, дабы сохранить сотрудницу бывш. Отд. Глиптики Максимова, автора изданной в Париже (вторым изданием в 1927 г.) работы в переводе бывшего атташе царского посольства» (ЦГАЛИ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 62–62об. Докладная записка замдиректора Гос. Эрмитажа В. [И.] Забреженева вр. и. д. зав. Главнаукой А. [А.] Вольтеру от 20 июня 1929 г.). Этот документ полностью опубликован в книге «Эрмитаж, который мы потеряли» (Эрмитаж..., 2001. С. 371–382), хотя и

- с некоторыми неточностями: например, в вышеприведенной цитате вместо кандидата на сокращение Т. И. Фармаковской приводится фамилия ее мужа Б. В. Фармаковского (*Там же*. С. 378), умершего в 1928 г.
- 12 Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1948) — как и М. И. Максимова, С. Н. Тройницкий помимо своей основной работы в Эрмитаже также работал в РАИМК/ГАИМК: ученый сотрудник I разряда (избран 28 октября 1919 г., переизбран 5 декабря 1927 г.), член Правления (с 4 октября 1920 г.), товарищ Председателя (с 9 мая 1921 г., в должности до 10 марта 1924 г.), причем, по словам самого С. Н. Тройницкого, «с декабря 1922 г. по июнь 1923 г. был фактически Председателем ввиду отсутствия Председателя» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 670. Л. 9); исключен из штата ГАИМК 20 мая 1929 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 76. Л. 507об.). В Гос. Эрмитаже С. Н. Тройницкий работал с 1908 по 1931 г., в том числе зам. директора с 23 августа 1918 г., и. о. директора — с 1 сентября 1918 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 74. Л. 188. Приказ по отделу имуществ при Комиссариате просвещения от 15 ноября 1918 г.; также см.: *Питотровский*, 2000. С. 245), директор — с 25 декабря 1918 г. по 1 июня 1927 г.; освобожден от должности действительного члена Отдела Запада с 19 сентября 1931 г., получал зарплату до 1 мая 1932 г. в период сдачи «оставшихся в его ведении музейных материалов» (*Там же*. С. 313, 314). Арестован 28 февраля 1935 г. «как социально опасный элемент» в ходе операции НКВД «Бывшие люди», выслан в Уфу вместе с женой М. В. Борисовой-Мусатовой на три года, где, по-видимому, не мог найти никакую оплачиваемую работу и сильно бедствовал, ср. письмо С. Н. Тройницкого к Е. Е. Лансере (от 3 февраля 1936 г.): «Мы мечтали перевестись в какой-нибудь концлагерь, чтобы быть материально обеспеченными, но хлопоты не увенчались успехом и приходится здесь прозябать. И это в разных смыслах, т. к. морозы около 30°, а дома по утрам 8 °С. <...> Перебиваемся из кулька в рогожку. У Марьянны почти 3 месяца не было никакой работы, сейчас есть кое-какие мелочи, но заработок будет ничтожный» (РГАЛИ. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 5. Л. 1); освобожден 8 декабря 1938 г., после освобождения работал в ряде музейных и образовательных учреждений Москвы, реабилитирован в 1989 г. (подробнее о нем см.: *Лебедева*, 2001; Приложение..., 2001; *Яковлева*, 2004; *Вилинбахов*, 2011).
- 13 А. Ш. Юнович задал не совсем корректный вопрос, так как у М. И. Максимовой в 1926 г. было издано два путеводителя: «Античные резные камни Эрмитажа» (*Макимова*, 1926а) и «Резные камни XVIII и XIX вв.» (*Макимова*, 1926в).
- 14 Как отмечает Б. В. Легран, «Эрмитаж приступил к социалистической реконструкции музея, то есть к перестройке его научной и экспозиционной работы на принципах диалектического материализма» осенью 1930 г. (*Легран*, 1934. С. 8), «привлекая новые кадры (марксистов-историков, искусствоведов, литературоведов)», чтобы «помочь старым специалистам в их идеологической перестройке» (*Там же*. С. 33).
- 15 Боровка Григорий Иосифович (1894/1895–1942) — работал в РАИМК/ГАИМК в 1919–1930 гг. (его последняя должность — научный сотрудник I разряда с 1 декабря 1929 г. на полставки в Разряде древних культур Причерноморья); в Гос. Эрмитаже — с 1918 по 1930 г. (Отдел древностей: ассистент, помощник хранителя Отделения древностей античного периода, хранитель Отделения эллино-скифских древностей с 1 июня 1921 г.); входил в состав ударной бригады по шефской работе с заводом «Электросила» вместе с О. О. Крюгером, А. П. Манцевич, М. Э. Матье, И. А. Орбели, М. Д. Философовым и др., всего 35 человек) (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 103); арестован 21 сентября и уволен с 22 ноября 1930 г.; повторно арестован в 1941 г., расстрелян в 1942 г., реабилитирован в 1989 г.
- 16 Как «сообщила» 17 июня 1931 г. А. Г. Прокопьева-Вальтер Комиссии по чистке Эрмитажа, в состав «группы Тройницкого» («аристократии», по словам О. О. Крюгера) входили С. Н. Тройницкий, М. И. Максимова, С. А. Жебелев, Г. Ф. Церетели, А. Н. Бенуа, А. Н. Макаров, «с ними же и Орбели — правая рука Тройницкого» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1164а. Л. 8). Поразительно, что С. Н. Тройницкий был позже выжит из Эрмитажа «стараниями» И. А. Орбели, о чем свидетельствуют многочисленные источники (см., например, *Бенуа*, 2003. С. 115; *Глинка*, 2006. С. 33, 113, 114).
- 17 Скорее всего, М. И. Максимова имеет в виду экстренное заседание Совета Эрмитажа, состоявшееся 27 апреля 1927 г., на котором С. Н. Тройницкий поставил вопрос о доверии к нему как директору и председателю Совета. Одну из главных ролей в сложившемся в то время в Эрмитаже тяжелом положении сыграл И. А. Орбели, ведущий закулисную борьбу с С. Н. Тройницким, направляя ультимативные

- заявления-жалобы в Москву, при этом искусно «блокируясь» с так называемой группировкой О. Ф. Вальдгауера и членами коммунистической организации Эрмитажа. «После прений и пререканий» на заседании был поставлен вопрос о дальнейшей работе Совета с С. Н. Тройницким как директором и председателем Совета; результаты закрытой баллотировки были следующими: 12 — за, 2 — против, 4 воздержавшихся (см.: *Пиотровский*, 2000. С. 314, 315).
- 18 Как нам удалось установить при содействии Анжелики Риччи (Angélique Ricci, Ny Carlsberg Glyptotek), скорее всего М. И. Максимова здесь имеет в виду Мари Энрикес (Marie Henriques) (1866–1944), с которой познакомилась в 1911 г. (заграничной командировке М. И. Максимова авторы планируют посвятить свою следующую статью).
- 19 У М. И. Максимова было несколько братьев: в данном случае речь идет об Иване Ивановиче Максимове (1882–1937). В 1906 г. он проучился один (летний) семестр на юридическом факультете в Гейдельбергском университете (Personalverzeichnis, 1906. S. 49); возможно, И. И. Максиму пришлось досрочно прервать свои занятия в Германии из-за ухудшения состояния здоровья отца и последовавшей вскоре его смерти. Он был сотрудником Первого департамента Правительствующего Сената (по крайней мере в 1913–1917 гг., как указано в выпусках «Весь Петербург» и «Весь Петроград» за означенные годы), в 1918 г. эмигрировал в Финляндию, где, по-видимому, подрабатывал игрой на пианино, покончил с собой в 1937 г. (благодарим Национальный архив Финляндии и Городской архив Хельсинки за предоставленные сведения). И. И. Максимов выведен под именем «дядя Даня» в полубиографическом рассказе «Аврора» (1938 г.) Марии Владимировны Карамзиной (1900–1942), племянницы М. И. Максимова (*Карамзина*, 2018).
- 20 Ср.: из автобиографии М. И. Максимова в фонде Ленинградского отделения Коммунистической академии: «В 1918 г. защитила магистерскую диссертацию при том же Университете, после чего была выбрана преподавателем, а затем профессором по кафедре античной археологии и истории искусства. Лекции читала до 1925 г., когда мои курсы были сняты вследствие реорганизации факультета» (СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 134. Л. 57). Как указано в справке, выданной М. И. Максимова Правлением ЛГУ (от 15 ноября 1929 г.), она работала в университете с 2 (15) июня 1918 г. по 1 октября 1925 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 514. Л. 82).
- 21 М. И. Максимова была уволена из ГАИМК в середине декабря 1930 г. «в связи с производственным планом на 1931 г. и необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении»; истинная причина — участие М. И. Максимова в сборнике «Seminarium Kondakovianum» (*Максимова*, 1927). Ср.: «была исключена как реакционный элемент из Университета и Государственной Академии Истории Материальной Культуры» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1159. Л. 33), также см. примечание 38.
- 22 Макаров Александр Николаевич (1888–1973) — юрист, специалист по международному праву, преподавал в ряде высших учебных заведений Петрограда (Ленинграда) в 1914–1925 гг.; работал в Гос. Эрмитаже в 1920–1925 гг. (в том числе ученым секретарем в 1923–1925 гг.); не вернулся в конце 1925 г. из заграничного отпуска в Германии (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 511).
- 23 Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — сотрудник Гос. Эрмитажа с 1918 г. (хранитель Отделения французской и английской живописи, заведующий Картинным отделом, член Совета). Был командирован за границу за свой счет 15 октября 1926 г. и остался жить во Франции, с 16 октября того же года освобожден от исполнения обязанностей заведующим Отделом картинной галереи, «без сохранения содержания» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 73. Л. 39). Исключен из списка служащих с 17 октября 1930 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 73; *Журналы...*, 2001; 2009; *Пиотровский*, 2000. С. 316, 321). В РАИМК работал в 1919–1922 (?) гг.: член Совета бывшей Российской государственной археологической комиссии с 1 июля 1919 г., член Академии с 6 августа 1919 г.; заявление А. Н. Бенуа об освобождении его от обязанностей члена РАИМК датировано 12 октября 1922 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 50. Л. 6).
- 24 Эрнст Сергей Ростиславович (1894–1980) — 4 декабря 1918 г. допущен «к бесплатной работе в Картинном отделе» Гос. Эрмитажа (*Журналы...*, 2001. С. 215), 15 января 1919 г. — избран ассистентом по Отделу картинной галереи; в РАИМК работал научным сотрудником I категории Разряда искусства эпохи Возрождения и барокко с 3 мая 1920 г., точная дата увольнения пока не установлена, но заявление об уходе подал 15 октября 1921 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 776). В 1925 г., вместе с Д. Д. Бушеном (см. далее), не вернулся из заграничного

- отпуска, куда отправился изучать «музеи Германии и Франции и работать в библиотеках» (см. также: АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 976. Л. 16 и др.).
- 25 Бушен Дмитрий Дмитриевич (1893–1993) — в Гос. Эрмитаже с 1918 г.: сначала как приглашенный научный сотрудник по Отделу драгоценностей (Журналы..., 2001. С. 174), 4 декабря 1918 г. избран ассистентом по Отделу историко-художественного прикладного искусства (*Там же*. С. 213), помощником хранителя того же Отдела по Отделению западноевропейского искусства после Возрождения 2 января 1919 г. (*Там же*. С. 259) и 15 марта 1920 г. (Журналы..., 2009. С. 79). Уволен 1 ноября 1923 г. по собственному заявлению от 27 октября 1923 г. «ввиду моей болезни и невозможности вести постоянную, систематическую работу» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 115. Л. 20). Вновь принят с 1 ноября 1923 г. сверхштатным научным сотрудником, то есть «без содержания»; помощник хранителя Отделения Нового времени с 1 июля 1924 г. Уехал в июне 1925 г. в заграничный отпуск с научной целью на два месяца, разрешенный до 20 августа, «для работы в музеях и библиотеках Парижа, а также и для исправления моего расстроенного здоровья» (*Там же*. Л. 30. Заявление от 1 февраля 1925 г.); отпуск был продлен до 20 ноября 1925 г. (Журналы..., 2009. С. 776), но уже без содержания с 1 сентября «ввиду невозвращения <...> в срок из отпуска» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 115. Л. 34).
- 26 М. И. Максимова прочла доклад 23 октября 1928 г. на внеочередном заседании Археологического общества г. Берлина (Archäologische Gesellschaft zu Berlin) на тему «Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen», текст доклада опубликован в 1929 г. в «Archäologischer Anzeiger 1928» (Sp. 648–677).
- 27 По этому вопросу нам встретилось весьма показательное замечание А. Г. Прокопе-Вальтер: «...при инвентаризации ценных камней Отдела глиптики не указывалась золотая оправа этих камней, — вина научного сотрудника Максимовой, хотя, думаю <...>, что это не делалось злонамеренно. Между прочим <...> печатка на кольце Максимовой, вернее само кольцо, из золота этих оправ» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1164а. Л. 9).
- 28 Ср. другую реплику Е. Ю. Кричевского: «Троицкий и вся его свора на протяжении всех этих лет активно боролись против Сов[етской] власти» (курсив наш. — А. Б., М. М.) (Музейные распродажи, 2016. С. 527).
- 29 Впервые М. И. Максимова появилась на Совете Эрмитажа 9 января 1919 г. как хранитель Отделения глиптики, после ее избрания на эту должность (Журналы..., 2001. С. 266); последнее известное нам участие М. И. Максимовой в работе Совета датируется 8 марта 1926 г. (Журналы..., 2009. С. 806).
- 30 Точное название статьи М. И. Максимовой — «Портреты русских князей и государей работы резчика Иоганна Дорша» (Максимова, 1926б).
- 31 Статья М. И. Максимовой «Императрица Екатерина Вторая и собрание резных камней Эрмитажа» была опубликована в 1920 г. в первом выпуске «Сборника Гос. Эрмитажа», посвященном Я. И. Смирнову (Максимова, 1920/1921); о непростой судьбе этого сборника и о том, почему на его обложке стоит 1921 г., а на титульном листе 1920 г., см. заметку Ю. М. Лебедевой и Н. В. Мартыненко (Печать и революция..., 2018. С. 100).
- 32 Е. Ю. Кричевский не совсем точно приводит цитаты, в статье: «история приобретения резных камней является чрезвычайно интересной, главным образом потому, что геммы <...> особенно близки были сердцу Императрицы» (Максимова, 1920/1921. С. 43).
- 33 В статье: «вошли в круг тех приятных и полезных для ума развлечений, которым так любила предаваться императрица» (Максимова, 1920/1921. С. 58).
- 34 В статье: «Что же до значения нашего собрания, то оно и сейчас с честью может выдержать сравнение с любым европейским музеем, и этим национальным сокровищем мы, главным образом, обязаны великой создательнице Эрмитажа, широте ее интересов и тому благородному пристрастию к науке и искусству, которое она сама в шутку называла болезнью — „обжорством“» (Максимова, 1920/1921. С. 59).
- 35 О роли Екатерины II в формировании коллекций музея — без излишних псевдомарксистских идеологических штампов — см. статью М. Б. Пиотровского (Piotrovski, 2000) и главу «Екатерина Великая — основательница Эрмитажа» в книге О. Я. Неверова и М. Б. Пиотровского «Эрмитаж. Собрания и собиратели» (Неверов, Пиотровский, 1997. С. 11–26).
- 36 Е. Ю. Кричевский ошибался; как мы уже упомянули (см. примечание 31), эта статья М. И. Максимовой была опубликована в первом выпуске «Сборника Гос. Эрмитажа» в 1921 г.
- 37 Цитата из статьи М. И. Максимовой приведена с ошибкой, должно быть: «...и Гримму, да и его Августейшей корреспондентке» (Максимова, 1920/1921. С. 45).
- 38 Название статьи М. И. Максимовой в этом сборнике — «Сказка о „Потерпевшем корабле-

крушение“ и греческий скарабей VI-го века» (Максимова, 1927). Эта статья, изначально предназначенная для фештшрифта С. А. Жебелеву (Максимова, 1926г) — он не был издан из-за отсутствия денег и был напечатан на пишущей машинке в четырех экземплярах (Толстой, 1926; Recueil Gébélev, 1926. P. 1), — была опубликована в первом томе «Seminarium Kondakovianum». Однако некоторые фразы из некролога С. А. Жебелева Я. И. Смирнову и из статьи М. И. Ростовцева с посвящением Смирнову же, напечатанные во втором томе (Жебелев, 1928; Ростовцев, 1928), послужили формальным поводом к началу дела Жебелева (Тункина, 2000. С. 119, 120). По этой причине было объявлено общественное порицание и осуждение и «поставлено на вид» всем авторам, чьи статьи были опубликованы как в первом, так и во втором томе «белоэмигрантского» сборника (см.: Тункина, 2000. С. 126, 130, 132, 133); при этом важно отметить, что на публикацию этих статей были получены в свое время официальные разрешения организаций, в которых работали авторы (в большинстве своем они были из ГАИМК и Гос. Эрмитажа).

39 Для проведения чистки Эрмитажа были созданы специальные бригады. Отдел древностей «обследовала» бригада № 3 под руководством И. М. Куканова (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 75. Л. 1), точную личность которого авторам пока не удалось установить.

40 Согласно «Инструкции НК РКК СССР по проверке и чистке советского аппарата» (опубликована 2 июня 1929 г.) в первую категорию попадали «лица, оценка работы которых показывает абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса. Такие лица должны вычищаться без права работы в советском аппарате. <...> Вычищенные из учреждений по первой категории лишаются права на выходное пособие, права на пенсию по социальному страхованию, права на пособие по безработице, подлежат снятию с учета как военнообязанные, принимаются на биржи труда на особый учет и не посылаются на работу в какие бы то ни было советские, хозяйственные, кооперативные и прочие предприятия и организации социалистического сектора» (Сборник инструкций..., 1931. С. 15).

Архивные материалы

АГЭ. Ф. 1.

Оп. 5. Д. 75: По чистке Гос. Эрмитажа. Материалы по обследованию бригад. Ч. III. 121 л.; Д. 1159: Материалы Ленинградской областной контрольной комиссии ВКП (б) о работе Рабоче-крестьянской инспекции по обследованию работы Эрмитажа и персональной чистке аппарата музея (протоколы заседаний, стенограммы, списки, доклады, переписка). Т. 1. 42 л.; Д. 1164а: Протоколы заседаний комиссии по индивидуальной чистке Гос. Эрмитажа. 137 л.

Оп. 12. Д. 76: Тройницкий С. Н. 516 л.

Оп. 13. Д. 73: Дело о службе хранителя А. Н. Бенуа. 48 л.; Д. 103: Боровко Г. И. 142 л.; Д. 115: Дело о службе Д. Д. Бушена. 37 л.; Д. 511: Макаров А. Н. 31 л.; Д. 514: Максимова М. И. 24 л.; Д. 686: Придик Е. М. 341 л.; Д. 976: Дело о службе С. Р. Эрнста. 24 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. (Личные дела). Д. 50: Бенуа А. Н. 6 л.; Д. 670: Тройницкий С. Н. 11 л.; Д. 776: Эрнст С. Р. 4 л.

РГАЛИ. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 5: Письма Тройницкого С. Н. Лансере Е. Е. 4 л.

СПбФ АРАН

Ф. 225. Оп. 4а. Д. 134: Листки по учету кадров, с приложением автобиографий. Л-Я.

Ф. 729. Оп. 1. Д. 91: Фотографии разных лиц, подаренных на память С. А. Жебелеву. 12 л.

ЦГА СПб.

Ф. Р-5039. Оп. 2. Д. 96: Иост М. И. 8 л.

Ф. Р-1027. Оп. 2. Д. 206: Стенографические отчеты и протоколы заседаний комиссий областной КК ВКП(б) по чистке аппарата государственного Эрмитажа. 13 апреля — 23 мая 1931. 292 л.

ЦГАИПД СПб.

Ф. Р-1605. Оп. 1. Д. 1а: Протоколы заседаний бюро коллектива ВКП(б) ГЭ. 40 л.

Ф. Р-1728. Оп. 1-12. Д. 95804: Иост М. И. 1 л.

ЦГАЛИ СПб.

Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 15: Протокол заседания Комиссии по экспорту и переписка с Главнаукой об организации Музейного совета, о выделении произведений искусств Эрмитажа для передачи Ленгосторгу для экспорта и о состоянии запасов музейных ценностей. Списки членов ВКП(б) и ВЛКСМ Эрмитажа. 70 л.

Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 74: Документы об упразднении Министрства двора и об образовании отдела личного состава (постановления, приказы, переписка). 222 л.

ЦГИА СПб. Ф. 148. Оп. 1. Д. 213: Аттестаты и свидетельства учениц об окончании гимназии. 36 л.

Андреев, 1931 — Андреев [А. А.]. Задачи социалистического строительства и организация работы КК-РКИ. КК-РКИ, доклад т. Андреева на III пленуме ЦКК ВКП(б) // За темпы, качество, проверку. 1931. № 6-7 (июль). С. 5-24.

- Архив..., 2004 — Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 3. Июль–август 1917 года / Отв. ред. Б. Ф. Додонов, сост. Е. Д. Гринько. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 416 с.
- Бенуа, 2003 — Бенуа А. Н. Александр Николаевич Бенуа и Мстислав Валерианович Добужинский: переписка (1903–1957). СПб.: Сад искусств, 2003. 301 с.
- Варшавский, Рест, 1986 — Варшавский С. П., Рест Б. [Рест Ю. И.] Билет на всю вечность: Повесть об Эрмитаже. В 3 ч. Ч. 1, 2, 3-е изд. Л.: Лениздат, 1986. 262 с.
- Весь Петербург — Весь Петроград (1894–1917) [Электронный ресурс РНБ] // URL: https://nlr.ru/cont/v_p/index.php (дата обращения: 09.04.2023).
- Весь Петроград — Весь Ленинград (1922–1935) [Электронный ресурс РНБ] // URL: https://nlr.ru/cont/v_l/index.php (дата обращения: 09.04.2023).
- Вечерняя..., 1931 — Вечерняя Красная газета. 1931, 30 мая. № 126. Гнездо вредителей в Эрмитаже. С. 4.
- Вилинбахов, 2011 — Вилинбахов Г. В. Сергей Николаевич Тройницкий: к 130-летию со дня рождения // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2012 год. Киров, 2011. С. 360–366.
- Гаврилов, 2019 — Гаврилов С. Дача Максимовых // Балтийский луч. 2019. № 7 (15 февр.). С. 8–9.
- Глинка, 2006 — Глинка В. М. Воспоминания. Архивы. Письма. Кн. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 416 с.
- Жебелев, 1928 — Жебелев С. А. Яков Иванович Смирнов // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. II. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1928. С. 1–18.
- Журналы..., 2001 — Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. I: 1917–1919 годы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. 605 с.
- Журналы..., 2009 — Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II: 1920–1926 годы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 880 с.
- Известия, 1929 — Известия. 2 июня 1929. № 124 (3660). Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата.
- Карамзина, 2018 — Карамзина М. [В.] Аврора (публикация, предисловие и примечания С. Гаврилов) // Таллинн. 2018. № 1–2. С. 124–141.
- Конивец, 2014 — Конивец А. В. Зимний дворец от императорской резиденции до Кавшкеры Осоевяхима. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 416 с.
- Лебедева, 2001 — Лебедева Т. А. Последние годы жизни С. Н. Тройницкого. Публикация и примечания Н. И. Казакевич // Наше наследие. 2001. № 57. С. 31–32.
- Легран, 1934 — Легран Б. В. Социалистическая реконструкция Эрмитажа / Гос. Эрмитаж. Музей истории культуры и искусства. Л.: Тип. Гос. гидрол. ин-та, 1934. 56 с.
- Максимова, 1920/1921 — Максимова М. И. Императрица Екатерина Вторая и собрание резных камней Эрмитажа // Государственный Эрмитаж: Сб. Вып. I. Петербург: Гос. изд-во, 1920 [обл. 1921]. С. 43–62.
- Максимова, 1926а — Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа: путеводитель по выставке. Л.: Гос. Эрмитаж, 1926. 103 с.
- Максимова, 1926б — Максимова М. И. Портреты русских князей и государей работы резчика Иоганна Дорша // Сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1926. Вып. 3. С. 133–149.
- Максимова, 1926в — Максимова М. И. Резные камни XVIII и XIX вв.: путеводитель по выставке. Л.: Гос. Эрмитаж, 1926. 40 с.
- Максимова, 1926г — Максимова М. [И.] Сказка о «Потерпевшем кораблекрушение» и греческий скарабей VI-го века // Сборник статей в честь С. А. Жебелева, 1926. С. 98–106. [Машинописный экземпляр из Научной библиотеки Гос. Эрмитажа.]
- Максимова, 1927 — Максимова М. И. Сказка о «Потерпевшем кораблекрушение» и греческий скарабей VI века // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. I. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1927. С. 115–119.
- Методические рекомендации, 2022 — Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. М., 2022 [Электронный ресурс Федерального архивного агентства] // URL: <https://archives.gov.ru/documents/methodics/2022-recommendations-publikation.shtml> (дата обращения: 03.05.2023).
- Музейные распродажи, 2016 — Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 660 с.
- Неверов, Пиотровский, 1997 — Неверов О. Я., Пиотровский М. Б. Эрмитаж. Собрания и собиратели. СПб.: Славия, 1997. 242 с.
- Печать и революция..., 2018 — Печать и революция. Издания 1917–1922 годов в фондах Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 440 с.
- Пиотровский, 2000 — Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 575 с.
- Поминальные списки, 2002 — Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия: 1937–1938 [Сост. Ю. А. Дмитриев]. Ч. 2 Большой террор. Петрозаводск, 2002. 1088 с. // URL: <https://visz.nlr.ru/person/book/karel> (дата обращения: 30.05.2023).
- Приложение..., 2001 — [Приложение к статье Н. И. Казакевич «Достопамятные вещи» российских монархов.] Дело № 2/116 по обвинению Тройницкого Сергея Николаевича «Дворянина» // Наше наследие. 2001. № 57. С. 29–31.
- Ростовцев, 1928 — Ростовцев М. И. «Скифский» роман // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. II. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1928. С. 135–138.
- Саитов, 1912 — Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 3 (М–Р). 649 с.

- Сборник инструкций..., 1931 — Сборник инструкций и циркуляров по проверке и чистке соваппарата. Л.: Ленинградская областная КК–РКИ, 1931. 68 с.
- Список..., 1911 — Список окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1911 гг. СПб.: [Общество вспоможения окончившим курс наук на СПб. Высших женских курсах; Типография Императорской академии наук], 1911. 196 с.
- Справочная книга..., 1905 — Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 ноября 1904 г. по 1 января 1905 г. словные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промышленные свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промышленные занятия. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1905. 836 с.
- Табель..., 1891 — Табель домов города С.-Петербурга, с приложением плана города С.-Петербурга. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургская городская управа, 1891. 570 столб.
- Толстой, 1926 — Толстой И. И. [без заголовка, заметка в разделе «Хроника византиноведения»] // Византийский Временник. Т. XXIV. С. 113–114 (URL: <http://vremennik.biz/opus/BV/XXIV>).
- Тункина, 2000 — Тункина И. В. «Дело» академика Желубева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Алетейя, 2000. С. 116–161.
- Тункина, 2016 — Тункина И. В. М. И. Максимова: Парижские письма М. И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 24–33.
- Чухин, 1999 — Чухин И. И. Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ГУ, 1999. 160 с.
- Эрмитаж..., 2001 — Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920–1930 гг. СПб.: Журнал «Нева», 2001. 416 с.
- Эрмитаж..., 2017 — Эрмитаж. От Февраля к Октябрю. 1917. Архивные документы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. 712 с.
- Яковлева, 2004 — Яковлева Е. М. Тройницкий Сергей Николаевич // Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852–1917: библиографический справочник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 148–151.
- Brano..., 1865 — Brano della vita di Benedetto Pistruc-ci scritta da lui stesso // *Arti e lettere*. 1865. V. 2, XLVI. P. 333–338.
- Personalverzeichnis, 1906 — Personalverzeichnis der Ruprecht-Karls-Universität in Heidelberg. Sommerhalbjahr 1906. Heidelberg: Universität-Buchdruckerei von J. Hörning, 1906. 70 S.
- Piotrovski, 2000 — Piotrovski M. [B.] Catherine the Great — Empress of All the Russias. In *Treasures of Catherine the Great* / Ed. M. B. Piotrovski. N. Y.: Harry N. Abrams, Inc. Publishers, 2000. P. 13–18.
- Recueil Gébélev, 1926 — Recueil Gébélev. Exposé sommaire. Leningrad, 1926. 12 с.

Transcript of the Meeting of the Commission for the Staff Purge of the State Hermitage of April 24, 1931 (Staff purging of M. I. Maksimova)

Introductory note, preparation of the text and comments

by A. V. Bochkov and M. V. Mandrik^{xvii}

Keywords: State Hermitage, State Academy of the History of Material Culture (GAIMK), M. I. Maksimova, staff purges in Leningrad, publication of archive documents.

This publication is devoted to one of the tragic episodes in the life of scholars of Leningrad who turned to be in the late 1920s — early 1930s in the epicentre of the so-called “staff purges” sweeping over the Academy of Sciences, universities, museums and libraries in the USSR. The “tongue-lashing” of the worker of the State Hermitage Museum and GAIMK Mariya Ivanovna Maksimova (1885–1973) (Fig. 1) is a vivid example how the scholars of the “old school” were removed from research institutions changing thus the scientific and political atmosphere of the latter. The present publication is based on the transcript of the Meeting of the Commission for the Staff Purge of the State Hermitage of April 24, 1931. The first part of this transcript concerned with a staff purge of A. N. Kube has been earlier published in the collection “Gosudarstvennyi Ermitazh. Muzeinye rasprodazhi 1930–1931 goda: arkhivnye dokumenty” (State Hermitage Museum sales. 1930–1931. Archival records. St. Petersburg, 2016). The transcript is provided with comments enabling the reader to understand better who and why put certain questions at the meeting and how the events discussed there were dealt with in other sources. When writing the comments also earlier unpublished documents from eleven Russian and foreign archives were used.

Publication of new materials enables us to expand the source base on the history of science in the critical years (late 1920s — early 1930s) and once again it vividly demonstrates how the fates of talented scientists were broken through ideological directives.

^{xvii} Alexander V. Bochkov — Independent researcher; Seattle, USA; e-mail: synru11@gmail.com; Maria V. Mandrik — Institute for the History of Material Culture RAS; St. Petersburg, 18-A Dvortsovaya nab., 191186, Russia; e-mail: mmandrik@mail.ru.

Отто Оскарович Крюгер. Эскиз к портрету ученого¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Статья посвящена биографии О. О. Крюгера (1893–1967). Его вклад в науку об античности известен очень хорошо, но жизненный путь ученого изучен еще очень слабо. В ГАИМК он трудился с 1920 по 1937 г., с 1936 г. исполнял обязанности председателя Академии. В ноябре 1938 г. был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской меньшевистской организации и связи с немецким националистическим обществом «Ферейн». Решением суда О. О. Крюгер был выслан в Казахстан на пять лет, реабилитирован в феврале 1957 г. После этого его деятельность была связана с Институтом истории АН СССР и Ленинградским государственным университетом.

Ключевые слова: история науки, ГАИМК, античная археология, сталинские репрессии.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-361-372

Имя Отто (Оттона) Оскаровича Крюгера (рис. 1), как и имена многих других, пострадавших в годы сталинских репрессий, на долгое время оказалось почти забытым. Вплоть до наших дней информацию об этом человеке можно найти лишь в кратком некрологе и небольших заметках (Некролог..., 1967; Люди и судьбы..., 2003. С. 227; Виноградов, 2013а. С. 23; Ананьев, Бухарин, 2022. С. 338). Между тем в истории отечественного антиковедения и отечественной археологии он сыграл весьма важную роль. Биографию этого ученого можно составить на основании архивных документов — «Личного дела», хранящегося в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330), «Трудового списка», находящегося там же (Там же. Оп. 5. Д. 164), и «Следственного дела» из Архива ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области (Д. 57369-38 г.).

Будущий ученый родился 31 октября 1893 г. в Москве в немецкой семье. Его отец был музыкантом Московской оперы, играл на флейте, мать была преподавательницей пения. Ничто не пред-

вещало, что их отпрыск пойдет по научной стезе. Вероятно, большую роль в этом сыграли годы обучения в Petrischule в С.-Петербурге, куда мальчик был определен в 1902 г. (Held, 1913. S. 385). Вот что сам О. О. Крюгер писал в одной из своих биографий: «Отец, выходец из Пруссии, был музыкантом Московской оперы, принял русское подданство, умер в 1895 году. Мать — дочь ремесленника-сапожника — была преподавательницей пения в школах, умерла в 1933 г. Закончил Немецкое училище в Петербурге (Petrischule) в 1913 году (элементарное отделение и гимназию, которая мне предоставила стипендию). С 15-летнего возраста зарабатывал частными уроками» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 22). К этому следует добавить, что Главное немецкое училище при церкви Св. Петра в С.-Петербурге О. О. Крюгер закончил с золотой медалью (Там же. Л. 65), проявив очень большие способности к получению знаний. Стоит обратить внимание, что в гимназии ему была назначена стипендия, без чего после потери отца получить приличное образование вряд ли было бы возможно.

Как признавал сам О. О. Крюгер, с 15-летнего возраста он был вынужден зарабатывать частными уроками. Его материальное положение было явно нелегким, но отнюдь не бедственным. В одной из советских анкет в графе «Были ли заграницей» Отто Оскарович записал: «Проехался в 1912 году на пароходе через Финляндию в Стокгольм и обратно (был в Стокгольме 2 дня), цель —

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ в рамках проекта 22-28-00063 «Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)».

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

© Виноградов Ю. А., 2023.

Рис. 1. О. О. Крюгер (1893–1967) (<https://bioslovhist.spbu.ru/images/persons/1161/1161-i67WVrG0F3.jpg>)
 Fig. 1. O. O. Krüger (1893–1967). (<https://bioslovhist.spbu.ru/images/persons/1161/1161-i67WVrG0F3.jpg>)

отдохнуть. Когда мне было 3 года, овдовевшая мать повезла меня в Берлин познакомиться с родственниками покойного моего отца; в 1913 был 2 месяца в Тюрингии (Германия) в качестве домашнего учителя с семьей здешнего немца» (*Там же*. Л. 25). Запись сделана очень мелкими буквами, и в ней невольно ощущается сарказм, связанный с невозможностью таких поездок в более позднее время.

Осенью 1913 г. О. О. Крюгер поступил в С.-Петербургский университет на классическое отделение историко-филологического факультета. О своих студенческих годах и преподавателях он писал, очевидно, в 1920 г. (*Там же*. Л. 70а):

«В Университете, работая у проф. О. Ф. Вальдгауера по вазописи и скульптуре (прочел доклад об изображениях комических сцен на южно-италийских вазах; для этой цели свел все известные до сих пор изображения флиаков (φλύακες), сличил их с комическими терракотовыми масками и статуэтками актеров; на основании этого материала попытался объяснить изображения флиаков на эрмитажных вазах; в данное время расширил

материал тем, что привлек литературные параллели; задуманную работу — издание всех вазовых сцен с подробным комментарием и всех терракотовых статуэток комических актеров — пришлось отложить до того времени, когда музеи будут доступны).

<У> Б. В. Фармаковского <проводил работу> по топографии Афин (специально по входу на акрополь).

<У> Гр. Ф. Церетели — по папирологии и истории греческой комедии (работал над папирусом русских коллекций; окончил статью об папирусах К. И. Лихачёва, часть которой составляет мое зачетное сочинение; в данное время вместе с проф. Гр. Ф. Церетели работаю над изданием всех папирусов русских коллекций).

По комедии Менандра составил несколько статей («Менандр и Катулл»; «Монолог у Менандра»; «Гораций и новая комедия» и пр.).

<У> М. И. Ростовцева работал по истории Боспорского царства, участвовал в Южно-Русском кружке, читал доклад об источниках биографии Т. Гракха Плутарха, <составил> несколько рефератов по отдельным эпиграфическим и папирологическим памятникам.

<У> Ф. Ф. Зелинского исследовал значение диалога <...>, участвовал в восстановлении утерянных трагедий по вазам и фрагментам.

<У> С. А. Жебелёва — по греч[еской] эпиграфике, стилистике и т. д.

Опускаю чисто филологические работы и палеографические упражнения у А. И. Малеина и пр[офессора] Церетели».

Преподаватели, перечисленные О. О. Крюгером, составили славу российской науки об античности, и их роль в его становлении как исследователя невозможно переоценить. Надо признать и то, что Отто Оскарович проявил себя очень способным и деятельным учеником. Уже в студенческие годы он начал работу под руководством Г. Ф. Церетели³ по изучению папирусов, находящихся в российских собраниях.

Обучение в университете было завершено в 1918 г., О. О. Крюгер получил диплом первой степени и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. В том же году он был избран на должность ассистента Отдела древностей Государственного Эрмитажа,

³ Церетели Григорий Филимонович (1870–1939?) — выдающийся специалист в области античной литературы и папирологии (о нем см.: *Каухчишвили*, 1969; *Фихман*, 1995; 2000; *Виноградов*, 2016б).

где работал главным образом над изучением надписей, папирусов и античных гирь. Погружение в мир папирусов для молодого исследователя в эти годы имело очень большое значение. В 1918 г. в «Известиях Российской академии наук» была опубликована статья о любопытном медицинском папирусе, подготовленная О. О. Крюгером совместно со своим учителем Г. Ф. Церетели (*Крюгер, Церетели*, 1918).

В дальнейшем О. О. Крюгер вместе с П. В. Эрнштедтом стал работать под руководством Г. Ф. Церетели над изданием всех папирусов, хранящихся в России и Грузии. В 1925 г. вышел первый том этого проекта, содержащий литературные тексты, над которым Г. Ф. Церетели трудился вместе с О. О. Крюгером (*Papyri*, 1925). Стоит особо отметить, что поначалу Григорий Филимонович был очень доволен работой обоих своих учеников. Вот что он писал И. А. Джавахишвили в письме от 17 ноября 1927 г.: «С Петей <Эрнштедтом> и Крюгером полная entente cordiale⁴. Но порою трудно бывает: папирусы упрямятся, комментарии порой не удаются, выходит иногда не так, как хочется» (цит. по: *Бакрадзе*, 1989. С. 216). В письме от 6 декабря этого года было отмечено почти то же самое: «Петя и Крюгер работают превосходно, с подъемом и энергией, причем немецкий яз[ык] выглаживается Петей, ибо он пишет изящней, чем Крюгер» (*Там же*).

В 1927 г. увидел свет четвертый том издания, подготовленный Г. Ф. Церетели и П. В. Эрнштедтом (*Papyri*, 1927), а второй, в котором О. О. Крюгер публиковал птолемеевские и раннеримские тексты, был издан спустя два года (*Papyri*, 1929). Есть основания считать, что к тому времени в отношениях между Григорием Филимоновичем и Отто Оскаровичем произошли перемены к худшему. Это можно понять из письма Г. Ф. Церетели, написанного его жене, Софье Ивановне Церетели (Максимовой), в начале 1928 г., в котором, с одной стороны, отмечено, что папирусы прочитаны О. О. Крюгером хорошо, но, с другой, ему дана нелестная характеристика: «Конечно, выше своей головы не прыгнешь! Думаю, однако, что немцам работа понравится: они такие работы, все из мелочей, любят! Но, с другой стороны, вижу, что ничего крупного из Крюгера не выйдет. Получится добросовестный работник — и только. Видно, я переоценил его в начале! Нет ширины!» (цит. по: *Фихман*, 1995. С. 228, прим. 9). Через год характеристика, данная О. О. Крюгеру, стала еще более

негативной: «Для меня было настоящим ударом в сердце перевоплощение одного из моих учеников (не Петя Эрнштедт, он монолит)⁵. Сколько лет шли вместе, а сейчас наши пути разошлись» (цит. по: *Фихман*, 1995. С. 228, 229, прим. 9). Что стало причиной расхождений между двумя учеными — сказать трудно. Вряд ли оно было связано исключительно со спорами из-за точности переводов с древнегреческого. К началу 1930-х гг. огромные перемены произошли в жизни всей советской страны, они наложили жесткий отпечаток и на научную деятельность, при этом ученое сообщество восприняло эти перемены совсем не однозначно⁶.

В 1930 г. вышел третий том издания папирусов, в котором П. В. Эрнштедт опубликовал поздне-римские и византийские тексты (*Papyri*, 1930). Этому выпуску О. О. Крюгер посвятил небольшую рецензию, в которой отметил, что авторы издания исправили ряд неправильных чтений, предложенных западноевропейскими специалистами, это, по его словам, свидетельствует о высоком уровне их издательской техники. В заключение он отметил: «Хотелось бы выразить пожелание, чтобы наши папирологи чаще давали свои исправления и толкования текстов на страницах наших советских журналов и не считали свои обязанности по отношению к папирусам советских хранилищ законченными после выхода в свет изданий» (*Крюгер*, 1934а. С. 206).

Надо признать, что предположение, сделанное Г. Ф. Церетели в одном из писем о том, что папирологические работы О. О. Крюгера понравятся немцам, полностью оправдалось. В 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института.

Признавая большие заслуги Отто Оскаровича в изучении папирусов, необходимо хотя бы кратко сказать о его преподавательской деятельности. В разное время он преподавал древние языки в ЛГПУ им. А. И. Герцена, Институте истории

⁵ О взаимоотношениях Г. Ф. Церетели с П. В. Эрнштедтом см.: *Фихман*, 1978.

⁶ Сам О. О. Крюгер во время допроса в НКВД 8 мая 1939 г. так объяснил причину разрыва с Г. Ф. Церетели: «Во время его приезда в Ленинград в 1928 он узнал, что я хотел организовать в ГЭ кружок по изучению [марксизма], весьма неодобрительно высказался по этому вопросу и впоследствии порвал связь со мной, лишил права меня участвовать в издании папирусов под его редакцией» (Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. № 57369-38 г. Л. 41–45).

⁴ Сердечное понимание (*фр.*).

искусств, был сотрудником Института сравнительной истории, литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), существовавшего при ЛГУ, Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА), Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), где он закончил работу в качестве профессора классической филологии и заведующего кафедрой. С 1931 по 1933 г. О. О. Крюгер вновь трудился в ЛГПУ им. А. И. Герцена в качестве профессора немецкого языка, затем заведующего кафедрой немецкого языка, помощника директора по учебной части. С 1935 г. он читал лекции по истории Древней Греции и Рима в Ленинградском областном институте педагогики им. А. С. Бубнова. Ту же дисциплину преподавал в Институте Красной профессуры (аспирантам), в Военно-морском училище им. Ф. Э. Дзержинского, в Высшей школе профдвижения, Институте советского строительства им. М. И. Калинина и т. д. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 22об.–23). О большинстве этих учебных заведений мы сейчас имеем самое общее представление. В справочнике «Научные работники Ленинграда» 1934 г. О. О. Крюгер был обозначен как научный сотрудник ГАИМК и ЛОКА, помощник директора по учебной части ЛГИЛИ (Научные работники..., 1934. С. 192, № 996).

Относительно деятельности Отто Оскаровича в ГАИМК необходимо сказать, что в это учреждение он был принят 14 мая 1920 г. на должность временного научного сотрудника II категории (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 63). Перед этим в Комиссии по изучению Юга России ГАИМК было рассмотрено заявление О. О. Крюгера и отзыв о его научной деятельности, подготовленный Г. Ф. Церетели и Б. В. Фармаковским. В своем пространном заявлении О. О. Крюгер отметил, что был привлечен Б. В. Фармаковским к участию в работах по Ольвии. Ему были поручена разработка ольвийского эпиграфического материала. «В связи с этим заданием, — как писал исследователь, — мне приходилось пересмотреть эпиграфические памятники, уже изданные покойным акад[емиком] Латышевым, но часто не сверенные им при вторичном издании. Работа производилась в Москве и Ленинграде и по эстампам, присылавшимся мне из южных музеев, которые до сих пор не удалось посетить. Попутно я сличил с изданиями Латышева и другие, не ольвийские и даже не южнорусские надписи. Кроме того, Б. В. Фармаковский поручал мне издание вновь найденных надписей из Ольвии» (Там же. Л. 68). В заключение своего заявления

О. О. Крюгер отметил: «Что касается моих исторических работ об Ольвии, то они еще не закончены и потому печатать их еще не предполагаю. Я разработал пока главы о государственном строе, о некоторых магистратурах, связи с Милетом, о торговых сношениях с другими частями древнего мира и т. д. Сейчас думаю приступить к проблеме о конкуренции египетского и южно-русского хлеба на древнем рынке» (Там же. Л. 70об.). К сожалению, до изучения обозначенных тем дело так и не дошло, но важным и весьма продуктивным итогом ольвийских штудий О. О. Крюгера стала статья о стеле Леокса, сына Мольпагора, не потерявшая своего значения и в наши дни (Крюгер, 1921). Стоит также отметить его публикацию «Эпиграфические мелочи», в первой части которой были изданы новые надписи, обнаруженные в Ольвии (Крюгер, 1925. С. 81–90).

Отзыв о научной деятельности Отто Оскаровича был составлен Г. Ф. Церетели. В его заключение Григорий Филимонович отметил: «Одним словом, в лице О. О. мы имеем, вне всякого сомнения, выдающуюся научную силу, имеем глубоко одаренного ученого, являющегося в некоторых научных областях, напр[имер], в греческой папирологии, незаменимым работником, обладающим и громадными знаниями, и редкой энергией, и безусловным талантом» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 67об.). Б. В. Фармаковский на этом документе сделал лишь небольшую приписку: «Присоединяюсь. Б. Фармаковский». В этом отношении стоит напомнить, что не пройдет и 10 лет, как мнение Г. Ф. Церетели о своем ученике изменится самым кардинальным образом.

Приблизительно в это же самое время, то есть в начале 1930-х гг., начинается продвижение О. О. Крюгера по карьерной лестнице. Тогда, как известно, Академия прошла перестройку на марксистский лад. С мая 1930 г. начались собрания по «чистке» сотрудников ГАИМК, удалению из ее рядов нежелательных элементов. О. О. Крюгер вошел в бригаду по «чистке» и обрушился с критикой на академика С. А. Жебелёва за его книгу «Введение в археологию» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 1. Л. 203, 208, 209). Обвинения, естественно, быстро перешли в политическую плоскость (Виноградов, 2009. С. 16, 17; 2013б. С. 166, 167), но в них следует видеть не только энтузиазм борцов за новую советскую науку, но и проявление неприязненных отношений, сложившихся между С. А. Жебелёвым, М. И. Максимовой, Г. Ф. Церетели, с одной стороны, и «русскими» немцами — О. Ф. Вальдгауером, О. О. Крюгером,

В. В. Струве и др. — с другой (Виноградов, 2016а. С. 12; 2016б. С. 274–276). Вся эта кампания оказалась безрезультатной, и академик С. А. Жебелёв сохранил свои позиции в ГАИМК. Помимо этого, Отто Оскарлович принял активное участие в «советизации», как тогда говорили, Гос. Эрмитажа. Тогда из этого музея было уволено немало специалистов, в том числе М. И. Максимова (Виноградов, 2016б. С. 280, 281).

После реформирования ГАИМК и создания сектора античной (рабовладельческой) формации О. О. Крюгер возглавил группу по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 28. Л. 10), активно включился в социалистическое соревнование и вместе с некоторыми другими сотрудниками был объявлен ударником сектора (Там же. Оп. 1. 1931 г. Д. 20. Л. 33, 34). В апреле 1932 г. он был утвержден действительным членом сектора рабовладельческой формации Академии (Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 58), в том же году стал кандидатом в члены ВКП(б) (Там же. Л. 47), осенью следующего года был приглашен на работу в Эрмитаж в качестве заведующего отделением античных колоний Северного Причерноморья (Там же). В Академии в составе целой бригады Отто Оскарлович трудился над переводом «Гражданских войн» Аппиана (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 4. Л. 89). Этим переводом исследователи античной истории пользуются до сих пор.

Не стоит думать, однако, что в жизни молодого коммуниста и активного научного сотрудника все обстояло исключительно благополучно. Нет, случались и неприятности. Из протокола допроса, находящегося в его «Следственном деле», можно узнать, что во время партийной «чистки» ГАИМК в 1933 г. он был исключен из партии «за бесхребетность, отсутствие ведущей роли среди научных работников и политической неграмотности»⁷. Правда, в том же году О. О. Крюгер был восстановлен в ее рядах (Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. № 57369-38 г. Л. 19). Дальше события стали развиваться гораздо хуже — 25 июня 1938 г. органами НКВД была арестована его жена, Ольга Альфредовна Гесс; она обвинялась в том, что, работая в Германском консульстве (до 1924 г.), занималась шпионажем в пользу Германии. Естественно, сразу встал вопрос о возможности (точнее, невозможности) пребывания в ВКП(б) О. О. Крюгера. На партсобрании Ленинградского педагогического института

им. М. Н. Покровского⁸, рассматривавшем этот вопрос, Отто Оскарлович заявил, что арест жены для него стал неожиданностью, но признал его заслуженным, в противном случае «она не была бы арестована» (Там же. Л. 112)⁹. Несмотря на такие заявления, собрание приняло единодушное решение, что он недостоин быть членом партии. Один из коммунистов даже заявил: «Не Крюгер воспитывал жену, а жена Крюгера» (Там же. Л. 113). Отто Оскарлович был исключен из ВКП(б), что стало прелюдией будущих трагических событий.

В 1933 г. была создана Керченская (будущая Боспорская) экспедиция ГАИМК, Московского отделения ГАИМК и ГМИИ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 129), в задачу которой было поставлено изучение городов и некрополей Боспора. Первым руководителем экспедиции был назначен О. О. Крюгер, хотя особого опыта полевых исследований он не имел и, как представляется, особого интереса к этому не питал. Тем не менее в 1935 г. он еще раз побывал в должности начальника Боспорской экспедиции (Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 41) (рис. 2). Правда, распоряжением по ГАИМК от 1 сентября этого года Отто Оскарлович был освобожден от столь ответственной должности, поскольку был направлен на Иранский конгресс¹⁰. На время его отсутствия исполняющим обязанности начальника экспедиции был назначен В. Ф. Гайдукевич (Там же. Л. 40об.), вскоре занявший ведущие позиции в ленинградской античной археологии.

Как представляется, совсем неслучайно О. О. Крюгер не подготовил ни единой публикации, даже самой маленькой заметки, которая освещала бы результаты археологических раскопок на Боспоре. Его явно более привлекало внедрение

⁸ Этот институт был создан в 1932 г., а затем объединен с ЛГПИ им. А. И. Герцена.

⁹ На допросе в НКВД он даже поведал, что О. А. Гесс была любовницей немецкого вице-консула (Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. № 57369-38 г. Л. 19).

¹⁰ III Конгресс по иранскому искусству и археологии прошел в Ленинграде и Москве с 11 по 18 сентября 1935 г. Это было масштабное научное мероприятие, собравшее ученых из 26 стран (Б. К., 1935; Васильева, 2016). Из советских исследователей на нем выступали А. А. Иессен, М. Е. Массон, И. А. Орбели, В. В. Струве, А. Ю. Якубовский и др. (см.: III Международный конгресс..., 1939). О. О. Крюгер доклада не прочитал, но его участие в этом мероприятии вполне объяснимо.

⁷ Стиль документа сохранен без изменений.

Рис. 2. Группа сотрудников ГАИМК и практикантов на раскопках Тиритакки в 1935 г. (НА ИИМК РАН. ФО. II 20517). Слева направо: А. П. Иванова, Л. М. Славин, О. О. Крюгер, С. Ф. Стржелецкий, В. Я. Шварц, Д. П. Каллистов, В. П. Лисин, Л. Ф. Силантьева, В. А. Лавров

Fig. 2. Group of staff researchers of GAIMK and trainee students at the excavations of Tiritaka in 1935 (SA IHMC RAS. Photo Dep. II 20517). *Left to right*: A. P. Ivanova, L. M. Slavin, O. O. Krüger, S. F. Strzheletskiy, V. Ya. Shwarts, D. P. Kallistov, V. P. Lisin, L. F. Silantyeva, V. A. Lavrov

марксистских концепций в науку об античности, точнее, даже не концепций, а соответствий античного материала высказываниям классиков марксизма. Сейчас это кажется странным, но в те годы такие опыты были оценены весьма высоко. Вот что В. В. Струве писал по этому поводу в отзыве об исследовательской деятельности О. О. Крюгера, составленном 12 июля 1935 г.: «О. О., сознавая, что буржуазная наука об античности топчется на одном месте, уже рано почувствовал необходимость перестроить свою научно-исследовательскую работу на основе марксистского метода и начиная с 1927 г., момента своего поступления в ЛОКА, он вплотную приступил к изучению марксизма-ленинизма. Поэтому он был в состоянии включиться активно в исследовательскую работу ИИРО (Института истории

рабовладельческого общества. — Ю. В.)¹¹, которая являлась ответом на вопрос о великой революции рабов, поставленный перед историками самим т. Сталиным» (*Там же*. Л. 35, 36).

Действительно, к середине 1930-х гг. О. О. Крюгер имел несколько крупных публикаций, выдержанных в таком ключе. В частности, он сделал попытку объяснения особенностей социально-экономического развития эпохи эллинизма с привлечением цитат из трудов Ф. Энгельса и И. В. Сталина (*Крюгер*, 1934б). Исследователь всеми силами старался поддержать идею вождя всех народов о революции рабов, которая вместе

¹¹ В 1934 г. структура ГАИМК претерпела очередную перестройку — сектора были преобразованы в институты (*Виноградов*, 2009. С. 21; 2013б. С. 170, 171).

с варварскими вторжениями сокрушила Римскую империю. Рабские восстания II–I вв. до н. э. он рассматривал как начальный этап этой революции (Крюгер, 1934в), признавая, что тогда «до больших мятежей общество еще не созрело» (Крюгер, 1934г. С. 138)¹². Изучая сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте на основе папирологического материала, Отто Оскарович пришел к заключению, что сложившиеся там производственные отношения следует рассматривать не как крепостнические, а как особую разновидность рабовладельческого общества (Крюгер, 1935). Все эти труды, как уже говорилось, были очень высоко оценены В. В. Струве, который в процитированном выше отзыве признал, что они «дают несомненное право» О. О. Крюгеру на степень доктора исторических наук (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 37). Вскоре решением квалификационной комиссии ГАИМК он был представлен к утверждению в этом ученом звании (Там же. Л. 44), но оно по каким-то причинам произошло только в 1938 г.

В 1936 г. Академия вступила в полосу репрессий. В августе этого года был арестован Ф. В. Кипарисов, стоявший во главе ГАИМК после смерти Н. Я. Марра. В декабре он был приговорен к расстрелу. Жестокие наказания обрушились на других сотрудников этого учреждения. В такой сложнейшей ситуации решением народного комиссара СССР по просвещению А. С. Бубнова от 11 сентября 1936 г. временное исполнение обязанностей председателя ГАИМК было возложено на О. О. Крюгера (Там же. Л. 16).

Трудно сказать, как проявил себя Отто Оскарович на этом высоком посту. Скорее всего, противостоять несправедливостям, творившимся во время тотального насилия, он не мог. К тому же дни ГАИМК были, так сказать, уже сочтены. В 1937 г., как известно, академия была ликвидирована, и на ее основе создан ИИМК АН СССР, задачи которого сводились к организации и проведению археологических исследований в стране. О. О. Крюгер для такой цели, как нетрудно понять из сказанного выше, подходил очень мало. Неудивительно, что 8 октября 1937 г. он был уволен из Института истории материальной культуры, но оставлен в штате Института истории АН

СССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 164. Л. 8). Любопытно, что первый директор ИИМК АН СССР И. А. Орбели в приказе по Институту от того же числа потребовал «предоставить ученому секретарю ИИМК в 3-х дневный срок сведения о выполненной им (Крюгером. — Ю. В.) по плану ГАИМК работе за время с 1.01.37 г. и законченные труды, если такие имеются» (Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 1).

Что касается работы Отто Оскаровича как научного сотрудника Института истории, то в «Программах научно-исследовательских работ учреждений АН СССР» 1937 г. было записано, что академик В. В. Струве, О. О. Крюгер и С. И. Ковалёв в декабре этого года должны закончить разработку «плана соответствующего раздела Всемирной истории (древняя история)», а О. О. Крюгеру к тому же сроку следовало написать работу «Роль восточных провинций в государстве Селевкидов», в которой надлежало осветить историю народов Кавказа (Программы..., 1937. С. 27).

Вполне очевидно, однако, что выполнить это задание в полной мере Отто Оскарович не смог, — 5 ноября 1938 г. в его квартире был произведен обыск, ученый был арестован и заключен под стражу в ленинградскую тюрьму УГБ НКВД ЛО. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской меньшевистской организации, а также немецкой националистической организации «Ферейн». Материалы «Следственного дела» О. О. Крюгера, хранящегося в Архиве ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области (Д. 57369-38 г.)¹³, чрезвычайно ценны и интересны. «Дело» содержит 187 страниц допросов, копий документов и пр., охарактеризовать которые с необходимой полнотой на страницах этой публикации нет никакой возможности, поэтому остановимся на наиболее существенных моментах.

Допросы начались 6 ноября; в протоколах О. О. Крюгер фигурирует как профессор, заведующий кафедрой античной истории Педагогического института им. А. И. Герцена. На первом допросе (Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 57369-38 г. Л. 9, 10) было уточнено семейное положение подследственного¹⁴, а также его отношение к организации

¹² Тема рабовладения в античном мире очень увлекла О. О. Крюгера. В рецензии на книгу, посвященную раскопкам римского города Минтурны, он основное внимание уделил надписям, упоминающим рабов (Крюгер, 1934д).

¹³ Выражаю сердечную благодарность Е. Г. Застрожной (Панкратовой) за предоставленные документы.

¹⁴ Семья состояла из шести человек. Помимо Отто Оскаровича и его жены Ольги Альфредовны Гесс (у обоих это был второй брак) в нее входили сыновья Ольги Альфредовны от первого брака —

«Ферейн». Отто Оскарович признал, что был ее членом в 1919–1920 гг., но это объединение российских граждан немецкой национальности, по его словам, носило исключительно культурно-просветительский характер.

На втором допросе, состоявшемся 22 ноября (Там же. Л. 11), речь пошла о более серьезных вещах, а именно о принадлежности О. О. Крюгера к антисоветской меньшевистской организации, но он решительно отрицал это обвинение. По словам подследственного, он даже не знал о существовании такой организации и ему неизвестны лица, арестованные органами НКВД за антисоветскую деятельность. На вопрос о знакомстве с С. И. Ковалёвым (о нем см.: Фролов, 2004; 2006. С. 466–490), который уже был арестован 11 июня 1938 г. по аналогичному обвинению (Брачев, 2020. С. 3), Отто Оскарович отметил, что их отношения носили чисто деловой характер и в какой-либо преступной деятельности они не были замешаны. Здесь следует несколько отвлечься от протокола и отметить, что органы НКВД, видимо, тогда вынашивали план создания «дела» крупной антисоветской организации, «Ленинградского меньшевистского центра», объединявшего преподавателей ленинградских вузов, во главе которого стоял С. И. Ковалёв (Там же). К тому времени Сергей Иванович уже «признал» свою вину, и следователь прочитал выдержку из его показаний, данных 21 ноября. В ней говорилось, что С. И. Ковалёв и О. О. Крюгер входили в меньшевистскую организацию. В ответ на это Отто Оскарович заявил, что тот сказал неправду.

Третий допрос был проведен 8 апреля 1939 г. (Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 57369-38 г. Л. 12–14 — машинопись; 15–18 — рукопись), то есть почти через пять месяцев (!) после второго. На нем О. О. Крюгера вновь расспрашивали о знакомых, родственниках, уехавших за границу, о членах общества «Ферейн». Ему даже задали вопрос — принимал ли он участие в Октябрьской революции? В ответ на это подследственный заявил, что тогда он учился в университете, «был типичным обывателем и никакого участия в полит[ической] жизни в стране не принимал».

Гесс Игорь Федорович, 19 лет (работал статистом в театре им. Комсомола), и Гесс Дмитрий Федорович, 17 лет (учащийся средней школы), а также дети, рожденные в совместном браке, — сын Крюгер Иван Оскарович, 16 лет (учащийся), и дочь Крюгер Марианна Оскаровна, 12 лет (учащаяся).

Четвертый допрос состоялся на следующий день (Там же. Л. 19–36). Он был начат 9 апреля в 20 часов, а окончен 10 апреля в 1 час 20 минут, то есть продолжался более пяти часов (!). На нем следователь поначалу задавал вопросы о положении в ГАИМК. Подследственный с осуждением отзывался о деятельности Ф. В. Кипарисова и его окружения — Г. И. Боровки, С. Н. Быковского, А. Г. Пригожина и М. М. Цвибака. Затем речь зашла о связях О. О. Крюгера с Германским консульством. Напомним, что там до 1924 г. трудилась его жена О. А. Гесс, обвиненная в шпионаже. Отто Оскарович признал, что с 1923 до февраля 1935 г. «преподавал отдельным служащим германского консульства русский язык», а кроме того, в различные времена до 1929 г. «преподавал русский язык служащим других консульств, именно — шведского, итальянского и английской миссии». Подследственный признал также, что «имел с германским консулом беседы, но никаких его поручений не выполнял».

На пятом допросе, проведенном 8 мая 1939 г. (Там же. Л. 41–45), О. О. Крюгера спрашивали о связях с западными учеными. На это он ответил, что имел переписку с исследователями папирологических документов, обменивался с ними публикациями, но воочию никого из них даже не видел. Органы НКВД очень интересовались такими видными фигурами в научном мире, как Г. Ф. Церетели и М. И. Ростовцев. Подследственный весьма нелестно отзывался о Г. Ф. Церетели: «Он представляет собой реакционного человека по происхождению из князей на Кавказе, враждебно относится к советской власти и бежал из Ленинграда <в Грузию>, чтобы не работать с большевиками, на Кавказе их было меньше». Правда, эти показания не могли негативно повлиять на судьбу Григория Филимоновича, поскольку к тому времени он был арестован уже почти год — 24 мая 1938 г. (Фихман, 1995. С. 241).

По поводу М. И. Ростовцева, давно эмигрировавшего из Советской России и ставшего профессором Мичиганского университета в США, О. О. Крюгер отметил, что тот «по политическим убеждениям резко враждебно настроен к советской власти и в своих трудах помещал и помещает антисоветские выпады».

Людьми, близкими к Г. Ф. Церетели, О. О. Крюгер назвал П. В. Ернштедта, А. И. Амиранишвили, М. И. Максимову, Е. Ф. Тураеву. Из близких знакомых М. И. Ростовцева он назвал только академика С. А. Жебелёва, который, по его словам, «реакционно относился к революции» и в своих работах «делал выпады против советской власти».

На шестом допросе 21 мая (Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 57369-38 г. Л. 48) О. О. Крюгера ознакомили с показаниями Н. Н. Андреева, с которым они вместе работали в Педагогическом институте. Тот, в частности, заявил: «По своим убеждениям Крюгер — сторонник фашизма, под видом разоблачения фашистской идеологии среди научных работников даже в публичных выступлениях популяризировал идеи фашизма». Подследственный, однако, решительно возражал против таких обвинений.

В «Следственном деле» помимо этих шести протоколов имеются свидетельские показания М. И. Максимовой, данные ею 24 января 1939 г. (Там же. Л. 85). Понятно, что никаких теплых чувств к подследственному Мария Ивановна не питала и дала ему следующую характеристику: «Зная Крюгера с начала Октябрьской революции, я знаю его настроения и поведение, как в первые годы после революции, так и в последующие годы. В первые годы после революции Крюгер был открыто недоволен советской властью — считал, что это временный переворот. Был ярким патриотом Германии и с презрением относился к русскому народу и к русской культуре¹⁵. Работая в ГЭ, он будучи по своей специальности знающим ученым, Крюгер своим бездействием тормозил культурный рост советского музея, свои научные работы он частично печатал за границей (одну его статью, помню, поместили в итальянском журнале „Эгиптус“). За свою бездеятельность Крюгеру примерно в 1926–1927 грозило увольнение из ряда учреждений, в которых он работал (Гос. Эрмитаж, ГАИМК, ЛГУ). Не зная, как выйти из этого положения, Крюгер, как мне рассказывали, думал <о> том, чтобы уехать за границу; почему он это не осуществил, неизвестно. Знаю, что он внезапно стал выдавать себя за горячего сторонника советской власти и вскоре подал заявление о приеме его в кандидаты партии, куда и был принят, как мне говорили, при поддержке Г. С. Зайделя¹⁶. Выдавая себя за марксиста, Крюгер в то же время пренебрежительно относился к советскому политическому образованию, что и обнаружилось при партийной чистке в ГАИМК в 1933 году, когда он был вычищен из партии за полную политическую безграмотность». М. И. Максимова

¹⁵ Подчеркнуто в документе.

¹⁶ Зайдель Григорий Соломонович (1893–1937) — революционный и политический деятель, выпускник Института красной профессуры, первый декан исторического факультета ЛГУ.

была твердо убеждена, что О. О. Крюгер — «вредный для советской общественности человек, это человек, который ради своего благополучия готов на любые поступки».

В «Следственном деле» сказано также, что О. О. Крюгер с отрицательной стороны был охарактеризован в свидетельских показаниях А. И. Болтуновой (Там же. Л. 162–164), но они в нем отсутствуют.

Несмотря на такие свидетельства и показания «участников» антисоветской меньшевистской организации (Н. Н. Андреева, Я. М. Захера, С. И. Ковалёва), О. О. Крюгер продолжал настаивать на своей невиновности. Между тем срок следствия по делу истек 2 марта 1939 г., его пришлось продлить на месяц, а затем — до 31 мая, потом — до 29 июня (Там же. Л. 106, 108). Все эти задержки, однако, не означали, что у подследственного появилась надежда на оправдание. 26 марта 1939 г. было проведено его медицинское обследование. В принятом заключении было сказано, что О. О. Крюгер «к физическому труду не годен, следовать по этапу может» (Там же. Л. 134).

27 июля 1939 г. прокурор Сорокин на основании полученных во время следствия материалов вынес заключение (Там же. Л. 165): «У О. О. Крюгера найдены связи с немецкой организацией Ферейн и генеральным консульством Германии; жена арестована НКВД за шпионаж; показаниями Ковалёва, Андреева, Захер изобличает как участник контрреволюционной меньшевистской организации, возглавлявший одну из подпольных ячеек меньшевиков, проводящих контрреволюционную деятельность в преподавательской работе. Ковалёв, Захер и Андреев от показаний в ходе следственного процесса отказались, Крюгер виновным себя не признал. Свою связь с кадетами, меньшевиками и реакционно настроенными лицами не отрицает. Показанием ряда свидетелей характеризуется как антисоветски настроенный человек». На основании всего этого О. О. Крюгер был признан «общественно опасным», а его дело направлено «на рассмотрение Особого совещания НКВД».

Обвинительное заключение по делу О. О. Крюгера, как нетрудно понять, базировалось на показаниях Н. Н. Андреева, Я. М. Захера и С. И. Ковалёва, от которых они отказались (!), отрицательных характеристиках, данных М. И. Максимовой и А. И. Болтуновой, а также на таком отягчающем факторе, как дело его жены О. А. Гесс, осужденной за шпионаж в пользу Германии. Никаких документальных подтверждений контрреволюционной

деятельности О. О. Крюгера в «Следственном деле» нет, и в общем имеются все основания назвать его сфабрикованным.

Тем не менее Особое совещание при НКВД СССР 10 ноября 1939 г. осудило О. О. Крюгера на пять лет ссылки в Казахстан. К месту ссылки он был направлен 28 ноября 1939 г. Считается, что Отто Оскарович проживал в с. Ново-Курбановка Акмолинской (Целиноградской) области Казахстана (Люди и судьбы..., 2003. С. 227). Трудно сказать, как эту информацию можно соотносить с другой, в соответствии с которой ссылный ученый пребывал на станции Шортанды. О ней сохранилось горькое двустишие: «На станции Шортанды / Нет ни хлеба, ни воды».

В переписке друга О. Э. Мандельштама биолога Б. С. Кузина, отбывавшего там ссылку с женой А. В. Апостоловой, имеется ценная для нас информация. В письме от 5 декабря 1943 г. Борис Сергеевич рассказал следующее: «Нынче у меня открылось новое знакомство. — Ко мне явился один человек и отрекомендовался профессором Крюгером, доктором исторических наук. Сейчас он состоит учителем в здешней школе. Выяснилось, что с ним можно разговаривать о литературе нашей и иностранной, о всех стихах, включая и латинских классиков, о музыке и картинах. Он заведовал одним из отделов Эрмитажа. Он взялся обучить меня греческому языку. Представляешь себе, какая это для меня радость? Обогатиться греческим, это такое дело, ради которого не жалко хоть и пять лет прожить в каких-нибудь Шортандах» (Кузин, Мандельштам, 1999. С. 474, 475). В письме, датированном 29 августа 1944 г., Б. С. Кузин отметил: «За отсутствием более легких книг, мы с Крюгером сразу же принялись читать Платона» (Там же. С. 477)¹⁷.

¹⁷ Судя по письмам вдовы поэта Н. Я. Мандельштам, Б. С. Кузин рассказывал ей об изучении древнегреческого и контактах с О. О. Крюгером (Кузин, Мандельштам, 1999. С. 724, 740), но, к сожалению, более подробной информацией об этом мы не располагаем.

В связи с пребыванием О. О. Крюгера в ссылке необходимо обратить внимание на одну ошибку, появившуюся в современной научной литературе. Профессор В. С. Брачев справедливо считает, что Большой террор в СССР, достигший апогея в 1937–1938 гг. при Н. И. Ежове, в дальнейшем пошел на спад, началась так называемая «бериевская оттепель». Поэтому не получило хода дело «Ленинградского меньшевистского центра», во главе которого якобы стоял С. И. Ковалёв. В 1940 г. большинство лиц, привлеченных по этому делу, были освобождены; среди освобожденных В. С. Брачев называет и О. О. Крюгера (Брачев, 2020. С. 5). На самом деле Отто Оскарович получил свободу гораздо позднее.

Постановлением президиума Ленинградского городского суда от 2 февраля 1957 г. приговор О. О. Крюгеру был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. К научно-педагогической работе он, как видим, смог вернуться только через 19 лет после ареста. Отто Оскарович преподавал в ЛГУ, работал с аспирантами в ЛО ИА АН СССР. Исследователь нашел в себе силы вернуться к изучению истории птолемеевского Египта (Крюгер, 1963), а также возобновить издание хранящихся в Государственном Эрмитаже папирусов, остраконов и табличек к мумиям (Крюгер, Быстрикова, 1961; 1964; 1965). Он не обошел вниманием публикацию «Корпуса боспорских надписей» (М.; Л.: Наука, 1965), посвятив ей обстоятельную рецензию. Она содержит немало ценных наблюдений и рекомендаций для дальнейшей работы над эпиграфическими документами. О. О. Крюгер справедливо сожалел, что в книге «нет фотографий и рисунков к помещенным надписям, что обесценивает это большое научное достижение» (Крюгер, 1966. С. 176).

Ученый ушел из жизни 12 апреля 1967 г., ему тогда шел 74-й год.

Архив ФСБ по СПб и ЛО. Дело № 57369-38 г. по обвинению Крюгера Отто Оскаровича в пр[еступлениях] по ст[атье] 58-10 и 58-11 УК РСФСР П-21065. 187 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2.

Оп. 1.

1930 г. Д. 1: О деятельности Академии. Ч. I. Переписка. 517 л. Д. 28: Дело сектора Античной формации за ударный квартал. Протоколы. 40 л.

1931 г. Д. 20: Античный сектор. Ч. III. Распоряжения, переписка, разные бумаги. 50 л.

1933 г. Д. 129: Об организации раскопок в Керчи. 81 л.

1934 г. Д. 4: Протоколы Президиума Академии и совещаний при нем. 130 л.

Оп. 3. Д. 330: Личное дело. Крюгер Отто Оскарович. 73 л.

Оп. 5. Д. 164: Трудовой список. Крюгер Отто Оскарович. 8 л.

Ананьев, Бухарин, 2022 — Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» Советская историческая наука и музейное

- строительство в 1917–1941 годах (исследования и документы). М.: Индрик, 2022. 768 с.
- Бакрадзе*, 1989 — *Бакрадзе А.* «Только одна наука радует меня...» (Письма Г. Церетели к И. Джавахишвили) // Литературная Грузия. 1989. № 8. С. 205–221.
- Б. К.*, 1935 — *Б. К.* Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии // Советская этнография. 1935. № 6. С. 141–142.
- Брачев*, 2020 — *Брачев В. С.* «Дело» профессора С. И. Ковалёва // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 2 (55). С. 3–7.
- Васильева*, 2016 — *Васильева Д. О.* К 80-летию Международного конгресса по иранскому искусству и археологии // Сообщения Гос. Эрмитажа. 2016. Вып. 74. С. 150–167.
- Виноградов*, 2009 — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.
- Виноградов*, 2013а — *Виноградов Ю. А.* Отто Оскарович Крюгер — временно исполняющий обязанности председателя ГАИМК с сентября 1936 г. по август 1937 г. // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 23.
- Виноградов*, 2013б — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.
- Виноградов*, 2016а — *Виноградов Ю. А. М. И. Максимова.* Путь русского ученого // Записки ИИМК. 2016. № 14. С. 7–23.
- Виноградов*, 2016б — *Виноградов Ю. А.* Мария Ивановна Максимова и семья Церетели // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2016. Вып. VIII. С. 261–293.
- Каухчишвили*, 1969 — *Каухчишвили С. Г.* Григорий Филимонович Церетели. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1969. 22 с.
- Крюгер*, 1921 — *Крюгер О. О.* Надгробие Леокса, сына Мольпагора // Известия РАИМК. 1921. Т. 1. С. 41–50.
- Крюгер*, 1925 — *Крюгер О. О.* Эпиграфические мелочи // Известия РАИМК 1925. Т. 4. С. 81–96.
- Крюгер*, 1934а — *Крюгер О. О.* Папирилогические заметки // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 294–210.
- Крюгер*, 1934б — *Крюгер О. О.* Эллинизм (социально-экономический очерк) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11–12. С. 181–201.
- Крюгер*, 1934в — *Крюгер О. О.* Рабские восстания II–I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 111–131.
- Крюгер*, 1934г — *Крюгер О. О.* Движение античных рабов в доэллинистическую эпоху // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 101: Из истории античного общества. С. 116–138.
- Крюгер*, 1934д — *Крюгер О. О.* Рец. на книгу: Excavations at Minturnas. Volume II. Inscriptions. Part I. Republican Magistri with an appendix of classical references to the site by Jotham Ianson. Rome; Filadelfia, 1933 // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11–12. С. 147–148.
- Крюгер*, 1935 — *Крюгер О. О.* Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 108. С. 7–114.
- Крюгер*, 1963 — *Крюгер О. О.* Затворники птолемеевского Египта // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира: Сб. ст. памяти акад. А. И. Тюменева / Ред. В. В. Струве и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 248–254.
- Крюгер*, 1966 — *Крюгер О. О.* Рец. на книгу: Корпус боеспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 950 с. // ВДИ. 1966. № 2. С. 176–183.
- Крюгер*, *Быстрикова*, 1961 — *Крюгер О. О., Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1961. № 2. С. 97–102.
- Крюгер*, *Быстрикова*, 1964 — *Крюгер О. О., Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1964. № 2. С. 118–128.
- Крюгер*, *Быстрикова*, 1965 — *Крюгер О. О., Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1965. № 2. С. 103–106.
- Крюгер*, *Церетели*, 1918 — *Крюгер О. О., Церетели Г. Ф.* Медицинский папирус Музея Александра III в Москве // Известия Российской академии наук. 1918. С. 1261–1278.
- Кузин*, *Мандельштам*, 1999 — *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка. *Мандельштам Н. Я.* 192 письма к Б. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. 800 с.
- Люди и судьбы...*, 2003 — *Люди и судьбы.* Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
- Научные работники...*, 1934 — *Научные работники Ленинграда* / Рук. С. Ф. Ольденбург. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 722 с.
- Некролог...*, 1967 — [Некролог] Отто Оскарович Крюгер (1893–1967) // ВДИ. 1967. № 3. С. 170–171.
- Программы...*, 1937 — *Программы научно-исследовательских работ учреждений Академии Наук Союза ССР на 1937 год* / Ред. В. В. Бок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 176 с.

- III Международный конгресс..., 1939 — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады / Ред. И. А. Орбели. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 298 с. + СХХIII табл.
- Фихман, 1978 — Фихман И. Ф. Г. Ф. Церетели и П. В. Ернштедт // Византиноведческие этюды / Гл. ред. Т. В. Гамкрелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 99–104.
- Фихман, 1995 — Фихман И. Ф. Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // Архивы русских византиистов в Санкт-Петербурге / Ред. И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 226–258.
- Фихман, 2000 — Фихман И. Ф. Григорий Филимонович Церетели (1870–1939) // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Алетейа, 2000. Т. II. С. 207–217.
- Фролов, 2004 — Фролов Э. Д. Сергей Иванович Ковалёв (1886–1960) // Портреты историков. М.: Наука, 2004. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г. В. Севостьянов, Л. П. Маринович. С. 93–111.
- Фролов, 2006 — Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 608 с.
- Held, 1913 — Held H. Verzeichnis der Schüler und Schülerinnen der Schulen zu St. Petri 1862–1912. St. Petersburg: Buchdruckerei Trenke & Füsnot, 1913. 399 S.
- Papyri, 1925 — Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen. I. Literarische Texte / Bearb. G. Zereteli, O. Krüger. Tiflis: Universitätslithographie, 1925. 184 S.
- Papyri, 1927 — Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen. IV. Die Kome-Aphrodito Papyri der Sammlung Lichačov / Bearb. P. Jernstedt. Tiflis: Universitätslithographie, 1927. 130 S. + 3 Taf.
- Papyri, 1929 — Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen. II. Ptolemäische und Frühromische Texte / Bearb. O. Krüger. Tiflis: Universitätslithographie, 1929. 255 S. + 2 Taf.
- Papyri, 1930 — Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen. III. Spätromische und Byzantische Texte / Bearb. G. Zereteli, P. Jernstedt. Tiflis: Universitätslithographie, 1930. 300 S.

Otto Oskarovich Krüger. Sketch to the portrait of the scholar

Yu. A. Vinogradov¹⁸

Keywords: history of science, GAIMK, Classic archaeology, Stalinist repressions.

The importance of studies of the biographies of researchers who left a significant track in science is generally recognized.

Meanwhile, only during recent time the possibility has appeared of throwing light upon the life course of the scientists who had suffered during the years of the Stalinist repressions. O. O. Krüger (1893–1967) belonged to their number (Fig. 1). His contribution to the Classical Studies is well known. O. O. Krüger was born in Moscow but received his secondary education in the Main German School at the Evangelical-Lutheran Church of St Peter (Petrischule) in St Petersburg. After school, the young man entered the Classical Department of the Historico-Philological faculty of the St. Petersburg University. Among his teachers were S. A. Zhebelyov, M. I. Rostovtsev, B. V. Farmakovskiy, G. F. Tsereteli et al. Already as a student, O. O. Krüger, under the guidance of G. F. Tsereteli, started his studies of ancient papyri. Later, together with his teacher P. V. Ernshedt, he worked on publication of the papyri kept in collections from Russia and Georgia. In 1920, O. O. Krüger was accepted to the staff of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK). By the beginning of the 1930s, his relations with G. F. Tsereteli had significantly deteriorated. Possibly this was provoked by O. O. Krüger openly declaring himself a Marxist and entering the Communist party in 1932. His scientific activities at that time were aimed primarily at studies of slave mutinies in the Classical World, “revolutions of slaves” which shattered the Roman Empire, etc. At the same time, it was exactly O. O. Krüger (Fig. 2) who became the first head of the Bosporan Archaeological Expedition of GAIMK (1933, and then 1935), the contribution of which to the national archaeological science it is difficult to overestimate. In 1936, he was appointed to fulfil the duties of the President of the Academy. In November, 1938, O. O. Krüger was arrested on charges of the belonging to an anti-Soviet Menshevik’s organization and connections with the German nationalistic union “Verein”. He did not acknowledge his guilt but was condemned by the court to an exile to Kazakhstan for five years. However O. O. Krüger had spent entire 19 years in exile, the rehabilitation took place only in February, 1957. After this, his activities were linked with the Institute of History, AS USSR, and the Leningrad State University.

¹⁸ Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail:vincat2008@yandex.ru.

Изучение древних поселений возле Новофёдоровки в Западном Крыму (известные и «забытые» материалы)¹

Ю. В. Кожуховская, С. Б. Ланцов, М. Т. Кашуба²

Аннотация. Статья посвящена истории почти столетних археологических обследований древних поселений, расположенных возле Новофёдоровки в Западном Крыму. Этноним «Новофёдоровка» в археологии Крыма известен в основном благодаря полевым работам на античных поселениях Новофёдоровка и Кизил-Яр. Однако еще в 1920-х гг. С. И. Забнин открыл здесь поселение позднего бронзового века, обозначенное им тогда как Ново-Фёдоровка, и впервые в археологии Крыма провел небольшие разведочные раскопки. В статье приведен обзор опубликованных материалов античного периода и дана общая характеристика коллекции находок 1924, 1926–1928 гг. из полевых работ С. И. Забнина, которая хранится в Центральном музее Тавриды.

Ключевые слова: Крым, Новофёдоровка, поздний бронзовый век, античность, поселение, история исследований.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-41-373-379

В историографии археологии Крыма укоренилось мнение, что преобладающими памятниками археологических культур эпохи бронзы полуострова являются курганные и грунтовые могильники. Речь идет не только о раскопанных памятниках — составлена карта полуострова, усеянная курганами, местонахождение которых удалось восстановить по старым картографическим материалам и архивным данным (*Смека-*

лова, Кутайсов, 2017. С. 87, рис. V.8). Между тем поселений эпохи бронзы на полуострове известно немало, но в литературе отмечено, что они разведаны и раскопаны крайне неравномерно: их материалы в основном относятся к среднему и позднему периодам эпохи бронзы, причем в Восточном Крыму более всего известно поселений среднего бронзового века, а в центральной части — позднего (*Тощев, 2007. С. 20).* Так, в начале 2000-х гг. для своей обобщающей работы по бронзовому веку полуострова Г. Н. Тощев использовал доступные по литературе и обработанные им *de visu* материалы опубликованных памятников — более 1600 погребальных комплексов (из 234 курганов) и 20 поселений (*Там же. С. 20–23, рис. 1).* Однако в составленном им перечне упомянуто гораздо больше и курганов, и поселений (*Там же. С. 263–274, табл. III).* Например, базу источников последней сводки Т. А. Копьевой по захоронениям катакомбной культуры Крыма составили 805 погребальных комплексов и отдельные находки из 200 курганов, раскопанных в конце XIX — начале XXI в. (*Копьева, 2021. С. 7).* В Западном Крыму исследовательница задокументировала 162 захоронения среднего бронзового века, что составляет около 20 % от проанализированных комплексов (*Там же. С. 31, 50, 59, 60, 64, 68, 75, 82, 310, рис. 1).*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

² Кожуховская Ю. В. — Географический фак-т РГПУ им. А. И. Герцена; наб. р. Мойки, 48/12, С.-Петербург, 191186, Россия; Институт филологии КФУ им. В. И. Вернадского; пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, 295007, Россия; e-mail: jv-k@mail.ru. Ланцов С. Б. — Географический фак-т РГПУ им. А. И. Герцена; Институт археологии Крыма РАН; пр. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Россия; e-mail: sergey_lantsov@mail.ru. Кашуба М. Т. — Географический фак-т РГПУ им. А. И. Герцена; ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18А, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

© Кожуховская Ю. В., Ланцов С. Б., Кашуба М. Т., 2023.

Рис. 1. Фрагмент военно-топографической карты Таврической губернии 1862–1876 гг. с месторасположением выявленных объектов культурного наследия на территории пгт Новофёдоровка (лист XXXIII-12. М 1:126 000): 1 — античное поселение; 2 — поселение позднего бронзового века; 3 — античное поселение Кизил-Яр

Fig. 1. Fragment of the 1862–1876 military-topographic map of the Tauric Province with the locations of the recorded objects of cultural heritage in the territory of the urban settlement of Novofedorovka (sheet XXXIII-12. Scale 1:126,000): 1 — settlement of the Classical period; 2 — Bronze Age settlement; 3 — settlement Kizil-Yar of the Classical period

Что касается поселений эпохи бронзы в Северо-Западном и Западном Крыму, то в XX в. здесь их было известно не более двух десятков (см.: Междисциплинарные исследования..., 2020. С. 26–37). В действительности же в прошлом столетии было открыто, разведано и раскопано гораздо больше бытовых памятников эпохи бронзы в северо-западной и западной частях полуострова. Это показывают результаты современных поисковых исследований в научных архивах академических институтов, личных архивах исследователей и фондах музеев Крыма. Один из таких памятников — поселение эпохи бронзы Новофёдоровка.

Древние поселения в Новофёдоровке

На территории современного пгт Новофёдоровка³ в Западном Крыму (Сакский район)

³ В статье приведены названия населенных пунктов и памятников согласно их современному написанию. В специальной литературе встречается название Ново-Фёдоровка.

расположены три археологических памятника поселенческого типа: стоянка эпохи бронзы Новофёдоровка, одноименное античное поселение и поселение Кизил-Яр, также относящееся к античности (рис. 1). При обследовании местности в 2013 г. поселение позднего бронзового века и античное поселение Кизил-Яр были отмечены как вновь выявленные, так как не состояли тогда на государственном учете.

Наиболее известным и исследованным в настоящее время является античное поселение Новофёдоровка, расположенное на западе поселка (около юго-восточного берега Сакского озера) и открытое в 1972 г. С. Б. Ланцовым. Уже в 1974 г. раскопки поселения провел А. С. Голенцов, однако они не были освещены ни в отчете, ни в публикациях. Тем не менее в 1980 г. по материалам полевых исследований памятник был поставлен на государственный учет В. А. Колотухиным (гос. уч. № 2245).

На основе дальнейших исследований, в частности отрядом Западно-Крымской экспедиции 1986–1987 гг. (Ланцов, 1986; 1989б; 1991; 1993; 1994; Кутайсов, Ланцов, 1988. С. 302) и Сакской экспедицией ИА НАНУ 1992 г. (Ланцов, 1993; 2003. С. 10; 2006), было установлено, что поселение возникло, по-видимому, в конце V — первой половине IV в. до н. э.; на первом этапе существования имеются косвенные основания для его отнесения к хоре Керкинитиды. В 40–30-х гг. IV в. до н. э. поселение включено в Херсонесские владения. Тогда оно, видимо, приобрело прямоугольную конфигурацию и представляло собой укрепленный блок нескольких сырцово-каменных усадеб, а в середине III в. до н. э. населенный пункт был уничтожен. Жизнь возрождается лишь спустя треть (четверть) века — на поселении раскрыт южный угол общей оборонительной сырцово-каменной ограды поселка. Однако новое поселение, судя по хозяйственным ямам, прорезавшим ранние стены, не повторяло прежней внутренней планировки; окончательно блок херсонесских усадеб прекращает существование, погибнув в пожаре, по-видимому, еще в первой четверти II в. до н. э. (Ланцов, 2006. С. 10).

Керамический материал, полученный в результате сборов и раскопок на памятнике, представлен традиционным для поселений херсонесской хоры набором: херсонесские, синопские, гераклеийские, амастрийские, фасосские, коринфские амфоры; херсонесские и синопские кувшины, миски и лутерии; херсонесские фляги, кухонные кастрюли; сероглиняная посуда; фрагменты чернолаковых сосудов: кубков, чашек, тарелок, рыбных блюд, кастрюль, каннелированных

и гладкостенных канфаров. Встречается также лепная позднескифская и кизил-кобинская (?) керамика. Обнаружены здесь и глиняные пряслица, и пирамидальные грузила для ткацкого станка. Граффити отмечены на фрагментах амфор и чернолаковых сосудов. Из сосудов, почти не встречающихся на поселениях хоры Херсонеса, следует назвать мендийские, хиосские колпачковые и с грибовидным венцом амфоры, сетчатые лекифы, как правило, не бытующие во второй половине IV в. до н. э. К более раннему времени (V в. до н. э.) относятся мелкие фрагменты ионийской столовой керамики, а также ножки двух хиосских пухлогорлых и одной самосской амфор. На поселении была также собрана значительная коллекция клейм на черепице и амфорных клейм, насчитывающая свыше 100 экземпляров и представленная рядом производственных центров: Гераклеей, Синопой, Херсонесом, Фасосом, Книдом, Родосом и неизвестным центром. Половина из них принадлежит мастерским Херсонеса (см.: Ланцов, 1994; и др.).

Начало изучения местности относится к первой половине XX в. Хронологический разрыв связан с периодом существования авиагарнизона на этой территории, когда она была практически закрыта для археологических исследований. В 1933–1934 гг. здесь в ходе крупномасштабных разведок северо-западного побережья Крыма проводила обследование Евпаторийская экспедиция ГАИМК. В 1948 г. археологические работы были продолжены Евпаторийским отрядом Тавро-скифской экспедиции, созданным по настоянию и при поддержке Евпаторийского краеведческого музея (Шульц, 1948. С. 6).

Тогда же при визуальном обследовании в северо-западной приустьевой части оз. Кизил-Яр П. Н. Шульц обнаружил античное поселение *Кизил-Яр*, которое он определил как небольшой скифский зольник с лепной и привозной керамикой II–I вв. до н. э. и I–II вв. н. э. (Там же. С. 14). Однако материалы не были опубликованы. В дальнейшем в 1974, 1983 и 1984 гг. поселение было исследовано С. Б. Ланцовым, который и ввел его в научный оборот (Ланцов, 1989а). Оно расположено в 3 км к югу от Новофёдоровки, с северной стороны пересыпи между морем и оз. Кизил-Яр (Ланцов, 2006. С. 11). Памятник выделяется сырцовыми постройками на невысоких каменных цоколях, не несет следов оборонительных сооружений и определен как многослойный: на первом этапе существования он относился к неукрепленным сельскохозяйственным поселениям (дальняя хора Херсонеса), на втором этапе — к скифскому царству. Поселение существовало до позднескиф-

ского времени; его бытование охватывает вторую половину IV в. до н. э. — II–III вв. н. э., соответственно, первый этап: вторая половина IV — III–II вв. до н. э.; второй: II в. до н. э. — II–III вв. н. э. (Ланцов, 1989а. С. 83). По мнению П. Н. Шульца (Шульц, 1941. С. 41), поселение могло быть древней солеварней или же небольшим поселком, сопровождающим скифский сигнальный сторожевой пост на пересыпи.

Поселение эпохи бронзы Новофёдоровка

Первые же археологические исследования в Новофёдоровке связаны с именем краеведа и археолога С. И. Забнина, который около века назад выявил и исследовал поселение бронзового века Новофёдоровка в Западном Крыму (Махнёва, 1996. С. 84). Полученные им при разведках и раскопках материалы долгое время считались утраченными: отчет о работах не сохранился, научные публикации материалов отсутствовали. В ходе последних поисковых разысканий выявлено, что материалы в настоящее время хранятся в фондах Центрального музея Тавриды, где значатся как происходящие из памятника «Сухое озеро у деревни Ново-Фёдоровка близ Сак». История возникновения и развития современного поселка относится ко времени работ, проводимых С. И. Забниным, и в отличие от принятого современного названия в те годы было принято написание новообразованного села через дефис, как и была обозначена исследователем эта коллекция находок. Еще в 1922 г. упоминание о поселке отсутствует в документации, так как с середины XIX в. на его месте существовала лишь дача.

Самые ранние находки в коллекции датируются 1924 и 1926 гг. Исходя из сопровождающих музейную коллекцию записей, исследование поселения, включавшее сбор подъемного материала, закладку шурфов и раскопки, продолжалось вплоть до 1928 г. (1925 г. не упоминается). В музее сохранились оригинал акта № 23 от 6 сентября 1927 г. с дополнением от 8 сентября 1928 г. о поступлении предметов в археологический отдел Центрального музея Тавриды, подписанный автором раскопок С. И. Забниным и заведующим археологическим отделом (рис. 2). Из акта видно, что С. И. Забнин проводил свои работы на основании открытого листа Главнауки. Эти документы подтверждают, что поселение Новофёдоровка действительно является первым раскопанным поселением эпохи бронзы как в Западном и Северо-Западном Крыму, так и на полуострове в целом.

Хотя добытые С. И. Забниным материалы оставались неизвестными, сам памятник

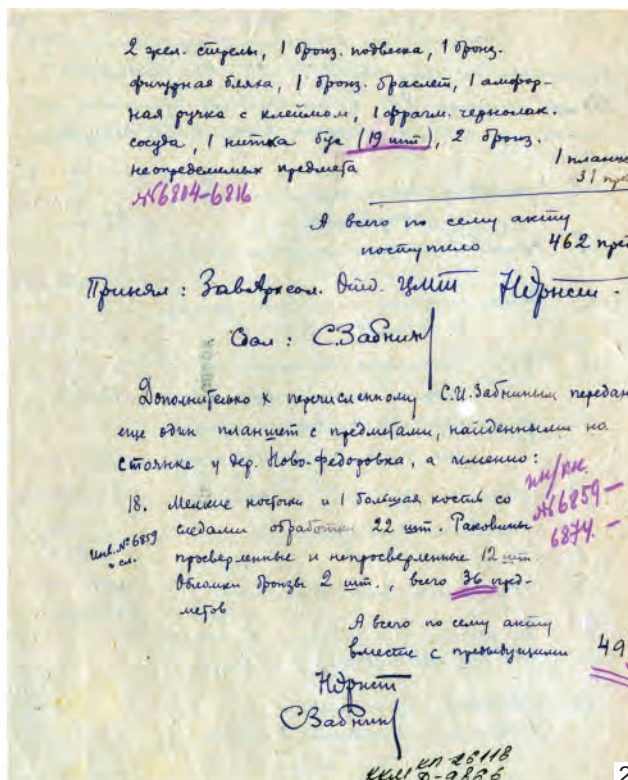
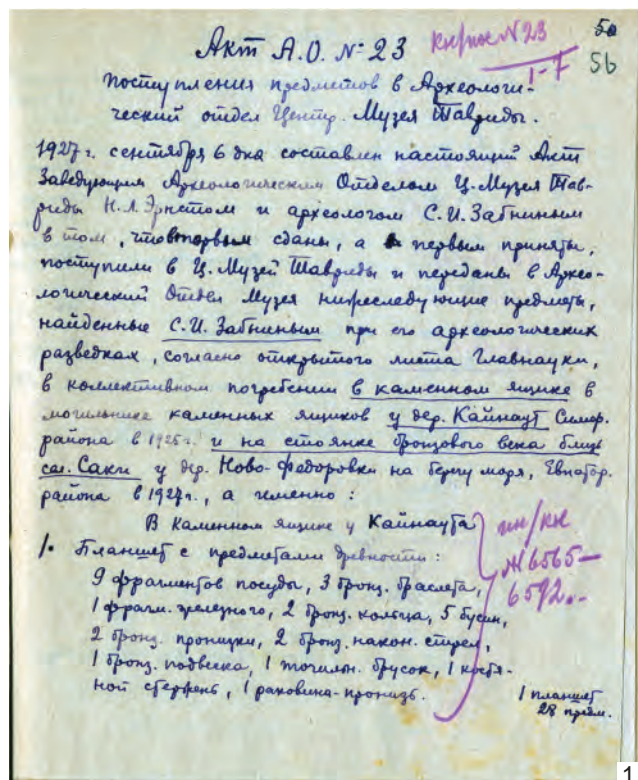

Рис. 2. Первая (1) и последняя (2) страницы акта № 23 от 6 сентября 1927 г. и его дополнение от 8 сентября 1928 г. приема-сдачи коллекции С. И. Забниным. Фонды Центрального музея Тавриды (Симферополь). Подлинник, рукопись

Fig. 2. The first (1) and last (2) pages of Act № 23 of September 6, 1927, and its supplement of September 8, 1928: statement of acceptance/delivery of the collection by S. I. Zabnin. Archive collection of the Central Museum of Tauris (city of Simferopol). Original, manuscript

не пропадал из поля зрения специалистов. Еще в 1934 г. П. Н. Шульц осмотрел поселение у с. Новофёдоровка, открытое С. И. Забниным, которое он назвал «стоянкой кизилкобинского типа» (Шульц, 1941. С. 266).

Весной и летом 1977 г. разведочным отрядом Крымской комплексной экспедиции АН УССР под руководством О. А. Махнёвой близ сел Михайловка и Ивановка Сакского района Крымской области проводились разведочные работы с целью выяснения местоположения археологических объектов, в том числе открытых С. И. Забниным (Махнева, 1977; Махнева, Колтухов, 1978). Поиск поселения эпохи бронзы у оз. Сухое и по возможности исследование его также входили в задачи разведок, что было осуществлено С. Г. Колтуховым. Для этого в разных частях памятника было заложено шесть шурфов (размерами от 1 × 1 до 2 × 2 м), в которых зафиксирована одинаковая стратиграфия. Верхний слой (толщиной до 0,4 м) составил распаханный чернозем; его подстилал слой коричневого суглинка, пройденный до глубины 0,5–0,7 м от современной дневной

поверхности. Культурный слой (толщиной 0,3 м), залегавший в горизонте чернозема, во всех шурфах был потревожен распашкой. В культурном слое обнаружены керамика и изделия из кремня. Общая площадь поселения составляет около 2 га, следов строений не обнаружено (Махнева, 1977; Махнева, 1996. С. 84–87, рис. 1; 2).

Полученная при исследованиях 1977 г. керамика Ново-Фёдоровки по технике обработки поверхности была разделена на простую и лощеную. К простой (кухонной) посуде отнесены горшки двух типов (Махнева, 1996. Рис. 1, 1–12), сковороды, миски и крышки (Там же. Рис. 2). Горшки первого типа отличаются отогнутым наружу краем, невысокой дугообразной шейкой и округлобоким туловом. Для горшков второго типа характерен слабо отогнутый наружу край венчика и сравнительно высокая, слегка отогнутая или прямая шейка. Горшки обоих типов в месте перехода шейки в тулово декорированы наклепным горизонтальным подтреугольным в разрезе валиком, преимущественно гладким, но на горшках первого типа валик иногда имеет пальцевые вдавления

или насечки (*Там же*. Рис. 1, 1, 9). Сковороды, изготовленные из светлой пористой глины, также представлены двумя типами: с низким отогнутым наружу бортиком (тип 1) и с высоким бортиком (тип 2), которые по форме сближаются с усеченно-коническими мисками. По их краю также имеется декор из пальцевых вдавлений или насечек (*Там же*. Рис. 2, 1–15, 18). Крышки, сделанные из такой же глины, что и сковороды, — это плоские диски (*Там же*. Рис. 2, 16, 17). Столовая посуда представлена фрагментами светло лощеных кубков с отогнутым наружу краем венчика, вогнутой короткой (реже длинной) невыделенной шейкой и шаровидным туловом. Они декорированы налестками и геометрическим узором: врезными треугольниками, зигзагами, вертикальными и косыми линиями (*Там же*. Рис. 1, 13–21). В керамическом комплексе Ново-Фёдоровки О. А. Махнёва отметила аналогии с посудой белозерской культуры Крыма и Поднепровья, что дало возможность отнести поселение к позднеархаичному времени (*Там же*. С. 85).

Результаты обследования местности в 2022 г. показали, что поселение расположено в прибрежной, западной части пгт Новофёдоровка. С юго-запада оно ограничено берегом оз. Сухое. С северо-востока, через дорогу, находится база отдыха. С северо-запада поселение ограничено небольшой балкой, в настоящее время заполненной водой озера. Поверхность поселения плавно опускается к юго-западу, к озеру, заметных холмов или возвышений нет; покрыта степной растительностью и деревьями лоха серебристого.

Поселение эпохи бронзы Новофёдоровка — коллекция С. И. Забнина

Коллекция материалов из раскопок С. И. Забнина на поселении Новофёдоровка (фонды Центрального музея Тавриды)⁴ представлена 83 фрагментами керамики и 122 изделиями из металла, камня (в том числе кремня) и кости. Материалы готовятся в виде отдельной публикации, здесь отметим некоторые детали.

Сохранившиеся изделия из бронзы и железа в своем большинстве относятся к античности и средневековью, за исключением, возможно, обломка бронзовой иглы или шила (А-30450. ЦМТ КП-3482).

Керамика коллекции С. И. Забнина представлена фрагментами венчиков, стенок и днищ

простых и лощеных сосудов. По своим признакам (сохранившимся морфологическим особенностям (венчикам, профилю), характеру обработки внешней поверхности (простая, лощеная), декору и узору) она соответствует характеристикам посуды Новофёдоровки, найденной при раскопках О. А. Махнёвой (*Махнёва*, 1996. С. 85). В коллекции имеются фрагменты сковород, зафиксирован тип посуды с высоким слегка отогнутым венчиком и горизонтальным валиком в месте перехода шейки в тулово. Преобладает нелощеная посуда, лощение наблюдается на стенках кубков. Фрагменты керамики в основном не орнаментированы, на некоторых из них отмечена вдавленная горизонтальная линия или горошевидные углубления, опоясывающие нижнюю часть шейки и верхнюю часть тулова. Встречен валик по верхнему краю венчика. Редко по краю венчика имеются пальцевые вдавления или насечки. Единичны фрагменты с расчесами по внешней поверхности сосуда. Присутствует несколько венчиков с ремонтными отверстиями.

Изделия из камня, кремня и кости представлены в основном орудиями труда. Из украшений сохранилась подвеска из морской раковины с отверстием (А-15414. ЦМТ КП-1733. доп. 6792 Саки 23/14). Из описи за 1928 г. следует, что среди находок были морские кремневые гальки со следами сработанности (70 экз.), кремневые осколки, отчасти со следами ретуши (125 экз.), фрагменты брусков точильных из морской гальки (11 экз.) и каменных шлифованных орудий (молотков и пр. — 5 экз.), кремневые орудия и их обломки (28 экз.), просверленная раковина и костяная игла (по 1 экз.), а также 10 фрагментов грубой керамики. Дополнительно в том году были переданы 12 просверленных и непросверленных раковин, два обломка бронзы и «мелкие косточки и одна большая кость со следами обработки» (22 экз.). Годом ранее, в 1927 г., в акте упоминается исключительно керамика бронзового века (180 ед.).

Разнообразие каменных орудий свидетельствуют об интенсивной хозяйственной деятельности. Среди находок зернотерка со следами стертости на слегка вогнутой рабочей поверхности; орудия абразивного назначения — точильный камень из морской гальки, терочник из песчаника, обломок ступки и обломок неизвестного орудия из гальки. В коллекции имеются два фрагмента пестиков из песчаника. Из ударных орудий сохранились два фрагмента шлифованных топоров. Сравнительно большим количеством представлены каменные изделия с отверстиями или проушинами, которые могли использоваться как грузила и/или пряслица.

⁴ Авторы приносят искреннюю благодарность ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» (Симферополь) и его главному хранителю Наталье Борисовне Майко за возможность работы с материалами поселения Новофёдоровка.

Наиболее многочисленными являются изделия из кремня, которые можно разделить на отбойники, орудия различного назначения (пластины, скребки, резцы и пр.), а также различные сколы и отщепы; также упомянем наконечник стрелы-дротика лавролистной формы (А-21664. ЦМТ КП-1583), найденный в 1924 г.⁵ Все отбойники (13 экз.), удлинённые и шаровидные, имеют следы забитости рабочей поверхности, некоторые из них имеют сколы или небольшие выбоины.

Сохранившуюся остеологическую коллекцию функционально можно разделить на предметы, которые получили вторичную обработку и использовались в хозяйственной или иной деятельности (тупики из нижних челюстей МРС), и на кости неустановленного назначения, в том числе возможные пищевые отходы. К предметам игры/культы относятся астрагал, кости птиц (3 экз.), а также путовые и венечные кости (3 экз.). Функциональная роль последних могла быть аналогичной астрагалам: существуют предположения о культовом или игральном назначении путовых костей, которые встречаются в большом количестве в широком ареале вплоть до Приазо-

⁵ Следует отметить, что место находки не было обозначено С. И. Забниным на предмете, в отличие от большинства вещей коллекции.

вья, однако в погребениях Крыма не засвидетельствованы (Цимиданов, 2016).

В целом керамика из раскопок С. И. Забнина на поселении Новофёдоровка относится к белозерской культуре, не исключено присутствие в коллекции и более архаической саба-тиновской посуды. В любом случае речь идет о позднем бронзовом веке, чему не противоречит и спектр сохранившихся изделий из камня, кремня и кости.

***

Итак, археологическое исследование пгт Новофёдоровка началось с середины 1920-х гг., когда было открыто поселение эпохи бронзы. В дальнейшем на местности периодически проводились археологические исследования: были открыты поселенческие памятники античного времени Новофёдоровка и Кизил-Яр, а также раскапывалось поселение позднего бронзового века, однако коллекция С. И. Забнина оставалась неизвестной и не была введена в научный оборот. Выявление этой коллекции в фондах Центрального музея Тавриды (Симферополь) является документальным свидетельством того, что профессиональное изучение (по выданному Открытому листу) поселений эпохи бронзы в Крыму началось с середины 1920-х гг.

Копьева, 2021 — Копьева Т. А. Катакомбная культура на территории Крымского полуострова: по материалам погребальных памятников. СПб.: Нестор-история, 2021. 424 с.

Кутайсов, Ланцов, 1988 — Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Работы Западно-Крымской экспедиции // АО 1986 года / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 301–302.

Ланцов, 1986 — Ланцов С. Б. Отчет об археологических исследованиях на берегах Сакского озера // НА ИА НАНУ. Киев, 1986/6. Ф.е. № 21973–21974: Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Отчет о работах Западно-Крымской экспедиции в 1986 г. 340 л.

Ланцов, 1989а — Ланцов С. Б. Античне поселення біля озера Кизил-Яр // Археологія. 1989. Вип. 3. С. 78–84.

Ланцов, 1989б — Ланцов С. Б. Поселение Ново-Федоровка на хоре Херсонеса // Проблеми історії та археології Української РСР: Тези доповідей ХХ Республіканської конференції (Одеса, жовтень 1989 р.) / Отв. ред. П. П. Толочко. Київ, 1989. С. 126–127.

Ланцов, 1991 — Ланцов С. Б. Керамические клейма как источник для хронологизации и интерпретации поселения Ново-Федоровка // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов науч. конф. (23–28 сентября 1991 г., Симферополь). Симферополь: Симферопольский ГУ им. М. В. Фрунзе, 1991. С. 75–76.

Ланцов, 1993 — Ланцов С. Б. Отчет об охранных исследованиях античного поселения Ново-Федоровка и его

окрестности в Сакском районе Крыма в 1992 году // НА КФ ИА НАНУ. Симферополь, 1993. Эксп. 259. Д. 559. 57 л.

Ланцов, 1994 — Ланцов С. Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху: Материалы по археологии Крыма. К 75-летию Э. И. Соломоник / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Киев: Киевская академия Евробизнеса, 1994 (Золотой скиф). С. 71–104.

Ланцов, 2003 — Ланцов С. Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев: Изд. дом «Стилос», 2003 (Материалы по археологии Крыма). 119 с.

Ланцов, 2006 — Ланцов С. Б. Античные древности Новофедоровки // Журнал «Городок». Саки, 2006. № 22 (36), 19 июня — 25 июня 2006. С. 4–5.

Махнева, 1977 — Махнева О. А. Отчет о разведочных работах у села Михайловка Сакского района Крымской области в 1977 году. Симферополь 1977 // Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды». Инв. А-84. Полка № 141. 32 л.

Махнева, 1996 — Махнева О. О. Поселення епохи пізньої бронзи в Сакському районі Криму // Археологія. 1996. № 1. С. 84–91.

Махнева, Колтухов, 1978 — Махнева О. А., Колтухов С. Г. Работы у села Михайловка в Крыму // АО в 1977 году / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 355.

- Междисциплинарные исследования..., 2020 — *Смекалова Т. Н., Кашуба М. Т., Мульд С. А., Лисецкий Ф. Н., Борисов А. В., Соломонова М. Ю., Каширская Н. Н., Бэван Б. У., Кулькова М. А., Очередной А. К.* Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма / Науч. ред. Т. Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2020 (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XIX). 204 с.
- Смекалова, Кутайсов*, 2017 — *Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. СПб.: Алетейя, 2017 (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XVIII. Археологические атласы Северного Причерноморья; Т. II). 448 с.
- Тоцев*, 2007 — *Тоцев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорожского национального ун-та, 2007. 304 с.
- Цимиданов*, 2016 — *Цимиданов В. В.* Путевые кости лошади в обрядности срубной культуры // *Донецкий археологичний збірник*. Вінниця: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2016. № 20. С. 68–97.
- Шульц*, 1941 — *Шульц П. Н.* Евпаторийский район // *Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения* / Ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 265–277.
- Шульц*, 1948 — *Шульц П. Н.* Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. // *НА ИИМК. РО. Ф. 35. Оп. 2. 1948. Д. 149. 49 л.*

Study of ancient settlements in the vicinities of Novofedorovka in the Western Crimea (well-known and “forgotten” materials)

Iu. V. Kozhukhovskaia, S. B. Lantsov, M. T. Kashuba⁶

Keywords: Crimea, Novofedorovka, Late Bronze Age, antiquity, settlement, history of research.

This paper is devoted to the history of almost cen.-long archaeological surveys of ancient settlements situated near the village of Novofedorovka (Novofeodorovka) in Western Crimea (Fig. 1). The toponym of “Novofedorovka” is known in the archaeology of Crimea mainly owing to the field investigations at the ancient sites of Novofedorovka and Kizil-Yar. Among the most known and investigated among them is now the settlement of Novofedorovka of the Classical period located in the west of the modern village of the same name (near the south-eastern bank of Lake Saki). It was discovered in 1972 by S. B. Lantsov. At the first stage of its occupation it belonged to the chora of Kerkinitis, further on it became part of the Chersonesean chora. Meanwhile, the exploration of this locality started as early as in the first half of the 20th cen. The chronological gap between the researches was due to the existence of a military air base here with its territory practically inaccessible for archaeological investigations. Thus the ancient site of Kizil-Yar was discovered in 1948 by P. N. Schultz during visual surveys in the north-western near-mouth area of the lake of the same name, but it was studied only as late as in the 1970s by S. B. Lantsov. At the first stage of its occupation there was an unfortified agricultural settlement at this site (far chora of Chersonesos), at the second stage it was part of the Scythian Kingdom. The first archaeological investigations at Novofedorovka are connected with the name of the student of local history and archaeologist S. I. Zabnin who, a century ago, identified and investigated a Bronze Age settlement of Novofedorovka in Western Crimea (Fig. 2). The materials obtained by him during the surveys and excavations have for a long time been considered as lost: the report on the works has not been preserved whereas any scientific publications of the finds were lacking. In this paper, a review of the published materials of the Classical period is presented as well as a general characterisation of the collection of finds from field explorations by S. I. Zabnin of 1924 and 1926–1928, which is kept in the Central Museum of Tauris.

⁶ Iuliia V. Kozhukhovskaia — Geographical Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; 48/12 nab. Reki Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia; Institute of Philology KFU named after V. I. Vernadsky; 4 pr. Academician Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia; e-mail: jv-k@mail.ru. Serghey B. Lantsov — Geographical Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; Institute of Archeology of Crimea RAS; 2 pr. Academician Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia; e-mail: sergey_lantsov@mail.ru. Maya T. Kashuba — Geographical Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18-A Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести.
АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа.
АН — академия наук.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БИ — Боспорские исследования. Керчь, Симферополь.
БФ — благотворительный фонд.
БЧ — Боспорские чтения. Керчь.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИАМЗ — Государственный историко-археологический заповедник.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей истории искусств.
ГУ — государственный университет.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ДБ — Древности Боспора.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИПЦ СПбГУПТД — Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета
промышленных технологий и дизайна.
КБН — Корпус боспорских надписей.
КС ОАО — Краткие сообщения Одесского археологического общества.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КФУ — Крымский федеральный университет.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МАИЭТ — Материалы по истории, этнографии и археологии Таврии. Симферополь.
МАКК — Материалы к археологической карте Крыма.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МРС — мелкий рогатый скот.
МСАИ — Материалы спасательных археологических исследований.
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук.
НАНУ — Национальная академия наук Украины.
НИЦ — научно-исследовательский центр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- НК РКИ — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.
НОА — научно-отраслевой архив.
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1862–1918.
ОАМ — Отдел античного мира.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.
РА — Российская археология.
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
РЖВ — ранний железный век.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РНФ — Российский научный фонд.
РО — Рукописный отдел.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. — сборник.
Сб. ст. — сборник статей.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ССПіК — Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.
ФНИ ГАН — фундаментальные научные исследования государственных академий наук.
ФО — Фотографический отдел.
ХНУ — Харківський національний університет. Україна.
ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
ЦГАИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.
ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
ЦК КП — Центральный комитет коммунистической партии.
ЦКК — Центральная контрольная комиссия.
ЦМТ — Центральный музей Тавриды. Симферополь.
- ВАРД — Beazley Archive Pottery Database. URL: <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>.
BSS — Black Sea Studies. Aarhus.
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum. Union Académique Internationale, 1921– v.
LGPN — The Lexicon of Greek Personal Names.
Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon
LIMC — Iconographicum Mytho-logiae Classicae; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.
LIMC ID — Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab. URL: <https://weblimc.org>.
Neg. — Negative.
SA IHMC RAS — Scientific Archive Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences.
SHM. DAW — The State Hermitage Museum. Department of the Ancient World.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 41**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 18.12.2023. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 47,75. Тираж 300 экз. Заказ 1128.
Дата выхода: 29 декабря 2023 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Созвездие»
193232, Санкт-Петербург, ул. Тельмана, д. 48, к. 4, лит. А, пом. 119
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 41 —

